

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
Бюджетное учреждение Омской области
«Исторический архив Омской области»

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный технический университет»

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РФ
Омский автобронетанковый инженерный институт

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

**Материалы
III Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию восстановления
советской власти в Сибири
(Омск, 13–14 ноября 2019 года)**

Омск
Издательство ОмГТУ
2019

УДК 94(47)«1917/1922»
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612
Г756

Редакционная коллегия:

Машкарин Михаил Иванович, канд. ист. наук, доцент;
Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук (ответственный редактор);
Растягаева Галина Ивановна, канд. ист. наук;
Рычков Александр Васильевич, канд. ист. наук, доцент;
Сушко Алексей Владимирович, д-р ист. наук, профессор;
Стельмак Максим Максимович, канд. ист. наук;
Чекалина Людмила Александровна

Г756 **Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие** : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления совет. власти в Сибири (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.) / М-во культуры Ом. обл., БУ ИСА; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, ОмГТУ; М-во обороны Рос. Федерации, ОАБИИ ; [редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. – 340 с.

ISBN 978-5-8149-2936-5

В материалах сборника освещены военно-политические и социально-экономические аспекты, культура, духовная и повседневная жизнь общества на востоке России в эпоху социальных катаклизмов 1917–1922 гг.

Издание предназначено для историков, сотрудников архивов, музеев, библиотек и краеведов.

УДК 94(47)«1917/1922»
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612

*Конференция организована в рамках научных мероприятий
II Евразийского технологического форума
(Омск, ОмГТУ, 5–28 ноября 2019 года)*

ISBN 978-5-8149-2936-5

© ОмГТУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Метрические книги как источник по истории пребывания военнопленных в Сибири (1914–1920)	10
Артамонова Н.Я. Воспоминания участников Гражданской войны на юге Енисейской губернии как исторический источник (по материалам фондов личного происхождения ученых Хакасии)	14
Белевщук Г.П. Документы Приморской областной Палаты труда как источник изучения «рабочего вопроса» в условиях Гражданской войны	19
Белоногов Ю.Г. Участие в антибольшевистском движении периода Гражданской войны: эволюция компрометирующего фактора при регулировании состава номенклатуры местных парткомов в 1950-е гг.	25
Блинова О.В. К характеристике повседневности Омска в первый год советской власти по материалам газеты «Советская Сибирь» (декабрь 1919 – декабрь 1920 гг.)	30
Бородина Г.Ю. Социальная история сквозь призму практической генеалогии (на примере представительниц омской семьи Алексеевых)	36
Бринюк Н.Ю. Военное положение на Восточном фронте адмирала А.В. Колчака в донесениях генерал-майора В.О. Каппеля	42
Валюнова А.В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в Енисейской губернии после окончания Гражданской войны	48
Волошина В.Ю. Архив русской эмиграции в Бельгии: новые документы	51
Ганин А.В. От красного командарма до белого генерала: Б.П. Богословский в годы Гражданской войны	55
Гермизеева В.В. Начало Гражданской войны? Приход к власти большевиков на страницах томской газеты «Сибирская жизнь»	71
Глазунова Т.В. Ликвидация последствий Гражданской войны: организация помощи голодающим в Омске в начале 1920-х гг.	75
Гребенкин А.Н. Исход на Восток: Оренбургский-Неплюевский, Хабаровский графа Муравьева-Амурского и 1-й Сибирский императора Александра I кадетские корпуса в годы Гражданской войны	79
Долгова А.В. Крестьянство Пермской губернии в условиях борьбы с бандитизмом в 1920 г.	85
Елизарова Н.В. «Образ врага» в периодических изданиях Белой столицы	89
Зайнутдинов Д.Р. Развитие государственного контроля на востоке «белой» России (1918–1919 гг.)	95

Калашников А.А. Взаимодействие Управления Алтайского округа и новообразованных органов власти в марте – декабре 1917 г.	101
Капустин Л.Г. Верховный правитель адмирал Колчак в иностранной кинохронике (1919): уточнения и дополнения к научной атрибуции фото-видеоисточников	108
Князев М.А. Видеозапись воспоминаний Ф.Г. Колесникова как ценный источник по истории гибели царской семьи на Урале в 1918 году	117
Кокоулин В.Г. «Забывая Гражданскую войну»: взгляд на события Гражданской войны в Новосибирске в середине 1930-х гг.	123
Кожевин В.Л. К вопросу об отражении информационного противоборства белогвардейцев и большевиков на страницах сибирских газет (конец 1918 – 1919 гг.)	127
Кротова М.В. Анализ дневников И.С. Ильина как источника по истории Гражданской войны	131
Лешукова Е.В. «Светлое будущее» по-советски (на примере биографий активных борцов за советскую власть в Ишимском уезде Тюменской губернии)	137
Маленьких М.А. Крестьянство Иркутской губернии в условиях советского режима (1917–1918)	144
Мамонтова М.А. Гражданская война на востоке России на страницах современных учебников истории	149
Махнанова И.А. Из биографии И.М. Майского: 1919–1922 (по документам Исторического архива Омской области)	153
Мачульская Е.В. Белый Омск: начало заката (по материалам газет за август 1919 г.)	158
Могоулчина С.А. Государственное устройство и межэтнические отношения в годы Гражданской войны в Горном Алтае	164
Мулина С.А. Влияние службы в колчаковской армии на обучение и профессиональную карьеру студентов Омского сельскохозяйственного института	168
Павленко А.П. Бывшие офицеры – командующие красными флотилиями на востоке и юго-востоке России в годы Гражданской войны	174
Петин Д.И. Советский служащий Алексей Капитонович Батюшкин: сценарий социальной адаптации представителя семьи «бывших людей»	178
Помыткина В.Л. Утраченные святыни: об изъятии церковных ценностей из церкви города Тары в 1922 году	184
Пученков А.С. Во имя блага России: из истории признания генералом А.И. Деникиным верховенства адмирала А.В. Колчака	189
Рождественский С.Н. Совет присяжных поверенных Омской судебной палаты в условиях Гражданской войны	195

Рыбаков Р.В. Влияние Гражданской войны на молодое поколение в 1920-е гг.	198
Рычков А.В. От добровольца до дезертира: эволюция политических взглядов Н.В. Орловского в годы Гражданской войны	203
Саблин А.Ю. Представители войскового сословия Сибирского казачьего войска в 1-й и 2-й омских школах подготовки прапорщиков пехоты (1915–1917 гг.)	207
Севостьянова Е.В. Досуговые практики жителей Читы в период политического режима атамана Семенова: частные и общественные инициативы в организации культурного досуга	211
Серебряков Е.А. Политические аспекты Гражданской войны в Восточной Сибири по воспоминаниям ветеранов и участников партизанского движения	217
Сильченко И.С. Расстрел заложников в Екатеринбурге 29 июня 1918 г. Опыт микроисторического исследования	222
Скажугин Д.В. Учреждения призрения города Читы в 1917–1919 гг.	227
Смирнов С.В. Гражданская война в воспоминаниях С.-Г. А.-Х. Саинова	233
Ставропольский Ю.В. Роль Канады в организации сибирской интервенции	237
Стельмак М.М. Омский род Батюшкиных: к истории архивно-фондового пополнения (2017)	240
Суховецкий В.А. Мощи Святителя Сильвестра Омского как исторический источник: к постановке вопроса	245
Тагильцева А.В. Гражданская война в истории семьи офицера Алексея Петровича Зоценко	250
Тетерин В.И. Уголовный розыск Пермской губернии в годы Гражданской войны	257
Тимофеев А.Н. Социальная мобильность «маленького человека» в условиях Гражданской войны и эмиграции (на примере судьбы подполковника И.А. Углова)	262
Тишкина К.А. Восстановление в Сибири работы отделов Российского общества Красного Креста в годы Гражданской войны (на примере Алтайской губернии)	267
Трофимов М.Ю. Социальная адаптация в советской России бывшего генштабиста В.Е. Шайтанова	271
Тяпкин М.О. Лесная политика «белых» правительств на территории Западной Сибири в период Гражданской войны (июнь 1918 г. – декабрь 1919 г.)	279
Федотова И.В. Омская операция Красной армии: отражение событий в сибирской прессе 1930-х–1960-х гг. (по материалам архива А.Ф. Палашенкова)	286
Филинович О.А., Стельмак М.М. Монастырский клад в пригороде Омска (1919): к истории обретения находки	294

Храпова Н.С., Сушко А.В. Актовая запись о смерти архиепископа Сильвестра (Ольшевского): некоторые аспекты анализа источника	299
Шахеров В.П. Финансово-экономическое развитие Иркутской губернии в годы Гражданской войны: обзор фондов Государственного архива Иркутской области	305
Шепелева В.Б. Гражданская война и проблема революционно-демократической альтернативы сквозь призму судьбы Ф.К. Миронова	310
Шмонденко А.А. Стратегии женского бытового поведения в белом Омске	314
Штырбул А.А. О некоторых тенденциях и явлениях в исследовании Гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии	318
Шулдяков В.А. Выдающийся разведчик Сибирского казачьего войска подьесаул Пётр Яковлевич Бурков	325

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГШ** – Академия Генерального Штаба.
- АЗВИН** – Азербайджанская винная промышленность.
- АРА** – Американская администрация помощи (от ARA).
- АУД** – архивное уголовное дело.
- БРЭМ** – Бюро по делам Российских эмигрантов Манчжурии.
- БФРЗ** – Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» имени А.И. Солженицына.
- ВВЦУ** – Временное высшее церковное управление.
- ВГК** – Верховный Главнокомандующий.
- ВГУ** – Временное Главное управление.
- ВКП(б)** – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).
- военкомат** – военный комиссариат.
- ВСЮР** – Вооружённые силы Юга России.
- (В)ЧК** – (Всероссийская) чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.
- ГА СПД РА** – Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай.
- ГААК** – Государственный архив Алтайского края.
- ГАЗК** – Государственный архив Забайкальского края.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАНИИО** – Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области.
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСПИТО** – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
- ГАТ** – Государственный архив в городе Тобольске.
- ГАХК** – Государственный архив Хабаровского края.
- Генштаб** – Генеральный штаб.
- ГИАОО** – (Государственный) Исторический архив Омской области.
- ГКУ РХ «Национальный архив»** – Национальный архив Республики Хакасия.
- ГУГБ** – Главное управление государственной безопасности.
- ГУГШ** – Главного управления Генерального штаба
- ГЦМСР** – Государственный центральный музей современной истории России.
- ДВР** – Дальневосточная республика.
- ДКФКА** – Директивы командования фронтов Красной армии.
- ДОН** – дом особого назначения.
- ДРЗ** – Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

ЗАГС – запись актов гражданского состояния.

ИКЦ – Информационно-культурный центр.

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.

КГА – Кунгурский городской архив.

КНР – Китайская Народная Республика.

КОБ – комитет общественной безопасности.

Комуч – Комитет членов Учредительного собрания.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.

МВД – министерство внутренних дел.

МГБ – министерство государственной безопасности.

МИД – министерство иностранных дел.

МКУ «УП и ЗР» г. Ишим – муниципальное казённое учреждение «Управление имуществом и земельными ресурсами г. Ишима».

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения.

НКВД – Народный комиссариат иностранных дел.

НМИ ОмГАУ – Народный музей истории Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина.

ОВП – Общество взаимопомощи петроградцев.

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области.

(О)ГПУ – (Объединенное) Главное политическое управление.

ОМО – Особый Маньчжурский отряд.

ОНО – отдел народного образования.

ОСВАГ – Осведомительное агентство, пропагандистский орган Добровольческой армии.

ОСО – Особое совещание.

ПермГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории.

ПСС – полное собрание сочинений.

РВИО – Российское военно-историческое общество.

РВС(Р) – Революционный военный совет (Республики).

РГАВМФ – *Российский государственный архив военно-морского флота.*

РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГАФД – Российский государственный архив фонодокументов.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

РЗИА – Русский заграничный исторический архив в Праге.
РИНЦ – Российский индекс научного цитирования.
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия.
РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный флот.
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи.
РОКК – Российское общество Красного Креста.
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
Сибревком – Сибирский революционный комитет.
СКВ – Сибирское казачье войско.
СНК – Совет народных комиссаров.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ША – Соединенные Штаты Америки.
ТФ ГИАОО – филиал Исторического архива Омской области в городе Таре.
УК – уголовный кодекс.
УАО – Управление Алтайского округа.
УОЧК – Уральская областная ЧК.
(У)ФСБ – (Управление) Федеральной службы безопасности России.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне ГАРФ).
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.
ЦК – центральный комитет.
ЧОН – части особого назначения.
VAR – Bakhmeteff Archive Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library.
T-RZIA – Национальная библиотека Чешской республики. Славянская библиотека.

А. В. АНУФРИЕВ

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
Музей истории города Иркутска имени А. М. Сибирякова, Иркутск, Россия

Д. В. КОЗЛОВ

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧИК ПО ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИБИРИ (1914–1920)

Аннотация: статья посвящена анализу метрических книг синагоги, римско-католического костела и лютеранской кирхи города Иркутска о смерти за 1914–1920 гг. На базе привлечения широкого круга архивных источников, авторы анализируют количество смертей, их причины, национальный и конфессиональный состав умерших военнопленных Четвертого союза, умерших в годы Первой мировой и Гражданской войн в Иркутске.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, военнопленные, метрики, метрические книги, Первая мировая война, смерть.

Постановка проблемы. Первая мировая война явилась в мировой истории событием огромной важности. Война длилась более 4 лет и вовлекла в конфликт 38 государств, где проживало свыше 1,5 млрд. человек, в этом конфликте погибло около 10 млн. человек, более 20 млн. были ранены и контужены, либо попали в плен. Власти воюющих государств, впервые в истории столкнулись с феноменом массового плена и данная проблема требовала своего решения. Эти события стали своего рода проверкой для международного и национального законодательства как о методах ведения войны в целом, так и статусе военнопленных, в частности.

Вопросам пребывания военнопленных в сибирском плену посвящено достаточно много работ, авторы которых, опираясь на широкий круг источников, рассмотрели большинство вопросов по данной проблематике [1–5]. Но однозначных данных о смертности военнопленных в сибирском плену нет. Подобные данные может дать только исследование метрических книг (раздел о смерти), в тех гарнизонах и городах, где находились концентрационные лагеря для военнопленных. Авторы в данной статье попытаются проанализировать метрические книги в Иркутске, который являлся в этот момент центром Иркутского генерал-губернаторства и Иркутского военного округа. В этот период, в Иркутске и его ближайших окрестностях находилось два лагеря военнопленных – Заиркутный городок и лагерь на станции Иннокентьевской (ныне станция Иркутск–2).

Основная часть. В ходе работы были просмотрены метрические книги (раздел о смерти): синагоги (1914–1918 гг.), католического костела (1914–1920 гг.), кирхи (1914–1920 гг.). Данные документы могут показать конфессиональный, возрастной и национальный состав пленных по г. Иркутску. Но самое главное – процент смертности и её причины. При рассмотрении метрических записей выявлено 536 случаев смерти в 1914–1920 гг. (не считая около десятка смертей гражданских пленных). Оговоримся, что мы не учитываем военнопленных, примкнувшим к бывшим или красным. Их число в самом максимальном варианте не превышает 30–35 человек (за 1920 г.) и не может принципиально повлиять на подсчеты потерь. При численности гарнизона военнопленных в Иркутске (Заиркутный городок и станция Иннокентьевская) в различные периоды количество военнопленных составляло 10000–14000 человек. Это соответственно от 5,36 % до 3,8 %. Даже если мы возьмем за основу макси-

мальную цифру, то она чуть превышает данные ряда российских историков и явно не соответствует тем «ужасным» рассказом о смертности, что встречается в ряде австрийских и немецких газет того периода.

Рассмотрим более подробно метрические записи по вероисповеданиям. Начнем с синагоги, как наиболее легкой для анализа [6–10]. Так в записях Иркутской синагоги за 1914 г. имеется запись о смерти 22 октября «австрийского подданного военнопленного» Маркуса Одзе от дизентерии. В 1915 г. зафиксировано 6 смертей военнопленных «иудейского вероисповедания». В 1916 г. умерло 3 человека (в т.ч. один офицер – прапорщик К. Тепфер). В следующем 1917 г. фиксируется смерть 2 человек; в 1918 гг. в числе умерших показано два военнопленных. Оба погибли насильственно: 31 марта ушел из жизни «австрийской империи военнопленный неизвестного имени и общества», в графе причина смерти указано – «расстрелян на ст. Иннокентьевской австрийскими военнопленными» 31 марта 1918 г., а второй гражданский пленный австрийский гражданин Самуил – У. Таубе, погибший «от удушения» 6 мая 1918 г. в сухом логоу по дороге на старое еврейское кладбище. Итого из 14 человек, 7 (50 %) умерли от инфекционных болезней. Большая часть смертей произошла в военных госпиталях.

Большая часть военнослужащих по своему вероисповеданию были католиками и лютеранами, поэтому обратимся к метрическим книгам иркутского костела и лютеранского прихода [11–13]. Анализ метрических записей о смерти показывает, что первые случаи смерти связаны с заболеваниями и травмами полученными пленными в процессе пленения. Так, 4 октября 1914 г. в метрической книге костела появляется первая запись о смерти Франца Миляевского, а 18 октября 1914 г. констатируется смерть Антона Губера, 30 лет от последствий огнестрельного ранения. Значительная часть умерших приходится на конец ноября 1914 – февраль 1915 гг., когда в Иркутске свирепствовал брюшной тиф. Перевозка военнопленных осуществлялось неприспособленных вагонах, а самое главное полностью отсутствовал санитарный контроль и медицинское сопровождение эшелонов. Скудность, отсутствие санитарно-гигиенических процедур, невозможность оказания врачебной помощи все это приводило к тому, что единичные случаи тифа вызывали массовое заражение.

В иркутский военный госпиталь первые заболевшие тифом военнопленные поступили в середине ноября 1914 г., а уже 19 ноября произошел первый случай смерти – от брюшного тифа умер военнопленный В. Студмон, а с 28 ноября каждый день фиксируется 2–5 смертей. Стоит отметить, что заболевание не щадило и русских служителей лазарета. Столкнувшись с эпидемией, местные власти, с одной стороны, приняли необходимые меры (изоляция больных, привлечение нужного количества медицинского персонала, развертывание новых больничных коек), с другой постарались скрыть истинные масштабы эпидемии. Так, в метрической книге Иркутского костела за 21–22 ноября 1914 гг. в 7 случаях из 15 причина смерти не указана, хотя по косвенным данным понятно, что это тиф. В результате этой эпидемии умерло 45 человек, что составляет значительную долю от числа всех умерших. Принятые меры дали результат и диагноз «Брюшной, возвратный или сыпной тиф» хоть и встречаются, но достаточно редко. Вернулась эпидемия тифа вместе с Гражданской войной.

В 1915 г. на смену брюшному тифу приходит другое страшное заболевание – туберкулез. В скученных помещениях, без достаточного пребывания на свежем воздухе, развивается массовые заболевания органов дыхания, и на страницах метрических книг все чаще в графе о причине смерти появляется «воспаление легких, бронхит, гнойный плеврит».

Анализируя причины смерти можно выделить несколько важнейших причин, это: 1) инфекционные заболевания, вызывающие эпидемию; 2) заболевания органов дыхания; 3) заболевания сердца (прежде всего, миокардит); 4) заболевания почек; 5) насильственная смерть; 6) последствия ран и контузий; 7) рак и 8) различные виды рожистых заболеваний.

Как же менялся уровень смертности от тех или иных причин. Покажем на конкретном примере. Начало войны (осень 1914 – весна 1915 г.) это «царство тифа» (прежде всего,

брюшного), в лета 1915 г. первое место удерживают заболевания органов дыхания (прежде всего, туберкулез и различные типы пневмоний). Самыми спокойными в эпидемическом смысле стали 1917 и 1918 гг. Так по иркутским лагерям было зафиксировано всего 28 смертей (без гражданских пленнх). Из них 13 от туберкулеза, добавляем к ним 2 случая пневмонии и получаем почти 54% смертей от заболевания органов дыхания, около 10% смертей дает тиф, так же фиксируется рак, перитонит, сахарная болезнь (диабет), миокардит, острый аппендицит, инсульт и др. В 1918 г. ситуация почти не меняется – 26 смертей. Туберкулез и воспаления легких дают по 5 смертей, всего 10 или почти 20%, зафиксировано 2 случая тифа, столько же смертей от несчастных случаев, убийств и дизентерии.

Начавшаяся Гражданская война на территории Сибири дает резкий толчок смертности в 2 раза до 52 смертей. И на первое место возвращается тиф (на этот раз более всего случаев сыпного тифа) – 20 случаев (или почти 38,5%), далее следует воспаление легких и туберкулез 9 случаев (17%), дизентерия – 2 случая, аппендицит – 2 случая. Даже не учитывая смерти в боях, мы имеем резкое усиление смертности и новую вспышку тифа.

Зафиксированы и несколько несчастных случаев, так 5 декабря 1915 г. умерли «от угара» трое военнослужащих. Стоит отметить еще один массовый случай смерти от отравления угарным газом – 5 октября 1915 г. умерли военнопленные австрийской армии Д. Вернер, унтер-офицер Ф. Белье, М. Куляк и рядовой П. Шрам. В документах Государственного архива Иркутской области найдены данные, что 5 октября 1915 г. в результате несчастного случая погибли австро-венгерские военнопленные, работавшие в кузнечной мастерской Слепцова в Иркутске. Умирили пленные и достаточно трагично и нелепо, так 24 июня 1918 г. при купании в реке Иркут утонул военнопленный унтер-офицер 260-го запасного пехотного полка немецкой армии Ф. Гюнебек, та же смерть нашла и австрийца Р. Лутовского. Были зафиксированы и несчастные случаи с огнестрельным оружием, так 26 июня 1915 г. «нечаянно застрелился» германский подданный И. Гюнтер. Очень редко фиксируется смерть от огнестрельных ранений, с большой долей вероятности, можно предположить, что это погибшие при попытке побега или при задержании. Так, в 1916 г. погиб поручик Имре Часор, в графе причина смерти запись гласит: «огнестрельное ранение».

Говоря о составе военнопленных, мы учитываем в их числе и так называемых «гражданских пленнх». Всего по метрическим книгам выявлено более 10 случаев смерти данной категории пленнх. Среди гражданских пленнх встречались и колоритные личности, так, 28 января 1917 г. в селении Малышевка Балаганского уезда на 65 году жизни от «склероза и порока сердца» умер австрийский подданный, житель города Самбор (Галиция), «пенсionadoванный» старший офицер окружного суда австро-венгерской армии Григорий Маркович Дзиндза. Вероятно, после Галицийской наступательной операции он остался на территории занятой русскими войсками и, как офицер, был выслан в Сибирь. Не менее интересен австрийский подданный Ф. Соваткевич, 45 лет, умерший 7 ноября 1915 г. в Балаганске от чахотки и «оставивший жену и 12 детей». Говоря о воинских чинах военнопленных, следует отметить, что в большинстве случаев употреблялся безликий вариант «военнопленный, нижний чин», изредка указывались его служебный статус и часть

Общее количество офицеров (включая кадет) умерших в плену, можно определить как примерно чуть более 1% от числа всех умерших военнопленных. С чем связан столь малый процент смерти среди офицерского состава? Прежде всего, малым числом офицеров попавших в плен, относительно рядового состава. И не менее важный фактор – пленные офицеры находились в привилегированном положении, они перевозились в нормальных вагонах, были обеспечены медицинской помощью при необходимости. В лагерях офицер имел отдельную комнату, постельное белье, получал жалование по чину соответствующего российского офицерского звания, имел денщика, который выполнял за офицера черновую работу. Офицеров не привлекали к обязательному труду. Все это и обеспечивало минимальный уровень смертности среди офицерского состава.

Возраст умерших военнопленных варьировался от 17 до 47 лет, большинство военнопленных умерли в возрасте от 20 до 30 лет – около 60%, в возрасте от 31 до 40 лет – 34,5%, в возрасте от 41 до 50 лет – 5,5%.

Четко можно проследить конфессиональный характер военнопленных, оказавшихся в Восточной Сибири. Учитывая малое количество мусульман в составе иркутских лагерей, их мы рассматривать не будем. Большую часть военнопленных составляли приверженцы римско-католического вероисповедания (до 70 %), вторыми идут протестанты различных направлений (до 28%) и около 2% – приверженцы иудаизма. К сожалению, выявить православных (которых в армии Австро-Венгрии представляется крайне сложным, ибо для этого необходимо осматривать метрические книги более 20 православных храмов Иркутска).

Легко определяется и гражданство, в большинстве записей имеется указание «военнопленный австрийской армии», «военнопленный германской армии», «нижний чин германской армии», либо что более «экзотично»: «поляк германской армии» или «венгр австрийской империи». Подводя итог, можно сказать, что до 75% пленных были гражданами Австро-Венгрии, а 25% – подданными Германии. К сожалению, этнический состав установить сложно, ибо в ряде записей национальность отсутствует, заменяясь номером полка или гражданством.

Результаты исследования. Подводя итоги, отметим, что условия размещения не всегда соответствовали международным обязательствам (прежде всего, Гаагской конвенции). Санитарные нормы часто нарушались, приводя к вспышкам инфекционных заболеваний. Но тех «чудовищных» эпидемий, о которых не раз писала зарубежная пресса, не было. Врачебное обслуживание военнопленных осуществлялось медицинскими госпиталями и околотками частей, охранявших военнопленных (ополченческие дружины и запасные части), а в особо сложных случаях развернутыми сводными госпиталями (как было в Сретенском лагере после эпидемии). Всего смертность среди военнопленных Четверного союза в России за годы войны составила порядка 4% от их общей численности, что в данных условиях было вполне сопоставимо со смертностью русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2007. 125 с.
2. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1996. С. 154–180.
3. Гордеев О.Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.): Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сб. науч. ст. Красноярск: КГУ, 2002. С. 30–37.
4. Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск. 2004. 178 с.
5. Шлейхер И.И. Военнопленные первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 54–97.
6. ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 88.
7. ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 91.
8. ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 94.
9. ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 97.
10. ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 100.
11. ГАИО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 5.
12. ГАИО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 4.
13. ГАИО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 7.

Н. Я. АРТАМОНОВА

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

**ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
УЧЕНЫХ ХАКАСИИ)**

Аннотация: В статье впервые исследованы воспоминания участников Гражданской войны на юге Енисейской губернии из фонда личного происхождения К.Г. Копкоева. Проанализированы отзывы и замечания на сборники, вышедшие на основе воспоминаний. Рассмотрена информационная ценность этого вида источников для дальнейшего изучения истории Гражданской войны. Сделан вывод о необходимости критического подхода к воспоминаниям.

Ключевые слова: Гражданская война, партизанское движение, воспоминания, исторический источник, фонды личного происхождения, архивы, Минусинский уезд, Енисейская губерния.

Постановка проблемы. Современная парадигма исторической науки обогатила методологический арсенал, расширила источниковую базу и тематику научных исследований. Для полного и объективного освещения истории Гражданской войны ученые используют различные исторические источники, одним из которых являются воспоминания. Этот вид источника создается только после свершившегося события, которое оставило неизгладимый след в памяти конкретной личности. Кроме того, в воспоминаниях заложена такая информация, которая может отсутствовать в иных источниках.

Гражданская война в России является достаточно хорошо изученным периодом отечественной истории. Начало исследованиям положили публикации воспоминаний самих участников революционных событий и Гражданской войны. Одним из первых стало издание сводного указателя книг и журнальных статей [1], куда включены и воспоминания активных участников Гражданской войны, партизанского движения в Минусинском уезде Енисейской губернии [2–3]. В 1934 г. вышла совместная брошюра К. Гидлевского, М. Сафьянова и К. Трегубенкова, участвовавших в событиях 1917–1918 гг. [4].

К 40-летию Октябрьской революции началась массовая работа по сбору мемуаров и воспоминаний с их последующей публикацией [5–7]. В 1960–1970-е гг. этой деятельностью активно занимались научные учреждения, региональные архивы. Авторами воспоминаний были непосредственные участники партизанского движения против колчаковского и белочешского террора в Сибири [8–10].

Значительный интерес к истории революции и Гражданской войны на юге Енисейской губернии проявляют современные исследователи [11]. В работах последнего времени авторы анализируют причины и исторические условия публикаций мемуаров и воспоминаний, делают вывод о необходимости критического подхода к этому виду источника [12].

Целью настоящей статьи является определение информационной ценности такого вида источников как воспоминания при изучении истории Гражданской войны на территории Минусинского уезда Енисейской губернии по материалам фонда личного происхождения Константина Григорьевича Копкоева (1929–1987 гг.). Фондообразователь – кандидат исторических наук, в 1957–1970 гг. занимал должности младшего научного сотрудника и ученого секретаря Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

(ХакНИИЯЛИ). Личный фонд ученого, который хранится в Национальном архиве Республики Хакасия, содержит различные материалы по истории Хакасии (всего 330 дел). Несомненный интерес для исследователей представляют документы о бывших красногвардейцах и партизанах, участниках Гражданской войны (справки, письма, воспоминания, фотографии). В фонде К.Г. Копкоева содержится 30 дел пятидесяти человек, которые непосредственно участвовали в описываемых ими событиях, прошедших через их сознание и оставивших глубоких след в их памяти. Воспоминания отражают их взгляды и позиции, раскрывают значительную часть личной биографии. Важно отметить, что Гражданская война в Минусинском уезде имела свои особенности в сравнении с центральной частью России. Здесь она носила в основном характер крестьянского повстанчества, велась небольшими отрядами красногвардейцев, казаков, крестьян, дружинников, военнотружущих белой армии, партизан, повстанцев-«иногородцев», коммунистов, милиционеров и ЧОНовцев [13, с. 157].

Большие информационные возможности для изучения событий 1917–1918 гг. имеют материалы дела № 225 с воспоминаниями Сергея Куприяновича Ворсина. Он участвовал в событиях революции, встречался с В.И. Лениным, штурмовал Зимний дворец, внес вклад в ликвидацию кулацких банд в Хакасии. Небезынтересны воспоминания Александра Петровича Метельского, принимавшего участие в борьбе против банды Соловьева (дело № 223) и др. Бывшие партизаны рассказывают о руководителях партизанского движения Кравченко и Щетинкине, их внешнем облике, чертах характера, привычках, действиях в различных сложных ситуациях. В воспоминаниях участников войны они обретают ореол мужественности, бесстрашия, героизма.

К 40-летию Октябрьской революции сектор истории ХакНИИЯЛИ начал большую работу по сбору и обработке воспоминаний участников Гражданской войны в Минусинском уезде и последующем издании сборника, основу которого должны составлять «воспоминания красных партизан армии Кравченко–Щетинкина», собранные институтом. В 1957 г. сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Минусинском уезде вышел из печати [7]. Это была первая попытка ученых Хакасии «воссоздать картину борьбы за становление Советской власти» на юге Енисейской губернии [7, от редакции]. В издание вошли воспоминания тринадцати участников гражданской войны, которые касались различных эпизодов 1917–1920 гг.

Авторским коллективом была осуществлена обработка и анализ воспоминаний, которые затем были структурированы и объединены единой темой. В основном воспоминания касаются событий 1917–1920 гг., носят фрагментарный характер, раскрывают отдельные эпизоды освобождения ряда станиц Минусинского уезда, захваченных атаманом енисейского казачества А. Сотниковым, подавления эсэровского контрреволюционного мятежа, организации партизанского движения под командованием Кравченко–Щетинкина против Колчака, борьба с бандой Соловьева. Сведения о командирах партизанского движения в сборнике довольно скупы. Лишь в воспоминаниях В.Р. Бирюкова читаем: «Щетинкин был очень умный. Он всегда разгадывал замысел противника. В бою никого не было смелее его.... Говорят, что он однажды даже присутствовал в офицерском собрании, где решался вопрос, как уничтожить Щетинкина» [7, с. 93].

К сожалению, огромный пласт материалов не вошел в сборник. В личном фонде К.Г. Копкоева остались не востребованными воспоминания П.Г. Конопелько, И.И. Марченко, Д.Г. Морозова П.Д. Ошарова, А.И. Жернакова, С.С. Жидкова, К.С. Михайлова и других участников партизанского движения, бывших красногвардейцев.

Книга не вызвала большого общественного резонанса, она была интересна, прежде всего, научному сообществу и самим участникам Гражданской войны. Как известно, воспоминания – это такой источник, который создается по прошествии события. Со времени окончания Гражданской войны прошло около 40 лет, и участники событий – это люди, скорее всего, старше 60–70 лет. Некоторые детали тех событий могли не сохраниться в памяти, либо

искажены, изложены неверно. В фонде К.Г. Копкоева хранятся отзывы и замечания на сборник воспоминаний, которые в течение нескольких лет, вплоть до 1960 г., поступали в ХакНИИЯЛИ [14]. В числе таких авторов выступили С.Ф. Белоконь, И.Я. Иванов, А.Е. Ковригин, К. Трегубенков и др.

Категоричную и резкую критику в адрес редколлегии сборника высказал К. Трегубенков. Он был одним из активных участников революции и Гражданской войны. В ноябре 1917 г. его избрали представителем на III Минусинский уездный крестьянский съезд, тогда же он стал председателем Минусинского объединенного совета и ревкома [11, с. 493–494]. Воздав должное важности издания, он вместе с тем отметил «ошибки и упущения», которые, по его мнению, «следует отнести как к некоторым авторам, так и к редколлегии института» [14, л. 40]. Он считал, что ряд положений в статье Т. Лебедевой, написанной по материалам биографии Г.В. Лебедева (одного из видных деятелей Минусинского Совета рабочих, крестьянских депутатов (1917–1919 гг.)), не соответствует исторической действительности. По словам автора статьи, «благодаря хорошей подготовке большевиков и слабости контрреволюции, переход власти от представителей Временного правительства и земства прошел без особых осложнений. Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о взятии власти и приступил к осуществлению большевистской программы на всей территории Минусинского уезда» [7, с. 12]. «Здесь правильно только одно, – отмечал К. Трегубенков, – хорошая подготовка большевиков к переходу власти в руки Минусинского Совета рабочих и солдатских депутатов, а утверждение автора о переходе власти в руки Совета без особых осложнений и о начале осуществления большевистской программы на всей территории Минусинского уезда не соответствует историческим фактам» [14, л. 40]. «Задача большевиков заключалась в том, – читаем дальше, – чтобы сначала укрепить власть в городе, в центре уезда и свои силы не расплывать по огромной территории» [14, л. 40].

К. Трегубенков также опроверг утверждение Т.А. Лебедевой в том, что, «сотниковская авантюра» (восстание казаков – К.Т.) совпала, якобы, во времени с восстанием Каледина и Краснова на юге России и «представляла собой звено единой цепи контрреволюционных выступлений в стране» [7, с. 12]. «Выступление сотниковщины, – возражал он, – не было совпадением во времени с другими выступлениями контрреволюции. Оно было предусмотрено планом сибирской контрреволюции и ею организовано. Эсер Сотников был связан с эсеровским губкомом, с есаулом Семеновым, собиравшим в Забайкалье и Манчжурии белых казаков с уральскими и донскими белоказаками. Все они выступили против Совета под лозунгом «Защиты Учредительного собрания» [14, л. 42].

Ошибки и значительные неточности К. Трегубенков нашел в воспоминаниях П.С. Гришина, П.Н. Петрова. «Мы вышли из города (Минусинска – К.Т.). По льду перешли Енисей и Абакан и двинулись на мятежные станицы, перехватывая и разоружая по пути казачьи отряды», – сообщает П.С. Гришин [7, с. 18]. По мнению К. Трегубенкова, это выдумка: «Кто это вышел из Минусинска? Когда? Какие станицы проходили? Где и какие отряды были разоружены? Совершенно неизвестно» [14, л. 43–44]. «Ни один красногвардейский отряд, участвовавший в ликвидации казачьего мятежа, не переходил реку Абакан, – вспоминал он, – да и совершенно незачем ему было туда идти, поскольку на левой стороне реки не было ни одного казачьего отряда» [14, л. 44].

Трегубенков подверг сомнению и некоторые детали в воспоминаниях П.Н. Петрова, касавшихся периода VII крестьянского съезда. Петров пишет о «неимевшем места длительном заседании Совета, об ожидании белоказаками решения, о вызове командиров красногвардейских отрядов, узнать их мнение о разоружении, о гарантии белоказаками полной неприкосновенности партийному и советскому активу, и что большинство Совета «поддалось на эту удочку и проголосовало за разоружение» [14, л. 44]. «Едва ли поймет читатель, о чем тут пишет тов. Петров? – спрашивает К. Трегубенков. – Когда это происходило, где, совершенно непонятно. Совет никогда, если это заседание относится к периоду VII съезда, не созывал

командиров отрядов для решения вопросов о разоружении, не только потому, что вся власть находилась в руках военревкома, но и потому, что нельзя было ни на одну минуту оставлять красногвардейские отряды без начальников. Все вопросы большого значения всегда решались сначала партийным комитетом большевиков, Советом или военревкомом, а не каким-то совершенно непонятным заседанием совета» [14, л. 44].

«Могла ли редколлегия в книге не допустить этих ошибок как своих, так и некоторых авторов воспоминаний? Безусловно, могла, – делает вывод К. Трегубенков. Могла бы еще и потому, что в ее состав входил тов. Устинов А.Н., которому были известны указанные события и знал он их хорошо, находясь в то время в Минусинске» [14, л. 45].

В 1968 г. вышел еще один сборник воспоминаний, организатором и составителем которого был К.Г. Копкоев [9]. В него вошли рукописи воспоминаний, присланные в сектор истории ХакНИИЯЛИ, а также на имя К.Г. Копкоева в 1960-1967 гг. По широте охвата и структуре материала воспоминаний эта книга мало чем отличалась от предыдущей. Правда, составитель учел некоторые замечания в адрес предшествующего издания. Но критические отзывы, тем не менее, поступали в Красноярский крайком партии, Хакасский НИИЯЛИ и на этот сборник. Так, в деле № 234 личного фонда К.Г. Копкоева содержатся письма бывших партизан о неточностях и искажениях в публикациях, посвященных истории партизанского движения, отзывы на рукописи авторов А. Позднякова, А. Спундэ. В деле № 236 находятся письма в ХакНИИЯЛИ и лично К.Г. Копкоеву и замечания, присланные Г.Н. Поповым, «председателя эскадронного совета канской кавалерии» армии Кравченко–Щетинкина [15, л. 6]. Автор, прежде всего, отметил, что «мемуарная литература должна быть сугубо правдивой, отвечающей исторической достоверности. В ней не должно быть субъективизма, а тем более умышленного искажения исторических событий» [15, л. 3]. Г.Н. Попов подверг тщательному анализу воспоминания почти каждого автора вышеупомянутой книги. Он отметил неточности и искажения отдельных эпизодов в статье И.К. Лабецкого «Боевой путь партизан армии Кравченко–Щетинкина». По мнению Г.Н. Попова, автор совершенно неправильно представляет портреты этих командиров и их роли в партизанском движении. Так, Кравченко, по воспоминаниям Г.Н. Попова, был «замечательным стратегом, хорошим оратором и организатором партизанского движения, умным и смелым командиром». «Кравченко никогда не тяготился положением командующего, – читаем далее. – Он занимал его по праву и ни у кого и никогда не было даже мысли о замене его на этом посту....» [15, л. 4]. «Между Кравченко и Щетинкиным... была большая, хорошая и искренняя дружба, – продолжает Г.Н. Попов. – ...Некоторые товарищи, пытаются принизить роль Кравченко в партизанском движении, ошибочно полагая, что этим можно поднять роль Щетинкина, занимавшего формально, подчиненное положение». По мнению Г.Н. Попова, Щетинкин в этом не нуждается. «Мы любили и Кравченко и Щетинкина, гордились ими и никогда не задавались вопросом, кто из них больше, кто – меньше» [15, л. 5]. Этот вопрос Попов считал «сугубо принципиальным». В заключении автор сделал вывод: «историки, подготовляющие этот сборник, допустили серьезную ошибку, позволив автору (И.К. Лабецкому – Н.А.) так грубо исказить историческую правду» [15, л. 5].

Такой же жесткой критике Г.Н. Попов подверг статьи В.Г. Солдатова, В.С. Юмашева, указав на неточности в датах, именах, некоторых эпизодах и даже в нескромности. В личном письме К.Г. Копкоеву он писал по поводу воспоминаний В.Г. Солдатова: «Я очень сожалею, что Солдатов, так рано ушел с деловых партийных позиций и стал на позиции шолоховского героя «Поднятая целина» деда Щукаря. Но и дед Щукарь обладал каким-то чувством меры и говорил не иначе как «мы с Давыдовым». А Солдатов нигде не сказал «мы с Кравченко» или «мы с Сургуладзе», или «мы с Петровым» [15, л. 12об.].

Результаты исследования. Подводя итог, констатируем, что воспоминания являются важным историческим источником. Они обладают огромным информационным, научно-познавательным потенциалом, поскольку дают представление о самом человеке, его миро-

восприятии, действиях и поступках. В центре внимания этих людей находится событие, которое осталось в памяти на долгие годы, встреча с теми, кто произвел на них впечатление. В то же время не следует преувеличивать их значение как исторического источника. Любые воспоминания носят субъективный характер. На примере материалов фонда личного происхождения К.Г. Копкоева, которые доступны для исследователя, можно видеть, что авторы воспоминаний раскрывают одно и то же событие по-разному. Об этом свидетельствуют критические отзывы и замечания таких же участников Гражданской войны, сведения которых могут быть такими же неточными. Не следует игнорировать и воспоминания бывших политических противников. Более полное и объективное представление о реальной картине Гражданской войны можно получить только в сочетании с архивными, официальными документами, материалами периодической печати и другими доступными источниками. Именно они в совокупности несут полную информацию о предмете исследования и дают объективное объяснение прошлого. Широкое использование воспоминаний, метод критического анализа содержащейся в этом источнике информации могут способствовать разработке свежих идей и проблем по истории Гражданской войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Революция и гражданская война в России. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 151 с.
2. Сибирские партизаны 1919–1920 гг. (Воспоминания участников) // Пролетарская революция. 1925. № 3 (38). С. 222–251.
3. Рагозин. Партизаны Степного Баджея: (Записки участника) / под ред. и с предисл. К. Молотова. М.: Новая Москва, 1926. 208 с.
4. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.–Л., 1934.
5. Этим дней не смолкнет слава. Воспоминания участников партизанского движения в Красноярском крае. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1957. 108 с.
6. Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917–1920 гг.). Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1957. 224 с.
7. Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 103 с.
8. Годы огневые. Сборник воспоминаний красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918–1920 годы). Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1962. 407 с.
9. За власть Советов на юге Сибири. Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде Енисейской губернии. Абакан: Хакасское отд-е Краснояр. книж. изд-ва, 1968. 119 с.
10. Замураев Я.С. Енисейские партизаны. Воспоминания участника партизанской армии П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 224 с.
11. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2006. 592 с.
12. Костякова Ю.Б. Воспоминания очевидцев: особенности публикации в прессе (По материалам газеты «Советская Хакасия» за 1957 г. // Документ. Архив. История. Современность: Мат-лы VII всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 450–457.
13. Энциклопедия Республики Хакасия. В 2-х т. Т. 1. А–Н. Красноярск: ООО Поликор, 2007. 432 с.
14. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 675. Оп.1. Д. 233.
15. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 675. Оп.1. Д. 235.

Г. П. БЕЛЕВЩУК

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

**ДОКУМЕНТЫ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАЛАТЫ ТРУДА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ «РАБОЧЕГО ВОПРОСА»
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В работе рассматриваются документы фонда Р-509, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Ранее они не вводились в научный оборот. Документы отражают деятельность Палаты труда – правительственного учреждения Временного правительства Приморской областной земской управы, ведавшего «рабочим вопросом» в регионе. Документы фонда дают представления о прожиточном минимуме, днях отдыха, деятельности Биржи Труда, механизме решения трудовых конфликтов между рабочими и работодателями, а также о рабочем контроле на предприятиях региона. Все вышперечисленное является важным источником по истории «рабочего вопроса» и повседневности на Дальнем Востоке в период Гражданской войны.

Ключевые слова: Дальний Восток, Гражданская война, Палата труда, рабочий вопрос, трудовые конфликты, архивы, повседневность.

Постановка проблемы. Гражданская война в России продолжает оставаться одним из важнейших событий отечественной истории. На Дальнем Востоке она была более продолжительной и имела свои особенности. Одним из направлений изучения истории этого периода является социальная история, в том числе и история отдельных социальных слоев российского общества, среди них – история рабочих. Предметом исследования историков становится так называемый «рабочий вопрос», который в себя включает особенности государственной политики, направленной на решение проблем рабочих.

Советская социальная политика изучена А.А. Ильюховым [1], данный автор делает акцент на весьма противоречивом характере государственных мероприятий, так как законы, с одной стороны массово создавались, а, с другой стороны, часто лишь ухудшали материальное положение населения. Более популярной в современной историографии является изучение социальной политики белых правительств. М.А. Филимонов анализирует социальную политику Комуча, и отмечает, что их первыми решениями по «рабочему вопросу» стали: постановление о 8-часовом рабочем дне, о сохранении в силе декретов советской власти при приеме и увольнении рабочих, об охране и регулировании труда [2].

История «рабочего вопроса» на Дальнем Востоке рассмотрена В.М. Рынковым, исследовавшим политику небольшевистских правительств [3–4]. Он рассматривает деятельности Министерство труда, действовавшего в Российском правительстве адмирала А.В. Колчака и взявшего на себя инициативу решения проблем рабочих. В своей монографии [4] историк рассматривает такие общие направления деятельности «белых правительств» как создание биржи труда, введение социального страхования, сокращения рабочего дня. Автором более широко исследована политика в Сибири и на Урале, в меньшей мере затронуты проблемы решения «рабочего вопроса» на Дальнем Востоке. Таким образом, изучение «рабочего вопроса» на Дальнем Востоке остается актуальной задачей историков. Одним из направлений исследования является введение в научный оборот новых источников. Нами предпринята попытка показать значение документов Палаты труда, существовавшей во Владивостоке при Приморской земской управе. Документы фонда Р-509 «Приморская областная палата труда», в котором отложились материалы делопроизводства организации, занимающейся рабочим вопросом и которые до сегодняшнего дня практически не использовались исследователями.

Основная часть. Фонд Р-509 РГИА ДВ содержит документы, отражающие деятельность Приморской областной палаты труда. Всего в фонде хранится 91 дело. Среди формирующих архивные дела документов представлены протоколы заседаний; постановления по различным вопросам, переписка, доклады, прошения и заявления граждан, уставы профсоюзных организаций, сведения, сметы о положении рабочих предприятий и рыбных промыслов о тарифных ставках и разрядах рабочих, о минимуме заработной платы и размере прожиточного минимума. Архивные дела систематизированы по подразделениям: дела с 1 по 14 отражают структуру Палаты труда и ее функции, с 15 по 25 – деятельность Тарифного отдела, с 25 по 32 – деятельность Конфликтного отдела, с 33 по 80 дела о решении конфликтов служащих и рабочих с работодателями; дела с 81 по 91 – отражают деятельность Отдела социального страхования.

В первую очередь, документы фонда позволяют понять, что собой представляла Приморская областная Палата труда, и какие задачи она выполняла. На основании документов можно установить дату начала фактической деятельности Приморской областной палаты труда – 1 марта 1920 г. Палата состояла из 15 членов, 10 из которых избирались областным объединением трудовых организаций и 5 назначались Временным правительством Дальнего Востока – Приморской областной земской управой. На основании утвержденного правительством Положения о Приморской областной палате труда, она считалась высшим правительственным органом по набору рабочей силы. В ее компетенцию входили: 1) выработка общих положений и постановлений по рабочему вопросу; 2) создание новых органов по рабочему вопросу; 3) объединение и согласование деятельности всех организаций по защите интересов рабочих [5, л. 1].

Таким образом, Палата труда создавалась как главная организация, занимающаяся рабочей политикой в регионе. Однако документы свидетельствуют об изменении самого понятия «рабочая политика» в процессе деятельности Палаты труда. Так, в докладе заведующего палатой М.С. Бинасика (февраль 1920 г.) отмечается, что основной задачей рабочей политики становится не столько охрана труда, сколько «народно-хозяйственная организация труда», которая связывается с тем, что аппаратом государственной власти стали овладевать трудовые коллективы. Бинасик отмечает – если раньше вопрос «о правилах внутреннего распорядка» интересовал государство с точки зрения обеспечения рабочему большей суммы прав по отношению к предпринимателю, то теперь этот вопрос рассматривается с точки зрения разумной трудовой дисциплины, поэтому функции по непосредственному осуществлению охраны труда должны быть возложены на рабочие организации на началах широкого самоуправления соответствующих органов и контролем государственной власти за их деятельностью. Такими рабочими органами должны были стать инспекция труда, больничные кассы, биржи труда [5, л. 2]. А общее руководство ими должно осуществляться Палатой труда.

В палате имелось несколько отделов, каждый из которых отвечал за свою сферу деятельности: Конфликтный отдел занимался разбором возникающих споров и конфликтов между рабочими и работодателями; тарифно-нормировочный отдел, занимавшийся тарификацией заработной платы и разрешением споров по ее назначению. Отдел учета и распределения рабочей силы или Биржа труда, отвечал за учет и распределение свободной рабочей силы по местам, а также отмену ее использования в определенных регионах. Отдел социального обеспечения регулировал назначение пенсий.

Большое внимание Палата труда обращала на определение прожиточного минимума, который устанавливался ежемесячно. Например, согласно протоколу № 2 от 8 марта 1920 г. был утвержден одинарный прожиточный минимум в размере 6530 руб. и с учетом нетрудоспособных членов семьи в размере 9800 руб. [6, л. 6]. В сентябре 1920 г. к установлению прожиточного минимума стали подходить более серьезно. Для его определения собирались справочные цены на продукты потребления в текущем месяце до 7 числа по рыночной стоимости. Прожиточный минимум устанавливался в новых денежных знаках, переведенных

Фондовой Биржей на золотой рубль. Эта сумма фиксировалась и отмечалась в ходатайстве, поданном в распорядительно-исполнительный орган Правительства – Совет управляющих ведомствами [7, л. 38].

Основной проблемой в установлении прожиточного минимума были нестабильность и многообразие обращающихся денежных знаков [8, с. 82–140], и отсюда постоянный рост цен на продукты и товары первой необходимости. В документах фонда нами обнаружены сведения о месячном продовольственном пайке для взрослого рабочего, который был зафиксирован в Правилах, выработанных Особой комиссией под председательством гласного Владивостокской Городской думы и заведующим Палатой труда Приморской областной земской управы М.С. Бинасика. К сожалению, документ не датирован. Из документа не ясно, с какого времени и на какой период вводился паек и можно предположить, что данная норма использовалась как постоянная при дальнейшем установлении прожиточного минимума [9, л. 3].

Месячный продовольственный паек для взрослого рабочего [6, л. 3]

Название	Количество (фунт)
Мясо	10
Рыба	10
Сало свиное пластовое	1
Сало свиное топленое	1
Масло растительное	1 /2
Молоко цельное	1/4
Масло коровье	1
Яйца	10 штук
Картофель	15
Капуста	5
Морковь	2
Лук	3
Перловая крупа	1
Гречневая крупа	2
Пшено	1
Горох	1
Рис	1
Макароны	½
Мука ржаная	10 или хлеб черный 20
Мука пшеничная	10 или хлеб полубелый 40
Мука сеянка	15
Сахар	1
Перец	½ золотник
Лавровый лист	1 золотник
Соль	2 ½
Чай	¼

Означенный паек содержит всего около 3810 гр. белков, 1810 гр. жиров, 15000 гр. углеводов, что в день составляло около 157 гр. белков, 60 гр. жиров и 500 гр. углеводов. К этому времени уже существовала методика расчёта этих показателей – так называемых «паек Фойта и Уварова», который составлял для среднего рабочего при средней напряженности работ 115 гр. белков, 50 гр. жиров, 500 гр. углеводов. Таким образом, можно отметить, что паек, зафиксированный в Правилах, соответствовал необходимой норме. В зависимости от време-

ни года и условий товарного рынка, комиссия могла изменять количество и род тех или иных продуктов питания, но с тем, чтобы количество питательных веществ, содержащихся в этих продуктах, было не меньше вышеуказанной нормы. Стоимость такого пайка определялась комиссией по ценам, сведения о которых были собраны ею самой, а также и другими учреждениями на 5 число каждого месяца.

На основании документа можно представить рацион рабочих в 1920 г. Но по документам Палаты труда невозможно установить, насколько все это было воплощено в жизнь, покупали ли рабочие вышеперечисленные продукты в необходимом количестве или обходились более дешевыми, чтобы сэкономить и позволить себе, например, одежду. Помимо этого, необходимо установить, все ли рабочие получали заработную плату, соответствующую прожиточному минимуму.

Среди комплектующих фонд документов, сохранились коллективные обращения рабочих в Палату труда, недовольных установлением размера прожиточного минимума. Так, 31 июля 1920 г. за № 225 Палатой труда было получено отношение Ведомства путей и сообщений, в котором сообщалось, что рабочие попросили о выдаче им месячного оклада, как пособия за июль, т.к. было решено оставить его равным июньскому и все цены на основные продукты питания не должны были вырасти. Сделано это было для того, чтобы поддержать курс рубля. Однако цены выросли: например, черный хлеб вместо 30 коп. стоит 1 рубль [9, л. 144]. Палата труда с разрешения Совета управляющих ведомствами постановила выдать пособия в размере 100 % июньских ставок [9, л. 163]. Представленный документ позволяет предположить, что основной проблемой было несоответствие прожиточного минимума реальным ценам. Важно отметить, что не только рабочие были заинтересованы в защите своих прав, но и работодатели тоже старались идти на уступки рабочим.

Областная Палата труда также утверждала дни отдыха. Так, 19 июля 1920 г. Постановлением Исполнительного бюро Палаты труда было установлено, что накануне дней еженедельного 42-часового отдыха длительность рабочего дня устанавливается в 6 часов. Но были и исключения, например, для несущих непрерывное дежурство сторожей, курьеров, дворников, рабочих непрерывных производств (водопроводной, электрической) мог быть установлен 8-ми часовой рабочий день и в канун дней отдыха с тем, чтобы количество рабочих часов в месяц было не более нормы (здесь написать норму). Все сверхурочные работы (превышающие общее количество положенных рабочих дней) должны были быть оплачены в следующем размере: рабочим, получающим поденную или месячную оплату, каноны дней отдыха оплачиваются как полный рабочий день; рабочим, работающим сдельно сверхурочно, за каждый час доплачивается за 2 часа по их тарифным ставкам [7, л. 22].

Представление о работе Палаты труда было бы неполным без изучения документов, отражающих работу отдела Биржи труда, который регистрировал безработных, создав для этого специальную карточку безработного. В ней фиксировались полные сведения о безработных: фамилия, имя, отчество обратившегося, профессия, специальность, сколько времени без работы, национальность, семейное положение, является ли членом какого-либо союза, причина, по которой потерял работу, согласен ли на отъезд [10, л. 21]. К сожалению, на основании лишь документов фонда невозможно установить, обобщались ли приведенные в карточках сведения, составлялась ли какая-нибудь статистика на основании их, отсылались ли карточки работодателям, нуждавшимся в рабочих руках, или же отдел Биржи труда самостоятельно распределял рабочих на вакантные должности.

Большое количество отложившихся в фонде документов посвящено деятельности конфликтного отдела Палаты труда. Материалы фонда позволяют понять, с какими прошениями и заявлениями чаще всего обращались в палату труда рабочие и как происходил разбор дел. Документы позволяют увидеть весь механизм решения трудовых конфликтов. Первой инстанцией решения конфликта был соответствующий профсоюз, и лишь в случае невозмож-

ности его решения, материалы поступали через Правление профсоюза в Конфликтный отдел Палаты труда [9, л. 342]. Для таких случаев был создан специальный конфликтный бланк, где были указаны дата начала конфликта; название предприятия и адрес; общее число рабочих предприятия; число рабочих, затронутых конфликтом; содержание конфликта (требования рабочих или требования предпринимателей); участвуют ли профессиональные организации; форма окончания конфликта (окончилось добровольным соглашением, разрешен инспекцией труда, примирительной мерой); время окончания конфликта или перехода его в забастовку или локаут [11, л. 2].

Если рассматривать жалобы рабочих по содержанию то, как правило, они выражали недовольство неправильной выплатой заработной платой, плохими условиями труда и отсутствием социального страхования.

Необходимо заметить, что в фонде Р-509 имеется архивное дело с информацией о рабочем контроле на предприятиях. Как отмечает Т.З. Позняк, несмотря на достаточный интерес к теме введения рабочего контроля в Приморской области, все еще остаются белые пятна, в частности, слабо исследованы такие аспекты как реакция общества, владельцев предприятий, разных партийных и общественных сил на эти попытки экономической перестройки региона [12, с. 554]. На один из этих вопросов можно найти ответы в документах Палаты труда. Акционерное общество «Мукомольное товарищество» 26 мая 1921 г. обратилось к Управляющему Отделом промышленности и торговли с заявлением о том, что их предприятия несмотря на тяжелую финансовую и политическую обстановку последних лет всемерно заботились о развитии, в то время как большинство предприятий ликвидировались и переводили капиталы за границу. Однако развитию мешают союзы рабочих. В обращении отмечалось: «Мы усматриваем такие попытки к диктаторскому управлению нашим предприятием с 3-х сторон: Комитет служащих и рабочих мельницы и макаронной фабрики; Союз грузчиков; Союз ломовых грузчиков». Акционерное общество считало, что Комитет служащих и рабочих пытается объявить себя хозяином предприятия, вмешиваясь в дела администрации по выработке плана работ и установлению штата, препятствуя увольнению; требует отчетности о затратах и оборотах; требует лечения за счет фирмы вплоть до вставки золотых зубов и проведения аборт в дорогих частных лечебницах; бесплатного угля и содержания клуба и театра [9, л. 25].

В то же время мельница и макаронная фабрика были заняты грузчиками, «которые считают только себя вправе распоряжаться грузовыми работами». Их число в 6–8 раз превышает нужное количество, вследствие чего цены на грузовые работы взвинчены. Союз ломовых извозчиков монополизировал мельницу, установив порядок, при котором покупатели муки обязательно должны перевозить ее «только через союз» [9, л. 25об.]. Таким образом, на данном примере мы можем увидеть, что владельцы предприятий были недовольны попыткой установить полный контроль и пытались решить дело законным путем. К сожалению, на основании выявленных документов невозможно установить, как разрешилась данная ситуация, была ли проведена беседа представителей органов власти с рабочими организациями, или неправым признали владельцев акционерного общества.

Результаты исследования. Таким образом, документы фонда дают представления о прожиточном минимуме, днях отдыха, деятельности Биржи Труда, механизме решения трудовых конфликтов между рабочими и работодателями, а также о рабочем контроле на предприятиях региона. И, резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что фонд Р-509 РГИА ДВ является важным источником по истории «рабочего вопроса» и повседневности на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Однако необходимо заметить, что материалы представленного фонда могут быть интересны не только исследователям, занимающимся историей рабочих, но и тем, кто изучает историю государственных учреждений и историю повседневности служащих и чиновников периода Гражданской войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М.: РОССПЭН, 2007. 262 с.
2. Филимонов М.А. Рабочий вопрос в политике органов советской власти и антибольшевистских правительств в годы гражданской войны (на материалах Башкортостана) // Гороховские чтения: материалы девятой региональной музейной конференции. Челябинск: Областное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей Южного Урала». 2018. С. 168–179.
3. Рынков В.М. Расчеты и просчеты государственного регулирования рынка труда на востоке России в годы гражданской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 40–44.
4. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск: Сибиринт, 2008. 440 с.
5. РГИА ДВ. Ф. Р–509. Оп. 1. Д. 2.
6. РГИА ДВ. Ф. Р–509. Оп. 1. Д. 1.
7. РГИА ДВ. Ф. Р–509. Оп. 1. Д. 10.
8. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин: Изд-е Общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского Общества «Книжное дело», 1924. 429 с.
9. РГИА ДВ. Ф. Р–509. Оп. 1. Д. 28.
10. РГИА ДВ. Ф. Р–509. Оп. 1. Д. 18.
11. РГИА ДВ. Ф. Р–509. Оп. 1. Д. 32.
12. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока: от Первой мировой войны до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018. 712 с.

Ю. Г. БЕЛОНОВ

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

**УЧАСТИЕ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ ПЕРИОДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ КОМПРОМЕТИРУЮЩЕГО ФАКТОРА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ СОСТАВА НОМЕНКЛАТУРЫ МЕСТНЫХ ПАРТКОМОВ
В 1950-е ГОДЫ**

Аннотация: На основании изучения делопроизводственной документации Молотовского (Пермского) обкома КПСС по утверждению номенклатурных работников в занимаемой должности автор прослеживает изменение отношения к участникам антибольшевистского движения периода Гражданской войны. После смерти И.В. Сталина на смену кадровым чисткам в рядах номенклатуры по компрометирующим обстоятельствам приходит более прагматичный подход – оценка работника по его деловым качествам. Рассматриваются основные признаки «номенклатурной либерализации», весьма заметной с 1954 г. по делопроизводственной документации. Формулируется вывод о том, что принятые в середине – второй половине 1950-х гг. верховной властью нормативно-правовые акты в рассмотренной сфере закрепляли уже сложившуюся на местах практику.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, советская власть, партийная номенклатура, комитета, компрометирующие факторы, историческая память.

Постановка проблемы. В советской модели элитообразования компрометирующие факторы играли роль первичного социального регулятора при формировании персонального состава номенклатурных работников, изначально предопределяя возможности карьерного роста потенциальных кандидатов. Считается, что строгое соблюдение данных параметров стало необходимым условием для успешного проведения через номенклатуру партийно-государственного курса [1, с. 166–168]. К компрометирующим факторам в сталинский период советской истории традиционно относилось не только «политически чуждое» социальное происхождение, участие индивида и/или его родственников в антибольшевистском движении в годы Гражданской войны. Последующие за Гражданской войной исторические этапы значительно дополнили количество компрометирующих факторов: с начала коллективизации к таковым относились принадлежность семьи к категории «кулаков», с 1930-х гг. – наличие судимости за репрессии по политическим причинам, а с 1940-х гг. – пребывание в период Великой Отечественной войны в плену или на временно оккупированной территории, сотрудничество с немецкими захватчиками, письменная связь с родственниками за границей. Заметим, что номенклатурный работник мог попасть под «пресс» компрометирующих факторов не только из-за себя, но и из-за своих родственников. Одновременно существовавшие регуляторы распространяли воздействие не только на самого индивида, но и – потенциально – на последующие поколения.

В 1950-е гг. происходит качественная трансформация указанных ограничителей. Исследователи обращают внимание на внешние признаки политической либерализации – изменение с 1956 г. форм личного листа по учету кадров [2], принятые нормативно-правовые акты, политически несколько иначе расставлявшие акценты в оценке участников Гражданской

войны и последующих событий советской истории [3]. В рамках данной статьи автор рассматривает один из внутренних механизмов происшедших изменений, который связан с практической деятельностью регионального и местных партийных комитетов по наложению взысканий в отношении представителей своей номенклатуры – либо участников антибольшевистского движения периода Гражданской войны, либо связанных родственными узами с участниками. В качестве источника были задействованы протоколы бюро Молотовского (с 1957 г. – Пермского) обкома партии, на которых рассматривались кадровые вопросы, а также персональные и апелляционные дела таких работников.

Основная часть. Гражданская война не только предопределила дальнейший ход советской истории, но и определенным образом повлияла на судьбы многих её участников и последующих поколений. Участие на стороне противников большевиков надолго стало компрометирующим фактором не только для уцелевших представителей «белого» и «зеленого» (на политическом лексиконе тех лет – «бандитского») движений, но даже их потомков. Рассматриваемый в данной работе компрометирующий фактор стал трудно преодолимым препятствием для попадания в партию и на номенклатурные должности. Проводимые в 1920–1930-е гг. «генеральные чистки» были объективно направлены на изгнание из партии рядов таких «политически неблагонадежных» лиц.

Широкие возможности для политической и профессиональной карьеры для них предоставила Великая Отечественная война, в период которой наблюдался высокий темп роста численности партийных рядов. В тех условиях партийные организации (особенно на фронте) не всегда имели ресурсные возможности и желание для полноценной проверки той информации, которую предоставлял о себе кандидат в партию. Поэтому случаи замалчивания или искажения компрометирующих данных о себе и своих родственниках стали весьма распространенным явлением.

Отчетливо выраженный к концу 1940-х гг. возврат к довоенной модели политического развития потребовал от высшего руководства страны изменить критерии регулирования состава властвующей номенклатуры. На рубеже 1940–1950-х гг. это неизбежно выразилось как в ужесточении социальных параметров при комплектовании руководящего состава органов власти, так и целенаправленной кампании по «очищению» кадров номенклатуры от людей, «не внушающих политического доверия». Идеологическим обоснованием в проведении данного курса стали решения XIX съезда партии, по которым задачей первостепенной значимости объявлялось «всемерное повышение революционной бдительности в подборе руководящих кадров», «строгое соблюдение большевистских принципов подбора людей по политическим и деловым качествам» [4, с. 61–93].

Одним из обвинений в адрес ряда номенклатурных работников стали как реальные, так и вымышленные факты участия их родственников в антибольшевистском движении в период Гражданской войны [примеры этих разбирательств см.: 5, л. 23–24; 6, л. 75–80; 7, л. 78–79]. Архивные материалы начала 1950-х гг. сохранили большое количество свидетельств обращений регионального парткома в компетентные органы по поводу проверки компрометирующих фактов биографии номенклатурного работника и членов его семьи перед утверждением на бюро парткома. Если в результате длительной и многоступенчатой проверки по каналам органов МВД–МГБ и партийной линии выявлялись факты умалчивания информации об участии номенклатурного работника и его родственников в антибольшевистском движении периода Гражданской войны, то его ждало не только привлечение к самой строгой партийной ответственности (исключение из партийных рядов), но и снятие с занимаемой должности.

Но инициированный «сверху» в начале 1950-х гг. целенаправленный курс по «очищению» номенклатуры от «политически неблагонадежных лиц», в отличие от практики 1937–

1938 г., сталкивался с определенным нежеланием «на местах» проявлять излишнее рвение. На примере проведения кампании по «делу врачей» (1952–1953 г.) А.С. Кимерлинг обнаружила «стремление местных руководителей всех уровней направить кампанию безопасное русло, свести ее к дежурным мероприятиям по исправлению недостатков в работе отдельных ведомств, не нарушать естественного хода управления внеплановой кадровой чисткой, откупиться от центра наименьшими жертвами» [8, с. 17]. На объединенном пленуме Молотовской областной и городской партийных организаций в июле 1953 г. первый секретарь Молотовского горкома КПСС А.М. Бобров следующим образом отразил итоги данного курса на местном уровне: «Иногда к руководству пробираются люди, скрывающие правду от партии, не искренни перед ней. Более четырех лет работал в Кировском райисполкоме Медников, который скрывал, что его жена — дочь кулака и белогвардейца» [9, л. 16].

После смерти И.В. Сталина при разборе персональных дел работников региональной номенклатуры наблюдается частичное изменение отношения к компрометирующим фактам биографии. Во-первых, в 1953–1954 г. основанием для исключения из партии и снятия с номенклатурной должности в большей степени служил именно факт сокрытия от партийных органов компрометирующей информации, а не само участие в антибольшевистском движении в годы Гражданской войны. Впоследствии тяжесть партийного взыскания для номенклатурных работников за «обман партии» заметно снижается. В качестве смягчающих обстоятельств фигурировало их участие в Великой Отечественной войне, безупречная работа в органах власти. Во-вторых, в новых условиях бюро Молотовского обкома КПСС начало поддерживать ходатайства нижестоящих партийных комитетов по снятию партийных взысканий с работников номенклатуры, уже получивших взыскания в начале 1950-х гг. за наличие компрометирующих фактов в своей биографии. В-третьих, главная новация заключалась в рекрутировании в состав региональной номенклатуры людей, имевших «скомпрометированную» Гражданской войной биографию, но при этом обладавшими необходимыми профессиональными качествами. Об этом недвусмысленно свидетельствуют материалы заседаний бюро Молотовского обкома КПСС. В 1954 г. в должностях председателей колхозов (после сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. данные должности входили в основную номенклатуру областного парткома – Ю.Б.) было утверждено два человека, которые в период Гражданской войны некоторое время служили рядовыми в частях Белой армии. В пояснительной справке на одного из них, председателя укрупненного колхоза «Колос», отмечено: «Областное управление сельского хозяйства и Верхне-Городковский РК КПСС... характеризуют Сирина П.В. как опытного и знающего сельское хозяйство руководителя, при руководстве которого колхоз экономически окреп и справляется с планом развития хозяйства по всем отраслям» [10, л. 78, 102].

Очевидный отказ от применения многих компрометирующих ограничителей был институционально закреплен рядом постановлений ЦК КПСС [подробней см.: 3, с. 110]. Так, постановление от 25 июня 1955 г. «Об устранении канцелярско-бюрократических извращений в учете кадров» осуждало практику «самовольного включения» в учетные документы «большого количества ненужных и утративших свое значение» вопросов о ближайших и дальних родственниках номенклатурного работника [11, л. 20–22]. В аналитических записках, на основании которых приняли этот нормативно-правовой акт, констатировалось, что анкета «за последние годы так разрослась, что практически заслонила собой живое изучение кадров». При этом многие из вопросов, включенные в анкеты, «не только не способствуют выявлению деловых и политических качеств работников, но даже затрудняют эту задачу, подменяя политическую бдительность вредной подозрительностью». В качестве примера несоответствия запрашиваемых анкетных данных новым политическим условиям приводилась ситуация, при которой «в стране преобладает поколение работников, выросших после

советской власти, в анкеты включались вопросы о службе в старой армии, об участии в оп-позициях, службе в полиции, белой армии и т.д.» [12, с. 145, 147–148].

Результаты исследования. Наблюдавшееся с 1950-х гг. изменение отношения к участникам антибольшевистского движения периода Гражданской войны объясняется не только демографической сменой поколений работников на руководящих должностях (достаточно небольшим к середине 1950-х гг. количеством индивидов, имевших такой компрометирующий факт в биографии, в общем числе работников номенклатуры). Более важной причиной является отчетливо ощутимое противоречие между сталинскими нормами комплектования кадрами властных институтов и необходимостью общего повышения эффективности управления обществом в условиях позднеиндустриального этапа модернизации. Это противоречие стало актуальным именно для нового поколения работников, родившихся или вступивших в трудовую деятельность после Гражданской войны: по независящим от них обстоятельствам (через кровное родство или брачные отношения) компрометирующий фактор искусственно ограничивал возможности их карьерного роста. Существовавшие социальные и политические ограничения в определенной степени противоречили и интересам номенклатуры, поскольку искусственно сдерживали приток «свежих сил», чей потенциал мог использоваться для более квалифицированного управления. На первый план в кадровой работе объективно стали выходить не столько политически безупречные анкетные данные, сколько деловые и профессиональные качества работника при безусловном соблюдении им политической лояльности по отношению к проводимому партийно-государственным руководством страны курсу.

Изучение протоколов заседаний бюро Молотовского (Пермского) обкома КПСС позволяет сделать вывод о том, что инициатива пересмотра компрометирующих ограничителей при регулировании кадрового состава номенклатуры фактически исходила от местных властей. Наблюдаемое нарушение установок центральных органов объяснялось отсутствием в резерве местных органов власти требуемого числа работников, идеально подходящих под критерии комплектования кадров номенклатуры. Учитывая и сложившуюся практику на «местах», высшее руководство страны постепенно берет курс на фактический отказ от показавших свою неэффективность ограничителей. В реалиях советской политической системы этот процесс реализовывался в форме кампании по изжитию «формально-бюрократического, канцелярского подхода» к изучению и подбору руководящих кадров.

Рассмотренные перемены в комплектовании кадрового корпуса правящей номенклатуры, ставшие составной частью процессов политической «оттепели», не могли не затронуть изменения в исторической памяти о Гражданской войне. При сохранении традиционной оценки движущим силам Гражданской войны, даже не ставившей на политическую повестку дня проблему исторической реабилитации «белого» и «зеленого» движений, с середины 1950-х годов участие на стороне противников большевиков все же перестает рассматриваться как исключительно компрометирующий фактор биографии номенклатурного работника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.): монография. Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 238 с.
2. Нигматуллин С.Х. Форма личного листка по учету кадров как отражение социальной политики в СССР в 1930–1950-х гг. (на примере документов московских школ) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 4. С. 92–97.
3. Кометчиков И.В. Сельские первичные организации КПСС центрального Нечерноземья середины 1940-х - начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование // Истори-

ческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11(49), ч. I. С. 107–114.

4. Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Молотов: Молотовское областное государственное издательство, 1952. 102 с.

5. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 59.

6. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 101.

7. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 18.

8. Кимерлинг А.С. Политическая кампания «Дело врачей» в провинции. 1953 год (на материалах Молотовской и Свердловской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. 19 с.

9. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 17.

10. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 97.

11. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 48.

12. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прокуменщиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т.Ю. Жукова и др. М.: Росспэн, 2009. 774 с.

О. В. БЛИНОВА

Омский государственный историко-краеведческий музей, Омск, Россия

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОМСКА В ПЕРВЫЙ ГОД
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ»
(ДЕКАБРЬ 1919 – ДЕКАБРЬ 1920 гг.)**

Аннотация: В исследовании освещаются отдельные аспекты повседневной жизни омичей в начальный период восстановления советской власти в регионе (декабрь 1919 – декабрь 1920 гг.). Выявленные сведения базируются на фронтальном просмотре газеты «Советская Сибирь», выходившей в исследуемый период в Омске. Автор приходит к выводу об особой ценности данного источника для изучения ранней советской повседневности Омска.

Ключевые слова: советская власть, периодическая печать, Гражданская война, повседневность.

Постановка проблемы. Тематика повседневных реалий Гражданской войны в городах Западной Сибири нашла широкое освещение в работах современных исследователей [1–5]. Опыт проведения научных форумов позволяет считать данное направление одной из актуальных тематик современной историографии [6]. Развивая тему, хотелось бы остановиться на отдельных аспектах быта омичей на переломе эпохи, основываясь на материалах периодической печати. В условиях смены власти в период 1919–1920 гг. значительный пласт информации по истории Омского региона за эти непростые годы дает издание «Советская Сибирь». Газета появилась по постановлению Сибревкома от 18 сентября 1919 г. о присвоении печатному органу Челябинского ревкома и комитета партии «Степная коммуна» статуса газеты Сибирского революционного комитета с переименованием ее в «Советскую Сибирь» [7, с. 130; 8]. Непосредственную поддержку в выпуске издания оказывал политотдел 5-й армии РККА. С продвижением красных частей, теснивших белую армию на восток, периодическое издание обосновалось в Омске к концу ноября 1919 г. Здесь редакция просуществовала до июля 1921 г., после чего она была перенесена в Новониколаевск. Период пребывания печатного органа в нашем городе – короткий, но весьма значимый, поскольку на тот момент «Советская Сибирь» выступила ведущим региональным изданием (до выхода «Рабочего пути» в 1921 г.). Редакция первоначально располагалась на Любинском проспекте (впоследствии ул. Ленина), 12, а в 1920 г. переехала по адресу: Газетный переулок, гостиница «Деловой Двор». Подписка на газету, выходившую ежедневно, составляла 50 рублей в месяц при продаже одного номера за 2 рубля и осуществлялась в экспедиции «Центропечати» в здании бывшего магазина М.А. Шаниной на Любинском проспекте [9, с. 1].

Редакция «Советской Сибири» состояла из ярких представителей советской пропаганды, видевших задачу издания в агитации нового режима, ликвидации политической безграмотности населения. Первым редактором «Советской Сибири» был революционер, пропагандист В.И. Хотимский, член Сиббюро ЦК РКП(б). Летом 1920 г. «Советскую Сибирь» возглавил И.Н. Стуков, редактор «Известий Омского губревкома». Частым корреспондентом издания был Е. Ярославский, позднее вошедший в редколлегия, наравне с И. Майским и Ф. Березовским. Идеологическая «заточенность» газеты сказывалась как в тематике, так и в манере подачи, сокращавшей до минимума обывательскую составляющую информации (бытовые зарисовки, фельетоны, рекламный блок). Значительный пласт данных был представлен переизданием новостных страниц центральных печатных органов и содержал информацию по мировым событиям, раскрывавшимся в рамках заданной идеологической пара-

дигмы. Меньший по размеру блок был представлен сведениями региональными, включающими информацию с мест, в том числе по Омску и Новониколаевску – «По Красной Сибири». Особый интерес для нас представляет раздел «Хроника», посвященный коротким заметкам из повседневной жизни Омска.

Основная часть. Фронтальный просмотр газет за годовой интервал с декабря 1919 г. по декабрь 1920 г. с выборочной подборкой тематик позволяет выявить отдельные отличительные черты этого периода в облике города. Прежде всего, бросается в глаза столкновение двух тенденций в повседневности омичей. Первое, это нахождение в поле боевых действий, в состоянии военной разрухи со всеми сопровождающими ее реалиями. Это всплеск проявлений девиантного поведения – грабежи, насилие; перенаселение города случайными людьми (беженцы); волны миграции с запада на восток через Омск, как следствие – эпидемии и высокая смертность; разрушение прежней коммунальной системы и системы муниципального благоустройства, приведшие к топливному и энергетическому кризису, массовым скоплениям нечистот. Второе (противопоставленное первому), стремление к максимально скорому переходу в мирное время в новых исторических условиях (переименование улиц, озеленение, строительство парков, фонтанов, установление памятников, создание школ и библиотек [10, с. 4; 11, с. 3]). В некоторых случаях на фоне неизменных реалий первой описанной тенденции кажется нелепым и несвоевременным отдельные акции новой власти. Однако психологически эти действия понятны и призваны настроить обывателя на скорую окончательную победу нового коммунистического режима, его основательность и социальную ориентированность, завершение вымотавшей всех войны.

Постоянным явлением этого периода становятся митинги и субботники. Первые призваны были идеологически подготовить широкого обывателя к новой расстановке сил в стране и городе [12, с. 1; 13, с. 3], вторые, действовавшие в тех же целях, решали и насущную проблему очищения города от нечистот [14, с. 4]. В условиях скученности населения и нехватки медицинских пунктов и врачебных кадров развиваются эпидемии. Вот характеристика одного фельдшерских пунктов Омска в конце 1919 г.: «В настоящее время на станции Омск имеется эвакуационные пункты. Это то учреждение, которое должно оказывать первую медицинскую помощь больным, на деле, однако, является не учреждением борьбы с различными болезнями, а лишь большими распространениями их. Здесь нет почти никакой помощи и надзора; есть только один фельдшер, который исключительно сидит на приеме больных и несколько санитаров, которые специально заняты выносом умерших в известную комнату. При входе в здание первым делом по носу бьет ужасное зловоние; на полу грязь, валяются больные, так что нет даже прохода. Больные тут же и испражняются. Комната наполнена стоном, душераздирающим криком о помощи, но вся помощь лишь в том, что ходит санитар с ведром в руках и утоляет жажду больных сырой холодной водой. Есть больные, лежащие по месяцу. В настоящее время на пункте имеется на руках 1900 человек. Надо, наконец, принять решительные меры. Иначе тиф нас задушит!» [15, с. 3]. Как отмечает в своей работе С. Г. Сизов, эпидемия тифа, отдельные вспышки которого были характерны уже для периода Первой мировой войны, вспыхнула мощно в 1918 г., распространяясь по Сибири с запада на восток по железной дороге. Помимо тифа распространялись холера, дизентерия, скарлатина и оспа [3, с. 108–114].

В течение всего исследуемого периода в газетах постоянно фигурирует информация о борьбе с тифом как со вторым, если не с первым врагом молодой власти, угрожающим ей в тылу. На первых полосах газет фигурируют лозунги «На борьбу с эпидемиями! На борьбу с тифом!». В тексте вставными блоками размещены призывы к населению и медицинскому персоналу. Например: «Каждый врач должен отдать все свои силы на борьбу с тифом. Каждый врач должен превзойти самого себя. Иначе он не выполнит своего долга» [16, с. 3]. Проблема нехватки медицинских кадров в условиях эпидемии брюшного, сыпного, возвратного тифа и холеры стояла чрезвычайно остро [17, с. 4].

В газете нами обнаружен пример нового для того времени подхода советской администрацией к решению назревшей проблемы, который можно обозначить как «омский казус профессора Преображенского». В одном из номеров газеты вышла заметка «Довольно миндальничать!» в рубрике «Письмо в редакцию». Ее автор, поместивший текст под именем Березовского, сетует на засилье Омска в целом и государственных структур, в частности, представителями старого строя, буржуями. В качестве наглядного примера такого положения дел, он описал свое участие в посещении жилищной комиссией квартиры местного доктора с целью уплотнения. В 6-комнатной квартире, как указывает автор заметки, проживало пять человек, что давало возможность «уплотнения» жильцов. «Потесниться – так не то, что одна, а три комнаты освободятся. Но буржуа-врачу очень уютно и тепло устроившемуся в своем гнездышке, не хочется этого, и пускать каких-то красноармейцев. Отговорка: он специалист-врач, ему нужен отдых и т.д. Ему тепло, хорошо, а ты хоть на улице околей! Все это, однако, вяжется с понятием буржуа и ничего лучшего от него я не ожидал. Но каково мое было удивление, когда буржуа показал охранный свидетельский акт на квартиру и имущество, подписанный одним из членов Сибревкома. В дальнейшем разговор врач сказал, что если его уплотнят, то он и все врачи Омска откажутся работать» [18, с. 2].

Изложив ход событий, Березовский сделал вывод о необходимости скорейшего перехода к суровым мерам по отношению к «буржуям», отправке их в концлагеря и передачи их жилплощади представителям пролетариата. История с этой типичной для своего времени статьей, вызывающей в памяти ассоциативный ряд из известной повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», получила продолжение. Спустя четыре номера в той же рубрике было опубликовано открытое письмо известного революционного писателя Феоктиста Березовского с опровержением своего авторства приведенной выше заметки [19, с. 4].

Вскоре письмо в редакцию написал вероятный защитник указанного врача – член Сибревкома В. Косарев. В своем открытом выступлении он обосновывает позицию защиты врача и ясно указывает на ошибочность выводов автора первой заметки. Выступление в духе риторики военного коммунизма себя не оправдало. «Надо бы пролетарию знать, что врачи не одинаковы. Мы знаем врачей, которые в Челябинске или Тюмени бросали тысячи тифозных и друг.[их] больных на произвол судьбы и забравши с собой все медикаменты, белье и разное больничное имущество, удрали к Колчаку, зная заранее, что тифозные больные разбредутся по городу, разнося заразу. Но в том же Челябинске из 88 осталось 3 врача, работающих не за страх, а за совесть. Нельзя относиться к врачам шкурникам, убежавшим к Колчаку также, как к врачу, оказавшему большие услуги нам – пролетариям. ... В данный момент мы не успели еще в г.[ороде] Омске поставить медицину на советский лад. Врачи продолжают принимать больных у себя на дому» – резюмировал Косарев, озвучив на данном примере начавшую оформляться практику привлечения «бывших» специалистов на службу новому государству, нашедшую широкое применение в 1920-е гг. Видим мы здесь и исток конфликта, набравшего силу к концу 1920-х гг. между сторонниками жестких мер, свойственных военному периоду, и политиками, готовившими переход страны в мирное русло с отступлением от ряда постулатов партийной идеологии в пользу реалий окружающей обстановки. Подтверждением закладываемой практики может служить приказ Губревкома о немедленном привлечении к работе всех оставшихся на местах служащих учреждений, исполнявших свои обязанности при правительстве Колчака [20, с. 4].

Проблема нехватки жилья в условиях колоссальной перенаселенности города оставалась острой на протяжении всего рассматриваемого периода. Первые потоки беженцев устремились в город еще в годы первой мировой войны. Согласно данным, которые приводит С. Г. Сизов, к лету 1917 г. Акмолинская область приняла почти 32 тыс. беженцев. С осени 1918 г. поток увеличился за счет частей Народной Армии Комуча, отступавших под давлением красноармейцев в Сибирь вдоль железной дороги. Итогом стала перегрузка коммунального хозяйства и жилищного фонда, констатируемая властями в августе 1919 г. Количе-

ство жителей Омска и пригородов выросло с 100 тысяч в 1917 г. до 500 тысяч к лету 1919 г. [3, с. 73–83].

Решение проблемы виделось в учете всей жилищной площади Омска и пригородов, осуществленного с помощью демографической переписи, проводившейся летом 1920 г. На пленарном заседании избранного Омского совета рабочих и красноармейских депутатов было вынесено решение: «Приступить к разгрузке города от населения и учреждений, ничем не связанных с необходимостью нахождения их в городе; установление строгой регистрации приезжающих; разрешение и широкое содействие к выезду беженцев империалистической и гражданской войны на родину или переселение их в другие города Сибири» [21, с. 2]. При этом все торговые помещения, подходившие по своим размерам для размещения в них государственных учреждений, освобождались от хранившихся там товаров с недопущением впредь использования их в качестве складов. Те же ограничения касались вывоза мебели за пределы города. Контроль над сохранением и недопущением вывоза мебели за пределы города возлагался на Чрезвычайную жилищную комиссию, имевшую право в случае выявленных нарушений предать виновных судебной ответственности и конфисковать имущество [22, с. 4].

Следующим вопросом, обсуждаемым недавно избранным Омским советом, стал топливный вопрос. Он неизменно освещался на страницах газеты на протяжении всего 1920 г. Тяжелейшая зима 1919–1920 гг. вскрыла имеющиеся проблемы, связанные с развалом коммунальной системы, отсутствием возможностей для доставки дров в город на следующую зиму. Нехватка барж для доставки груза из Тарского уезда в Омск, людей для разгрузки бревен в городе, финансов на оплату товара требовали новых решений [23, с. 4]. Заготовки дров летом 1920 г. проводились с огромными задержками в связи с необходимостью отвлечения рабочих сил на ведения сельскохозяйственных работ.

В качестве решения проблемы депутаты Омского совета предложили по возможности сократить затраты дров, используя для строительства глину и возводя саманное жилье, а в качестве топлива – имеющийся в больших количествах навоз [24, с. 1]. Кроме того, поступило предложение проведения субботников в ночное время для разгрузки пребывающих барж. Нагрузка распределялась между учреждениями с обязательным участием в субботнике всех претендующих на отопление зимой [25, с. 4]. Другой проблемой, выявленной в первую зиму советской власти в регионе, стала проблема снабжения продовольствием. Помимо карточной системы, была введена система распределения продовольствия, осуществляемая единым обществом потребителей [26, с. 4]. Большим подспорьем для жителей стала организация огородов, выделенных из муниципальной земли и раздававшейся с согласия городской администрации обществом рабочих огородов. Земли были широко востребованы рабочими, выходящими на благоустройство выделенного участка по окончании рабочего дня на предприятии. Участки земли выдавалась, видимо, в неблагоустроенных, невостребованных городом территориях. Так, мы встречаем в газете упоминание о прекращении набора заявок от желающих приобрести огороды у Казачьего кладбища [27, с. 4].

Переход к подобному полунатуральному хозяйству был связан с крушением привычных товарно-денежных отношений. Белогвардейские денежные знаки, имевшие хождение до недавнего времени, потеряли свое значение. Еще в начале осени 1919 г. в Сибревком из Наркомфина был направлен циркуляр, утверждающий для региона резолюцию наркома финансов РСФСР Н.Н. Крестинского от 9 апреля 1919 г. об аннулировании имевших хождение в регионе белогвардейских денежных знаков и запрете обмена их на советские деньги [28, с. 28]. Слухи об аннулировании «сибирских» денег привели к панике и массовому сбыту обесцененных купюр на натуральные продукты для перепродажи их на советские денежные знаки. Для остановки паники и спекуляции Омский ревком издал постановление об обмене старых банкнот на пять фунтов мяса и два фунта хлеба. 6 декабря 1919 г. всем учреждениям было предписано незамедлительно в трехдневный срок сдать все имеющиеся колчаковские

деньги в кассу Омского отделения Нарбанка. «Сибирские» деньги прекратили свое хождение на омском рынке [29, с. 194].

Аннулированные колчаковские деньги теперь можно было встретить приклеенными на заборах и витринах магазинов. На одной из витрин была даже наклеена пятисотрублевая бумага – «символ» накоплений, которые рухнули со сменой власти [30, с. 4].

Переход к мирному времени ознаменовался проведением мероприятий по празднованию нового 1921 г. в детских садах и среди молодежи. Вот описание праздника в новом советском стиле: «II район РКСМ. Большая ярко освещенная зала Омского пролеткульта. Все места заняты рабочей молодежью Омска. В программе встречи Нового года: 1) суд над РКСМ; 2) пьеса «На большой дороге» Чехова, дивертисмент, в 12 часов ночи живая картина «Старый и Новый годы», доклады» [31, с. 6]. Основным мероприятием праздника выступает театрализованный суд над персонифицированным героем новой эпохи – Российским Союзом коммунистической молодежи. Свидетели «за» (рабочий, крестьянин, работница) и «против» (интеллигент, мещанка, купеческий сын) него озвучивают свою позицию и дают оценку поступкам подсудимого. По итогам выступлений сторон суд признает РКСМ невиновным под бурные аплодисменты зрителей.

Результаты исследования. Таким образом, на протяжении первого года установления советской власти в крае газета выступала не только рупором идей нового строя, но и отражала ситуацию в городе, основные проблемы и чаяния населения. Имея свою специфику, материалы со страниц «Советской Сибири» – ценнейший, подчас уникальный информационный ресурс. При должной критике их позволительно называть одним из ключевых источников по истории повседневности советского Омска в 1919–1920 гг. В сочетании с другими источниками (делопроизводство, мемуары и т.д.) возможно получить не только официальную «лакированную» историю, но и осветить многие проблемные картины омской урбанистики. А, как отмечает сегодня историография, подобный многогранный аналитический подход при выборе и интерпретации источника особо важен в деле противодействия фальсификациям в истории [32].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Белого Омска // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 57–60.
2. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 386 с.
3. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.
4. Сизов С.Г. Основные социально-экономические особенности повседневной жизни Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 84–91.
5. Рынков В.М. Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России // История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы: сб. мат-лов науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 180–188.
6. Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.
7. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. 783 с.
8. Петрова Т.И. Старейшая из газет: 1 октября – 95 лет новосибирской областной газете «Советская Сибирь» (1919) // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2009 год. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2008. С. 184–185.
9. Советская Сибирь. 1920. № 76. 6 апреля.

10. Летний сезон // Советская Сибирь. 1920. № 77. 7 апреля.
11. Народное образование. Библиотеки // Советская Сибирь. 1920. № 112. 25 мая.
12. О митингах // Советская Сибирь. 1920. № 78. 9 апреля.
13. Митинг иностранных пролетариев // Советская Сибирь. 1920. № 136. 23 июня.
14. Убирайте нечистоты // Советская Сибирь. 1920. № 99. 8 мая.
15. Отдел народного здравоохранения. Немедленно примите меры // Советская Сибирь. 1919. № 63. 21 декабря.
16. Советская Сибирь. 1920. № 62. 20 декабря.
17. Эпидемия тифа в Омске // Советская Сибирь. 1920. № 75. 4 апреля.
18. Березовский. Довольно миндальничать! // Советская Сибирь. 1919. № 50. 6 декабря.
19. Березовский Ф. Письмо в редакцию // Советская Сибирь. 1919. № 54. 11 декабря.
20. Действия в распоряжении новой власти. Приказ № 6 // Советская Сибирь. 1919. № 52. 9 декабря.
21. Пленарное заседание Омского Совета. 2 июня // Советская Сибирь. 1920. № 121. 5 июня.
22. Постановление Сибирского Революционного комитета // Советская Сибирь. 1920. № 106. 16 мая.
23. Помните о зиме! // Советская Сибирь. 1920. № 131. 17 июня.
24. Топливный вопрос в г. Омске // Советская Сибирь. 1920. № 117. 30 мая.
25. Хроника. Невыгруженные дрова // Советская Сибирь. 1920. № 224. 6 октября.
26. Рабочая и профессиональная жизнь. В Губпрофсовете // Советская Сибирь. 1920. № 209. 18 сентября.
27. Хроника. Огороды // Советская Сибирь. 1920. № 102. 12 мая.
28. Петин Д.И. «Людам трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири // Новейшая история России. 2016. №3 (17). С. 27–40. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.302.
29. Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 293 с.
30. Хроника. Колчаковские деньги // Советская Сибирь. 1919. № 54. 11 декабря.
31. Среди молодежи. Встреча Нового года в Омске // 1921. № 4. 6 января.
32. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

Г. Ю. БОРОДИНА

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАКТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ОМСКОЙ СЕМЬИ АЛЕКСЕЕВЫХ)

Аннотация: В исследовании на основе соотнесения неопубликованных источников из фондов архивов с устной историей и фотографиями представлена судьба представительниц мещанской семьи Алексеевых, длительный период проживавших в Омске. Освещены попытки адаптации представителей этой семьи к изменениям в социальной обстановке в период Гражданской войны, а также в 1920–1950-е гг.

Ключевые слова: социальная адаптация, советское общество, гендерная история, Гражданская война, «бывшие люди», репрессии, греки, практическая генеалогия.

Постановка проблемы. Современные исследователи, изучающие российское общество в военно-революционный период 1917–1922 гг., стали достаточно часто обращаться к рассмотрению данного вопроса сквозь призму социальной истории и практической генеалогии. Подобный индуктивный подход позволяет на частных примерах подробнее описать масштабные явления, имевшие место в жизни страны, а также показать степень влияния социальных процессов на представителей общества. Известны научные работы, написанные в таком ключе, связанные в указанный период и с жителями Омского региона [1–12]. Также важно отметить, что социальная история Революции и Гражданской войны имеет тесную связь с вопросом социальной адаптации. Политические катаклизмы тех лет значительно обострили социальные процессы для всех слоев населения. Данный тезис подчеркивает в своих публикациях новосибирский историк В.И. Шишкин [13–14]. Мещане были выбраны нами в качестве объекта исследования, поскольку на рубеже XIX–XX вв. они являлись одной из многочисленных групп городского населения Западной Сибири [15].

Основная часть. Омский мещанин Василий Иванович Алексеев с женой Анной Исаевной (? – [после 1925]) жили в Казачьем форштадте Омска. В их семье воспитывались три дочери: Ольга (родилась 3/15 июля 1878 г., была крещена в Крестовоздвиженской церкви [16, л. 25]), Таисия (родилась в 1882 г.) и Евдокия (родилась в 1884 г.). Рассмотрим судьбы каждой из сестер. Ольга Васильевна Алексеева 18 лет от роду 27 января / 8 февраля 1897 г. в Войсковой казачьей Николаевской церкви обвенчалась с 24-летним казаком станицы Омской Михаилом Васильевичем Беловым [17, л. 108]. У Беловых 15/27 ноября 1898 г. родилась дочь Екатерина (крещена в Николаевской церкви) [18, л. 103]. Детализировать дореволюционную жизнь Ольги Васильевны не представилось возможным. Известно, что революционные события 1917 г. и последовавшая Гражданская война сломали ее семейное счастье. М.В. Белов в чине подьесаула воевал в Сибири на стороне антибольшевистского движения. По словам Ольги Васильевны, за это он был расстрелян советскими карательными органами. Косвенное данное подтверждение факта имеется в краткой газетной заметке, сообщающей о том, что «подьесаул белой армии Белов расстрелян» [19]. После этого она отрезала на их общей фотографии ту ее часть, где он изображен; в таком виде снимок («запечатлевший» теперь лишь супругу и дочь казачьего офицера) и дошел до наших дней. О.В. Белова объясняла порчу фотографии наивно звучащими словами, что якобы искренне она никогда не любила

своего мужа. Стоит сказать, что в советском обществе подобное «стирание» семейной памяти посредством уничтожения семейных реликвий было распространенным последствием политических репрессий.

Сохранилась фотография Екатерины Михайловны Беловой. На обороте снимка указано, что она – артистка. Жизненный финал дочери О.В. Беловой, по семейным сведениям, был трагичен: во второй половине 1920-х гг. молодая и привлекательная девушка простудилась, выступая на одной из омских первомайских демонстраций, и вскоре умерла.

Судьба Ольги Васильевны до 1952 г. осталось во многом неясной. Вся ее предыдущая жизнь, также как и судьбы ее родных, ею тщательно скрывались, и как впоследствии оказалось, небезосновательно. Со слов О.В. Беловой было лишь известно, что раньше жила она в достатке, муж погиб в 1920 г., дочь артистка умерла молодой. Известно, что Ольга Васильевна некоторое время провела в местах лишения свободы. К 1950-м гг., выйдя из лагеря, пожилая женщина, живя в Омске по адресу 4-я Линия, 77, была просвирней при Свято-Никольской церкви (ныне Свято-Никольский Казанский собор). В 1953 г. семье Кутейниковых (откуда происходит автор статьи) потребовалась няня для новорожденного ребенка. Мать автора статьи М.В. Кутейникова должна была работать, так как глава семьи был болен туберкулезом. В итоге, О.В. Белова приняла посильное участие в воспитании автора статьи, а также в уходе за тяжелобольным Ю.П. Кутейниковым. Вплоть до 1961 г. она прожила в приютившей ее семье на правах очень уважаемого и родного человека. Ольга Васильевна Белова ушла из жизни в 1962 г. в возрасте 84 лет, была похоронена на Старо-Южном кладбище рядом с прадедом, прабабушкой и отцом автора данной работы.

Также Ольга Васильевна рассказывала, что была у нее родная еще сестра, Таисия, некогда жившая в Омске, а впоследствии – в Греции, носившая в замужестве экзотически звучащую для России фамилию – Дунья-Оглу. У О.В. Беловой сохранились две фотографии Таисии (сделаны в Омске, в ателье И. Кадыша в 1919 г.). На одной Таисия запечатлена с мужем, на другой – с сыном Владимиром и матерью А.И. Алексеевой. Много о судьбе Таисии удалось найти в архивных документах.

Мещанка Таисия Васильевна Алексеева 7/20 июля 1918 г., не состоя в законном браке, родила сына Владимира, крещенного в Пророко-Ильинской церкви. А ровно через 3 месяца, 7/20 октября 1918 г. греческий подданный Александр Николаевич Дунья-Оглу обвенчался с Т.В. Алексеевой. Жениху тогда был 51 год, невесте – 30 лет. Примечательно, что одним из поручителей со стороны жениха являлся потомственный гражданин города Омска Георгий Яковлевич Серебряков – известный табачный фабрикант. После этого в запись о рождении Владимира внесли дополнение о том, что согласно определению Омского окружного суда от 5 декабря 1918 г. младенца усыновили супруги Дунья-Оглу [20, л. 60, 153].

Судьба мужа Таисии Васильевны, Александра Николаевича Дунья-Оглу поистине необычна, остановимся на ней подробнее. Родился он в 1870 г. в Константинополе (ныне Стамбул). В 1890 г. вместе с отцом он приехал в Россию, где сначала работал на табачной плантации в Донской области, затем перебрался в Москву. В 1894 г. Александр Николаевич прибыл в Омск, где вначале заведовал табачным магазином по адресу Продольная, 8. В 1896–1908 гг. являлся вояжером Табачной фабрики Г.Я. Серебрякова почти с момента ее основания. Фабрика размещалась на углу улиц Томской / Лермонтовской и Варламовской [21, л. 7–8]. Продукция фабрики, удостоенная Большой золотой медали на 1-й Западно-Сибирской выставке 1911 г., производилась из лучших сортов листового табака, привезенного из Крыма и южных берегов Турции. Близ фабрики в доме на Кокуйской, 51 проживал и Дунья-Оглу [22, с. 15]. Неудивительно, что купец I-й гильдии Г.Я. Серебряков, владелец табачной фабрики стал поручителем при бракосочетании А.Н. Дунья-Оглу с Т.В. Алексеевой.

Работая на фабрике Александр Николаевич, не раз выезжал во Владивосток и Харбин. С 1908 по 1913 гг. он был представителем товарищества братьев Шамшуриных в Сибири, а с 1913 по 1918 гг. – представителем Феодосийской фабрики Стамболи в Сибири. Старейшая в Крыму фабрика Стамболи имела представительства в городах Европы, а также в Сибири, активно работала в Первую мировую и Гражданские войны. Ее табачки и папиросы дважды были удостоены высшей награды на выставке в Париже в 1895 и 1900 гг. В марте 1918 г. фабрика была национализирована. Поэтому в 1918 г. Александр Николаевич открывает товарищество «Дунья-Оглу и К^о», которым руководил до 1919 г. Компания имела «Византийский табачный магазин». Одновременно Александр Николаевич был уполномоченным греческого консульства в Омске и председателем правления греческой колонии эллинов, проживающих в Западной Сибири. С этой целью Дунья-Оглу договорился с французским консулом де-Мартелем о совместных действиях по защите интересов соотечественников. При отступлении белой армии Дунья-Оглу остался в Омске. С приходом советской власти все его имущество – 5 домов по адресам Будочная, 28, Кокуйская, 51, Декабристов, д. 48, Съездовская, д. 44, Лагерная 48, Троцкого, 89, 4-я Линия, 57 – в 1923–1925 гг. было муниципализировано [22, с. 15, 67, 72]. Как и многие большие частновладельческие постройки, при муниципализации они были отнесены ко II-й группе (куда относились различные товарищества, крупные дома, городские общества, гимназии и религиозные общины). Новой властью в 1920 г. Александру Николаевичу было предложено поступить на работу в какое либо советское учреждение, что он и поспешил исполнить.

В 1920–1921 гг. он заведовал Табачной секцией Омгубсовнархоза, а затем 1-й табачной фабрикой. И в одном доме по адресу Кокуйская, 51 вместе с Александром, Таисией и Владимиром Дунья-Оглу жили овдовевшая О.В. Белова, ее мать Анна Исаевна, дочь Екатерина, незамужняя сестра Евдокия. Оставшись жить в привычном жилье, представители семьи теперь уже не являлись полноценными хозяевами дома: после «уплотнения» они жили с подселением.

В этот период Александр Николаевич, как явный представитель категории «бывших людей», впервые подвергся политическому притеснению. В доме семьи Дунья-Оглу 16 июня 1920 г. сотрудники Омской губЧК произвели обыск, изъяв имущество («присвоенное от бежавшей буржуазии и не законно хранящееся»), в том числе, золотые часы, суммы в царских, «керенках» и «сибирских» деньгах, пианино и мн. др. Часть изъятых ценностей была зашита в подушки и детский матрас. После обыска чекистами под ответственность О.В. Беловой были сданы две опечатанные комнаты. Арестованному главе семейства Омский губернский ревтрибунал инкриминировал, в итоге, «понижение производительности труда на 1-й Сибирской государственной советской табачной фабрике». Мерой пресечения избрали подписку о невыезде. Но уголовное дело, в конечном счете, прекратили за недостатком улик [23, л. 12–13, 45, 49].

Александр Дунья-Оглу с 1924 г. стал кассиром Мясосоюза, а с 1926 г. – возглавил АЗВИН по Сибири. Затем Александр Николаевич организовал табачную артель «Малоросс», в ней до 1936 г. он работал председателем правления и заведующим производством. Судя по занимаемым им должностям, семья жила в достатке, а в 1932 г. даже выезжала для лечения на Железноводский курорт [21, л. 11об.]. Но общее ужесточение общественно-политической жизни в СССР сказалось и на А.Н. Дунья-Оглу. Главу семьи Омский горисполком лишил избирательных прав, но, в 1929 г. Александра Николаевича в правах восстановили [24].

Отметим и другую важную деталь – в 1924–1937 гг. А.Н. Дунья-Оглу непрерывно работал председателем исполнительного органа церкви Святого Михаил Клопского (Галкинской) [21, л. 8об.]. Этот храм был сооружен на территории упраздненного кладбища (ныне пересечение улиц 10 лет Октября и Маршала Жукова) на средства купеческой вдовы

В.Л. Галкиной в 1898-1902 гг. [25, с. 38]. По постановлению президиума Омского областного совета от 5 ноября 1936 г. территорию церкви отдали под строительство школы. Но уже 26 ноября 1936 г. в облисполком община верующих (насчитывала 445 человек) подала протест. Инициатором его был А.Н. Дунья-Оглу. В протесте указывалось, что принимая решение о сносе церкви, облисполком нарушает договор с общиной, каковой община четко исполняла. Снос здания в 1936 г. приостановили. В этом же году Александр Николаевич выступил против сноса Крестовоздвиженской церкви. Вопрос о сносе Галкинской церкви ушел во ВЦИК, там его долго рассматривали, наконец, 25 декабря 1937 г. президиум ВЦИК принял постановление за подписью М.И. Калинина: «Церковь закрыть. Здание снести». Попытки отстоять храмы не остались безнаказанными для Александра Николаевича. 28 мая 1937 г. он был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по статье 58 п. 10 УК РСФСР. Мерой пресечения была избрана подписка о невыезде [21, л. 4].

В обвинительном заключении от 9 июля 1937 г. Дунья-Оглу обвинялся в том, что: «1) Вместе с духовенством и контрреволюционным активом из числа церковников развернул работу по открытию всех ранее закрытых церквей; 2) Организовал передачу денег, принадлежащих церкви контрреволюционному духовенству, отбывавшему наказание за контрреволюционный протест; 3) В церкви вел контрреволюционную троцкистскую агитацию; 4) Компрометировал новую конституцию; 5) Вел пораженческую агитацию. В соответствии с этим дело было направлено на рассмотрение ОСО НКВД СССР» [21, л. 26–27]. В итоге, в отношении А.Н. Дунья-Оглу 9 августа 1937 г. было принято постановление: «как нежелательного иностранца – выслать из пределов СССР» [21, л. 30].

УНКВД по Омской области 4 февраля 1938 г. отрапортовало в 8-е отделение ГУГБ НКВД СССР о том, что «греческий гражданин Дунья-Оглу А.Н. выбыл за границу 11 января 1938 г.» [21, л. 31]. Подчеркнем, что относительная мягкость «решения» понятна – Дунья-Оглу не был подданным СССР. Высылка из страны для него, по сути, была высшей мерой наказания. Галкинскую церковь в 1938 г. закрыли, а в 1956 г. снесли. Чета Дунья-Оглу с сыном уехали в Грецию, обосновались в Салониках, где А.Н. Дунья-Оглу умер в 1943 г. Прокуратурой Омской области 14 апреля 1989 г. он был реабилитирован [21, л. 33].

После окончания Второй мировой войны и возможностью почтового сообщения с СССР овдовевшая Т.В. Дунья-Оглу предприняла попытку воссоединиться с омскими родственниками. О.В. Белова хранила письмо сестры, присланное в 1946 г., в нем читаем: «Дорогая сестра Оля, пишу тебе о том, что мне в чужой стране живется одиноко и трудно. Очень хотелось мне повидаться с Вами на родине. А так как я не получаю от Вас писем, то я не могу получить право на выезд на родину со стороны властей. Нужно иметь письмо [человека], к кому я приеду в Россию, поэтому прошу тебя пришли мне его скорее. Любящая твоя сестра Таисия Васильевна Алексеева [26]. Судя по ответу Консульского управления МИД СССР от 16 ноября 1946 г., такое письмо 14 октября 1946 г. в Президиум Верховного совета СССР О.В. Беловой было отправлено. В ответе Т.В. Дунья-Оглу рекомендовалось лично обратиться в консульский отдел посольства СССР в Афинах для оформления необходимых документов для въезда в СССР [27]. На этом переписка прервалась. О.В. Белова не имела своего жилья, считая, что сестре приезжать просто некуда. Кроме того, она держала обиду на сестру, увезшую в Грецию основную часть семейного капитала, оставив ее и сестру Евдокию ни с чем. Сестра Ольги Васильевны, Евдокия Белова некоторый период жизни жила при Свято-Никольской церкви, после чего тоже стала няней в семье Пушкаревых (родственников автора работы), где и умерла. О ее судьбе мы имеем лишь отрывочные сведения со слов О.В. Беловой.

Результаты исследования. Таким образом, практически все члены семьи в тот или иной отрезок жизненного пути нашли приют в церквях. Не удивительно, что А.Н. Дунья-Оглу так ратовал за сохранение церквей и был против их закрытия и сноса. Сегодня лишь четыре фотографии, два письма и издание «Библейских мотивов» 1897 г. с иллюстрациями Г. Доре – это все, что напоминает о жизни омских семей – Алексеевых, Беловых и Дунья-Оглу. В то же время, судьбы сестер во многом показательны. Именно Гражданская война стала событием коренным образом, нарушившим сложившийся уклад жизни трех сестер, которые, пройдя через жизненные перипетии, избрали для себя разные формы социальной адаптации к условиям, измененным большой политикой.

Обращение к методам практической генеалогии делает интерпретацию событий прошлого гораздо более доступной, ведь в основе такого подхода лежит антропологическое начало. А именно оно, на наш взгляд, стоит ближе всего к сознанию любого человека, независимо от его образования, профессии, пола, возраста и иных факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Ю.Н. Загадки родословной: Муромцевы, Тачины, Чередовы / [авт. предисл. С.Н. Смирнов] Омск: [Б.и.], 2003. 188 с.
2. Родословная книга Сибири: [сб. ст. / Омский генеалогический центр «Связь поколений»; сост. и ред. Ю.Н. Ефремова]. Омск : Омскбланкиздат, 2014. 501 с.
3. Ефремова Ю.Н. Родословная семьи Левинзон. Омск: «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2016. 202 с.
4. Петин Д.И. Петр Иванович Мозер: жизненный путь француза на русской службе // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 211–236.
5. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
6. Каминский В.В., Верременко В.А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64–83. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.304.
7. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
8. Петин Д.И. Личное дело лица, лишённого избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.
9. Огородникова Л.И., Лосунов А.М. Корнилов из рода Корниловых (по документам Исторического архива Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 22–28.
10. Петин Д.И. «Известий не имею о нем и сам не пишу»: источники личного происхождения о судьбе эмигранта Николая Николаевича Артамонова-младшего // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 18–23.
11. Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71.
12. Ефремова Ю.Н., Оссовский А.В. Оссовские герба Долэнга. XVII–XXI вв. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2019. 500 с.
13. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2010. № 4. С. 69–73.

14. Шишкин В.И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 3–44.

15. Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. дисс.... канд. ист. наук / 07.00.02. Барнаул, 2004. 240 с.

16. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 8. Д. 32.

17. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 510.

18. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 514.

19. Советская Сибирь (Омск). 1920. № 135. С. 4.

20. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 129.

21. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–9041. Т. 1.

22. Муниципализированный фонд по городу Омску 1923–1925 годов / В.К. Шель, В.И. Селюк. Омск: Амфора. 100 с.

23. ГИАОО. Ф. Р–439. Оп. 1. Д. 2216.

24. ГИАОО. Ф. Р–235. Оп. 8. Д. 1441.

25. Справочник-указатель по фондам Исторического архива Омской области Метрические книги. Ч. I / отв. сост. Л.И. Огородникова. Омск: Амфора, 2016. 488 с.

26. Письмо Т.В. Дунья-Оглу, адресованное О.В. Беловой. 1946 г. // Из личного архива Г.Ю. Бородиной.

27. Письмо Консульского управления МИД СССР, адресованное О.В. Беловой. 16 ноября 1946 г. // Из личного архива Г.Ю. Бородиной.

Н. Ю. БРИНЮК

Научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-Западного региона РФ)
НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ,
Санкт-Петербург, Россия

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА В ДОНЕСЕНИЯХ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В. О. КАППЕЛЯ

Аннотация: До нас дошло незначительное количество документов периода Гражданской войны, написанных рукой одного из активнейших деятелей Белого движения генерала В. О. Каппеля. Эти документы создавались в сложной фронтовой обстановке и имели целью представить командованию положение подчиненных Каппелю войск в наиболее достоверном виде. Личные донесения видного военачальника армии А.В. Колчака командованию являются ценным источником для изучения хода военных действий на Восточном фронте и положения, в котором находились колчаковские войска.

Ключевые слова: автограф, В.О. Каппель, Гражданская война, белое движение, генералитет, Восточный фронт, Волжская армейская группа.

Постановка проблемы. Документы личного происхождения имеют особое значение для историков. При надлежащем критическом подходе они представляют собой ценный источник для воссоздания правдивой картины исторических событий. Актуальность выявления и изучения документов, созданных участниками событий в период Гражданской войны, обусловлена тем, что становление её истории происходило в соответствии с несколькими противоречивыми концепциями: в СССР возобладали тенденции полной дискредитации противника, отрицания самой возможности гуманных намерений или мероприятий с его стороны, а эмигрантской историографии, наоборот, была свойственна идеализация белых и демонизация их врагов. Эмигрантские авторы из числа социалистов высказывали безапелляционные обвинения в адрес военного командования и правительств антисоветского лагеря, представители которых были склонны обвинять в крахе своей борьбы с большевизмом разрушительную деятельность социалистических партий. Все эти стороны были далеки от исторической правды, работа по восстановлению которой чрезвычайно сложна и продолжается до сих пор. Участники Гражданской войны давно ушли из жизни, оставив после себя воспоминания, исследования и документы. Записи, созданные в период развертывания событий, свободные от искажений, которые свойственны мемуарной литературе, остаются наиболее достоверными свидетельствами для исторического исследования.

Основная часть. Владимир Оскарович Каппель (1883–1920) известен как один из видных военных деятелей Гражданской войны на Востоке России, представитель Белого движения. Он вступил на путь борьбы с советской властью летом 1918 г. в Поволжье, командовал соединениями в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), осенью того же года вошедшими в состав армии Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории). С ноября 1918 г. – военачальник Русской армии адмирала А.В. Колчака. Зимой 1918–1919 гг. Каппель сформировал в тылу 1-й Волжский армейский корпус, с которым выступил на фронт в начале мая 1919 г. Впоследствии командовал Волжской армейской группой Западной (3-й) армии. С 4 ноября 1919 г. – командующий Московской группой армий (3-й армией), в декабре назначен А.В. Колчаком главнокомандующим армиями Восточного фронта. Умер 26 января 1920 г. под Иркутском от воспаления легких, простудившись во время отхода войск колчаковской армии от Красноярска.

В.О. Каппель был одним из наиболее почитаемых военачальников в среде белых, воевавших на Востоке России. Его уважали за несомненные военные способности, внимание к войскам, преданность идее, которой он служил, цельность натуры, личное мужество, простоту, честность и жертвенность в пользу дела, за которое он боролся. Как неординарная историческая личность, он представляет, несомненно, большой интерес.

Может показаться, что дошедшие до нас автографы В.О. Каппеля довольно многочисленны. Среди них – прошения и расписки, написанные им в годы получения военного образования и службы в Императорской армии. Еще в обер-офицерских чинах, являясь адъютантом штаба кавалерийского полка, а впоследствии – старшим адъютантом кавалерийской дивизии, он записывал под диктовку для передачи по назначению и сохранения в делопроизводстве приказания командования, вёл отчетную документацию, полевые книжки, заверял послужные списки и журналы военных действий. Несколько десятков подобных документов, особенно периода Первой мировой войны, сохранилось в Российском государственном военно-историческом архиве [1]. Однако вклад в их создание самого В.О. Каппеля, отпечаток в них его личности зачастую ничтожно мал. Лишь сохранившиеся почтовые открытки в адрес близких периода Первой мировой войны представляют в этом отношении документы, отражающие мысли и чувства Каппеля, и потому имеют для исследователя особую ценность [См. напр.: 2, Вклейка, илл.].

В мае 1918 г. В. О. Каппель оказался в Самаре, в штабе красного Приволжского военного округа. От этого периода его жизни сохранилось несколько собственноручно написанных документов: листок-«калькулятор» расходов весьма скромного личного бюджета, записи адресов ряда лиц, часть которых не установлена, черновики телеграммы, поданной близким (жене, тестю с тещей) в Пермь с вызовом их в Самару, и телеграфной доверенности на получение женой денег, начисленных Каппелю ликвидационной комиссией армии [3, л. 34, 45, 46]. 8 июня Самара была взята войсками Чехословацкого корпуса, в городе организовалось правительство Комуча. Каппель по собственной инициативе стал командиром первой сформированной в составе Народной армии Комуча добровольческой Самарской дружины, которая, на ходу пополняясь и переформируясь, вбирая в свой состав другие части и получая новые названия, с июня 1918 г. по январь 1919 г. вела почти непрерывные боевые действия сначала в Поволжье, затем в Приуралье и на Урале.

В первое время Каппелю приходилось не только довольно часто писать приказания и донесения собственноручно, но и заботиться о своей лошади и оружии, разделять вместе с рядовыми бойцами походы, пищу и ночлег, залегать вместе с ними в цепи, вести стрельбу по противнику, возглавлять атаки. Внимание командира отряда фокусировалось на разных вопросах боевой жизни. Вот некоторые из записей, сделанных лично Каппелем (Здесь и далее: текст печатается в современной орфографии с сохранением стилистических особенностей. Недостающие знаки препинания восполнены. Пропущенные в оригинале слова и части слов введены в квадратных скобках): «К[оманди]ру 1-ой роты. 2/VII № 90. Необходимо иметь пост на окраине деревни на Сенгилейской дороге, о чем прошу сделать распоряжение. Подп[олковник] Каппель» [4, л. 4]. «Начальнику Военного Штаба. 4/VII 1918. № 97. Г. Ставрополь [Волжский]. Доношу, что во время ночного нападения красных на Климовку были захвачены у нас 1-ой роты Федор Тихов и Василий Кузнецов, которые были расстреляны красными в Новодевичье. По занятии [нами] Новодевичья тела их были взяты и отправляются вместе с телом убитого в бою у Ахтуши конного отряда юнкера Льва Попова в Самару. Прошу Вашего распоряжения возможно скорее похоронить названных добровольцев рядом с Барановым, так как тела их разлагаются. Подп[олковник] Каппель» [4, л. 33–33об.]. «Команданту гор[ода] Сызрани. Копию Командующему русскими войсками Сызранского района. 17/VII 1918. Прошу Вашего распоряжения не отпускать частям и отдельным чинам вверенного мне – 1-го Самарского отряда спирт, без моего на то разрешения, так как это вызывает нежелательные, при настоящей обстановке, последствия. Начальник 1-го Самар[ского]

отряда Генштаба Подполковник Каппель» [5, л. 44]. «100 рублей пособие крестьянину села – за покалеченную мотоциклистами лошадь. Подп[олковник] Каппель» [3, л. 30].

7 августа войсками Народной армии и чехословаков была взята Казань. Сразу после этого в городе было издано воззвание к красноармейцам с призывом сдаваться в плен. В.О. Каппель придавал этому мероприятию особое значение, о чем говорит рапорт, написанный им лично в адрес главного штаба в Самаре через десять дней, когда под его командованием было отражено наступление 1-й армии РККА на Симбирск. «Симбирск, 18 августа 1918 г. Самара, Управляющему Военным Ведомством. В связи с изданным в Казани Лебедевым, Фортунатовым, Степановым и мной воззванием к красноармейцам и выпущенным мною здесь призывом наблюдается сдача в плен красноармейцев. Сдача эта может принять массовый характер. Сдавшихся в плен без боя нет оснований и возможности привлекать [к] уголовной ответственности, тем более что им в моем воззвании обещано возвращение к мирной жизни. Вместе с тем нецелесообразно вводить красноармейцев [в] ряды Народной армии или оставлять [в] прифронтовой полосе. Полагаю необходимым отправлять сдавшихся без боя красноармейцев [в] глубокий тыл для использования их [как] рабочей силы. Жду срочных распоряжений в целях освобождения Симбирска [от] обременяющего фронт элемента. Воззвание к красноармейцам посылаю почтой. Полковник Каппель» [6, л. 53–53об.]. Уточним к сказанному: Лебедев Владимир Иванович (1885–1956), полковник и Фортунатов Борис Константинович (1886–?), корнет – члены военного штаба Комуча, уполномоченные Комуча при штабе войск Каппеля. Степанов Александр Петрович, капитан – командир 1-го чехословацкого имени Яна Гуса полка, действовавшего совместно с войсками Народной армии.

В. О. Каппель неизменно придавал большое значение составлению благодарственных приказов, тексты которых, как правило, писал собственноручно. Например, благодарность батальону 2-го Чехословацкого полка, написанная карандашом рукою Каппеля: «Командующему батальоном 2 чехо-словацкого полка поручику Гассаль. Прошу передать всем чинам вверенного Вам батальона приветствие и поздравление частей Народной армии и мое с блестящим успехом, одержанным батальоном в бою под Симбирском. Глубоко убеждены, что совместная боевая деятельность приближает нас с каждым днем к полному успеху в достижении нашей общей цели. К[омандую]щий Народ[ной] Армией Ген[ерального] Штаба пол[ковник] Каппель» [6, л. 129].

Интересно, что в отличие от многих других военачальников, Каппель щепетильно относился к приписыванию его войскам побед, которых они не одерживали, да и вообще стремился во всем быть точным. Так, на донесении, в котором описывалось, что «в селе Кротовке 12/VIII 1918 г. красноармейцы захватили двух раненых чехов и их одного сопровождающего, над ранеными издевались и зверски добились, сопровождающий будучи обезоружен, был сильно избит прикладами и уведен красными. Трупы убитых 2 чехов находятся в с. Кротовке» наложена лаконичная надпись рукой В.О. Каппеля: «Справка. 12-го этого быть не могло. Подполк[овник] Каппель» [7, л. 54]. В ноябре 1918 г., когда части под его командованием в составе Самарской группы обороняли от наступающих войск 1-й и 5-й армий РККА направление на Белебей, Чишмы, Уфу, он направил в штаб Самарской группы и штабы соседних соединений рапорт следующего содержания: «В сводке Штаба Самарской группы от 11 ноября нр 3681 неточно показано, что Аднагулово и Ново-Георгиевское заняты нашими частями, в действительности названные деревни были оставлены противником, что было выяснено выдвигавшимися туда нашими разъездами, но в связи с перегруппировкой и приостановкой наступления, нашей пехотой не занимались...» [8, л. 269–270об.].

Еще одна подробность конца 1918 г. Придя к власти, Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А. В. Колчак озаботился подбором кандидатуры на должность начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. В связи с этим по 29 адресам была разослана телеграмма с запросом мнения армейского командования о назначении на этот пост последнего начальника Военной академии (в 1917–1918 гг.), обвиняемого в соучастии

с советской властью генерала А.И. Андогского [9, с. 271]. Вопрос стоял о доверии к генералу. По воспоминаниям начальника штаба Самарской группы С.А. Щепихина, отношение к этому запросу в войсках было легкомысленным: «Нам некогда, пускай делают, как знают; нас это мало касается. Нам давайте валенки и полушубки, а не Наштаверха; без него обойдемся, а без тёплого никуда» [10, л. 39]. Однако Каппель был не из тех, кто относился формально к выбору столь важной для армии фигуры, как начальник штаба Ставки. Поэтому ответ на запрос Колчака он написал собственноручно: «Уфа. Штаб Самарской группы. Полковнику Петрову для личного расшифрования. Прошу перешифровать следующие две телеграммы и передать по назначению: «Адмиралу Колчак для личного расшифрования. 10. Знаю генерала Андогского как выдающегося начальника большого штаба, его последнюю деятельность как начальника академии в условиях советской власти объясняю желанием сохранить офицерский кадр для армии. Назначение его на предназначаемый ответственный пост крайне желательно. 8 декабря нр 3021. Ген[ерал-]майор Каппель» [11, л. 1–1об.].

Январь–апрель 1919 г. были для В. О. Каппеля периодом работы по формированию мощного соединения колчаковской армии – 1-го Волжского армейского корпуса. Генерал отдал этой работе много сил и времени. Не все планы удалось осуществить: численность корпуса не достигла штатной. Некоторые его части еще до окончания формирования были отправлены в тыл для выполнения заданий Ставки: ее охраны, подавления восстаний в Сибири. Корпус нуждался в самом необходимом: конском составе, транспортах, полевых кухнях и т.д. Главная же неудача при его формировании – потеря корпусом статуса добровольческого, приход в его состав большого количества мобилизованных в Сибири новобранцев и пленных красноармейцев. Это, несомненно, значительно ослабило войска В.О. Каппеля, лишило их прежней боеспособности, понизило морально-боевой дух.

Автографы В.О. Каппеля (не считая подписи под документами), относящиеся к периоду его пребывания в должностях командующего Волжским корпусом, Волжской группой, а затем армией и фронтом, достаточно редко встречаются в архивном фонде. Не имея необходимости писать собственноручно, он надиктовывал свои приказания и донесения адъютантам.

В начале мая 1919 г. корпус выступил на фронт Западной колчаковской армии генерала от артиллерии М.В. Ханжина и начал использоваться командованием до своего полного сосредоточения, по частям. Вскоре в корпусе произошел первый случай массового перехода к противнику. В дальнейшем его дивизии значительно поредели от дезертирства и боевых потерь, однако корпус, отступая в составе Волжской армейской группы под командованием генерал-майора Каппеля, довольно стойко сражался, нередко отстаивая перед противником свои участки обороны дольше, чем соседние по фронту части, обороняя, как правило, наиболее важную для армии полосу железной дороги. Так, неся болезненные, порой невосполнимые потери (под Миассом красными была захвачена вместе с личным составом Самарская батарея, воевавшая под командованием Каппеля с первых дней Гражданской войны на берегах Волги), корпус медленно отходил от Белебея к реке Белой, через Урал к Златоусту и Миассу и дальше на восток.

Тяжелые бои пришлось перенести войскам Волжской группы в конце июля 1919 г. в Челябинском сражении, когда в ее задачи входил удар с позиций юго-западнее города во фланг и тыл наступавшей 5-й армии РККА. С севера против красных действовала Уфимская группа генерал-майора С.Н. Войцеховского. Во время этих боев обстановка на фронте Волжской группы непрерывно менялась. Войска 26-й дивизии пытались отрезать части группы от основных сил 3-й колчаковской армии, окружить и уничтожить их. Отчасти это объяснялось превосходством красных, так как группа Каппеля насчитывала менее 10 тыс. человек, по некоторым сведениям – всего около 6 тыс. против 11 тыс. 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА [12, с. 72]. Учитывая, что входившие в состав группы войска были обескровлены и деморализованы, Каппелю приходилось ежедневно исправлять обстановку, маневрировать частями и корректировать планы действий. В этот период он несколько раз собственноручно составлял донесения командованию.

Так, в 22 часа 24 июля 1919 г. он сообщал о боях, ведшихся только что закончившими переход Самарской и Симбирской стрелковыми дивизиями Волжского корпуса, об отходе 12-й Уральской дивизии, о том, что противник занял населенные пункты, которые предназначались быть исходной линией для наступления этой дивизии. «Вследствие сложившейся обстановки я не имею возможности вести завтра удар на север, а должен раньше отбросить красных от Шумаковского и Еманжелинской, – писал Каппель. – Полагаю, что было бы выгоднее в случае успеха наступать затем на Архангельский, откуда повернуть на Полетаево и далее на север. Сделаю по обстановке, о чем донесу...» [13, л. 220–220об.].

Вскоре частям Волжской группы пришлось еще отойти под натиском противника. 24–25 июля части Самарской и Симбирской дивизий непрерывно вели бои. В.О. Каппель написал новое донесение командованию армии, в котором, кроме прочего, сообщал: «Должен доложить, что мобилизованные казаки очень неустойчивы, что отчасти объясняется отсутствием у них офицеров. Вследствие того, что противник сильно давит на мой правый фланг, отжимая в юго-восточном направлении, я считаю необходимым перебросить туда часть сил и перейти в наступление из района южнее раз[ъезда] Козырева, примерно в направлении на Сухомесовское Синеглазовский. – Предполагаю произвести эту перегруппировку, начав сегодня вечером, если обстановка на фронте Уфимской группы не заставит отказаться от этого намерения. Считаю необходимым доложить, что вследствие непрерывных продолжительных боев и больших потерь устойчивость войск сильно понизилась. № 5081. ст. Эткульская. 26 июля 11 час.[ов]» [13, л. 234об.]. Таким образом, командующему Волжской группой приходилось изыскивать все новые решения для перегруппировок и перенесения ударов своих войск. Ценным является и свидетельство военачальника, привыкшего вести тяжелые бои на протяжении второй половины 1918 г. и в мае–июле 1919 г. Прежде Каппель не высказывал подобных оценок, хотя почти всегда ему приходилось действовать против превосходящих сил противника и побеждать «не числом, а умением». Теперь же состояние подчиненных войск вызывало тревогу даже у командира, отличавшегося, как вспоминали современники, «почти гениальной находчивостью» [14, с. 91]. С помощью перегруппировки и изменения направления удара 26 июля положение было восстановлено, захваченные красными населенные пункты – отбиты. Продолжались упорные кровопролитные бои. В.О. Каппель искал выход из создавшихся неблагоприятных обстоятельств, однако переломить ход событий на фронте не мог.

28 июля ему пришлось выехать в штаб армии, с которым была утеряна связь. В этот период красные, усилившись мобилизованными рабочими Челябинска, атаковали 12-ю Уральскую дивизию и отбросили ее в район деревень Барсуково, Калачево и Шатрово. Вернувшийся к вечеру командующий Волжской группой сумел приостановить отход войск и начал исправлять положение. Части 1-й Самарской и 3-й Симбирской дивизий ввиду создавшейся для них угрозы были отведены им к станицам Тимофеевский, Еманжелинская. Каппель планировал удар в новом направлении, о чём сообщил командованию армии. Обойдя красных, войска вернули утраченные позиции. Однако общая обстановка на фронте 3-й армии, угроза удара в тыл и правый фланг северной группы генерал-майора С.Н. Войцеховского, занятие красными тыловых путей в Сибирь, отступление слабой Уральской группы, позволившей 5 и 21-й дивизиям 2-й армии РККА развернуть наступление на белых с севера, что создавало для белых угрозу такого же «мешка», какой они готовили для красных, – все эти причины заставили адмирала А.В. Колчака подать приказ об отступлении. 30 июля 3-я армия начала отход.

Верный своим правилам, В. О. Каппель лично записал для сообщения начальникам дивизий слова адмирала, который «приказал передать войскам 3 армии его благодарность за шестидневный бой, который дал уверенность Верховному Правителю считать 3 армию вполне боеспособной и надежной опорой в дальнейшей борьбе за возрождение Родины» [15, Л. 346]. Возможно, этот автограф В. О. Каппеля является самым поздним по времени создания из сохранившихся в военном архиве его собственноручных текстов.

Отступление колчаковской армии и в ее составе – Волжской группы продолжалось. Этот период стал еще более тяжелым для войск В.О. Каппеля. Красные преследовали войска группы неотступно, не давали отдыха, старались обойти с флангов, отрезать от соседних частей. «Каждый день шли ожесточенные бои, почти все части делали большие форсированные переходы и сложные маневры» [16, л. 106]. Доклады В.О. Каппеля в штаб армии содержали сообщения о «крайне тяжелом положении» для правофланговой Самарской дивизии, из-за которого генерал был «вынужден опять вводить в бой весь свой резерв... Можно ожидать, что подобная обстановка будет складываться на каждом рубеже...» – предполагал он [13, л. 271–271об.]. 20 августа, на правом берегу Тобола, форсируемого красными, Каппель сообщал: «Сдержать развития наступления 27 дивизии нечем. Считаю положение серьезным и опасным для всей армии» [13, л. 306], 21 августа он вновь передавал, что «противник продолжает движение на левом фланге группы, который все время обходится и вынужден был продолжать погибать и отойти к деревне Дубровская и Байдаярская. Считаю подобное положение неблагоприятным. № 1133. Ген[ерал-]майор Каппель» [13, л. 309об.]. 22 августа серьезно заболевший В.О. Каппель прибыл в госпиталь, а его войска, оставшись без командующего, откатились под давлением красных и оставили штаб армии ничем не прикрытым.

Результаты исследования. Собственноручные авторские документы В.О. Каппеля содержат ценные сведения по существенным вопросам истории Гражданской войны. Они позволяют шире представить ход военных действий, определить наиболее критические моменты на фронте колчаковской армии, оценить её положение и морально-боевые качества, изучить практику управления войсками, присущую Каппелю. В первый период войны командир небольшого подвижного отряда Каппель нередко сам записывал приказы и донесения, уделяя особое внимание наиболее важным, по его мнению, вопросам. Однако и получив под свое командование более крупные соединения, он находил необходимым собственноручно составлять некоторые донесения, несомненно, тщательно обдумывая то, что хотел сообщить своему начальству. Обращение его к карандашу и бумаге свидетельствовало об особой сложности положения на фронте, достойной обращения пристального внимания вышестоящих штабов на те или иные проблемы, возникшие в подчиненных Каппелю войсках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГВИА. Ф. 544, 2189, 3524, 3536, 5049.
2. Бринюк Н.Ю. Владимир Каппель. Биография эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 720 с.
3. РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16.
4. РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 11.
5. РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 13.
6. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 8.
7. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 7.
8. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 4.
9. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
10. ГАРФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8.
11. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 5.
12. Санчук П. Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. 1930. Кн. 11. С. 63–83.
13. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 32.
14. Гинс Г.К. Адмирал А.В. Колчак // Возрождение (Париж) 1970. № 226. Ноябрь. С. 89–106.
15. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 73.
16. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 416.

А. В. ВАЛЮНОВА

МБОУ «Лицей № 174», Зеленогорск, Россия

**БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В статье на примере Енисейской губернии раскрываются формы, методы и результаты борьбы советской власти с преступностью несовершеннолетних после окончания Гражданской войны. Тяжелые социально-экономические условия жизни влияли на распространение детской преступности и беспризорности в стране, и поэтому были необходимы срочные меры по спасению подрастающего поколения. Анализ проблемы детской преступности на региональном материале позволяет проследить, что на самом деле происходило в жизни региона.

Ключевые слова: Гражданская война, Енисейская губерния, социальная поддержка, беспризорность, дети, преступность, советская власть.

Постановка проблемы. В 1920-е гг. важнейшей государственной и социальной проблемой стала детская беспризорность и преступность несовершеннолетних. Разруха после окончания Гражданской войны, потоки беженцев, деформация быта людей, меняющаяся власть стали благоприятной средой для роста преступности не только среди взрослого населения, но и среди детей. В большинстве своём, на путь преступности вставали дети, лишившиеся родителей в результате бушевавших в стране эпидемий или военных действий, тем самым пытаясь выжить. Проблема преступности несовершеннолетних затрагивается уже в первые годы существования советской власти, но в них отражены результаты исследования, сделанные на основе данных по крупным городам (Москве и Петрограду) и по различным критериям [1, 2]. Параллельно появились и работы, посвященные Сибири, где более детально рассматриваются причины распространения преступности среди несовершеннолетних [3]. В центре внимания современных исследователей стали проблемы борьбы с детской беспризорностью и преступностью, эволюция советского законодательства в отношении защиты детства и материнства и его реализация в конкретных регионах страны [4, 5, 6].

В данной статье анализируется политика Сибревкома по отношению к детям-преступникам на исходе Гражданской войны; показаны конкретные меры борьбы с преступностью несовершеннолетних. Изначально задачи организации борьбы с детской преступностью возлагались на три наркомата: просвещения, внутренних дел и социального обеспечения. В частности, в ведении Наркомпроса находилась сеть детских учреждений для «трудновоспитуемых детей». В 1918–1919 гг. при Наркомате социального обеспечения действовала специальная Комиссия несовершеннолетних (с сетью региональных комиссий на местах), занимавшаяся организацией борьбы с детской преступностью. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», этим комиссиям передавались все дела несовершеннолетних правонарушителей (судебное разбирательство и тюремное заключение для несовершеннолетних до 17 лет было упразднено) [5, с. 53].

Анализ структуры преступности детей и подростков в начале 1920-х гг. позволил установить, что первое место занимали кражи (около 90% от всех правонарушений), основным мотивом которых была борьба с нуждой. Количество квалифицированных преступлений имущественного характера (разбой, грабеж) было сравнительно невелико и составляло не более 1% [7].

В 1920-е гг. несовершеннолетние беспризорные дети, совершившие преступление, относились в большинстве отчетных документов к категории морально-дефективных (согласно

докладной записке «О категориях беспризорных детей, их правовой защите, социальной помощи» изданной в 1919 г.). То есть провозглашался тезис о том, что нет детей-преступников, есть дети морально заброшенные [8, с. 76]. Именно поэтому все исправительные учреждения для несовершеннолетних преступников носили пояснение «для морально-дефективных». Но к данной категории относил также и детей, страдающих физическими и психическими отклонениями. Содержание детей, преступивших закон, и больных детей приносило серьезные психологические трудности последним, в большинстве своем неспособным защищаться.

Основная часть. С возвращением советской власти в Енисейскую губернию проблема преступности несовершеннолетних стала одной из ведущих в борьбе с беспризорностью. В 1920 г. в обзоре деятельности Енисейского губоно содержится информация об организации для детей этого рода особой колонии, где они получают все необходимое для существования, и приучаются к труду, обучаются грамоте, наукам и разным ремеслам, приобретая, таким образом, новые навыки к нормальной, здоровой жизни. Открытая в Енисейске в 1920 г. такая колония превратилась в рассадник детской преступности, т.к. не могли найти воспитателей для работы в таком учреждении, проблема материального снабжения содержащихся там ребят проводилась неудовлетворительно, поэтому для того, чтобы выжить, они вынуждены были воровать в близлежащих домах горожан. Также в Красноярске появились интернат морально-дефективных детей и сортировочно-распределительный пункт, который за неимением помещения был совмещен с интернатом; в Минусинске – изолятор и отделение морально-дефективных детей при детском доме № 2; в Ачинском уезде – интернат для морально-дефективных. Таким образом, к 1921 г. в Енисейской губернии существовало уже 3 учреждения для несовершеннолетних преступников [8, с. 85–90].

Декрет от 4 марта 1920 г. признал несовершеннолетними детей до 18 лет (в 1922 г. по Уголовному кодексу несовершеннолетие завершалось в 16 лет). Декрет упразднял тюремное заключение несовершеннолетних. Наркомпрос (НКО) и Наркомздрав (НКЗ) должны были создать систему лечебно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних. В целях охраны морально-дефективных детей, создавались комиссии по делам о несовершеннолетних правонарушителях. Под Комиссией по делам несовершеннолетних подразумевались комиссии, состоящие из педагога (представитель от наробраза), народного судьи (представителя нарсуда) и врача/психиатра (представитель здравотдела) и имеющие своей задачей определение мер медико-педагогического воздействия над несовершеннолетними, дела о которых представлены на их рассмотрение. При комиссии состояли воспитатели-обследователи, которые выясняли фактическую сторону правонарушения и все условия жизни несовершеннолетнего, а также наблюдал за результатами применения несовершеннолетними мер медико-педагогического воздействия, определенных постановлениями комиссий [8, с. 110–111].

В отношении 14-летних подростков, которых Комиссия признавала не подлежащих перевоспитанию, дела передавались в народный суд. Для того, чтобы не содержать малолетних преступников совместно со взрослыми, НКО начал организовывать трудовые дома для несовершеннолетних преступников [9, л. 7–7об.]. В Енисейской губернии Комиссия по делам о несовершеннолетних обвиняемых в общественно опасных деяниях была создана после освобождения губернии от колчаковщины, но до середины 1920-х гг. работа данных комиссий в Красноярском, Минусинском, Ачинском уездах оказалась неэффективной. Так, в Красноярске даже в ноябре 1920 г. не было ни одного приемного и распределительного пунктов, поэтому большинство решений комиссией принимались наугад, вместо приемных пунктов имело место размещение несовершеннолетних правонарушителей в тюрьмах и камерах предварительного заключения, что являлось не только нарушением советского законодательства, но и причиной роста детской преступности в губернии [9, л. 8].

Проанализировав решения Комиссий по делам несовершеннолетних в 1920 г., можно утверждать, что преобладали наказания медико-педагогического характера, очень редко использовалась такая мера, как передача дел в суд или направление ребят в интернат морально-дефективных детей [10, л. 12].

Результаты исследования. На фоне кризиса, сопровождавшегося падением жизненно-го уровня широких слоев населения, требовались чрезвычайные меры для борьбы с детской преступностью. Но в исследуемый период отсутствовало понимание причин детской преступности, отсутствовала система пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, а имевшиеся снабжались ненадлежащим образом, не имели подготовленных воспитательных кадров и превращались в рассадник детского бандитизма. Предлагаемые компромиссные решения не могли устранить в Сибири (и в частности, в Енисейской губернии) детскую преступность, предстояло переосмыслить ее причины и пути её ликвидации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и Жизнь. М., 1927. Кн. 8. С. 27–36.
2. Якубсон В.Р. «Дети преступники» в исправительно-трудовом доме // Преступный мир Москвы: сб. ст. / под ред. и с предисл. М.Н. Гернета. М.: Право и жизнь, 1924. С. 208–217.
3. Маннс Г.Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском Крае. Иркутск: Изд-е Иркутского ун-та, 1927. 34 с.
4. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни 1917–1940 гг. М-СПб, ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
5. Рябинина Н.В. Детская беспризорность и преступность в 1920 г. (по материалам Верхнего Поволжья). Ярославль. ЯрГУ, 1999. 60 с.
6. Гюнтер О.А. Становление и развитие системы социального презрения безнадзорных и беспризорных в Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт., 2017 г.). Омск: ОмГТУ, 2017. С. 91–96.
7. Юмина А.Н. Ненужные дети России // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/nenuzhnye-deti-rossii> (дата обращения: 06.09.2019).
8. «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг. / Т.А. Катцина (отв. ред., отв. сост.), О.М. Долидович (отв. сост.), Л.Ю. Анисимова. Красноярск: СФУ, 2015. 216 с.
9. ГАКК. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 29.
10. ГАКК. Ф. Р–12. Оп. 1. Д. 110.

В. Ю. ВОЛОШИНА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

АРХИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БЕЛЬГИИ: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Аннотация: В исследовании представлены некоторые результаты работы исследовательской группы ИКЦ «Русская эмиграция» (Санкт-Петербург, 2018 г.) по обработке коллекции документов, не введенных в научный оборот и собранных русскими эмигрантами в Бельгии. Автор характеризует основные типы документов «брюссельской коллекции», останавливаясь более подробно на тех из них, которые еще неизвестны исследователям и проливают дополнительный свет на Гражданскую войну на территории Сибири.

Ключевые слова: зарубежье, русская эмиграция, «бум памяти», мемуары, Гражданская война, Омск, источники личного происхождения.

Постановка проблемы. События революции и Гражданской войны определили вектор развития нашей страны практически на весь XX век. Именно этим объясняется неослабевающий интерес к ним даже через 100 лет, и до сих пор не улеглись жаркие споры о причинах и сущности происшедшего в конце второго десятилетия прошлого века. В этой связи особую актуальность приобретает расширение источниковой базы изучения данной темы, и поиск новых документов продолжается и по сей день.

Особенно плодотворным этот поиск является в зарубежье, поскольку его документальный пласт изучен нашими исследователями еще недостаточно, появляются все новые и новые документы. Современную ситуацию формирования источниковой базы по истории русской эмиграции можно охарактеризовать как «бум памяти». Уместность этого термина, на наш взгляд, объясняется двумя причинами. Во-первых, произошедший в последнее время антропологический разворот исторического знания смещение акцента с событийной истории на историю ментальностей, актуализировали поиск эго-документов, которые, в силу своей субъективности, не всегда точно отображают факты, но позволяют изучать восприятие человеком этих фактов. Во-вторых, существенные изменения произошли к этому времени и в самой российской диаспоре. Из жизни практически ушло второе, и уходит третье поколение эмигрантов. Для их молодых потомков, в большинстве своем полностью интегрированных в общество страны проживания, проблемы, пережитые предками, утратили актуальность. Но в семьях до этого бережно хранились письма отцов и дедов, мечтавших вернуться в Россию, их дневники и воспоминания. Чтобы сохранить в памяти хотя бы имена и образы миллионов беженцев, чьи судьбы были исковерканы революцией, Гражданской войной и вынужденным изгнанием, вчерашние эмигранты стали активно сдавать семейные архивы. Это дает историкам и архивистам уникальную возможность расширить источниковую базу, в том числе за счет источников личного происхождения, накопившихся в семьях.

В настоящее время в Брюсселе проживает достаточно многочисленная русская колония, сердцевину которой составляет группа потомков эмигрантов первой волны. Именно в ней возникла инициатива, собрать отложившиеся в семьях документы и артефакты, которые могут иметь значение. С этой целью был образован Фонд сохранения российского культурного наследия в Евросоюзе, который вначале возглавил Н. Белявский, а затем М. Толстая. Фонд обратился к ИКЦ «Русская эмиграция» в Санкт-Петербурге с просьбой прислать в Брюссель специалистов для обработки собранных материалов, с тем, которые бы не только

смогли оценить документы, провести их атрибуцию, но и впоследствии составить и опубликовать описи собранных фондов. В 2018 г. автору данной публикации посчастливилось участвовать в работе этой группы.

Коллекция материалов, предоставленных нашей группе Фондом сохранения русского культурного наследия в Евросоюзе, включает в себя около 60 личных фондов. Среди фондооснователей были как частные лица (А. Арианов, Г. Нольде, К. Рауш-Трауенберг, А. Сахновский, Д. Стивенс, М. фон Шлиппе, А. Шорохов, и др.), а также неизвестные дарители. Известно, что в 1920-е годы Брюссель стал центром военной русской эмиграции, поэтому большинство из перечисленных лиц были либо военными, либо членами их семьи. В коллекции материалов, предоставленных нашей группе, содержатся документы разного рода. Это личная и официальная переписка эмигрантов, их дневники, воспоминания, подлинные документы, удостоверяющие личность, свидетельствующие об образовании, семейном положении, социальном статусе, прохождении воинской службы и т. п., денежные купюры и облигации в основном времен Гражданской войны, долговые расписки, делопроизводственная документация эмигрантских организаций, находящихся в Бельгии, в состав которых они входили, вырезки из газет, концертные программы, подшивки эмигрантских журналов, книги, фотоальбомы и отдельные фотографии. Большая часть источников личного происхождения представлена в рукописном виде. Обработку усложняло и то, что в коллекции содержатся документы не только на русском языке, но и на французском, английском, немецком и других европейских языках. Поскольку в данной публикации речь идет о материалах, относящихся к временам Гражданской войны в Сибири, то я остановлюсь именно на этой части брюссельской коллекции.

Основная часть. Наибольший интерес в этом смысле представляет фонд Андрея Петровича Шорохова (Andre Schrochoff). В нем представлены разнообразные документы, в том числе воспоминания, о жизни семьи потомственных военных Шороховых на протяжении ста лет: с середины XIX века до 1944 г. Его прапрадед Михаил Сергеевич Шорохов родился в 1804 г. в семье енисейского казака. В 1828 г. вольноопределяющимся он пошел на военную службу в один из сибирских батальонов, который находился на берегу Иртыша недалеко от Омска, обучившись грамоте, через 4 года получил звание сержанта. Далее служил адъютантом при командире, а затем в военном госпитале. В 1852 г. он вышел в отставку, но в связи с начавшейся Крымской войной вновь был призван в армию. Его старший сын, Петр Михайлович Шорохов (1840–1914), прадед Андрея Шорохова, в 1859 г. пошел вольноопределяющимся в Русскую армию и дослужился до чина генерал-лейтенанта. В 1855–1857 гг. учился в Омской гарнизонной школе, по окончании которой с дипломом топографа отправился к месту службы отца в Верный (с 1921 г. – Алма-Ата), а, когда исполнилось 19 лет, поступил на службу в армию почти на 50 лет, пока в 1906 не ушел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Служил в Туркестане, участвовал в Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войнах, награжден многими медалями и орденами (Св. Станислава и Св. Анны). В 1900 г. получил потомственное дворянство. Умер в Ташкенте в 1914 г. Его сын, Михаил Петрович (1874–1934), дед фондооснователя, тоже был военным, служил в Туркестане и на Кавказе, участвовал в Первой мировой войне и дослужился до чина полковника. Отец Андрея Шорохова Петр Михайлович (1908–1985), родителями был вывезен из России, жил в бельгийском Конго и в Бельгии.

Как уже отмечалось этот фонд, наряду со многими другими документами и фотографиями, содержит очень интересные и ценные воспоминания. Основная часть их принадлежит Михаилу Петровичу Шорохову, который написал не только о своей жизни, но и о жизни своего отца. В качестве дополнения к ним присоединены дневниковые записи его сына Петра Михайловича, относящиеся к 1938–1944 гг. В результате, создается панорамная картина жизни этой семьи на протяжении почти ста лет. Воспоминания достаточно объемны, состоят

из 19 тетрадей на русском и французском языках. В коллекции представлен их машинописный вариант. Здесь достаточно подробно и образно описывается повседневный быт офицеров и их семей, личные взаимоотношения в армейской среде, восприятие трагедии революции и Гражданской войны далеким от политики обывателем, тяготы эмигрантской жизни и т. п. Воспоминания собраны в 19 тетрадей общим объемом в 311 страниц. Тексты, включенные в них разнообразны по жанрам: здесь мы находим собственно воспоминания о тех или иных событиях, дневниковые записи, художественные рассказы, сюжеты которых навеяны автору жизнью, описания армейского быта, боевых операций т.п. Живо и достаточно подробно описаны повседневная жизнь офицеров и их семей, личные взаимоотношения в армейской среде, отношение армии к революции, тяготы эмигрантской жизни и т. п.

Для темы нашей конференции наиболее интересно содержание 13 тетради, в которой мемуарист описывает свое пребывание в Омске во второй половине 1919 г. Здесь он пишет о впечатлении, которое на него произвел наш город: «Омск раскинулся широко, по-сибирски, вдоль Иртыша верст на 7, да ширины был версты в 2. Домики одноэтажные, деревянные, с небольшими двориками и огородами. Без деревьев. Потому постоянно дувший степной ветер гуляет по городу свободно. Почему в городе нет старых посадок? Почему вырубали березовые леса на месте города? По краям города сохранились березовые рощи. Перед самой войной город обратил внимание на отсутствие растительности и стал засаживать. Около Казачьего Собора уже порядочный садик вырос, а около Собора городского и за базаром при суровом ветреном климате посадки были только в рост человека. Почва песчаная, поэтому пыль страшная, и ходить без специальных очков прямо невозможно. Перед самой войной в городе начали строить из кирпича. Успели выстроить железнодорожное училище, железнодорожное управление, а судебную палату так и не закончили. Из старых зданий обращал на себя внимание большой кадетский корпус, дом генерал-губернатора, городской театр и торговые ряды. Должен сказать, что домостроительство в Сибири началось с 1910–1912 года, и война остановила все это. Как больно было все это видеть. Особенно жуткое, неприятное впечатление производили на меня недостроенные элеваторы в Челябинске и Кургане. Не навяжи России эту войну или сумеи мы ее избежать, что бы теперь представляла собой Сибирь, да и вся Россия?!?!» [1, л. 9–11]. Интересны его многочисленные бытовые зарисовки о жизни омичей в это время.

Мемуарист Шорохов характеризует и морально-психологическую обстановку в городе, когда началось наступление РККА. Безусловно, сочувствуя белым, он пытался понять причины их неудач, относя к последним и настроения в армии и действия командования. Колчак, по его мнению, не пользовался уважением и авторитетом. «Ясной политики у него не было. Я лично представлял тогда, да и теперь так думаю, что он хотел сесть одновременно на три стула. Арестовав Сибирское эсеровское правительство Зензинова и выслав его из Сибири, он выказал себя как будто монархистом; потом он неоднократно в своих речах говорил про себя, что он конституционалист, а потом, под конец, в своих воззваниях называл себя социалистом. Адмирал Колчак, безусловно, храбрый и смелый, боевой моряк, но как администратор в выборе помощников показал себя недалезорким, даже недалеким» [1, л. 14].

Хотя в Омске принимались меры для поднятия духа граждан: произносились проповеди в церквях, читались лекции в театрах, кинематографах, формировались крестовые дружины, но это не давало положительных результатов. С иронией он пишет о колчаковской пропаганде, обратив внимание на плакаты, расклеенные по Омску: «На улицах было наклеено много плакатов. Один из них очень врезался в память: черной краской был нарисован хлеб, на нем белыми буквами надпись: “сибирский”, а из-за черного горизонта протянулась кровавая рука, с которой падали капли крови на хлеб. Другой плакат: Троцкий и Ленин в коронах, вместо крестов – еврейская звезда. Потом: китаец с русской винтовкой в руках, а на штыке ребенок корчится, а китаец смотрит и смеется. На мосту через Омку были нарисована целая картина: была изображена маленькая лавчонка, перед прилавком которой стоят два покупа-

теля; один босой в русской рубашке и штанах, сшитых из керенок, протягивает руку с керенкой к лавочнику, но лавочник машет отрицательно рукой; другой покупатель с деньгами Верховного правительства берет в лавочке полфунта чая из рук продавца. Но с этой картинкой вышло все наоборот – керенки остались живы, а деньги Сибирского правительства валялись кучами на улицах, что я видел в марте 1920 г. в Красноярске» [1, л. 12–13].

Описывая фиаско армии Колчака, начавшийся осенью 1919 г., М.П. Шорохов признается, что сам он осознал приближение катастрофы только в октябре 1919 г., когда столкнулся с упадническими настроениями офицерства 1-й армии генерала Пепеляева. «С каждым днем в Омске число праздного, ничего не делающего офицерства заметно увеличивалось. Что ни предпринимал командующий округа Генерального штаба генерал Матковский и комендант города полковник ... [фамилия в тексте отсутствует – В.В.] – оба сподвижники адмирала Колчака и участники переворотов в апреле и октябре 1918 года, все было бесполезно. На коменданта указывали прямо и говорили, что он Колчака с помощью некоторых сибирских казачьих офицеров поставил Верховным правителем, вопреки желанию самого Колчака. Офицерство бежало с фронта, понимая и предчувствуя гибель. Многие уже под разными предложениями протянулись на Дальний Восток, но только всех смущала Чита, где атаман Семенов, едва признававший власть Колчака, устроил заставу, которая проверяла документы всех двигающихся на восток и всех подозрительных арестовывала» [1, л. 13]. По его мнению, разрыв Колчака с боевым офицерством способствовала принятию отставки с поста главнокомандующего очень авторитетного генерала М.К. Дитерихса и замена его непопулярным Соколовым. «Боевое офицерство, узнав об уходе Дитерихса и назначении нового, махнули рукой. Думается мне, что каждый большой военачальник на войне имеет в своих руках резерв реальной силы, зная, что эта сила его послушает и не изменит лично ему. Дитерихс не видел этой реальной силы и поэтому уклонился от боев, Соколов же, не имея уже реальной силы, стал издавать резкие приказы, привести в исполнение которые он уже не мог. Их никто не исполнял, они только служили украшением железнодорожных станций» [1, л. 15].

Результаты исследования. К сожалению, небольшой объем публикации не позволяет более детально остановиться на других аспектах Гражданской войны, затронутых в этих мемуарах. Архивные документы Фонда сохранения российского культурного наследия в Евросоюзе еще не введены в научный оборот. Беглое знакомство с ними показывает, что они содержат ценные сведения, позволяющие расширить и дополнить представления историков о Гражданской войне, феномене русского зарубежья в целом и повседневной жизни российской диаспоры в Бельгии, в частности. Хочется надеяться, что после завершения обработки этой коллекции, будет окончательно решен вопрос о ее местонахождении, и тогда отечественные и зарубежные исследователи получат возможность более подробно познакомиться с этими документами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Фонда сохранения российского культурного наследия в Евросоюзе. Ф. 14 (Schorochoff). Тетрадь 13.

А. В. ГАНИН

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

**ОТ КРАСНОГО КОМАНДАРМА ДО БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА:
Б. П. БОГОСЛОВСКИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В исследовании на основе комплекса неопубликованных источников проанализирован период жизни видного военного деятеля Б.П. Богословского. Автор приходит к выводам о несостоятельности отдельных важных сюжетов историографии о жизни и профессиональной деятельности героя повествования.

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, белое движение, генералитет, военспецы, генштабисты.

Постановка проблемы. Эскалация Гражданской войны породила такое массовое явление как дезертирство, свойственное как рядовым бойцам, так и представителям командного состава. Нередко дезертирство командиров сопровождалось переходом из одного лагеря Гражданской войны в другой. Чтобы представить размах этого явления, достаточно отметить, что среди прошедших через ряды РККА 1580 выпускников Николаевской военной академии, по выявленным нами данным, дезертировали не менее 562 человек [1; 2, с. 209–253; 3, с. 189–248; 4, с. 200–261]. Из 120 командующих советскими армиями и фронтами на сторону противника перешли восемь человек. Понятно, что если речь идет обо всей массе военспецов (а их могло пройти через ряды РККА до 100 000 человек), цифры будут намного выше.

Основная часть. Каждый случай измены индивидуален, поэтому важно разобраться в мотивах такого поступка. Одним из высокопоставленных изменников был Борис Петрович Богословский, об измене которого и ее последствиях пойдет речь далее. Важно отметить, что попытка анализа действий Б.П. Богословского израильским автором В.В. Каминским привела к многочисленным искажениям исторических фактов и к частичной фальсификации биографии Богословского [5]. В угоду собственным теориям В. В. Каминский сознательно фальсифицировал мотивы перехода Богословского и других перебежчиков на сторону белых, представив это явление как результат некоего «ущемления большевиками служебного статуса» военспеца [5, с. 95]. В статье утверждалось, что приход к власти большевиков не вызвал протеста у Богословского. Не вписывающееся в эти построения подробное описание генералом М.А. Иностранцевым антибольшевистских разговоров Богословского перед побегом В.В. Каминский намеренно проигнорировал, объявив политизированным и опустив наиболее резкое антибольшевистское высказывание Богословского в изложении Иностранцева [5, с. 97]. Далее последовал анализ материального благосостояния военспеца Богословского, на основе чего делался абсурдный вывод, что офицер бежал через линию фронта к противнику, поскольку предпочитал преподавательскую работу за высокий оклад тяготам фронтовой службы [5, с. 98].

Не ориентируясь в организационной структуре антибольшевистских формирований, В.В. Каминский заявил, что Богословский у белых с августа 1918 г. до зимы 1919–1920 гг. «возглавил штаб 1-й Сибирской армии колчаковских вооруженных формирований» [5], причем в представлении Каминского штаб такой армии располагался в Чите [5, с. 99]. По-видимому, В.В. Каминский не знал, что адмирал А.В. Колчак пришел к власти на Востоке России только в ноябре 1918 г., никакой «1-й Сибирской армии» не существовало, штаб ре-

ально существовавшей Сибирской армии находился в Омске, а Богословский занимал совсем другие посты. Много внимания В.В. Каминский уделил вопросу достоверности неких «личных показаний полковника Богословского» за февраль 1919 г. [5, с. 98–99]. Недоумевая, откуда мог взяться такой документ, В.В. Каминский предположил, что, «по всей видимости, указанные сведения были Богословским попросту сфабрикованы позднее, уже в бытность его пребывания (так в цитируемой статье. – А.Г.) на службе у “белых”, дабы искупить в глазах новых хозяев “вину” за факт своей прежней службы у “красных”» [5, с. 99].

Однако в действительности все намного проще – на самом деле показания давал не генерал Богословский, а полковник Богуславский [6, л. 671–674об.]. С 29 июля 1918 г. Богословский был зачислен в резерв по штабу Народной армии в Екатеринбурге [3, с. 627]. В.В. Каминский ожидаемо перепутал это формирование с Народной армией Комуча [5, с. 99], к которой Богословский даже географически не имел никакого отношения. В.В. Каминский искажил численность выпускников Военной академии, служивших в РККА, утверждая, что таковых было 703, тогда как на самом деле не менее 1580. В разы оказалась искажена численность выпускников Военной академии, бежавших из РККА. По мнению В.В. Каминского, таких было 27 человек [5, с. 99], тогда как нам поименно известны не менее 562 таких офицеров. Искажены оказались данные и о численности выпускников ускоренных курсов академии, а также дата начала эвакуации академии из Петрограда – по В.В. Каминскому «не раньше 23 марта 1918 г.» [5, с. 100], на самом же деле – 17 марта.

В.В. Каминский искажил обстоятельства службы генерала А.И. Андогского, назвав того «бессменным руководителем» академии с 1917 до 1920 г. [5], тогда как в действительности в связи с конфликтами группировок офицеров на Востоке России Андогский руководил академией с перерывами. Наконец, искажена Каминским была и дата занятия антибольшевистскими силами Казани – в статье ошибочно указано, что переход Военной академии на сторону противников большевиков в Казани произошел якобы 6–10 августа [5, с. 95], на самом же деле части Народной армии и чехословаки взяли город 7 августа 1918 г.

Богословский родился 23 июня 1883 г. в Орловской губернии, в семье врача, надворного советника, личного почетного гражданина Калужской губернии. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду в 1902 г. и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду в 1912 г.

Служба офицера проходила во 2-й гренадерской артиллерийской бригаде (1902–1912 гг.). По аттестации от 29 сентября 1912 г., данной командиром 4-й батареи 2-й гренадерской артиллерийской бригады подполковником М.М. Сахалтуевым, «за короткое пребывание в батарее шт[абс]-капитан Богословский проявил себя, как исполнительный и дельный офицер, отлично знающий артиллерийское дело и строй. Любит службу и относится к ней усердно. Стрельбу знает очень хорошо; весьма энергичен в роли старшего офицера на батарее во время стрельбы. Отлично ездит верхом и любит спорт. К нижним чинам относится очень хорошо. Здоровья хорошего; выносливый. Отличных умственных способностей, даровитый и развитой. Нравственный. Общительного и живого характера. Самостоятельный и энергичный. Может быстро проявить инициативу. Любим товарищами. Дисциплинирован и корректен. Спиртными напитками не злоупотребляет. Иностранные языки знает. Обязанности старшего офицера исполняет успешно. В общем, офицер полезный и отличный» [7, л. 1об.].

Начальник 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенант Н.Г. Ставрович отметил: «Вполне согласен с аттестацией ближайшего начальства, с[о] своей стороны могу добавить, что штабс-капитан Богословский заявил себя также отличным работником и по службе Генерального штаба в поле, во время бывших больших маневров, причем работа его была отмечена со стороны командовавшего армиею генерал[а]-от-инфантерии Зуева в письме на мое имя после маневров. Отличный. Подлежит оставлению на занимаемой должности» [7, л. 2].

После причисления к Генеральному штабу Богословский был в марте 1913 г. прикомандирован для подготовки к службе Генерального штаба к штабу Московского военного округа. В конце апреля предписанием начальника штаба округа офицера назначили в штаб XXV армейского корпуса. Начальник штаба генерал-майор Ф.Е. Огородников дал Богословскому следующую аттестацию: «Штабс-капитан Богословский был прикомандирован впервые к штабу 25 ар[мейского] корпуса осенью минувшего 1912 года во время больших маневров под г. Подольском. Ознакомившись за это время лично с отличными качествами этого офицера, командир корпуса вошел затем с особым ходатайством о вторичном прикомандировании штабс-капитана Богословского для и.о. старшего адъютанта, как особенно полезного для службы офицера. За время вторичного прикомандирования с апреля по октябрь текущего года штабс-капитан Богословский вполне оправдал предшествующую отличную аттестацию. Выдающихся умственных способностей и нравственных качеств. Скромный, усердный, энергичный и добросовестный работник одинаково способный, как к канцелярской, так и к полевой службе. Отличается инициативой и исполнительностью (здесь и далее подчеркнуто синим карандашом, сам документ – черные чернила. – А.Г.). На штабс-капитана Богословского можно вполне положиться во всяком ответственном деле. Любит военное дело. Отличный стрелок. Охотник. Отлично ездит верхом. Живет очень скромно. Спиртных напитков не употребляет. Здоровья вполне хорошего. На службе неутомим. (Выдающийся). Отличный. Вполне достоин перевода в корпус офицеров Генерального штаба» [7, л. 3об.].

Богословский участвовал в Первой мировой войне, причем на фронт отправился вместе со штабом XXV корпуса, с которым участвовал во всех боях до 1 сентября 1915 г. Командовал корпусом в начале войны генерал от инфантерии Д.П. Зуев при начальнике штаба генерал-майоре Л.В. Федяе. Военный врач В.П. Кравков отмечал в дневнике 29 августа 1914 г.: «Не ожидал я сегодня услышать открытую правдивую критику по адресу наших преступников – Зуева и Федяя – со стороны капитана Смирнова, подтвердившего лишь то, о чем я говорил раньше – вся стратегия у них была возложена на Богословского, слушали они голоса всякого фендрика, своего царя в голове не имели» [8, с. 43]. Позднее Федяя ругал штаб корпуса: «Все-де работали из-под палки и ничего не знали, кроме Богословского» [8, с. 64].

За годы войны офицер не раз отличился, получил травму, был контужен. 26 августа 1914 г., «будучи послан в дер. Веленче для выяснения боевой обстановки в соседний корпус на автомобиле налетел на сломанный мостик и на толчке ударился правым коленом о передок кузова и получил травматическое повреждение, причем при объективном исследовании обнаружено: припухлость правого коленного сустава, ссадины под коленной чашечкой, кровоподтек вокруг нее и поперечный надлом самой чашечки, что видно из перевязочного свидетельства, выданного корпусным врачом 25-го армейского корпуса действительным статским советником Кравковым от 26 августа 1914 года за № 1» [9, л. 8–8об.].

Судя по аттестациям, это был выдающийся боевой офицер. Так, командир XXV армейского корпуса при представлении Богословского к награждению Георгиевским оружием в 1915 г. дал следующую аттестацию: «Молодец. Блестящий офицер Генерального штаба и любимец войск. Быстро, толково и сноровисто ориентировал как войска, так равно и меня – не щадя ни сил, ни жизни своей! Большая доля успеха всей операции ген[ерала] Веселовского принадлежит кап[итану] Богословскому, за которого особенно ходатайствую» [10, л. 331].

С начала сентября 1915 г. Богословский служил при штабе 4-й армии. За проявленное мужество приказом войскам 4-й армии № 1524 от 31 октября 1915 г., Высочайше утвержденным 16 августа 1916 г., был награжден Георгиевским оружием. Награждение состоялось «за то, что, состоя старшим адъютантом штаба 25-го армейского корпуса, во время боев под д. Эгерсдорф, с 6-го по 9-е июля 1915 года, своей доблестной и самоотверженной деятельностью, неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, действительно способствовал к достижению задачи, поставленной отряду — удержать стремительный натиск противника, причем было захвачено в плен 16 офицеров и 1138 нижних чинов» [11].

25 сентября 1916 г. Богословский находился в X армейском корпусе для исполнения возложенного на него командующим армией поручения. При переходе с одного наблюдательного пункта на другой неподалеку разорвался неприятельский снаряд, в результате офицер получил контузию в голову [9, л. 4об.].

Войну Богословский закончил в чине подполковника. Возможно, вследствие контузии перешел на преподавательскую работу и с осени 1917 г. служил в Военной академии. Офицер стал преподавателем общей тактики и заведующим слушателями. С 5 марта 1918 г. участвовал в работе комиссии по разгрузке Петрограда, заседавшей в Мариинском дворце [12, л. 54]. Кроме того, занимался организацией штаба Петроградского военного округа, в котором руководил отделом Генштаба. На 22 марта Богословский состоял в штабе Военного совета Петроградского района, имел право ношения оружия и был командирован по делам службы в Высший военный совет в Москву [13, л. 100, 101].

По свидетельству профессора М.А. Иностранцева, «среди молодых преподавателей академии и штаб-офицеров, наблюдающих за обучающимися в академии офицерами, заметно выделялся молодой, энергичный и очень дельный преподаватель – полковник Богословский. Прекрасный полевой офицер Генерального штаба, до страсти любивший военное дело и им интересовавшийся, очень популярный у слушателей и любимый ими, он был взят Андогским к нему в адъютанты по предмету службы Генерального штаба» [14, с. 591–592]. Эта оценка подтверждается свидетельством слушателя академии К.В. Семчевского: «Богословский, живой и толковый офицер, умел, не доминируя, организовывать дискуссии и даже споры, кончавшиеся всегда положительными результатами» [3, с. 605].

Для многих военных учреждений старой России, сохранившихся и после революции, справедливо понятие инерционного периода существования. Военная академия пребывала в таком состоянии с октября 1917 до середины 1918 г. В этом военно-учебном заведении фактически не было резкого перехода от прежних порядков к новым, в силу чего преподаватели продолжали нести службу как бы по инерции, по существу не думая, что автоматически превратились в военных специалистов Красной армии. «Академия как бы законсервировалась в своем помещении... и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни особого интереса, ни внимания», – вспоминал преподававший в академии П.Ф. Рябиков [3, с. 747]. Ему вторил М.А. Иностранцев: «Захват власти большевиками первое время на жизни собственно академии почти не отразился. Учебная жизнь текла своим неизменным порядком так же, как она, в сущности, текла и при царской власти, и при Временном правительстве» [14, с. 515]. Диссонанс окружающей обстановки и антибольшевистских убеждений преподавателей и большинства слушателей, архаизация повседневного быта вели к обособлению академии, замыканию ее в себе. Однако долго такое положение вещей сохраняться не могло. Весной 1918 г. академия из Петрограда была эвакуирована в Екатеринбург, а в июле город оказался в прифронтовой полосе разгоревшейся Гражданской войны.

О том, что сам Богословский, как и другие преподаватели, был настроен резко антибольшевистски, детально известно из воспоминаний его коллеги генерала Иностранцева [14, с. 592–595]. В РККА он служить не хотел, а о своей преподавательской службе высказывался так: «Я считаю, ... что готовить невежественных недоучек для их армии и притом лишь для спасения академии это – одно дело, может быть, даже и полезное для их гибели, а самому служить в их штабе, да еще в штабе армии, и руководить их действиями против тех, кому я сочувствую всеми силами, это – совершенно другое» [14, с. 592–593].

Сохранилось и еще одно свидетельство. В дневнике бывшего главы колчаковского правительства П.В. Вологодского имеется запись за 1 сентября 1920 г., в которой зафиксирован разговор автора дневника с бывшим начальником штаба Колчака генералом Д.А. Лебедевым, участвовавшим в 1918 г. в работе антибольшевистского подполья (был командирован от Добровольческой армии в Москву и Саратов). Лебедев, рассуждая о судьбе Богословского

и считая, что тот в 1920 г. поступил на службу красным, сообщил Вологодскому, что в 1918 г. Богословский состоял в подпольной антибольшевистской организации [15, р. 426].

Назначение Богословского из академии на фронт в июле 1918 г., по-видимому, было случайным и оказалось для самого назначенца весьма неприятной новостью. Богословский имел репутацию храброго и квалифицированного боевого офицера-генштабиста. В условиях резкого ухудшения положения красных на Среднем Урале в июле 1918 г. и угрозы оставления Екатеринбурга выбирать советскому командованию не приходилось. 20 июля в Казани главнокомандующий Восточным фронтом И.И. Вацетис приказал эвакуировать академию в Казань [16, с. 41]. В тот же день он подписал директиву № 0522 о создании из частей Северо-Урало-Сибирского фронта 3-й армии под командованием Богословского, приказав последнему вступить в должность в 24 часа: «Все отряды бывшего главкома Берзина составляют 3[-ю] армию, командующим которой назначается преподаватель академии Генштаба Богословский. Генштаба Богословскому вступить в командование в течение 24 часов и об исполнении донести. Командарму 3 подчиняются все войска и советские части, имеющиеся в тылу Екатеринбурга, в районе Вятки, Глазова, Перми и Екатеринбурга» [16, с. 43], [17, с. 398]. В докладе в Высший военный совет и Наркомат по военным делам от 25 июля Вацетис отметил, что «3[-я] армия, действующая со стороны Екатеринбурга, была разбросана на невероятно большом фронте; при 16 тысяч штыков она разбросалась на фронте 893 версты. Мною приказано принять меры для сужения фронта и для усиления правого фланга армии. Командующим этой армией мною назначен Генштаба Богословский и помощником его Белицкий» [17, с. 407]. Вацетис требовал от 3-й армии активизации действий. Однако при колоссальной протяженности фронта армии, усугублявшейся эвакуацией и обстановкой неразберихи накануне падения Екатеринбурга, а также изменами штабных работников, рассчитывать на активные действия не приходилось.

В нашем распоряжении нет данных о деятельности Богословского в период с 20 по 22 июля. Судя по всему, директива Вацетиса пришла в Екатеринбург с опозданием. Во всяком случае, по оперативным документам за 20-22 июля здесь еще существовал прежний Северо-Урало-Сибирский фронт во главе с И.Т. Смилгой.

Богословский был ярким противником большевиков и не собирался им служить на командных постах, предпочитая даже быть расстрелянным. По воспоминаниям М.А. Иностранцева, «за время пребывания в Екатеринбурге Богословский, будучи страстным охотником, все время мечтал поохотиться в горах Урала, отличающихся хорошей охотой, но служебные занятия ему в этом мешали, непрерывно вызывая у него искреннее огорчение.

И вот однажды, когда в профессорской комнате епархиального училища собралось довольно много народу и в числе других был и Богословский, Андогский, войдя в комнату с телеграммой в руках, направился к нему и, как всегда, деловитым тоном, сказал:

– Тебя ждет неприятное известие: Берзин избрал тебя начальником штаба его армии и требует возможно скорейшего командирования тебя к нему. Желательно, чтобы ты выехал если не сегодня, то, по крайней мере, завтра.

Богословский был буквально ошеломлен этим известием. Он побледнел, оглянулся на окружающих и взволнованным голосом отчеканил:

– Я не поеду, Александр Иванович.

– Но как же ты можешь не поехать, – сказал Андогский, – когда это формальное приказание командующего 3-й Красной армией (в оригинале ошибочно – армии – А.Г.), которому подчинен и гарнизон Екатеринбурга, а следовательно, и академия? Это будет неисполнение приказа прямого начальника, и притом в условиях военного времени. Большевики тебя попросту немедленно же расстреляют.

– Пусть расстреливают, – отвечал уже твердым голосом и злобно сверкнув своими горящими глазами Богословский, – но я не поеду. Я не намерен служить этим мерзавцам и предпочитаю умереть» [14, с. 592].

Из воспоминаний М.А. Иностранцева известно, что Богословский сумел убедить начальника академии А.И. Андогского в том, что его побег не повредит академии, в которой он служил, если будет обставлен соответствующим образом. В беседе с Иностранцевым Богословский изложил свой план, ранее сообщенный Андогскому: «Я доказал ему (Андогскому. – А. Г.), что сумею придать моему бегству такой характер, что к нему не будет прикосновенна не только академия, но даже и моя собственная жена... Я уйду на охоту с ружьем и небольшим запасом еды и... не вернусь. Жена моя, переждав дня два и дав мне время отойти достаточно далеко, якобы встревоженная моим чрезмерно долгим отсутствием, сообщит о моем исчезновении Андогскому, а последний известит об этом комиссаров и будет даже просить их помощи для розыска меня в лесу. Но я в это время, конечно, буду уже далеко и, вероятно, уже доберусь до чехов. Таким образом, и для моей жены, и для академии мое бегство будет якобы совершенно неожиданным, они будут в нем неповинны и потому от большевиков опасности подвергнуться не могут... Приказание было передано мне сегодня, а я уйду на охоту якобы вчера, так как меня сегодня, слава Богу, никто из властей не видел, и Андогский донесет, что приказание мне передано немедленно быть не могло, так как я отпущен на охоту, и будет передано мне по моем возвращении. Я же, как сказал, не вернусь... Я – старый охотник, и лес – это моя стихия. В нем я ориентируюсь вполне свободно. Я буду избегать не только больших дорог, но вообще дорог и пойду целиной леса. Компас и карта у меня для этого есть» [14, с. 593–594]. Возможно, это был предварительный план, предложенный будущим изменником еще до вступления в должность. Отъезд командарма в критический момент обороны города на охоту – не лучший предлог, поэтому в точности неизвестно, как Богословский обставил свое исчезновение.

Отметим, что тогда на красный Екатеринбург вела наступление группа войск под командованием товарища Богословского по выпуску из академии полковника С.Н. Войцеховского. Это обстоятельство могло стать еще одним мотивом в пользу перехода военспеца на сторону противника.

По версии Иностранцева, Богословский даже не вступил в должность. Однако это не так. Сохранилась телеграмма Богословского в Казань И.И. Вацетису, командующему 2-й армией и в РВС Восточного фронта, отправленная 23 июля в 12 часов 30 минут: «В тяжелую минуту принял третью армию. Насколько успел познакомиться с обстановкой, центр тяжести операций противника перенесен на станцию Кузино, что является уже угрозой Перми. Двухмесячный отпор противнику на растянутом фронте создало то, что в моих руках нет ни одной свежей части, которой я мог бы проявить активность. Состояние частей армии позволяет лишь сдерживать противника на подступах к Екатеринбургу, удерживать который не имею надежды. Основывая свои действия на активной обороне, предполагаю отходить широким фронтом к северо-западу. Хотел бы получить директиву и ориентировку, как военную, так и политическую... Екатеринбург. Командарм 3 Генштаба Богословский» [18, л. 76об.–77]. Отметим, что ранее публиковался искаженный в советское время текст этого документа [19, с. 50–51; 20, с. 142; 21, с. 52]. Едва ли Богословский в этой телеграмме сгущал краски, тем более, что эта телеграмма, по сути, идентична более ранней, датированной 19 июля и адресованной главнокомандующим Северо-Урало-Сибирским фронтом И.Т. Смильгой Л.Д. Троцкому: «Командование принял. Положение тяжелое. Чехи прорываются на Кузино по линии Екатеринбург – Пермь. Запросил Казань – ответа нет. Гоните резервы на Пермь» [18, л. 68об.]. Положение красных в районе Екатеринбурга тогда действительно было крайне тяжелым. Как известно, уже 25 июля город заняла группа войск полковника С.Н. Войцеховского.

В воспоминаниях участника Гражданской войны на Урале, впоследствии – генерал-лейтенанта Советской армии Г.П. Софронова отмечалось, что Богословский вступил в должность 23 июля и принял дела, заслушав доклады штабных работников, причем и поразили всех вниманием и обходительностью, а в ночь на 24-е бежал, собрав сведения, необхо-

димые для белых. Софронов вспоминал: «Новый командующий начал принимать дела. Заслушал доклады всех начальников управления и служб штаба.

– Какой культурный и внимательный человек! – говорили о нем некоторые сотрудники. – Войдешь в кабинет – встанет, поздоровается. Обращается только на “вы”, по имени и отчеству. А в дела-то как тщательно входит: все записывает в тетрадь, просит всякие справки, схемы... Приятно иметь дело с таким человеком!

И действительно, Богословский с первого дня поразил многих изысканностью манер и скрупулезностью в работе. Он побеседовал не только с начальниками, а и с рядовыми сотрудниками, успел даже посмотреть их личные дела...

На следующее утро я выслал на квартиру командующего автомашину. Шофера предупредил: будь точен, как часы. Но машина вдруг возвратилась без Богословского. По словам хозяйки дома, он ночью куда-то ушел и к утру не вернулся. На квартире и в кабинете не оказалось и его портфеля, в котором находилась оперативная карта. Розыски ничего не дали: след Богословского затерялся. Но всего на несколько дней. Из показаний пленных, а также из газет, издававшихся белыми, мы узнали: “культурный”, “любезный” командующий перешел в стан врага и работает в одной из его армий» [20, с. 142–143].

О том, что Богословский бежал уже после вступления в должность командующего армией сообщалось и в докладе генерала Г.Е. Катанаева о деятельности академии: «20-го июля, по словам полковника Смелова, получена была телеграмма главнокомандующего советских войск Вацетиса и членов военно-революционного совета при нем о немедленной эвакуации академии из Екатеринбурга в Пермь и одновременно с этим о назначении профессора академии полковника Богословского (так в документе, Б.П. Богословский не был профессором, а в рассматриваемый период имел чин подполковника – А.Г.) командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом большевистских войск, а от Троцкого приказ выслать 40 слушателей в Казань для образования так называемого резерва. Богословский немедленно принял предложение Вацетиса и, ориентируясь в расположении большевистской армии Уральского фронта, 23-го июля тайно бежал из Екатеринбурга на фронт сибирских войск и чехов, приближавшихся уже к этому городу с востока» [3, с. 710]. Эту же версию событий подтверждает и сослуживец Богословского по академии генерал П.Ф. Рябиков, отметивший, что Богословский успел отдать ряд вредительских приказов [22, л. 120об.], а также захватил оперативные документы, которые были переданы белым. По словам Рябикова, «было получено приказание командировать в местный штаб полк[овника] Богословского, которому немедленно принять в командование армию, назначенную для отпора наступавших чехов. Полковник Богословский должность принял и сделал даже ряд распоряжений, ухудшавших положение красных, а затем исчез в лесу, где в заранее условленном месте встретился с женой и с ней благополучно лесами пробрался к чехам. После такой “измены” одного из членов конференции отношение к нам стало еще более подозрительным» [3, с. 751–752].

После бегства Богословского временно исполняющим должность командарма С.М. Белицким (членом партии левых эсеров) 29 июля в Казань Вацетису из штаба 3-й армии была направлена следующая телеграмма: «Богословский принял командование при условии, что я останусь у него помощником. Приняв дела и ознакомившись [с] общим положением, он исчез двадцать четвертого и больше не являлся. Все оперативные распоряжения были подписаны только мною, товарищем Смилгой и наштабом Симоновым. Лично меня Богословский не удовлетворил уже тем самым, что за день до своего назначения он не явился на совещание экспертов из преподавателей академии, которое было созвано мною для выработки дальнейшей военной политики ввиду создавшейся тогда обстановки утери Урала. Я полагаю, что он повлиял на того, что остальные чины штаба тоже перешли по его примеру на сторону врагов. Вр[еменно исполняющий должность] командарма три Белицкий» [18, л. 84–84об.].

Действительно, из штаба 3-й армии дезертировал не один Богословский. Не явились для посадки в эшелон при эвакуации ряд работников штаба. В Екатеринбурге остались сотрудничавшие с антибольшевистским подпольем начальник штаба бывший капитан А.Л. Симонов и начальник разведывательного отдела бывший штабс-капитан А.А. Буров. Не стали эвакуироваться помощник начальника артиллерийского управления бывший генерал-майор В.Л. Томашевский, заведующие отделами бывший полковник Л.М. Адамович и бывший подполковник А.Н. Лабунцов, а также ряд делопроизводителей [21, с. 53; 23, с. 21; 24, с. 38]. Развал штаба армии на несколько дней дезорганизовал управление советскими войсками под Екатеринбургом. Кроме того, в Екатеринбурге и в Казани в июле–августе 1918 г. практически в полном составе на сторону антибольшевистских сил перешла Военная академия, в которой до своего назначения командармом служил Богословский.

Неразбериху тех дней красноречиво характеризует то, что военный руководитель Уральского окружного военкомата Д.Н. Надежный, ранее назначенный командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом (приказом народного комиссара по военным делам № 547 от 16 июля), узнал о своем временном назначении только 27 июля из газеты «Известия Народного комиссариата по военным делам», когда находился уже в Перми, фронт был реорганизован в армию, а командующий армией Богословский сбежал к противнику [25, л. 319].

27 июля И.И. Вацетис телеграфировал об исчезновении Богословского в Наркомат по военным делам и в Высший военный совет: «Только что получил донесение, что 25-го июля наши войска оставили Екатеринбург. Комиссар третьей армии Смилга доносит, что командарм Богословский, не приступая к командованию, пропал. Мною назначен командармом временно Угрюмов, который известен мне своей храбростью и распорядительностью» [26, л. 203].

Вацетис позднее вспоминал: «Исчезновение командарма Богословского в такой критический момент объясняли двояко. Одни говорили, что он был убит, другие полагали, что он перешел на сторону белых. Впоследствии выяснилось, что он действительно перешел к белым. Во всяком случае исчезновение командарма, выбранного из высококвалифицированных военспецов, произвело нехорошее впечатление, как на местах, так и в центре. После такого неблагоприятного события вновь выдвинуть кандидатуру военспеца я не считал возможным» [27, л. 33–34; 28, л. 280]. Таким образом, измена Богословского повлияла на кандидатуру его преемника. Командующим стал матрос Г.А. Угрюмов. И хотя измена Богословского, видимо, нанесла незначительный ущерб Советской России, тем не менее, она усугубляла кризисную обстановку на советском Восточном фронте в условиях активных действий белых и чехословаков. Можно предположить, что действия Богословского связаны с работой антибольшевистского подполья.

Командование должно было ликвидировать кризисное положение на фронте 3-й армии. 28 июля Вацетис потребовал от нового командования армии принять «строжайшие меры, чтобы остановить отступающую армию, которую приведите в порядок с присущей вам энергией. Сокращайте прежний колоссальный фронт на более нормальный, отвечающий численности армии, создавайте резервы, организуйте усиленно едущую пехоту. Прежнее командование допустило ряд крупнейших ошибок, последствием которых была потеря Екатеринбурга. Командир Латышского Торошинского полка (в документе – отряда – А. Г.) рапортом от 23 июля доносит: все возмущены действиями руководящих кругов, покинувших город и полк на произвол судьбы. По-видимому, Екатеринбург был отдан без боя, подробности будут выяснены следственной комиссией... Главной ошибкой прежнего командования была колоссальная растяжка фронта. В 3[-й] армии насчитывается до 16 тысяч штыков, и эта армия разбросана на фронте 893 версты, как говорил Берзин. Это было бы правильно в том случае, если на нас была бы возложена задача организовать пограничную стражу для ловли контрабандистов. Вашей задачей является создать боевую организованную армию, способную перейти в наступление, когда будет приказано. Поэтому еще раз повторяю: создавайте

резервы, организуйте едущую пехоту, особенное внимание обратите на последнее. Жду от вас подробного доклада о событиях во время последнего отступления и сдачи Екатеринбургa, о потерях людей и материальной части. На фронте остальных армий положение становится более прочным» [17, с. 410–411]. В тот же день армии была поставлена задача оборонять Пермь.

У белых Богословский сразу же получил ответственное назначение – приказом Сибирской армии от 28 июля 1918 г. он занял должность начальника штаба Средне-Сибирского армейского корпуса [29, л. 249]. Корпус был сформирован в июне 1918 г. в Томской губернии под командованием подполковника А.Н. Пепеляева (Пепеляев командовал корпусом до апреля 1919 г.), действовал в Томской и Алтайской губерниях. 18 июня корпус получил директиву командующего Сибирской армией полковника А.Н. Гришина-Алмазова наступать на восток, занимая территорию до Иркутска. В период «Восточного похода» корпусом совместно с чехословацкими войсками были заняты такие города, как Красноярск и Иркутск. За успехи в боях Пепеляев был произведен в полковники. Однако результативность молодого военачальника вызвала определенные опасения и интриги в Омске, где находились органы армейского управления и Временное Сибирское правительство [30, с. 72–78]. В Омске опасались нелояльности и излишней самостоятельности Пепеляева. Сложности возникали и в вопросе взаимодействия с чехословаками. Чтобы избежать сепаратных действий, 21 июля 1918 г. был образован штаб Восточного фронта под командованием офицера Чехословацкого корпуса полковника Р. Гайды. Это решение носило, во многом, политический характер, причем полковник Пепеляев в тот период Гайде в полной мере не доверял, хотя и обещал командующему армией не допускать конфликтов с Гайдой.

С момента создания корпуса его начальником штаба был капитан А.С. Кононов, окончивший ускоренные курсы Николаевской военной академии. В этой связи назначение начальником штаба корпуса более опытного и старшего в чинах Богословского выглядит вполне логичным. Из-за назначения Богословского Кононова перевели на нижестоящую должность обер-квартирмейстера штаба корпуса, но в качестве компенсации в тот же день «за отличия в боях против неприятеля» приказом Сибирской армии произвели в подполковники со старшинством с 14 июля 1918 г.

В приказе по академии в связи с новым назначением Богословский указан в чине полковника. Однако дата и обстоятельства его производства в этот чин пока не установлены. 1 августа он выехал из Екатеринбурга в Челябинск и Омск для доклада о положении академии и ходатайства о ее оставлении в Екатеринбурге [29, л. 546]. Кроме того, удалось установить, что к месту нового назначения в Иркутск Богословский отправился около 12 августа [12, л. 281].

Между тем, в советском лагере проанализировали последствия бегства Богословского и других высокопоставленных военных деятелей. Согласно телеграмме члена РВС Восточного фронта Ф.Ф. Раскольникову председателю Высшего военного совета Л.Д. Троцкому от 29 июля 1918 г., Богословский в Казань не приезжал, постоянно находился в Екатеринбурге, где преподавал в академии, а «ответственность за его измену падает на кого-либо из комиссаров, находившихся при нем в Екатеринбурге» [31, л. 15]. В тот же день было издано постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, в котором в связи с изменами Махина, Муравьева и Богословского («такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч.» [17, с. 412–413]) упрек в неумении бдительно следить за командным составом адресовался военным комиссарам. Отныне комиссары за побег или измену командующего должны были подвергаться суровым карам вплоть до расстрела.

Богословский сделал у белых хорошую карьеру, став ближайшим сотрудником и начальником штаба генерала Р. Гайды, который забирает Богословского на штабные должности

при себе по мере собственного карьерного роста. Необходимо сказать несколько слов об этом человеке, существенно повлиявшем на судьбу нашего героя.

Радола Гайда (1892–1948) родился в порту Котор, входившем тогда в состав Австро-Венгрии (ныне – Черногория), в семье унтер-офицера. Получил фармацевтическое образование. В Первую мировую войну он был призван и служил младшим офицером австрийской армии, попал в плен, перешел на службу в черногорскую, а позднее в русскую армию. В сформировавшихся в России из военнопленных чехословацких войсках командовал батальоном и полком. Проявил себя как храбрый и инициативный офицер, завоевавший авторитет у подчиненных. За боевые отличия Гайда был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., а также солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. с лавровой ветвью для офицеров. При этом Гайда был крайне честолюбивым, самовлюбленным и даже склонным к позерству авантюристом [32]. Принимал активное участие в ликвидации Советской власти в Сибири, командуя одной из трех групп чехословацких войск, в зоне ответственности которой была территория от Омска до Иркутска. В июле, как уже отмечалось, Гайда возглавил местный чехословацкий фронт. Разумеется, такой командир, не имевший военного образования, нуждался в сильном начальнике штаба, а умением подбирать себе хороших сотрудников Гайда обладал.

Сначала Богословский исполнял при Гайде должность начальника штаба Восточного фронта вместо погибшего 17 августа подполковника Б.Ф. Ушакова [33, с. 92; 34, с. 289]. В тот период чехословаки и белые нанесли поражение советским войскам в Забайкалье, заняв 18 августа станцию Посольская, а 20 августа город Верхнеудинск. 26 августа в результате восстания красные оставили Читу, в которую на следующий день вступили части Средне-Сибирского корпуса. Белые преследовали противника и в конце августа сибирские и чехословацкие войска, шедшие с запада, соединились на реке Онон с силами атамана Г.М. Семенова и чехословаками, наступавшими с востока. На станции Оловянная атаман Семенов встретился с Гайдой, причем Семенов через несколько дней признал власть Временного Сибирского правительства.

После того, как боевая задача в Забайкалье была выполнена, началась переброска войск на уральский фронт. 12 октября 1918 г., уже в чине генерал-майора, Гайда возглавил Екатеринбургскую группу войск, а Богословский стал ее начальником штаба. Группа получила задачу наступления на Осу, Оханск и Пермь. Отметим, что Гайда еще до прихода к власти адмирала Колчака в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. высказывался за военную диктатуру, причем участвовал в тайных переговорах по этому вопросу. Разумеется, штаб генерала не мог оставаться в стороне от этих планов. Крупным успехом группы, преобразованной 24 декабря в Сибирскую армию, стало взятие 25 декабря 1918 г. Перми. Интересно, что Пермь белые отбили у той самой 3-й армии красных, из которой летом сбежал Богословский. Сибирская армия Гайды, временно исполняющим должность начальника штаба которой формально 4 января 1919 г. стал Богословский, вела в 1919 г. боевые действия против той же 3-й армии красных, но на этот раз реванш взяли красные.

Сам Гайда впоследствии отозвался о Богословском не слишком высоко: «Мой штаб был выделен из штаба, который формировался давно в Омске и назывался раньше штабом Сибирской армии. Он был переведен в Екатеринбург, очищен от избыточных людей и дополнен некоторыми офицерами штаба моей бывшей Екатеринбургской группы. Начальником штаба армии был полковник, впоследствии генерал-майор Богословский, назначенный еще раньше, после смерти полковника Ушакова, начальником штаба Восточного фронта. Генерал Богословский был выпускником академии Генерального штаба. После большевистского переворота он принял службу в академии Генерального штаба, организованной большевиками в Екатеринбурге. Когда в июле 1918 года к Екатеринбургу подошли чехословаки, ему удалось оттуда убежать и пробраться к нашим войскам. Богословский был способным оперативным штабным работником, но [человек был] не самостоятельный, способный на компо-

миссы, о чем свидетельствует его вступление на большевистскую службу» [35, с. 92; 36, с. 115] (в оригинале – «штабным работником был способным и толковым» – А.Г.).

Однако русские генштабисты оценивали роль Богословского иначе, считая именно его организатором побед, лавры которых пожинал Гайда. Так, генерал М.А. Иностранцев ставил в заслугу Богословскому один из громких успехов белых на Восточном фронте – взятие Перми, отмечая, что «успех взятия Перми объясняется даровитой личностью командующего армией и его начальника штаба – генерала Богословского» [14, с. 878.]. Генерал К.К. Акинтьевский даже отмечал, что Гайда был полной бездарностью в военном отношении, а «всю военную часть в его вел ген[ерал] Богословский, нач[альник] штаба; от политической он был отстранен Гайдой» [37, л. 19].

6 января 1919 г. Богословский, уже произведенный в генерал-майоры (с 24 декабря 1918 г. со старшинством с 6 декабря 1918 г.), был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Согласно формулировке приказа, офицер награждался «за то, что, состоя в чине полковника и исполняя обязанности начальника штаба бывшей Екатеринбургской группы, разработал и провел в жизнь план очищения от армии противника обширной территории Уральского района; причем, в течение операции с 28-го ноября по 24-е декабря 1918 года неоднократно, с личной для себя опасностью, принимая деятельное участие в боях, привел наши войска к решительной победе при полном разгроме Пермского фронта противника, с захватом огромной военной добычи и территории (станции Куш, Калино, Чусовая и города Кунгур и Пермь; более 30 000 пленных, 20 000 винтовок, 20 орудий, более 100 пулеметов, 9 бронированных поездов, 2 броневых автомобиля, 40 автомобилей, 180 поездных составов, несколько тысяч лошадей и громадное количество военного имущества)» [38, с. 67]. 24 февраля 1919 г. Богословскому была объявлена благодарность Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака.

По оценке генерала П.Ф. Рябикова, Богословский был выдающимся начальником штаба армии [22, л. 27]. Рябиков отмечал, что Богословский «как выдающийся офицер Генерального штаба, умный, быстрый, решительный и инициативный, с большим успехом исполнял должность начальника штаба 1[-й] армии у генерала Гайды, а затем и у ген[ерала] Пепеляева» [22, л. 58об.–59].

Возможно, на общем фоне колчаковских генштабистов Богословский действительно выделялся, однако 35-летнему генералу не хватило дальновидности для понимания важности взаимодействия Сибирской армии с соседней Западной армией в период весеннего наступления 1919 г. колчаковских войск к Волге. Начальник штаба Западной армии генерал С.А. Щепихин оставил подробное описание совещания в Челябинске 11 февраля 1919 г., на котором адмиралом А.В. Колчаком и командующими армиями был согласован план наступления [2, с. 582-597]. По свидетельству Щепихина, «Богословский маслянисто улыбался своей черноусой физией.... Лицо умное, глаза хитрые и манеры чуть-чуть вкрадчивые...» [39, л. 56] Как отметил Щепихин, «Гайда, а за ним, к моему изумлению, и Богословский, горячо возражали против заблаговременных перегруппировок, против тех из них, в идее которых скрывалась помощь соседу. Мне становилось жутко от такого непробудного эгоизма» [39, л. 57об.]. Совещание фактически предопределило будущую неудачу весеннего наступления белых.

8 мая 1919 г., уже в период неудач на направлении главного удара, генерал барон А.П. Будберг записал в дневнике, что «начальником штаба у Гайды состоит генерал Богословский, цыганистый брюнет, вид энергичный, глаза неглупые; говорят, что по части боевого управления все лежит на нем и что распоряжается он толково» [40, с. 234]. От наблюдений Будберга также не ускользнуло злорадство Богословского в связи с неудачами соседней Западной армии [40, с. 235]. «Я знал, что между штабами армий раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко» [40, с. 235], – отметил барон.

В 1919 г. Богословского могли ждать различные карьерные перспективы. В частности, председатель Совета министров П.В. Вологодский записал в своем дневнике 3 марта 1919 г., что фронт выдвигает Богословского на пост военного министра, причем некоторые министры поддерживали его кандидатуру [15, р. 222], однако уже 7 марта, когда Вологодский сообщил Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку о том, что Совет министров выступает за такое назначение, Колчак, как и ожидал Вологодский, «решительно отверг эту замену и указал, что во многих непорядках на фронте виноват сам фронт... фронт всегда враждует с тылом» [15, р. 226]. Через некоторое время Колчак заявил: «Убирать Богословского с фронта я тоже не намерен, он там нужнее, чем здесь» [15, р. 226]. Из этого можно сделать вывод, что Верховный правитель высоко ценил Богословского и, возможно, понимал его реальную роль в руководстве Сибирской армии при столь беспокойном командующем, каким оказался генерал Гайда.

В конце мая 1919 г. ординарец Гайды подпоручик Молотковский со ссылкой на некое мнение офицерства зондировал у председателя Совета министров П.В. Вологодского почву относительно возможного назначения Богословского начальником штаба Ставки вместо дискредитировавшего себя генерала Д.А. Лебедева – оппонента Гайды [15, р. 257], [41, р. 133]. Аналогичные слухи с акцентом на том, что это был ультиматум Гайды Колчаку поползли тогда же по Омску [40, с. 262].

Если бы такое назначение удалось осуществить, Гайда, очевидно сработавшийся с Богословским, существенно укрепил бы свои позиции в Омске. Однако все это осталось на уровне обсуждений. Когда из-за конфликта со Ставкой генерал Гайда в начале июня 1919 г. был временно отстранен от командования Сибирской армией и уехал в Омск для дальнейшего разбирательства, Богословский заменял его на посту командующего [40, с. 277]. Колчак затем приказал Гайде вернуться к командованию армией, но инцидент исчерпан не был, а проблемы с Гайдой продолжились. Вскоре, когда 9 июня Гайде в оперативном отношении подчинили, помимо Сибирской, еще и соседнюю Западную армию, он издал резкий приказ по этой армии, оскорбивший командование соседей, после запрета подобных приказов Колчаком Гайда снова приехал в Омск и подал рапорт об освобождении от обязанностей командующего. Интересно, что летом 1919 г., как сообщал в июле чешский тайный агент «Джон», внедренный в окружение главнокомандующего Восточным фронтом генерала М.К. Дитерихса, уже сам Богословский считал целесообразным удаление Гайды с поста командующего [42, с. 135]. Окончательно с должности командующего Сибирской армией Гайда был снят 7 июля, армию 8–9 июля временно принял главнокомандующий фронтом генерал Дитерихс, причем уже 14 июля Екатеринбург заняли красные.

Опала Гайды сказалась и на Богословском. 1 июля он был откомандирован в Омск в распоряжение штаба Верховного главнокомандующего. По прибытии, 7 августа был допущен к исполнению должности инспектора Восточного фронта (причем со 2 августа), а с 8 сентября – к исполнению должности инспектора пополнений Восточного фронта. 2 октября Богословскому также подчинили управления генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. Кроме того, согласно приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего от 25 сентября 1919 г., Богословский с 22 июля 1918 г. также формально считался штатным преподавателем Военной академии.

Последний виток карьеры Богословского произошел в конце 1919 г. Генерал стал тогда помощником военного министра колчаковского правительства, а 12 декабря 1919 г. стал начальником штаба Восточного фронта при главнокомандующем генерал-лейтенанте В.О. Каппеле. Ранее этот пост занимал генерал В.И. Оберюхтин [43]. 29 декабря 1919 г. на станции Ачинск произошел взрыв эшелона со снарядами. В результате взрыва были ранены сам Богословский (легко) и его супруга Мария Иосифовна, получившая серьезное ранение. Как отмечал 30 декабря в своем дневнике генерал С.А. Щепихин, «накануне, на полустанке перед Ачинском, слышали довольно отчетливо взрыв. На запрос по телеграфу было

ответчено, что произведено покушение на поезд генерала Каппеля. Покушение не удалось: и сам генерал Каппель, и его штаб остались невредимы, но есть жертвы как из чинов штаба, так и из лиц посторонних... Подробности мы узнали на другой день, когда рано утром прибыли на дебаркадер станции Ачинск...

Перед самой станцией эшелонов не стояло: здесь пути были исковерканы взрывом, валялись части истерзанных человеческих одежд, в крови и обуглившиеся, – при взрыве произошел пожар, который едва удалось ликвидировать... На месте взрыва стояли два вагона – жертвы взрыва, почти сброшенные на пути. Остальной поезд главнокомандующего стоял на небольшом интервале в полном порядке... По пожарищу бродили какие-то типы и искали, шарили в обломках: был кем-то пущен слух, что от взрыва пострадала казна главнокомандующего, состоящая из металлической валюты... Вот эти вороны и бродили, шевеля палками пепел...

Генерал Каппель нас встретил перед поездом. С ним был его начальник штаба генерал Богословский, бывший начальник штаба у генерала Гайды, в бытность последнего командармом первой. Будучи не удел, он и предложил свои услуги генералу Каппель, сотрудника которого по третьей армии генерала Барышникова при нем не было... Богословский был слегка задет осколками стекла, а бывшая при нем его супруга была очень тяжело ранена: ее на носилках переправили в город и дальше ей запрещено было продолжать путь... Каппель сказал, что генерал Богословский просит его разрешения остаться в Ачинске на Волю Божию: его жена не может дальше двигаться, а бросать ее одну невозможно, надо разделить участь с тем, с кем жил так долго... Грустно все это, но ведь и большинству из нас, и мне в первую очередь, предстоит такой выбор: между семьей и войной... И там, и тут долг. Кому, вернее чему, отдать предпочтение... дай Бог, чтобы он хорошо кончил, но сильно сомневаюсь в этом. Лучше пулю себе в лоб: и короче, и как-то по прежним нашим навыкам “контрреволюционным” что ли – почетней. Все же своя сестра пуля, а не заплечных дел мастера из чрезвычайки... А, может быть, я ошибаюсь и преувеличиваю: не так может быть страшны и зубасты эти обезьяны» [44, с. 44–45, 47]. Однако чутье не обмануло генерала Щепихина.

В своих воспоминаниях Щепихин отметил, что Богословского отговаривали от идеи остаться, причем отмечали, что «ему большевики вряд ли простят его добровольный уход в Екатеринбург из академии на сторону белых, а также припомнят многое из деятельности Гайды, с которым он был тесно связан. В душе он, видимо, соглашался, но бывают минуты, когда обстановка сильнее нас. Богословский выполнил впоследствии свое решение; был отвезен большевиками в Омск, судим и расстрелян» [45, л. 33–33об.].

Оставив Каппеля и штаб [46, с. 259; 47, с. 467; 48, с. 181–182; 49, с. 273–274], 6 января 1920 г. Богословский добровольно прибыл в Красноярск, в штаб 30-й стрелковой дивизии РККА. Далее его направили в Томск, в распоряжение штаба 5-й армии. Прибыв в этот город 20 января, Богословский был прикомандирован к разведотделению штаба армии. 23 января Богословского направили в особую комиссию по регистрации военнопленных и перебежчиков, где он был арестован Особым отделом. Содержался в красноярской тюрьме, а 23 июня отправлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Сибири в Омск [38, с. 68]. Президиумом полномочного представительства ВЧК по Сибири 17 июля 1920 г. приговорен к расстрелу.

В заключении Прокуратуры Омской области от 29 декабря 1991 г. отмечено, что приговорен он был «за то, что, находясь на службе у белых в должности начальника штаба Сибирской армии, в подчинении его находилась и контрразведка. Активно воздействовал на поднятие боеспособности армии. Из материалов дела усматривается, что Богословский, являясь командующим 3-й советской армии, в 1918 г. бежал к чехам, прибыв в г. Омск, он был назначен начальником штаба Сибирской армии, что признал и сам привлеченный» [50, л. 16об.]. На следующий день после приговора Богословского расстреляли в омской тюрьме.

До сих пор считалось, что Богословский, как и многие другие участники Белого движения, реабилитирован, но это не так. Наоборот, согласно тому же заключению Богословский признан не подлежащим реабилитации (как указано в письме УФСБ России по Омской области автору от 16.08.2019 № 10/6/Г-1295 [50, л. 16об.]). Репрессивные формулировки эпохи Гражданской войны сегодня выглядят анахронизмом, в связи с чем, нами начата работа по реабилитации этого офицера. Тем более, отсутствие реабилитации не позволяет исследователям ознакомиться с делом в отношении генерала Богословского.

Результаты исследования. Анализируя события, связанные с изменой Богословского, нужно учитывать обстановку в эвакуированной в Екатеринбург Военной академии, где офицер служил в 1918 г. Профессорско-преподавательский состав и значительная часть слушателей академии были настроены антибольшевистски. В академии действовала антибольшевистская подпольная организация. По некоторым данным, с белым подпольем был связан и сам Богословский. В силу этого он не стремился получить командный пост в РККА в канун падения красного Екатеринбурга. И многие представители академии рассчитывали перейти на сторону противников красных, что в итоге и произошло в 2 этапа – в конце июля в Екатеринбурге и в начале августа в Казани.

Поскольку Богословскому предстояло покинуть академию и далее действовать на свой страх и риск, он уведомил начальника академии А.И. Андогского о намерении бежать к белым. Насколько можно судить, основным требованием Андогского, как и в других аналогичных случаях, было отведение от академии возможных репрессий за измену ее представителя, что Богословский ему и пообещал. Богословский вступил в должность и на следующий день бежал к противнику, захватив полученные в штабе армии оперативные данные. Безусловно, в сложившейся обстановке такие действия требовали определенного мужества, поскольку в случае разоблачения участь изменника была бы незавидной. Как боевой офицер Богословский мужеством обладал, но подробности появления нашего героя в белом лагере пока неизвестны.

Измены офицеров, ставших военспецами РККА, не были редкостью. Такие случаи зафиксированы даже на самом верху советской военной иерархии – среди командующих армиями и фронтами. Разумеется, последствия измен военачальников этого уровня были наиболее опасны. Но, в конечном счете, измена Богословского и его сотрудников по штабу 3-й армии не повлекла за собой катастрофы для красных, лишь несколько осложнив их положение в районе Екатеринбурга. В начале 1920 г., на исходе широкомасштабной Гражданской войны, Богословский в практически безвыходной ситуации добровольно сдался красным. Через полгода он был расстрелян, в том числе за свою измену лета 1918 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Сб. мат-лов междунар. научн. конф. Архангельск, 2008. С. 160–171.
2. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с.
3. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. 768 с.
4. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. Изд. 2-е. М.: Кучково поле, 2017. 680 с.
5. Каминский В.В. Почему Генштаба полковник Б.П. Богословский не захотел командовать 3-й армией «красного» Восточного фронта (июль 1918 г.)? // История белой Сибири: мат-лы 6-й междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 95–101.
6. РГВА. Ф. 40022. Оп. 1. Д. 17.

7. РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 569.
8. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 414 с.
9. РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. 1. Д. 99547. П/с 47-157.
10. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2714.
11. Высочайший приказ. 1916. 16.08.
12. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648.
13. РГВИА. Ф. 16096. Оп. 1. Д. 34.
14. Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М.: Кучково поле; ИЦ «ВОЕВОДА», 2017. 928 с.
15. A Chronicle of the Civil war in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918-1925. Stanford, 2002. Vol. 1. 455 pp.
16. Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07.–07.09.1918. М., 1918.
17. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1. М., 1971. 788 с.
18. РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 66.
19. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.
20. Софронов Г.П. Неподвластное времени. М.: Воениздат, 1976. 376 с.
21. Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. 200 с.
22. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г.
23. Кручинин А.М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 13–26.
24. Кручинин А.М. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть. Екатеринбург, 2018. 384 с.
25. РГВА. Ф. 3. Оп. 4. Д. 31.
26. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 230.
27. Национальный архив Латвии. Ф. 45. Оп. 3. Д. 33.
28. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1.
29. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3.
30. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
31. РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263.
32. Петров А.А. Генерал-лейтенант Р. Гайда // Белое движение: исторические портреты. М.: Астрель, АСТ, 2011. С. 646-689.
33. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
34. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 610 с.
35. Гайда Р. Мои воспоминания. Вступление в русскую армию (перевод М. Г. Ситникова) // Иднакар (Ижевск). 2014. № 1 (18). С. 82–93.
36. Gajda R. Moje paměti. Praha, 1920.
37. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. К.К. Akintievskii papers. Vox 1. Акинтиевский К. К. К истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1918–1922 гг.
38. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011. 672 с.
39. ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8.
40. Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 197–290.

41. A Chronicle of the Civil war in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918-1925. Stanford, 2002. Vol. 2. 471 p.
42. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. 496 с.
43. Ганин А.В. «Я имел одну вину – службу у белых...» Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В.И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Науч. сб. к 50-летию А.С. Кручинина. М., 2018. С. 219–352.
44. Архив Гуверовского института. S. A. Shcherikhin collection. Box 1. Щепихин С. А. Дневник генерала русской службы С. А. Щепихина – бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь.
45. ГАРФ. Ф. Р–6605. Оп. 1. Д. 10.
46. Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 434 с.
47. Каппель и каппелевцы. М.: Посев, 2007. 707 с.
48. Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Мукден, 1932. Ч. 1. 204 с.
49. Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания / ГПНТБ СО РАН; Отв. ред., авт. вступ. ст. и комм. А.Л. Посадсков. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. 544 с.
50. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–100453.

В. В. ГЕРМИЗЕЕВА

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ? ПРИХОД К ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ»

Аннотация: В работе проанализированы публикации в томской газете «Сибирская жизнь» за октябрь 1917 г. – январь 1918 г., освещающие приход большевиков к власти. Обращено внимание на антибольшевистскую направленность статей и в целом негативное отношение к новой власти. На страницах издания в этот период можно было встретить высказывания о начинающейся гражданской войне в России.

Ключевые слова: Гражданская война, периодическая печать, революция, большевики, советская власть, Томск, политическая жизнь.

Постановка проблемы. Интерес к революционным событиям в России 1917 г., а также к последующей гражданской войне не ослабевает до настоящего времени. Тем не менее, многие вопросы остаются дискуссионными и требуют дальнейшего обсуждения. Активизация политической жизни в этот период в Сибири, вылившаяся в вооруженное противостояние представлена в общеполитических работах М.В. Шиловского [1, 2], А.П. Шекшеева [3] и других. Категоричных споров о дате начала гражданской войны в Сибири в историографии не отмечается. Некой общепринятой «точкой отсчета» утвердился мятеж Чехословацкого корпуса. Но, обратившись к периодической печати, остро реагировавшей на события общественно-политической жизни, можно увидеть, что противостояние внутри страны стало оформляться гораздо раньше.

Основная часть. В данном исследовании обращено внимание на освещение событий, связанных с приходом к власти большевиков, с конца октября 1917 г. до января 1918 г. в томской газете «Сибирская жизнь». Ее редактором с марта 1917 г. и до декабря 1919 г. был А.В. Адрианов, имевший многолетний опыт работы и стоявший у истоков сибирской общественно-политической периодики [4, с. 39]. Газета представляла взгляды либеральной буржуазии, интеллигенции и была довольно популярной, ее тираж составлял 14–15 тысяч экземпляров, а в редакции работали опытные и известные журналисты [5, с. 6].

Издание негативно отреагировало на приход новой власти, назвав это событие мятежом и большевистской авантюрой. Подобная ситуация подтверждает тот факт, что на протяжении всего 1917 г., а также позднее периодическая печать «не только выполняла традиционную функцию средства массовой информации для населения страны, но и превратилась в орудие борьбы враждовавших социально-политических сил» [6, с. 3]. «Сибирская жизнь» не разделяла большевистских идей о централизации власти, считала необходимым давать полную картину происходящего, стремилась отстаивать принципы свободы слова [7]. В связи с этим отсутствие достоверной информации о событиях в Петрограде вызывало множество вопросов, что хорошо иллюстрирует публикация «Только правду!», опубликованная 29 октября 1917 г. В ней обращено внимание на то, что захватив телеграфное агентство, большевики способствовали появлению различных слухов, а «всякая неправда в эти страшные дни – акт совершенно бесчестный» [8].

В целом, приход к власти большевиков в конце октября 1917 г. в «Сибирской жизни» рассматривался с отрицательных позиций, и уже тогда на страницах газеты мы встречаем словосочетание «гражданская война» [9, с. 29]. На начальном этапе ситуация характеризу-

лась как неопределенная, поступающая информация не позволяла полностью ориентироваться в происходящих в стране событиях: «Телеграфным известиям, которые доходят, почти нельзя верить, ибо они находятся в противоречии с теми скудными сведениями, которые мы находим в немногочисленных газетах, еще не задушенных цензурой» [10]. Тем не менее, в издании отмечалось, что у людей, оказавшихся у власти, нет будущего, их положение очень непрочное: «Но несомненно одно – большевики удержаться не могут, они потеряли всякий ореол, их лидеры Ленин и Троцкий скомпрометированы в глазах даже тех их немногочисленных друзей в прошлом, которые теперь говорят о них с осуждением». В заключении указывалось, что «авантюризм большевиков должен быть ликвидирован, без каких бы то ни было компромиссов» [10].

В начале ноября 1917 г. в издании трактовка деятельности большевиков осталась неизменной: «Захватив власть, они занялись не устройством истерзанной родины, не борьбой с губящей ее анархией, не организацией продовольствия, не обеспечением фронта хлебом, одеждой, оружием, не упрочением свобод», а напротив, продолжали углублять анархию и гражданскую войну [11]. В публикации отмечалось, что подобная ситуация не может продолжаться долго, потому что народ поймет куда его ведут и к чему готовят и страна скоро будет очищена от авантюристов и предателей.

В другом номере газеты вновь с большим сожалением указывалось, что часто получение оперативной информации из различных регионов затруднено: «Мы отрезаны от всего света и вынуждены питаться новостями, прошедшими большевистский фильтр телеграфного агентства. Помимо того, что все сведения, идущие к нам через этот фильтр, до крайности укорочены, они безграмотны, искажают печальную действительность, во славу укрепления большевистской власти, которой страна не приемлет» [12].

В статье «Угрозы и насилие» довольно ярко представлено негативное отношение к новой власти. В частности, отмечалось, что «гражданская война разгорается из дня в день», «анархия ширится и растет», а распад общества и государства увеличивается с каждым днем. Большевики «ничего не могут создать», они стремятся к всеобщему разрушению, видя хотя в том оправдание своего существования». Новая власть не способна «проникнуться настоящим уважением к свободе», а «вне закона объявлена вся Россия, мыслящая иначе» [13].

Декабрьские события 1917 г., связанные с установлением советской власти в Иркутске, в «Сибирской жизни» склонны были также рассматривать как гражданскую войну: «В сражении участвуют регулярные войска и красная гвардия, их противники: юнкера, казаки и гражданское население. Город расстреливается артиллерией и пулеметами. Государственный банк и телеграф сожжены. Целые кварталы и склады разбиты. Жертвы не поддаются учету. Всякий революционный смысл сражения утерян; конца же его не видно. Происходит бессмысленная братоубийственная бойня... Население в паническом страхе бежит. Станции и предместья полны беженцами, лишенными крова и последнего достояния. В городе наступает голод». Решение проблемы связывали с добровольной передачей власти Учредительному собранию и местным демократическим городским и земским учреждениям. В издании акцентировали внимание на то, что только так можно «предупредить гибельные события и гражданскую войну в других местах» [14].

В заметке «Наследство» отмечалось: «День за днем, лучше сказать, час за часом идет исторический выпуск всевозможных декретов, лихорадочно спешат все преобразовать, все уничтожить, все конфисковать» [14]. В публикации, тем не менее, выражалась идея, что бессмысленная деятельность и большевистская власть в стране идет на убыль. В этом же номере газеты было опубликовано стихотворение, в котором автор заострил внимание не только на проблемах затянувшейся войны, но и власти, показал, что в разного рода столкновениях страдают, прежде всего, обычные люди, которые часто не понимают всей сложившейся ситуации, являются в каком то смысле ее заложниками:

Творим мы новый свой уклад
Пред оком удивленных стран –
И косят меч, и мор, и глад
Ряды беспечных россиян...
Ну, что ж! Пора – нам тесно жить –
Пора нас малость проредить!
Три года яростной войны,
Три года яростных потерь –
Начало славное! Должны
Окончить славно мы теперь!
Ну, что ж! Пора – нам тесно жить –
Пора нас малость проредить!
Дерутся там, стреляют тут,
Порежут тут, задушат там,
Там разорят, а тут пожгут –
Привольней делается нам...

В «Сибирской жизни» неоднократно писали, что разгорающаяся постепенно гражданская война в стране порождена безумством представителей новой власти. «На всю Россию они идут войной, обманом, и ложью, и ненавистью, заставляя братьев сомкнуть оружие в смертельном бою, как будто им нужно одно: всех заставить заняться делом взаимного истребления, как будто только в этом их собственное спасение от народного гнева» [15]. Выход из сложившейся ситуации связывался с созывом Учредительного собрания, которое должно было окончательно решить вопрос о власти.

Из январского номера газеты за 1918 г. становится понятно, что эти надежды не оправдались: «Весть о разгоне Учредительного собрания облетела весь город и проникла в самые дальние уголки. Везде и всюду разгон Собрания произвел удручающее впечатление. Многие известие встречали возгласом: «Ну, теперь все пропало!» [16]. Поэтической иллюстрацией события можно считать следующие строчки, также опубликованные в «Сибирской жизни» 10 января 1918 г.:

Сколько говорили,
Сколько ожидали –
А когда добыли,
Взяли и сорвали...

Результаты исследования. Таким образом, приход к власти большевиков оценивался в «Сибирской жизни» негативно, с их деятельностью связывали развал и разорение страны, а также развязывание гражданской войны. Представители новой власти характеризовались как мятежники, авантюристы и предатели. Это было связано, с одной стороны, с либеральной направленностью газеты, с другой стороны, являлось свидетельством того, что утверждение советской власти в Сибири шло постепенно и встречало сопротивление представителей местной интеллигенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. К юбилею опальной революции 1917 года // Русская революция в контексте истории: Материалы региональной научной конференции (6–8 ноября 2007 г.) / под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. С. 61–66.
2. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, ИД «Сова», 2003. 428 с.

3. Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.); под ред. В.В. Гришаева. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 164 с.
4. Серебренникова Т.П. Публицистика А.В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 39–46. DOI: 10.17223/19988613/46/5.
5. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журналов. Изд. доп. и испр. Томск: Ветер, 2009. 144 с.
6. Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.
7. Жиликова Н.В. «В наших руках одно оружие – свободное слово»: «медийное противостояние» большевиков и «Сибирской жизни», 1917 г. // Вопросы журналистики. 1917. № 2. С. 73–94. DOI: 10.17223/26188422/2/6.
8. Сибирская жизнь. 1917. 29 октября.
9. Гермизеева В.В. Газета «Сибирская жизнь» о событиях октября–ноября 1917 г. в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 28–30.
10. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 10 ноября.
11. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 9 ноября.
12. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 9 декабря.
13. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 10 декабря.
14. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 17 декабря.
15. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 20 декабря.
16. Сибирская жизнь (Томск). 1918. 10 января.

Т. В. ГЛАЗУНОВА

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

**ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ В ОМСКЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.**

Аннотация: В статье рассмотрена проблема организации помощи населения, пострадавших от голода в начале 1920-х гг., проводимая в советском Омске. Слабая экономика после Гражданской войны, неурожай, продрозверстка повлияли на появление в стране голода. Организации, предприятия, население Омска оказывали различную помощь голодающим. В исследовании рассмотрены основные направления и формы помощи, которую оказал город пострадавшим.

Ключевые слова: Гражданская война, голод, помощь голодающим, социальная политика, социальная помощь, повседневность, Омск.

Постановка проблемы. В СССР в 1921–1923 гг. разразился ужасный голод, который унес жизни миллионов жителей страны. Первые признаки обозначились еще в конце 1920 г. Начался отток голодающих из деревень в города. Крестьяне бросали свои дома и переселялись на юг. Просили милостыню. Количество беженцев постоянно увеличивалось. Остановить данный поток голодающих государство не смогло. В результате, голод охватил огромные территории страны (Среднее и Нижнее Поволжье, Крым, Кавказ, юг Украины и др.). На пострадавших территориях проживало более 42 млн жителей, из которых не менее 5 млн. стали жертвами голода. Местные власти сообщали данную информацию в столицу еще в начале 1921 г., но масштаб бедствия официально был признан только в середине 1921 г. [1, с. 59]. Постепенно в стране стала организовываться помощь пострадавшим от голода.

Основная часть. Причинами голода в период исследования стали природно-географические, политические, экономические и социальные факторы. На ухудшение положения экономики, пострадавших территорий, сказались экономические и демографические последствия Гражданской войны. Этот регион в 1918–1920 гг. являлся «производственным донором республики, к тому же его территория регулярно становилась ареной боевых действий, либо прифронтовой полосой, где располагались военные части, нуждавшиеся в провианте, фураже, лошадях и многом другом» [1, с. 60]. Изъятие продовольствия многочисленными продотрядами почти всего урожая, военные действия, нехватка рабочих рук из-за мобилизации мужчин трудоспособного возраста и другие факторы затрудняли ведение сельского хозяйства. Было проведено три хлебозаготовительные кампании для снабжения армии и обеспечения хлебом населения страны: 1918–1919, 1919–1920, 1920–1921 гг. Помимо этого, в районах Поволжья происходили резкие климатические колебания, которые осложнялись длительной эксплуатацией и истощением земли, вместо совершенствования технологий ее обработки [1, с. 59–60; 2, с. 117]. При этом в некоторых современных исследованиях «встречаются утверждения, что весна 1921 г. отличалась лишь более ранним приходом тепла и несколько меньшим, чем обычно, количеством осадков, но с июня дожди стали выпадать, и делается вывод о том, что масштабы засухи 1921 г. чрезвычайно преувеличены» [1, с. 59]. При этом отсталая система землепользования и засуха не могут в полной мере объяснить катастрофических масштабов голода, такого большого охвата территорий, количество голодающих. Правительство страны долго замалчивало масштабы и серьезность трагедии.

Для решения проблемы в апреле 1921 г. было принято Постановление «О борьбе с засухой», в соответствии с которым борьба с засухой признавалась «делом первостепенной

важности для сельскохозяйственной жизни страны». Предписывалось в экстренном порядке установить все меры по борьбе с засухой путем организации мелиоративных работ, агрономических и сельскохозяйственных мероприятий. Первое официальное признание было опубликовано в «Правде» только в конце июня 1921 г. А в июле того же года издали декреты о переселении в Сибирь 100 000 жителей из пострадавших от засухи регионов.

В 1921 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК с целью руководства, объединения и согласования деятельности Народных Комиссариатов и всех учреждений в стране в области борьбы с голодом. ЦК помощи голодающим устанавливала план борьбы с голодом, рассматривала мероприятия различных ведомств, наблюдала за срочным их выполнением и др. В соответствии с Декретом ВЦИК «Положение о Центральной комиссии помощи голодающим при Всероссийском центральном исполнительном комитете» средства на борьбу с голодом составлялись из государственных ресурсов и из пожертвований внутри России и за границей. Среди иностранных организаций, оказывающих гуманитарную помощь были: государственные, общественные, религиозные, этнические. Например, Американская администрация помощи (АРА), «Общество друзей», Миссия Нансена и другие [3]. Так, на IV сессии ВЦИК была отмечена благодарностью деятельность АРА, Норвегии, Германского Красного Креста, Общества квакеров и др.

Правительством страны были разработаны следующие чрезвычайные меры, проводимые по всей стране и направленные на ликвидацию голода: организация питания голодающих, медико-санитарная помощь, сбор продналога с территорий, не пострадавших от засухи, использование местных денежных средств, организация общественных работ для голодающих, эвакуация голодающих и др. Выполнение данных мер было трудновыполнимо и плохо реализуемо вследствие продолжающейся Гражданской войны.

Декретом ВЦИК с 15 сентября по 15 октября 1921 г. по всей стране объявлялась «Всероссийская неделя помощи голодающим», руководство подготовкой и проведением которой возлагалось на центральную, губернские и уездные комиссии помощи голодающим. В течение периода проведения кампании уделялось особое внимание тем органам, которые вели работу, непосредственно связанную с оказанием помощи голодающим, продорганам и сменной ссуды и по направлению в голодающие губернии продовольственных грузов и др.

Так, в Омске в октябре-ноябре 1921 г. комиссией помощи голодающим при Омгубсовнархозе были проведены два концертных вечера и лотерея «Аллегория». Сумма выручки двух концертов составила 3 847 175 руб. (из них чистой прибыли – 1 790 870 руб.). В соответствии с отчетом комиссии помощи голодающим при Омском губернском совнархозе для лотереи были пожертвованы различные вещи, такие как: дамские накидки – 4 шт., трости – 2 шт., зонты – 2 шт., кружевные занавески – 8 шт., мужские гетры – 1 пара, кнопки – 30 гр., граммофон – 1 шт., пластинки – 52 шт., мундир – 1 шт., зеркало – 1 шт., мед – 1 банка, мыло – 6 пачек, сахар-песок – 20 ф, галстук – 1 шт., зажигалка – 2 шт., аппарат для вышивания – 1 шт., валенки мужские – 1 пара, валенки женские – 1 пара, фуражка кожаная – 1 шт. и многое другое. Всего в списке 49 наименований. Кроме как от Омского губернского совнархоза, пожертвования поступили от гублескома и Эзермана. Большую часть вещей удалось продать, однако часть вещей оказалась невостребованной. Выручка в лотерее составила 3064250 руб. (из них чистой прибыли – 2889725 руб.). Общая сумма выручки проведенных мероприятий составила 8 459 910 руб. (из них чистой прибыли – 4 680 595 руб.) и была сдана в губфинотдел. [4, л. 6].

На страницах периодической печати было опубликовано воззвание Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК «...Рабочие, служащие и красноармейцы должны установить ежемесячное отчисление со всех видов денежного и натурального довольствия в размере, устанавливаемом профсоюзами и общими собраниями красноармейцев и рабочих. Торговцы, промышленники, ремесленники и прочими группы населения также должны принять участие в порядке, установленном в зависимости от местных условий» [5, с. 2]. Так,

в апреле 1922 г. было удержано с сотрудников Омского губернского совнархоза 48 п. 1 ф. муки в пользу голодающих и 8 п. 17 ф. – в пользу голодного ребенка [4, л. 13].

В инструкции ЦК помощи голодающим «О порядке оказания постоянной помощи голодающим гражданами благополучных по урожаю губерний» был установлен срок перехода от случайной и непланомерной помощи к постоянным формам – 7 ноября. В городах и во всех домовых комитетах устанавливалось количество голодных, которых каждый домком брал на свое постоянное попечение, исходя из установленного минимального пайка (1 фунт хлеба в день и 2-3 приварка в месяц). Жильцы каждой квартиры в зависимости от состоятельности, обязались кормить голодного раз в месяц, раз в 2 недели или раз в день. Велся учет об общем количестве голодных, взятых на попечение каждой улицей или районном [4, л. 1]. Все продуктовые отчисления, произведенные 7 ноября, доставлялись на сборные пункты. В дальнейшем все ежемесячные взносы должны были вноситься регулярно 7 числа каждого месяца (с указанием количества человек, находящихся на иждивении).

В феврале 1922 г. насчитывалось до 10 тыс. детей (школьного возраста), привезенных из районов голода, которые были распределены по детским домам наробразом всей Омской губернии. Положение детских домов было очень тяжелым из-за недостатка снабжения. На ул. Ильинской, 7 был открыт детский дом на 50 человек для детей голодающих губерний. Оборудование было предоставлено Упсансибом во временное пользование. Продукты для детей собирались путем отчислений пайков членов союза всемедикосантвуд. В январе 1922г. детский дом был обеспечен мукой на 4–5 месяцев, также имелись запасы круп и других продуктов. При детском доме, помимо общего медицинского надзора, постоянно находился лекпом для оказания медицинской помощи детям и для санитарного надзора за домом [5, с. 4].

Но только небольшая часть детских домов г. Омска была взята некоторыми учреждениями на полное или частичное (продуктовое) снабжение. Так, губсоюз взял на полное снабжение 100 детей, губсовнархоз – 50 детей; на продуктовое снабжение губернской ЧК взяли 80 детей, упродгубом – 14, медикосантвуд – 60 и др. (всего около 500 детей из общего числа). Свыше 3000 детей в Омске остались не распределены. Многие организации и учреждения к февралю 1922 г. так и не оказали никакой помощи детям (губпрофсовет, коммунотдел и др.), часть оказали только незначительную. Но при этом, в соответствии с инструкциями ЦК помощи голодающим, всем организациям и учреждениям предписывалось в срочном порядке обязательно поставить вопрос о помощи детским домам и разрешить его только в «положительном смысле» [6, с. 3]. Например, на общем собрании рабочих и служащих коммунистического отдела ленинского райисполкома было принято решение об отчислении до реализации нового урожая 1% получаемого содержания в пользу детей из голодного Поволжья [5, с. 4].

В городе регулярно проводились «недели помощи» детским домам. Однако, из-за нехватки продовольствия, губнаробраз принимал меры к уменьшению состава детских домов путем исключения детей, имевших родителей. В Омске таких оказалось 40 чел. Но родители не хотели забирать своих детей из детских домов, несмотря даже на то, что среди них были лица, имевшие возможность содержать своего ребенка. В прессе исследуемого периода можно встретить даже такое объявление: «отдаю мальчика в дети» [7, с. 4].

Также, 115 детей, пострадавших от голода и приехавших в Омск, были объединены в коммуне им. Дзержинского и взяты губсоюзом на полное иждивение. Служащие губсоюза проводили отчисление в пользу коммуны от 3 до 14 % своего содержания, пропорционально окладу и количеству членов семьи. Например, за январь было отчислено 50 млн руб. [7, с. 3].

Помимо отдельной помощи детям, в Омске были организованы общие сборы в пользу голодающих в виде денежного и натурального довольствия. Так, рабочими и служащими Оммеханлит и автозавода было собрано и отправлено в Омскую губкомиссию для голодающих следующее количество продуктов: мука – 90 п. 29 ф., мясо – 25 п. 4 ф., крупа – 7 п. 12 ф.,

масло – 3 п. 9 1/2 ф., сахар – 2 п. 17 1/2 ф., чай – 16 ф., мыло – 32 ф., соль – 3 п. 9 1/2 ф., спички – 128 кор., что в переводе на рыночные цены составило около 80 млн руб. дензнаками 1922 г. Эти продукты составляли заработок рабочих и служащих в сверхурочное время [5, с. 4].

Кроме этого, отчисления на нужды голодающих также делали вузы г. Омска. Например, за август 1922 г. высшая военная школа Сибири, 24-я пехотная, 2-я Омская топшкола отчислили: денежных знаков образца 1922 г. – 11546 руб. 74 коп., муки – 73 п. 1 ф., крупы – 16 п. 37 ф., мяса – 22 п. 1 ф., масла – 6 п. 11 ф. 72 з., соли – 15 п. 27 ф., сахара – 4 п. 4 ф. 76 з., хлеба – 52 п. 24 ф., чая – 2 п. 20 ф. 48 з. и др. [8, с. 2]

Результаты исследования. Как видим, в начале 1920-х гг. страну охватил страшный голод, который являлся следствием Гражданской войны, продразверстки, неурожая и т.п. Молодое правительство пыталось справиться с бедой, однако выполнение этой важной задачи осложнялось вследствие продолжающейся войны. Регионы страны стремились помочь голодающим. Для этого организовывались отчисления в виде денежного и натурального довольствия, открывались детские дома и коммуны. При этом нельзя забывать, что трудные времена были во всей стране и даже районам, не пострадавшим от голода, было тяжело делать оказывать помощь пострадавшим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аншакова Ю.Ю. «Увиденное мною в Самаре я не забуду никогда» : голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 3. 2012. С. 59–71.
2. Пантин В.И. Второй социально-экономический кризис в России : причины и последствия // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 115–124.
3. Аншакова Ю.Ю. Голод начала 1920-х годов в России в оценках иностранных организаций помощи голодающим // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 74–78.
4. ГИАОО. Ф. Р–223. Оп. 1. Д. 61.
5. Рабочий путь (Омск). 1922. 3 января. № 2.
6. Усильте помощь детям // Рабочий путь (Омск). 1922. 9 февраля. № 32
7. Рабочий путь (Омск). 1922. 8 февраля. № 31.
8. Рабочий путь (Омск). 1922. 12 октября. № 232.

А. Н. ГРЕБЕНКИН

Среднерусский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия

**ИСХОД НА ВОСТОК: ОРЕНБУРГСКИЙ-НЕПЛЮЕВСКИЙ, ХАБАРОВСКИЙ
ГРАФА МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО И 1-Й СИБИРСКИЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
КАДЕТСКИЕ КОРПУСА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В исследовании на основе воспоминаний (в том числе и неопубликованных) воспитанников кадетских корпусов, располагавшихся на востоке Российской империи, воссоздана картина жизни данных учебных заведений в годы Гражданской войны. Автор приходит к выводу, что кадеты, несмотря на крайне тяжелые жизненные условия, не только нашли в себе силы продолжать занятия, но и активно отстаивали свои идеалы с оружием в руках.

Ключевые слова: Российская империя, Гражданская война, белое движение, кадетский корпус, традиция.

Постановка проблемы. События Гражданской войны породили уникальную пограничную ситуацию, способствовавшую выявлению подлинных качеств человеческой личности. Далеко не все вели себя в этих экстремально тяжелых условиях достойно. Среди тех, кто в полной мере проявил подлинный героизм, в первую очередь следует назвать воспитанников кадетских корпусов, в большинстве своем до конца остававшихся верными тем идеалам, на которых они воспитывались. Великолепной иллюстрацией этого является длившееся несколько лет сопротивление новой власти со стороны питомцев кадетских корпусов азиатской части России.

Основная часть. Смутное ощущение грядущего противостояния двух полярно различных сил стало овладевать кадетами задолго до первых событий Гражданской войны. Не поняв и не приняв политики демилитаризации военной школы, в результате которой кадетские корпуса были переименованы в гимназии военного ведомства, воспитанники Оренбургского-Неплюевского кадетского корпуса интуитивно устремились к восстановлению прежних порядков. По воспоминанию Е. Яконовского, «...мы сами, кадеты пятого и шестого классов, обратились к седьмому с просьбой заменить привычный для нас авторитет, вдруг исчезнувший, оставив после себя пустое место» [1, с. 18–19]. Вице-фельдфебель Юзбашев один заменил собой всю офицерскую корпорацию. Кадеты активно демонстрировали свое нежелание подчиняться новым требованиям, а воспитанники 1-й роты даже предприняли попытку вернуть отобранные у них после переформирования корпуса в гимназию военного ведомства винтовки. Занятия гимнастикой кадеты по собственной инициативе превратили в строевые, а противостояние с хулиганствующим элементом и революционно настроенными сверстниками, постоянно задиравшими неплюевцев, завершилось тем, что кадеты вооружились железными прутьями, выдернутыми из спинок кроватей, и устроили показательное избивание своих обидчиков в сквере недалеко от корпусного здания. К декабрю 1918 г. части Красной Армии совсем близко подошли к Оренбургу, а вместе с ними пришло и ощущение скорой трагедии. Ее предвестниками были пробиравшиеся в город поодиночке и небольшими группами кадеты корпусов, расположенных в европейской части России: «В это время к нам в корпус попала небольшая группа кадет 2-го корпуса. Они рассказывали нам, как чернь срывала с кадет погоны в дни юнкерского восстания и бросала кадет в воду. Прорывались к нам также небольшими группами ярославцы, аракчеевцы и симбирцы. Их корпуса были

также разгромлены и разогнаны новой властью. Их искали по вагонам, выбрасывали на полном ходу с поездных площадок» [1, с. 21].

17 декабря 1918 г., после начала выступления частей РККА на Оренбург со стороны Бузулука, 1-я рота Оренбургского-Неплюевского корпуса была вооружена и поступила в распоряжение атамана А.И. Дутова. Неплюевцы во главе со своим вице-фельдфебелем Юзбашевым в течение недели совместно с юнкерами пехотного и казачьего училищ принимали участие в патрульной и караульной службе, а также в перестрелках, после чего вернулись в корпус. 2 января 1919 г. в заведении состоялись торжественные мероприятия по случаю корпусного праздника. Бал и ужин столь резко контрастировали с окружающей обстановкой, что казались их участникам чем-то нереальным: «В осажденном городе люди, которым новая власть обещает только смерть и исчезновение, танцуют под звуки «Дунайских волн» и «Березки». Красивые, с голубыми лампасами, казачьи формы, черные мундиры кадет и белые пелеринки институток... Как будто бы в Петербурге не бросали кадет в воду и товарищ Кобозев не готовился в своем Бузулуке к новому нападению на казачью контрреволюцию» [1, с. 23].

На следующий день, 3 января 1919 г., когда красные вновь попытались захватить город, кадеты грудью встали на его защиту, понеся при этом потери. Кадеты 1-й роты вошли в состав Добровольческого батальона, повинувшись призыву своего старшего товарища, прапорщика Хрусталева, выпущенного из корпуса в 1918 г. и окончившего ускоренный курс Павловского военного училища. Воспитанники покинули корпус тайно, без ведома руководства, чтобы избавить своих офицеров от неминуемого расстрела в случае победы противника. 15 января 1919 г. кадеты несли службу на заставах возле железнодорожной станции Каргалла. 16 января произошло настоящее сражение с использованием артиллерии, кавалерии и даже бронепоездов. В бою несколько кадет получили ранения. На этом участие неплюевцев в боевых действиях закончилось, ночью они были возвращены в Оренбург. Тогда же А.И. Дутов принял решение оставить город. Кадеты 1-й роты вместе с юнкерами Оренбургского пехотного училища и добровольцами направились «к юго-западу, к уральским казакам, в надежде поднять их против ленинской власти или поддержать их, если бы они поднялись сами» [2, с. 2].

Через пургу и метель они пробились в Уральск. Находясь там, кадеты предприняли отчаянную, но неудачную попытку прорваться к Корнилову, и, в конце концов, были эвакуированы в Иркутск, где из них сформировали школу, шефство над которой принял сам А.В. Колчак. Адмирал вникал во все нюансы жизни своих подопечных: так, когда в апреле 1919 г. один из британских офицеров, назначенных по распоряжению Колчака в Иркутск для обучения кадет гимнастике, встретил противодействие со стороны инспектора полковника Издеберга, Верховный правитель наложил на донесении следующую резолюцию: «Требую распоряжения об оказании полного содействия британским офицерам, которых я лично просил принять участие в деле физического воспитания кадет. Противодействие буду рассматривать как неисполнение моих приказаний. Отпуск сумм сделать немедленно» [3, л. 135]. Туда же, в Иркутск, прибыли юнкера Оренбургского и Иркутского училищ, стремившиеся поскорее попасть в действующие части и в массе своей полагавшие, что «быть активным участником в борьбе с большевиками было долгом и прямой обязанностью каждого» [4, л. 2]. Даже по оценкам их противников, иркутские юнкера имели «превосходную боевую организацию, хороший многочисленный командный состав... были хорошо вооружены и одеты» [5, с. 112]. Воспитанники оставшихся в Оренбурге 2-й и 3-й рот были зачислены в открывшуюся на базе корпуса 1-ю Оренбургскую трудовую школу. После перехода Оренбурга под контроль А.В. Колчака школа вновь была преобразована в корпус.

В конце 1919 г. Оренбургский-Неплюевский кадетский корпус вместе со 2-м Оренбургским корпусом были эвакуированы в Иркутск. Вскоре кадет-неплюевцев распустили на зимние каникулы. 7-й класс был досрочно выпущен, а кадеты – переведены в военные училища.

Тем временем в Иркутске начались бои между частями, перешедшими на сторону красных, и частями Оренбургской армии А.В. Колчака. Здание, в котором размещался 2-й Оренбургский кадетский корпус, было захвачено красными. В Оренбургском-Неплюевском корпусе учебные занятия какое-то время продолжались по расписанию. 28 декабря 1919 г. начался обстрел корпуса, поэтому часть кадет была переведена в другие помещения, где находиться было относительно безопасно. Ночью здание охранял воинский караул, высланный военным министром генералом от артиллерии М.В. Ханжиным – выпускником Оренбургского-Неплюевского кадетского корпуса.

2 января 1920 г. был отслужен молебен по случаю корпусного праздника. Других торжественных мероприятий не было, не состоялся даже традиционный парад во дворе, «и только на обед было выдано на третье блюдо – желтый кисель из сибирской облепихи» [6, с. 12]. В тот же день, после обеда, в корпус пришли несколько вооруженных винтовками кадет Псковского корпуса во главе со своим «генералом выпуска». Они просили оказать помощь им и кадетам Иркутского кадетского корпуса, уже несколько дней находившимся на передовой. На заседании, состоявшемся за закрытыми дверями спальни 7-го класса, было принято решение послать на выручку добровольцев из 1-й и 2-й рот. Таковых набралось около 30 человек. Руководство не позволило кадетам взять с собой винтовки, поэтому они вынуждены были уйти безоружными. Добравшись до здания Иркутской духовной семинарии, где нашел приют Псковский корпус, неплюевцы приступили к постовой службе. Пришлось им принять участие и в перестрелках с красными. Вскоре кадет сменили солдаты Семеновского полка, и им было приказано вернуться в корпус. В ночь на 5 января город был занят эсерами. Корпус, обремененный большим количеством имущества, эвакуироваться не успел. Кадеты других корпусов, а также юнкера Оренбургского и Иркутского военных училищ, также остались на месте.

Жизнь в изменившихся условиях была гораздо тяжелее прежней. Новые хозяева города потребовали сдать винтовки, которыми была вооружена 1-я рота. Оружие, имевшееся у воспитанников младших рот, также было отобрано. Кадетам приказали спороть погоны. Вскоре они, фактически предоставленными самим себе, стали разбегаться кто куда. Сила товарищества в этих трагических обстоятельствах практически иссякла, традиционное кадетское начальство утратило авторитет. Многие кадеты вместе с японской императорской миссией, благодаря ее коменданту капитану Хирото, попытались прорваться к атаману Семенову. Те из их однокашников, которые были не в силах расстаться с родным корпусом, остались в Иркутске. До тех, кому вместе с японцами удалось уехать в Читу, доходили совершенно не соответствовавшие действительности слухи о том, что вскоре после отбытия эшелона здание корпуса было окружено красными, и завязался ожесточенный бой. Руководство корпуса выбросило белый флаг, а затем, когда красные, прекратив стрельбу, приблизились к зданию, неожиданно открыло по ним огонь. Захватив корпус, красные якобы перебили почти всех, кто там находился, даже кадет 3-й роты. На самом деле никакого захвата корпуса не было, в здании, которое он занимал в Иркутске, была открыта 29-я Иркутская советская трудовая школа. Остававшиеся в Иркутске неплюевцы были арестованы, мобилизованы в РККА либо разбежались. Некоторым из них удалось вернуться в Оренбург. Старое здание корпуса в Оренбурге сгорело в 1921 г. Его питомцев ждало эмигрантское рассеяние: «После захвата всей Сибири большевиками многие неплюевцы перекочевали в Шанхай, Японию, Австралию» [7, с. 13].

Реакция воспитанников 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса на события 1917 г. была, как и у большинства питомцев русской военной школы, резко отрицательной. Сибиряки «подтянулись и стали сами следить за дисциплиной, окружив офицеров особым почетом и уважением» [8, с. 2]. Правда, это продолжалось недолго: летом, пока воспитанники были на каникулах, портреты были убраны, винтовки изъяты, а само заведение стало именоваться гимназией военного ведомства. Исчезло даже знамя, которое, как оказа-

лось, директор отослал в Петроград. Кадеты, как могли, сопротивлялись нововведениям: так, когда вновь назначенный комиссар гимназии Фатеев сделал посещение церковных служб необязательным, воспитанник, прежде часто уклонявшийся от хождения в церковь, стали дисциплинированно являться на все положенные молитвы. Приказ о снятии погон пришлось выполнить, однако кадеты не сдали их, как было приказано, а сложили в патронный ящик, который затем был тайно зарыт в саду корпуса. Недовольство кадет новыми порядками дошло до того, что они тайно похитили и сожгли красный флаг, выданный им вместо прежнего знамени [9, с. 313]. В феврале 1918 г. воспитанники старших классов помогли казакам спасти хранившееся в казачьем соборе знамя Ермака Тимофеевича.

Во время летних каникул многие сибиряки были зачислены в состав войсковых частей, принимавших участие в борьбе с красными. Тогда же, в начале июня 1918 г., власть большевиков в Омске пала. Прежние порядки в корпусе были частично восстановлены. Так, на плечах кадет вновь появились погоны, которые они достали из зарытого в саду ящика.

Когда к власти пришел адмирал А.В. Колчак, заведению было присвоено наименование 1-го Сибирского кадетского корпуса. Верховный правитель часто бывал в корпусе, принимал все его проблемы близко к сердцу и по мере возможности пытался их устранить. Летом 1919 г. выпускники были отправлены на военно-училищные курсы в Томск, а кадеты старших классов, по примеру прошлого года, были зачислены в войсковые части. Тем временем части РККА стали наступать на восток, захватив Урал. Корпус, в который были срочно вызваны распущенные на каникулы кадеты, был эвакуирован во Владивосток. Из-за нехватки вагонов почти все имущество пришлось бросить в Омске. Корпус расположился на Русском Острове, в разоренных казармах, некогда принадлежавших 9-й артиллерийской бригаде. Приведя с помощью китайских и корейских рабочих здание в порядок, и преодолев главные бытовые трудности, воспитанники возобновили занятия, причем «старшие кадеты поддерживали дисциплину, которая всегда была на высоте» [8, с. 3]. Можно представить себе, каких титанических усилий это стоило. Не было денег, продовольствия, обмундирования, поэтому «весь корпус жил впроголодь, а обмундирование удалось достать у англичан, и кадеты щеголяли сначала в форме английской пехоты, а потом румынской» [10, с. 14]. Тем не менее, в декабре 1919 г. корпус совершил очередной досрочный выпуск.

Пробольшевистское правительство А.С. Медведева, пришедшее к власти во Владивостоке в начале 1920 г., не скрывало своего негативного отношения к корпусу и уже в феврале приказало сдать оружие. Разоружив кадет, Медведев наводнил корпус революционными агитаторами, стараясь привести воспитанников к общему (советскому) знаменателю. Новый командант Владивостока подполковник Краковецкий приказал всем офицерам и кадетам корпуса прикрепить красные звезды к фуражкам и заменить «старорежимное» приветствие «здравия желаю» словом «здравствуйте». Кадеты блокировали эти попытки усилением контроля над дисциплиной в своей среде. Многие из них покинули корпус, бежали в Забайкалье и примкнули к силам атамана Семенова. К концу 1920 г. они вернулись в корпус.

В начале 1921 г. советским правительством было принято решение ликвидировать корпус. Но сделать этого не удалось, так как Владивосток находился на территории, контролируемой Японией. В марте того же года кадеты Сибирского корпуса приняли участие в неудачной попытке свержения советской власти во Владивостоке. Через два месяца советское правительство на Дальнем Востоке пало. Корпус вновь был восстановлен. Кадеты рвались на фронт, однако их не пустили: боевой потенциал воспитанников в случае необходимости мог быть задействован на месте, в городе. В августе 1922 г., после ухода японцев, военные действия против частей РККА возобновились. Юнкера Корниловского училища были отправлены на передовую, 7-й класс занял их место в училище, спешно проходя необходимые будущим офицерам дисциплины, а 6-й класс осуществлял охрану железной дороги возле Владивостока. К концу октября все было кончено. Старших кадет отправили морем в Шанхай, офицерский состав, педагоги и кадеты 3-й роты остались во Владивостоке. На чужбине,

после долгих скитаний, 1-й Сибирский корпус в 1925 г. прекратил свое существование. Его питомцы были распределены по другим эмигрантским корпусам, причем «младшие классы попали в Донской корпус, а 7-й класс – в Русский корпус в Сараево» [11, с. 2].

Кадеты Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, встретившие революцию 1917 г., по словам одного из них, В. Сейфуллина, «со злобным чувством негодования» [12, л. 1], открыто выражали свою приверженность монархии, прикрепляя портреты Николая II к внутренним сторонам крышек парт или вставляя их в крышки своих карманных часов. На революционные парады хабаровцы приходили не с красными, а с национальными флагами. Их включение в состав сил, оказывавших активное противодействие новой власти, было лишь вопросом времени. Уже в декабре 1917 г. началось бегство кадет, стремившихся в формирующиеся белые отряды. Это им удавалось: «некоторые смогли попасть на станцию Маньчжурия КВЖД, в ОМО к атаману Семенову. Кроме того, кадеты приняли участие в рядах войск атамана Калмыкова и в других отрядах и воинских соединениях Сибири, как и в Сибирской флотилии адмирала Старка – гардемаринами» [13, с. 355]. Когда в начале 1918 г. в Хабаровск прибыл один из офицеров 21-го Сибирского стрелкового полка, вербовавший добровольцев в ОМО, «десятки кадет-хабаровцев решили бежать из корпуса и добровольцами зачислиться в отряд. Каждому капитан выдавал документ на вымышленную фамилию о том, что: «Доброволец такой-то, такого-то полка, командирится по хозяйственным нуждам полка на ст. Маньчжурия». Все благополучно прибыли и были записаны в ОМО атамана Семенова» [13, л. 1]. В отряде они пробыли 9 месяцев, а в октябре 1918 г. вернулись в корпус для завершения образования.

С января 1918 г. занятия в корпусе почти не велись, а в марте того же года началось его расформирование. Хабаровский кадетский корпус 1918 г. был закрыт, а его воспитанники оказались в приюте для малолетних беспризорников. Некоторые кадеты бежали и в Хабаровск более не возвращались. На базе корпуса была открыта гимназия, которая, впрочем, просуществовала только до 1 мая 1918 г. Когда в сентябре того же года атаман Уссурийского казачьего войска И.П. Калмыков восстановил корпус, многие питомцы вернулись в него из приюта, зараженные пороками и дурными привычками. Условия жизни в корпусе были крайне стесненными из-за того, что имущество было разграблено, а часть здания занята японцами. В октябре 1918 г. по приказу Калмыкова при корпусе было открыто военное училище, в которое поступали его выпускники.

Любопытный факт: в мае 1919 г. кадеты, сознавая, что неудовлетворительная постановка занятий в течение года лишила их возможности подготовиться, как следует, к переводным экзаменам, обратились к А.В. Колчаку с просьбой об отмене испытаний. В телеграмме говорилось: «...в настоящее переживаемое нами время, когда наши мысли заняты оказанием помощи вновь возрождающейся русской армии, нам неожиданно были назначены годовые работы и экзамены надеясь на вас мы решились просить разрешения об оставлении экзаменов и годовых работ ввиду того что курс был плохо пройден. Думаем, Ваше Превосходительство, что вы не откажете хабаровским кадетам, которые в любое время могут доказать любовь к вам и к отечеству» [14, л. 149–150]. По окончании учебного года, летом 1919 г., 30 кадет-хабаровцев во главе с В. Сейфуллиным отправились в Читу, где несли каральную службу у ставки атамана Семенова. В августе они вернулись в корпус.

В феврале 1920 г. здание Хабаровского корпуса было захвачено отрядами «зеленых», и большую часть кадет вынужденно распустили по домам. Через месяц город перешел в руки земских войск, действиями которых руководила Земская Власть, находившаяся во Владивостоке. Постепенно руководство корпуса офицеры, преподаватели и кадеты начали стягиваться во Владивосток. В мае того же года там была открыта Владивостокская школа для детей лиц командного и рядового состава. В октябре 1920 г. во Владивосток прибыли кадеты, еще остававшиеся в Хабаровске. Долгое время заведение существовало, маскируясь под школу, в тяжелых условиях; однако при этом «школа вполне сохранила дух и традиции Хаба-

ровского корпуса, даже организация осталась прежняя» [14, с. 364]. В мае 1921 г., после капеллевского переворота, ширма была отброшена, и корпус вновь стал корпусом. В октябре 1922 г., после ухода японцев из Владивостока, руководство корпуса, опасаясь расправы со стороны красных, приняло решение об эвакуации. Корпус был перевезен в Мукден, а оттуда, уже к июлю 1923 г, перебрался в Шанхай. Дальнейший путь лежал в Сербию. Прибывшие туда в 1924 г. хабаровцы были распределены по другим корпусам. Официальное расформирование корпуса произошло 1 февраля 1925 г.

Результаты исследования. Детальная реконструкция картины жизни воспитанников Оренбургского-Неплюевского, 1-го Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов показывает, что традиции кадетского образования и воспитания успешно выдержали испытание тяжелейшими условиями Гражданской войны и начального периода эмиграции. Воспитанники не только «не теряли лица», продолжая получать образование, сохраняя, по мере возможности, подтянутый и опрятный внешний вид, но и выступали с оружием в руках на защиту своих убеждений и ценностей. Это дает возможность не только дополнить несколькими важными деталями полотно истории трагического противостояния, но и дать оценку системе подготовки офицерских кадров, сложившейся в России накануне Первой мировой войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яконовский Е. Каргалла // Военная быль. 1952. № 2. С. 18–24.
2. Яконовский Е. Пугачевские дороги // Военная быль. 1955. № 12. С. 2.
3. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62.
4. Приданников А.О. Незаконченный дневник // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А.И. Солженицына (далее – Архив БФРЗ). Ф-1. Оп. 3. Ав-14.
5. Янсон Я.Д. Октябрьская революция и юнкерское восстание в Иркутске // Сибирь. 1987. № 5. С. 107–115.
6. Еленевский А. Конец Оренбургского Неплюевского корпуса в 1920 г. // Военная быль. 1958. № 29.
7. Данилевич М. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1825–1960) // Военная быль. 1961. № 46. С. 12–13.
8. Марков С. Краткий исторический обзор 1-го Сибирского Александра I кадетского корпуса // Военная быль. 1969. № 96. С. 1–5.
9. Шудряков В.А. Сибирский кадетский корпус в годы революции и Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 6. С. 313–317.
10. Мелик-Нубар М. Эвакуация Сибирского императора Александра I кадетского корпуса из Омска // Военная быль. 1958. № 32.
11. Челпанов Г.С. К 150-летию 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса // Военная быль. 1963. № 61.
12. Сейфуллин В.В. Отношение к революции кадетов Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Архив БФРЗ. Ф-1. А-115.
13. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус в годы гражданской войны // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 927 с.
14. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62.

А. В. ДОЛГОВА

Московский государственный институт культуры, Москва, Россия

КРЕСТЬЯНСТВО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ В 1920 Г.

Аннотация: В годы Гражданской войны основные ее события коснулись в первую очередь большей части населения страны – крестьянства. Пермская губерния не стала исключением. Советской власти пришлось вести длительную борьбу с бандитизмом, который мешал окончательному ее установлению. Ситуация на местах осложнялась особенностью бандитизма как социального явления: пестротой его форм и отсутствием опыта борьбы с ним. Пермская губерния относилась к отдаленным районам, которые были привлекательны для тех, кто стремился переждать войну, вступить на путь вооруженной и скрытной борьбы с Советской властью, влиться в состав бандитских группировок. Цитируемые в статье документальные архивные материалы приводятся с сохранением орфографии и стиля оригиналов.

Ключевые слова: бандитизм, дезертирство, Пермская губерния, Гражданская война, крестьянство, спецслужбы, советская власть.

Постановка проблемы. Чтобы иметь представление о том, как проходила борьба с бандитизмом в Пермской губернии, необходимо обратиться к таким показателям, как площадь территории, состав населения и численность в рассматриваемый период. По данным на 1920 г., площадь губернии составляла 165 962,69 км² с населением 1 800 403 чел., из них мужчин – 801 982, женщин – 998 421. В городе Перми проживали 33 063 мужчины и 36 982 женщины, то есть 70 045 человек [1, с. 6–7]. Национальный состав губернии: русские – 1 329 086, украинцы – 938, белорусы – 3259, поляки – 1571, «остальные» славянские народы – 171, литовцы – 544, латыши – 1523, романские народы – 79, немцы – 1549, евреи – 3529, грузины – 5, греки – 10, армяне – 19, финны – 130, вотяки – 6778, эстонцы – 703, зыряне – 4346, пермяки – 114 020, меря – 1732, татары – 32 487, башкиры, тептяри – 48 426, чувашаи – 108, китайцы, японцы – 317, прочие народности – 2515 человек [1, с. 32–33]. С 1919 г. в Пермскую губернию входили 6 уездов: Кунгурский, Осинский, Оханский, Усольский (Соликамский) и Чердынский, в совокупности составлявшие 254 волости. Именно в этих уездах в той или иной степени был распространен бандитизм.

Основная часть. После занятия Пермской губернии в декабре 1918 г. белой армией большевики безуспешно пытались проводить мобилизации в РККА. С этой целью в некоторые уезды засылались агитаторы. Агитатор Шавкунов, после проведенной им агитационной работы в Бабкинской волости, 11 января 1919 г. докладывал в Осинский уездный военный комиссариат: «Исполкома не существует. Есть военный революционный комитет из трех человек. Членов исполкома нет и военного комиссариата тоже нет. В комитетах бедноты есть только председатели, удовлетворяют продуктами население на равные пайки беднейшее население наравне с кулаками и семьями белогвардейских бандитов, ушедших в банду» [2, л. 3]. Тот же Шавкунов докладывал по Рождественской волости Оханского уезда 22 января 1919 г.: «Военный комиссар не знал своих обязанностей. Так как волость была в белогвардейских руках более двух месяцев, то их агитация слишком пагубно врезалась в население волости, и граждане – большая часть – ушла в белую банду. Благодаря ихней агитации ушло и беднейшее население» [2, л. 6, 7об.].

Явление бандитизма тесно связано с дезертирством, имеет в нем корни происхождения, является его последствием. К бандитам, большевики, как известно, нередко причисляли де-

зертников и тех, кто выступал против Советской власти. Восстановление Советской власти, равно как и борьба с дезертирством и бандитизмом, стало возможным после ее освобождения, то есть с июля 1919 г. В силу этого крестьянство постоянно испытывало влияние различных политических сил, становилось жертвой красного и белого террора, вынуждено было принимать участие в борьбе с бандитизмом и дезертирством. Крестьянство страдало также и от преступной деятельности грабителей и убийц. К тому же в армии Колчака были дезертиры, которые после его отступления остались на территории губернии.

Крестьяне деревни Высокое поле Насадской волости Пермского уезда в полной мере испытали на себе ужасы белого террора. Из протокола заявления, составленного местной милицией на основе показаний свидетелей от 18 августа 1919 г. следовало: «Сего числа явился гражданин Алексей Осипович и заявил следующее: по прибытию белой банды во время отступления в деревню Высокое поле, то таковые привели арестованных несколько человек и во время ночи расстреляли. По словам было слышно, что таковые были военнопленные красноармейцы. Расстрелянных товарищей загребали местные граждане по наряду: Алексей Васильевич Мачехин, Иван Прохорович Столбов, Федор Иванович Макаров, Павел Андреевич Власов, Илья Степанович Шардин. По словам рассказов гражданина той же деревни Григория Федоровича Макарова, это ему рассказал его отец, который был на похоронах, что было убито 12 человек. Но один из 12 был только ранен. Во время похорон раненый товарищ стал на ноги и просил, что не хоронить (такового) его. В это время гражданин Илья Степанович Шардин сказал, что нужно донести о нем, но граждане вышеназванные такового раненого товарища бросили живого в могилу и живым зарыли...» [3, л. 1-1об.].

Борьба с бандитизмом осуществлялась отрядами по борьбе с бандитизмом, силами уездных и волостных комиссий по борьбе с дезертирством (комдезы, комдезертиры), милицией, красноармейцами и ЧК. О том, какие масштабы имел бандитизм в Пермской губернии, свидетельствуют ранее неопубликованные архивные документы местных архивов, которые не были вывезены или уничтожены. Именно в местных архивах можно еще найти всю ту правду истории Гражданской войны, о которой в советское время предпочитали умалчивать. В Пермской губернии численность бандитских группировок едва превышала 15–30 человек. Возглавлялись они не всегда бывшими офицерами. Это могли быть обычные уголовники – лица с темным прошлым, единственной целью которых в годы Гражданской войны была нажива. Там, где орудовали банды, как правило, отсутствовала власть или хотя бы какая-то возможность дать оказать сопротивление.

О применении мер в борьбе с бандитизмом свидетельствует телеграмма председателя Окружной комдез Тимофеева в Пермскую губернскую комдез от 22 июля 1919 г.: «Ввиду организации в некоторых уездах дезертиров в банды, которыми, как установлено, руководят белогвардейцы, устраивают контрреволюционные выступления, чем разрушают работу советской власти и разлагают боеспособных фронтовиков. Усилить контрразведку из наиболее сознательных красноармейцев и коммунистов, которым под видом дезертиров и под другими видами проникать в уезды и выяснять, где находятся дезертиры, кем они объединяются и какова их численность. Контрразведке обо всех собранных сведениях секретно с нарочным доносить губернской комдез, которая должна принимать соответствующие меры к ликвидации банд дезертиров и к их изловлению. Сделайте секретное предписание уездной комдез об организации у них контрразведки» [4, л. 3].

Контрразведка, действительно помогала обнаружить дезертиров, но не арестовывать. Поэтому с этой целью применялись облавы. В телеграмме от 7 сентября 1920 г. заместитель председателя окружного военного комиссариата Моисеев приказывал Пермской комдез: «Как только будет собран весь материал от тайной разведки о нахождении групп дезертиров, то комдезы немедленно вырабатывают план облав, применительно инструкции, приложенной к плану борьбы с дезертирством, и приступают к производству самой облавы, руководствуясь всеми распоряжениями и указаниями, данными ранее губернской комдез.

С получением сего циркулярно разработать руководящие данные своим уездам применительно к местным условиям, разослать немедленно с нарочным по уездам и предложить последним провести тайную разведку по своей территории уезда в самый кратчайший срок, закончить не позднее 5–10 октября. После чего уже приступить к облавам по имеющимся данным собранным тайной разведкой. При облавах необходимо отрядам действовать, так чтобы из того района операции не один дезертир не мог бы перебраться в другие, то есть в те места, где более безопаснее для него. Вся ответственность за успешное проведение вышеуказанной операции возлагается на председателя комдез и заместителей. Появление крупных банд дезертиров на территории губернии или уезда после произведенной тайной разведки и работы отрядов по данным этой разведки, будет служить основанием, что военный комиссар и комдез не смогли или произвели неумело, небрежно и тем самым допустили сосредоточения крупных банд дезертиров на территории их уезда или губернии. О результатах разведки и работы отрядов донесите телеграфом» [4, л. 113, 133об.].

10 октября 1920 г. сотрудники Осинской уездной комдез Кустов и Якунин докладывали о результатах разведки вышеуказанной комиссии: «Мы, как возвращавшиеся из стана Колчака офицеры, остановились в Осинском Ключе у кулачка, фамилия которого Кулаков, в его доме – училище. Он нам говорил, что Советскую власть нужно во что бы то ни стало свергнуть: "Вот я старик и то бы разорвал даже всех. Вот мой внучек, пока мы его скрываем, убавили годы, но скоро должен идти, так не знаем, где его скрыть. Около нашей деревни скрывается много дезертиров, но в деревню не ходят и где скрываются, неизвестно, но только их много и все время в лесу стреляют. А если вам нужно оружие, то идите на хутор к Попову Андрею. Это версты две отсюда и он вам даст"» [4, л. 168].

Из этого документа следует, что крестьяне не поддерживали Советскую власть, стремились помочь ее врагам: охотно делились информацией о хранении оружия и численности противника. Архивные документы тех лет свидетельствуют, что пик борьбы с бандитизмом пришелся на 1920 г. При относительно немногочисленных бандитских группировках борьба имела ожесточенный и длительный характер, чему способствовали такие факторы, как отдаленность уездов от центра, дальность расстояния между уездами и волостями, размытость дорог, непроходимые леса и суровый климат. К тому же все это вместе взятое делало службу в советских местных органах власти не привлекательной. Уезды и уж тем более малонаселенные волости были в прямом смысле гиблым местом. Поэтому на местах у власти зачастую находились асоциальные элементы, не имеющие ничего общего с идеями большевиков. В худших случаях такая власть становилась центром террора местного населения, что проявлялось в бессмысленных арестах, избиениях, грабежах, насилиях и убийствах. В пермских архивных документах до сих пор хранятся факты нераскрытых преступлений.

В борьбе с бандитизмом у Советской власти не хватало сил и средств. Часто при выполнении задания борцы вынуждены были рисковать жизнью и обращаться за помощью ко всем советским организациям на местах: «Вся работа проходит продуктивно, и даются хорошие результаты, но ввиду малочисленности отряда приходится прибегать к помощи для облав к советским работникам в волостях, а главное, к милиции, в чем необходимо иметь тесную и непрерывную связь со всеми организациями. По получении сведений из района Сайгатской волости по окончании работы облав в районе пристани Чернушка возвращались в д. Кемуль политический комиссар отряда Кустов и Треногин – комиссар Сайгатской волости. Подъезжая к д. Ольховка, дезертиры открыли стрельбу: был убит извозчик и ранен Кустов в голову. После этого через несколько минут была произведена в районе Ольховки облава... Стараются уничтожить и задушить всех рабочих советских служащих» [4, л. 168].

Наибольшей жестокостью прославилась банда И.И. Аликина и А.А. Бородулина [5]. Бородулин – бывший офицер. Аликин происходил из зажиточных крестьян Пермского уезда, с момента отступления Колчака скрывался в лесах [6, л. 49–49об., 50]. Преступная деятельность банды, скорее, носила политический характер. Так как уже позднее, согласно показа-

ниям свидетелей бандиты жестоко мстили тем крестьянам, которые передавали информацию о них местным властям либо сочувствовали Советской власти.

Из показания свидетеля красноармейца П.Ф. Долинина от 18 февраля 1921 г.: «Бородулин Александр Анисимович – злостный дезертир, скрывается в лесу, в пределах волости, имеет организацию, сам организатор, очень хитрый, неоднократно делавший нападения со своей бандой на деревни – разграбляя семьи красноармейцев и сочувствующих Советской власти, вырезал уже несколько семей, как например, своего дяди... При белых Бородулин расстрелял нескольких товарищей... Вообще Бородулин – отчаянный разбойник – бандит и заслуживает суровой меры наказания. О месте нахождения его знает отец, который привозил ему в Пермь хлеб... По слухам Бородулин заgrimирован и живет по чужим документам в Мотовилихе» [6, л. 88–88об.].

26 февраля 1921 г. дезертир Н.Е. Мальцев на допросе председателю Пермской уездной комдез Желнину рассказывал: «Я дезертирствовал с 12 мая и до 28 июля 1920 года, и жил один, а ко мне ходили Фирулев, Шестаков и Аликин Иван и у меня оставили винтовку, которая у меня лежит на крыше... Аликина знал хорошо, что он дезертир и зарезал одного коммуниста Степана Илларионовича деревни Усы Ленинской волости... Я знаю, где находится Аликин Иван Иванович... в заводе Мотовилиха и обязуюсь такового натти и помочь поймать. В противном случае я отвечаю своей головой перед судом военного ревтрибунала и всем своим имуществом и допускаю до конфискации такового, в чем и подписуюсь собственноручно» [6, л. 33, 39об.].

По приговору Революционного военного трибунала Приуральского военного округа 1-й армии труда Пермского рабочего района Аликина расстреляли, в здании Пермской ГубЧК в 11–40 7 мая 1921 г. [6, л. 161] Судьба другого главаря – Бородулина неизвестна.

Результаты исследования. Карательные меры стали единственной возможностью ликвидировать бандитизм. Цель, в конечном итоге, была достигнута. При этом деятельность отрядов по борьбе с бандитизмом мало чем отличались от деятельности бандитских группировок. И пермские крестьяне в равной мере страдали и от тех и от других. Применение карательных мер в борьбе с бандитизмом следует относить к деятельности ЧК. Никакая другая организация не способна была справиться с распространившимся бандитизмом. И дело здесь не в численности сил и не в оружии, а в личных качествах борцов. Холодный ум, идейность, беспринципность, готовность к самопожертвованию, бесстрашие. Только чекисты обладали всеми этими качествами, к сожалению, дополняемые отнюдь не высокоморальными характеристиками: карьеризм, злоупотребление служебным положением, уверенность в безнаказанности, властолюбие. В пермских архивах не зафиксировано ни одного факта, когда к кому-либо из чекистов была применена высшая мера наказания. Объяснялось это тем, что цели и задачи, поставленные перед ними Советской властью, выполнялись. Борьба с бандитизмом достигалась такими мерами, как взятие в заложники, истязания крестьян и их убийства. Поэтому говорить о том, что после окончания Гражданской войны и ликвидации бандитизма в Пермской губернии крестьяне вернулись к мирной жизни, не приходится.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник статистических сведений по Союзу ССР: 1918–1923 гг. М., 1924. 481 с.
2. ГАПК. Р–358. Оп.1. Д. 270.
3. ГАПК. Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 308.
4. ГАПК. Ф. Р–744. Оп. 1. Д. 1.
5. Долгова А.В. Ликвидация бандитизма в Пермской губернии в годы гражданской вой--ны: протоколы допросов и показания свидетелей // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 155–170.
6. ГАПК. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 59.

Н. В. ЕЛИЗАРОВА

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

«ОБРАЗ ВРАГА» В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ

Аннотация: В статье рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность Белого Омска в условиях Гражданской войны в России на примере материалов периодической печати 1918–1919 гг., находящихся на хранении в справочно-информационном фонде Исторического архива Омской области. Привлекая широкий круг различных газетных материалов (публицистических, аналитических, литературно-художественных, информационных), автор с помощью метода контент-анализа выделяет основные черты политического и военного противника Белого движения – большевизма, определяет специфику «белой» пропаганды, базирующейся на основе сакральных библейских аналогий и национально-исторических символов, выявляет причины невысокой степени воздействия агитации на сознание и настроение людей.

Ключевые слова: Гражданская война, Омск, Белая столица, периодика, агитация, пропаганда, имагология.

Постановка проблемы. В период Гражданской войны в России 1918–1922 гг. агитационно-пропагандистская работа являлась одним из ключевых средств борьбы с противником. Во время военно-политического противостояния белых и красных последние победили во многом, благодаря грамотному ведению информационной войны, что способствовало привлечению широких слоев населения на сторону большевиков. Изучению методов пропагандистской деятельности большевиков, их воздействию на умы граждан бывшей Российской империи посвящены многочисленные научные труды. Однако аналогичная деятельность белого движения менее изучена, что связано с двумя основными факторами: 1) засекреченностью для исследователей массивного пласта архивных источников, которая имела место вплоть до 1990-х гг.; 2) устоявшимся в отечественной историографии представлениям, которых придерживался ряд видных ученых, об аппарате пропаганды белого движения как о консервативном явлении, не отвечавшем духу времени и интересам народных масс и обреченном на поражение в силу своей реакционности, а потому не представляющем интереса для исследования, как исключение – анализ деятельности в качестве негативного противопоставления большевизму.

Основная часть. Прежде чем начать анализировать конкретный исторический период, в контексте настоящего материала уместно привести определение основных терминов, на которые мы опираемся в исследовании. Термин «образ врага» в историографии имеет несколько размытое и многозначное значение, поэтому под данным определением мы будем понимать совокупность специфических под воздействием политической пропаганды представлений об участвующей в военно-политическом конфликте противоборствующей стороне, представляющей собой угрозу и преследующей разрушительные цели. Понятие «политической пропаганды» наиболее четко обозначил в своей монографии А.В. Фатеев, как «систематическое внедрение в массовое сознание при помощи средств массовой информации, идей и символов для достижения намеченного политического результата» [1, с. 3].

В Омске в июне 1918 г. Советская власть была низвергнута, и город на короткое время стал столицей белой России, сначала под эгиджой Временного Сибирского правительства, Директории, затем Российского правительства А.В. Колчака, которое продержалось у власти до ноября 1919 г. В этот период на территории региона выходили многочисленные периоди-

ческие издания (газеты «Наша Заря», «Заря», «Дело Сибири», «Русская армия», «Приишимье», «Русское дело», «Сибирская речь», «Русь», «Сибирский вестник», «Правительственный вестник», «Известия», «Дело Сибири», «Военные ведомости», «Наша газета» и др.), впоследствии вошедшие в справочно-информационный фонд Исторического архива Омской области. Изучение данных источников позволило зафиксировать способы конструирования «образа врага», выявить его специфику и характеризовать обстоятельства, при которых велась агитационная работа.

По мнению Д.Н. Шевелева, на начальном этапе вовлечения белого движения в военно-политическую борьбу, его представители считали неприемлемым применение мер пропагандистского воздействия, аналогичных большевистским. Во многом, считает историк, «это являлось следствием негативного отношения белого офицерства как к «политике», под которой они понимали главным образом антигосударственную деятельность, так и к «агитации» и «пропаганде» в частности. Военные предпочитали думать, что у них вовсе нет никакой «идеологии», а сражаются они за общенациональные, общероссийские интересы» [2, с. 3]. Действительно, представители белого движения заявляли не о политической борьбе, подобно большевикам, о миссии спасти «святую Русь», будущее страны. Но агитационной работы они не чурались, правда, она приобрела несколько иной формат, чем у их политических противников. Антибольшевистские политические режимы довольно активно старались наладить работу информационного-пропагандистского аппарата [3, с. 11].

Белое движение не имело такой пропагандистской подготовки, как большевики, начавшие информационную войну задолго до начала не только Гражданской войны, но и Революции 1917 г. Проанализировав причины поражения в Первой русской революции 1905–1907 гг., большевистские лидеры сделали ставку на тотальную агитацию среди самых широких социальных слоёв населения как на фронте, так и в тылу, а после захвата власти в октябре 1917 г. – видели в ней один из главных способов удержания власти. Белым потребовалось значительно больше времени для включения в работу. Долгое время одним из лейтмотивов белой прессы были растерянность, обескураженность, замешательство. Схожие настроения имели место и у других политических оппонентов большевиков. Так, журналист эсеровской газеты «Дело Сибири» А. Коряков в начале октября 1917 г. писал: «За чрезвычайным подъемом настроения, характеризовавшим первое полугодие революции, идет упадок настроения, уныние, апатия... Массы потерялись, массы распыляются, уходят от интересов общих к своим прежним мелким обывательским интересам...» [4, с. 1].

Переломным моментом можно считать Октябрьскую революцию 1917 г. Как отмечает современный исследователь истории революции В.Б. Шепелева, «объективная, психосоциальная, ментальная картина революции – это картина потрясающих контрастов» [Цит. по: 5, с. 11]. Сразу после переворота в газете «Заря» появилась заметка, лаконично названная по дате свершившегося события – «12 ноября 1917 г.». Это день был назван «днем печали и слез», когда состоялся «преступный захват власти маленькой группой людей, называемых себя большевиками, увлекших за собой темные, озлобленные массы...» [6, с. 1]. Большевистские лидеры еще не были перечислены поименно, что характерно для прессы более поздних месяцев, но само движение уже получило нелестные характеристики, развившиеся и закрепившиеся в последующих номерах печатного издания: «мятежники», «захватчики», «темная шайка преступных лиц», «грязная предательская свора», «темная туча», «политические авантюристы и анархисты», «провокаторы», «разрушители», «грозные силы». В данном контексте стоит отметить исследование И.Б. Гасанова, установившего общие черты «образа врага» у различных обществ, культур, народов: «Враг изображается чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью. При этом главное в «образе врага» – его *полная дегуманизация, отсутствие человеческих черт, человеческого лица... Абсолютный враг безличен, хотя может и персонализироваться...*» [7, с. 11]. Будучи

людьми верующими, воцерквлёнными, авторы белой периодики изображали представителей большевизма как явление богопротивное. Подавляющее количество материалов белой прессы характеризуют антибольшевистские силы посредством библейских аналогий. Так, слово «большевик» стало синонимами слов «Иуда», бесы. Антибольшевистские силы, напротив, именовались «истинными сынами Родины». Основой белой пропаганды являлась представляемая печатью в разных ракурсах угроза потери русской культуры, русской веры, русской государственности в случае победы большевиков [8, с. 151].

Отдельно стоит рассмотреть стихотворные тексты поэтов Белой столицы, которыми пестрили рассматриваемые нами газетные издания. Из новозаветных персонажей на страницах произведений поэтов Белого Омска чаще всего можно увидеть образ Иуды Искарота. О нем упоминают омские поэты Никто-Не (стихотворение «Страдал ли кто...»), Н. Охотин («Из песен изгнанника»), И.Н. Скрыпченко («Возмездие»), Фотиев Ниф («Приказ Троцкого»), Конек-Горбунок («Красная каша»). «В произведении последнего проглядывают остросатирические ноты, классический образ предателя дополняют черты представителя партии, захватившей власть в стране – «комиссар ты наш, батюшка, / Большевик, свет Иудович»; причем, указывается также источник получения пресловутых тридцати сребренников (в данном конкретном тексте – «красная большевистская каша») – «А где ты изволил крупы достать? / Из Германии, матушка, из Германии / У Вильгельма, сударыня, большеусого» [9, с. 23].

К 1919 г. газетные материалы белой прессы стали еще жёстче, категоричнее, и хоть и не приобрели формы трибуны как у политических оппонентов, но стали выразителем и источником формирования мнения определённой части населения Урало-Сибирской территории о большевизме. Если охарактеризовать основные черты облика врага, о котором писала белая пресса, то он будет складываться из следующих элементов. Большевизм – это голод. Иллюстрируем цитатой из статьи, напечатанной в «Нашей газете» в декабре 1919 г.: «При дальнейшем продвижении советских войск вглубь Сибири продовольственный кризис перейдет в продовольственную катастрофу, и тогда население... воочию испытает все последствия владычества большевиков... Советская власть, куда бы она ни ступала, несет за собою для населения... голодный паек. От истощения, недоедания, вечной заботы о корке хлеба население вымирает. Призрак голодной смерти не щадит никого: ни взрослых, ни детей. Люди в Петрограде мрут, как мухи. К такому положению придут все, кто, надеясь на большевиков, будет спокойно ждать их прихода» [10, с. 1]. Поскольку в новостном блоке изданий регулярно сообщалась статистическая информация из разных регионов России, тем самым подтверждая слова корреспондентов газет о нехватке продовольствия, такие материалы производили внушительное, пугающее впечатление.

Большевизм – это безбожие. «Религию большинства населения они сделали предметом издевательства, храмы оскверняют и превратили в кинематографы или места для сборищ, на которых обсуждаются планы новых насилий и убийств... Не было еще в истории человечества такого худшего духовного рабства и неволи – чем ныне в стане большевиков» [11, с. 2]. К печатным материалам присовокуплялись новостные сводки о погибших насильственной смертью священнослужителях и наглядная агитация (рисунки) – например, повешенных на кресте священнослужителя и крестьянина.

Большевизм – это насилие. «То пьяное и разнузданное отребье, те общественные подонки, на которые с самого начала октябрьской революции опиралась советская власть, которые ею самую вынесены на гребень политической жизни, теперь начинают ею приводить в ужас своими действиями. Вся социалистическая республика насыщена злодеяниями, насилиями и издевательством» [12, с. 1]. Материалов, подобных вышеупомянутому, в прессе тех лет – подавляющее большинство. Очень редко в них проглядывают популистские ноты, скорее паника и страх. Сведения о фактах насилия со стороны красных в отношении местного населения, служителей церкви, солдат и офицеров добровольческой армии можно найти

в новостных сводках или некрологах, которые были размещены, как правило, на том же газетном развороте, что и статья.

Некрологи содержали скупую биографическую информацию, хотя поводом для их написания нередко были трагические события. «В годы Гражданской войны слово о мертвом стало до предела кратким, лишенным эмоциональной окраски, носившем сугубо новостной характер: сообщалась лишь самая необходимая сухая информация, часто – без традиционных нот скорби и сожаления... Не всегда освещалась и причина смерти, за исключением случаев, когда смерть была насильственной; тогда писалось коротко – «убит» или «погиб» [13, с. 44]. Так, на первой полосе № 14 газеты «Заря» от 22 января 1919 г. Омская организация РСДРП и члены партии социалистов-революционеров известили о похоронах на Казачьем кладбище «дорогих товарищей» И.И. Кириенко и И. И. Девятова, «убитых в ночь на 23 декабря прошлого года» в результате антиколчаковского восстания. А, к примеру, в газете «Русская армия» за 1919 г. сообщалось о проведении заупокойной литургии в честь павшего в бою под Белорецким заводом в августе 1918 г. кадета Володи Рогозина [14], добровольца партизанского отряда есаула Б.В. Анненкова. Отметим, что все эти трагические свидетельства о смерти подавались в прессе сухо, лаконично, без пропагандистского восхваления и героизации смерти, ставшей высшей точкой прожитой жизни. В большевистской прессе схожие обстоятельства гибели являлись синонимом слова «подвиг», искусно работали на создание мученического ореола и преподносились в качестве образца для подражания. Перо большевистских корреспондентов отличалось творческой свободой и не гнушалось гиперболизацией и фальсификацией ради манипулирования общественным сознанием. Авторы материалов белой периодики не отходили от сухого факта, избегали эмоциональной окраски, что снижало силу воздействия на умы.

Большевизм – это культурная деградация. «Идет враг безжалостный, бессознательный, кровожадный, который разрушил нашу вековую культуру, наше искусство, обратил в развалины и пепел исторические ценности: картинные галереи, памятники, древние соборы и церкви, разукрашенные кистями великих художников, музеи, театры и покрыл многоверстную ширь беспредельно прекрасной России катакомбами трупов русской интеллигенции» [15, с. 3]. Материалы общего характера подкреплялись конкретными примерами. Так, в № 7 газеты «Единая Россия» был напечатан некролог на смерть не принявшего революцию писателя Леонида Андреева [16, с. 2]. Информативен некролог, посвященный памяти председателя Омской судебной палаты В. В. Едличко, человека образованного, культурного, являвшегося членом Археологического общества, общества искусств и ряда других. Его жизненная трагедия типична для представителей интеллигенции, живших с ним в одну эпоху: «Он встретил революцию, которая не пощадила его и выбросила за борт привычной служебной деятельности, – писал соратник покойного В.В. Булдеев. – Можно безошибочно сказать, что В.В. [Вячеслав Вячеславович – прим. авт.] был смят и раздавлен революцией. Человек старой государственной школы, был насильственно лишен возможности отдавать всего себя любимой службе, которая для него была личным делом... Я разумею чисто общественную и политическую сторону всей нашей смуты, которая разрушением всех ценностей – духовных, культурных и материальных – загнала всех русских людей, где можно было лишь умирать, а не жить» [17, с. 3].

Публицистические материалы, а нередко и аналитические, заканчивались призывами свергнуть нелегитимную, по мнению представителей белогвардейского блока, власть: «Все, кому дороги идеалы любви и истины, кто непримиримый враг насилия, тьмы и деспотизма, возьмитесь за оружие, и как доблестные рыцари отечества, встретьте орду насильников, несущих с собой голод, болезни, проклятия и страдания» [15, с. 3].

Одним из пропагандистских приемов изучаемых нами источников был связан с дискредитацией репутации лидеров большевизма. Следует отметить, что немало газетных материалов посвящено Л.Д. Троцкому, где педалировалась тема его отчужденности от Рос-

сии. Например, «Кто такой Троцкий? Эмигрант. Когда в России свобода – Троцкий в России, когда реакция, Троцкий путешествует во Франции, Германии и Австрии» [18, с. 2]. Так или иначе, в газетных публикациях обыгрывалась тема корыстолюбия, стяжательства и незаконного обогащения революционера (за счет награбленных у бывших владельцев материальных ценностей). В качестве примера приведет один из газетных материалов, имевших сатирический подтекст: «По сообщениям лиц, вырвавшихся из советской России, Троцкий в последнее время усиленно скупает драгоценные камни. Особенно «его величество» интересуется жемчугами. При покупке Троцкий не торгуется, платит какие угодно деньги и с горящими глазами забирает «камушки». Знает, что бумажные деньги, особенно «троцкие», за границей не разменяешь. А везти золото тяжеленько: ему не пуд и не два нужно. А «камушки» положены в саквояж – и хоть на аэроплане улетишь» [19, с. 4]. Текстов, подобных этому, в белой прессе было немало.

Если говорить о стилистике публиковавшихся материалов, то их характерной чертой была витиеватость, вычурность слога: «граждане, оденьте траур, оплачьте свободу, проститесь с родной великой страной», «идет последний акт великой трагедии... злодей вонзил нож в самое сердце» [20, с. 1]. Эти стилистические изыски были понятны начитанному представителю интеллигенции, но не крестьянину или рабочему. Для последних требовались более точные и конкретные формулировки с указанием того, что нужно делать. И большевистские пропагандисты и агитаторы, составляя руководства к действию, безапелляционно и бескомпромиссно призывали вещам, далеким от книжной эстетики – «убить белогвардейскую гадину».

Результаты исследования. Итак, Белое движение формировало «образ врага» по классической схеме – «свой – чужие», для которой были характерны мотивы обвинения оппонентов и оправдания собственных действий. Большевики в пропагандистских материалах белой прессы представляли варварами, пришедшими на русскую землю извне. Собственная позиция белых, напротив, имела статус приемника и защитника русской государственности, начиная с седой древности, с основания Руси. Поэтому печатные материалы содержали призывы защитить не Россию, а именно Святую Русь. Разрушение российской государственности отображались при помощи библейских сюжетов, с нотами апокалипсической обречённости. Символами служили образы «Руси на Голгофе», «Ноева ковчега», сгрузившего на борт обломки утраченной России и плывущего в далекий неведомый путь, «братоубийственную распрю Каина и Авеля», «тернового венца» на челе распятой Руси, «всемирного потопа», с которым ассоциировалась наступившая эпоха революционных изменений и которая отождествлялась с «мерзостью», «грязью», «страшного суда», коим именовались выпавшие на долю русского народа испытания, «Воскресения Христова», с чем связана надежда на восстановление нормальной жизни. Изображение «образа врага» создавалось поэтапно, фрагментами, в зависимости от ухудшения социально-экономической, политической и военной обстановки в стране. Белое движение хотя и имело конкретные цели и идеологические установки, и предлагало альтернативу в развитии страны после Октября 1917 г., но подача этих идей была рассчитана на узкую целевую аудиторию – офицерство, духовенство, интеллигенцию, и не охватывала бы все социальные слои.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., ИРИ РАН, 1999, 360 с.
2. Шевелев Д.Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны: по материалам периодической печати. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 230 с.

3. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
4. Коряков А. Берегитесь // Дело Сибири (Омск). 1917. 3 окт.
5. Сушко А.В. «Русская» vs «социалистическая»: к вопросу об определении характера революции в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 9–12.
6. Заря (Омск). 1917. 12 ноября.
7. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: РАУ, 1994. 40 с.
8. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157. DOI: 10.17223/15617793/411/20.
9. Елизарова Н.В. Библейские образы в произведениях поэтов Белой столицы 1918–1919 гг. // Сибирь литературная XVIII–XXI веков: мат–лы Всеросс. науч.-практ. конф. Омск: Наука, 2018. С. 20–25.
10. Где выход? // Наша газета (Омск). 1919. 4 декабря.
11. Урманский М. Почему мы боремся с большевиками // Русская армия (Омск). 1919. 15 авг.
12. Начало конца // Русская армия (Омск). 1919. 1 февраля.
13. Елизарова Н.В. Некрологи в периодических изданиях времён Гражданской войны (на материалах Исторического архива Омской области) // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: мат–лы всеросс. науч. конф., посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы России (Омск, 15 ноября 2018 г.). Омск: ОмЮОА, 2019. С. 42–51.
14. [Некролог] // Русская армия (Омск). 1919. 24 января.
15. Набат // Русская армия. 1919. 30 августа.
16. Андреев А. Вместо венка // Единая Россия (Омск). 1919. № 7.
17. Булдеев. В.В. Едличко [Некролог] // Сибирская речь (Омск) 1919. 24 января.
18. Этому нет имени. // Заря (Омск). 1917. 12 ноября.
19. Камушки // Наша заря (Омск). 1919. 5 июня.
20. Смирнов А. Позор, нация // Заря (Омск). 1917. 16 ноября.

Д. Р. ЗАЙНУТДИНОВ

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия
Институт социальных и гуманитарных знаний, Казань, Россия

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ВОСТОКЕ БЕЛОЙ РОССИИ (1918–1919)

Аннотация: Контрольно-надзорные функции государственной власти всегда имеют большую актуальность для стабильности общественных отношений. В статье рассматривается развитие института государственного контроля в период существования Российского правительства в востоке белой России (1918–1919 гг.). Главное внимание в работе уделяется Комитету по обеспечению порядка и законности в управлении. Источниками настоящего исследования стали нормативно-правовые акты Российского правительства и правовые воззрения «белых» политиков и правоведов. В заключении автор отмечает, что крайне важным является развитие контрольно-надзорной деятельности за ветвями власти для становления демократического правового государства.

Ключевые слова: государственный контроль, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство, Российское правительство, Гражданская война, антибольшевистское движение.

Постановка проблемы. Обстановка военного времени определяет усиление контрольно-надзорных функций со стороны государства на всех уровнях. Период Гражданской войны требует государственного контроля вдвойне. Уровень нарушений прав и свобод человека в период внутренних конфликтов в независимости от страны по жестокости превосходит множество внешних войн. Попирание прав в период внутреннего гражданского конфликта происходит повсеместно. Прежде всего, это вызвано отсутствием четкой линии фронта, деятельностью подпольных организаций и партизанских отрядов, восстаниями и прочим вооруженным сопротивлением граждан, стоящих на тех или иных идеологических позициях, оказывающих поддержку определенным политическим силам. В Гражданской войне невозможно предугадать, где и когда возникнет восстание, его силу и уровень поддержки населением. Более того, к специфике Гражданской войны добавляется и резкий рост общеуголовной преступности – разбой, бандитизм, грабежи, преступления против личности и собственности, должностные злоупотребления, коррупционные и иные экономические преступления, и прочие правонарушения. В этих условиях военной властью достаточно часто начинают применяться неоправданные меры репрессивного характера, совершенно не учитывая пределы правоограничений личности и соразмерность ответственности за правонарушения. Нельзя не отметить, что и деятельность гражданских властей, функционирующая при чрезвычайном положении, нередко выходит за рамки режима законности, стремясь водворить должный правопорядок. Поэтому в период внутренней войны необходимо не только усиление всех контрольно-надзорных функций государства, но также требуется и создание действенной и эффективной системы государственного контроля.

Основная часть. На территории антибольшевистских государственных образований государственный контроль продолжил свою эволюцию исходя из предшествующих этапов существования антибольшевистских режимов. Определенное влияние на становление государственного контроля в «белой» России оказали и правовые воззрения бывших государственных деятелей Комуча – Г.А. Краснова, В.В. Дегтярева и М.Н. Чеботарева. В частности, Г.А. Краснов не только занял должность Государственного контролера в Российском прави-

тельстве, но и руководил разработкой целого ряда новых нормативно-правовых актов в области государственного контроля – это проект закона «Учреждения государственного контроля» и «Устав ревизии». Специфика развития института государственного контроля в белой России, в отличие от правосоциалистических антибольшевистских государственных образований, заключалась в расширении сфер его деятельности и функций, а не глобальной «перекройке» имперской нормативно-правовой базы, которая практически полностью была взята за основу всеми белыми режимами.

После государственного переворота 18 ноября 1918 г. на востоке белой России восстановилась имперская система государственного контроля. Начало восстановления данной системы было положено еще Временным Сибирским правительством летом 1918 г., когда было издано соответствующее Постановление Совета министров «О высших государственных учреждениях Сибири» от 1 июля 1918 г. [1, с. 108]. В частности, пункт 4 Постановления Совета министров от 1 июля 1918 г. предписывал: «Для высшего руководства государственным контролем учредить совет государственного контроля и должность председателя совета на правах государственного контролера». Отталкиваясь от данного нормативно-правового акта, Временным Сибирским правительством было принято Постановление «О временном Управлении государственного контроля» от 17 июля 1918 г. [1, с. 165]. Пунктом 2 Постановления от 17 июля 1918 г. под председательством управляющего Омской контрольной палатой образовывался Временный контрольный совет из начальников контрольных учреждений, находящихся в городе Омске. Совету предоставлялось право дополнительно избирать в свой состав и других членов контрольного ведомства. Также на Временный контрольный совет возлагалось предварительное обсуждение вопросов по контрольному ведомству, поступающих на рассмотрение Совета министров. Согласно пункту 4 Постановления от 17 июля 1918 г. во всех местных учреждениях государственного контроля вводилось единоличное начало управления на общих основаниях [1, с. 165]. Данное постановление, в отличие от Временного положения о Контрольном ведомстве от 31 июля 1918 г., по сути, установило курс на полное восстановление имперской системы государственного контроля. Каких-либо кардинальных нововведений в области государственного контроля на территории сибирской государственности не было.

Российское правительство, унаследовав от Временного Сибирского правительства нормативно-правовую базу, продолжило дополнять и изменять ее согласно новому курсу государственно-правовой идеологии – либеральной демократии. В Российском правительстве шла достаточно долгая и кропотливая работа по созданию соответствующей временной нормативно-правовой базы института государственного контроля. В частности, представленный на утверждение Государственным контролером Г.А. Красновым проект Постановления Совета министров Российского правительства № 41 от 3 февраля 1919 г. «Учреждения Государственного контроля», неоднократно откладывался: 18 марта 1919 г., в связи с отсутствием заключения министерства финансов по проекту постановления; [7, с. 425] 25 марта 1919 г., в связи с отсутствием по нему согласованности с заинтересованными ведомствами. [7, с. 445] Только 4 апреля 1919 г. с изменениями была утверждена глава 1 Постановления № 41 от 3 февраля 1919 г., тогда как обсуждение дальнейших статей проекта было перенесено на следующее заседание, а, по факту, – на неопределенный срок. Главы 2, 3, 4 Постановления № 41 от 3 февраля 1919 г. «Учреждения Государственного контроля» с изменениями были утверждены на заседании Совета министров от 11 апреля 1919 г. [7, с. 538] Окончательное утверждение проекта Постановления №41 от 3 февраля 1919 г. «Учреждения Государственного контроля» состоялось только 13 апреля 1919 года. [7, с. 553] В статье 9 данного Постановления было официально закреплено право государственного контролера присутствовать на заседаниях Совета министров Российского правительства с правом совещательного голоса. С момента утверждения указанного Постановления государственному контролеру было предоставлено право открывать новые центральные и местные контрольные

учреждения постепенно в зависимости от увеличения объема работы. [7, с. 553] Таким образом, главный нормативно-правовой акт в области государственного контроля был утвержден лишь через два месяца после его разработки и спустя пять месяцев после образования Российского правительства.

Важное значение для развития института государственного контроля играло и становление представительного (законодательного) органа. Так, после государственного переворота, 21 ноября 1918 г. было учреждено Чрезвычайное Государственное Экономическое совещание (действовало с ноября 1918 по май 1919 гг.). Примечательным моментом является то, что предложение об учреждении данного органа в Российское правительство было внесено последним государственным контролером Российской империи – С.Г. Федосьевым (Федосеев), который и стал его председателем. Так как целью Чрезвычайного Государственного Экономического совещания являлось содействие Российскому правительству в мероприятиях по восстановлению и развитию хозяйственно-экономической жизни государства, то в его состав был включен и государственный контролер. [7, с. 31–32]. Положением от 2 мая 1919 г., [7, с. 620] утвержденным на заседании Совета министров Российского правительства, оно было преобразовано в постоянный законосовещательный орган – Государственное Экономическое совещание (просуществовало с мая 1919 года по январь 1920 гг.). Также на заседании Совета министров Российского правительства от 2 мая 1919 г., статья 1 Постановления № 41 от 3 февраля 1919 г. «Учреждения Государственного контроля» была изложена в следующей редакции: «Государственный контроль есть ведомство независимое, в выполнении своих ревизионных задач непосредственно подчиненное только верховной власти» [7, с. 621]. В этой связи институт государственного контроля обособлялся от исполнительной власти, в лице Совета министров, а, в последующем, согласно статье 7 и статье 20 Постановления № 41 от 3 февраля 1919 г., государственный контроль, после «освобождения Москвы от советской власти» подлежал переподчинению власти законодательной. «Перечень “предметов ведения” ГЗС был достаточно широк и во многом напоминал компетенцию Государственной Думы. К особенно важным относились контроль над составлением и выполнением бюджета и право депутатских запросов в Совет министров по любому действию со стороны властей» [8, с. 65]. Фактически Государственный контролер, войдя в состав Государственного Экономического совещания, олицетворял функции Счетной палаты. Полномочия государственного контроля в области бюджета имели динамичное развитие. Так, на заседании 10 декабря 1918 г. при Министерстве финансов было учреждено Особое совещание по финансированию частных предприятий и учреждений, имеющих общегосударственное значение. В состав данного Особого совещания также был включен Государственный контролер, правомочием согласования выдачи ссуд. [7, с. 115–116] В период деятельности Российского правительства было существенно расширено присутствие Государственного контролера в органах власти (комитетах, ведомствах, особых совещаниях).

Именно в период существования Российского правительства государственный контроль начинает становиться многофункциональным. Понятие «государственный контроль» расширялось, и начинало включать в себя не только контрольно-счетные и наблюдательные функции в области бюджета и надзорные функции, реализуемые прокуратурой, но и иные правомочия в области обеспечения порядка и законности в управлении. Особое место в развитии института государственного контроля в «белой» России занимает Постановление Совета министров Российского правительства «Об учреждении (Особого) Комитета по обеспечению порядка и законности в управлении» от 27 июня 1919 г. [3, л. 1–8]. Автором проекта создания данного органа являлся министр юстиции Российского правительства Георгий Густавович Тельберг (1881–1954) – кадет, российский политический деятель, адвокат. Г.Г. Тельберг стоял на идеях либеральной демократии и был далеко незаурядным ученым-правоведом (направление – судебное право, история государства права), являвшимся с 1908 г. приват-доцентом Казанского императорского университета, с 1910 г. – приват-доцентом

Московского императорского университета. С 1912 г. он – ординарный профессор Императорского Томского университета по кафедре истории русского права, в 1917 г. избран деканом юридического факультета Саратовского университета. Это во многом объяснило его принципиальную позицию по необходимости создания на период внутренней войны органа высшего государственного контроля, способным водворить режим правопорядка и законности в стране. Учитывая политическую деятельность и правовые воззрения Г.Г. Тельберга, его можно отнести к сторонникам необходимости англо-американского вектора в развитии правовой системы России.

Создание Комитета обуславливалось необходимостью «достижения должной плановости, согласности и быстроты в мероприятиях по обеспечению осуществленного порядка и по укреплению законности в управлении Совета министров». В соответствии с пунктом 2 Постановления от 27 июня 1919 г. Комитет выполнял следующие задачи: общее руководство деятельностью военных и гражданских начальников на местах по обеспечению государственного порядка и общественного спокойствия; надзор за действиями гражданских и военных начальников, применяющих исключительные положения о принятии мер к предотвращению и пресечению незаконных мероприятий. Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении стал одним из направлений государственного контроля, ранее неизвестного российской государственности. Согласно пункту 1 Постановления от 27 июня 1919 г. Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении состоял из трех министров: внутренних дел, военного и юстиции. Председательствовал в заседаниях Комитета – министр юстиции (пункт 3) – Г.Г. Тельберг.

К полномочиям Комитета относилось (пункт 7): 1) право отмены всех обязательных постановлений, распоряжений, приказов и приказаний, издаваемых гражданскими и военными начальниками на местах в порядке исключительного положения; 2) право приостанавливать исполнение распоряжений сих начальников в случае подачи на таковые жалоб в Правительствующий Сенат; 3) прямо устранять от должности, временно, впредь до увольнения в подлежащем порядке, всех военных и гражданских начальников, применяющих исключительные положения. Вручение Комитету полномочия приостанавливать акты, изданные в порядке подзаконного правотворчества, нарушающие основы законности и правопорядка, хотя и стало основной, но не менее важным было и наделение Комитета правом законодательной инициативы, которая вносилась в Совет министров (пункт 5 Постановления от 27 июня 1919 г.). Это позволяло не только реагировать на уже совершенные незаконные действия исполнительной власти, но и пресекать их заблаговременно, путем внесения соответствующих изменений в законодательную базу, с целью недопущения повторения правонарушений. В целом же «деятельность Комитета по обеспечению порядка и законности в управлении должна была стать правомерным и полномочным ограничителем действий вышеназванных актов чрезвычайного законодательства» [8, с. 46].

Полномочия, которыми был наделен Комитет, являлись достаточным средством для оперативного принятия решения в случаях творящегося беззакония. Как справедливо пишет В.Ж. Цветков, «на практике работа Комитета действительно свидетельствовала о должной оперативности в “пресечении правонарушений должностных лиц” (отменяемые или корректируемые решения местных начальников требовалось проводить по кассации через 1-й департамент Правительствующего Сената и телеграфно сообщать или об их отмене, или обжаловать решения самого Комитета)» [8, с. 47]. Взаимоотношения Комитета и Правительствующего сената посвящалось несколько пунктов. В частности, пункт 8 Постановления от 27 июня 1919 г. предписывал, что обо всех случаях отмены обязательных постановлений, распоряжений, приказов и приказаний, издаваемых гражданскими и военными начальниками на местах в порядке исключительного положения, Комитет должен был сообщать Правительствующему Сенату. В свою очередь пункт 9 Постановления от 27 июня 1919 г. Комитет становился подконтрольным Правительствующему сенату. Здесь следует отметить, специ-

фику разделения власти в белой России. С одной стороны, государственный контроль являлся органом независимым, в выполнении своих ревизионных задач, но при этом непосредственно подчиненным только верховной власти – главе государству – Верховному правителю России. С другой стороны, государственный контроль, реализуя контрольно-счетные и наблюдательные функции в области бюджета, подчинялся законодательной ветви власти (Постановление № 41 от 3 февраля 1919 г.), и, реализуя функцию по обеспечению порядка и законности в управлении, – судебной ветви власти (Постановления от 27 июня 1919 г.).

В лице созданного Комитета была реализована идея высшего государственного контроля в сфере исполнительной власти на период Гражданской войны. В условиях беззакония внутренней войны идея создания органа, подобного Комитету, была крайне необходима, но не менее важен был результат реализации его деятельности на практике. Весьма положительно характеризовал деятельность Комитета министр иностранных дел И.И. Сукин: «В этот комитет имели право жаловаться все граждане, считавшие свои права нарушенными. Он действовал быстро. В течение трех дней можно было получить удовлетворение. К сожалению, идея эта не получила достаточного распространения в стране и, таким образом, немногие сумели оценить значение этой весьма удачной мысли» [4, с. 438]. По сути, Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении, осуществляя надзор за исполнительной ветвью власти, олицетворял собой некое особое направление прокуратуры. Пункт 6 Постановления от 27 июня 1919 г. устанавливал: «Все Главные Начальники ведомств, а равно Главноуправляющий делами Верховного правления и Совета министров и Начальник штаба Главнокомандующего, препровождают в Особый Комитет поступающие к ним сообщения, донесения и жалобы на неправильность и нецелесообразность мероприятий военных и гражданских начальников по предметам ведения Особого Комитета». Развитие данного проекта в условиях анархии Гражданской войны, несомненно, могло внести стабильность в правовое поле и снизить уровень нигилизма среди населения. В качестве определенного итога И.И. Сукин выводил: «Восстановление законности в стране было для Омского Правительства не только одним из пунктов политической программы, но реальной необходимостью, которая каждый день давала о себе знать» [4, с. 435]. Однако существовала и иная точка зрения на результаты деятельности Комитета по обеспечению порядка и законности в управлении. Так, существует весьма критическое замечание Г.К. Гинса: «Оценивая деятельность Тельберга, я лично нахожу, что сделанного им было недостаточно ... Комитет законности рассмотрел сто обязательных постановлений, но он не привлек к ответственности ни одного крупного правонарушителя, не обрушился ни на одно из гнезд беззакония» [2, с. 290, 291]. Эту точку зрения дополняет заключение советского историка Г.З. Иоффе: «Грозные указы и распоряжения не достигали цели. Зачастую они “растворялись” в различных учреждениях, через которые шли, уходили, словно вода в песок, впитывались, как в вату. Коррупцированная “штатская” и военная бюрократия, порожденная бесконтрольным режимом, умело обходила “повеления” “верховного правителя” там, где они затрагивали ее интересы или интересы связанных с ней людей» [5, с. 223]. Несомненно, что практическая реализация Постановления от 27 июня 1919 г. и деятельность Комитета оставляли желать лучшего. К проблемам практической реализации полномочий Комитета по обеспечению порядка и законности в управлении следует отнести то, что сам он был образован только в середине лета 1919 г., тогда как в его существовании власть нуждалась еще в ноябре 1918 г. Со всем массивом злоупотреблений и коррупции, нарушениями прав и свобод Комитет справиться не мог. Тем не менее, критика Комитета завышена, так как Комитет просуществовал лишь небольшой промежуток времени и, соответственно, важность и плодотворность его деятельности не могла быть всецело оценена.

Результаты исследования. Таким образом, в сфере государственного контроля белой Россией была воспроизведена имперская нормативно-правовая база с изменениями и дополнениями Временного правительства и Временного Сибирского правительства. В связи с чем,

государственный контроль развивался согласно закономерности правопреемства. В свою очередь Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении стал отдельной ветвью института государственного контроля, а для исполнительной власти он стал высшим органом контроля. Создание Комитета продемонстрировало, что государственный контроль должен быть многофункциональным, чтобы обеспечить всецелую защиту прав и свобод граждан, а также сочетание интересов личности и государства. В этом отношении В.В. Кочетков пишет: «На самом деле российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. считали, что контроль над исполнительной властью должен обеспечиваться целой системой правовых механизмов. Это особенно важно, поскольку через позитивное законодательство признаются права граждан, которые и определяют круг свободы каждого, а в актах управления они получают свою конкретизацию в виде определенного механизма реализации» [6, с. 142]. Нормы Постановления от 27 июня 1919 г. ярко отражали либерально-демократический характер власти и акцентировали внимание на решимость борьбы за законность и правопорядок в стране. Следует отметить, что образование данного контролирующего органа в государственном управлении являлось средством обеспечения одного из признаков правового государства – наличия стабильности законности и правопорядка. Создание Комитета было крайне важным мероприятием в становлении не только белой государственности, но и в целом для России, как демократического правового государства. Так как в современной России институт государственного контроля, как независимого и самостоятельного органа, не существует, то представляется необходимым совершенствование контрольно-надзорного механизма за деятельностью органов исполнительной властью, а также развитие взаимоконтроля ветвей власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 818 с.
2. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства). В 2-х. Т. 2. Ч. 2, 3. Пекин: Типолитография Русской Духовной Миссии, 1921. 612 с.
3. ГАРФ. Ф. Р–176. Оп. 5. Д. 1447.
4. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы; под ред. А.В. Квакина. М.: Аграф, 2005. 512 с.
5. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.
6. Кочетков В.В. Конституционализм и система российской власти в конце XIX – начале XX века: монография. М.: Юрлитинформ. 2014. 648 с.
7. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов в 2-х т. Т. 1 / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 748 с.
8. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.

А. А. КАЛАШНИКОВ

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УПРАВЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА
И НОВООБРАЗОВАННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В МАРТЕ – ДЕКАБРЕ 1917 г.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-09-00439.*

Аннотация: На основе делопроизводственной документации фондов Государственного архива Алтайского края освещено взаимодействие Управления Алтайского округа и новообразованных органов власти в марте – декабре 1917 г. Автор приходит к выводу, что появление новых структур на всех уровнях окружной вертикали управления негативно сказалось на функционировании Алтайского округа. Разделение полномочий между ведомственной администрацией и новыми губернскими структурами хозяйственного управления разрушали окружной аппарат управления и способствовали постепенной ликвидации Алтайского округа.

Ключевые слова: Алтайский округ, Алтайская губерния, 1917, земельно-лесное хозяйство, административно-хозяйственная политика, местное самоуправление, земельные комитеты, комитеты общественного порядка.

Постановка проблемы. Февральская революция ознаменовала не только падение российской монархии, но и начало глобальных структурных изменений на региональном и общегосударственном уровнях. Управлению Алтайского округа (далее – УАО), бывшей структуре Кабинета Его Императорского Величества, предстояло обеспечить переход Алтайского округа на общегосударственные хозяйственные начала, при этом поддерживая его функционирование в качестве целостного производственно-территориального комплекса. Сложность этого процесса определялась не только в сформировавшейся за 170 лет особой административно-хозяйственной системе региона, основой которой являлись лесная и земельно-арендная отрасли, но и в появлении новых, порожденных революцией, органов власти, создававшихся на всех уровнях деятельности чинов бывшего Кабинета на Алтае.

Основная часть. Несмотря на то, что появление новых органов власти способствовало ломке окружного аппарата управления и, как следствие, ликвидации Алтайского округа, в историографии отсутствует целостная характеристика взаимодействия УАО с новообразованными структурами управления в 1917 г. Некоторые аспекты деятельности новообразованных органов власти в регионе рассматривались историками в рамках исследования развития лесоохранной деятельности, ликвидации кабинетского землевладения, крестьянского движения на территории Алтайской губернии [1, с. 217–241, 310–315; 2; 3, с. 238–256; 4, с. 82–103]. Среди прочих публикаций следует выделить работы Н.Ф. Иванцовой и В.Г. Зыковой, в которых были даны наиболее полные обобщенные характеристики хозяйственной деятельности крестьянских комитетов и органов крестьянского самоуправления в Сибири и в т.ч. на Алтае [5–7], а также монографию В.М. Рынкova и В.А. Ильиных, где среди прочих вопросов авторами были также рассмотрены структурные изменения в системе хозяйственного управления в Сибири в революционные годы [8, с. 29–46]. Отдельным сюжетам взаимоотношений УАО с Комитетами общественного порядка, земельными комитетами по-

священы публикации С.Е. Полякова, А.А. Калашникова и П.А. Афанасьева [9; 10]. Ранее нами было рассмотрено создание новых органов для управления хозяйством Алтайского округа чиновниками бывшего Кабинета [11].

Не претендуя на исчерпывающую полноту, на основе делопроизводственной документации, отложившейся в фондах Государственного архива Алтайского края, мы предпринимаем попытку осветить взаимодействие УАО с новообразованными органами власти в марте (получение на Алтае сведений о революции) – декабре (начало фактической реорганизации управления Алтайским округом, инициированное Алтайским губернским земельным комитетом) 1917 г. Исследование данной проблемы позволит оценить влияние структурных изменений в управленческой модели округа на функционирование производственно-территориального комплекса в первый послереволюционный год.

По постановлению Временного правительства от 27 марта 1917 г. все имущество Кабинета распределялось между министерствами земледелия, торговли и промышленности. Но существенных изменений данное постановление не привнесло, вся хозяйственная система Алтайского округа продолжала оставаться в руках УАО и его местной администрации. Первоначально УАО стояло на позиции сохранения окружной вертикали управления, появившиеся новые органы власти в лице Комитетов общественного порядка (далее – КОП) должны были лишь содействовать охране имущества округа [10, с. 30]. 9 марта 1917 г. прошло совещание Согласительной комиссии, на котором были определены основы хозяйственной политики УАО в сложных революционных условиях. Попытка созыва подобных совещаний на регулярной основе и, таким образом, создания нового органа, позволившего бы включить созданный в Барнауле КОП в систему окружного управления при сохранении главенствующей роли УАО, оказалась неудачной. Начальник Алтайского округа Л.Л. Маслов в отношении в Семипалатинский исполнительный комитет объединенных общественных организаций и армии (КОП) от 23 марта 1917 г. подчеркивал, что «вся распорядительная деятельность по хозяйству возложена исключительно на одного начальника Алтайского округа» [12, л. 5].

КОПы создавались на всех уровнях – окружном, уездном, волостном и сельском (исполнительные комитеты создавались на месте сельских и волостных правлений, по подобию городских они принимали названия комитетов «порядка», «безопасности и пр.) [6, с. 206]. Все лесничество и заведующие арендными районами округа должны были войти с ними в соглашение [13, л. 13]. Несмотря на то, что данные органы не вошли в вертикаль управления хозяйством Алтайского округа, они вмешивались в работу администрации лесничеств и окружного начальства, предпринимая попытки поставить под контроль их деятельность, а также проводя собственную независимую политику. Так, в мартовском воззвании Кузнецкого КОПа содержалась красноречивая фраза о том, что все чины лесной администрации «подчинились Кузнецкому комитету безусловно» [14, л. 2об.]. Семипалатинский КОП своим приказом от 15 марта 1917 г. устанавливал для Семипалатинской области и прилегающей к ней части Змеиногорского уезда ряд льгот: предоставлял солдатским семьям, а также беднейшим жителям право на бесплатный лес на ремонт домашнего хозяйства, отменял плату за побочные пользования в лесах (сбор ягод, грибов, орехов, охоту) [12, л. 2]. Своим приказом от 15 апреля 1917 г. он также менял и систему лесоохраны в лесничествах, возложив охрану леса на выборную лесную милицию, в которую должны были войти «заслуживающие доверие всего общества чины прежней лесной стражи», избирать милиционеров было предложено «с назначением им обществом, но на счет казны... жалованья» [12, л. 26]. Приказом от 24 мая 1917 г. Семипалатинский комитет постановил образовывать при лесничествах советы лесничеств, куда кроме лесной администрации входили и члены местных исполкомов. Имея

весьма широкий перечень полномочий, эти органы подчинялись напрямую Семипалатинскому КОПу [12, л. 28].

По сути, Семипалатинский КОП создавал собственную, независимую от округа вертикаль управления хозяйством на прилегающих к нему территориях (в ведение Семипалатинского КОПа входили Семипалатинское, Локтевское, Коростелевское, Тополинское, Гатское лесничества Алтайского округа). Данные приказы противоречили проводимой УАО политике и разрушали существовавшую административно-хозяйственную систему, вследствие чего вызвали справедливые вопросы со стороны окружной администрации. Ударом по УАО послужило одобрение деятельности Семипалатинского КОПа со стороны Всероссийского съезда лесоводов, проходившего в конце апреля – начале мая в Петрограде [12, л. 35об.]. С апреля 1917 г. на отдельных лесничих была возложена обязанность осуществления взаимодействия с уездными комитетами общественного порядка. Необходимость стать посредниками между УАО, местными лесничими и комитетами привела к расширению компетенций глав административно-хозяйственных единиц и способствовала загромождению аппарата управления.

Как отмечает В.Г. Зыкова, крестьяне создавали новые органы для «улучшения хода хозяйственных и продовольственных дел», «поддержания правильного пользования казенными и частными лесными и земельными ресурсами» [6, с. 208], центральное место в решениях, а также и в практических действиях крестьянских комитетов занимал именно лесной вопрос [7, с. 139]. «Сельские власти не оказывают никакого содействия, да и сами власти сильно увлеклись лесокрадством, подавая этим пример остальным» [15, л. 55], – писал в рапорте от 25 ноября 1917 г. заведующий Коробейниковским лесничеством. Часть комитетов выступала за ликвидацию лесничеств, санкционировала земельные захваты, присваивала себе право лесоотпуска, самостоятельно распоряжалась доходами от продажи леса [5, с. 45]. При этом в одном селении могло возникать и действовать сразу несколько комитетов, причем, не признающих один другого, как это было в Абаканском, Калтайском лесничествах [16, л. 8; 17, л. 9об.].

Еще одним появившимся в результате революции органом стали народные собрания. Созданные по инициативе Томского губернского КОПа как аналог отсутствовавших в Сибири земств, они функционировали, несмотря на непризнание со стороны Временного правительства, вплоть до введения земских структур. На Алтае выборы в народные собрания были закончены в мае 1917 г. [5, с. 44]. Волостные и сельские народные собрания вмешивались в хозяйственную деятельность лесничеств, выступали за пересмотр земельных отношений, реорганизацию управления Алтайского округа [5, с. 44]. Змеиногорское уездное народное собрание подтверждало нормы, установленные Семипалатинским КОПом 15 марта [12, л. 25]. Кузнецкое народное собрание своим постановлением от 13 апреля 1917 г. разрешало населению уезда бесплатно пользоваться валежником, буреломом, а также сырорастущим нестроевым лесом (до 6 кубов в год на усадьбу). Этим же постановлением волкомам разрешалось бесплатно отпускать населению уезда по 5 хлыстов сырорастущего строевого леса и по 25 осиновых жердей в год [18, л. 8–8об.]. Данное постановление практически снимало необходимость крестьян обращаться в лесничества уезда за платным лесоматериалом. Кузнецкий лесничий в рапорте от 25 апреля 1917 г. отмечал, что совместно с уездным народным собранием им разрешаются и все земельные вопросы [14, л. 18]. Харинское сельское народное собрание (Талицкое лесничество) решило, что продажа леса сама по себе нежелательна, так как есть остро нуждающиеся в нем, но не обладающие возможностью его купить [19, л. 8об.].

Постановлением Временного правительства от 17 июня 1917 г. Алтайская губерния была выделена из состава Томской, что положило начало ликвидации округа как единого

производственно-территориального комплекса, так как границы новообразованной губернии оказались значительно меньше Алтайского округа. Из-за специфики административно-хозяйственного деления округа селения одного лесничества порой могли подпадать под влияние органов власти, расположенных в различных уездах, особенно если находились на их границах или в их пределах. При этом политика новообразованных уездных органов власти могла идти вразрез с политикой УАО. Необходимость согласования постановлений уездных и губернских органов власти значительно затрудняло функционирование окружной хозяйственной системы.

Согласно постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г., по всей стране создавались земельные комитеты (земкомы), которые должны были вести борьбу с земельными захватами, проводить учет земельного фонда, и подготавливать проект аграрной реформы для Учредительного собрания [5, с. 48]. На Алтае волостные земкомы избирались полностью крестьянами (местными исполкомами), в уездные вводились представители УАО, а также судья, статистик, агроном. 12 июля 1917 г. начал функционировать Алтайский губземком, созданный для подготовки земельной реформы в только что образованной губернии. Он был заполнен представителями УАО более чем на треть [5, с. 49]. Приоритет губернских органов над ведомственными окружными структурами делал неизбежным раздел части полномочий УАО с новым учреждением.

Согласно Обязательному постановлению Алтайского губземкома, в разработке которого участвовали и алтайские чиновники бывшего Кабинета, управление земельно-лесным хозяйством округа было разделено между земкомами и УАО, ставя их во взаимозависимое положение. Ведомственный аппарат возлагал на земельные комитеты большие надежды, их деятельность должна была содействовать улучшению ситуации в округе, на территории которого проходили массовые аграрные беспорядки, поэтому он активно включился в работу новых органов и даже пытался направлять их деятельность [9, с. 35]. Издание Обязательного постановления стало попыткой соединения бывшей кабинетской административно-хозяйственной системы, государственных начал хозяйственной деятельности, а также интересов проживающего в округе крестьянского населения. В то же время, благодаря изданию подобных нормативных документов, шло изменение соотношения сил ведомственной администрации и выборных крестьянских органов в пользу последних, что являлось общесибирской тенденцией [8, с. 31].

В глазах представителей земкомов аграрные беспорядки, происходившие в лесничествах округа, свидетельствовали о «беспомощности чинов Алтайского округа в отношении управления» [20, л. 13]. Отрицательный ответ на предложение заведующего земельной частью Алтайского округа А.П. Борзова о возможности сдачи в аренду земель без предварительного согласия на то земельных управ, сделанное им на 2-й сессии Алтайского губземкома, утвердил подчиненное положение УАО по отношению к губземкому в области земельного хозяйства. С конца сентября по постановлению той же сессии Алтайского губземкома, члены губернских и уездных земельных управ в целях осуществления контроля за деятельностью лесничих по ведению ими хозяйства в округе, должны были производить периодические ревизии [21, л. 83].

Несмотря на наличие Обязательного постановления Алтайского губземкома, четко разграничивающего компетенции различных органов власти, вовлеченных в решение хозяйственных вопросов, волостные, уездные, а затем даже и губернский земельные комитеты проводили собственную политику. Как отмечают В.М. Рынков и В.А. Ильиных, на местах земельные комитеты вышли за отведенные законом пределы, «оттеснив государственную администрацию (в случае Алтайского округа – ведомственную – А.К.) от принятия решения по аграрным вопросам» [8, с. 31]. Так, постановление Бийской уездной земельной управы от

29 августа 1917 г. предусматривало ограничение права лесничего по отпуску леса, а также повышение таксы при покупке леса на сумму свыше 100 р. [22, л. 19]. Несмотря на то, что данное решение было пересмотрено 3-ей сессией Алтайского губземкома [23, л. 71–71об.], подобные постановления свидетельствуют о том, что новые органы власти препятствовали массовому отпуску леса со стороны УАО. На заседании 1 июля 1917 г. Бийская уездная земельная управа постановила демократизировать лесничества уезда представителями от местного населения, избираемыми волостными земкомами лесничества [24, л. 4об.]. Избранники имели право совещательного голоса, а в некоторых случаях, не конкретизируемых членами управы, и решающий голос наравне с лесничим.

Изданные уездными комитетами постановления могли значительно усложнять процесс получения лесоматериалов. Согласно постановления Каменского уездного земкома, желающим приобрести лесоматериалы для получения соответствующего разрешения следовало ехать в Камень и только после этого обращаться в канцелярию лесничества. В результате этого, по словам алеусского лесничего, покупателям из отдаленных селений приходилось преодолевать порядка 200 верст [25, л. 35об.–36]. Новые органы власти, внедренные в существовавшую хозяйственную систему, не справлялись с нагрузкой. Повышенный спрос на лес со стороны крестьян и горожан также накладывал отпечаток на ее функционирование. Пожары, охватившие округ в весенне-летние месяцы, создали обширный фонд горелого леса, в результате чего возможный отпуск леса только из Гатского лесничества приблизительно составлял норму 10 лет, но лесничий не мог приступить к отпуску из-за отсутствия списков, которые должны были подготовить местные комитеты [26, л. 31–31об.]. На наш взгляд, деятельность волземкомов влияла на функционирование хозяйственной системы округа в большей степени деструктивно. Волостные комитеты выдавали собственные билеты на рубку леса, вмешивались в деятельность местной лесной администрации или даже смещали ее, отнимали землю у лесной стражи и крупных арендаторов, присваивали себе право сбора аренды и других платежей. Однако были и положительные примеры взаимодействия местных земельных комитетов и аппарата лесничеств, что во многом зависело от локальных факторов, особенно учитывая то, что обычно исполкомы и земкомы лишь фиксировали мирские постановления, в результате чего главным регулятором земельных отношений являлась община [8, с. 39].

17 июня в Сибири были введены земские учреждения. Выборы в земства в Алтайской губернии в основном прошли в июне–сентябре 1917 г. Несмотря на то, что волостные земства получали на местах всю полноту власти, их значительная часть так и не была до конца укомплектована, а некоторые их постановления были в духе имеющих «неправильную» точку зрения комитетов. Так, Лаптевское волостное земское собрание (Тополинское лесничество) 19 ноября 1917 г. постановило удалить тополинского лесничего с занимаемой должности, наем объездчиков производить по усмотрению сельских народных собраний, перенести резиденцию лесничего в с. Лаптевское (в виду нахождения в нем волостного земства) [27, л. 53].

Создававшиеся в течение всего 1917 г. на Алтае Советы не имели какого-то существенного влияния на функционирование хозяйственной системы округа. По данным Н.Ф. Иванцовой, к середине июля в Алтайской губернии было создано не менее 15 волостных Советов крестьянских депутатов, усилился процесс создания сельских и волостных советов лишь осенью [5, с. 54, 57]. В рапортах лесничих Алтайского округа о положении на местах практически отсутствуют какие-либо упоминания о деятельности данных революционных органов, что позволяет нам говорить о том, что их вмешательство в деятельность лесничеств вплоть до конца 1917 г., когда в округе начинается процесс установления советской власти, было минимальным. Некоторые советы, путем организации вернувшихся с фронта солдат,

занимались лесоохранной деятельностью [17, л. 7], другие же выступали за раздел бывшего кабинетского имущества. Совет солдатских депутатов с. Сузунского (Сузунское лесничество) выступал за передачу селу для научно-просветительских целей находящиеся в нем и принадлежащие округу дома, «как построенные нашими отцами, горнозаводскими служащими (мучениками), под суровым привлечением к постройке таковых зданий» [28, л. 7].

Результаты исследования. Таким образом, революция существенно дезорганизовала функционирование административно-хозяйственной системы Алтайского округа. Появление новых структур на всех уровнях окружной вертикали управления способствовало загромождению аппарата управления. Новообразованные органы вмешивались во властные prerogatives старых, проводя собственную независимую политику и тем самым вклиниваясь в существовавшую административно-хозяйственную систему. Санкционированное и несанкционированное разделение полномочий между ведомственной администрацией и новыми губернскими структурами хозяйственного управления разрушало окружной аппарат управления и способствовало постепенной ликвидации Алтайского округа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 496 с.
2. Тяпкин М.О. Деятельность земских учреждений Алтайской и Томской губерний по охране лесов (1917–1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 144–149.
3. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 264 с.
4. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. 241 с.
5. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М.: Прометей, 1990. 167 с.
6. Зыкова В.Г. Органы крестьянского самоуправления в сибирской деревне в 1917 г. (права, функции) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): мат-лы Всеросс. симп., посв. памяти выдающегося ученого и педагога, лауреата Государственной премии, докт. ист. наук, проф. И.М. Разгона. Вып. 1. Томск, 1996. С. 206–214.
7. Зыкова В.Г. Хозяйственная деятельность крестьянских комитетов в 1917 г. // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX вв. Темат. сб. ст. Томск, 1994. С. 137–149.
8. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.
9. Поляков С.Е. Взаимодействие управления Алтайского округа с Алтайским губернским земельным комитетом (1917–1918 гг.) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001. С. 34–36.
10. Афанасьев П.А., Калашников А.А. Деятельность Управления Алтайского округа в региональном контексте Февральской революции // Известия Алтайского гос. университета. 2017. № 2(94). С. 28–35.
11. Калашников А.А. Образование новых органов управления Алтайским округом осенью 1917 г.: причины и исторический контекст // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения: сб. мат-лов XIV Всеросс. (с междунар. участ.) научн. Конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 25–27 апреля 2018 г.). Томск, 2019. Вып. 14: в 2 т. Т. 1. С. 56–60.
12. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4714.

13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 533.
14. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4690.
15. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4686.
16. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4723.
17. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4753.
18. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4678.
19. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4708.
20. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4.
21. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2.
22. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675.
23. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786.
24. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4697.
25. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706.
26. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4699.
27. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4688.
28. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704.

Л. Г. КАПУСТИН
Муром, Россия

**ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ АДМИРАЛ КОЛЧАК
В ИНОСТРАННОЙ КИНОХРОНИКЕ (1919): УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ
К НАУЧНОЙ АТРИБУЦИИ ФОТО-ВИДЕОИСТОЧНИКОВ**

Аннотация: На основе анализа фотографий, мемуаров, справочных и периодических изданий предпринята попытка уточнить произведенную ранее атрибуцию архивных кинокадров французских и американских хроникеров. Проанализирована съемка, сделанная в иной период времени и не подвергнутая ранее источниковедческой атрибуции.

Ключевые слова: источниковедение, кинодокумент, кинохроника, А.В. Колчак, Гражданская война, белое движение, интервенция.

Постановка проблемы. Первая четверть XX века – время технической революции в области средств объективной фиксации действительности. Благодаря этому сегодня у нас есть уникальная возможность увидеть исторические фигуры, географические объекты, важные события в виде объективных кино-фотоизображений, иллюстрирующих в том числе, трагическую эпоху российской истории – Гражданскую войну. Еще недавно ценные кинокадры, снятые в Сибири в 1919 г. иностранцами, не были доступны отечественным исследователям. В 2018–2019 гг. в соавторстве омскими историками-архивистами Д.И. Петиним и М.М. Стельмаком были опубликованы уникальные в своем роде материалы с атрибуцией омских кадров иностранной кинохроники [1–2]. Широкая популяризация этих документальных видео производится Центром изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области в рамках кинолектория [3, с. 121].

Статьи сотрудников архива создали базу для дальнейшего уточнения и изучения видеоматериалов периода Белой Сибири, однако, как это часто бывает, первопроходцы в изучении темы подвержены неточностям и ошибкам. Не принижая заслуг Д.И. Петина и М.М. Стельмака, на ряд выявленных нами недочетов мы обращаем внимание в данной публикации. Цель работы – уточнить и дополнить уже сделанные изыскания по атрибуции кинохроники с А.В. Колчаком, что, в свою очередь, позволит облегчить изыскания будущих исследователей.

Основная часть. Первой известной съемкой адмирала Колчака на востоке России в годы Гражданской войны хронологически является американская кинохроника, сделанная в бытность пребывания последнего в Екатеринбурге в ходе первой поездки в роли Верховного Правителя на фронт. Ошибка отнесения данного эпизода – ассоциации его с Омском – порождена отчасти неверным монтажом кадров кинохроники, когда между съемками в Екатеринбурге (хорошо виден местный вокзал) были вмонтированы кадры Белого Омска зимой 1918–1919 гг. Д.И. Петин и М.М. Стельмак указывают: «Затем следует сцена, запечатлевшая Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака и сопровождающих его адъютантов на фоне деревянного строения. Адмирал приветствует американского фотографа, позирует для него и благодарит (известны фотоснимки, сделанные, судя по ракурсу, именно в тот момент)» [1, с. 362].

Первая поездка Верховного Правителя А.В. Колчака на фронт, состоялась 8-26 февраля 1919 г. по маршруту: Омск – Курган – Челябинск – Златоуст – линия фронта – ближний тыл – Златоуст– Троицк – Челябинск – Екатеринбург – Нижний Тагил – Пермь – линия фронта – Мотовилихинский завод– Екатеринбург – Тюмень – Омск. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что на съемках американского оператора, отмеченных в статье, как сделанных в Ом-

ске, мы видим Колчака со штаб-офицером для поручений (назначен по личному распоряжению адмирала приказом управляющего делами Верховного Правителя и Совета Министров от 23 января 1919 г. [4, с. 164]) старшим лейтенантом М.М. Комеловым (1890–1942). Это был кадровый офицер флота (окончил Морской корпус в 1912 г.), служивший с Колчаком еще на Балтийском флоте с 1915 г. в должности старшего флаг-офицера по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом. В период Гражданской войны до назначения на должность штаб-офицера при адмирале – начальник разведывательного отделения управления по оперативной части флота.

Рядом с Колчаком и Комеловым виден солдат Екатеринбургского уланского полка (он хорошо различим по характерному головному убору – меховой шапке, напоминавшей драгунскую шапку старой армии, присущей форме только этого полка). Екатеринбургские уланы несли караулы в ходе пребывания Верховного Правителя в Екатеринбурге. Соответственно, не вызывает сомнений, что это Екатеринбург, сложнее назвать время и объект съемки, на фоне которого сняты персонажи. В Екатеринбурге за эту поездку адмирал был дважды – 16–18 февраля и 23–25 февраля 1919 г. В ходе пребывания в городе Колчак посетил несколько раз штаб армии, собор, театр, госпиталя, объединенное заседание местного самоуправления и общественности. Адрес и здание штаба Сибирской армии в Екатеринбурге известны (дом Кормильцевой на Покровском проспекте), однако его вход заметно отличается от того, что мы видим на съемке. Рядом с входом заметна табличка с указанием пути к некоему подъезду. Наличие выходящих из двери здания вооруженных военных и, в частности, офицеров позволяет предположить, что, возможно, на кадрах другой вход штаба (не парадный), либо иное военное учреждение. Там же сделано известное фото, опубликованное позднее в «The New York Times», упомянутое авторами материала.

В работе с атрибуцией французской кинохроники Д.И. Петиним и М.М. Стельмаком также допущено несколько ошибок, остались неизученные лакуны. Пожалуй, самым насыщенным сюжетом французской кинохроники является церемония освящения и вручения знаменного флага только что сформированному 1-му батальону Отдельной бригады Морских стрелков 14 апреля 1919 г. в Омске, который отправлялся в Пермь. Помимо уже определенных ранее персон, участвовавших в торжестве, как то: адмиралы А.В. Колчак и В.В. Ковалевский, Главный священник армии и флота протоиерей А.А. Касаткин, капитан 2-го ранга Н.Н. Степанов, капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин, командующий войсками Омского военного округа генерал-майор А.Ф. Матковский, отметим еще нескольких лиц.

Вместе с генералом Матковским встречается А.В. Колчака и его сопровождающих, вероятно, генерал барон А.П. Будберг, с марта 1919 г. назначенный в распоряжение начальника штаба Верховного Главнокомандующего и прибывший в Омск в апреле. К сожалению, сам Будберг ничего об этом событии в своем дневнике не пишет; из него следует, что личная встреча с адмиралом состоялась в конце апреля 1919 г. Однако, длинные крупные планы съемки этого эпизода позволяют заметить очевидное портретное сходство человека на кадрах с известными фотопортретами барона.

В церемонии освящения знамени бригады Морских стрелков на крупном плане хорошо виден в сером пальто с галунными генеральскими погонами предположительно генерал Д.А. Лебедев (1883–1928) – с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Он же – в свите адмирала до церемонии и позднее – прикладывается к кресту после освящения знамени. Эта личность достаточно редко появляется даже на фото, но внешнее сходство черт лица, характерной формы усов, зачеса волос и пробора с двумя известными фото генерала позволяет сделать предположение, что на съемке именно он.

Под современным титром «Визит адмирала Колчака» примечателен фрагмент кинохроники, отнесенной омскими исследователями к 19 апреля 1919 г., когда он посетил пасхальное богослужение в Успенском кафедральном соборе Омска. «На кадрах мы видим А.В. Колчака в сухопутной шинели, выходящего из Успенского кафедрального собора

в сопровождении военных и штатских лиц. Адмирал проходит вдоль строя солдат, затем садится в ожидающий его открытый автомобиль» [1, с. 60]. При выходе из собора за адмиралом первым идет молодой офицер в пехотной шинели. Вероятно, это «сухопутный» личный адъютант штабс-капитан В.С. Матвеев, (1889 – после 1930). Судя по общему сходству с двумя сохранившимися фотопортретами; его же мы видим на известном фото А.В. Колчака с А.В. Тимиревой и офицерами в Загородной роще. Впоследствии В.С. Матвеев попадет в плен, дальнейшая его судьба неизвестна. Он же идет за адмиралом и начальником караула при обходе строя и позднее садится в автомобиль.

За адмиралом почетный караул обходит предположительно упомянутый выше генерал Будберг, очевидно, этот тот же человек что и на кадрах 14 апреля 1919 г. Он узнается здесь по интересной детали. Генерал носил пенсне. На параде морских стрелков, где он снят крупно рядом с генералом Матковским хорошо видно, что с правой стороны к пенсне привязан шнурок (во избежание потери аксессуара), напоминающий издавна душку очков (с левой стороны, разумеется, ничего такого нет). Эту же деталь мы видим на человеке, остановившемся за Верховным Правителем, когда тот здоровается с начальником почетного караула, выйдя из собора. Совпадают также лицо, рост, комплекция и форменные отличия, которые мы видим у, предположительно, А.П. Будберга и на съемке 14 апреля – серое двубортное пальто с серебряными погонами генерала и черными (бархатными) петлицами с алой выпушкой, указывающими на принадлежность к службе Генштаба.

На кадрах хроники А.В.Колчак садится в автомобиль «Cadillac» – подарок американского правительства, бывший на тот момент одной из новинок автомобильной промышленности. При отступлении из Омска машина будет погружена в один из эшелонов и станет трофеем РККА в Красноярске. На заднем сиденье рядом с Верховным Правителем хорошо узнаваем старший лейтенант Г.М. Сазонов (1891 – после 1935) – кадровый офицер флота (окончил Морской корпус в 1913 г.), адъютант адмирала еще в бытность того военным министром Директории. Он же идет с непокрытой головой за адмиралами в процессии освящения строя морских стрелков. После поражения белой армии Сазонов эмигрировал в Германию, в 1933–1935 гг. жил в Бельгийском Конго [5, с. 418].

Под титром «Подготовка кавалеристов» неверно было атрибутировано одно из событий хроники «...в объектив кинокамеры попала процедура кавалерийского смотра, проходившего, по всей видимости, поблизости с лагерным городком...Здесь можно наблюдать кавалерийский строй и элементы подготовки кавалеристов (преодоление барьера, рубка лозы). По нашим расчетам, в кадре запечатлен Петропавловский уланский полк 7-й Степной Сибирской дивизии» [1, с. 57]. Запечатленное на этих архивных кадрах событие – показательные учения, смотр и парад Симбирского уланского полка 1-й кавалерийской дивизии 25 апреля 1919 г. в селе Николаевское в 12 верстах от Омска. Официальная колчаковская газета «Русская армия» писала: «В пятницу 25 апреля на плацу Симбирского уланского полка в селе Николаевском состоялось торжество постановки полкового штандарта, освященного и дарованного Литовскому уланскому Королю Виктору Эммануила полку еще во время царствования Александра II» [6].

Любопытно, что в фондах ГЦМСР сохранился снимок, показывающий иностранного оператора, снимающего на кинокамеру этот парад симбирских улан, который принимает А.В. Колчак и сопровождающие; эти кадры теперь доступны широкому кругу исследователей. До войны стоянка полка была в Симбирске. Сразу после занятия города армией Комуча и чехами в июле 1918 г. офицером полка ротмистром А.М. Ошаниным был создан кавалерийский эскадрон, где впервые возникла полковая ячейка из 16 офицеров полка. Эскадрон, пройдя осенью 1918 г. с боями от Волги до Омска, был переименован 27 июля 1918 г. в Симбирский конный полк (с конца октября 1918 г. в Омске – переименован в Симбирский уланский эскадрон; с декабря 1918 г. полк переименован в Симбирский уланский полк в составе 1-й кавалерийской дивизии) [6]. На пиках улан в хронике хорошо видны флюгера полковых

цветов. Верхняя косица – алая, нижняя – белая, по центру флюгера полосы в контрцвет: белая полоса на алой, алая на белой половине. Различимы и цветные петлицы офицеров (алые с темно-синей выпушкой – аналогично 5-му уланскому Литовскому полку старой армии). Из кадра оставшихся в живых после Великого Сибирского Ледяного похода «литовцев» был создан кавалерийский дивизион. С марта 1920 г. он составлял отдельный дивизион в 1-й Маньчжурской конной дивизии, с начала 1921 г. – эскадрон в Сводно-кавалерийском полку, а с весны 1921 г. – в 1-м кавалерийском полку [7, с. 317].

К сожалению, омским исследователям из-за краткости хронометража эпизода и мелкости персонажей в силу взятого оператором панорамного плана, а также вполне понятного качества кадров не удалось идентифицировать лиц, сопровождавших А.В. Колчака на этом мероприятии. Между тем сопоставление кадров кинохроники с фотоматериалами позволяет уверенно определить некоторых лиц. Так, кадровый офицер, ротмистр 1-го уланского Санкт-Петербургского полка старой армии, А.М. Ошанин (1886–1931), ставший командиром нового Симбирского уланского полка виден с шашкой наголо на кадрах кинохроники сразу за ближайшим окружением А.В. Колчака в конном строю, а также на сохранившемся фоторепортаже, где запечатлен по левую (для зрителя – по правую) руку от Верховного Правителя среди офицеров полка, а также отдельно верхом с обнаженной шашкой. Произведенный в тот же день в подполковники А.М. Ошанин командовал полком в Сибирском Ледяном походе. Эмигрировав, служил на КВЖД, приняв советское подданство. После 1929 г. вернулся в СССР, но бежал в Китай. Умер в Харбине [8, с. 393].

На тех же кадрах с кавалькадой во главе с Верховным Правителем, инспектирующих полк, можно различить генерал-майора А.Ф. Матковского – с 19 декабря 1918 г. и на момент съемки командующего войсками Западно-Сибирского (Омского) военного округа. Генерал виден и на нескольких фотографиях смотра симбирских улан. Он хорошо узнаваем из-за обритой головы, характерного пенсне и «мушкетерских» клиновидной бородки и усов. Матковский будет расстрелян в Омске 8 июня 1920 г. [9, с. 136–137].

Также посильно определить персону личного адъютанта А.В. Колчака – В.В. Князева. Это кадровый офицер (окончил Елизаветградское кавалерийское училище в 1904 г.) – ротмистр 3-го уланского Смоленского полка, с 23 января 1919 г. исполнял должность старшего адъютанта адмирала. Впоследствии он оставил запись об этом событии в мемуарах: «в конце апреля 1919 г. был парад Симбирского уланского полка (новое название полка после революции), и адмирал вручил бывший штандарт Литовского уланского полка его командиру, ротмистру Ошанину...» [10, с. 126]. Князев легко узнаваем по манере одеваться в британское обмундирование: короткую шинель, фуражку, высокие шнурованные офицерские ботинки, что хорошо видно на многих сохранившихся фото в т.ч. и с парада симбирских улан. В дальнейшем ротмистр Князев эмигрировал, жил в Шанхае [8, с. 258].

Омские исследователи не точно определяют число известных на сегодня кинокадров с А.В. Колчаком: «Известно лишь пять фрагментов документальных съемок с адмиралом Колчаком: один – 1916 г. (Севастополь), один – 1919 г. (сделан, вероятнее всего, в Приуралье) и три – 1919 г. (Омск)» [1, с. 59]. Та съемка, которую авторы ошибочно называют сделанной в Приуралье, на самом деле является уникальным источником о последней поездке Верховного Правителя на Тобольский фронт 7–16 октября 1919 г. по маршруту Омск–Тара–Усть-Ишим–Тобольск–прифронтовая полоса–Тобольск–Омск. Говорить об этом уверенно позволяет целый ряд фактов, выявленных при сопоставлении кинохроники, фотографий и синхронных источников об этой поездке.

Данная кинохроника из фондов РГАКФД известна уже давно (впервые использована в научно-популярном фильме «Дорогой мой Верховный Правитель», киностудия «Отечество», Москва, 1990 г.), нередко используется в документальных фильмах и программах и в настоящее время. Но серьезных попыток разобраться с тем, когда и где это снято, кто запечатлен на кадрах, не предпринималось. Достаточно сказать, что эти кадры, как правило,

ошибочно принимают за период весны-лета 1919 г. (что и подтверждает лишний раз устойчивая – и, к сожалению, неверная – атрибуция данной съемки как сделанной в Приуралье). Между тем, эта поездка на фронт была последней для адмирала. Как правило, исследователи заостряют внимание на первой поездке на фронт А.В. Колчака в роли Верховного Правителя, что вполне понятно, т.к. она была самой масштабной, насыщенной событиями и хорошо освещенной прессой [11–12]. О последней же поездке, как правило, упоминается только сквозь призму мемуаров Г.К. Гинса, который был ее участником, однако, рассказал о событиях весьма расплывчато, уделив основное место главы о поездке в своих мемуарах разговорам с адмиралом и своим мыслям об обстановке в Сибири в целом.

Подчеркнем, что это единственная известная съемка А.В. Колчака в прифронтовой полосе, в полевых условиях и вообще последняя хронологически съемка адмирала. Рамки данного материала, к сожалению, не позволяют подробно остановиться на этом интереснейшем эпизоде истории, который заслуживает отдельного исследования. Здесь же остановимся пунктирно только на том, что мы видим непосредственно на кадрах данной кинохроники. Съемка хронометражем чуть более полутора минут показывает события 11–12 октября 1919 г. в Тобольске и в прифронтовой полосе близ города. Кадры смонтированы хаотично, без хронологии (что характерно для киносъемок тех лет), но уместно попытаться реконструировать их в верный порядок на основе синхронных свидетельств. Благодаря репортажам сибирского журналиста Г.А. Вяткина (сотрудничал с газетами «Русская Армия», «Русь», «Заря», «Правительственный вестник» и др.), сопровождавшего Верховного Правителя в поездке мы можем уверенно идентифицировать эти уникальные кадры.

Хронологически первые кадры относятся к субботе, 11 октября 1919 г. Адмирал Колчак в сопровождении штабных офицеров выходит по сходням парохода «Товарпар», реквизированного военными специально для поездки (уникальный случай, т.к. до того все поездки А.В.Колчака на фронт были проделаны на поезде и автомобиле). Далее, мы видим адмирала в сопровождении офицеров и морского министра контр-адмирала М.И. Смирнова (1880–1940), инспектирующим суда Обь-Иртышской речной боевой флотилии. А.В. Колчак осматривает на барже (видимо, плавучей батарее) 120-мм японское корабельное орудие Майдзуру Тип 3, состоявшее на вооружении кораблей флотилии. Партию этих корабельных орудий закупили среди прочих артиллерийских систем в Японии еще в ходе Великой войны. Но прибыли они в Россию уже в бытность у власти Верховного Правителя, часть орудий направили на вооружение создававшейся Обь-Иртышской речной флотилии. Впоследствии захваченные РККА эти орудия использовались на береговых батареях Владивостока и Николаевске-на-Амуре. Данная кинохроника – единственное визуальное свидетельство того, что подобные орудия состояли на вооружении флотилии. Нередко этот эпизод – что в корне неверно – приписывают лету 1917 г., когда А.В. Колчак командовал Черноморским флотом. Далее адмирал снимает пробу с матросской пищи.

Следом Колчак обходит строй команды, здороваясь с каждым, на палубе предположительно парохода «Катунь» (он отождествим с известным на сегодня фото этого парохода осени 1919 г., на его палубе – штабные офицеры, адъютанты, что позволяет предположить, что кинохроника относится к тому же событию, что на фото). Но матросы на фото из поездки одеты в морскую форму образца 1919 г. (очевидно, это экипаж парохода «Товарпар», которому перед поездкой, 3 октября, выдали новое флотское обмундирование; матросам флотилии, которым отпустили аналогичную униформу, выдавать ее начали лишь в октябре, сомнительно, что она дошла к моменту приезда Колчака). На кадрах команда одета в британские фуражки, мундиры, бриджи, ботинки с обмотками, но с флотскими черными погонами. Аналогично одета обслуга морского орудия (матросы или морские стрелки), которое осматривает адмирал с сопровождающими. Возможно, что это моряки флотилии, одетые за неимением (нехваткой) флотской формы в сухопутное обмундирование, но с морскими погонами.

Г.А. Вяткин свидетельствует: «В ночь на 11 октября... пароход Верховного Правителя подходит к Тобольску... Верховный Правитель производит смотр судов боевой флотилии, при помощи которой Тобольск был освобожден от большевиков. Несколько храбрых матросов и офицеров получают георгиевские кресты» [13]. Затем кинокадры показывают нам представление А.В. Колчаку почетного караула (пешего с шашками наголо и конного с пиками) неизвестного кавалерийского полка, на пристани Тобольска (о чем говорят дощатый настил и пароход «Товарпар» на заднем плане), который Верховный Правитель обходит в сопровождении контр-адмирала Смирнова и личного адъютанта лейтенанта Д.С. Трубченинова (1890–1981). Г.А. Вяткин пишет: «...приняв почетный караул кавалерийского полка, Верховный Правитель идет осматривать Тобольск» [13]. Д.С. Трубченинов – кадровый офицер флота (окончил Морской корпус в 1912 г.), лейтенант Гвардейского экипажа, после ареста вместе с А.В. Колчаком в январе 1920 г. некоторое время находился в лагере, бежал в Европу, к 1948 г. жил в США [14, с. 487].

Кавалерийский полк в кадре – это Петропавловский уланский полк 1-й кавалерийской дивизии, единственный полк армейской кавалерии в составе Тобольской группы; принимал участие в боях под Тобольском [15, л. 20]. Наличие полка в хронике весьма примечательно, поскольку ни официальные документы, ни мемуарные источники не дают описание внешнего вида части. Почетный караул полка одет единообразно: в шинели с различимыми на них цветными петлицами и погонами и белые папахи.

На следующих кадрах мы видим А.В. Колчака среди штабных и местных офицеров, очевидно на пристани, за обсуждением неких вопросов. На заднем плане видна река, ограждение пристани и дощатый настил. У кавалерийского офицера в белой папаче, стоящего рядом с адмиралом различим цветной кант и двойной лампас на бриджах, традиционный для уланских полков старой армии и кавалерийские сапоги.

Следующая группа эпизодов из этой съемки, дошедших до нас относится к воскресенью, 12 октября 1919 г., когда Верховный Правитель оставил Тобольск и на пароходе отплыл по Тоболу в прифронтную полосу для ознакомления с обстановкой, положением частей и награждения отличившихся в боях. Г.А. Вяткин пишет: «В воскресенье 12-го октября, рано утром пароход отваливает от Тобольска... остановка у Мариинских Юрт... У пристани – пароход “Тобольск” со штабом №-ой Сибирской дивизии... Верховный Правитель всходит на высокий берег. Его сопровождают командующий Северной группой генерал Редько и полковник Борзиловский» [16]. Данный эпизод показывает строй солдат, одетых в полушубки с погонами и характерные шапки-колчаковки. По всей видимости, это один из полков 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии, которой с 3 сентября командовал упомянутый выше полковник (с 17 октября 1919 г. – генерал) А.В. Борзиловский (1876–1962). К сожалению, точный номер полка пока определить не удалось. А.В. Колчак делает смотр и здоровается лично с каждым из представленных ему помощником начальника дивизии штабс-капитаном К.Д. Атавиным (1894–после 1943), здесь же командир дивизии полковник А.В. Борзиловский. Затем адмирал награждает выстроенных стрелков георгиевскими крестами. За спиной Колчака адмирал Смирнов (он узнается по погону), штаб-офицер для поручений старший лейтенант Комелов, командующий Тобольской группой войск 1-й армии генерал-майор М.Е. Редько.

Г.А. Вяткин сообщает: «Адмирал обходит серые ряды, здоровается с ними и благодарит за боевую службу... Отличившиеся выстроены длинной шеренгой. Адмирал прикалывает им георгиевские кресты и поздравляет с наградой» [17]. В фондах ГИАОО есть два уникальных фото, относящихся к этому эпизоду. Они позволили уверенно определить нескольких персонажей из окружения адмирала в этой поездке на кинохронике.

Первое фото – пожалуй, самый известный снимок А.В. Колчака на фронте. Левую половину кадра занимает строй солдат в шинелях и шапках – колчаковках, который обходят (слева направо) адмирал Колчак, начальник 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии

полковник Бордзиловский (благодаря качеству снимка он хорошо идентифицируется на основе портретного сходства с сохранившимся более поздним фото начала 1920-х гг.) и помощник начальника 7-й Тобольской дивизии штабс-капитан К.Д. Атавин с шашкой наголо. Последний хорошо отождествим с единственным известным фото из архива БРЭМ. Атавина мы видим на кинохронике представляющим адмиралу отличившихся солдат; он же стоит рядом с Верховным Правителем при награждении. Впоследствии, он – последний командир Тобольской дивизии, полковник. Примечательно, что на данном фото в переднюю шеренгу подобраны солдаты, одетые очень единообразно и пристойно, даже их снаряжение – патронные сумки и патронташи – строго унифицированных образцов, тогда как на кинокадрах и прочих фото (менее художественных) этого события хорошо видно как разношерстно и бедно одеты и снаряжены бойцы.

Сразу за спиной адмирала виден лейтенант Трубченинов, а за спиной полковника Бордзиловского (можно рассмотреть даже характерные поднятые кверху кончики усов последнего) виден кусочек цветной инженерной фуражки и рука, отдающая честь в гимнастике – генерал Редько. Еще дальше на заднем плане черно-оранжевый флаг Верховного Главнокомандующего («Один из конвойцев несет флаг Главнокомандующего, похожий на знамя, и огненными змейками горят на солнце его оранжевые полосы... [17]»).

Второе фото менее известно. На нем запечатлен конный экипаж, в котором смеющийся (!) адмирал и другой улыбающийся офицер (иногда ошибочно принимаемый из-за внешнего сходства за атамана А.И. Дутова), а на козлах рядом с кучером, обернувшийся к пассажирам полковник Бордзиловский. На заднем плане конное сопровождение с винтовками в положении за спиной. Эпизод запечатлел участников перед, или сразу после награждения.

Анализ справочных и кинофотоматериалов позволяет предположить, что рядом с Колчаком командующий (с 15 сентября 1919 г.) Тобольской группой 1-й армии генерал Редько. Его довоенные или периода Гражданской войны фото на сегодняшний момент не известны, однако вполне логично, что Колчака сопровождают два старших в данном районе воинских начальника (их упоминает и Вяткин) – командующий всех войск в районе Тобольска и начальник дивизии, в штаб которой приехал адмирал. Внешность Бордзиловского известна (кроме того он, как офицер ниже генерала Редько по чину и должности, сидит не рядом с Колчаком, а на козлах). Еще одним косвенным подтверждением, что перед нами генерал Редько является то, что данный старший офицер носит форменную цветную фуражку (черный околыш, темно-зеленая тулья, три алых канта), полагавшуюся офицерам инженерных частей и артиллерии. Заметим, что генерал Редько окончил в 1901 г. Николаевскую инженерную академию. Будучи военным инженером, он занимал соответствующие армейские должности вплоть до лета 1919 г. Он же хорошо виден на кинохронике рядом с Колчаком и сопровождающими офицерами на пристани в Тобольске днем ранее, что позволяет предположить, что он встретился с адмиралом там же и уже оттуда прибыл вместе с ним на фронт (в Тобольске находился штаб Тобольской группы).

Следующий эпизод съемки опровергает утверждение омских исследователей, что известен лишь один эпизод кадров, запечатлевший Колчака в неформальной обстановке и улыбающимся (на уже упоминавшемся параде в Омске 14 апреля 1919 г.). На кадрах хроники с фронта Колчак принимает депутацию от местного мусульманского населения – «муллу в зеленом халате, старосту и понятого» с Мариинские Юрты, поднесших адмиралу хлеб-соль и пару гусей. Гуси гогочут и вырываются, адмирал улыбается – редчайший план – и благодарит. Этот эпизод счел примечательным отметить Г.К. Гинс: «Была трогательна картина, когда в одной деревне депутация татар поднесла Колчаку гусей – лучшее, что она могла дать» [16, с. 364]. Гусей у адмирала принимает также улыбающийся веселой сценке уже упоминавшийся выше штаб-офицер для поручений старший лейтенант Комелов. Последний будет арестован вместе с адмиралом в январе 1920 г.; после полугода заключения к лету 1921 г. был под надзором в Красноярске [5, с. 233]. Умер в лагере в 1942 г.

Последний эпизод съемки пока трудно идентифицировать. Показан, очевидно, Тобольск. Перед нами строй разновозрастных мужчин в гражданской одежде (возможно, мобилизованных). Идет молебен, священнослужитель – вероятно, это временно управляющий Тобольской епархией епископ Иринарх (Синеоков-Андриевский) (1871–1933), с которым А.В. Колчак встречался во время той поездки, кропит святой водой строй и мирян, затем поднимается по ступеням храма в окружении паствы. В 1931 г. архиепископа Иринарха арестовали по обвинению в членстве в контрреволюционной церковно-монархической повстанческой организации, будучи приговорен в 1932 г. к 5 годам лагерей, в 1933 г. он умер при невыясненных обстоятельствах.

Неясно как съемка, сделанная иностранным или русским оператором (в этой поездке адмирала сопровождали русские и зарубежные корреспонденты) попала в российский архив, но, вероятно, она просто стала трофеем РККА в Омске. Очевидно, что эта кинохроника была более масштабной, ведь в поездке было несколько встреч с депутациями населения сел и деревень; смотров частей на фронте, стрельбы боевой флотилии, поездка адмирала на катере непосредственно на линию фронта и т.д. Но пока известны лишь ее небольшие отрывки.

Вне всякого сомнения, в иностранных архивах содержится целый ряд фото – (возможно, и видеодокументов), пока не известных отечественным специалистам. Достаточно сказать, что Г.А. Вяткин упоминал, что в последней поездке А.В. Колчака сопровождал военный корреспондент американских газет Г. Гофман, который «все время усердно фотографирует – будто хочет всю Америку забросать своими снимками» [18].

Предпринимались попытки наладить и собственное производство кинохроники. Так, иркутская фирма А.Г. Солоновского организовала производство «кинематографических снимков злободневного характера (вроде «Патэ Журнал») под названием «Сибирская хроника». Во 2-м выпуске «Сибирской хроники» имеются снимки: атаман Семенов, есаул Красильников, штаб-квартира атамана Калмыкова, разрушенный красными мост через Онон, празднование прославления Св. Софония в Иркутске и т.д.» [19]. О ценности данных материалов говорить не приходится, но, если они и сохранились, то пока не найдены.

Результаты исследования. Подводя итог, необходимо отметить, что на сегодняшний момент известны следующие хроникальные киносъемки адмирала А.В. Колчака: Севастополь (1916), Екатеринбург (февраль 1919 г.), Омск (14, 19, 25 апреля), Тобольск и прифронтная полоса (11 и 12 октября 1919 г.). Как аллегорично подчеркивает петербургский историк Юлия Кантор, «историю невозможно переписать, её можно дописать» [20, с. 13]. Такой тезис справедлив и применительно к нашему исследованию. Ведь последующее изучение фотоматериалов и кинокадров, синхронных письменных источников позволит историкам подробнее проиллюстрировать как уже известные, так и малоизвестные события Гражданской войны на востоке России. Выражая благодарность омским историкам-архивистам Д.И. Петину и М.М. Стельмаку (ранее уже весомо отметившимся в изучении военно-политической и социально-экономической истории [21–25]), автор высказывает уверенность в новых интересных открытиях кино-фотодокументального наследия «Великой Смуты XX века».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петин Д.И., Стельмак М.М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 48–64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64.
2. Стельмак М.М., Петин Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374.
3. Чекалина Л.А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.

4. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири. Мат-лы Всеросс. заочн. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 161–173.
5. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. 560 с.
6. Праздник Симбирских улан // Русская Армия (Омск). 1919. 1 мая.
7. Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. М., 2000. 368 с.
8. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004. 624 с.
9. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. 240 с.
10. Жизнь для всех и смерть за всех: записки личного адъютанта Верховного Правителя Адмирала А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева // Окрест Колчака. Документы и материалы. М.: Аграф, 2007. 512 с.
11. Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8-26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4. С. 24–35.
12. Васильева А.М. Адмирал Колчак. Поездки на фронт // Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф. «XII Зырянские чтения». Курган, 2014. С. 93–97.
13. В освобожденном Тобольске // Русь (Омск). 1919. 22 октября.
14. Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. 568 с.
15. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5199.
16. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Пекин, Харбин, 1921. 618 с.
17. В районе боевых действий // Русь (Омск). 1919. 23 октября.
18. Омск–Тара–Усть–Ишим // Русь (Омск). 1919. 21 октября.
19. Сибирская хроника // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 18 сентября.
20. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15.
21. Ходяков М.В. Рецензия на сборник «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области» // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 312–315.
22. Коновалова Н.А., Стельмак М.М. Новое документальное издание Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 136–138.
23. Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 1. С. 57–64.
24. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «"Белые офицеры – красная власть": именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 44–55.
25. Блинова О.В. «Красные белоармейцы»: заметки о новом справочном издании омских архивистов // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России. Мат-лы всеросс. науч. конф. посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы России. Омск: ОмЮОА, 2019. С. 10–20.

М. А. КНЯЗЕВ

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

ВИДЕОЗАПИСЬ ВОСПОМИНАНИЙ Ф. Г. КОЛЕСНИКОВА КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГИБЕЛИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ НА УРАЛЕ В 1918 ГОДУ

Аннотация: В статье впервые подвергается научному анализу ценный источник по истории гибели царской семьи на Урале в 1918 г. – видеозапись воспоминаний чекиста Ф. Г. Колесникова, члена внешней охраны Дома особого назначения, где было совершено убийство Николая II и его семьи. Автор приходит к выводу, что Колесников – действительный участник указанных событий, а его отдельные наблюдения представляют значительный интерес для исследователей судьбы Романовых в контексте истории Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, царская семья, Я.М. Юровский, исторический источник.

Постановка проблемы. Политика революционных властей по отношению к членам низложенного Дома Романовых неоднократно становилась предметом исследования, как профессиональных историков, так и юристов, журналистов и публицистов [1–5]. Одной из ключевых проблем этой широкой темы является гибель Николая II и его семьи в Екатеринбурге в июле 1918 г. – в самый разгар Гражданской войны на Урале. Список дискуссионных вопросов этой темы весьма обширен и не нуждается в особом представлении: Москва или Урал несут ответственность за гибель Романовых? Кто входил в т. н. «расстрельную команду» Дома особого назначения (далее – ДОН, Дом Ипатьева)? и др. Ответам на эти вопросы посвящены десятки книг, сотни статей, тем не менее, в научном сообществе так и не были выработаны определенные ответы на означенные выше проблемы.

Корпус источников по данной теме уже относительно давно определился у исследователей: в первую очередь, это источники *письменного происхождения* (показания царевичей и свидетелей убийства [6–7], воспоминания [8]) и *вещественные источники* (бытовые предметы, одежда и иные предметы, причтенные к вещественным доказательствам преступления следователем Н.А. Соколовым [6, с. 397–414]). Относительно недавно в научный оборот были введены и *аудиальные источники* (звукозаписи воспоминаний царевичей Г.П. Никулина [9] и И.И. Родзинского [10], сделанные в Радиокomitee СССР в 1964 г.). Подробный источниковедческий анализ документов по теме был проведен в монографии Л.А. Лыковой [11].

Тем не менее, по данной теме есть уникальный в своем роде *кино(видео)документ*, до сих пор не привлекавший внимание исследователей. Интересно, что этот документ не хранился в архивах, не подлежал засекречиванию, а был опубликован в 1995 г. режиссером С.В. Мирошниченко в третьей серии документального 4-хсерийного фильма «Убийство Императора. Версии» [12]. Речь идет о видеозаписи рассказа чекиста Федора Григорьевича Колесникова, который в 1918 г. состоял во внешней охране Дома Ипатьева, в котором была заключена Царская Семья. Рассказ Ф.Г. Колесникова посвящен обстоятельствам гибели царской семьи. Съемка не датирована, но по косвенным данным можно установить, что запись была произведена в 1991–1992 гг.

Цель данной статьи – дать научный критический анализ видеозаписи рассказа Колесникова как исторического источника по гибели царской семьи на Урале в 1918 г.

Основная часть. Сведения о личности Федора Григорьевича Колесникова скупы. Известно лишь то, что он родился в 1894 г., окончил юнкерское военное училище, в 1917 г.

вступил в РСДРП, а в 1918 г. состоял во внешней охране Дома Ипатьева, где в то время был заключен бывший император и его семья.

В чем же конкретно заключалась роль Колесникова в охране? Колесников вспоминает: «Я отвечал за пулеметный обстрел у подхода к дому Ипатьева только...» (16.15 – 16.29 – здесь и далее указано время в минутах и секундах). Пулеметчики входили в состав внешней охраны дома Ипатьева, которую возглавлял начальник команды охраны наружного караула ДОНА А. А. Якимов, и были должны при необходимости предотвратить побег царской семьи или проникновение в дом иных (не согласованных с местной властью) лиц.

Как следует из воспоминаний А. А. Стрекотина [13, л. 3], входившего в группу пулеметчиков для охраны дома Ипатьева, было установлено 4 пулеметных поста: на вышке (чердаке) ДОНА (по направлению на Вознесенскую площадь), на верхней террасе дома (по направлению на Вознесенский переулок), на окне нижнего этажа (по направлению в сад) и на колокольне Вознесенской церкви (по направлению на площадь). Обратим внимание на то, что три пулемета находились непосредственно в доме, а один – на внешнем здании. Колесников говорит, что «в помещении я не видел его [царя – К. М.], в помещение я не заходил, потому что я был во внешней охране, числился, и нас не пускали внутрь дома...» (28.49 – 28.59) Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что Колесников занимал пулеметный пост на колокольне Вознесенской церкви (находившейся в 200–250 метрах от ДОНА).

Как показывал на следствии караульный наружной охраны М.И. Летемин, пулеметчик находился на посту по 4 часа с 12-часовым отдыхом между дежурствами [7, с. 108]. В инструкции, данной комендантом ДОНА Я.М. Юровским для несения караула, читаем: «Пулеметчики принимающие посты должны тщательно осмотреть пулемет и принять его в том случае если он в порядке, а также, чтобы все запасные части относящиеся к пулемету были на своих местах, количество гранат также осмотреть имеются ли при них капсулы и пр.» [14, л. 13].

Согласно списку красноармейцев, состоящих в резерве и находящихся при команде охраны ДОНА, пулеметчиков насчитывалось 6 человек (в поименном списке нет фамилии Колесникова) [14, л. 3]. А по состоянию на 12–13 июля 1918 г. (за несколько дней до убийства семьи) в команде насчитывалось 9 пулеметчиков, из них на постах в те дни было 8 [14, л. 2]. Можно предположить, что в списках не значатся пулеметчики (2–3 человека), занимавшие пост на колокольне Вознесенской церкви, в их числе и Колесников. Этим можно объяснить отсутствие фамилии Колесникова в документах Отряда особого назначения [14].

Колесников говорит, что за свою жизнь видел царя дважды: «Раз видел его... только что окончил юнкерское военное училище... вся семья была: он, жена и... А второй раз я его видел это уже при советской власти вот здесь в доме Ипатьева... Он гулял в саду...» (28.11 – 28.48). «А забор был решетчатый, ну и вообще щели были – это раз, а во-вторых, вообще наблюдали у него, кто желал – сами прорезали дырки... (смеется) Ну и вообще видел, как он гулял... и он, и сын... А сын... сыну было лет четырнадцать, а на вид лет восемь... Голова большая, а шея вот как два пальца, ноги кривые, на велосипеде ездил, как он называется, забыл как у него болезнь называется... Ну, конечно, когда был он в Орле, я его видел, ну там он... вид у него был такой солидного человека, ну не по росту, а по поведению значит, а тут вдруг такого забитого... так что о царе так сказать я много сказать не могу, потому что я близко к царской семье не обращался (смеется), а в дырки на царя... (смеется)» (29.00 – 30.52).

Сведения о жизни царской семьи в Екатеринбурге, предлагаемые Колесниковым, находят достаточно точные подтверждения в других источниках. Так, А.А. Стрекотин вспоминал: «Двор и дом, где помещались арестованные, был огорожен двойным плотным деревянным забором... Их выводили на прогулку в сад, два раза в день, утром в 10 часов и днем в 4 часа, каждый раз на 30 мин.» [13, л. 3]. Описание Алексея также сходно: «Алексей одет так же, как

и царь и тоже в чине полковника, брюнет с черными не веселыми глазами, худощавый вид болезненный. Тяжелая, не излечимая болезнь совершенно парализовала у царевича обе ноги, ..., поэтому то, на прогулку его всегда на руках выносил сам царь. Осторожно приподнимет его, прижмет к своей широкой груди, а тот крепко обхватит руками короткую толстую шею отца, опустив как плети тонкие слабые ноги. Так царь вынесет его из дома, усадит в специальную коляску, потом катает его по аллеям...» (орфография Стрекотина – К.М.) [13, л. 6]. Записи Стрекотина вносят некую ясность в обрывочные воспоминания Колесникова: физическая диспропорция бывшего цесаревича может быть объяснена как последствием тяжелого физического недуга (гемофилия), так и искаженным взглядом чекиста через щель в заборе. Вполне ясно, что под «велосипедом» подразумевается коляска, возможно, это просто оговорка или суждение по аналогии (наличие колес).

Из воспоминаний Колесникова: «председателем комиссии по ведению казни царя Николая II был Войков...» (16.38 – 16.46), «...что касается Юровского, Юровский входил в состав комиссии по приведению казни над нашим царем и его семьей, но в момент приведения этой казни он заболел...» (16.58 – 17.24). Беседующий режиссер спрашивает: «Скажите, я все-таки удивлен, как же так что его не было?» (17.28 – 17.30). Колесников отвечает: «Не было, юридически он прав... Он заболел, на самом деле...» (17.34 – 17.39). Режиссер: «Но он-то всегда говорил, что он был» (17.43 – 17.46). Колесников: «Ну, он числился, он числился, но фактически был... не было его... Он был болен...» (17.49 – 17.59).

Как известно, «комиссии по ведению казни» официально не существовало, однако обращает на себя внимание то, что Колесников назначает председателем условной «комиссии» комиссара снабжения Уральской области П. Л. Войкова, а членом этой комиссии – Я.М. Юровского. Действительно, роль Войкова в подготовке убийства царской семьи нельзя не была отнюдь второстепенной. Достоверно известно, что именно Войков был автором подложных писем «офицера» царской семье с целью вызвать их побег и тем самым «объяснить» их убийство [15, с. 134–135], а после убийства дал требование на выдачу серной кислоты для уничтожения трупов членов семьи [16, л. 1–3]. Также Войков как член Уральского областного совета проголосовал 16 июля за убийство Николая II и его семьи [17, с. 119].

Что касается утверждения Колесникова об отсутствии Юровского во время убийства в Ипатьевском доме, то подтвердить его не представляется возможным: большинство показаний и воспоминаний очевидцев, свидетелей, участников убийства царской семьи подтверждают нахождение Юровского в ДОНе. Тем не менее, еще в 1990-е гг. среди исследователей наблюдалось критическое отношение к «Записке» Юровского [18] (своеобразный «отчет» Юровского об убийстве): причем мнения колебались как от полного отрицания авторства Юровского [19, с. 32–33], так до признания лишь его частичного авторства (совместно с историком М.Н. Покровским) [20, с. 395]. Споры о «Записке» продолжаются и сегодня: исследователями не исключается и третий (помимо Юровского и Покровского) автор этой «Записки» [21, с. 104].

Часть воспоминаний Колесникова посвящена характеристике коменданта ДОНа Я. М. Юровского. «Он при отделе партии был, прекрасный осведомитель, умел так сказать скрыть себя, вызвать доверие даже у любого пристава, у любого крупного работника охраны царя и таким образом выявить нужные нам сведения. Но он был очень так сказать мягкотелым, для работы в ЧК он не годился, на работе в ЧК нужно было быть человеком твердым – раз, но и при этом любить человека и в это же время твердым быть человеком. А он мягким был по характеру, человеколюбивый... Он годился для работы директора дома инвалидов (*смеется*), ну директором школы или общежития женского, но только не чекистом. Чекист из него неважный...» (18.02 – 19.10)

Как следует из автобиографии Юровского, он вступил в РСДРП в августе 1905 г. [6, с. 417], при этом «работал по столько по сколько был использован организац. Профессionalом я не был, был рядовым чл. парт. в Екатеринб. До февраля с организ. связаться не уда-

лось» (орфография Юровского – К.М.) [6, с. 416]. С 1912 года Юровский был выслан в Екатеринбург, где и находился вплоть до Февральской революции. Видимо, именно в этот период Юровский выступал при отделе партии как осведомитель (следовательно, все-таки был связан с организацией) – об этом факте своей биографии Юровский никогда не упоминал.

Как характеризовали Юровского его современники? Его братья характеризовали его как «человека с характером»: «Характер у Янкеля вспыльчивый, настойчивый... Он любит угнетать людей», «Он по характеру деспот. Он страшно настойчивый человек. Его выражение всегда было: «Кто не с нами, тот против нас». Он эксплуататор» [22, с. 135]. Однако Колесников характеризует Юровского отнюдь не как деспота и эксплуататора, а как «мягкотелого», «человеколюбивого», негодного для работы в ЧК. Как же могут быть соотнесены эти характеристики?

Покидая Екатеринбург в июле 1918 г., Юровский написал письмо некоему доктору Архипову с просьбой позаботиться о матери Юровского: «...надеюсь не откажете моей старой маме в содействии в случае преследований ее только за то что она моя мать Вы конечно понимаете что о моем местопребывании она ничего знать не будет уж только по томучто и я этого не знаю, но и в том случае еслиб я это знал то разумеется этого ей не сказал бы просто для чистоты ея совести наслучай еслиб ее допрашивали...» (орфография Юровского – К.М.) [Цит. по: 23, с. 329]. В данном письме Юровский снова открывается с другой стороны – здесь он выступает не как бесчувственный чекист, а как любящий и заботящийся о своей матери сын.

Из воспоминаний Г. П. Никулина, заместителя Юровского в ДОНе, о подготовке к совершению преступления: «Мы с Юровским ждали какого-нибудь конца... И вот в одно прекрасное время... да, утром 16-го июля Юровский мне говорит: «Ну, **сын**ок, меня вызывают туда, в президиум Исполкома, к Белобородову, я поеду, ты тут оставайся» (выделение наше – К.М.) [24, л. 17]. Дальше Никулин вспоминал: «...наша дружба продолжалась с ним [Юровским – К.М.] до самой его смерти в Москве... к сожалению, по состоянию своего здоровья, он очень быстро, в раннем возрасте отошел, понимаете, от активной работы потому, что он был очень болен. У него была язва и сердце не в порядке... И когда Яков Михайлович умирал, как мне дети передавали, он им сказал, что вот Никулин будет ваш отец. Обращайтесь к нему...» [24, л. 42–43].

Итак, согласно рассказу Никулина, Юровский опять предстает не в качестве чекиста, лишенного всяких человеческих чувств, а как заботливый отец и друг-наставник. Такие противоречивые описания в источниках не могут не вызвать удивления: кто же из «двух Юровских» настоящий?

Можно предположить, что Юровский был двуличен, или был вынужден играть две роли: с одной стороны, внешне он позиционировал себя как человека жесткого и жестокого, внутренне же он обладал совсем другими, «человечными» свойствами, которые был вынужден подавлять в себе. Вот в каком смысле можно понимать слова Колесникова, что «он умел так сказать скрыть себя». Обращают на себя внимание слова Никулина о тяжелой болезни Юровского – здесь нельзя не видеть определенного созвучия со словами Колесникова, что в момент приведения казни Юровский заболел. Да и сам Юровский позднее признавался в том, что Голощекин советовал коменданту ДОНа не ехать хоронить трупы «щадя здоровье» Юровского [25, с. 111]. Учитывая же особый нервно-психический склад Юровского, можно предположить, что он действительно мог почувствовать недомогание в ночь с 16 на 17 июля в связи с ожиданием приближающегося убийства. Не от этого ли тяжелого ожидания, а затем и переживания совершенного преступления, уже к 1930-м гг. развившаяся (на нервной почве?) язва и болезнь сердца?

Весьма интересные сведения о Юровском предлагает М. Хейфец. Когда Юровский в 1919 г. вернулся в освобожденный от белых войск Екатеринбург, многие поразились происшедшей в нем переменой. Если в бытность коменданта ДОНа Юровский был «черноволо-

сым, франтоватым, щеголявшим большим апломбом», то через два года он стал «седовла-сым, нечесаным, морщинистым и выглядевшим много старше своего возраста чиновником, у коего при любом упоминании о его преступлении выражение ужаса появляется на лице, и он совершенно замолкает» [Цит. по: 23, с. 574].

Итак, рассказ Ф.Г. Колесникова приоткрывает для исследователей «тайну Юровско-го» – человека, вынужденного играть роль чекиста в условиях Гражданской войны, хотя сам внутренне он не был способен ее исполнять – и в этом трагедия человека Гражданской вой-ны. С одной стороны, мучившая за преступление совесть, с другой стороны, нежелание «упасть в грязь лицом», показать свою слабость (о чем свидетельствует бравадирующий тон его «Записки» [18], а также выступления на совещании старых большевиков по вопросу пре-бывания Романовых на Урале в 1934 г. [25]), эти неразрешимые внутренние противоречия, возможно, и стали причиной его преждевременной смерти в 1938 г. в возрасте 60 лет.

Результаты исследования. Таким образом, видеозапись воспоминаний Ф.Г. Колесни-кова – ценный и важный источник по изучению обстоятельств гибели царской семьи в кон-тексте истории Гражданской войны на востоке России. Колесников числился во внешней охране Дома Особого Назначения и занимал пулеметный пост на колокольне Вознесенской церкви (250 метров до дома Ипатьева). В свободное от работы время он наблюдал за царем через щели в заборе Дома Ипатьева, а его описания царя Николая II и царевича Алексея в целом совпадают с воспоминаниями других лиц. Спорными представляются сведения Ко-лесникова о том, что существовала комиссия по приведению казни, а также то, что ее воз-главлял П. Л. Войков, а членом ее был Я.М. Юровский. Противоречат другим воспоминани-ям/показаниям и слова о том, что комендант Дома Ипатьева заболел и не присутствовал во время убийства. Но особую ценность представляет характеристика Колесниковым Юровского – последний характеризуется как человек слабый, «мягкотелый», что на первый взгляд противоречит имеющимся источникам. Однако косвенные сведения подтверждают, что Юровский действительно играл (вынужден был играть) роль чекиста, хотя и пытался скрыть это.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М.: ТЕРРА, 1997. 400 с.
2. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 351 с.
3. Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения: историко-крити-ческие очерки. М.: Вече, 2005. 542 с.
4. Пагануци П.Н. Правда об убийстве Царской Семьи. М.: ТРХ, 1992. 222 с.
5. Радзинский Э.С. «Господи... спаси и усмири Россию»: Николай II: Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1993. 509 с.
6. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Выпуск VIII. Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 гг. М.: Студия «ТРИТЭ» «Российский архив», 1998. 464 с.
7. Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (ав-густ 1918 – февраль 1920) / сост. Н. Г. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987. 644 с.
8. Исповедь цареубийц. Убийство Царской Семьи в материалах предварительного след-ствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления / авт.-сост. Ю. А. Жук. М., 2008. 511 с.
9. РГАФД. Ф. 1. Ед. уч. 12126.
10. РГАФД. Ф. 1. Ед. уч. 12125.
11. Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Ис-ториографический и археографический очерк. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

12. Убийство Императора. Версии. Сер. 3. // Убийство Императора. Версии. Документальный фильм: В 4 сер. / Реж. С.В. Мирошниченко. Студия «Уралфильм» – Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, 1995.
13. ЦДООСО. Ф. 221 Оп. 2. Д. 849.
14. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 23.
15. Из расшифрованной беседы с И.И. Родзинским в Радиокomiteте о расстреле царской семьи // Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993. С. 134–138.
16. ГАРФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 50.
17. Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М. А. Медведева (Кудрина) // Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993. С. 119–131.
18. Записка Я.М. Юровского о расстреле царской семьи и сокрытии трупов // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. III. Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.) Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталеv, при участии М. Д. Стейнберга. М.: РОССПЭН, 2001. С. 236–239.
19. Буранов Ю.А. Краткий анализ источниковой базы по проблеме екатеринбургских останков // Правда о екатеринбургской трагедии: сборник статей под ред. Ю. А. Буранова. М., 1998. С. 31–34.
20. Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург: Свердловская региональная общественная организация «За духовность и нравственность», 2003. 527 с.
21. Петров В.В., Марусенко М. А. Об истинном авторе «Записки Юровского» // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 76-107. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.105.
22. Соколов Н. Убийство Царской Семьи / Н. Соколов. Берлин: Слово, 1925. 297 с.
23. Мультатули П.В. Николай II: Дорога на Голгофу: Свидетельствуя о Христе до смерти... М.: АСТ: Астрель, 2010. 637 с.
24. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 13.
25. Из рассказа Я.М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске // Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993. С. 108–116.

В. Г. КОКОУЛИН

Новосибирское высшее военное командное училище, Новосибирск, Россия,
Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия

**«ЗАБЫВАЯ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ»:
ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В НОВОСИБИРСКЕ
В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.**

Аннотация: В статье рассматривается один из примеров мифологизации истории Гражданской войны в Сибири. Формирование массового исторического сознания носит противоречивый характер, в нём уживаются рациональные знания, символы, мифы и т.п. В качестве объекта изучения взят фотоальбом «Новосибирск, 1891–1934», в котором представлены виды Новониколаевска 1894–1934 гг. Три фотографии, относящиеся к периоду «демократической контрреволюции» и «колчаковщины», носят нетипичный характер для изображения такого рода событий. Это позволяет раскрыть некоторые аспекты формирования представлений об истории Гражданской войны в Новосибирске в середине 1930-х гг.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Новониколаевск, Новосибирск, массовое историческое сознание, источниковедение, фотодокументы, мифологизация истории.

Постановка проблемы. Революции 1917 г. и Гражданская война сразу же после их окончания стали приобретать мифологическое измерение: победители героизировали события и участников, побеждённые искали «ошибки» руководителей. В 1930-е гг. к мифологизации добавилась политизация: в соответствии с партийными установками участники войны были разделены на две категории – герои и негодяи, причём список первых постоянно сокращался в связи с масштабными репрессиями по отношению ко вчерашним героям. В настоящее время в массовом сознании также устойчиво существуют мифы, связанные с событиями и героями тех далёких лет [1]. Разумеется, мифологизация имеет свои причины и закономерности функционирования в массовом общественном сознании, отражая реалии не того периода, который фиксируется мифом, а времени появления и существования самого мифа. Это предварительное замечание позволяет нам взглянуть на один интересный сюжет середины 1930-х гг., непосредственно связанный с событиями Гражданской войны в Новониколаевске.

Основная часть. В начале 1930-х гг. в СССР разворачивается подготовка к изданию «Истории Гражданской войны в СССР», первый том которой вышел в 1936 г. Текст «Истории» редактировал лично И.В. Сталин. На местах, ощущая «дух времени» живые участники событий, оказавшиеся на руководящих должностях, спешно редактировали свои мемуары. В фонде П–5 «Сибистпарт» сохранились многочисленные воспоминания участников Гражданской войны с характерными правками – вычёркивались целые абзацы, не соответствовавшие политической ситуации 1930-х гг. Подстраивались под политическую конъюнктуру и издававшиеся сборники документов и воспоминаний [2, с. 9–12].

В этих условиях в Новосибирске выпускается фотоальбом «Новосибирск, 1891–1934 гг.» с видами Новониколаевска–Новосибирска в указанный период. Три фотографии, относящиеся к периоду «демократической контрреволюции» и «колчаковщины» носят нетипичный характер для изображения такого рода событий. Выяснение причин появления такого рода фотографий позволяет сделать некоторые выводы относительно мифологизации истории Гражданской войны в Сибири, происходившей в середине 1930-х гг.

Существует несколько версий появления данного альбома, которые сводятся к тому, что он был выпущен для делегатов съезда. Разнятся только съезды. Иногда упоминается XVII съезд ВКП(б), на котором присутствовали делегаты от Западносибирской партийной организации, в том числе, и её руководитель Р.И. Эйхе. Но это самая маловероятная версия. Съезд проходил с 26 января по 10 февраля 1934 г., а в альбоме имеются фотографии с видами Новосибирска, сделанные летом 1934 г. Кроме того, делегатам скорее бы вручили альбомы с видами Западносибирского края, в который в 1934 г. входили современные Новосибирская, Кемеровская, Омская и Томская области и Алтайский край, а не Новосибирск, который, правда, был административным центром Западносибирского края, тем более с дореволюционными видами города. Упоминается также II Краевой съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Западной Сибири, открывшийся 1 января 1936 г. Однако в Краеведческом музее Новосибирской области сохранились 3 экземпляра альбома с подписью «Делегату II краевого съезда Советов РК и КД Западной Сибири» и коллажами видов Новосибирска 1930-х гг. Скорее всего, перед нами фотоальбом с фотографиями новосибирского фотохудожника Ивана Семёновича Моторина (1895–1967), которые были выпущены Западно-Сибирским краевым Советом отдела пролетарского туризма и экскурсий как раз в 1934 г.

Удивление вызывает первая дата – 1891 г. В принципе она имеет отношение к появлению Новониколаевска – Новосибирска. 29 марта 1891 г. император Александр III подписал рескрипт о начале строительства железной дороги «сплошной, через всю Сибирь». Но в Новосибирске в 1920–1930-е гг. годы всем было хорошо известно, что годом основания города считается 1893 г. Тем более, что в альбоме самая ранняя фотография «Крестьянско-рыбацкий посёлок в устье реки Каменки» датирована 1894 г. Для чего же понадобилась эта чехарда с датами? Тем более, что никакой политической или идеологической целесообразности от смещения года не было. В 1934 г. ни 1891 г., ни 1893 г. не подходили для «круглой» даты. Тем не менее, смысл в переносе даты всё же был. Составителю альбома было важно показать, что есть две «истории»: одна, которая распространена в устной традиции, – «неверная», и есть «подлинная» история, которую раскрывает данный фотоальбом. Возникает вопрос: имеется ли ещё что-то в фотоальбоме, что может подтвердить данную версию? Да, имеется. Это события Гражданской войны в Сибири. Разумеется, очевидцы и появления города, и Гражданской войны были ещё живы, и их было немало. Но если первая дата (1891 или 1893 гг. была «неразличима» для массовой памяти), то годы Гражданской войны помнились очень хорошо, поскольку привязывались к Октябрьской революции 1917 г. И вот чтобы показать, что всё было не так, как фиксировала память, и понадобилась эта передвижка дат.

Фотоальбом, на который обычно ссылается большинство исследователей, хорошо известен – он хранился в Новосибирской центральной городской библиотеке им. К. Маркса, его электронная копия размещена на сайте Новосибирской государственной областной научной библиотеки, а также на различных персональных страничках «Живого журнала». Существует и другой экземпляр этого альбома, несколько отличающийся от предыдущего. Он находится среди коллекций «Интегрального музея-квартиры» в Новосибирском Академгородке. По устному свидетельству владелицы коллекции Анастасии Безносовой-Близнюк он был куплен на распродаже у неизвестного лица. Отметим ещё одну особенность: альбомы сделаны вручную – на листы картона наклеены фотографии и к ним сделаны подписи обычными чернилами. Причём, судя по почерку, разной рукой в обоих альбомах. Имеются и несовпадения фотографий в альбомах. Интерес представляют не только сами фотографии и подписи к ним, но и многочисленные зачёркивания и правки в подписях, сделанных уже после того, как альбом был выпущен. Они ярко отражают те политические перемены, которые происходили в стране во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. К ним мы обратимся позднее. А пока посмотрим внимательно на те фотографии, которые имеют отношение к периоду Гражданской войны в Сибири.

Две фотографии в рубрике «Берега реки Оби» имеют даты 1918 г. и 1919 г. На первой из них изображён, скорее всего, весенний пейзаж, если судить по уровню воды в реке (летом река мелела). На заднем плане видны мирно работающие заводы, на пристани всё спокойно. В принципе, ничего необычного, если эта фотография сделана до 25 мая 1918 г., т.е. до выступления Чехословацкого корпуса и свержения в городе Советской власти. Вторая фотография с датой 1919 г. на первый взгляд тоже ничем не примечательна. Рыбаки ловят рыбу, ребяташки купаются, а гуси и утки с важным видом пьют воду. Явно летний пейзаж. Но лето 1919 г. – разгар Гражданской войны в Сибири, когда колчаковская армия после очередной попытки наступления на Восточном фронте начала стремительный бег с Урала в Сибирь. Конечно, фронт находился ещё очень далеко от Новониколаевска, и никаких военных действий, в том числе партизанских, вблизи города не велось. Тем не менее, продовольственные трудности, стремительно растущие цены, безудержная спекуляция и постоянные реквизиции продовольствия для снабжения белой армии привели к тому, что в городе продовольствия катастрофически не хватало и в этих условиях два десятка гусей, мирно устроившихся на берегу реки, были ситуацией просто невозможной. Значит, фотография была сделана или до революции, или в 1918 г., когда добыча продовольствия ещё не стала главной заботой горожан. В 1920-е гг. в качестве фотографий, иллюстрирующих период Гражданской войны, а особенно 1919 г., составители альбома поместили бы какие-то снимки, отражающие или героическую борьбу подпольщиков, или развал и разорение города при антисоветских властях и жертвы колчаковщины. Во второй половине 1930-х гг. появление подобных фотографий с указанием 1919 г. однозначно было бы воспринято как «антисоветская вылазка», и составитель альбома неминуемо был бы расстрелян. Это косвенно подтверждает год составления альбома – 1934 г. Что касается интерпретации появления данных фотографий, то можно предположить, что составителю альбома необходимо было заполнять года какими-то фотографиями, то есть годы, в том числе 1918 и 1919 гг. должны были быть, а вот никакой Гражданской войны в это время происходить не должно. Отсюда столь мирные пейзажи.

Подтверждает высказанную гипотезу следующая фотография – «Дом Красной Армии // стр-во 1918 – 19 году». Здесь уместно привести историю строительства этого дома. Первоначально это был Дом инвалидов и создавался он как памятник жертвам Первой мировой войны. Строительные работы начались весной 1916 г., к октябрю была закончена кирпичная кладка двух этажей. Потом строительство этого дома приостановилось, но не прекращалось. Достроен он был в конце 1923 г. после того, как из Омска в Новосибирск переместился штаб Западно-Сибирского военного округа. Полное завершение строительства произошло в 1925 г., причём первоначальный проект сооружения был существенно изменён. Дом Красной Армии, который решили создать в честь 10-летия создания РККА в 1928 г., был по сути пристройкой к Дому инвалидов. Он был открыт 23 февраля 1929 г. Но Домом Красной Армии вскоре стали называть всё здание – и бывший Дом инвалидов, и пристройку. Так что 1918 и 1919 гг. к строительству этого здания практически не имеют отношения. Но для того, кто будет листать фотоальбом, должно быть предельно ясно: никакой Гражданской войны в 1918–1919 гг. в городе не было, колчаковских властей тоже не было, а вместо этого Советская власть строила Дом Красной Армии. Ситуация, повторим ещё раз, невозможная ни в 1920-е гг., ни во второй половине 1930-х гг.

Альбом не был уничтожен владельцем в период большого террора, хотя многие надписи в нём приобрели ярко выраженный антисоветский характер. Так, несколько фотографий были помещены под рубрикой «Станция “Эйхе”». Это название станция носила до 1938 г., до того как 29 апреля 1938 г. руководитель западносибирской партийной организации Р.И. Эйхе был арестован и обвинён в создании «латышской фашистской организации». В 1938 г. за два года до вынесения Р.И. Эйхе смертного приговора, станция уже была переименована в «Инскую». Слово «Эйхе», написанное чёрными чернилами, было подчёркнуто волнистой линией с использованием фиолетовых чернил, в конце в кавычках написано слово

«Инская», а само слово «Эйхе» было заштриховано частой зигзагообразной линией тем же пером. Затем теми же чернилами, но более тонким пером был поставлен знак вопроса. Если бы знак вопроса был поставлен раньше, чем сделано исправление, то слово «Инская» не было бы написано поверх знака вопроса, а было бы отодвинуто чуть дальше вправо. Кто и когда сделал эти пометы, установить не представляется возможным. Мы можем лишь назвать самую раннюю дату их появления – 1938 г., когда станция стала именоваться «Инской». Интересно отметить, что в другой версии альбома эта страница отсутствует и никаких следов её первоначального существования в альбоме не прослеживается.

Результаты исследования. Таким образом, причины, источники и процессы мифологизации исторических событий носят комплексный и неоднозначный характер. Причина того, что в середине 1930-х гг. в Новосибирске предпочли не вспоминать о том, что в городе когда-то была Гражданская война, пока до конца не ясны – до официальной версии Российской истории, запечатлённой в «Кратком курсе», должно было пройти ещё несколько лет. Пока же допускались, хотя и ограниченно, определённые дискуссии в трактовке отдельных событий. Для выяснения этих причин необходимо более широкое привлечение источников, чем это было сделано в данном исследовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.
2. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и “военного коммунизма” (февраль 1917 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. 455 с.

В. Л. КОЖЕВИН

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

**К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА
БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И БОЛЬШЕВИКОВ НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКИХ ГАЗЕТ
(КОНЕЦ 1918 – 1919 ГГ.)**

Аннотация: В исследовании на основе материалов сибирских газет анализируются направления и способы саморепрезентации белогвардейского режима, существовавшего на востоке России в годы Гражданской войны, как отражение информационного противоборства. Автор выявляет и описывает набор черт и культурных маркеров в публикациях антибольшевистской прессы, которые характеризовали идентичность борцов за «белое» дело, находившихся в стане сторонников Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, саморепрезентация, ценности, газеты, государственная власть, Гражданская война, белое движение, идентичность, имагология, А.В. Колчак.

Информационное противоборство было неотъемлемой частью противостояния двух политических лагерей в Гражданской войне. Нам уже доводилось обращаться к этой теме, и настоящая работа является продолжением когда-то начатого разговора [1]. Сейчас хотелось бы подробнее остановиться на одном из сюжетов, который ярко отражал особенности ведения информационной войны со стороны белых в условиях правления адмирала А.В. Колчака на востоке России. Речь пойдет о саморепрезентации белого режима с помощью периодической печати. Внешне это выглядело как описание и пропаганда достоинств антибольшевистской власти, крайне негативные характеристики противника, иногда сочетание в газетных текстах и того и другого. Таким образом, решались задачи консолидации сторонников белого дела, расширения социальной базы режима на территории России и в некоторой степени – усиления поддержки со стороны его иностранных союзников.

Достижение этих целей осуществлялось, прежде всего, через посредство публикаций официальных печатных органов, как гражданских, так и военных. Главную роль здесь играл «Правительственный вестник», издававшийся в Омске. В этом издании оперативно публиковались законодательные акты, обращения правительства к населению, речи адмирала А.В. Колчака, биографические сведения о лидерах белой власти, сообщения о Советской России и иные материалы, помимо прочего призванные создать у читателей с одной стороны образ истинных патриотов и спасителей Отечества, с другой – образ узурпаторов власти, ниспровергателей моральных устоев, поработителей народа.

Одной из публикаций официоза, в наибольшей степени отвечавших потребностям режима в рассматриваемом контексте, стало «Правительственное сообщение», которое было обнародовано 21 февраля 1919 г. Формально это был отклик на слухи, появившиеся после предложения союзников провести мирную конференцию на Принцевых островах, посадив за стол переговоров представителей воюющих в России политических лагерей. Прорекламированный в документе отказ от идеи какого-либо соглашения или примирения с Советами давал лидерам белого режима хорошую возможность развернуть целую систему аргументов в пользу превосходства антибольшевистской власти. Текст сообщения начинается и заканчивается утверждением, о том, что существующее на востоке России правительство вдохновля-

ется перспективой создания «правового, демократического и национального государства», а Советская власть напрочь отрицает этот общественный идеал. В основной части документа выдвигался ряд тезисов о ценностях и характере политики правительства адмирала А.В. Колчака, которым по контрасту противопоставлялись действия Советской России.

В правительственном документе были сконструированы следующие оппозиции:

1. Равенство граждан перед законом – диктатура одного класса;
2. Всеобщее избирательное право – отсутствие этого права у определенных социальных групп, практика бесконтрольного обеспечения верховенства одной партии;
3. Признание универсальной ценности органов местного самоуправления – ликвидация городских дум и земства, замена этих органов бюрократическими по природе советами народного хозяйства;
4. Независимая судебная система, включающая суды присяжных и институт мировых судей, демократичные судебные уставы, законные наказания – подобранные большевиками суды, произвол в законодательстве, основанном на идее классовый борьбы, неограниченное право приговаривать людей к смерти.
5. Стремление возродить Россию – голод, террор и гражданская война как средства поддержания большевистской власти, истощающие государство и разрушающие национальную культуру.
6. Патриотизм, следование международным обязательствам России – отсутствие патриотизма, которое обеспечило Германии возможность победного марша по России, подписание унижительного мирного договора, допущение аннексий на окраинах государства.

Все эти основания, как говорилось в тексте, сделали невозможным заключение большевиками «искреннего и честного соглашения ни с великими демократиями Европы и Америки, ни с тем Российским Правительством, которое на прочных сибирских корнях выращивает сейчас Россию...» [2].

Несколько иной вариант саморепрезентации белого режима был представлен в «Правительственном вестнике» посредством передачи содержания речи Верховного правителя на объединенном торжественном заседании представителей городской думы, земства и других общественных учреждений в Екатеринбурге 23 февраля 1919 г. Накануне предстоявшего наступления белых армий адмирал А.В. Колчак посетил прифронтовые районы, где выступал перед военной и гражданской аудиторией. Его речь в Екатеринбурге можно охарактеризовать как одну из попыток сплотить различные политические силы и социальные группы в преддверии решающих сражений с РККА.

В выступлении адмирала инвективы в адрес большевиков почти отсутствуют. Более того, А.В. Колчак обрушивается с резкой критикой на прикрывавшийся лозунгом монархизма большевизм справа. Главной задачей Верховного правителя в тот момент было завоевание доверия населения путем своеобразного диалога, предполагающего возможность налаживания дружественных, искренних отношений с властью. Поэтому адмирал стремился обосновать правомерность действий своего правительства, обрисовав его работу с привлекательной стороны. Он хотел убедить аудиторию в желании радикально преобразовать будущую Россию после разгрома врага. Только необходимостью победы в гражданской войне объяснял А.В. Колчак потребность существования до поры «власти единоличной и военной». Вместе с тем адмирал подчеркивал, что «безвозвратно прошло то время, когда власть могла противопоставить себя общественности как силе ей чуждой и даже враждебной. Новая свободная Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности» [3].

Речь Верховного правителя не содержала и тени сомнений в ценности и целесообразности планируемых белой властью преобразований. В его выступлении задачи действующей власти, предстают как масштабный комплекс реформ, которые должны обеспечить достой-

ную жизнь граждан России. Адмирал заявлял: «Законность и порядок ... должны составить фундамент будущей великой, свободной демократической России. Не мыслю себе будущего ее строя иначе как демократическим, не может он быть иным и, теперь, быть может, только суровые военные задачи ... вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающим от тех начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности Правительство» [3]. Перечисляя мероприятия власти, А.В. Колчак называл осуществление всеобщего избирательного права в сфере местного самоуправления, развитие на демократических принципах социального законодательства, относившегося к рабочему и земельному вопросам, стремление в области аграрного законодательства добиться «укрепления и развития мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения и широких земельных реформ ... на основе права, государственной необходимости и социальной справедливости» [3].

В сфере международных отношений адмирал выделял как первостепенную задачу поддержание и укрепление дружественных отношений со странами-союзницами России по Первой мировой войне. Наконец, А.В. Колчак красноречиво обрисовывал «радужные» перспективы российской государственности, после достижения победы над врагом. Он говорил, что «считает народ русский единственным хозяином своей судьбы» и обещал обеспечить созыв Национального Учредительного Собрания, которому он и правительство, возглавляемое адмиралом, передадут всю полноту власти в стране [3].

Другой способ саморепрезентации белогвардейского режима заключался в возвеличении его вождя. Так, в омской газете «Родина», учрежденной буквально за месяц до падения столицы белой Сибири, адмирал А.В. Колчак именуется «наш испытанный кормчий», а политический курс Верховного правителя газета объявляла своей программой, поскольку, как подчеркивалось в редакционной статье, «короче, справедливее и демократичнее этого пути – другого нет» [4]. Фронтная газета «Вперед», восторженно откликнувшись на отказ А.В. Колчака от участия в конференции на Принцевых островах, сравнивала его с поступком с деяниями великих людей далекого и недавнего прошлого. «Слова этого ответа Верховного правителя, – говорилось в передовице упомянутого издания, – стоят на такой же высоте исторического понимания и великого предназначения России, на какой находились мысли и действия великих подвижников и патриотов земли Русской – Иоанна Калиты, Дмитрия Донского, Александра Невского, Гермогена, Петра Великого, Столыпина, Корнилова. Только один этот ответ уже дает славу Адмиралу А.В. Колчаку в благодарной памяти русского народа» [5].

Официальные и проправительственные органы печати одновременно уделяли первостепенное внимание и рядовым борцам за освобождение России от большевизма в лице солдат и офицеров белой армии. Эти люди героизировались, а их образы служили своеобразными символами идентичности участников белого движения. К примеру, в последние месяцы существования правительства адмирала А.В. Колчака особым пафосом отличались материалы о частях, находившихся под командованием генерала В.О. Каппеля. 12 октября 1919 г. вышла в свет однодневная газета Осведфронта «Каппелевцы», на страницах которой, в частности, были напечатаны такие строки: «Велика идея Учредительного собрания. Этим путем шли бессмертные каппелевцы, чтобы дать через него укрепить растерзанной Родине... И врагу смертному они отдают должное, – свойство только истинно храбрых и благородных» [6].

Анализ основных направлений и способов саморепрезентации военно-диктаторского режима адмирала А.В. Колчака на страницах сибирских газет в целом отражает специфику информационной войны, которую ожесточенно вели противники большевиков. В данном контексте деятельность печатных органов белогвардейцев, демонстрировавших в материалах

прессы приверженность как общедемократическим, так и национальным ценностям, стала одним из важных направлений формирования идентичности борцов за белое дело. Однако идеи закрепить эту идентичность в сознании широких слоев общества, несмотря на все старания ее носителей, в силу многих причин оказались утопией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожевин В.Л., Кребс Т.В. Об особенностях функционирования «белой» печати Западной Сибири как инструмента информационной войны (ноябрь 1918–1919 гг.) // Культурологические исследования в Сибири. 2010. № 1. С. 74–81.
2. Правительственный вестник (Омск). 1919. 21 февраля.
3. Правительственный вестник (Омск). 1919. 26 февраля.
4. Родина (Омск). 1919. 16 октября.
5. Вперед (Омск). 1919. 3 мая.
6. Каппелевцы. 1919. 12 октября.

М. В. КРОВОТА

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

АНАЛИЗ ДНЕВНИКОВ И.С. ИЛЬИНА КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу дневников полковника И.С. Ильина как ценного источника по истории гражданской войны и эмиграции, для чего была поставлена задача изучить историю создания дневников и продажи их в РЗИА. Для этого пришлось обратиться к биографии мемуариста, его переписке с РЗИА, из которой стали известны подробности литературной обработки дневников, их определенной заданности, а также тщательного конструирования мемуаристом своей биографии.

Ключевые слова: исторический источник, Гражданская война, дневники, эго-документы, Русский исторический заграничный архив в Праге, эмиграция.

Постановка проблемы. Среди исторических источников отдельную группу составляют эго-документы – автобиографии, мемуары, личные дневники, записные книжки, заметки и письма. Однако для любого историка именно дневники представляют особую ценность благодаря своей подлинности, «синхронности» – события в дневниках точно фиксируются, в связи с чем, дневники считаются более объективными источниками, чем, например, мемуары. К тому же дневники отражают не только внешние события, но и личное состояние автора, его переживания, отношения с другими людьми. По ним можно реконструировать не только историческую реальность, но и ментальный мир автора, они активно используются как в изучении биографий, так и целых обществ.

Однако при анализе любых источников, в том числе и дневников, всегда встает вопрос о достоверности информации. Как заметила исследователь И.Ф. Петровская, поскольку автор каждого документа – уникальная личность, особенное значение приобретают конкретные сведения о происхождении источника, выяснение обстоятельств, породивших его, в противном случае, «сумма фактов, не связанных с определенным временем, обусловит ложные выводы» [1, с. 46]. Петровская также подчеркивала ценность именно рукописного текста, который позволяет провести анализ бумаги, почерка, внешних особенностей источника.

Дневники полковника И.С. Ильина, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, охватывают значительный период – с 1914 по 1938 гг. [2]. В них нашли отражение события Первой мировой и гражданской войн, эмигрантская жизнь в Харбине, характеристики видных политических деятелей, разнообразные бытовые подробности. Часть дневников (1914–1920 гг.) была опубликована, первоначально в журнальном варианте, а затем вышла книга [3], которая привлекла к себе внимание историков, литературоведов, журналистов. Огромную роль в публикации этого документа сыграла внучка автора – Вероника Жобер, известный французский славист. Дневники активно используются современными историками Первой мировой и Гражданской войн [4–7], исследователями русской эмиграции в Китае [8–9], не только сообщая массу ценной информации, но и служа ориентиром для оценки отдельных исторических событий и явлений. Но некоторые несоответствия в тексте и особенности стиля заставили обратиться к выяснению обстоятельств создания этих дневников, поиску сведений о происхождении этого источника, чтобы выявить причины разночтений и умолчаний в тексте.

Основная часть. Обращение к анализу дневников полковника И.С. Ильина не случайно. Иосиф Сергеевич Ильин (1885–1981) – дворянин, окончивший Морской кадетский кор-

пус и Михайловское артиллерийское училище, был участником Первой мировой и Гражданской войн, с 1920 по 1956 гг. жил в эмиграции в Харбине. Ильин вел дневники, начиная с 1914 г., в течение всей своей жизни. Отдельные тетради он сумел продать Русскому заграничному историческому архиву в Праге, откуда после Второй мировой войны дневники Ильина вместе с другими архивными материалами попали в ГАРФ.

В рецензии на опубликованную книгу дневников И.С. Ильина [3] К.А. Пахалюк отметил: «К сожалению, мы не имеем возможности установить, подвергались ли записи предварительной переработке» [10, с. 294]. Однако такая возможность все-таки есть. Стоит заметить, что отдельные дневники И.С. Ильина, в том числе и опубликованные за 1914–1920 гг. [2, д. 16], и неопубликованные за 1920–1926 гг. [2, д. 8], 1926–1929 гг. [2, д. 9], 1929–1937 гг. [2, д. 10], представляют собой копии машинописных страниц с большим количеством опечаток, здесь есть неточности в датах и некоторые несообразности. Закономерно возникла потребность провести источниковедческий анализ документа. Для этого необходимо было обратиться к переписке И.С. Ильина с РЗИА за 1930–1939 гг., которая хранится в Славянской библиотеке в Праге [11].

Русский заграничный исторический архив был основан в Праге в 1923 г. С 1928 г. архив при поддержке МИД Чехословацкой республики проводил большую работу по сбору, хранению и систематизации материалов, газет, журналов, воззваний, плакатов, фотографий, карикатур, относящихся к истории русского общественно-политического движения, периода Революции, Гражданской войны и эмиграции. После Второй мировой войны РЗИА был передан в 1945 г. в дар Академии наук СССР, часть материалов была передана на хранение в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ) [12].

Первое письмо в архив Ильин написал 11 апреля 1930 г., где описал свой путь в эмиграцию: «Я полковник старой русской армии и после Германской войны во время большевистского переворота жил с семьей у себя в имении Симбирской губернии Сызранского уезда, где мы, после отобрания у нас земли и имущества, начали, было, сами работать. Чешское движение, начавшееся в Пензе, подняло и наш край, и когда началось восстание в Сызрани, мы тронулись на возах туда, где я, как старший артиллерист, был назначен начальником обороны генерал-лейтенантом Зубовым инспектором артиллерийской обороны. Затем снова поход, Самара, я формирую дивизион, после чего попадаю в распоряжение “военного министра” Комуча – Галкина – моего товарища по бригаде, принимаю участие в делах штаба полковника Чечека, командуюсь осенью в Челябинск на предварительное совещание, а затем через полтора месяца на государственное совещание в Уфу, где, как известно, образовывается директория. Зная французский язык, я на совещаниях нахожусь при французском консуле Комо. По образованию директории, генерал Розанов, начальник штаба главкомверха генерала Болдырева, предложил мне быть при нем в качестве штаб-офицера для поручений и командует меня наблюдать за эвакуацией Самары. Города Поволжья падают. В Омске я, распоряжением генерала Розанова, прикомандировываюсь для связи к английской миссии генерала Нокса, а затем в распоряжение приехавшего адмирала Колчака. Здесь я принимаю участие в заседаниях кадетского комитета (Жардецкий, В.Н. Пепеляев, самарец Кудрявцев и т.д.) и затем в перевороте – адмирал Колчак стал диктатором. Затем я попадаю в Семиречье, снова в Омск, в Екатеринбург – откуда эвакуируюсь в Омск, наконец, назначаюсь начальником добровольческих формирований дружин святого креста» [11, л. 1 – 1об].

В этом письме Ильин предложил продать свои дневники: «По счастливой случайности, у меня сохранились за двадцать пять лет все мои дневники, которые я привык вести день за днем, и в которых события записаны в некоторых случаях стенографически. <...> Моим всегдашним желанием было *обработать весь этот материал и придать ему литературную форму* (курсив мой – М.К.). Теперь этот труд мною закончен. Я хочу вам на условиях, которые вы мне сообщите, предложить издать эти мои “Воспоминания”, причем, если вы найдете, что весь труд был бы слишком велик, или в данное время не представлял бы интереса,

может быть, вы согласились бы взять из него наиболее интересные для вас периоды – какие, я надеюсь, вы мне укажете. В общем плане могу Вам сказать, что “Воспоминания” разделяются на следующие периоды: детство, юность, мое образование, служба офицером, Великая Война, Революция, жизнь в деревне, начало белого движения, Сызрань, Самара, политика Комуча, народная армия, Челябинск, Уфа, Омск, переворот, Семиречье, Екатеринбург, армия Гайды и т.д. Затем поход, Харбин, жизнь в Китае, служба у японцев, эмиграция на Дальнем Востоке». В конце письма он приписал: «Часть моей работы до войны написана в виде “Воспоминаний”, война же, революция и затем все до настоящего времени, *для большей точности, оставлено в виде дневника*» [11, л. 2]. Оговорки Ильина свидетельствуют, что дневниковые записи были обработаны, что-то, по-видимому, было опущено и изменено, а дневник был выбран удобной формой для мемуаров.

Архив заинтересовался его дневниками за 1914–1920 гг., но отказался издавать их. Ильин, в свою очередь, не спешил их посылать. В письме от 3 апреля 1931 г. он заметил: «Вы должны понять меня и мое чувство – *видеть их* (дневники – М.К.) *напечатанными при жизни*» [11, л. 5]. Все-таки он послал в РЗИА в мае – августе 1931 г. три части своих дневников за 1914–1920 гг., которые составляли более 1000 машинописных листов. В сопроводительном письме от 15 июля 1931 г. Ильин просил снисхождения за плохую корректуру и большое количество ошибок и опечаток и раскрывал технологию составления текста: «Масса тетрадей, записных книжек, писем того времени, все это надо было систематизировать. <...> Написав страницу, вдруг открывал, что в записной книжке этого же числа есть еще запись, которая не попала в тетрадь, и вот ножницы, вырезается место и вклеивается пропущенное. И таких мест много, потому что, например, виденное и слышанное в Киеве на партийном заседании, я заносил в записную книжку, а не тетрадь дневника, приказания Колчака и поручения тоже в книжку, и так образовалась масса ошибок» [11, л. 12].

На заседании ученой комиссии РЗИА 30 сентября 1931 г. был рассмотрен отзыв А.А. Кизеветтера о дневнике И.С. Ильина (более 46 печатных листов), и было решено приобрести третью часть дневника размером около 18 печатных листов за 200 чешских крон за печатный лист, остальное оставить на хранение [13, л. 3]. Ильин в ответном письме от 16 октября 1931 г. сообщил: «В ближайшее время я вышлю вам *некоторые исправления*, относящиеся к моей работе. Эти исправления я прошу внести теперь же, дабы в архиве хранилась совершенно законченная работа». Здесь же Ильин предложил архиву еще один свой труд – «11 лет в эмиграции», «*также дневник, почти день за днем*» с 1920 по 1931 гг. [11, л. 15].

Эти материалы (дневники за 10 лет период эмиграции 1920–1930 гг.) он отправил в РЗИА летом 1932 г. В письме от 28 июля 1932 г. он указал: «Посылаемые мною дневники в *копиях* – подлинников прислать не могу, и вот почему: до сего времени продолжаю вести дневник и записывать события. Старые записи, заметки, прежние тетради служат мне до сего дня, иной раз, справочником, с которым трудно расстаться» [11, л. 33]. Управляющий архивом В.Г. Архангельский в письме 23 декабря 1932 г. напомнил Ильину, что «копии для архива интереса не представляют, ... значение имеют документы и рукописи в подлиннике» [11, л. 35]. Это было важное замечание, так как архив позиционировал себя как собрание «нефальсифицированных документов» в отличие от большевиков, «фальсифицирующих историю современности» [12, с. 109]. На заседании ученого совета РЗИА 15 сентября 1933 г. после отзыва В.Н. Челищева о дневниках Ильина было решено приобретение дневника с 1929 по 1933 гг. отклонить [13, л. 15].

Однако Ильин продолжал волноваться за судьбу своих дневников. В письме в РЗИА от 1 июня 1934 г. он предложил заново «хорошо и аккуратно» переписать свои дневники за период 1914–1920 гг., 1920–1929 гг., переданные архиву в копиях: «Дело в том, что в тот период я не имел машинки, торопился, переписывал на разных, так как еще не знал, какая участь ждет мои дневники. <...> Я очень заинтересован, чтобы именно в Архиве хранились

и мои тетради, и копии в отлично-аккуратном виде, ибо после себя не хочется оставлять ничего незаконченного и не особенно хорошо выполненного» [11, л. 43].

В.Г. Архангельский в письме от 20 июля 1934 г. настойчиво просил прислать подлинники дневников, на что Ильин ответил в письме от 27 сентября 1934 г.: «Вышлю, как только окончу их переписку». Здесь же он опять просил выслать экземпляры его дневников для уничтожения («выполнены не совсем хорошо») [11, л. 45]. В 1937 г. он отправил в РЗИА некоторые подлинники дневников (несколько тетрадей) на оценку отдельными пакетами через чехословацкое консульство в Харбине, заметив в письме 10 октября 1937 г.: «многое заносилось на листки, в маленькие записные книжки, откуда я потом переписывал, а сами записи уничтожал» [11, л. 67]. Здесь же он обещал прислать в архив подлинники дневников 1914–1920 и 1920–1929 гг., купленные архивом, но так и не отправил их. В 1938 г. архив решил купить последнюю партию дневников объемом 27 печатных листов с оценкой их в 1800 чешских крон [11, л. 71]. Таким образом, Ильин за свои дневники получил от архива три суммы – 3950, 2000, 1800 крон.

Подлинники дневников за периоды 1914–1920 гг. и 1920–1929 гг. Ильин в РЗИА так и не представил. Судьба их неясна. В письме из Швейцарии в Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками 8 марта 1960 г. Ильин сообщил, что «все свои дневники, записки, воспоминания» передал в Генеральное консульство СССР в Харбине [14, л. 6]. В воспоминаниях, написанных в Швейцарии, он утверждал, что отдельные дневники и записи он сжег перед отъездом из Харбина в 1956 г. [15, с. 63]. Можно предположить, что подлинники дневников 1914–1937 гг. остались у Ильина, так как после выезда из Харбина в 1956 г. в Швейцарию он написал несколько статей для «Нового журнала», «Русской жизни» и других эмигрантских изданий, опираясь исключительно на свои дневниковые записи. Интересно, что после публикации одной из статей Ильина в нью-йоркском «Новом журнале» в 1959 г. [16], Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс отозвалась на нее возмущенной статьей в следующем номере журнала: «Автор произвольно перетасовывает события, настроения, взаимоотношения разных лиц и не считается с хронологией»; «от мемуаров требуется не выдумка, а точность» [17, с. 298]. На это Ильин ответил ей в том же номере «Нового журнала»: «Вот уже 50 лет я веду дневник, куда день за днем заносил свои записи. Оригинал этого дневника (1914–1938) был приобретен “Русским заграничным архивом” в Праге. Но у меня некоторые записи остались» [17, с. 300]. Несомненно, Ильин прекрасно понимал значение своего дневника как важного исторического источника, который должен был послужить основой для его будущих работ. На основе дневников Ильин позже написал воспоминания, которые хранятся в Музее русской культуры г. Сан-Франциско – они частично опубликованы в журнале «Русская Атлантида», значительно отличаются от машинописной копии его дневников за этот период и содержат массу фактических ошибок [15].

История продажи дневников полковника И.С. Ильина в фонды РЗИА свидетельствует о литературной обработке текста и ставит под сомнение их подлинность. Возникает ощущение, что некоторые сюжеты написаны явно под впечатлением от уже изданных в эмиграции работ Г.К. Гинса, Вс.Н. Иванова, Н.В. Устрялова, П.Н. Милюкова и других опубликованных воспоминаний в харбинской прессе. Не зная оригиналов, можно допустить определенную заданность текста. Сведения о расчете Ильина на публикацию дневников, подготовке их к печати, редактировании текста позволяют сделать предположение, что он мог расставлять нужные акценты с позиции знания того, как развивались события позже. Обращает на себя внимание и то, что в его дневниках часто встречаются записи, похожие на наброски статей и даже озаглавленные, возможно, сказалась журналистская привычка. Сам себя он считал, в первую очередь, журналистом. В письме С.К. Маковскому из Швейцарии в конце 1950-х гг. он подчеркнул, говоря о себе: «С 1917 г. начал посылать корреспонденцию в Киев Шульгину в “Киевскую мысль”, “Киевлянин” (псевдоним И.И.), писал статьи в 1918 г. “Волжский

день” (Самара), различных Омских газетах в 1918 – 1919 гг., с 1920 г. – писал активно в “Русском голосе” (Харбин) и других газетах (“Свет”)) [18, л. 1].

С этой точки зрения дневники Ильина можно рассматривать не только как источник информации, но и как текст – самопрезентацию. Мемуарист мог выстраивать сюжеты, многое, по-видимому, опуская, с явной оглядкой на читателя, тщательно формируя свою биографию. Возможно, будучи самолюбивым и амбициозным человеком, он считал себя недооцененным и стремился повысить значение своей жизни. Дневники открывают внутренний мир автора, разные стороны его личности, часто не самые привлекательные. Это был желчный, язвительный человек, о котором его теща О.А. Воейкова-Толстая заметила в письмах к дочери: «Вокруг себя он делает пустыню»; «много спеси, неоправданные претензии на сомнительное превосходство» [19, с. 431, 473].

Однако из текста дневников Ильина нельзя не заметить, что его эгоцентризм и самолюбование сочетаются с трезвыми и глубокими замечаниями и оценками. Он несомненно обладал острым историческим чувством и литературным талантом. К.А. Пахалюк в своей рецензии заметил, что Ильин – скорее наблюдатель, а не участник событий [10, с. 296]. На страницах дневника много точных и ценных замечаний, характеристик, размышлений о русском человеке и истории России. Ильин сам отметил в письме в РЗИА от 15 июля 1931 г., что «моя единственная цель, которую я себе поставил, прежде всего, была быть искренним в полной мере, и в этом отношении считаю, что цели достигнул, т.к. все, что изложено на протяжении 1000 страниц – как было пережито и пережито, так и записано» [11, л. 12об.].

Дневники Ильина показывают эволюцию его взглядов, пересмотр оценок революции и гражданской войны. Так, в 1920-е гг. он резко осуждал «перелетов» – представителей «белого» лагеря, принявших советское гражданство, сотрудничавших с советской властью, однако сам пережил такую же трансформацию. 31 августа 1920 г. он записал в дневнике о Н.В. Устрялове – «надо быть большим подлецом, чтобы так менять свои взгляды, убеждения» [2, д. 8, л. 58]. Но уже в 1945 г. в записке для Генерального консульства СССР в Харбине он говорит об Устрялове, как об «очень талантливом человеке», который «раньше других почувствовал и понял, где истина» [20, с. 803]. В дневниках разных лет можно также проследить идейное перерождение Ильина, его разочарование в либерализме и восхищение «великодержавной» политикой СССР в конце 1930-х гг., понять причины его сотрудничества с советскими спецслужбами и «восстановление» советского гражданства после Второй мировой войны.

Результаты исследования. Дневники как вид эго-документов остаются ценнейшими источниками по изучению эпохи. Однако они могут считаться таковыми только после тщательного источниковедческого и текстологического анализа, выяснения обстоятельств создания и назначения документа, учета случайных и намеренных искажений в тексте, потенциальной аудитории, к которой обращается автор. Переписка Ильина с РЗИА показала, что его дневники были подвергнуты беллетризации в расчете на их издание, так что этот источник нельзя считать «синхронным документом», «непосредственным» свидетельством, и к сведениям, содержащимся в этом документе, надо относиться с большой осторожностью. При сопоставлении дневников Ильина с другими источниками, в том числе с его более поздними работами, обнаруживаются подробности создания текста, причины разночтений и умолчаний. Необходимо также учитывать особенности личности Ильина и его идейных метаний при его оценке исторических событий и персонажей на страницах дневника.

Но дневники И.С. Ильина не утратили своей ценности, и субъективность такого рода документов также важна для исследователей. В записях Ильина ощущается подлинность переживаний бывшего офицера, типичного русского интеллигента, героя своего времени. Из содержания дневников возникает образ автора, становится понятна эволюция его взглядов и трансформация его личности. Таким образом, дневники Ильина имеют типические моменты, имеющие большое значение для анализа процессов, происходивших в среде русского офицерства в период гражданской войны и эмиграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб: Издательский дом «Петрополис», 2010. 382 с.
2. ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 1–16.
3. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подгот. текста, вступ. ст. В.П. Жобер. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.
4. Ганин А.В. Семь «почему» российской гражданской войны. М.: Пятый Рим, 2018. 864 с.
5. Смолин А.В. Взлет и падение адмирала А.В. Колчака. СПб.: Наука, 2018. 239 с.
6. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389–405.
7. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 168–182.
8. Кротова М.В. Осмысление революции 1917 г. в среде русской эмиграции в Китае // Россия и современный мир. 2018. № 3 (100). С. 52–65.
9. Смирнов С.В. Образ «другого» в сознании русского эмигранта в Маньчжурии (1920–1930-е гг.) // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 67–74.
10. Пахалюк К.А. «...И мы, дворяне и правящий класс, жестоко поплатимся за свою мягкотелость»: Первая мировая и Гражданская войны в дневниках И.С. Ильина // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 294–302.
11. Национальная библиотека Чешской республики. Славянская библиотека (T-RZIA). 06-704.
12. Родионова Н.А. Русский заграничный исторический архив в Праге: история становления и деятельности // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 4. С. 108–119.
13. T-RZIA. 2-5-83.
14. ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 2. Д. 538.
15. Русская эмиграция в Маньчжурии с 1920 по 1956 гг. по воспоминаниям И.С. Ильина // Русская Атлантида (Челябинск). 2017. № 66. С. 48–63.
16. Ильин И.С. Революция. (Памяти старого революционера А.В. Тыркова) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1959. № 56. С. 207–221.
17. Тыркова-Вильямс А. Письмо в редакцию // Новый журнал. 1959. № 57. С. 298–299.
18. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 250.
19. Русская семья “dans la tourmente dèchaînée...”: Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1927–1930 гг. / Публ. и коммент. В. Жобер. СПб.: Нестор-История, 2009. 526 с.
20. Ильин И.С. История русской эмиграции в Маньчжурии // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. М., 2015. С. 797–842.

Е. В. ЛЕШУКОВА

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

**«СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ» ПО-СОВЕТСКИ
(НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИЙ АКТИВНЫХ БОРЦОВ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ
В ИШИМСКОМ УЕЗДЕ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация: Человеческое измерение истории служит источником более глубокого постижения смысла исторического события. В рамках настоящей статьи представлены результаты исследования, полученные методом сравнительно-исторического анализа биографий наиболее известных в южных районах современной Тюменской области борцов за установление советской власти в 1918–1921 гг. Имена некоторых из них носят улицы города Ишим, районного центра посёлка Голышманово и ряда других населённых пунктов юга Тюменской области. Источниками исследования являются имеющиеся в исторической литературе жизнеописания первых деятелей советской власти Ишимского уезда, а также биографические сведения о них, запечатлённые в источниках личного происхождения (воспоминаниях, письмах), отложившихся в архивах Тюмени и Ишима.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, Тюменская область, Ишим, военная антропология.

Постановка проблемы. Пожалуй, единственным бесспорным достоинством каждой войны является её окончание: смена ужасов кровопролития с его многочисленными жертвами мирным временем. В многолетней братоубийственной Гражданской войне между сторонниками и противниками советской власти такой момент в государственном масштабе наступил 25 октября 1922 г., когда части Народно-революционной армии ДВР под командованием И.П. Уборевича без боя вошли во Владивосток – последняя крупная военная операция РККА была успешно завершена. Жизнь для тех, кому посчастливилось выжить, продолжилась. По всей стране начался переход на «рельсы мирного строительства» так, как его видели победители, возносившие, по мысли поэта Максимилиана Волошина на плакатах «свой бред о буржуазном зле, о светлых пролетариатах, мещанском рае на земле». В отечественной историографии о преодолении тяжёлого кризисного состояния начала 1920-х гг., когда в той или иной мере всё было разрушено и разорено, социально-политических, экономических и культурных аспектах дальнейшего социалистического строительства написано немало работ. Не меньший интерес для понимания исторической истины представляют дальнейшие судьбы тех, кто пережил «ад» Гражданской войны в борьбе за «светлое будущее». Как складывалась их жизнь после её завершения? Чего они добились и достигли в постреволюционные десятилетия и смогли ли побывать в обещанном земном «краю»?

Предлагаем поразмышлять над этими и связанными с ними вопросами на примере жизнеописаний первых деятелей советской власти Ишимского уезда: Ф.Е. Винокурова (первого председателя Голышмановского волисполком, с лета 1920г. – председателя райкома РКП(б)) [1, л. 30-31], Т.Д. Корушина (члена Ишимского уисполкома, первого комиссара Отдела народного образования в Ишимском уезде) [2, л. 5], Г.Г. Пищика (первого председателя Усть-Ламенского волисполкома, в 1921г. командира Голышмановского отряда ЧОН) [3, с. 40], А.Н. Пономарёва (первого председателя Ишимского уездкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) [4, с. 36], М.В. Хорохорина (помощника уездного военкома и председателя Гарнизонного полевого суда) [5, л. 27], Д.В. Шаронова (командира пер-

вого Красногвардейского отряда в г. Ишиме и начальника Ишимского штаба РККА в 1918 г.) [6, л. 31].

Основная часть. Прежде всего, в биографиях рассматриваемых личностей выделяется несколько общих аспектов, связанных с их дореволюционным прошлым. Все они ровесники, люди – одного поколения, родившиеся в 1887–1897 гг., и за исключением Г.Г. Пищика и М.В. Хорохорина, уроженцы близко расположенных волостей Ишимского уезда: Малышенской (современный Голышмановский район) и Уктузской (современный Бердюжский район), и самого города Ишим. Герасим Пищик обрёл свою новую родину – Усть-Ламенскую волость Ишимского уезда (современный Голышмановский район) шестилетним ребёнком в результате переселения сюда со своими родителями. Михаил Хорохорин также «неместный»: он родом из села Калаис Кирсановского уезда Тамбовской губернии. В Ишим М.В. Хорохорин был «командирован штабом Приуральяского военного округа для формирования уездного военного комиссариата» в составе группы из 10 человек под командованием члена РКП(б) с 1917 г. И.С. Сошенкова, в прошлом рабочего-каменщика, назначенного «после разгрома белогвардейских армий Колчака» военным комиссаром Ишимского уезда [5, л. 27]. Большинство из героев настоящего исследования – крестьянские дети, Даниил Шаронов – сын ишимского мастерового, отец Михаила Хорохорина – железнодорожный рабочий. Некоторые ещё в детстве потеряли одного из родителей: Герасим Пищик в 3-х летнем возрасте остался без матери, умершей от тифа, детство Алексея Пономарёва и Михаила Хорохорина прошло без отцов. Герасим Пищик и Алексей Пономарёв к 20-ти годам создали свои семьи. Женой Герасима Пищика стала дочь сельского священника Марина Степановна, в 1916 г. у них родился сын Георгий. Во время срочной службы А.Н. Пономарёва его жена Анастасия Дорофеевна «жила служанкой в г. Омске у господ, выполняя все домашние черновые работы и услужала лично господам вплоть до того, что одевала обувь на хозяина» [7, л. 3].

Несмотря на суровость бытия детства и юности, будущие борцы за советскую власть в Ишимском уезде смогли получить образование. Так Алексей Пономарёв «школу Дранковскую 3-х годичную приходскую окончил с похвальным листом и медалью, священник неоднократно вызывал мать, советуя Алёше учиться дальше, но мать ждала помощника в хозяйстве и не подумала о его образовании» [7, л. 3]. Тимофей Корушин в 1908 г. закончил Окуневскую сельскую школу, «после чего горел порывами учиться, но в силу бедности и нежелания отца процесс образования был нарушен» [2, л. 2]. Даниил Шаронов в 1906 г. окончил 4-х классное городское училище, а затем в 1917 г., будучи мобилизованным – Казанское военное училище и был «произведён в первый офицерский чин прапорщика» [6, л. 7]. Герасим Пищик, Тимофей Корушин и Михаил Хорохорин также после призыва в армию закончили учебные команды и стали унтер-офицерами.

Военная служба в годы Первой мировой войны является ещё одним общим существенным обстоятельством в судьбе каждого из рассматриваемых лиц. Путешествие в воинских эшелонах через всю страну на фронт, многомесячная жизнь в окопах, участие в боевых действиях, полученные ранения, смерть товарищей, общение с такими же крестьянскими парнями, одетыми в солдатские шинели из других российских губерний, несомненно, влияли на мировоззрение и мышление солдат-сибиряков, возвратившихся в родные края в ноябре 1917 – январе 1918 гг. При этом никто из них не был дезертиром. Вернувшись в Ишимский уезд в самый горячий момент установления советской власти, вчерашние фронтовики Ф.Е. Винокуров, Т.Д. Корушин, Г.Г. Пищик, А.Н. Пономарёв, Д.В. Шаронов занимают руководящее положение в новом органе власти – уездном Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и становятся вершителями судеб своих земляков. Примечательно, что попав в стремительный водоворот революционных событий, свои должности они получили выборным путём, что свидетельствует о доверии сибирских крестьян фронтовикам.

Советская власть в Ишимском уезде была установлена 15 февраля 1918 г. и продержалась до 10 июня 1918 г. В этот день одной из первых жертв разгоравшейся на сибирских просторах Гражданской войны стал Алексей Николаевич Пономарёв. Сохранившиеся в нескольких воспоминаниях сведения о его гибели неоднозначны и заслуживают отдельного разговора. Однако, несмотря на имеющиеся противоречия, ясно одно: гибель первого председателя Ишимского уездкома в неравном бою была героической, а его смерть стала настоящей трагедией для семьи – жены, матери и двух братьев. «Мать кричала: «Он жив, он жив!» Когда жена и брат его вернулись из Ишима и рассказали, что видели его мертвым исколотым штыками, целовали кровь на полушубке в котором он погиб, рвали волосы» [7, л. 34об.]. Через 5 лет после гибели А.Н. Пономарёва его жена Анастасия Дорофеевна повторно вышла замуж, сменила фамилию и навсегда уехала из родных мест в город Красноуральск. Сведений о её жизни в 1920–1940-е гг. известно очень немного: при новой власти она «до 1952 года жила в няньках и помогала дочери». Её единственная дочь, окончив ремесленное училище, вышла замуж за шофёра, и Анастасия Дорофеевна стала нянчить теперь уже своих внуков. Так тихо и незаметно для общества прошла жизнь жены первого председателя Ишимского уездкома. Когда же она состарилась, во второй половине 1950-х гг. выяснилось, что пенсии она «во все годы не получала и не обращалась за помощью пока могла работать» [7, л. 12], вещей, которые можно продать у неё тоже нет. Отсутствие пенсии у бывшей жены героя Гражданской войны возмутило директора Ишимского госархива М.А. Бровко, которая стала писать в различные советские инстанции вплоть до Министерства соцобеспечения СССР, добиваясь социальной справедливости для бывшей жены А.Н. Пономарёва «не за её какие-то заслуги, а за её погибшего мужа», который «теперь, несомненно, получал бы за свои заслуги перед советской властью персональную пенсию», а Анастасия Дорофеевна «в день гибели тов. Пономарёва А.Н. была его официальной женой» [7, л. 24]. Однако подобные аргументы в те годы советскими государственными структурами уже не рассматривались и всё, чего спустя 10 лет переписки удалось Бровко М.А. – это 30 руб. единовременного пособия, выплаченного Ишимским горисполкомом 78-летней жене А.Н. Пономарёва в 1968 г.

В борьбе за советскую власть в Ишимском уезде соратникам А.Н. Пономарёва повезло больше – они остались живы. С большим трудом удалось спасти жизнь Фёдору Елисеевичу Винокурову. Обстоятельства своего спасения в остатке соломенной скирды он описывал в воспоминаниях второй половины 1950-х гг.: «как только закончилось прощупывание соломы, затихли разговоры и шаги людей (...) все мои мысли вертелись вокруг того, как выбраться из-под соломы незамеченным, чтобы не попасть в руки карателей» [1, л. 37]. Убежав из родной волости, где его все знали и где он «оказался почти в безвыходном положении, рискуя каждый момент попасть в руки контрреволюционеров», он до возвращения в Западную Сибирь Красной Армии трудился батраком на «Акимовских хуторах» у деревни Плетнёво, где жили одни переселенцы из центральной России, «преданные советской власти» [1, л. 30]. Сразу после восстановления советской власти в Гольшмановской волости Фёдор Винокуров избирается председателем волисполкома, одновременно работая и волостным военкомом, затем во главе добровольческого отряда Ишимского уезда РКП(б) уезжает на Польский фронт, с которого командирован на курсы комсостава в Смоленск и вместе с другими курсантами в марте 1921 г. участвует в ликвидации Кронштадского мятежа. В дальнейшем, проучившись один год на экономическом отделении Высшей военно-педагогической школы в Москве и один курс в Урало-Сибирском коммунистическом университете Свердловска, Ф.Е. Винокуров на протяжении 30 лет занимал более десятка различных должностей. Его деятельность, отраженная в «Личном листе по учёту кадров», включает работу преподавателем обществоведения в школе имени III Коминтерна во Владивостоке, руководящие должности на Сучанских рудниках, службу в органах ОГПУ–НКВД до выхода на пенсию

в июне 1940 г. «по выслуге лет» [1, л. 31–32]. С начала Великой Отечественной войны Ф.Е. Винокуров занимал различные хозяйственные должности: директора совхозов плодово-ягодных питомников Минсельхоза РСФСР, начальника ОРСов гражданской авиации в Тюмени и Свердловске, директора совхоза и председателя торговой артели Областного коопинсоюза в Смоленской области. Такой деятельной и, скорее всего, материально обеспеченной жизни Ф.Е. Винокурова можно было бы только позавидовать или взять примером. Однако трагические обстоятельства его семейной жизни делают судьбу первого председателя Голышмановского волисполкома скорее объектом сострадания, нежели зависти: его единственный сын Владимир погиб в 1944 г. в боях за Севастополь, а жена была инвалидом и страдала психическим расстройством [1, л. 33].

Во многом похожим был жизненный путь земляка Ф.Е. Винокурова – первого председателя Усть-Ламенского волисполкома Герасима Григорьевича Пищика. Гражданская война для Герасима Пищика закончилась в конце лета 1921 года, когда в окрестностях деревни Малый Кусеряк (современный Аромашевский район) на острове Притынный был ликвидирован повстанческий отряд крестьян, выступивших против советской власти под командованием Петра Шевченко. «Первым ворвался на остров комвзвода Пищик. Бандиты на повозках и под ними были все без исключения зарублены, никому не было пощады» [9, с. 118]. Чувства председателя волисполкома Герасима Пищика, возглавившего местный отряд ЧОН, были обострены потерей жены, расстрелянной повстанцами. Оставшись вдовцом с 5-летним сыном, он повторно женился и переехал с семьёй в Ишим. С декабря 1922 г. он начал трудовую деятельность в Ишимском потребсоюзе, сначала завхозом, а затем заместителем председателя правления. В 1930-е гг. семья Пищика навсегда покинула родные края, переселившись в Свердловск, где глава семьи, по-видимому, продолжил трудиться в торговой сфере и даже преуспел: в родные места в 1950-е гг. доходили слухи, он стал директором одного из крупных свердловских магазинов. Уже в пожилом возрасте, тяжело переживая гибель единственного сына в Великой Отечественной войне, Г.Г. Пищик усыновил трёх мальчиков. Однако вырастить их не успел [3, с. 43].

Насыщенной событиями, но не долгой была постреволюционная жизнь «зав. УОНО и зав. печатью» Ишимского уисполкома Тимофея Даниловича Корушина. Накануне падения советской власти в Ишиме он «был избран членом военного штаба», поэтому «вследствие внезапного отступления красных отрядов, будучи в уезде по делам штаба остался и был захвачен» [2, л. 2]. Почти полтора года после падения советской власти Т.Д. Корушин провёл в сибирских тюрьмах, но остался жив. С января 1920 г. по июнь 1923 года он служил в РККА, «где занимал следующие должности: 1. Инструктор-организатор Политотдела дивизии. 2 Лектор и зав. полковыми политкурсами. 3. Начальник по подготовке политсостава дивизии. 4. Лектор дивпартшколы» [2, л. 2]. После демобилизации из рядов РККА до начала 1930-х гг. Тимофей Корушин работает в Окружном партийном комитете заведующим отделом агитации и пропаганды. Под его председательством в Ишимском округе организуется общество «Долой неграмотность», ведётся активная антирелигиозная работа. Он организует диспуты «с попами» в селах Ильинке и Казанке на тему «Есть ли бог» [2, л. 11], выступает с докладами на педагогических конференциях и партийных собраниях. В 1924–1928 гг. Ишимская газета «Серп и молот» публикует статьи Т.Д. Корушина: «Наши жертвы», «Октябрь в Ишиме», «Фронт просвещения», «Литкружок и его задачи», «Задачи партийных ячеек», а в 1927 г. выходит первая в своём роде брошюра «Десять лет Советской власти в Ишимском округе (1917–1918 год)». В 1928 г. Тимофей Корушин в качестве уполномоченного Окрисполкома выезжает в Голышмановский и Петуховский районы «для руководства работой проводимых компаний: хлебозаготовок, сбора задолженности по крестьянским платежам, самообложения населения, распространения займа «укрупнения крестьянского хозяйства» и весенней посевной компании» [2, л. 12–13]. Кипучая деятельность «пропагандист до

мозга костей» Т.Д. Корушина внезапно закончилась в начале 1930-х гг. после его переезда в Свердловск. Справка партархива Института истории партии при Свердловском обкоме КПСС гласит: «По имеющимся в партархиве документам установлено, что Корушин Тимофей Данилович. Рождения 1895 года, работал с 25 декабря 1931 г. по май 1933 г. заведующим зерновым сектором, а затем инструктором Уральского областного комитета ВКП(б). В мае 1933 г. Корушин Т.Д. умер» [2, л. 3]. В одном из воспоминаний указано о его болезни туберкулёзом [2, л. 9].

Не менее ярко, но более драматично после Гражданской войны складывалась жизнь Данила Васильевича Шаронова. Прежде чем возглавить в 1918 г. Ишимский красногвардейских отряд, Даниил Шаронов был «разжалован из старших унтер-офицеров в рядовые за пропуск в схеме расположения неприятельских окопов по приказу командира корпуса в 1916 году» [6, л. 7], что, однако, не стало препятствием для его блестящей военной карьеры в РККА. Согласно «Послужному списку командира 16-й бригады 6-й стрелковой дивизии Д.В. Шаронова», после отступления в июне 1918 г. из Ишима за Урал он в течение 10-ти лет до 1929 г. последовательно занимал ряд командных должностей в РККА, был награждён золотыми часами и благодарностью. При этом в августе 1927 г. «за отрыв от партийной работы и половую распущенность» 40-летний Д.В. Шаронов получил партийное взыскание в форме строго выговора. С начала 1930-х гг. распоряжением Уралобкома бывший красный командир был направлен на хозяйственную работу на юг современной Тюменской области, где с 1931 г. был управляющим одним из отделений Карасульского совхоза. «Работая в совхозе, он не расставался летом с шинелкой, полевой сумкой и постоянным спутником наганом. Зимой – желтый полушубок как их называли комиссарский» [6, л. 10об.]. После разделения совхоза в 1932–1933 гг. Д.В. Шаронов «как один из передовых управляющих был рекомендован совхозной парторганизацией директором совхоза им. 17-й партконференции». Однако в 1934 г. он уже был начальником Стройконторы Ишимского мясомолочного треста и руководил строительством совхозных пекарен. Производственная деятельность Д.В. Шаронова закончилась в 1937 г. арестом органами НКВД и смертью в Омске 24 июля 1941 г. «от порока сердца» [6, л. 18].

На первый взгляд, счастливее всех героев настоящей статьи выглядит постреволюционная биография Михаила Васильевича Хорохорина. Он единственный из рассматриваемых личностей получил высшее образование, в 1925 г. закончив правовое отделение Саратовского университета, а в 1935 г. – Институт красной профессуры [5, л. 16]. Как и Т.Д. Корушин в начале 1920-х гг. успешно занимался публицистической деятельностью: в 1922–1923 гг. в Тюменской газете «Трудовой набат» печатались статьи Михаила Хорохорина «Карымкарский бой», «Между Уралом и Тундрой», «Ошварские события», «Комунары Севера», позже отдельным тиражом вышла публикация «Борьба за Советскую власть на Крайнем севере». Начав службу в РККА писарем, к моменту демобилизации в 1927 г. М.В. Хорохорин уже был военным прокурором дивизии. Затем более 30 лет успешно занимался научно-педагогической деятельностью: «преподавал разные юридические науки: учение о государстве и праве, гражданское и хозяйственное право, трудовое право, земельное и колхозное право, Советское строительство. В вузах занимал учёные должности доцента и профессора. В должности доцента состоял в Московском государственном университете по кафедре Гражданского права (1945–1953 гг.). В должности профессора состоял в Свердловском юридическом институте, Московском юридическом институте, Всесоюзном институте юридических наук, Всесоюзном заочном юридическом институте (1935–1946 гг.). (...) Одновременно с педагогической работой в вузах в течение 14 лет выполнял руководящую административно-учебную работу в качестве: директора Свердловского юридического института, директора Всесоюзного юридического заочного института, зам. начальника Управления учебными заведениями Наркомюста СССР, заместителя начальника отдела Экономических и юридиче-

ских вузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР» [5, л. 16]. Итогом такой блестящей трудовой деятельности и партийной карьеры стал статус «персонального пенсионера Союзного значения» и соответствующее пенсионное обеспечение. Однако 23 мая 1964 г. 70-летний М.В. Хорохорин был исключён из КПСС и секретариат XXIII съезда КПСС 2 апреля 1966 г., рассмотрев его апелляцию, «не нашёл оснований для восстановления» [5, л. 58]. Падение с партийного олимпа – таков жизненный финал одного из участников борьбы за установление советской власти в южных и северных районах Тюменской области, многократно избиравшегося «делегатом уездных, окружных, губернских, краевых партийных конференций и соответствующих съездов Советов (Ишим, Сургут, Тюмень, Саратов, Ростов-на-Дону)», в 1941–1951 гг. состоявшего «членом партбюро НКЮ СССР, секретарём парторганизации Всероссийского заочного Юридического института» [5, л. 16].

Результаты исследования. На протяжении десятилетий, прошедших после окончания Гражданской войны 1917–1922 гг., биографический метод её изучения неоднократно находил своё практическое воплощение в конкретных исторических работах о жизни участников тех событий. Присутствие человека в конкретных исторических событиях служит источником формирования личностного восприятия прошлого, поэтому позволяет глубже понять и осмыслить суть произошедшего.

Предметом настоящего исследования послужили биографии активных борцов за установление советской власти на территории Ишимского уезда Тюменской губернии в 1918–1921 гг.: Ф.Е. Винокурова, Т.Д. Корушина, Г.Г. Пищика, А.Н. Пономарёва (и его жены А.Д. Черновой), М.В. Хорохорина, Д.В. Шаронова. В ходе сравнительного анализа их жизнеописаний и сохранившихся в архивах биографических сведений установлено, что дореволюционная жизнь рассматриваемых лиц начиналась почти одинаково – с ранней трудовой деятельности в крестьянском хозяйстве, иногда в кустарной ремесленной мастерской. Общими социальными лифтами для всех без исключения стали образование, военная служба и фронты Первой мировой войны. Жизнь большинства из них после перипетий Гражданской войны, действительно, складывалась подобно строчкам из популярной в 1920–1930-е гг. советской песни «Наш паровоз вперёд летит». Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что все их карьерные достижения в постреволюционные десятилетия были связаны исключительно с установлением советской власти, за которую они боролись. Большую роль при этом сыграли их личные качества. Успехи же в продвижении по советской карьерной лестнице для многих обернулись либо жёстким падением (Д.В. Шаронов, М.В. Хорохорин), либо годами одинокой старости (Ф.Е. Винокуров, Г.Г. Пищик). Пенсионного возраста достигли четверо из семи рассматриваемых личностей, а до 50-летия революции дожили только А.Д. Чернова и М.В. Хорохорин. При этом, вдова первого председателя Ишимского уездкома А.Н. Пономарёва пенсию от советского государства не получала совсем, т.к. не имела трудовой книжки. М.В. Хорохорин, хотя и получал персональную пенсию, был исключён из партии. Таким образом, предпринятый в рамках настоящего исследования сравнительный анализ биографий активных участников Гражданской войны на юге Тюменской области убеждает, что, по сути, судьба каждого из них – это человеческая драма. Скорее всего, уходя из жизни, никто из них не мог с уверенностью сказать, что он достиг того «светлого будущего», за которое сражался в Гражданскую войну.

В заключение отметим, что существенной проблемой изучения биографий участников Гражданской войны на уровне отдельной местности является скудность и неполнота источниковой базы, поэтому во всех представленных биографиях остаётся много «белых» пятен. Тем не менее, результаты предпринятого исследования ещё раз убеждают в бесперспективности силового пути разрешения внутривластных противоречий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 12.
2. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов МКУ «УП и ЗР» г. Ишим Ф. 703. Оп. 1. Д. 35.
3. Скареднова Н.Н. Штрихи к биографии командира Гольшмановского отряда ЧОН Пищика Г.Г. // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: мат-лы междунар. конф. Ишим, 2001. С. 40–43.
4. Ишимские коммунисты в годы гражданской войны (К 40-летию освобождения Ишима от колчаковцев) / Сост. Бровка М.А. Тюмень: Тюм. книж. изд-во, 1960.
5. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов МКУ «УК и ЗР» г. Ишим. Ф. 703. Оп. 1. Д. 110.
6. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов МКУ «УК и ЗР» г. Ишим. Ф. 703. Оп. 1. Д. 111.
7. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов МКУ «УК и ЗР» г. Ишим. Ф. 703. Оп. 1. Д. 64.
9. Проскурякова Н.Л. Судьба командиров повстанческого отряда на севере Ишимского уезда // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: мат-лы междунар. конф. Ишим, 2001. С. 116–120.

М. А. МАЛЕНЬКИХ

Иркутский технологический колледж, Иркутск, Россия

КРЕСТЬЯНСТВО ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА (1917–1918)

Аннотация: В статье рассматриваются изменения, происходившие в крестьянском хозяйстве Иркутской губернии в период после Октябрьского переворота. В первую очередь, эти изменения отразились на земельных отношениях, происходило перераспределение земельного фонда губернии. Во вторую очередь, изменения произошли в административном управлении, земства заменялись советами, происходило дробление волостей. Но наиболее существенным фактором, повлиявшим на крестьянскую позицию, стали правительственные реквизиции хлеба и фуража. Что привело к падению власти большевиков в Иркутской губернии летом 1918 г.

Ключевые слова: революция, советская власть, крестьянство, землевладение, Иркутская губерния.

Постановка проблемы. После Октябрьского переворота в аграрной политике большевики перешли к радикальным мерам. Главной мерой стал Декрет о земле [1, с. 17]. Исходя из текста Декрета, решение земельного вопроса в Сибири предполагалось произвести по двум направлениям: 1. Путем ликвидации казенного, кабинетского землевладения и передачи земли крестьянам; 2. Путем передела земли внутри сельских общин с целью уравнительного землепользования. Главные положения Декрета о земле были реализованы в утвержденном 27 января 1918 г. «Основном законе о социализации земли».

Основная часть. Вместе с государственным переворотом усилилась административная анархия. Большинство уездных и губернских комитетов отказалось принимать власть большевиков. Так Усть-Удинский районный земельный комитет постановил: «всеми мерами и средствами протестовать и бороться против ленинского «закона» о земле и ни в коем случае не допускать применения его на местах» [2, с. 3]. Но в действительности, как отмечает В.М. Рынков, губернские органы мало влияли на уездные, а уездные – на волостные [3, с. 50–52]. Волостные комитеты считали себя вправе поступать самостоятельно.

Земельные комитеты собирались произвести перераспределение земель на основании положений разработанных еще осенью 1917 г. В основу был положен простой заявительный принцип нуждающихся в земельных или лесных угодьях. Крупные частные владения, монастырские, школьные, причтовые предлагалось разделить на две категории. В первую попадали земли имевшие ценность для народного хозяйства. Их надеялись сохранить и перевести под контроль земельных комитетов. Во второй оказывались все остальные земли, которые подлежали переделу. На практике же выяснилось, что большинство частных хозяйств уже было разделено.

Актуальнее была судьба казенных земельных участков. Уездные и волостные земельные комитеты повсеместно принимали решения, что эти земли переходят в их распоряжение. Фонд земель, сформированный таким образом, расходовался в первую очередь для дополнительного наделения землей старожилов. Вопрос о водворении переселенцев стало решать само сельское общество, чаще всего не в пользу переселенцев [3, с. 50–52]. В Черемховском уезде сельские общества отказались принимать уже зачисленных переселенцев [4, л. 80–80об.]. По оценкам исследователей размер земель, дополнительно полученных крестьянами, колебался в районе от 2 до 9 %. В первую очередь эти прирезки получила беднота [5, с. 31].

Переход власти к советам сказался на реализации этих мероприятий. Уже в начале ноября 1917 г. СНК постановил передать все частновладельческие земли в распоряжение местных земельных комитетов. А в начале декабря СНК утвердил «Положение о земельных комитетах», согласно которому в уездные комитеты вводилось 10, а в губернские – 18, представителей от Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это положение усиливало просоветское влияние и позволяло постепенно проводить советизацию земельных комитетов.

С начала 1918 г. началось наступление на зажиточные слои крестьянства. В этот период сибирские Советы стали разрабатывать директивные документы, на основании которых и предпринимались попытки сокращения кулацкого землепользования. Этому так же способствовал «Основной Закон о социализации земли» [1, с. 406–420]. При этом важно заметить что ни Советы, ни исполнительные и земельные комитеты, а община являлась реальным регулятором земельных отношений. Именно сельский сход в 1917–1918 гг. принимал решение о наделении землей безземельных крестьян [3, с. 54]. На практике вышестоящие инстанции часто выступали ограничителями самовольных земельных захватов. Так 1-й съезд крестьянских депутатов Иркутской волости в начале февраля 1918 г. постановил: «никакие самочинные захваты отдельными личностями или группами, как лесных угодий, так и проч., не должны иметь места; всякие отдельные захваты будут преследоваться вплоть до ареста. Если где либо производятся такие захваты, предлагается сейчас же прекратить... Раздел земли, лесов и других земельных угодий будет произведен через ваши (крестьянские) особые выборные комиссии, совместно с представителями земельного комитета» [6, с. 3].

Государственный переворот отразился и на земстве, которое восприняло его отрицательно. В обращении гласных с. Мальта в начале декабря 1917 г. говорилось: «мы... постановили протестовать против захвата власти самозванцами – большевиками и всемерно поддерживать крестьянские союзы, дабы ускорить созыв Учредительного Собрания» [7, с. 3]. Новая власть в свою очередь не считала земцев и представителей от крестьянских советов, избранных до переворота, законными выразителями интересов крестьян. На заседании Нижнеудинского совета рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1917 г. было постановлено: «депутатов от Нижнеудинского крестьянского Совета не считать правомочными представителями передового крестьянства ввиду того, что переизбрания Совета не было, а земство не является основной организацией» [8, с. 105]. Не считаясь с мнением крестьянства, проводилась советизация деревни. Волостные и сельские советы создавались обычно на крестьянских сходах и съездах. Как правило, Советская власть быстрее устанавливалась в тех селах, где победившие в городах большевики могли сильнее оказать свое влияние на село. Однако большевиков в Сибирской деревне в конце 1917 – начале 1918 гг. было еще немного, и это сдерживало размах советского строительства.

Куда большего размаха советизация Сибирской деревни достигла после роспуска Учредительного собрания. В Иркутской же губернии советизация деревни достигла своего пика только на рубеже марта – апреля 1918 г. Так 23 марта крестьяне Тункинской волости постановили упразднить местное земство «как не отвечающие интересам трудового крестьянства», вместо него был избран совет крестьянских депутатов. 14 апреля волостной Совет крестьянских и рабочих депутатов был избран в Тельминской волости. Такой же Совет был избран 8 апреля в Больше-Разводинской волости и других [9, с. 2]. Советы повели борьбу с земством. Были упразднены земские управы в Нижнеудинске и Иркутске, постоянно тормозилась работа Верхоленского земского собрания, повсеместно упразднялись волостные земства. Мотивом для ликвидации земства служило то, что земство возглавляют «одни кулаки», к примеру, когда не удалось ликвидировать земство в селе Усолье, это объяснили тем, что там «крепко засели ожиревшие кулаки-немцы» [9, с. 2]. В начале марта 1918 г. комиссаром крестьянского отдела Иркутских советских организаций было распущено Иркутское губернское земское собрание [10, с. 4].

В ходе революции так же начался процесс дробления волостей на ряд более мелких. В конце января 1918 г. на сходе Большекашелаковского сельского общества было принято решение организовать собственную волость и выделиться из состава Ашехабатской волости [11, л. 51об]. Основными причинами для выделения собственной волости общества обычно указывали большое расстояние до волостного центра, и тяжесть оплаты одновременно волостных и сельских мирских сборов.

Характерной чертой советской власти в 1918 г. стали правительственные реквизиции хлеба в Сибири которого, по мнению центральной власти, там большой избыток. Крестьянство сопротивлялось принудительной сдаче хлеба, по заниженной цене. В феврале 1918 г. на общем собрании жителей с. Большекашелаковского и с. Малокашелаковского, Балаганского уезда, было постановлено: «хлеб согласны вести только по ценам, намеченным нами, так как цену, предложенную г. Трофименко, находим неподходящей для нас. Обсудив стоимость доставки и сообразуясь с существующими ценами, установили следующие цены с доставки ячмень – 4 р. 60 к. Настоящие цены постановили сообщить Агенту-Инструктору г. Трофименко в г. Зиму, в чем и подписываемся» [11, л. 51об.].

Однако советскую власть это не остановило, за пять месяцев 1918 г. в Сибири было заготовлено 25 млн. пудов хлеба [12, с. 163]. Продразверстка оказала негативное влияние на развитии сельского хозяйства, а так же ухудшила отношения зажиточных и средних слоев крестьян по отношению к советской власти. В то же время бедняки положительно относились к этой политике: «атмосфера у нас в деревне «густая» и были моменты, когда казалось, что вот, вот что-то должно разорваться, до основания снести все то старое, которое под разным соусом не перестали преподносить деревне ...деревня, наконец, сознала, что только организованным путем пробьет себе дорогу, но этот путь будет очень труден, ибо деревенская беднота еще не имеет свою интеллигенцию, и защиты неоткуда ждать, ибо партия (эсеры – прим. авт.), распинающаяся в любви перед деревней, на самом деле «сватает» ее за кулака» [13, с. 3].

В ходе реквизиций хлеба стали проявляться недовольства крестьян уже в начале 1918 г. Один из типичных примеров произошел в Ханжиновском сельском обществе, Тыретской волости. Сформировавшаяся в селе Красная гвардия, состоявшая из лиц «известных своим худым поведением», и возглавлявшаяся бывшим ссыльным, стала производить разного рода насильственные мероприятия. Такие как: изъятие продуктов первой необходимости по твердым ценам и перепродажа этих продуктов через потребительскую лавку. Для сравнения, свиное мясо изымалось по цене 75 коп. за фунт, а продавалось по цене 1 руб. 20 коп. Потребительская лавка принадлежала самим красногвардейцам, и всю прибыль они забирали себе, что естественно вызывало недовольство крестьян [2, с. 3].

Аналогичный случай произошел в Троицком Заводе (ныне село Троицк), Голуметской волости Черемховского уезда. Детально этот эпизод рассмотрен в работе П.А. Новикова [14, с. 24–29]. В январе 1918 г. в селении образовался Совет из красногвардейцев, которые, как и их товарищи из села Ханжиново, имели сомнительное прошлое. Этим Советом в селе были установлены обязательные цены. В ответ крестьяне отказались продавать продукцию своих хозяйств. Что послужило поводом к реквизициям красногвардейцами у крестьян хлеба и других продуктов. По признанию самих большевиков: «Красногвардейцы вели себя крайне вызывающе и часто реквизировали у крестьян некоторые предметы их домашнего обихода» [14, с. 26]. Те же красногвардейцы действовали и в соседних волостях. Следующую цитату из протокола общего собрания Алятовской волости приводит газета «Друг народа»: «Под видом реквизиций, банды вооруженных красногвардейцев врываются в дома крестьян и отбирают все, что только можно унести или увезти. В протоколе указывается несколько случаев, когда красногвардейцами под видом «реквизиции» у самых рядовых крестьян отбирались не только хлеб и скот, но и предметы домашнего обихода, включительно до ножей,

ложек и вилок. Врываюсь для разгрома (реквизиции) в какую-либо заимку или деревню, красногвардейцы делали построй в домах крестьян и уходили, не платя ни одной копейки. Это продолжалось не менее 2-х месяцев, и каждый день, каждый час нес в наши деревни все новые и новые факты насилий, чинимых Красной гвардией в деревнях Черемховского и Балаганского уездов» [15, с. 4]. Эта же газета пишет и о насилиях, чиненных над бурятским населением: «население Ангарского аймака находится в ужасной панике. Ежедневные грабежи, насилия, чинимые шайкой разбойников, терзают население. Шайка разбойников, разъезжающая из улуса в улус на десятках подвод, вооруженная солдатскими винтовками, буквально терроризировала все население аймака. Ограблено по аймаку около 100 домохозяйств. И зажиточные и беднота целыми улусами бегут, куда попало, в более безопасные места, оставив дома, скот, хлеб и т.д.» [16, с. 3].

По одной из версий, в середине марта, когда терпение у жителей окрестностей закончилось, они, численностью около 1500 человек, двинулись к Троицкому Заводу. При встрече с красногвардейцами начались переговоры. Крестьяне требовали прекращения грабежей и переизбрания Совета. Переговоры не принесли результата, и началась стрельба. В ходе которой было убито 30 человек, из них 7 восставших, остальные из числа членов Троицкого Совета и Красной гвардии. Раненого председателя исполкома Совета Крылова добились поленом.

После этого крестьяне разошлись по домам. На следующий день красногвардейцы начали ловить крестьян поодиночке, расстреливая без суда и следствия. Погибло 25 человек. 17 марта 1918 г. двое уполномоченных крестьян явились в Черемхово и потребовали расследовать произведенные расстрелы. Из Черемхово направили следственную комиссию [14, с. 27]. По второй версии, после стрельбы в Троицком Заводе, крестьяне несколько дней преследовали красногвардейцев по соседним заимкам. В это время стягивались новые отряды Красной Гвардии, которые заняли Троицкий Завод, и стали проводить карательные походы. А в начале апреля началось следствие. В состав Черемховского Совета вошли представители от крестьян, председателя совета заменили [14, с. 27–28].

По воспоминаниям Г.Х. Эйхе волнения затронули 12 волостей Черемховского уезда, с населением около 30 000 человек [17, с. 74]. Это только усиливало напряженность между крестьянами и советской властью, и привело к падению последней летом 1918 г.

Результаты исследования. Пришедшие к власти большевики не произвели кардинальных изменений в протекавшем процессе аграрной революции. Они лишь юридически оформили крестьянские захваты, и официально приступили к перераспределению земли. Крестьянство, в основном беднейшая его часть, получило от 2 до 9% земельных прирезок. В области лесопользования советская власть шла на огромные уступки. Однако за этими уступками шли реквизиции хлеба у крестьян, по твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. Реквизиции сопровождались насилием. Это вынуждало крестьян силой отстаивать свое состояние и достоинство. Что способствовало падению Советской власти летом 1918 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декреты советской власти. В 2 т. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
2. Корреспонденция // Наша деревня (Иркутск). 1918. 16 января.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]; Отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2008. 308 с.
4. ГАИО. Ф. 171. Оп. 4. Д. 63.

5. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. 390 с.
6. Крестьянский съезд Иркутского уезда // Власть труда (Иркутск). 1918. 15 февраля.
7. Корреспонденция // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 9 января.
8. Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.) : сборник документов / ред. канд. ист. наук доц. И.А. Воржев; подгот. к печати З. Тагаров. Иркутск: Книжное изд-во, 1957. 423 с.
9. Корреспонденция // Власть труда (Иркутск). 1918. 19 мая.
10. Корреспонденция // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 15 марта.
11. ГАИО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 5.
12. Гордеев О.Ф. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в годы Гражданской войны (конец 1917 – 1920 гг.): дис... докт. ист. наук. Красноярск, 2003. 411 с.
13. Корреспонденция // Власть труда (Иркутск). 1918. 21 февраля.
14. Новиков П.А. «На большевистско-крестьянском фронте»: крестьяне Черемховского уезда против красной гвардии в марте 1918 года // Земля Иркутская. 2008. № 2. С. 24–29.
15. Корреспонденция // Друг народа (Иркутск). 1918. 27 марта.
16. Корреспонденция // Друг народа (Иркутск). 1918. 3 апреля.
17. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

М.А. МАМОНТОВА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ**

Аннотация: Публикация посвящена проблеме репрезентативности событий, происшедших на востоке в годы Гражданской войны на страницах отечественных учебников, предназначенных для студентов и школьников. Также поднимается проблема формирования коммеморативных практик на основе образа прошлого, представленного авторами учебных изданий. Автор приходит к выводу, что события и персоналии по восточному направлению военной истории в обозначенный период на страницах учебников представлены репрезентативно, а проблема бережного выстраивания коммемораций на основе учебной литературы требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Гражданская война в России, советская власть, белое движение, учебный процесс, преподавание истории, историография, репрезентация, учебники, коммеморации.

Постановка проблемы. Формирование исторической памяти у современного поколения представляет собой сложный многогранный процесс, где важными составляющими выступают коммеморации и «места памяти». Профессиональные историки рассматривают коммеморацию как целенаправленную актуализацию исторической памяти [1, с. 134], как своеобразный способ скрепления сообщества целенаправленным воспоминанием [2, с. 24; 3, с. 116]. К числу коммеморативных практик, передающих память о прошлом, относятся празднование различных исторических юбилеев, праздников, создание исторических памятников и памятных мест, отражение событий и явлений в энциклопедиях, популярных изданиях и учебной литературе [4–7]. Последняя форма коммеморации позволяет наиболее тесно сблизить социальный заказ, политическую конъюнктуру и научно-исследовательскую составляющую. На страницах учебников происходит квинтэссенция всех современных процессов и коммеморативных практик, позволяющая выстраивать в дальнейшем образ прошлого. В связи с этим интересно обратиться к проблеме отображения событий Гражданской войны на восточном направлении в России на страницах современных отечественных учебников для вузов и для средней школы. В случайную выборку попали два учебника: «История России» для студентов вузов и абитуриентов [8] и «История России. 11 класс» для общеобразовательных организаций: базовый уровень» для учеников старшей школы [9].

Сравнивая объем данных учебных изданий, хочется сразу обратить внимание, что вузовский учебник в 680 страниц содержит материал по истории России с древнейших времен до 2010 г., причем на его страницах органично размещено более восьмисот иллюстраций, XX–XXI векам в этом учебнике посвящено более трети всего объема (253 страницы). Учебник для школы на 384 страницах представляет материал по XX – XXI вв. (до 2014 г.), весьма сдержанно размещая иллюстративный материал (всего 95 иллюстраций и 13 карт).

Основная часть. Гражданской войне в России в обоих учебниках посвящен целый раздел с одноименным названием примерно одинакового объема: 7 страниц в учебнике для вузов [8, с. 474–481] и 8 страниц в школьном учебнике [9, с. 103–111] (если убрать задания и вопросы к параграфу, то получится всего 7,5 страниц). В процентном соотношении от общего объема – 1% (2,8% от раздела в 253 страницы, посвященного XX–XXI вв.) в учебнике А.С. Орлова и 2% в учебнике А.А. Левандовского. Таким образом, тема граждан-

ской войны в общем объеме материала по отечественной истории занимает одну из последних позиций. Для сравнения: теме революции учебники посвящают 13 (2% или 5% от раздела по XX в.) и 21 (5%) страниц соответственно, теме Великой Отечественной войны 19 (3% или 8% от раздела по XX в.) и 38 (10%) страниц. В структуре тем и материалов, посвященных XX веку, тема гражданской войны составляет всего одну сотую от общего объема текста.

Содержательная сторона разделов по Гражданской войне в данных учебных изданиях практически не отличается. Учебник А.С. Орлова уже в названии раздела четко обозначает хронологические рамки этого события: 1918 – 1920 гг. и выделяет 5 подразделов по проблемно-хронологическому принципу: причины Гражданской войны, Гражданская война 1918 г., обострение Гражданской войны (имея в виду 1919 г.), завершающий этап Гражданской войны (рассматривается 1920 г.), причины победы большевиков (в котором подводятся итоги данного события сквозь призму укрепления установившейся в годы революции советской власти). Учебник А.А. Левандовского в параграфе по Гражданской войне выделяет 5 разделов, сформулированных неоднозначно: когда и почему началась Гражданская война и военная интервенция, начальный этап Гражданской войны и интервенции, боевые действия в конце 1918 – начале 1919 г., решающие сражения Гражданской войны, завершение Гражданской войны и интервенции. Вопрос «почему победили красные» вынесен в отдельный параграф учебника, в котором представлены действия советской власти с октября 1917 г. по начало 1921 г., здесь же на одной странице перечислены «итоги «русской смуты»» [9, с. 122–123].

Применяя методику контент-анализа к данным разделам учебника, можно определить степень репрезентативности событий Гражданской войны, происходивших на востоке России, по сравнению с общероссийским материалом. В обоих учебниках классически выделены восточное, южное, северное, западное (северо-западное) направления развития военных действий, обозначены военачальники Белой (П.Н. Краснов, А.И. Дутов, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.В. Колчак, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич, П.Н. Врангель) и Красной (М.В. Фрунзе, И.И. Вацетис, С.С. Каменев, А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский) армий, названы знаковые в годы войны города и места сражений, особо подчеркнут фактор интервенции и обозначены страны-интервенты и агрессоры в отношении советской России. Однако, особое внимание уделяется действиям белогвардейских армий и отдельных лидеров. Среди них выделяются личности А.И. Деникина (по 7–8 упоминаний в тексте) и А.В. Колчака (также 7–8 упоминаний), Н.Н. Юденича и П.Н. Врангеля (по 3–4 упоминания).

Примечательно, что к командирам РККА авторы учебников обращаются в два раза реже, чем к лидерам Белого движения: М.В. Фрунзе (по 2–3 раза), остальные по 1–2 раза. В связи с этим события Гражданской войны легко персонифицируются с лидерами Белой армии, Красная армия на данном фоне выступает в большей степени обезличенной как действия рабочей массы и части крестьянства, консолидируемые большевиками на защиту достижений советской власти. Это подкрепляется также картами, посвященными Гражданской войне, где указаны полководцы Белого движения Колчак, Деникин, Юденич, Врангель [9, с. 128–129; 10, с. 36–37], а со стороны РККА нанесены лишь названия фронтов (Восточный, Южный, Северный, Западный, Юго-восточный и т.д.).

Отсюда вполне объяснимо, что самым сложным элементом в изображении событий Гражданской войны, как у студентов, так и у школьников, являются полководцы РККА, успешно действовавшие на Восточном и Южном фронтах. Хотя при визуализации образа Гражданской войны авторы учебников постарались соблюсти некоторый паритет, поместив фотографии А.В. Колчака и А.И. Деникина, наряду с изображениями М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевского. Однако, более выгодно данная подборка представлена в вузовском издании, где наряду с фотографиями уже упомянутых героев представлены фотографии П.Н. Врангеля, коллективное фото С.М. Буденного, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилова за разра-

боткой плана военных действий, картина М. Грекова «Конармейская тачанка», плакат Д.С. Моора «Ты записался добровольцем?». Школьный же учебник ограничился изображением только первых четырех участников событий. Именно эти лидеры РККА лучше запомнятся читателями, тем более, что М.Н. Тухачевский впоследствии упоминается в связи с репрессиями против командного состава второй половины 1930-х гг. и, как белые генералы, попадает в когорту жертв «красного террора».

При описании событий Гражданской войны авторы учебников уделяют большее внимание действиям, происходившим на юге России, в Сибири и на Дальнем Востоке. Если подсчитать частоту упоминания населенных пунктов, географических объектов, фамилий участников и терминов, связанных с условно обозначенным «югом России» и «востоком» (территория за Уралом, куда включается и Сибирь, и Дальний Восток, и Забайкалье), то на них приходится 17% и 28% соответственно в учебнике А.С. Орлова, 20% и 27% в учебнике А.А. Левандовского. Оставшиеся 2/3 материала в вузовском учебнике и менее половины в школьном раскрывают действия противоборствующих сторон на северо-западе, севере, польском направлении, Урале, Кавказе, в Средней Азии и центре России. Кроме того, количество обращений к Восточному фронту и колчаковской армии значительно выше (по 9 упоминаний в каждом учебнике), чем к Южному направлению и деникинцам (7 и 8 упоминаний в вузовском и школьном, соответственно).

Хотя такое расхождение не является принципиальным и лишь подчеркивает важность данных событий при изложении хода Гражданской войны. Сравнивая упоминания А.В. Колчака и А.И. Деникина нельзя сказать, чтобы авторы отдавали предпочтение одному из них, по странному стечению обстоятельств и тот и другой упоминаются на страницах учебников одинаковое количество раз, частота упоминания населенных пунктов и географических объектов на этих направлениях (Курск, Орел, Перекоп, Сиваш и др. – для юга России; Омск, Тобольск, Новониколаевск, Иркутск и др. – для востока) также совпадают.

Результаты исследования. Таким образом, события Гражданской войны на востоке России представлены на фоне остальных фактов вполне репрезентативно, даты, места сражений, фамилии главных героев, названия действующих армий по интенсивности обращения к ним авторов вузовского и школьного учебников преобладают над остальными, что подчеркивает важную роль, в том числе и сибирского компонента, в российской истории.

Однако обращение к данной теме актуализировало еще одну важную проблему, требующую дальнейшего осмысления в срезе мемориализации эпохи. Насколько современное общество готово к коммеморациям? Насколько современное поколение способно адекватно выстроить связь времен и построить свои коммеморативные практики на основе заложенных со школьной скамьи знаний по данному сложному периоду в отечественной истории?

Как мы видим, страницы учебников презентуют малоперспективный ответ на поставленный вопрос. В общем объеме информации представлены лишь отрывочные сведения об этом периоде, отдельные личности и герои практически спрятаны в общей канве рассуждений, в то время как их главные соперники целенаправленно выделены в общем контексте. Отсюда и возникает ощущение недооценки тех персоналий, которые в свое время были «низвергнуты» советскими историками, и желание вновь переписать историю, развенчав тех ее непосредственных участников, о которых теперь так мало говорится в современных учебниках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.
2. Гришина Н.В. Школа В.О. Ключевского в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.

3. Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
4. Ахметшина А.В. Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6(38). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 11–15.
5. Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.
6. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
7. Пуяткина Т.П. Формирование исторического сознания школьной молодёжи в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. канд. соц. наук. М., 2007. 23 с.
8. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.. История России. Москва: Проспект, 2017 г. 680 с.
9. История России. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко; под ред. С.П. Карпова. М.: Просвещение, 2014. 384 с.
10. Атлас. История России. Омск: АО «Омская картографическая фабрика». 64 с.

И. А. МАХНАНОВА

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

**ИЗ БИОГРАФИИ И. М. МАЙСКОГО: 1919–1922
(ПО ДОКУМЕНТАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация: В статье представлены сведения о семье советского дипломата И.М. Майского, в том числе подробнее об одном из братьев – М.М. Ляховецком, а также материалах, подготовленных И.И. Майским по итогам экспедиции Центросоюза. Архивное дело состоит из 163 листов, содержит обширный материал по различным сферам жизни Монголии. Письма и документы о торговле с Монголией, в частности мясных заготовках в Восточной Сибири отражают реалии второго десятилетия XX в.

Ключевые слова: Гражданская война, практическая генеалогия, Центросоюз, Монголия, Китай, экспедиция, Омск, Иркутск, Семипалатинск.

Постановка проблемы. Биография Ивана Михайловича Майского неразрывно связана с Омском: обучение и выпуск из Омской мужской гимназии (в настоящее время – гимназия № 19), работа в Российском правительстве А.В. Колчака, отдельные факты отмечены в публикациях, исследованиях, автобиографических и мемуарных книгах, письмах автора, революционера, журналиста, дипломата, историка, публициста, действительного члена Академии наук СССР. Но архивные фонды хранят ещё немало документов, информативных для изучения.

В нашем городе будущий дипломат оказался неслучайно. Здесь в Омском военном госпитале служил его отец – Михаил Иванович Ляховецкий. Подробные сведения изложены об этом в книге его сына [1, с. 13–27], содержательные эпизоды из биографии отца – важная составляющая всей книги. Сохранились сведения о его работе в Омском медицинском обществе [2]. Отец прожил деятельную жизнь, до последнего дня занимался научной и практической медициной. Автор в отдельной главе рассказывает о своей матери [1, с. 27–36], своих ранних годах, гимназических буднях и праздниках. «Перед бурей» – книга о семье, родных и близких людях, своих чувствах и переживаниях периода становления личности на фоне предгрозовых событий эпохи. Содержательный краеведческий контекст по-прежнему актуален, несмотря на некоторые акценты, свойственные советским общественно-политическим изданиям. Незначительная плакатно-лозунговая агитационная стилистика проявляется неявно, в целом, за доверительным тоном повествования незаметна. Автором ведётся разговор о времени и о себе.

Эти воспоминания о детстве и юности сопровождаются отчасти красочными картинками «богом и людьми» забытой провинции. По словам автора, об Омске тогда говорили: «Три года скачи – не доскачешь». «Над этим серым, плоским, почерневше-деревянным пейзажем как-то странно и неуместно возвышался десяток белых и красных каменных зданий: дом генерал-губернатора, кадетский корпус, казармы, мужская и женская гимназии, полиция, две пожарные каланчи, собор... Они были эмблемой власти. Но они плохо гармонировали с окружающим, они давили своей тяжестью маленькие деревянные дома. И это имело символический характер». Автор рассказывает, что «Любинский проспект – главная магистраль города – сплошь состоял из зданий магазинов, принадлежащих частным владельцам». Насчитывалось 25 церквей, 4 монастыря, 78 пивных и водочных заведений, картёжные клубы, десятки официально зарегистрированных домов терпимости и домов терпимости, 1 театр, 2 библиотеки, издавалась одна газета. «В 9 часов вечера наглухо закрывались ставни до-

мов, и город тонул в тишине и мрак. Изредка твякнет собака, да прозвучит стук сторожевой колотушки» [1].

Основная часть. В первые десятилетия XX века в биографии И.И. Майского, как и в судьбе всего народа и государства происходили переломные и судьбоносные события. В 1919 г. он является служащим учреждения (белогвардейского, затем советского) – Всероссийского центрального союза потребительских обществ, в Главной конторе, расположенной в Омске, и структурного подразделения – Бюро по мясным заготовкам в Восточной Сибири и Монголии, учрежденного при Иркутской конторе. В мае 1919 г. – заведующий научной экспедицией Центросоюза по экономическому обследованию Монголии. Материалы экспедиции обрабатывались заведующим до лета 1920 г. Документы архивного дела позволяют изучить первоисточники: доклады, статистические таблицы и очерки, прилагаемые к объёмной докладной записке (36 страниц машинописи) управляющего конторой А.А. Семенова по итогам экспедиции в Китай и Монголию от 21 мая 1924 г. [3]. В текстологическом отношении эти ценные свидетели времени отличаются от итогового издания «Современная Монголия», опубликованного в 1921 г. в Иркутске [4].

Представленные архивные источники обладают не только музейной и экспозиционно-выставочной ценностью, но и содержат особый научно-исследовательский потенциал для специалистов, изучающих геополитические и внешнеэкономические аспекты дипломатических отношений на востоке России в начале XX в. В этом отношении следует обратить внимание на служебные письма. В обращении, отправленном 20 февраля 1920 г. (в этот день будет отправлено ещё одно важное письмо) из местечка Хангельдик (Северо-Западная Монголия), где специалисты в течение зимних месяцев 1919–1920 гг. обрабатывали материалы экспедиции, И.М. Майский подчёркивает остроту неотложного вопроса по закупкам скота в Монголии в 1920 г.. Сообщает, что в его «распоряжении имеется ряд данных, которыми не располагает ни Омская, ни Иркутская Конторы и которые чрезвычайно важны для решения вопроса о деятельности Центросоюза в Монголии...». Поясняет в скобках: «(почему у меня имеются такие данные, увидите ниже)». И продолжает: «...в силу этих соображений я считаю полезным информировать Вас отсюда из глубины Монголии, – ведь лишняя информация никогда не помешает. Для того чтобы Вам легче было ориентироваться в “Монгольском вопросе” сообщу Вам следующие данные».

Данные систематизированы по следующим разделам: 1) размер рынка; 2) цены на скот; 3) валюта (подразделы – весовое серебро в слитках, русские серебряные рубли, китайские серебряные доллары, зелёный кирпичный чай «Цзусан», мануфактура, металлические изделия, кожа-юфть, табак махорка, нюхательный и спички, мука-крупчатка, просо и рис, золото); 4) закупка скота; 5) организация закупочного аппарата; 6) положение служащих; 7) выгон скота; 8) экспедиция по экономическому обследованию Монголии. Анализируя структуру организации закупочного аппарата (раздел 5), которая являлась «во всех своих существенных чертах копией аппарата “Монгольской экспедиции”» 1914–1918 гг., несколько уменьшенной по числу служащих, заведующий экспедицией считает, что необходимы «коренные реформы», существующий «аппарат слишком громоздок, сложен и дорог и нуждается в радикальном упрощении». И.М. Майский предлагает ряд решительных мер, в том числе: «1) МЯСОБЮРО ДОЛЖНО БЫТЬ УНИЧТОЖЕНО...; 2) РАЙОННЫЕ КОНТОРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ, как совершенно лишние учреждения» (указаны только первый – не полностью – и второй пункты из четырёх предложенных, сохранив оформление и стиль автора). Решительная категоричность и убеждённость чувствуется в каждой строке документа (!) и через 100 лет. При таком горячем участии в последнем (8-м) разделе автор отметит: «Лично я к закупочным операциям непосредственного отношения не имею» [3, л. 37-43]. Следует отдать должное, возможно, именно эта обоснованность и аргументированность мнения послужили дальнейшим карьерным высотам советского дипломата.

Интересным в деле является письмо, адресованное И.М. Майскому из Урги 17 июня 1920 г. отправителем с именем П. Витте, в котором излагается следующее: «С прошлой осени, т.е. со времени переворота в Монголии, я с помощником моим инженером Лисовским оказались совершенно не у дел. Пользуясь свободным временем мы, пригласив ещё двух таких же свободных лиц, принялись за обработку материалов нашей экспедиции, – именно за картографический и естественноисторический материал. В настоящее время работа наша по составлению карты и сводкам на 3/4 сделана».

Адресант приводит «следующие соображения»: «Так как Монгольского Правительства не существует, а Китайское Управление никаких обязательств бывшего Монгольского правительства на себя преемственно не приняло и не принимает, то мы себя в своей прежней службе считаем совершенно свободными и не обязанными Управлению, сменившему собою Монгольское Правительство». Как указано в письме, «значительная часть статистико-экономического материала была послана в своё время с одобрения Монгольского Правительства в Петроград для обработки в комитет, образованный под председательством проф. Котвича. Весь картографический и естественноисторический материал остался в Урге для обработки на месте, что до последнего вышеуказанного времени не могло быть выполнено ввиду того, что мы были заняты другими делами (Управлением Государственных имуществ в Монголии)».

В письме предлагается вариант передачи материалов указанной экспедиции Центросоюзу: «Единственным условием передачи материалов и напечатания их в Ваших или при Ваших трудах, как найдёте лучшим, – ставится упоминание об этом в предисловии или на своём месте в тексте». О выполнении условия, указанного в письме, дальнейшей судьбе материалов, которые, возможно, и являются приложением данному письму в архивной папке, сведений не имеется. Необходим текстологический анализ первоисточников из архивной папки и отчётного текста, изданного по итогам экспедиции. Кроме того интересна судьба П. Витте, который рукописной приписке к письму упоминает о своём зяте П.Н. Волкове и «разрешении на выезд из Иркутска в Монголию» его матери Глафире Устиновне Волковой [3, л. 81–83].

Как оказалось, завершая работу над материалами экспедиции, Майский позаботился о переезде в Москву. В письме к А.В. Луначарскому, написанном в тот же день – 20 февраля 1920 г., будущий дипломат напоминает о себе, просит оказать содействие в публикации своей поэмы «Вершины» отдельной книгой, при этом «очень просил бы Вас поторопиться», а также задаёт два вопроса: «1) Могу ли приехать в Москву. Не грозят ли мне там «кары земные» за мои политические грехи; 2) Найду ли я хороший приём среди деятелей Советской Республики. Не станет ли мне поперек дороги моё политическое прошлое». Автор письма беспокоится о скорейшем получении «охранной грамоты», появлении книги в печати, выражает готовность работать. «В случае возвращения в Москву я мог бы принять[ся] за работу в разных областях труда, экономики, иностранных дел, так как все это сферы, в которых я хорошо ориентирован, но, откровенно говоря, сейчас моя душа лежит к работе в области культуры и просвещения» [5, с. 166–171].

В содержании обращения к наркому просвещения и комментариях публикаторов к этому письму находим последовательность событий, которые предшествовали получению «охранной грамоты» из центра, а также подтверждение выводу, что И.И. Майский благодаря самостоятельным, независимым суждениям, умел убедительно и эмоционально излагать свои аргументы и точку зрения, обладал изрядной предприимчивостью и природной интуицией. Качествами, которые помогли ему в годы революции и Гражданской войны действовать предусмотрительно, быть востребованным, без особой поддержки, полагаясь только на свои способности.

И.М. Майский, уже находясь в должности заведующего отделом печати и информации НКВД, узнав о семейных заботах, 9 мая 1922 г. направляет служебную записку в Сибирское

отделение ВЦИК тов. Опарину с ходатайством о судьбе одного из братьев. «В Омском губревтрибунале служит мой брат (он юрист) – Михаил Михайлович Ляховецкий. Он очень изголодался за минувшую зиму, вдобавок у него болеют жена и ребёнок. Я был бы вам весьма признателен, если бы вы перевели его куда-нибудь в хлебное место, напр., в Алтайскую губ. Он согласен в деревню. Не откажите исполнить эту просьбу. С товар. приветом И. Майский (автограф)» [6]. Известно, что фамилия «Майский» взята обладателем в качестве псевдонима [7, с. 71]. Настоящая, искомая фамилия – Ляховецкий.

Дополним сведения о человеке, чьи годы жизни или судьба родных связана с лихолетьем революции и Гражданской войны, заглянув в именной указатель, изданный архивистами Омской области [8, с. 201]. В указанном издании значится Михаил Михайлович, 24 июня 1892 года рождения, холост и др. По ряду прямых подтверждений выяснилось, средний брат. В послужном списке № 467, заполненном 10 мая 1921 г. собственноручно бывшим подпоручиком артиллерии, местом рождения указан Омск. Окончил юридический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени, а также 6-й ускоренный курс Константиновского артиллерийского училища по 1-му разряду 29 июня 1916 г. Даты прохождения службы аккуратно указаны с 9 января 1916 г. – с периода поступления в училище «юнkerом рядового звания на правах вольноопределяющегося» до прибытия в Омск [9, Д. 5. Т. 1. Л. 256об.; Д. 251].

Более информативным, оказалось «Личное дело за №64 следователя докладчика Омского губернского революционного трибунала...», бывшего народного судьи II участка Минусинского уезда, прибывшего из Красноярска. Работал в Красноярской городской и Туруханской речной милиции. Дело начато – 23 апреля 1921 г., с момента назначения на должность. Командировался в октябре – декабре 1921 г. в распоряжение Калачинской продналоговой комиссии. В Омске проживал по адресу ул. Волковская, д. 21/15. В анкете указано семейное положение (женат) и семья: жена, дочь 3-х лет, отец, мать, два брата и две сестры. В вопросах анкеты о службе в рядах Красной армии, старой армии указаны отец и один из братьев – Анатолий, который, как и отец, служил на должностях врачей в госпиталях и лазаретах, место службы неизвестно (так указано в анкете). Весной 1922 г. Михаил заболел, 15 мая обратился к председателю с рапортом о предоставлении «месячного отпуска в Семипалатинскую губернию для восстановления своих физических сил, потерянных во время перенесения болезни» и проезда «на пароходе туда и обратно или же только вперед за счёт Трибунала» до пристани «Павлодар». Михаил «умер при Семипалатинской губернской больнице 19 июля 1922 г. от острого катара кишок и истощения» [6]. Дело завершено 31 мая 1922 г. Коротким оказалось служение в должности, недолгим – жизненный путь.

О младшем брате – Анатолии Михайловиче Ляховецком (1888–1943), докторе медицинских наук, родителях и сёстрах И.М. Майского подробнее можно узнать в материалах семейного фонда Ляховецких (Ф. Р-9580), хранящегося в ГАРФ. Ряд сведений о биографии и наследии извлечены из документов РГАЛИ, ГАНО, ГАТ, ГИАОО, (в том числе об омских событиях рубежа XIX–XX вв.) [2].

Результаты исследования. К слову сказать, остались «загадки», возникшие в связи с изучением темы, о литературном наследии И.М. Майского. В книге «Перед бурей» автор в тексте приводит некоторые свои стихи, в предисловии ко второму изданию, сообщает, что сестра Юлия «спасла от забвения и гибели рукописный сборник» стихов. Сколько их всего? В переписке упоминается романтическая повесть «Сказка», написанная в декабре 1918 г. Существует ли в опубликованном виде? Драматическая поэма «Вершины», изданная в Омске в 1921 г. тиражом 2200 экземпляров, имеется в каталоге Российской государственной библиотеки. Может, появится географически ближе. Будем искать ответы на поставленные вопросы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майский И.М. Перед бурей. Москва: Молодая гвардия, 1945. 248 с.
2. ГИАОО. Ф. Р–2200. Оп. 2. Д. 1245.
3. ГИАОО. Ф. Р–1988. Оп. 1. Д. 9.
4. Майский И.М. Современная Монголия: отчёт Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской Конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ «Центросоюз». Иркутск, 1921. 333 с.
5. Майский Иван Михайлович. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2-х кн. / Иван Михайлович Майский; сост. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, И.П. Староверова, Э.В. Хорольская; комм. Н.В. Бойко, А.Д. Воскресенский, И.П. Староверова, Э.В. Хорольская. Отв. ред. В.С. Мясников. Кн. 1: 1900–1934. М.: Наука, 2005. 580 с.
6. ГИАОО. Ф. Р–239. Оп. 2. Д. 115.
7. Энциклопедия города Омска: в 3 т. / Адм. г. Омска [науч.-ред. совет: В.Ф. Шрейдер (пред.) и др.]. Омск : Лео, 2009–2011. Т. 3: Омск в лицах / [под ред. И.А. Кольца и др.]. 2011. Кн. 2: Л–Я. 690 с.
8. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919–1920-е гг.). Науч.-справ. изд-е / авт. предисл. и отв. ред. Д.И. Петин Омск: Амфора, 2017. 408 с.
9. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3.

Е. В. МАЧУЛЬСКАЯ

Омск, Россия

**БЕЛЫЙ ОМСК: НАЧАЛО ЗАКАТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ ЗА АВГУСТ 1919 Г.)**

Аннотация: В исследовании на основе анализа городской периодической печати представлена ситуация в Омске в конце лета 1919 г. Подробно освещаются наблюдавшиеся в городе настроения, проблемы, затронувшие, как местное, так и приезжее население. Проведенное исследование сквозь призму омской прессы позволяет сделать общий вывод о ситуации в последние месяцы антибольшевистской власти в Омске.

Ключевые слова: Гражданская война, пресса, белое движение, белый Омск, повседневность, Сибирь.

Постановка проблемы. Общественно-политические, бытовые вопросы, анализ городской повседневности в Омске в период революции и Гражданской войны неоднократно освещались в работах отечественных исследователей [1–9]. Немало внимания историками было уделено и материалам прессы белого Омска [10–13]. Тем не менее, заслуживает внимания изучение ситуации в Омске в последний летний месяц 1919 г., как время все больше проявлявшегося кризиса в антибольшевистской столице (вызванного в том числе, фатальным положением фронта). Это особенно важно в связи наличием наибольшего количества мифов о периоде 1914–1922 гг. [14].

Основная часть. В августе 1919 г. в Омске царили совершенно не радужные настроения. Весенний «полет к Волге» давно захлебнулся, вера в победу стремительно таяла, белые отступали и, наконец, случилось то, о чем боялись даже думать – война пришла в Сибирь. Фронт стремительно приближался к белой столице. Тогдашнюю атмосферу в подробностях запечатлели издававшиеся в Омске газеты. Чтобы составить о ней представление, достаточно взять всего два издания – ежедневные газеты «Наша заря» и «Сибирская речь» и просмотреть по два номера, датированные началом и концом месяца.

По какому-то удивительному совпадению на первой полосе главной городской газеты «Наша заря» публикуются афиши, сегодня выглядящие очередным мрачным пророчеством. Анонс «грозной схватки двух богатырей на премию 2000 руб.» в цирке «Спорт-Паллас» озаглавлен «Последний день борьбы». Впрочем, афиши уже существенно потеснили объявления иного плана: «вышла из печати «Сказка о большевике и Иване дураке цена 1 рубль», идет «запись желающих поступить добровольцами в отряд атамана Анненкова» [15, с. 2]. Другая городская газета «Сибирская речь» призывает: «Женщины и девушки, любящие родину и не жалеющие ради нее жизнь, поступайте в ряды добровольцев для санитарной работы» [16, с. 2].

Там же опубликовано весьма нетривиальное объявление: «НУЖНЫ ЛЮДИ особой энергии, готовые жертвовать собой с большой силой воли любящие риск и жизнь, далекую от повседневного шаблона для выполнения предприятия чрезвычайного размаха и особой важности... Почтампт до востребования» [16, с. 2]. Что собой представляло это предприятие особой важности, кто желал его осуществить, и чем обернулась эта затея, нам сегодня остается только гадать.

На страницах «Нашей зари» констатируется факт, не внушающий особого оптимизма: «в городе шатается без дела много солдат, подчас просящих даже подавание и на предлагаемые вопросы отвечающих, что они отпущены после болезни или ранения в отпуск и не имеют возможности ни работать по слабости, ни ехать домой» [15, с. 2]. Далее главный началь-

ник эвакуационной части при Верховном главнокомандующем полковник Дурново уведомляет, что он распорядился направлять таких солдат в команды выздоравливающих. Что не позволяло делать так с самого начала – неизвестно.

Власть имущие вроде бы пытаются учесть прошлые ошибки. 7 августа в газете публикуется Объявление уполномоченного Министра снабжения и продовольствия по Акмолинской области: «Прошу торговцев, кооперативы, промышленные заведения, имеющие на складах своих запасы теплых вещей сообщить по указанному адресу» [17, с. 3]. Только все эти хлопоты окажутся напрасными, и о том не просто догадываются, а говорят прямым текстом. Причем на той же газетной полосе [17, с. 3].

Пространные размышления о будущем России сменили темы более злободневные. Некий Н. Иванов характеризует тех, кто взялся с ходу вершить государственные дела, весьма нелицеприятно – они, по его мнению, «пребывают еще в младших классах государственной школы»: «теперь они понемногу начинают отдавать себе отчет, что напечатать в омских типографиях десяток-другой тысяч яркого призыва или воззвания – еще не значит творить государственное дело» [15, с. 2]. Автор подчеркивает, с самого начала нужны были совсем иные действия: «В обстановке политического бедлама нельзя строить государство со спокойной и уверенной планомерностью теми нормальными методами, о которых так много говорится» [15, с. 2]. Но эта блистательная аналитика уже ничего не меняет.

«Горе наше не только во внешних врагах, но, главным образом, во врагах внутренних. То они хищением занимаются, то мироедству покровительствуют, то нападает на них мания величия» дополняет эту нерадостную картину другой автор Петр Бурлинский [15, с. 2].

Иванов касается истоков еще одной серьезной проблемы, фактически ставшей для белых роковой. Он именует тыл «Царством безделья» – оказывается, многие специалисты отказывались занимать в Сибири должности, которые были бы менее престижны чем те, что они занимали в центральной России. Публицист призывает тыловых сидельцев выйти из затяжной спячки: «Чем скорее мы справимся с последствиями отступления наших армий, тем действительней и уверенней будет наша борьба с противником. Но для этого нужно развить максимум энергии и особенно в тылу. Ведь тылом питается фронт. Если в тылу гниль, на фронте здоровых сил не может быть» [15, с. 2]. И констатирует: «Торгово-промышленные круги поставили вопрос о мобилизации и постановке под ружье буржуазии, в интеллигентных кругах тоже поговаривают о необходимости организовать отпор красным в виду того, что бежать уже некуда. Да бежать некуда. Если красным уступить хотя бы на время западную Сибирь это будет значить, что вся остальная Сибирь останется без хлеба» [15, с. 2]. Впрочем, некоторые находят, куда бежать: «Товарищ омского городского головы Пшеничников, бывший в отпуске и получивший распоряжение возвратиться к исполнению служебных обязанностей, вместо этого уехал во Владивосток» [15, с. 2].

На второй полосе публикуются сводки с полей сражений. Выглядят они совсем не вдохновляюще. Где-то положение зависшее: «на Ирбитском направлении наши части ведут бой с красными в прежних районах», где-то удалось достичь небольших успехов: «севернее Шадринска наши части выйдя в тыл красноармейцам, разбили около полка красных», где-то белые отступают: «В челябинском направлении наши части с легкими боями отошли на линию станции Чумляк» [15, с. 2]. «Военный обзор», впрочем, старательно уверяет, что все не так страшно: «Большие потери, которые наносит своими короткими ударами челябинская группа наших войск несмотря на отход указывает на преднамеренность последнего».

Городских новостей немного. Двух поручиков разжаловали в рядовые – «за проявленное отсутствие мужества, разлагающе действующее на солдат», 5 августа вечером Верховный правитель адмирал Колчак отбыл на фронт, в контору редакции передаются вещи для 14-го Сибирского Иртышского полка... [15, с. 2]. Тем не менее, в газете находится место на обширную публикацию под названием «Архивный вопрос в Сибири в прошлом и настоящем» [15, с. 2].

А вот история, дающая ответы на многие вопросы о причинах поражения белых: «На одном из заседаний Государственного экономического совещания товарищ министра путей сообщения господин Ларионов сделал интересный доклад по поводу разрухи железнодорожного транспорта между Омском и Владивостоком»: «Некоторые частные лица, несмотря на все железнодорожные тормозы, все-таки каким-то способом ухитрились перевезти массу своих товаров из Владивостока в Западную Сибирь» [17, с. 3]. Челябинский аптекарь Ф. провез таким манером вагон аптекарских товаров – «этот груз прошел за груз Министерства снабжения и продовольствия», причем распоряжение его пропустить было дано начальником сообщений генералом Касаткиным [17, с. 3]. И это на фоне постоянных проблем со снабжением армии.

В городе орудуют фортчюки. В номере «Нашей зари» приводится курьезный случай из криминальной хроники, озаглавленный «Добросовестный вор». Из квартиры заведующего одним из городских заводов пропали деньги 2500 руб. и брюки. «Брюки через несколько дней вором были подброшены в квартиру» [18, с. 3]. Видимо, он их просто одалживал на время.

С учетом стремительно ухудшающейся ситуации на агитацию требуется все больше ресурсов. В газеты, издаваемые при штабе командующего Восточным фронтом требуются сотрудники – фельетонисты. Русское бюро печати объявляет конкурс с солидной денежной премией – на лубки, плакаты и карикатуры, посвященные борьбе с большевизмом и возрождению Великой России [15, с. 2]. Впрочем, вторая тема в существующих условиях выглядит стремительно теряющей актуальность.

Отвлечься от нерадостной действительности людям позволяет литература. На четвертой полосе «Сибирской речи» публикуется глава из романа «Видения жизни» Сергея Ауслендера и стихотворение блистательного поэта-пушкиниста Георгия Маслова: Мне сладко знать, что в этом мире / Ничья не безответна весть, / Что и моей незвучной лире / В нем слабое отзвучье есть! [19, с. 4]. А статья, посвященная памяти Чехова, завершается вопросом, полным веры в будущее: «Но неужели мы не вырастим нашего Вишневого Сада, такового каким взростили его господ Фирса?» [20, с. 4].

В номере «Нашей зари» за 26 августа афиш на первой полосе вообще не остается – город уже фактически на военном положении. Все больше объявлений о поиске добровольцев. В формируемый 1-й добровольческий полк 1-й Сибирской армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева (фамилия напечатана крупным шрифтом, как прежде названия известных постановок) записывают в здании коммерческого клуба, в отдельную егерскую бригаду – в здании Московских торговых рядов... [21, с. 1]

Но в той же газете публикуется письмо ученого лесовода Михаила Равенского, который пожелал пойти добровольцем в одну из казачьих воинских частей, однако директор Краскин, 28-летний юрист, говоря современным языком, «эффективный менеджер», заявил, что в таком случае его семья останется без содержания. Редакционный комментарий осуждает «господ Краскиных», которые во всем величии своего бюрократического достоинства становятся между гражданином, рвущимся на помощь родине и нею и провозглашают: нельзя!». Он актуален и по сей день: «до тех пор, пока мы не сумеем – не только провозгласить, а провести на деле правило, что всякий чиновник по тупости, лени или недобросовестности поставивший препятствие общеплезному живому делу, рассматривается как изменник, пока на основе этого принципа мы не сумеем дисциплинировать административный аппарат всех ведомств, – до тех пор мы будем продолжать скорбный путь стихийных исторических катастроф» [22, с. 1]. Впрочем, имела ли эта публикация для Краскина какие-либо последствия, неизвестно.

«Сибирская речь» 27 августа оповещает: сбор книг для армии продолжается по такому-то адресу, «граждане, жертвуйте солдатам на фронте и в тылу книги и журналы, нужда большая». Чуть ниже еще одно объявление – «раненые и больные защитники родины, нахо-

дящиеся в госпиталях Красного Креста, крайне нуждаются в табаке, папиросах, мыле и многом другом» [23, с. 4]. Снабжение медицинских учреждений всем необходимым, увы, не налажено. Решать вопросы, которыми вообще-то должна была заниматься власть, приходится всем миром.

Активно идет запись добровольцев в дружины Святого Креста – в МВД, в Главном Управлении по делам исповеданий, в Русском Бюро Печати с 10 до 20 часов, «записываться могут как лица непризывного возраста, так и взятые на учет». Далее, в разделе местных новостей отмечается: «Запись в крестовые дружины продолжается вполне успешно, записываются как мужчины, так женщины и подростки, преимущественно из беженцев. Почти все требуют немедленной отправки на фронт» [24, с. 4]. Фактически, для белой столицы это последняя надежда, в которую еще удается верить.

С военными объявлениями на первой полосе «Сибирской речи» контрастирует одно, набранное крупным шрифтом: «28 августа – Бега», об одном из главных городских развлечений нельзя не оповестить [25, с. 1].

В «Нашей заре» публикуется обширный список убитых и раненых – в районе Тобола идут бои, Шадринск оставлен. Попытки вернуть веру в победу уже выглядят простым сотрясанием воздуха: «Последние силы напрягает большевизм. С энергией отчаяния брошены красные полки на Сибирь.. А мы.. мы трусим, мы испугались. Ведь был же подъем, было настроение?», – напоминает прошлые победы Л. Лесовой [26, с. 1].

Имеют место быть попытки упорно держаться за прежние иллюзии. Все также на щит поднимается Учредительное собрание – председатель комиссии по подготовке вопросов о всероссийском представительном собрании учредительного характера представил «Общие положения», по которым должны происходить выборы [27, с. 2]. Судя по всему, это должно было создать видимость некоей стабильности.

Вскоре было опубликовано другое сообщение, озаглавленное просто «Взрыв. «25 августа около 9 часов вечера в караульном помещении при доме Верховного правителя, по-видимому из-за неосторожного обращения, произошел взрыв ручной гранаты, причем взрывом убито 6 человек, а ранено 12» [28, с. 4]. Среди погибших был молодой талантливый поэт Юрий Сопов [29, с. 15].

Газеты сохранили для нас и многочисленные частные инициативы, попытки сделать хоть что-то: «На многолюдном и чрезвычайно оживленном собрании старообрядцев 22 августа постановлено послать особую депутацию в Сибирь с целью поднять старообрядчество на защиту Русской Государственности», «28 августа в помещении Казачьей библиотеки состоится организованное собрание по устройству детской манифестации с лозунгом «Идите в армию, защитите детей и женщин» [28, с. 4].

Через газеты люди пытаются узнать о судьбе своих близких: «Прошу всех, особенно гг. офицеров, знающих о судьбе прапорщика А.В. Конева сообщить по такому-то адресу», «разыскивает мужа Ташлыкова Федора Лукьяновича жена Евдокия Степановна знающих о нем сообщить по адресу..» [28, с. 4].

У некоторых обывателей не выдерживают нервы: «23 августа вечером на Семипалатинском тракте вблизи ж. д. пути чиновник Фарутин ранил в грудь выстрелом из револьвера Я.М. Медведева. Причина – разговор на политической почве» [28, с. 4].

25 августа солдатам гарнизона в «Кристалл палласе» была прочитана лекция «О большевиках», лекция имела успех. Начали функционировать агитационные курсы по борьбе с большевизмом [28, с. 4]. Но время безнадежно упущено.

Заседает Городская дума, в городе проходят разнообразные собрания и лекции – заседание комитета по холодильному делу, лекция о русском казачестве, в политехническом институте приближаются экзамены. Одновременно в Омске очень много больных сыпным тифом, не хватает дезинфицирующих средств и белья. Параллельно ведется обсуждение о будущей России после победы над противником. Обсуждаются взгляды на Учредительное

собрание, поскольку этот вопрос оставался немаловажным в политическом дискурсе [30]. Но в газетах все чаще публикуются объявления следующего содержания: «Отъезжающим. Предлагаю свои услуги в качестве сторожа: дома, имущества, квартиры. Вполне благонадежный человек» [28, с. 4].

Положение дел в Белой столице в августе 1919 г. прекрасно обрисовывает опубликованный в «Сибирской речи» «Маленький фельетон» под названием «Чемоданный стиль» неизвестного автора под псевдонимом Соб. (видимо, сокращение от фамилии): «Страницы газетных объявлений представляют из себя огромный интерес. В них слышно биение пульса подлинной неприукрашенной жизни. Первые страницы полны пламенных воззваний и призывов, а с последней смотрит на нас такая лукавая житейская гримаса, как в № 183 «Русской армии» - «Спешно обменяю большую корзину на вместительный чемодан». Кому это требуется вместительный чемодан? Кому из граждан возрождающейся России не нужна большая корзина? И наконец, для чего нужен, кому нужен этот чемодан? Все это погребено во мраке неизвестности. И только когда-нибудь будущий историк, восстанавливая по памятникам смутное наше время, отметит: «Настроение было таким растерянным, паническим, что даже в официальном органе Омска того времени попадаются такого рода объявления» [31, с. 4].

Результаты исследования. Революция 1917 г. бросила вызов государственным и общественным институтам, затронув все категории российского общества, «призвав» его к «тотальному обновлению» [32, с. 53]. Как показывают материалы двух ведущих изданий белой столицы, повседневная жизнь обывателя была полна целым рядом проблем. Политическая нестабильность, отступление армии накладывалась на бытовые проблемы, обострившиеся еще в период Первой мировой войны, а статьи периодических изданий далеко не всегда могли дать необходимую информацию для лучшего понимания социально-экономической ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 385 с.
2. Кокоулин В.Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 2016. 404 с.
3. Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск, ООО «Офсет-ТМ», 2017. 528 с.
4. Сушко А.В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В.Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.
5. Сизов С.Г. Основные социально-экономические особенности повседневной жизни Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 84–91.
6. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.
7. Петин Д.И., Стельмак М.М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 48–64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64.
8. Стельмак М.М., Петин Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374. DOI: 10.28995/2073-0101-019-2-357-374.
9. Сизов С.Г. Общество взаимопомощи петроградцев в белом Омске в 1918–1919 гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 340–356. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.203.

10. Шереметьева Д.Л. Власть и пресса в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 129–134.

11. Шереметьева Д.Л. Корпус редакторов газет Сибири на начальном этапе Гражданской войны (лето-осень 1918 года) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 53–68.

12. Шереметьева Д.Л. Омская «Заря» и государственная власть в ноябре 1917 – июне 1919 года: проблемы политической адаптации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 1. С. 131–141.

13. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.

14. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

15. Печать // Наша Заря (Омск). 1919. 7 августа.

16. Местная жизнь // Сибирская речь (Омск). 1919. 7 августа.

17. Государственное экономическое совещание // Наша Заря (Омск). 1919. 7 августа.

18. Добросовестный вор // Наша Заря (Омск). 1919. 7 августа.

19. Воспоминание // Сибирская речь (Омск). 1919. 7 августа.

20. Помните, 22 августа... // Сибирская речь (Омск). 1919. 7 августа.

21. Добровольцы // Наша Заря (Омск). 1919. 26 августа.

22. Омск // Наша Заря (Омск). 1919. 26 августа.

23. На нужды армии // Сибирская речь (Омск). 1919. 27 августа.

24. Местная жизнь // Сибирская речь (Омск). 1919. 27 августа.

25. Объявления // Сибирская речь (Омск). 1919. 27 августа.

26. Раненые и убитые // Наша Заря (Омск). 1919. 26 августа.

27. Печать // Наша Заря (Омск). 1919. 26 августа.

28. Местная жизнь // Сибирская речь (Омск). 1919. 27 августа.

29. Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. 392 с.

30. Вторушин М.И. Сибирское общество и Всероссийское Учредительное собрание в контексте кризиса революции 1917 года // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 22–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-22-30.

31. Чемоданный стиль // Сибирская речь (Омск). 1919. 27 августа.

32. Петин Д.И. Власть, деньги и «Русская смута» (о монографии М.В. Ходякова «Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 51–59. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-51-59.

С. А. МОГУЛЧИНА

Архивный отдел Администрации Шебалинского района,
Шебалино, Республика Алтай

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Аннотация: В исследовании на основе опубликованных и неопубликованных источников представлена информация о непростом становлении Советской власти на Алтае, об использовании политическими авантюристами идеи Алтайской автономии, о натравливании коренного населения на большевиков, о разжигании национальной розни под прикрытием имени художника Григория Ивановича Чорос-Гуркина, ставшего во главе Каракорум-Алтайского округа.

Ключевые слова: советское общество, Гражданская война, А.В. Колчак, Г.И. Чорос-Гуркин, инородческая волость, национальная политика, межнациональные отношения.

Постановка проблемы. Революционные события 1917 г. в Петрограде резко изменили общественно-политическую ситуацию не только в стране, но и в ее регионах. В Бийском уезде Алтайской губернии начали создавать новые органы советской власти. Особенностью здесь был многонациональный состав и зревшая идея автономии.

Основная часть. 1-6 июля 1917 г. в Бийске состоялся съезд представителей инородческой волости Алтая. Обсуждали более десятка вопросов: о земле, о нуждах народного образования, о кооперации. Безусловно, главным вопросом съезда был вопрос «об организации алтайского местного самоуправления». Съезд принял решение назвать центральный орган по местному управлению инородцев Бийского и Кузнецкого уездов «Алтайской Горной Думой». Ее возглавил известный художник, делегат из Мыютинского уезда Григорий Иванович Чорос-Гуркин [1, с. 10–11].

После уездного и губернского съездов, а также неоднократных распоряжений Бийского исполкома Алтайская Горная Дума активизировала процесс создания Советов в Горном Алтае. Если к началу января сформировались лишь Чемальский, Онгудайский, Шебалинский сельские Советы, то к концу февраля 1918 г. в составе Алтайской Горной Думы было уже три десятка сельских Советов. Советы оставались на позициях революционно-демократического – по методам, либерально-демократического – по сути, подхода в решении основных социально-политических и экономических задач и не ставили вопрос о социалистических преобразованиях [1, с. 20].

12 марта 1918 г. состоялся Учредительный Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов. В нем приняли участие 100 делегатов, в их числе были крупнейшие богачи: Аргымай Кульджин, Тобоков, Чендеков, Тожулей Карманов, предводители будущих банд Кайгородов, Товар Чекураков, Темдек и духовенство. Делегаты съезда приняли решение о выделении Горного Алтая в самостоятельный округ, а затем и в республику. Округ получил название Каракорум-Алтайский [2, с. 29–30]. Принимая решение о создании Советов на территории Горного Алтая, Каракорум-Алтайская окружная управа главную свою задачу видела в определении границ нового округа и достижении признания его в качестве самостоятельной единицы органами Советской власти [3, с. 31–33].

Если же Алтайский губернский Совет признал Каракорум, то Бийский уездной Совет сразу же высказался против Каракорумского округа и постоянно информировал вышестоящие органы власти о «контрреволюционности» Каракорума. Противостояние усиливалось

еще и тем, что Бийский уездный совет депутатов неоднократно посылал красногвардейские отряды на территорию Горного Алтая, угрожая расправой селам и волостям, желавшим войти в состав Каракорум-Алтайского округа и неоднократно провоцировали вооруженные столкновения с каракорумцами [4, л. 95–96].

Такая политика способствовала обострению ситуации в регионе, особенно при обсуждении вопроса о границах Каракорум-Алтайского округа. Одни хотели присоединиться к Каракоруму, другие остаться в Бийском уезде. В некоторых волостях часть жителей (преимущественно алтайцы) образовали новые административные единицы и приняли решение подчиниться Каракоруму, чем вызвали недовольство уездных представителей. Некоторые села и волости сразу отказались признать Каракорум из опасения перед Бийским совдепом. У большинства коренных жителей Горного Алтая не было определенной ясности в классовой ориентации, их симпатии Каракоруму или совдепу определялось главным образом имущественным положением: зажиточная часть шла за Каракорумом, беднота поддерживала Советы [4, л. 94–95].

В конце апреля, начале мая произошли кровопролитные столкновения красногвардейцев Бийского совдепа с отрядами Каракорум-Алтайской управы. По показаниям жителей села Мыюта 13 апреля 1918 г. в село вошел отряд бийских красногвардейцев. Потребовав лошадей, они стали разъезжать по селу, грабить и избивать население. Несколько сторонников Каракорума были арестованы. В этот же день отряд красногвардейцев выехал в Шебалино, а 15 апреля вновь вернулся в Мыюту. Обеспокоенная таким развитием событий, Каракорум-Алтайская управа направила телеграммы в уездный СНК и губернский совет, прося защиты и наказания виновных. По мнению Каракорумской управы конфликт разогрелся из-за того, что часть населения Шебалинской волости решила присоединиться к Каракорум-Алтайскому округу, а другая часть, во главе с Василием Ивановичем Плетневым председателем Шебалинского Совдепа, решила остаться в составе Бийского уезда. В.И. Плетнев не поддерживал Каракорумскую управу, считал ее главной угрозой для молодой Советской власти. По просьбе В.И. Плетнева Бийский уездный совет отправил карательный отряд, который по пути в Шебалино вошел в Мыюту и учинил расправу над каракорумцами. Очередное столкновение, противоборствующих сторон, удалось приостановить. После короткого затишья, вновь обстановка стала ухудшаться. Причиной столкновения между Каракорумской управой и Бийским совдепом в Мыютинской и Шебалинской волостях были не только спор о подчинении территории тому или другому органу, но и разные подходы к вопросу о взимании налогов. Делегации Бийского совдепа (только шебалинцы заплатили 38 тыс. руб., население Мыютинской волости должно было внести 20 тыс. руб.) привела к потоку жалоб в Управу и ее конфликту с советом. На указания Каракорумской управы, что население жалуется на грабежи со стороны бийских красногвардейцев, председатель исполкома Бийского совдепа Двойных, говорил: «Возмущаются капиталисты и кулаки» [5, с. 48–50].

Шебалинский совет депутатов во главе с В.И. Плетневым требовали от Бийского уездного исполкома незамедлительного ареста членов Каракорум-Алтайской окружной управы. Тучи сгущались, назревала настоящая бойня, чтобы отвести беду Г.И. Чорос-Гуркин 18 мая 1918 г. направил срочную телеграмму в уездной и губернский совет депутатов, следующего содержания: «В пределах Мыютинской инородческой волости отряд красногвардейцев готовит крупное выступление с последующими арестами каракорумцев. Плетнев уехал в Бийск за оружием. Оружие не выдавайте, Плетнева отзовите обратно в Бийск. Ситуацию в Мыюте должна рассмотреть губернская комиссия. Необходим срочный телеграфный ответ, противном случае, принимаем меры охраны». 21 мая в Мыюте опять произошло вооруженное столкновение красногвардейцев под руководством В.И. Плетнева с каракорумцами. Причиной конфликта в Мыюте стало решение земельного вопроса местным советом депутатов, который не посчитался с предложениями Каракорумской окружной управы. Каракорумцы арестовали членов местного Совета депутатов, что вызвало недовольство Шебалинского

Совдепа, они разгромили вооруженный отряд каракорумцев, произвели арест сторонников Каракорума и собирались их расстрелять. Бийский совдеп встал на сторону красногвардейцев во главе В.И. Плетневым и планировал выслать свой отряд им на помощь. Чтобы предотвратить новое кровопролитие, комиссар Западно-Сибирского совдепа Г.К. Соболевский отправил в Бийск срочную телеграмму: «Совдеп. Двойных. Отрядов не высылайте. Выезжаю в Шебалино. Ликвидирую конфликт бескровно. Подробно телеграфирую из Шебалино». Помимо Г.К. Соболевского в Мыюту и Шебалино выехали председатель Каракорум-Алтайской окружной управы Г.И. Чорос-Гуркин и член Бийского совдепа Болтунов. В Мыюте состоялся чрезвычайный революционный суд над виновниками конфликта. В состав суда вошли названные лица и представители от русских крестьян и алтайцев села. В воззвании, принятом членами революционного суда, содержался призыв сохранять спокойствие и терпение, население заверялось в том, что все «несправедливости» срочно будут расследованы. 27 мая 1918 г. Бийский совдеп телеграфировал в Центросибирь, что конфликт с Каракорумом улажен мирно, и все отряды отозваны. Мыютинский бой не был крупным военным событием. Но он был первым вооруженным столкновением за советскую власть в Горном Алтае, который произвел большой резонанс по всей Сибири [6, с. 80–81].

Таким образом, под давлением вышестоящих органов власти, Бийский совдеп прекратил вооруженные выступления против Каракорума, которые не способствовали укреплению и доверию к советской власти. Активисты Алтайской Горной Думы во главе Г.И. Чорос-Гуркиным не смогли реализовать до начала Гражданской войны идею национального самоопределения, не нашли понимания в верхах большевистской иерархии, поэтому лелеяли надежду воплощения самоопределения Ойротского округа с приходом к власти антибольшевистских сил. Ввели в заблуждение активистов национально-освободительного движения и политические лозунги белых, декларировавшие самоопределение национальных меньшинств, свободу и власть народу, объявив демократическую контрреволюцию. Уже с лета 1918 г. информационно-пропагандистская и инструкторская работа с национальными окраинами Алтая активно проводилась по линии «омского» МВД [7]. Белые перешли к формированию национальных воинских подразделений с тем, чтобы использовать их для подавления крестьянского недовольства. Каракорумская управа, наивно верившая «омскому» правительству, повела работу по вовлечению коренного населения в Алтайский туземный дивизион с последующим переводом его в казачество и включением в дружины самоохраны для борьбы с партизанами [6, с. 78].

Особенно много алтайцев было вовлечено в отряды Сатунина, Кайгородова, Тожулея Ташкенова при отходе их к монгольской границе. Определенную роль здесь сыграла созданная Кайгородовым в Онгудае Алтайская областная управа, которая для привлечения на свою сторону алтайцев вновь обратилась к лозунгу о самоопределении народов. В итоге, к февралю 1920 г., колчаковско-каракорумские отряды общей численностью до 2000 чел. на 70% состояли из алтайцев. Положение дел развязывало руки военным, в тех условиях участились экспедиции-рейды в Горный Алтай, с крестьян взимали неподъемные налоги, проводили принудительные поборы. Военные жестко обращались с гражданским населением, за малейшее нарушение без суда и следствия избивали, порке подвергались даже женщины. Многих людей арестовывали по доносу, при попытке к бегству из мест заключения расстреливали.

Доведенный до отчаяния народ не знал, какой власти присягать, потому что угроза шла с обеих сторон. Поэтому многие старожилы вспоминали, при приходе красных вывешивали красное полотно, если приходили белые вывешивали белое полотно. Ситуация способствовала произволу бандитизма, укреплявшегося уже в 1920 г., в первые месяцы советской власти: «Расплодилось множество бандитов, которые захватывают целые обозы с оружием и обмундированием, бесчинствуют, учиняя произвол и беззаконие, уничтожают мирное население». К примеру, в поселке Курзун Песчаной волости расстреляны 30 невинных лю-

дей. Нарастала волна недовольства среди обывателей. Для скорейшего подавления бандитизма в Алтайской губернии и пресечения брожения среди инородцев Горного Алтая было введено военное положение. Горно-Алтайский революционный комитет выступил с обращением к жителям Горного Алтая: «объединиться и очистить территорию Горного Алтая от всякой нечисти» [1, с. 38–39]. Почти повсеместно вспыхнули крестьянские восстания, составившие крестьяне Барагаша, Ильинки, Мариинска и других сел примкнули к отряду Бело-Ануйских партизан. Партизаны выступали за справедливость, против назначения грабительских цен. Партизанское движение оказывало тогда на военно-политическую ситуацию в регионе довольно значительное влияние. Документы свидетельствуют о том, что ядром повстанческого движения были крестьяне-середняки, вокруг которых чаще всего объединялись представители других социальных слоев. Исход войны в Горном Алтае во многом зависел от позиции алтайского населения, поэтому партизанские органы власти, Штаб партизанской дивизии предписал партизанам вести себя с населением, особенно с коренным народом, вежливо, без насилия, без самовольных обысков и безобразий. Такая тактика приносила результаты. Согласно решению инородцев урочища Большой Черги Барагашской волости, Каспинского урочища «единогласно присоединились к народной армии», число добровольно вошедших партизан быстро росло. Но все же, главную роль в ликвидации колчаковской власти в Горном Алтае, как и в целом по Сибири, сыграли не партизаны, и не коренное население, а части РККА, разгромившие основные силы Колчака на Восточном фронте [8, с. 67].

Результаты исследования. «Историю многонациональной страны необходимо изучать и дополнять достоверными материалами, подтвержденными архивными документами и историческими фактами, чтобы не было лазейки для переписки истории для псевдоисториков ...» – так кандидат исторических наук Н.С. Модоров формулирует одну из важных задач научных исследований, в том числе, историко-архивного поиска [8, с. 13]. Но именно так и происходит подтверждение исторической правды любого народа, а в совокупности всей многонациональной страны. Но, возвращаясь к осмыслению национального самоопределения алтайского народа надо отметить: смешанный национальный состав Горного Алтая сложился исторически еще в дореволюционный период [3, с. 24]. Это обстоятельство не явилось препятствием для национального самоопределения алтайцев. Советская власть дала им государственное устройство в форме административной автономии, и как следствие, возможность в кратчайший срок ликвидировать экономическую и культурную отсталость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. От уезда к Республике: сб. арх. док–тов. Горно-Алтайск, 2001. 275 с.
2. Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. 199 с.
3. Пахаев С.Я. Горный Алтай накануне массового партизанского движения (июнь 1918 года – июль 1919 года) // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Горно-Алтайск, 1961. Вып. 4. С. 107–117.
4. ГА СПД РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 662.
5. Демидов А.А. Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1962. 88 с.
6. История Горного Алтая. В 3 т. Т. 1. Бийск, 2000. 326 с.
7. Гордеев А.Г. Роль земских инструкторов в обеспечении деятельности волостного земского самоуправления в белой Сибири на примере Алтайской губернии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 19–22.
8. История Горного Алтая. Ч. 2. Горный Алтай в 1917–1940 гг. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 1995. 218 с.

С. А. МУЛИНА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

**ВЛИЯНИЕ СЛУЖБЫ В КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ НА ЖИЗНЬ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ КАРЬЕРУ СТУДЕНТОВ
ОМСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-49-550016 p_a
«Научные и образовательные проекты государства в контексте колонизации
Азиатских окраин: омские площадки и эксперты первой трети XX в.»*

Аннотация: В исследовании на основе делопроизводственной документации и источников личного происхождения из личных дел студентов Омского сельскохозяйственного института, реконструируются биографии студентов, прошедших в период Гражданской войны службу в рядах белой армии. Анализируются последствия в судьбах указанной категории студентов, вызванные в 1920-х гг. данным обстоятельством.

Ключевые слова: Омский сельскохозяйственный институт, студенчество, Гражданская война, белое движение, офицерство, советская власть, чистки, репрессии, ученые, аграрники.

Постановка проблемы. История российского студенчества в первые годы советской власти привлекает внимание исследователей прежде всего в контексте формирования нового типа высшей школы. Предметом исследования становятся политика большевиков в сфере образования, формы и каналы идеологического давления на вузы, трансформация внутреннего мира студенчества [1; 2]. Исследователи отмечают, что власть испытывала трудности в реализации классово-идеологического принципа в вузовской политике. «Зачисление студента в ту или иную классовую категорию зависело как от отметки в его командировочном удостоверении и личной стратегии поведения, так и от представлений членов приемных, стипендиальных, проверочных комиссий о «классовости» [1]. Это актуализирует изучение тех групп студентов, которые формально не вписывались в идеологему «красного студента» по классовому признаку, политическим взглядам или жизненному опыту. В данном случае будут интересны как их репрезентации и модели адаптация к новой политической реальности, так и отношение к ним руководства вуза и большевистской власти.

Основная часть. В центре нашего исследования студенты Омского сельскохозяйственного института, прошедшие службу в колчаковской армии. Несмотря на то, что Омский сельскохозяйственный институт (с 1919 г. – Омский институт сельского хозяйства и промышленности, а с 1922 г. – Сибирская сельскохозяйственная академия) в годы Гражданской войны оказался в эпицентре антибольшевистского движения, об этой категории студентов почти ничего не известно. Сотрудник вуза А.З. Ламбин в воспоминаниях, написанных в 1960-е гг., отмечал, что «в 1921 году в институт были приняты и чуждые по идеологии студенты, которых можно было легко обнаружить при выступлениях на студенческих собраниях. Много было принято в институт демобилизованных офицеров, освободиться от которых было очень трудно; потребовалось несколько лет упорной работы общественных организаций, чтобы студенты опролетаризировались». Но при этом умолчал, что сам с 25 марта по май 1919 г. служил писцом в батальонной канцелярии Верховного правителя России [4]. Видный знаток истории Омского сельскохозяйственного института Владимир Николаевич Червоненко отмечал, что «в студенческой среде были люди с различными убеждениями –

сторонники Советской власти, нейтральные и враждебно настроенные. Об этом свидетельствует факт привлечения ВЧК к ответственности 11 студентов, уличенных в политических преступлениях» [3, с. 18]. Кто именно составлял враждебный лагерь, автор не поясняет. О студентах, служивших в армии Колчака, В.Н. Червоненко ничего не пишет, более того, умалчивает этот факт в биографиях сотрудников вуза, например: А.З. Ламбина, В.П. Иржичко [5, с. 48–49, 64–65].

Судьбы участников антибольшевистских военных формирований за пределами высшей школы, как правило, рассматриваются на примере профессиональных военных. Например, в исследованиях В.В. Каминского показано двойственное отношение большевиков к кадровому офицерству. Значительная его часть, оказавшаяся с крахом «колчаковщины» в распоряжении военного ведомства большевистского режима, испытала в первой половине 1920-х гг. кратковременный карьерный «взлет», что доказывает заинтересованность новой власти в кадрах подобного рода. Однако параллельно большевики применяли к офицерству ряд мероприятий репрессивного характера [6].

Военная служба в годы Гражданской войны коснулась значительной части мужского населения страны. По данным российского исследователя Д.Н. Шевелева, в течение лета 1918 – осени 1919 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке для различных категорий городского и сельского населения призыв на действительную военную службу объявлялся восемь раз, и это не считая офицеров, военных чиновников и казачества [7, с. 22]. Для студентов мобилизация означала временное отстранение от учебы или полный отказ от продолжения образования. Часть студентов попадала на фронт, получив извещение о приеме в институт и не проучившись ни дня. Штабс-капитан Сергей Северинович Дзюбенко в конце мая 1918 г. был зачислен на инженерно-строительный факультет Омского политехнического института, объединенном в июле 1919 г. с Омским сельскохозяйственным институтом. Но уже 2 августа 1918 г. обратился с просьбой к директору института считать его «впредь до демобилизации офицеров временно выбывшим из числа студентов» [8, л. 2]. В армии Колчака Дзюбенко служил начальником 2-го бронепоезда Западно-Сибирского военного округа, в начале мая 1919 г. был командирован в распоряжение Начальника Штаба Западной армии, получил звание подполковника. После перехода на службу к большевикам некоторое время состоял в распоряжении Всероссийского главного штаба, а затем служил помощником главреда редколлегии Главного управления военно-учебных заведений [6, с. 47]. Сын священника Владимир Васильевич Голубев, зачисленный летом 1918 г. на механическое отделение Омского политехнического института, практически сразу пошел добровольцем на службу в армию Временного Сибирского правительства, а при Колчаке был мобилизован по досрочному призыву 1920 г. [9, л. 5]. Судя по материалам личных дел этих студентов, в институт они уже не вернулись.

Мобилизация коснулась практически всех студентов мужского пола, включая лиц в возрасте и со слабым здоровьем. Возможно, что именно это привело к тому, что 8 ноября 1919 г. по распоряжению министра сельского хозяйства Российского правительства адмирала А.В. Колчака деятельность института была приостановлена [3, с. 12]. Когда же после прихода в Омск большевиков, институт возобновил работу, ряды студентов пополнили бывшие солдаты армии Колчака. Этот факт отразился в многочисленных анкетах, сохранившихся в личных делах. Например, «Анкета для студентов, подвергающихся проверке», предлагала ответить, участвовал ли студент в Гражданской войне, где именно, сколько времени и в качестве кого? В другой анкете требовалось ответить, состоял ли студент на военной службе, и на каком основании от нее освобожден, подвергался ли преследованиям за убеждения и политическую деятельность со стороны властей, где находился и чем занимался, когда Омск был занят белыми. Подобные документы позволяют составить впечатление о боевом прошлом студентов. Так из анкеты Сергея Семеновича Голубинского узнаем, что он два месяца служил в «Царской Армии», но в 1915 г. был демобилизован со службы по состоянию

зрения. Когда Омск был занят белыми, находился в пос. Иртышском Павлодарского уезда и работал в питомниках, но в 1919 г. был призван в армию Колчака и прослужил 11 месяцев рядовым, писарем и помощником заведующего хозяйством в лазарете [10, л. 46].

Кроме того, сохранилось три ведомости студентов Сибирской сельскохозяйственной академии, служивших в «белых» армиях, в которых фигурируют 114 человек. Из них 22 человека были командированы в академию из рядов РККА, двое прибыли по собственному желанию, остальные были направлены на учебу в 1920–1922 гг. профсоюзами, рабфаками, большевистскими организациями различных населенных пунктов Сибири [11, л. 209–209об.; 297–299]. Изучение личных дел позволяет говорить, что в ведомости были включены не все студенты, служившие в «белой» армии. Не вошли в списки А.З. Ламбин, Н.М. Дымовский, С.С. Голубинский, П.С. Сарапкин, П.И. Стреляев, хотя в их анкетах зафиксирована служба в армии Колчака. Поскольку нам не удалось ознакомиться с личными делами всех студентов, приведенные ниже статистические данные следует считать минимальным показателем. Например, в 1921/1922 учебном году из 175 студентов, обучавшихся на землеустроительном и геодезическом факультетах, 25 студентов (14%) служили в армии Колчака [11, л. 209–209об., 297–299; 12, л. 7–7об.]. При этом нет оснований говорить, что эта группа студентов подвергалась ограничениям со стороны руководства вуза. Иван Кузницын во время учебы подрабатывал в вузе «управляющим делами», Андрей Аузен – заведующим снабжения, Василий Москаленко был секретарем землеустроительного факультета, Владимир Тябин – членом хозкома, Андрей Кочетков – секретарем геодезического факультета. Наибольшая концентрация студентов, служивших в белой армии, была на 2-м курсе землеустроительного факультета и составляла 30%. Спустя год, соотношение сохраняется. По спискам студентов Сибирской сельскохозяйственной академии приемов, предшествующих приему 1922 г. на 2 и 3 курсе землеустроительного факультета обучалось 62 человека, из которых опыт службы в белой армии имели минимум 17 человек (27%), на трех курсах лесного факультета из 55 студентов таковых было 18 (33%) [11, л. 209–209об.; 297–299; 13, л. 2–4].

Остановимся более подробно на нескольких примерах. Николай Иванович Смирнов был мобилизован 15 августа 1918 г. и служил в 4-й батарее 2-го корпуса армии Колчака писарем и телефонистом, а с 1 февраля 1920 г. – в РККА агентом у «продкомдива», а с 15 мая 1920 г. – писарем в 44-м армейском транспорте. 13 ноября 1920 г. был освобожден от военной службы по близорукости и в этом же году по собственному желанию поступил в вуз [14]. Илья Иванович Самсонов в 1918–1919 гг. служил у Колчака в 51-м пехотном полку рядовым нестроевой службы и в унтер-офицерской школе писарским учеником, в 1920 г. работал в отделе сельского хозяйства Татарского уезуправления Омской губернии, а в 1921 г. профсоюзом работников земли и леса направлен в Омск для получения образования [15, л. 22–23]. Николай Михайлович Дымовский два месяца служил рядовым в армии Колчака, затем 6 месяцев партизанил на Северо-Канском фронте, а в 1920 г. уже занимал должность политкома в Енисейском уездном СНХ и параллельно обучался в Томске на рабфаке. В Сибирскую сельскохозяйственную академию поступил в 1923 г. [16].

Эти примеры позволяют говорить, что студенты служили в армии Колчака незначительное время, от нескольких месяцев до года. После отступления белой армии переходили на службу в РККА или получали должности в советских структурах. Большая часть студентов служила в армии Колчака рядовыми или писарями. Представителей офицерского состава было немного. По официальной статистике среди студентов, поступивших в 1921 г. на землеустроительный и геодезический факультеты Сибирской сельскохозяйственной академии, бывшие офицеры составляли только 10 % [11, л. 302]. Главным образом, это обер-офицеры: прапорщики, подпоручики, поручики.

О студенческой жизни бывших колчаковцев известно мало. Студент агрономического факультета подпоручик Василий Тихонович Бахвалов в начале 1921 г. был арестован Омской губЧК и не вернулся в институт, поэтому с 1 ноября того же года был исключен из списка

студентов и снят с денежного довольствия [17, л. 111об.]. В 1921 г. под арестом Омской губЧК находились служившие в армии Колчака рядовыми И.П. Конопацкий, П.С. Вербицкий, А.И. Салтычев, В.А. Устюгов, Ф.А. Широков и другие [18, л. 41, 45об.]. Известно, что Александр Иванович Салтычев был обвинен в участии в подпольной организации по свержению советской власти и 26 апреля 1921 г. осужден Омской губЧК. Дело было прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован 4 ноября 1999 г. [19]. Иван Поликарпович Конопацкий был выпущен из-под ареста и зачислен на все виды довольствия с 15 апреля 1921 г. [18, л. 76]. Мы встречаем его в списках студентов Сибирской сельскохозяйственной академии за 1923/1924 учебный год [20, л. 72об.–73]. После окончания вуза он работал лесоводом Чингисского мехлеспункта. Был арестован 25 сентября 1937 г. по обвинению в участии в вредительской контрреволюционной группе и по ст. 58, п. 7 (вредительство) и 10 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР 29 октября 1937 г. приговорен Тройкой УНКВД по Новосибирской области к 8 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 5 лет. Реабилитирован 21 июня 1968 г. [19].

Вследствие сокращения с 1 февраля 1922 г. числа отпущенных институту пайков, руководство вуза предпринимает шаги по уменьшению количества студентов. 90 человек были сняты с довольствия и уволены в отпуск с 1 марта по 15 сентября 1922 г., 44 человека были откомандированы в распоряжение заведующего губземотделом для назначения на службу по специальности. На 7 марта 1922 г. на госснабжении в Сибирской сельскохозяйственной академии оставалось 88 студентов, в том числе 16 бывших колчаковцев (18 %). Среди них студенты агрономического факультета А.З. Ламбин, Ф.И. Иванов, Е.П. Суворов и студент лесного факультета П.А. Войнов, обещавшие закончить вуз в течение 1922 г. [21, л. 20об.–21об.].

Первый выпуск Сибирской сельскохозяйственной академии состоялся в 1922 г. и включал 30 человек: 7 агрономов, 1 лесничего и 22 землеустроителя [3, с. 24]. В этот коллектив вошел Александр Захарович Ламбин, будущий доктор с.-х. наук, профессор. В 1929 г. он был направлен заведующим кафедрой агрохимии и физиологии растений в Дальневосточный университет и Тихоокеанский сельскохозяйственный институт. А с 1932 по 1965 гг. Ламбин заведовал кафедрой агрохимии Омского сельскохозяйственного института [5, с. 64–65; 22]. Скорее всего, в число первых студентов вошел и Евгений Павлович Суворов. После окончания вуза он проживал в Барнауле, работал заведующим отделением Алтайской сельскохозяйственной опытной станции. Был арестован 12 февраля 1931 г. и осужден Барнаульским оперсектором ОГПУ по ст. 58, п. 7 (вредительство) и 11 (организация контрреволюционной деятельности) УК РСФСР. Дело было прекращено за недоказанностью обвинения [19]. Удалось ли закончить вуз прапорщику Федору Ивановичу Иванову и подпоручику Павлу Алексеевичу Войнову, не известно.

Невозможность советского правительства содержать существующее количество высших учебных заведений поставило на повестку дня вопрос об их сокращении. Закрытие вузов сопровождалось «чисткой» студенческих рядов, причем исследователи затрудняются сказать, какие социальные категории студентов пострадали более всего от этого мероприятия [1]. В книгах приказов по Омскому институту сельского хозяйства и промышленности, а позднее Сибирской сельскохозяйственной академии часто встречается информация об исключении студентов из вуза по самым различным причинам: неуспеваемость, непосещение работ по нарядам, не внесение платы за обучение. Но иногда в основе приказа об исключении студентов лежит заключение какой-либо комиссии или управленческой структуры без указания на причину такого решения. Так 21 мая 1923 г. приказом № 22 по студенческой части 35 студентов были исключены из Сибирской сельскохозяйственной академии. Среди них 11 человек, прошедших службу в белой армии: прапорщики П.А. Серпокровов, С.Д. Тяжельников и В.Е. Тябин, подпрапорщик И.Д. Коновалов, капитан С.А. Ильинский, хорунжий

К.Д. Жвалов, юнкер В.Е. Олешко и рядовые А.С. Коновалов, Б.Л. Фугенфилов, Х.И. Зильберман и М.И. Белоногов [13, л. 11об.–12]. Приказ об исключении был принят на основании решения комиссии по чистке ВУЗ. Повлияло ли на это военное прошлое студентов, сказать сложно.

Пребывание бывших колчаковцев в вузе растянулось на все 1920-е гг. Бывший поручик армии Колчака Петр Андреевич Куприянов, присланный в Омск в 1922 г. для продолжения образования после закрытия Красноярского политехникума, окончил Сибирскую сельскохозяйственную академию в 1923 г. Сергей Семенович Голубинский – в 1925 г. Из материала личного дела Голубинского видно, что с 15 января 1926 г. он состоял на службе при лесном отделе Новосибирского окружного земельного управления. Впоследствии стал известным мелиоратором, автором ряда научных работ [10; 23; 24]. Петр Сергеевич Сарапкин окончил обучение в 1927 г. [25], в 1948 г. получил степень кандидата физико-математических наук, в 1949 г. – звание доцента. С 1953 г по 1955 г. работал заведующим кафедрой физики в Красноярском сельскохозяйственном институте [26, с. 29]. В 1927 г. заканчивает вуз будущий профессор, заведующий кафедрой экономики сельского хозяйства Омского сельскохозяйственного института Владимир Иванович Иржичко [5, с. 47–48; 27]. О профессиональной карьере Николая Ивановича Смирнова, выпускника 1926 г., нам ничего не известно.

Результаты исследования. Таким образом, служба в колчаковской армии не стала определяющим фактором в студенческих биографиях и профессиональной карьере. Значительное количество студентов, прошедших службу в белой армии, их неоднородность с точки зрения социальной принадлежности, материального статуса, политических взглядов – все это не позволило руководству вуза сформировать единый подход к этой группе студентов. В результате некоторые бывшие колчаковцы успешно прошли обучение и сделали карьеру по специальности, а некоторые вынуждены были оставить вуз. Более-менее последовательная репрессивная политика проявила себя лишь в отношении к бывшим офицерам. И все же служба в «белой» армии всегда служила сопутствующим отягчающим обстоятельством и оказывала тем самым влияние на жизнь и карьеру, как студентов, так и специалистов-аграриев. Не случайно в советские годы факт службы в антибольшевистских военных формированиях старательно вымарывался из биографий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы [Электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizaczi-vysshej-shkoly.html> (дата обращения: 02.07.2019).
2. Волков Д.А. Взаимоотношения студенчества и местных органов власти Верхнего Поволжья в годы Гражданской войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 24–28.
3. Червоненко В.Н. Очерки истории Омского государственного сельскохозяйственного института (1918–1993) / под ред. Г.П. Сапрыгина. Омск: ОмСХИ, 1994. 232 с.
4. Воспоминания Александра Захаровича Ламбина (студента первого набора 1918 года Омского сельскохозяйственного института) [Электронный ресурс] // URL: http://sibaka-today.ucoz.ru/index/k_jubileju_vuza/0-37 (дата обращения: 02.07.2019).
5. Червоненко В.Н. Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Профессора. Доценты – руководители вуза, деканы, заведующие кафедрами. Руководители отделов / ред. Н.М. Крючков. Омск, 1994. 298 с.
6. Каминский В.В. От А.В. Колчака – в Красную Армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального Штаба (Томск, апрель 1919 г.) // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 40–68.

7. Шевелев Д.Н. Мобилизация в сибирскую армию в 1918 г. и взаимоотношения крестьян с антибольшевистским омским правительством // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 2. С. 19–34.
8. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2497. Дело Дзюбенко Сергея Севериновича.
9. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2245. Дело Голубева Владимира Васильевича.
10. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2252. Дело Голубинского Сергея Семеновича.
11. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 2. Д. 33. Разные списки на студентов Сибкакадемии за 1921/22 гг.
12. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 69. Протоколы заседаний президиума бюро при ОмЗИ.
13. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 2. Д. 28. Приказы по Сибирской академии о составе студентов налицо. Ноябрь 1922 – апрель 1926 г.
14. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 5331. Дело Смирнова Николая Ивановича.
15. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 5469. Дело Самсонова Ильи Ивановича.
16. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2464. Дело Дымовского Николая Михайловича.
17. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 2. Д. 14. Приказы по личному составу сотрудников и студентов Сибирского института сельского хозяйства и промышленности 11 июня – 31 декабря 1921 г.
18. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 2. Д. 13. Книга приказов по Сибирскому институту сельского хозяйства и промышленности на 1921 г.
19. Открытый список [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 02.07.2019).
20. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 304. Списки студентов Сиб. академии за 1923 /1924 гг.
21. ГИАОО. Ф. Р-492. Оп. 2. Д. 15. Приказы по Сибирскому институту сельского хозяйства и промышленности (черновые). Январь – март 1922 г.
22. НМИ ОмГАУ. Ф. Р-492. Оп. 2. Д. 3692. Дело Ламбина Александра Захаровича.
23. Голубинский С.С. Борьба с засухой и лесная мелиорация в Алтайском крае. Барнаул: Алтайская правда, 1946. 42 с.
24. Голубинский С.С. Краткое руководство по выращиванию полезащитных лесных полос в колхозах и совхозах Алтайского края. Барнаул: Алтайская правда, 1944. 33 с.
25. НМИ ОмГАУ. Ф. 492. Оп. 2. Д. 5433. Дело Сарапкина Петра Сергеевича.
26. Антоник Г.Н. История в лицах (1952–2017): из истории факультета механизации сельского хозяйства Красноярского сельскохозяйственного института, а ныне – Института инженерных систем и энергетики Красноярского государственного аграрного университета. Красноярск, 2017. 131 с.
27. Воспоминания профессора Ручкина. Бессленный оппонент – экономист Иржичко // История Сибачи [Электронный ресурс] // URL: <https://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-178> (дата обращения: 02.07.2019).

А. П. ПАВЛЕНКО

Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ – КОМАНДУЮЩИЕ КРАСНЫМИ ФЛОТИЛИЯМИ НА ВОСТОКЕ И ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматриваются биографии деятелей советского флота, имеющих профессиональное военно-морское образование, участвующих в боевых действиях на востоке России в период Гражданской войны. Анализируются различные характеристики командного состава (возраст, срок службы, образовательный ценз и т.д.).

Ключевые слова: Рабоче-крестьянский красный флот, речная флотилия, Восточный фронт, офицер, командный состав, военспец, просопография

При поддержке РФФИ (проект 19-09-00081 «Старое» русское морское офицерство после 1917 г.: сплошное просопографическое исследование)

Постановка проблемы. В годы Гражданской войны в России противоборствующие стороны широко использовали корабли для ведения боевых действий, прежде всего, на реках, озерах, прибрежной зоне морей. Со стороны красных подобная практика ведения войны наблюдалась, с разной степенью интенсивности, на всех фронтах. Действия красных флотилий на востоке и юго-востоке страны были с разной степенью детализации описаны в монографиях [1–3], им были посвящены мемуары [4–6] и сборники документов [7–9]. Однако в историографии вопрос о командовании красными флотилиями комплексно не рассматривался. Это относится как к флотилиям на Восточном фронте, так и к РККФ в целом. Есть исследования, посвященные отдельным ярким личностям, но целостной картины, позволившей обобщенно охарактеризовать состав и деятельность красного командования речных и морских сил, пока нет.

Основная часть. Для решения этой исследовательской задачи нами разрабатывается и заполняется просопографическая база данных (БД), в которую вносится информация о командующих красными флотилиями. В перспективе планируется расширить БД за счет включения в нее сведений о начальниках штабов и комиссарах. Учитывая тематику конференции, из массива данных извлечена информация о судьбах и деятельности бывших морских офицеров, ставших во главе красных объединений кораблей в восточной и юго-восточной части России (от Волги и Каспия до Дальнего Востока).

Для составления списка командующих, прежде всего, использовались данные приложений «Морского атласа» [10, с. 732–738]. Однако выяснилось, что сведения этого фундаментального издания не полны и имеют ряд неточностей. Для уточнения списка, реконструкции биографий командующих и их служебной деятельности были привлечены сборники опубликованных документов по истории флота на востоке страны [7–9], списки личного состава Морского ведомства 1916 и 1917 гг. [11, 12], сведения просопографической базы данных «Офицеры флота» [13]. Их дополнили неопубликованные документы РГАВМФ, справочная и исследовательская литература, а также информация интернет-сайтов, посвященных биографиям морских офицеров.

По собранным в нашей базе данных сведениям, всего на востоке и юго-востоке России красные объединения кораблей в 1918–1922 гг. возглавляли 43 личности. Из них 20 являлись

бывшими морскими офицерами (46,5%), кроме того, был один гардемарин (2,3%). Остальные 23 чел. представлены моряками – бывшими нижними чинами, гражданскими лицами, одним сухопутным офицером и теми, чье служебное положение до революции не удалось идентифицировать. (Оговоримся, что морских офицеров среди этой категории нет, так как их полный перечень составлен и доступен для верификации [13]).

Из рассматриваемой группы подавляющее большинство – 18 чел. из 20 (90%) – кадровые строевые офицеры. Двое из них ранее имели чин капитанов 1 ранга, четверо – капитанов 2 ранга, трое были старшими лейтенантами, семеро – лейтенантами и двое – мичманами. Обращает на себя внимание факт отсутствие лиц, достигших ранее адмиральских чинов. В Советской России в должности командующих флотов и флотилий в разное время служили семь бывших адмиралов. Они командовали только крупными объединениями кораблей (Балтийский и Черноморский флот, Дунайская флотилия и флотилия Северного Ледовитого океана). На востоке страны для замещения соответствующих должностей использовались в основном обер-офицеры. Лишь С.Е. Сакс и М.Р. Бернгард представляли категорию офицеров по адмиралтейству. Строевых офицеров изначально готовили к службе на кораблях, уровень их профессиональной подготовки в плане умения вести корабли в бой, командования подчиненными, руководства боевыми действиями превосходили подобные знания у других категорий морского офицерства. Показательно, что и прапорщик по морской части С.Е. Сакс, и штабс-капитан по адмиралтейству М.Р. Бернгард успехов и славы на своих постах не добились. Первый в 1919 г. был снят с поста командующего Астрахано-Каспийской военной флотилией после чувствительного поражения в Тюб-Караганском заливе Каспия [7, с. 136–139, 141], второй просто не обладал необходимыми знаниями для руководства Волжской военной флотилией, за что и был отстранен от должности [9, с. 297].

Средний возраст к моменту занятия командного поста составлял 33 года. Восемь бывших офицеров достигли возрастного интервала от 22 до 30 лет; десять чел. – от 31 до 40, и всего двое большего возраста (42 и 55 лет). Стоит обратить внимание на тот факт, что объединениями кораблей командовало значительное количество молодых лиц. Это отличало красный флот от императорского, когда на должности командиров флотилий назначались офицеры, достигших большего служебного опыта и больших чинов. Самыми молодыми были В.Н. Варваца (22 года), С.К. Щениовский (25 лет), Ф.Ф. Раскольников (26 лет). Самыми возрастными были бывшие капитаны 1 ранга 42-летний А.К. Петров и 55-летний Г.Г. Огильви.

Срок военной службы к моменту назначения на должность командующего в среднем составлял около 15 лет. Однако разброс оказывается достаточно большим: от 36-летней военно-морской службы Г.Г. Огильви до 4 лет службы Ф.Ф. Раскольникова и всего 3 лет – В.Н. Варваца. У всех срок службы был непрерывным, за исключением Е.С. Гернета. Он был отдан под суд за служебный подлог, растрату казенных денег и побег со службы. Осужден на 3 года заключения в крепости, но император Николай II в 1912 г. заменил ему наказание на исключение со службы, с лишением дворянства, чина и орденов. В 1914 г., с начала Первой мировой войны, Е.С. Гернет был прощен, его приняли обратно на службу и вернули чины и ордена [13; 11, с. 233].

Большинство рассматриваемых лиц имели элитное военно-морское образование. 14 чел. окончили Морской кадетский корпус – привилегированное учебное заведение, готовившее строевых офицеров. Доступ в него имели преимущественно представители дворянского сословия. Э.С. Панцержанский и Н.П. Орлов, будучи юнкерами флота, сдали экзамен за курс обучения в Морском корпусе. М.Н. Попов обучался в Пажеском корпусе, служил офицером инженерных войск, а в 1910 г. был переведен в строевые офицеры флота. Уже имевший высшее гражданское образование Ф.Ф. Раскольников (экономическое отделение

Санкт-Петербургского Политехнического института) окончил Отдельные гардемаринские классы. Только С.Е. Сакс и М.Р. Бернгард имели за плечами мореходные училища и экзамен на производство в офицеры по адмиралтейству, которые в иерархии морских офицеров занимали невысокое место. По социальному происхождению большинство было выходцами из дворян, некоторые из семей, имевших заметное положение в военном сообществе. Например, С.А. Хвицкий был сыном генерал-майора [14, л. 1], А.К. Векман – сыном капитана 1-го ранга [15, с. 73].

Из 20 человек 15 имели ордена Российской империи, еще один офицер – М.Н. Попов – имел только российские медали, но был награжден иностранными орденами. 11 офицеров имели боевые награды, полученные в Русско-японскую и Первую мировую войны, из них двое были георгиевскими кавалерами – А.К. Петров и С.А. Хвицкий. В годы Гражданской войны двое были награждены орденами Красного Знамени. А.К. Векман получил орден за командование отрядом судов на Волге (оборона Черного Яра) [15, с. 74]. В.Н. Варваца, ранее временно командовавшего Волжской флотилией, отметили за боевые действия на Северной Двине в 1919 г. (успешно остановил наступление белых) [16, с. 304–305].

Членами партии большевиков были всего два человека: М.Н. Попов и Ф.Ф. Раскольников, имевший большой опыт политической работы еще до революции. В 1917 г. активной общественно-политической деятельностью занимались три офицера, избранные в состав различных органов. Ф.Ф. Раскольников играл заметную роль в составе Кронштадтского совета, был членом Учредительного собрания (именно он сделал заявление о том, что большевистская фракция покидает зал заседания) [6, с. 3–18; 17, с. 61, 62, 81–92]. А.К. Петров в октябре 1917 г. был кооптирован в состав Центрального комитета флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлот) [16, с. 60, 61]. С.Е. Сакс был председателем Батумского военно-морского комитета, участником Всероссийского съезда Военного флота в Петрограде в ноябре 1917 г. [18, л. 116; 19, с. 60, 74]. Остальные офицеры были аполитичны. Это в целом было характерно для морского офицества российского флота.

Два бывших офицера в ходе Гражданской войны переходили с одной стороны на другую. С.Ф. Тыртов, находясь в Сибири, перешел на сторону красных. М.Р. Бернгард, наоборот, стал служить в рядах белой Северо-Западной армии.

После окончания войны большая часть продолжила службу в РККФ, Ф.Ф. Раскольников и С.Е. Сакс почти сразу перешли на гражданскую работу. В дальнейшем судьба бывших офицеров сложилась различно. Из 20 лиц четверо в разное время оказались в эмиграции: М.Р. Бернгард (офицер запаса Латвийского флота), С.К. Щениовский (служил в Польском флоте), А.А. Соболев, Ф.Ф. Раскольников (последние двое – дипломаты-невозвращенцы, остались за границей, опасаясь репрессий). Ряду личностей удалось сделать успешную карьеру в советской России. Трагически на судьбах бывших офицеров отразились репрессии. Восемь человек подвергались преследованиям в 1920–1940 гг. Панцержанский был расстрелян; Попов и Варваца умерли в заключении; Тыртов, Сакс, Гернет, Хвицкий отбывали разные сроки заключения и ссылки. Векман, осужденный на 10 лет, сумел добиться пересмотра дела, освобождения и возвращения на военную службу [15, с. 77–78].

Результаты исследования. В годы Гражданской войны бывшие морские офицеры играли важную роль в командовании красными флотилиями на востоке и юго-востоке страны. По образованию, социальному происхождению, служебному положению в иерархии офицерского корпуса большинство лиц были представителями элиты российского флота. По своему профессиональному уровню они превосходили командиров из нижних чинов и гражданских лиц. Среди командующих из бывших офицеров были преимущественно представлены молодые обер-офицеры, сумевшими сделать быструю карьеру в РККФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мордвинов Р.М. Волжская военная флотилия в Гражданской войне (1918–1920 гг.). М.: Военмориздат, 1952. 224 с.
2. Мордвинов Р.М. Курсом «Авроры». Формирование советского военно-морского флота и начало его боевой деятельности (ноябрь 1917 – март 1919 гг.). М.: Воениздат, 1962. 400 с.
3. Соболев А. Красный флот в Гражданской войне 1918–1920 гг. Л.: РИО Морского ведомства, 1924. 102 с.
4. Власов Л.М. Лиственничное на Байкале // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции). Иркутск: Иркутской книжное изд-во, 1957. С. 81–102.
5. Исаков И. Каспий, 1920 год. Из дневника командира «Деятельного». М.: Советский писатель, 1973. 302 с.
6. Раскольников Ф.Ф. Рассказы мичмана Ильина. М.: Госполитиздат, 1936. 164 с.
7. Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии 1918–1920 гг. Сб. док. / Отв. ред. В. М. Ковальчук, сост. В. И. Александрова. Баку: Изд-во «Эли», 1971. 392 с.
8. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922). Док. и мат. / Под общ. ред. А. И. Крушанова, отв. ред. С. С. Хесин. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1989. 460 с.
9. Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов (1918–1919). Сб. док. / сост. Т.С. Федорова. Горький: Волго-Вятское книж. изд-во, 1979. 336 с.
10. Морской атлас. В 3-х т. Т. 3. Ч. 2 / Под ред. С.В. Горшкова. М.: Изд-е Главного штаба ВМФ, 1966. 865 с.
11. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг.: Типография Морского министерства, 1916. 1231 с.
12. Список старшинства офицерских чинов флота и Морского ведомства. Пг.: Военная типография, 1917. 189 с.
13. База данных «Офицеры флота». URL: офицерыфлота.рф (дата обращения: 09.09.2019).
14. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4479.
15. Близначенко С.С. «Не моя вина, что корабли будут приняты в недостаточно готовом виде...». Флотоводец и организатор флота РККА вице-адмирал А.К. Векман // Военно-исторический журнал. 2018. № 2. С. 73–78.
16. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.). Сб. док. / Отв. ред. С.С. Хесин. Л.: Наука, 1982. 408 с.
17. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 319 с.
18. РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 926.
19. Флот после Октябрьской победы // Красный архив. 1932. Т. 4 (53). С. 52–80.

Д. И. ПЕТИН

Исторический архив Омской области, Омск, Россия
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

**СОВЕТСКИЙ СЛУЖАЩИЙ АЛЕКСЕЙ КАПИТОНОВИЧ БАТЮШКИН:
СЦЕНАРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СЕМЬИ
«БЫВШИХ ЛЮДЕЙ»**

Аннотация: В исследовании на основе неопубликованных источников представлена судьба представителя состоятельной семьи Батюшкиных, хорошо известной и уважаемой в дореволюционном Омске. Жизненный путь А.К. Батюшкина освещается подробно впервые. Автор приходит к выводу об удачном встраивании данного представителя семьи «бывших людей» в советский социум.

Ключевые слова: социальная адаптация, советское общество, Гражданская война, А.В. Колчак, «бывшие люди», советские служащие, практическая генеалогия.

Постановка проблемы. События Революции 1917 г. и Гражданской войны в России стали причиной трансформации общества. При этом советской властью с первых лет ее существования были четко выделены категории и слои населения, получившие в новом социуме статус «бывших людей» – чуждых, подвергавшихся по политическому признаку различным ограничениям и дискриминациям. Прежде всего, это были представители дворянства, купечества, чиновничества, офицерства, религиозные служители; в них советская власть усматривала некую потенциальную возможность контрреволюционной угрозы. Поведенческие стратегии, сценарии встраивания «бывших людей» в новое общество были различны, вызывая интерес современных исследователей советской социальной истории [1–3].

В работах, посвященных омской локальной истории (в том числе, нами), неоднократно уделялось внимание семье Батюшкиных, которая была состоятельна, широко известна и уважаема в дореволюционном Омске. Но наибольшую известность и среди историков, и среди обывателей Батюшкины получили, благодаря тому, что в 1918–1919 гг. в их знаменитом роскошном особняке на берегу Иртыша располагалась Личная резиденция Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Такая связь с, пожалуй, самой известной для омской истории политической фигурой [4, с. 7] и «гений места» обусловили высокий интерес к особняку Батюшкиных и их семейной истории профессиональных историков и рядовых граждан. Во многом это было стимулировано открытием в здании в 2012 г. Центра изучения истории Гражданской войны – выставочной и интеллектуальной площадки Исторического архива Омской области [5–16].

Военно-политические неудачи антибольшевистских сил и масштабное отступление армии в октябре 1919 г. остро поставили вопрос о срочной эвакуации колчаковской столицы на восток. Для многих жителей Омска, а особенно для тех, кто связал себя с антибольшевистской властью, тогда необходимо было принять непростое решение: оставаться в городе, который вскоре скоро займет Красная Армия или бежать на восток вслед за агонизировавшей властью белых? Такой выбор встал и перед супругами Капитоном Алексеевичем и Елизаветой Георгиевной Батюшкиными.

Сегодня это может выглядеть смелым шагом, но, видимо, не представляя всей масштабности грядущих перемен (или по иной причине), супруги Батюшкины решили не покидать родных мест. Вместе с младшими сыновьями Сергеем и Алексеем, дочерьми Марией, Антониной и Зинаидой они остаются в Омске. Белогвардейцы к 13–14 ноября

1919 г. полностью оставили город; с приходом частей РККА бывшей колчаковской столице началось восстановление советской власти.

Устраивать свою жизнь в новом обществе с недоброжелательной атмосферой «бывшим людям» Батюшкиным было непросто. Положение семьи, утратившей былой социальный и общественный статус, комфортабельное жилье и оставшейся без средств к существованию, было очень тяжелым. Но попытаться найти себя в советском социуме обозначало для представителей семьи Батюшкиных единственную возможность выжить [10; 14].

Основная часть. В этом отношении видится показательным жизненный путь седьмого ребенка четы Батюшкиных – Алексея. Основой проведения исследования стали документы (автобиография, анкеты, листки по учету кадров, кадровая переписка и т.п.) из личного дела за 1945–1948 гг. из фонда РГАЭ «Учреждения по руководству материально-техническим и рабочим снабжением пищевой, вкусовой промышленности и промышленности продовольственных товаров», связанные со служебной деятельностью героя нашей работы [18].

Обратимся к обзору биографии Алексея Капитоновича Батюшкина. Младший сын и последний ребенок четы Батюшкиных появился на свет в Омске 3/16 февраля 1904 г. По семейной традиции младенца крестили в Пророко-Ильинской церкви. Восприемниками Алексея стали его родственники – сын коллежского советника Анатолий Александрович Николаев (двоюродный брат) и купеческая жена Анна Георгиевна Волкова (двоюродная тетка) [17, л. 14об.–15].

В тот момент семья Батюшкиных уже основательно состоялась в материальном и бытовом плане. Глава семейства – тогда отставной чиновник и активный общественный деятель, его супруга – успешная владелица коммерческих предприятий и недвижимости [5, с. 29–31; 10, с. 120]. Учитывая такой статус семьи, их связи и влияние в Омске, будущее мальчика в условиях дореволюционной России обещало быть перспективным и обеспеченным. В 1914 г. юный Алексей, как и ранее все его старшие братья, поступил учиться в 1-ю Омскую мужскую гимназию. Однако резкая смена социального статуса семьи в обстоятельствах Гражданской войны позволила юноше окончить лишь пять классов гимназии, ставшей с 1920 г. советской школой 2-й ступени. В 1920–1922 гг. он прошел три курса обучения в Омском техникуме путей сообщения. Но вновь нужда заставила Алексея Капитоновича оставить учебу и начать трудовую деятельность [18, л. 3, 5, 8].

С этого времени Алексей Батюшкин, ставший советским служащим, в кадровых документах о своем происхождении кратко указывал – «мещанин». Об отце же сообщал, не договаривая многих фактов: «до революции служил инспектором народных училищ и занимался сельским хозяйством» [18, л. 3, 5–9]. О старших братьях (Александр и Николай Батюшкины в период Гражданской войны служили офицерами в белой армии), а также о сестрах Батюшкин-младший в анкетах предусмотрительно не говорил абсолютно ничего.

С 1 февраля 1922 г. вместе с братом Сергеем наш герой поступил конторским служащим в Управление Сибирского округа путей сообщения. В этот период в названной структуре служили их отец Капитон Алексеевич и старшая сестра Мария. Можно полагать, что это обстоятельство могло содействовать трудоустройству (отметим, что в Управлении Сибирского округа путей сообщения служило немало представителей семей «бывших людей»). До 1 января 1924 г. братья работали в Омске, затем перевелись в Томск, где служили по линии Томской железной дороги. Своим начальством в Управлении Сибирского округа путей сообщения Алексей Капитонович характеризовался как «усердный и вдумчивый работник». Однако через 10 месяцев после перевода в Томск братья Батюшкины попали под сокращение штатов [10, с. 122; 14, с. 268].

Вернувшись в родной город, Алексей Батюшкин, с апреля 1925 г. поступил на службу счетоводом в Омский потребительский союз. Стоит сказать, что сделанный им выбор профессии молодым человеком не был случайным. Можно очевидно сказать, что с финансовой работой в разные периоды своей жизни так или иначе были связаны дед, родители, братья

и сестры нашего героя. В октябре 1927 г. Алексея Батюшкина призвали на срочную службу в ряды РККА. Он был направлен в команду цензовиков-одногодичников (призывников с образовательным цензом) 106-ого Сахалинского пехотного полка, дислоцированного в Чите. По прохождению положенной действительной службы Алексей Батюшкин был уволен в запас в должности командира взвода [18, л. 6].

Придя из армии, в феврале 1929 г. он вернулся в Омск на прежнюю должность, а с апреля 1930 г. – перешел старшим бухгалтером в Крайсовхозсекцию. Некоторый срок наш герой по той же специальности работал в Нижне-Омском районе Омского округа, в апреле 1933 г. получив перевод в Новосибирск, стал бухгалтером-ревизором в той же Крайсовхозсекции. С марта 1937 г. профессиональная деятельность и вторая половина жизни Алексея Капитоновича во многом были связаны с Барнаулом, где он сначала служил заместителем старшего бухгалтера, старшим бухгалтером треста «Главконсерв» (уволен по причине ликвидации треста). С августа 1940 г. Алексей Капитонович перевелся старшим ревизором в Крайпищепром; с сентября 1941 г. временно на период ревизии – поступил главным бухгалтером на Барнаульский водочный завод; с января 1942 г. – являлся главным бухгалтером торгово-закупочной базы треста «Алтайкрасторг» [18, л. 3об., 5об., 7–9, 16]. Усердный труд финансового работника Батюшкина в 1939 г. был отмечен грамотой Президиума Барнаульского городского совета [19, л. 3].

В 1936 г. – к моменту, когда Алексей Батюшкин уже основательно состоялся как советский служащий – в его жизни произошло важное событие: он женился [18, л. 9]. Избранницей нашего героя стала уроженка Новониколаевска (с 1926 г. – Новосибирск) Елизавета Андреевна Предтеченская (4 ноября 1910 – 17 ноября 1997 гг.) – педагог, дочь сибирского советского деятеля, большевика-подпольщика, участника Гражданской войны Андрея Николаевича Предтеченского. С точки зрения событий первой четверти XX в. и сословного происхождения супругов такой брак удивителен. В этом союзе соединились представитель семьи состоятельной и именитой в дореволюционной России и дочь профессионального революционера. Вместе с молодоженами Алексеем и Елизаветой жила (до конца своих дней) вдовствовавшая престарелая мать нашего героя – Елизавета Георгиевна Батюшкина. [20, л. 9]. Не высказывая ни капли сомнения в чувствах Алексея к его избраннице (супруги, по свидетельству их племянницы Г.Г. Коршунковой, душа в душу прожили четверть века), отметим, что такой брак в определенной степени был важен и для встраивания Батюшкина-младшего в советский социум (хотя и не гарантировало Алексею Капитоновичу «политической безопасности»). Одно лишь обстоятельство омрачало этот брачный союз – он был бездетным.

Несмотря на врачебный диагноз (какой именно установить не удалось) и даже полученную в итоге летом 1941 г. инвалидность, Алексей Капитонович Батюшкин 17 июня 1942 г. добровольно вступил в ряды РККА, в Добровольческую Спиринскую бригаду алтайцев-сибиряков. На фронтовую бытность нашего героя выпала нелегкая солдатская доля. В ноябре 1942 г. рядовой-пулеметчик Алексей Батюшкин в боях на Смоленском фронте получил ранение, после лечения в госпитале успел лишь 20 дней прослужить в 1223-м стрелковом полку, будучи вторично ранен (на этот раз тяжело) и контужен. Дальнейшую службу рядовой Батюшкин продолжил с 18 октября 1943 г. в 5-м отдельном запасном полку связи; с 30 апреля 1944 г. Алексея Батюшкина перевели в 1-й взвод 240-й отдельной кабельно-шестовой роты. В составе данной воинской части (входила в 3-й Белорусский фронт) надсмотрщик линии связи, рядовой Батюшкин дошел до столицы Германии. Его скромная, неприметная служба и перенесенные испытания в 1945 г. были отмечены тремя медалями – «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [18, л. 5–7; 19, л. 1].

Однако неясным остается один важный момент. На момент повторного поступления в ряды РККА в 1942 г. Алексей Капитонович имел за плечами срочную службу. Причем как цензовик в 1929 г. он был уволен именно в запас армейского командно-административного

состава. К началу Великой Отечественной войны он обладал должным образовательным статусом и опытом гражданской работы. Но в итоге, наш герой воевал рядовым красноармейцем, не будучи аттестован в офицерское звание (и это при условии значительного дефицита командных кадров в РККА в военные годы). По нашему предположению причиной этого могло быть расстроенное здоровье, не позволявшее ему занимать должность офицера. Инвалидность с А.К. Батюшкина в 1942 г. могла быть снята по результатам повторного прохождения военно-врачебной комиссии.

После демобилизации из РККА 3 ноября 1945 г. Алексей Батюшкин вернулся к жене Барнаул, а с 15 июня 1946 г. он продолжил гражданскую службу в должности заместителя главного бухгалтера (со 2 июля 1947 г. – главным бухгалтером) Алтайской межобластной конторы Главснаба. В эти годы он занимался и общественной работой, будучи редактором стенной газеты своего учреждения. Тем не менее, занимая ответственные должности и всегда в профессиональном, политическом и морально-деловом отношении положительно характеризуясь начальством, до конца дней Алексей Капитонович, будучи беспартийным (не состоял он и в комсомоле), оставался «человеком вне политики». Единственным «упреком» в характеристике (1947 г.) советского служащего Батюшкина было: «Над повышением своих политических знаний работает слабо» [18, л. 10–13, 16]. Это обстоятельство, а также устные свидетельства Г.Г. Коршунковой позволяют нам сделать вывод об аполитичности Алексея Капитоновича. К тому же условия жизни в советской России и досоветское прошлое Батюшкиных ставили под запрет политические темы для обсуждения в их семейном кругу.

Послевоенная жизнь нашего героя была относительно спокойной. Вместе с женой он продолжал жить и работать в Барнауле. Мать Алексея Капитоновича ушла из жизни в 1945 г. Последние годы жизни Алексей Капитонович Батюшкин страдал от последствий фронтовых ранений и туберкулеза позвоночника, продолжительно лечился в стационаре госпиталя. После долгой тяжелой болезни 9 августа 1961 г. в возрасте 57 лет наш герой ушел из жизни в Барнауле, где и был похоронен.

Результаты исследования. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» – такой формулой описывает научно-исследовательский, историко-архивный поиск известный российский публицист Ю.З. Кантор [21, с. 13]. Но именно так и происходит восстановление генеалогических сведений о Батюшкиных. Интеллектуальные находки о представителях этой некогда знаменитой и уважаемой омской семье открываются со временем, постепенно. Но что важно и символично накопление и трансляция исторических знаний о Батюшкиных идет в их родовом гнезде. Сегодня их особняк называют одним из ярких историко-культурных символов и туристических брендов города Омска [16, с. 122]. Важным событием в деле сохранения памяти о семье первых владельцев здания стало открытие 21 декабря 2018 г. в Центре изучения истории Гражданской войны новой части стационарной экспозиции – историко-документальной выставки «Дом Батюшкиных и окрестности» [22, с. 133].

Но, возвращаясь к осмыслению жизненного пути героя нашего повествования, следует обратить внимание на такой аспект: политические катаклизмы военно-революционного периода 1917–1920 гг. стали причиной значительного обострения вопроса социальной адаптации для ряда слоев населения. Озвученный тезис подчеркивает в своих работах авторитетный специалист в данной области, новосибирский историк В.И. Шишкин [23; 24]. Процесс «вливания» в советское общество «бывших людей» шел в течение 1920–1930-х гг.; и все складывалось для каждого человека во многом индивидуально.

Размышляя же с позиций проблематики социальной адаптации об итогах жизни Алексея Капитоновича Батюшкина, равно как и его ближайших родственников, можно с уверенностью сказать, что в условиях значительного ужесточения политической ситуации в советской России (начиная со второй половины 1920-х гг.), этой семье «в значительной степени повезло». Ведь ни супруги Капитон и Елизавета Батюшкины, ни их дети не оказались во второй половине 1920-х гг. в числе граждан, лишенных избирательных прав; а в 1930-е гг. их

миновали жернова массовых репрессий. Это при том, что «бывшие люди» Батюшкины имели в своем прошлом уж очень примечательный «белогвардейский след». Ведь в одном доме, принадлежавшем Батюшкиным, длительный период проживал Верховный правитель адмирал А.В. Колчак, а в другом здании, которым владели Батюшкины – квартировал видный военный деятель антибольшевистской Сибири генерал-лейтенант В.И. Марковский. Глава семьи, Капитон Алексеевич, получал за это пусть и относительно небольшой, но доход. Двое старших сыновей – Александр и Николай – были офицерами, при этом последний, некогда служивший в армейской контрразведке в войсках атамана Г.М. Семенова, длительный период жил в Харбине – «азиатском эпицентре» русской (в том числе, антисоветской [25, 26]) эмиграции [12, с. 263–276; 14, с. 265–267]. Всех перечисленных событий и обстоятельств, которые в период Гражданской войны «затронули» семью Батюшкиных, в годы «большого террора» вполне бы «хватило» для организации политического преследования, однако, судьба распорядилась иначе.

Что касается Алексея Капитоновича Батюшкина, то он, как представитель семьи «бывших людей», используя весьма простую тактику «социальной маскировки», «умалчивая», о прошлом и не привлекая к себе «лишнего внимания» (что мы видим по биографическим документам, воспоминаниям его племянницы и общему анализу его жизненного пути), смог достаточно уверенно и удачно встроиться в советский социум. Стоит согласиться, что Алексей Капитонович, обладая определенными талантами, получив достойное воспитание и в целом неплохое образование, в итоге своей профессиональной деятельности все же не достиг каких-либо ярких, значительных карьерных высот, оставшись рядовым советским служащим. Но герой нашего повествования смог сохранить жизнь и обеспечить «политическую безопасность» себе и своим близким. А это было гораздо более важным для всех оставшихся в советской России Батюшкиных и их окружения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котов А.С. Социальный состав советской интеллигенции в 1920-е гг. (на примере Череповецкой губернии и Череповецкого округа) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 176–180.
2. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Издат. дом «Мир истории», 2003. 247 с.
3. Смирнова Т.М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 103–120.
4. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9.
5. Лосунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 211 с.
6. Коновалов И.Л. Вторая реставрация дома Батюшкина // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост.: А.М. Лосунов, В.А. Недбай, Н.П. Парыгин, Е.А. Сидоренко. Омск : ОмГПУ, 2012. С. 95–102.
7. Коновалов И.Л. Экскурсия по дому адмирала А.В. Колчака // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост.: А.М. Лосунов, В.А. Недбай, Н.П. Парыгин, Е.А. Сидоренко. Омск : ОмГПУ, 2012. С. 88–95.
8. Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: ОмГПУ, 2013. 392 с.

9. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Мат–лы Всеросс. науч.-практ. конф. / Под ред. Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. Омск, 2013. С. 161–173.
10. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.); под ред. Д.И. Петина. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.
11. Штырбул А.А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование с приложением самого полного собрания сочинений Ю. Сопова. Омск: ОмГПУ, 2015. 284 с.
12. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
13. Лунченко М.С. Лепной декор особняка Батюшкина в городе Омске // Инновации в науке: сб. ст. по матер. LXI международной научно-практической конференции. № 9(58). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 21–25.
14. Петин Д.И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 25–26 октября 2017 г. / [редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) и др.]. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271.
15. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
16. Чекалина Л.А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
17. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 549.
18. РГАЭ. Ф. 9471. Оп. 3. Д. 41.
19. ГИАОО. Ф. Р–3734. Оп. 1. Д. 29.
20. ГИАОО. Ф. Р–3734. Оп. 1. Д. 27.
21. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15.
22. Терешина Н.Н., Петин Д.И., Стельмак М.М., Пшеничная О.В. Архивы представляют // Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 132–134.
23. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2010. № 4. С. 69–73.
24. Шишкин В.И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. С. 3–44.
25. Кротова М.В. Осмысление революции 1917 г. в среде русской эмиграции в Китае // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 52–65. DOI: 10.31249/rsm/2018.03.03.
26. Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71.

В. Л. ПОМЫТКИНА

Исторический архив Омской области, Тара, Россия

УТРАЧЕННЫЕ СВЯТЫНИ: ОБ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ ЦЕРКВЕЙ ГОРОДА ТАРЫ В 1922 ГОДУ

Аннотация: На основе неопубликованных источников рассматривается процесс изъятия церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья в городе Таре в 1922 г. Автор анализирует, как проходило изъятие в каждом из шести православных церквей, а также польском костеле, еврейской синагоге и мусульманской мечети, которые были тогда в городе Таре.

Ключевые слова: Гражданская война, Русская Православная Церковь, антирелигиозная политика, изъятие церковных ценностей, голод в Поволжье, борьба с голодом, Помгол.

Постановка проблемы. Последствия Гражданской войны отразились на всех сторонах жизни общества. В начале 1920-х гг. все силы и средства были брошены на восстановление экономики, промышленности, здравоохранения, образования. Но препятствием к тому стали сильная засуха и неурожай 1921 г., приведшие к масштабному голоду в Поволжье и Приуралье. Одной из мер борьбы с голодом, стало принятие большевистским правительством ряда законов об изъятии из церквей ценностей, для помощи голодающим.

Омская губерния и Тарский уезд в частности, не входили в территории, которые были признаны пострадавшими от массового голода. Но даже в Тарском уезде, особенно в сельской местности постоянно обновлялись списки голодающих, работала комиссия Помощи голодающим (Помгол), были случаи умопомешательства и смертей от голода [1, л. 123–124].

В 1922 г. под лозунгом помощи голодающим Поволжья, по всей стране началось изъятие ценностей из церквей. Стали организовываться губернские, уездные, волостные комиссии по изъятию церковных ценностей. В воззвании Тарской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей говорилось: «Граждане!.. Костлявая рука голода дошла и до Омской губернии, прошла и в Тарский уезд, где уже насчитываются сотни смертей от голода. Массы крестьян, умирающих от голода в предсмертной агонии требуют помощи, самых решительных мер по борьбе с голодом. Советское государство уже отдало на борьбу с голодом большие средства. Немало золотого фонда пошло на покупку семян для обсеменения полей голодающего Поволжья... В России хлеба недостаточно, его нужно купить за границей. Капиталистические страны могут дать нам хлеб,... но они предъявляют большой спрос на золото и другие ценности, служащие лишь украшением... Советская власть, все честные рабочие и крестьяне не имеют права допускать, чтобы у дверей молитвенных мест, где имеется золото и серебро, на которое можно приобрести хлеб, падали в судорогах голода миллионы тружеников и детей.» [2, л. 18]. Далее разъяснялось, что из церквей следует изъять золотую и серебряную утварь, без которой можно обойтись при богослужении. На деле же оказалось, что изымали всё ценное.

Основная часть. В срочном порядке была создана Тарская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей, она сразу приступила к работе. Перед этим со всех священников взяли расписку с обещанием не вести агитацию среди прихожан против изъятия церковных ценностей. Комиссия должна была провести сверку выписей и инвентарных книг с фактической наличностью ценностей, и, при недостатке предметов, составить акты, для передачи следственным органам, «...для привлечения к суду, возбуждая громкое дело, как на

нежелание помогать умирающим от голода, и хранящим ценности для контрреволюционных целей» [2, л. 16]. Заменить церковные ценности хлебом или другими продуктами было нельзя, а золотом или серебром можно. Изъятие начали в богатых приходах городов, где нужно было прихожан «благоприятно настроить», а затем переходить в деревню [3, л. 4]. О ходе работ подавались сводки, к 30-му, 19-му и 9-му числам каждого месяца. Подготовка к работам по изъятию ценностей шла быстро. Тарской уездной комиссией 24 апреля 1922 г. было решено организовать волостные комиссии по изъятию из представителей волостного исполкома, церковного старосты и представителя от церковного Совета или от попечительства для работы в селах [2, л. 30].

В инструкции о порядке изъятия церковных ценностей был разработан алгоритм проведения изъятия ценностей: в первую очередь, подлежали изъятию ценности из наиболее богатых храмов, синагог, монастырей, часовен и т.д. Комиссия назначала день и час производства данных работ, Исполкомы приглашали 3–5 человек из числа граждан, в пользовании которых находилось данное здание со всеми имеющимися у них документами и описями. Обязательно должна была быть представлена старая перечневая опись или инвентарная книга до 1917 г. Для работы привлекались представители уездного финотдела и уездного комитета Помгола. При составлении описей, извлекаемых ценностей, все предметы, состоящие из золота, серебра, драгоценных камней, точно описывались и упаковывались. В присутствии членов Комиссии они отмечались в имеющейся в храме описи и заносились в особый протокол, подписываемый членами комиссии и представителями групп верующих. При отсутствии предмета, находящегося в описи, о нем составлялся особый протокол, и представлялся следственным органам для производства расследования. Представители групп верующих имели право вносить в протокол все свои замечания по поводу передачи в пользу голодающих предметов, без которых богослужение является невозможным и замены их менее ценными.

Все изъятые ценности доставлялись в Тарский уездный финансовый отдел, а оттуда в Омский губернский финотдел для направления их в Центральный орган Гохрана на особый счёт ЦК Помгола для реализации на продовольствие и семена для голодающих. Продажа ценностей на местах не производилась. [2, л. 18]. Стоит отметить, что использование финансовых органов в качестве «временных кладовых» для аккумуляции денег и ценностей было уже отработанной практикой (в Западной Сибири это имело место с первых недель восстановления советской власти [4, с. 70]).

Кроме изъятия ценностей из церквей, в храмах практиковался «кружечный сбор» по воскресным и праздничным богослужениям. На видном месте в храме ставилась тарелка или кружка с надписью «На помощь голодающим». Пожертвования записывались в ведомость и передавались на хранение церковному старосте. Туда же вносились пожелания жертвователей о направлении сумм. Через месяц (в городах через 2 недели) пожертвования вместе с ведомостью передавались благочинному, он подводит итог, делает сводку пожеланий пожертвователей и передавал Епархиальному архиерею, Епархиальному совету или в канцелярию уездного (викарного) архиерея, а они – в местную комиссию Помгола. Кроме церквей, сборы производились на дому у прихожан, деньгами, продуктами и вещами. Вещи и продукты сразу же отдавались в ближайшие комиссии Помгола [2, л. 22].

Не осталось в стороне религиозное сообщество. Духовному управлению мусульман предоставлялось право обращаться внутри страны и вне ее с воззваниями о помощи, особенно к народу мусульманского Востока, открывать сборы и пожертвования, устраивать спектакли, концерты, благотворительные вечера, базары для сбора средств, с согласия и под контролем местных комиссий Помгола. Они могли участвовать в работе по распределению собранного между мусульманами. [2, л. 24]

В Таре до 1917 г. большинство жителей были активно верующими. В полиэтничном городе на период изъятия церковных ценностей было шесть православных церквей, поль-

ский костёл, мусульманская мечеть, еврейская синагога. Комиссия по изъятию церковных ценностей приступила к фактическому изъятию в храмах города 4 мая 1922 г. В сводке, переданной в Омскую губернскую комиссию, говорится, что работа по изъятию ценностей из церквей проходит спокойно, за исключением «небольшого инцидента» в самом начале работ [3, л. 41]. Ниже рассмотрим процесс детально.

4 мая 1922 г. Комиссии по изъятию церковных ценностей в составе председателя члена уездного исполкома Кравченко, заведующего уездным финотделом Новицкого, представителя городского духовенства священника Александрова, в присутствии и при участии протоиерея Николаевского собора отца Петра Софонова, церковного старосты Р.А. Григорьева, председателя общины верующих А. С. Куманцева, членов церковного Совета П. Ревягина, П.А. Медведчикова, и представителя от верующих К. Горчакова, при участии эксперта по изделиям из золота и серебра Комзаева, приступила к фактическому изъятию ценностей в Никольском соборе.

От представителей общины верующих поступила просьба: «серебряные ризы св.[ятых] икон, находящиеся на видных местах иконостасов, пределов и храмовых, в честь коих создан самый храм, и его пределы, а поэтому как глубоко чтимые верующими, просим не снимать, ибо это оскорбит чувства верующих, т.к. иконы без риз не будут иметь значение в удовлетворении религиозных чувств, причем по снятии риз на иконах останутся неполные изображения ликов, а лишь их части, (лицо, руки и пр.), что прямо оскорбляет чувство верующих. Что же касается остальных принадлежностей, не затрагивающих религиозного чувства и не нарушающих религиозного культа, то, к изъятию их со стороны общины препятствий не встречается». Сначала комиссия оставила в пользовании общины нетронутыми ризы, иконы, иконостас, иконы местных святых, во имя которых построен храм и пределы, а так же предметы, необходимые для богослужений [2, л. 37, 38]. В тот день изъяли серебра 1 пуд 27 фунтов 60 золотников. А 13 мая дополнительно изъяли из Никольского собора 1 пуд 27 фунтов 45 золотников, всего около 56 кг, 134 камня. Так же изъяли ризы серебряные с икон с камнями, венцы серебряные, крест напрестольный, серебряный, позолоченный, внутри деревянный с 10 камнями, серебряные обложки с Евангелия, чашечки и серебряные блюда [2, л. 35, 41].

В тот же день, комиссия работала и в Успенском соборе. Были изъяты серебряные ризы икон Казанской Божьей Матери, Сергия Радонежского, Успения Божьей Матери, лом серебра без пробы и остатки ризы от иконы Крещения Господня [2, л. 37, 42].

Работа комиссии в Спасской церкви началась 5 мая. Сохранилась выписка «О церковных ценностях из главной описи имущества из Тарской Спасской церкви Тарского уезда Омской епархии», опись выдана из Омской духовной консистории 26 июля 1903 г. Согласно этой описи в храме было 29 икон, среди которых: икона Тихвинской Божьей Матери, две иконы пророка Илии, икона Казанской Божьей Матери, икона Спасителя, икона Святого Николая, икона Нерукотворного Образа Христа Спасителя, икона Знамени Божьей Матери и другие. Все иконы были в серебряных ризах, некоторые вызолоченные, с венцом. Было три Евангелия: 1847 г., в серебряном позолоченном чеканной работы окладе, 1703 г. и 1694 г., тоже с серебряной отделкой. Кроме того, имелось 4 серебряных креста и другая разная серебряная посуда и утварь для проведения богослужений. [2, л. 54–55об.].

5 мая 1922 г. Тарская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, произвела проверку наличия церковных ценностей и сравнила с вышеуказанной описью 1903 г. Всё проходило в присутствии священника Тарской Спасской церкви Василия Успенского, председателя Совета группы верующих Тарской Спасской церкви Сударинова, членов Совета общины Янина, Челпанова, Роголёва и секретаря Совета Никифорова. Все ценности были на месте, за исключением Евангелие и креста весом в 1 фунт. Эти предметы были положены по обряду православного исповедования, в гроб священнику Павлу Князеву, это подтвердили представители общин верующих. Кроме значащихся в описи цен-

ностей, членами Совета общины были представлены 4 иконы и «разная серебряная ломь», ещё не занесённые в опись [2, л. 57].

6 мая, комиссия приступила к фактическому изъятию ценностей из Спасской церкви, изъяв серебряные и позолоченные ризы с 10 икон, серебряное кадило с цепями и колпачком, крест серебряный под чернядью, серебряный лом и медные монеты (1 пуд 7 фунтов 60 золотников или около 20 кг). После этого члены Спасской общины обратились в комиссию с просьбой оставить при храме ризы на иконах в иконостасе и за клиросами, так как эти иконы особо чтимы народом. А так как иконы древнего художественного письма (тёмные), краска на них приходит в ветхость, и, если снять ризы, сами иконы потеряют свой вид, что при частых выносах их на молебен и по домам верующих грозит их окончательным разрушением [2, л. 61–62]. Видимо, члены комиссии уточняли этот вопрос в вышестоящих инстанциях, потому что в дополнительном протоколе от 8 мая сказано: «...приступили на основании ответной телеграммы по прямому проводу из Омска, полученной 7 мая в 6 часов вечера к фактическому изъятию *всех ценных украшений с икон, как местных, так и иконостасов*». Так были изъяты ризы с 14 икон общим весом 2 пуда 20 фунтов и 84 золотника (около 42 кг). Всего за два раза изъяли около 62 кг серебра [2, л. 63].

На общем собрании в Казанской церкви прихожане решили, раз изыматься должен только лом золота и серебра, и подвесные вещи из золота и серебра, а их при храме не было, «то дать ничего не можем». Подписали это прошение 110 прихожан [2, л. 77]. Но 9 мая изъятие всё же прошло. Присутствовали те же представители власти, а также священник Казанской церкви Феофан Токарев, председатель Совета общин Казанской церкви Афонасьев, члены Совета общин Ф. Борисов, А. Носков, А. Поняев, и члены от верующих [Малых] и Сумин. Всего риз и венцов, обложек с икон, лампадок и цепочек на 2 пуда 24 фунта 4 золотника (около 43,6 кг), и 81 камень [2, л. 82, 83].

11 мая очередь дошла до Тихвинской церкви. Священник Соловьев, председатель общины Бизяев, члены общины Бабушкин, В. Клыков, Барандуков, Петров, Чернов, Носков, члены от верующих – Плотников Виктор и Сухих предоставили комиссии заявление от верующих с просьбой не изымать ризу с иконы Тихвинской Божьей Матери. «Икона Тарской Тихвинской Божьей Матери существует с основания города Тары. Верующие, получая по молитве перед ней желаемое, глубоко почтили её. Ввиду этого был усердием народа построен храм. Тихвинскую Божию Матерь чтут не только тара и Тарский уезд, но и соседние уезды, например, Тюкалинский, Каинский и др., и ко дню праздника этой иконы 26 июля стекаются тысячи богомольцев. Сама икона крайне ветхая, ей более 300 лет. И при снятии ризы теряет вид. Поэтому просим оставить ризу, как необходимую святыню». В Сибирский комитет Помгола ушла телеграмма о данном ходатайстве, но, видимо просьбу верующих не удовлетворили. В храме изъяли 4 пуда 14 фунтов 86 золотников (около 72,2 кг) и 124 камня [2, л. 91–93].

Изъятие ценностей в Пятницкой церкви провели 12 мая. Ещё 10 апреля с разрешения прихожан эта церковь пожертвовала в пользу голодающих серебра (кадило, обломки от риз и проч.) на 1 фунт 78 золотников (около 500 гр.) [2, л. 74]. В присутствии священника Пятницкой церкви Александрова, председателя Совета общины Безяева, членов Совета общины Новикова, Пирогова, и членов от верующих Дербенева, Грицына и Машкина были изъяты серебряные ризы и венцы с икон весом 2 пуда 26 фунтов 6 золотников (около 44,5 кг) и 427 камней [2, л. 71–72]. Ценность камней из-за отсутствия специалиста никто не определял.

10 мая комиссия по изъятию церковных ценностей побывала в синагоге, мечети и костеле. Помещения синагоги и мечети, и предметы, находящиеся в них, не представляли собой ценностей, поэтому их оставили без изъятия [2, л. 8–9]. В костеле нашли серебряное распятие с подставкой и лампадку весом 1 фунт 9 золотников (около 460 гр.), описей в мечети и синагоге не оказалось.

Изъятие ценностей из церквей города завершили 12 мая, комиссия справилась с заданием за 8 дней. Всего из церквей Тары было изъято 16 пудов 28 фунтов 57 золотников (около 275 кг) золота и серебра. [2, л. 34].

Работы по уезду продолжались до лета. 19 июня 1922 г. на пароходе «Мельник» в Омск было отправлено 18 пудов 34 фунта 78 золотников (около 310,5 кг.), а уже 20 июня Тарский уездный финотдел отчитывался в местный исполком: «вес ценностей изъятых пока из 30 уездных церквей выразился к 20 июня в 2 пудах 5 фунтах 12 золотниках (около 35 кг), которые и отправляются на пароходе «Варяг» [5, л. 1–2]. 2 ноября Тарский уездный финансовый отдел сообщал исполкому, что никаких церковных ценностей в кладовой отдела не хранится, изъятие прекращено, предметы высланы в Омский губернский финотдел, все акты своевременно переданы в Комиссию по изъятию ценностей.

Результаты исследования. Подводя итоги, отметим, что изъятие церковных ценностей в Таре прошло быстро. Наибольшее количество золота и серебра изъяли в Спасской церкви (62 кг), наибольшее количество камней – в Пятницкой. Во всех церквях, кроме Спасской, было полное совпадение при сверке с инвентарными книгами. При изъятии церковных ценностей, комиссия не встретила сопротивления общественности. Общины Спасской, Тихвинской церквей и Никольского собора безуспешно выступили с ходатайствами не изымать ризы с особо чтимых икон. Меньше всего от изъятия церковных ценностей пострадали мусульмане, евреи и католики. Дискуссионным остается вопрос, дошли ли все средства, вырученные от «церковного золота» до голодающих. Но, мы считаем, что можно уверенно сказать, что в тот тяжёлый для страны период, тарское духовенство не отвернулось от народа, поддержав власть и сделав все, чтобы люди спокойно приняли безвозвратную потерю святынь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 203.
2. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212.
3. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 195.
4. Петин Д.И. Регулирование денежного обращения партизанами и советской властью в Степном Алтае (сентябрь 1919 г. – март 1920 г.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 63–77.
5. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 215.

А. С. ПУЧЕНКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

**ВО ИМЯ БЛАГА РОССИИ: ИЗ ИСТОРИИ ПРИЗНАНИЯ
ГЕНЕРАЛОМ А.И. ДЕНИКИНЫМ ВЕРХОВЕНСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА**

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Врангелевский Крым в 1920 году: опыт государственно-культурного строительства и этно-конфессионального диалога», проект № 19-09-00430 А.

Аннотация: В исследовании сквозь призму корпуса источников анализируется вопрос признания генералом А.И. Деникиным адмирала А.В. Колчака в качестве Верховного правителя. Приводятся причины и последствия данной акции для антибольшевистского движения юга России, а также оценки современников.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, политические процессы, А.И. Деникин, юг России, А.В. Колчак, Сибирь.

Постановка проблемы. 30 мая 1919 г., в разгар наступления ВСЮР, звезда их Главнокомандующего, генерала А.И. Деникина, сияла, как никогда, ярко. Сторонникам Белого движения, не говоря уже о приближенных Главнокомандующего, Деникин виделся в роли все-русского диктатора, в качестве лидера страны на том переходном этапе, который будет после неминуемой, как многим тогда казалось, победы над большевиками в Гражданской войне. Тем большую неожиданность, которую можно было бы даже охарактеризовать как сенсацию, приобрел приказ Деникина за № 145 от 30 мая 1919 г. Деникин, со свойственным ему государственным пафосом, писал: «С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских [т.е. – белогвардейских. – Авт.] армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России. Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном Командовании. Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских армий. Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России» [1, с. 470]. О приказе Деникина в Омске узнали только 20 июня, когда пришла телеграмма от Деникина. В ответной телеграмме Колчак подчеркнул, что «Общность цели и глубокое внутренне единение между нами обеспечат успех взаимодействия. Ваше сообщение укрепляет во мне веру в скорое возрождение единой России». Указом Верховного правителя от 24 июня 1919 г. Деникин был назначен заместителем верховного главнокомандующего «с оставлением в должности Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России» [2, с. 462-463].

Основная часть. По словам Деникина, «взрыв патриотического подъема», который охватил собрание, после того, как генерал зачитал этот приказ, «служил первым показателем сочувствия этому шагу» [1, с. 474]. «Великолепный жест Главнокомандующего буквально ошеломил присутствующих. Все оцепенели, а потом переполнившие сердца чувства вылились целым потоком восторженных возгласов и речей. Генерал Деникин переходил из объятий в объятия. Кто-то поцеловал ему руку», – писал профессор К.Н. Соколов, руководитель Отдела пропаганды при деникинском Особом Совещании [3, с. 135].

Комментируя восторг, охвативший публику, после прочтения им приказа № 145, Деникин, верный себе, писал: «Никогда еще общественное настроение не было так единодушно, как в оценке этого события. Никогда в период борьбы проявление общественного удовлетворения не носило таких трогательных и в большинстве искренних форм. Я получил множество телеграмм, писем, адресов со всех концов белой России и из стран расселения зарубежной эмиграции – от отдельных лиц, обществ, групп, правителей и военных начальников. Все эти обращения свидетельствовали, как сильно жаждало русское общество объединения расколотой Родины и... как высоко котируется на бирже мирской суеты *власть*, отказ от которой или самоограничение вменяются человеку в подвиг» [1, с. 475].

В литературе высказывается мнение о том, что решение Деникина о признании Колчака было продиктовано давлением на Антона Ивановича интервентов. «Несомненно, – пишет историк Я.А. Бутаков, – что решение Деникина было принято, во многом, по непосредственным настояниям англичан» [4, с. 75]. В целом солидарен с Бутаковым и авторитетный исследователь проблемы А. В. Шмелев: «К концу мая, когда стало очевидно, что союзники пристально смотрят на Сибирь и что размолвка может иметь печальные последствия, Деникин признал верховную власть Колчака... И хотя Восточный фронт уже начал трещать по швам... Деникин счел необходимым показать союзникам свое полное единомыслие и общность с Колчаком ввиду возможности признания последнего... Екатеринодарскому правительству пришлось пойти на отказ от честолюбия и амбиций и для блага общего дела признать Омск». [5, с. 61].

В Екатеринодаре также не было твердого мнения в вопросе о необходимости поспешного признания Деникиным верховенства Колчака. Свои сомнения того времени в воспоминаниях высказывал и К.Н. Соколов: «В общем едва ли кто-нибудь у нас сомневался, что именно генерал Деникин в той или иной форме подчинится адмиралу Колчаку, а не наоборот. Целым рядом обстоятельств адмирал Колчак выдвигался в наших глазах на неоспоримый первый план» [3, с. 129]. Решение этого вопроса было ускорено приездом в Екатеринодар из Парижа представителей Русского Политического Совещания М.С. Аджемова, В.В. Вырубова и генерала Д.Г. Щербачева, рекомендовавших немедленно объявить о подчинении Деникина адмиралу А.В. Колчака, которого, якобы, Европа должна была «не сегодня – завтра» признать законным правителем России [3, с. 131]. Мнение, высказанное делегатами Русского Политического Совещания, особого впечатления на членов Особого Совещания не произвели. На «решающем заседании», проходившем вечером 28 мая 1919 г., по словам К.Н. Соколова, «все сошлись на том, что надо оставить наши отношения к адмиралу Колчаку в прежнем виде до фактического соединения фронтов» [3, с. 132]. Соколов, в частности, горячо доказывал, что «при гадательности признания союзниками адмирала Колчака, мы, немедленно подчинившись Омску, рискуем напрасно принести немалые жертвы» [3, с. 133]. В итоговом виде мнение членов Особого Совещания сводилось к тому, что «подтверждая необходимость создания единой национальной власти, Особое Совещание высказывалось за то, чтобы единая власть была создана при фактическом соединении фронтов» [3, с. 133], коего, как известно, так никогда и не случилось. Мнение Главнокомандующего по этому вопросу участникам прений было неизвестно; Деникин упорно хранил молчание, позволяя членам Особого Совещания свободно высказывать свое мнение. Резюмируя настроения, царившие среди членов Особого Совещания, мемуарист Н.И. Астров отмечал, что «Настроение большинства было совершенно определено. Оно было против признания Колчака...» [6, с. 215].

Тем удивительнее было то, что два дня спустя, генерал Деникин огласил свой приказ № 145. Почему Деникин столь поспешно огласил свое решение? Ответ на этот вопрос можно найти в записках белого Главнокомандующего, особо оговорившего, что как с прениями в заседании Особого Совещания, так и с проектом резолюции, приведенном выше, он ознакомился только при составлении своих историко-мемуарных воспоминаний «Очерки русской смуты» [1, с. 473]. «Принципиально вопрос о подчинении решен был мною давно, о чем

было известно многим. Я предполагал при близком, казалось, соединении, без торга, без сговоров и “условий” объявить армиям о подчинении “отныне Верховной власти Верховного правителя”, как об естественном следствии установления с ними связи. Принятие этого решения облегчало то обстоятельство, что, не встречавшись ни разу в жизни с адм. Колчаком, я тем не менее составил себе о нем представление, как о человеке умном, смелом и благородном. Вопрос поэтому вызывала лишь своевременность такого акта. Но соединение территорий затягивалось... Перспектива признания союзниками всероссийской власти адм. Колчака представлялась фактором чрезвычайно важным, укреплявшим международное положение новой России... Она требовала оказания адмиралу политической и нравственной поддержки... Факт единения русских противобольшевицких сил не мог не вызвать подъема в армиях и в обществе и лишал почвы наших недругов, сеявших рознь... Наконец, с меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требовать от других исполнения долга и повиновения. Вывод был ясен. Я сказал о своем решении 30 мая И.П. Романовскому. Не ответив ни слова, он крепко пожал мою руку. Мы условились, что пока это останется между нами, а завтра я отдам приказ, который должен быть немедленно и широко распространен. В течение дня составить его, однако, не удалось. Вечером состоялись проводы уезжавшего в Англию ген. Бригса, отличавшиеся исключительной сердечностью. Узнав, что экстренный поезд его уходит в Новороссийск не на другой день, как предполагалось, а в ту же ночь, и желая использовать оказию в Константинополь, я тут же на клочке бумаги написал приказ, который и огласил в собрании, после чего приказ был тотчас размножен», – вспоминал А.И. Деникин [1, с. 473–474].

Яркие воспоминания об этом событии оставил член Особого Совещания, кадет Н.И. Астров: «На следующий день, 30 мая, давали прощальный торжественный банкет ген. Бригсу, отъезжавшему из Д.[обровольческой] Армии в Англию. Банкет шел своим чередом. Проводы Бригса были теплые и сердечные. Генерал был истинным другом Д. Армии и пользовался общей любовью и симпатиями. Речи, одна сердечнее другой, были выражением неподдельных чувств, связывавших всех нас и военных и штатских, с английским генералом. Банкет шел по обычной программе. Речи, пение превосходного казачьего хора, Шкуро с кинжалами в зубах, носившийся в захватывавшей дух лезгинке... Главкомандующий, среди общего возбуждения и оживления, был сосредоточен и что-то писал, наклонившись к столу. Вдруг он встал. Пение, музыка, шум, говор как-то сразу спали. Воцарилась тишина. Твердым голосом, немного закругляя гласные, он стал читать только-что написанный им текст. Зал затих. Внимание напрягалось с каждым произносимым словом. От настроения шумного банкета не осталось и следа. Совершалось что-то чрезвычайно значительное. Медленно упавшие слова разворачивали все больше и глубже мысль, волю, решение... Слова замолкли. Наступила глубокая пауза. И точно, вдруг осознав красоту и величие того, что случилось все встали с своих мест и неудержимое ура загремело в зале. Все устремились к Главкомандующему. Каждый стремился сказать ему что-то. У Драгомирова глаза были полны слез. Старый И. П. Шипов целовал руку... Всем стало ясно, что оглашено истинное, единственно возможное решение и что источником этого решения – беззаветная любовь к России, государственный смысл и подчинение себя своей идее. Местный патриотизм Ос.[обого] Совещания растаял в величии и красоте совершенного акта. Главкомандующий проявил в чудесной форме “все величие акта и личного подвига”. Почему он избрал для этого поздний час шумного банкета? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что несколько необычная обстановка объявления акта такой большой важности была выбрана удачно. Приказ был оглашен при прощании с представителем Англии ген. Бригсом, уезжавшим на следующее утро в Англию, с докладом своему Правительству. Бригс увозил с собой текст приказа № 145 и неизгладимое впечатление от того, как этот приказ был встречен соратниками ген. Деникина. Решение, принятое ген. Деникиным разошлось с мнением Ос. Сов. Тем свободнее и прекраснее оказался благородный жест Главкомандующего» [6, с. 218–219].

Годы спустя, уточняя неясные фрагменты из «Очерков», Деникин считал нужным еще раз высказать свою позицию по вопросу о признании верховенства адмирала А.В. Колчака: «Подтверждаю еще раз, что признание мною адмирала Колчака явилось результатом моего личного убеждения, никем не навязанного, скорее вопреки слагавшемуся мнению. Точно также ни с кем в эти дни из деятелей Юга этого вопроса я не обсуждал» (документ представлен С. Машкевичем (Нью-Йорк) [7, р. 44]. Объясняя членам Особого Совещания свое решение, Деникин, как пишет мемуарист, «как всегда бесхитростно и скромно сказал, что он просто исполнил свой долг» [3, с. 137].

Утверждение Деникина подтверждает и письмо видного члена Особого Совещания, кадета М.М. Федорова, написанное П.Б. Струве на следующий день после оглашения приказа № 145. «Дорогой П.Б. [Петр Бернгардович. – Авт.] Вас, как истинного и старого друга Добровольческой армии и как верного сына России, я спешу поставить в известность о состоявшемся вчера акте величайшей государственной важности. Генерал Деникин лично объявил свой приказ о признании адмирала Колчака Верховным Правителем России и о своем ему подчинении. Момент объявления этого акта имел такое захватывающее драматическое значение, которое не поддается описанию. В час наивысших военных успехов, когда для Добровольческой армии открыт путь на Москву и когда у адмирала Колчака, напротив, обнаружились некоторые, – мы верим, временные задержки в его продвижении – генерал Деникин самоотверженно и патриотическим красивым и свободным жестом, никем к тому не побуждаемый объявляет свое великое решение, подымаясь на недостижимую высоту. Счастье России, что ее судьбы в этот [полный] великого драматизма момент оказались в таких благородных и мудрых руках. Особое Совещание не высказало этого решения, *оно лишь подготовило его* [выделено мной. – Авт.]...» [8, л. 122].

«29-го мая я в последний раз был в “Особом совещании”. Тогда решался вопрос должен ли подчиниться ген. Деникин Колчаку. Все решили, что подчиняться надо, но “не надо спешить”. Единогласное мнение Совещания было доложено ген. Деникину. Однако, на следующий день, в очень торжественную минуту, (обед “с иностранными державами”), Деникин совершенно внезапно объявил, что он “уже подчинился” адм. Колчаку. Удивительно то, что, когда он это объявил, все члены Особого совещания пришли в восторг, находя, что лучше нельзя было поступить. Бывает. И это лучшее доказательство того, что “диктатору” можно “сметь свое суждение иметь”. Я тоже находил, что “не надо спешить”, но тоже ощутил, что Деникин поступил в высшей степени правильно, поспешив», – вспоминал член Особого Совещания В.В. Шульгин [9]. 3 июня 1919 г. Особое Совещание сочло необходимым в торжественной форме высказать свою поддержку решению Деникина, объявив о том, что актом 30 мая было «положено начало соединению русской земли в единое целое и образование единой государственной власти». [10, с. 403]

Решение Деникина, конечно же, было продиктовано глубоко укоренившейся у генерала привычкой везде и всюду отводить на второй план свои личные амбиции, а на первый – интересы государства. Менее всего Деникин, как обоснованно утверждает известный московский историк В. Ж. Цветков, при принятии решения «руководствовался личными расчетами». [11, с. 288] В очередной раз Деникин продемонстрировал исключительную личную честность и высокую человеческую порядочность, абсолютизацию чувства долга – в том виде, в каком он привык его понимать. Огромная власть, вопреки существующей национальной традиции, никогда не была для Деникина самоцелью, более того, она не вскружила ему голову. Власть генерал воспринимал как тяжкий крест, ниспосланный Господом, а вовсе не как высшее счастье и благодать [12, с. 41–44].

Результаты исследования. Решение Деникина о признании верховенства адмирала Колчака было продиктовано государственной пользой, однако, начавшиеся поражения сибирской контрреволюции, по сути своей, как верно заметил генерал А.С. Лукомский, «анну-

лировали значение этого приказа» [13, с. 534]. Фактически никакого влияния на события на Юге Колчак не оказывал.

Можно, думается, согласиться с крупнейшим историком сибирской контрреволюции В.И. Шишкиным, по утверждению которого, «Вожди главных центров контрреволюции, созданных на юге, востоке, северо-западе и севере, не смогли создать ни общего командования, ни сплошного фронта. Они всегда действовали разрозненно, что ослабляло их силы и уменьшало возможности. Адмирал А.В. Колчак, провозглашенный 18 ноября 1918 г. Верховным правителем, являлся таковым только формально и номинально» [14, с. 177]. Дипломат Г.Н. Михайловский вспоминал: «На юге России, как известно, только Деникин был сторонником провозглашения Колчака верховным правителем. Он приказал повесить его портрет и расставить гипсовые бюсты в официальных местах, но, например, в ОСВАГе [пропагандистский орган Добровольческой армии. – Авт.], где вся пропаганда велась от имени Колчака, огромный бюст его лежал в углу кабинете Энгельгардта, заведующего ОСВАГом, прикрытый грязной тряпкой – ею мыли пол и клали на непригодный бюст для высыхания. Я уж не говорю о многочисленных островах на эту забавную тему. Колчак с таким же успехом мог почитаться верховным правителем юга России, как и богдыханом Китая» [15, с. 206]. «Правительство Колчака – далеко и своего властного влияния ни на кого не оказывает», – писал Деникину генерал А.М. Драгомиров [16]. Как бы то ни было, но приказ № 145 о подчинении Деникина адмиралу А.В. Колчаку, продиктованный стремлением южнорусского диктатора создать «всероссийскую власть», не привел к тем результатам, о которых мечтали современники, восторженно приветствовавшие решение Антона Ивановича, а его реальные политические последствия оказались ничтожными [4, с. 76]. В специально составленном им для английского читателя сокращенном издании «Очерков», представляющем, по сути, новую книгу, которой Деникин дал название «Белая борьба», Антон Иванович писал в связи с признанием им верховенства адмирала А.В. Колчака: «Не взирая на большое моральное значение объединения Юга и Востока, реальные политические последствия его не оправдали наших надежд. Признание [здесь и далее подчеркнуто А. И. Деникиным. – Авт.] державами Антанты Всероссийской власти адмирала Колчака не состоялось. Русский вопрос оставался открытым во всем его объеме, не исключая возможности новых попыток держав прийти к соглашению с советами, вроде столь неудачной мысли, как приглашение красных и белых на конференцию на Принцевых островах. Не изменилась и политика держав Антанты, и не усилилась их реальная помощь». [Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк). 17, р. 219]

К серьезным последствиям приказ № 145 не привел: «всероссийская власть» была во многом иллюзией; объединения сил антибольшевистского фронта достигнуть не удалось, контрреволюция как была, так и осталась, разобщена – в этом скрывалась одна из причин поражения Белого движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. V. М., 2003.
2. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 637 с.
3. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. (Из воспоминаний). София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. 290 с.
4. Бутаков Я.А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.). М.: Изд-во РУДН, 2000. 190 с.
5. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

6. Астров Н. Признание ген. Деникиным адм. Колчака // *Голос минувшего на чужой стороне*. Париж. 1926. №1 (14). С. 201–221.
7. BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Рукопись Деникина «Заметки, дополнения и размышления к «Очеркам русской смуты». Folder 1.
8. ДРЗ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Письмо М.М. Федорова П.Б. Струве 1919 г. 31 мая.
9. Шульгин В. В отпуску (1919 год) // *Новое время*. Белград. 1924. 22 июня.
10. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года / Под ред. С.В. Мироненко; отв. ред. и составитель Б.Ф. Додонов; сост. В.М. Осин, Л.И. Петрушева. Е.Г. Прокофьева, В.М. Хрусталева. М.: РОССПЭН, 2008. – 1003 с.
11. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Посев, 2009. 635 с.
12. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникин (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. 399 с.
13. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. 752 с.
14. Шишкин В.И. Вопросы по истории Гражданской войны в России // *Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии*; Отв. ред. проф. В.В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д.Н. Меньшикова. СПб., 2018. 407 с.
15. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. М.: *Международ. отношения*, 1993. 638 с.
16. BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 4. Folder 1. Письмо А.М. Драгомирова А.И. Деникину из Парижа. 1919 г. 23 июля.
17. BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 9. Рукопись Деникина «Белая борьба».

С. Н. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Омская областная коллегия адвокатов, Омск, Россия

**СОВЕТ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ОМСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В статье анализируются попытки омской присяжной адвокатуры осмыслить свое положение в условиях ряда политических переворотов 1917–1918 гг., дать правовую и моральную оценку происходящим событиям и действиям членов сословия.

Ключевые слова: Омск, советская власть, белое движение, Гражданская война, судебная палата, история адвокатуры, присяжные поверенные, профессиональная этика.

Постановка проблемы. Присяжные поверенные Сибири, как и российская адвокатура в целом, приняли в событиях Революции 1917 г. и последовавшей затем Гражданской войны самое активное участие. Достаточно вспомнить таких известных общественно-политических деятелей как П.В. Вологодский, В.А. Жардецкий, К.А. Попов. Однако профессиональное адвокатское сообщество на момент переломных исторических событий включало в себя десятки людей. Так, на 15 февраля 1917 г. по округу Омской судебной палаты числилось 110 присяжных поверенных, из них 35 непосредственно в Омске [1, л. 1–7]. Это были люди самых разных политических воззрений: от крайне левых, до крайне правых. Конечно, революционные события отразились на них самым различным образом, эту тему можно охватить лишь целым рядом биографических статей. Нас же интересует, каким образом на эпоху перемен отреагировали органы адвокатского самоуправления.

Основная часть. В фондах Исторического архива Омской области имеется дело, в котором собраны доклады Совета присяжных поверенных прокурору Омской судебной палаты за вторую половину 1918 г. [2]. Туда же попал и ряд более ранних документов. Так, после установления в Сибири советской власти, ряд адвокатов ее деятельно поддержал. У других присяжных поверенных это вызвало резко негативную реакцию. 20 ноября 1917 г. группа Семипалатинских адвокатов во главе с Е.А. Семеновым направила в Совет представление, в котором предлагалось принудить поверенных Попова, Гана и Петропавловского «выйти из совдепа», а в случае отказа – исключить их из сословия. Совет предложение не принял. Отмечалось, что в Совете рабочих и солдатских депутатов непосредственно состоит только К.А. Попов, при этом «совдеп» признается классовой организацией трудящихся, не заключающей в себе ничего несовместимого со статусом присяжного поверенного [2, л. 8].

Но вскоре выяснилось, что новой власти не нужны ни старые суды, ни адвокатура. Формировались новые советские органы правосудия – Омский революционный трибунал и комиссариат юстиции. Некоторое время старые органы юстиции пытались работать прежним порядком. В советской историографии это традиционно трактовалось как саботаж. 23 ноября 1917 г. Правительствующий Сенат выпустил указ, в котором призвал судебных деятелей к стойкой борьбе с большевизмом, с захватом государственной власти. 4 декабря Совет присяжных поверенных Омской судебной палаты призвал всех членов сословия «к охране всеми доступными мерами как судебных установлений в целом, так и прав и достоинства присяжной адвокатуры в частности... впредь до разрешения вопроса о реформе судебных уставов в Учредительном собрании» [2, л. 25об.]. 18 декабря следственная комиссия Омского революционного трибунала арестовала председателя Омского окружного суда Михаила Александровича Подгоричани-Петровича и кассиршу Таисию Петровну Засухину за то, что они продолжали начислять жалование чиновникам окружного суда [3, л. 3]. Что

касается непосредственно совета присяжных поверенных, то в феврале 1918 г. произошел его самороспуск [2, л. 25об.].

Но события в Сибири бурно развивались. Еще 22 мая 1918 г. Омский революционный трибунал рассматривал дело о мятеже 2-й Омской школы прапорщиков, в том числе, в отношении бывших присяжных поверенных Жардецкого и Котлярова [3, л. 78]. А уже 27 мая съезд комиссаров юстиции Западной Сибири и Урала, имея в виду создавшееся положение на революционных фронтах, просил «выдать участникам съезда 20 винтовок трехлинейных, 20 патронташей, 20 ремней для винтовок, по 100 патронов к каждой винтовке, 5 револьверов, 3 шашки с португезами и патронами к револьверам» [3, л. 85]. Предстояла очередная смена власти.

После утверждения в Омске Временного Сибирского правительства старые судебные установления были восстановлены. Вновь образованный Совет присяжных поверенных 30 июня 1918 г. по собственной инициативе начал дисциплинарное производство в отношении адвокатов, которые принимали участие в деятельности советской власти. Разбирательство происходило с 3 по 6 августа 1918 г. под руководством председателя Совета Г.М. Котлярова и подробно восстановило картину событий. Всего рассматривалось поведение 28-и присяжных поверенных и ряда помощников. В основном они входили в состав советских судов, являлись юрисконсультами советских организаций, входили в состав коллегий правозаступников. Так, К.А. Попов был юрисконсультom Омского областного Совета народных комиссаров, А.С. Спасский принимал активное участие в работе комиссариата юстиции. Непосредственно комиссаром юстиции состоял помощник присяжного поверенного В.П. Ламанский, а после 10 мая 1918 г. он же являлся председателем съезда народных судей. Томские адвокаты Куссе-Кюз, Ган и Ельевич сыграли активную роль в формировании советских коллегий правозаступников, разрабатывали Положение о коллегии. Со всех адвокатов, кроме К.А. Попова и Е.З. Пастухова были получены объяснения. Производство в отношении Попова было связано с затруднениями, т.к. он находился под стражей, а Пастухов, по имеющимся сведениям, убыл в Москву.

Вопросы, затронутые в ходе разбирательства, далеко выходили за рамки профессиональной этики, и Совет отдавал себе в этом отчет. Поэтому итоговое постановление, по сути, представляет собой манифест, в котором присяжная адвокатура излагает свою точку зрения на общественно-политические события. Преамбула к мотивировочной части заслуживает быть приведенной полностью: «Весьма вероятно, что в историю неумолимой рукой будет вписано всё, вплоть до советского приговора, как это предсказывает угрожающе один из обвиняемых, но Совет не страшится этого суда истории, ибо верит в свою нравственную правоту, ибо знает, что прежде чем будет вписан в историю настоящий приговор, в нее оказались уже вписанными скорбные страницы из жизни русской адвокатуры, и вписанными притом рукой тех, кто вышли из рядов ея, кто, по собственному их признанию, имели честь принадлежать к ея составу» [2, л. 23].

Большинство обвиняемых ссылались на то обстоятельство, что они не являлись политическими сторонниками советской власти, а просто пытались выполнять свою работу в качестве юристов. Совет нашел такую позицию недопустимой, констатировав тот факт, что советская власть полностью уничтожила независимый суд и идею верховенства закона. Сама власть стала источником произвола и беззакония. По мнению Совета, в таких условиях, сотрудничать с властью и продолжать выполнять работу юриста-профессионала – значило профанировать саму идею правозаступничества.

В качестве примера приводилась деятельность помощника присяжного поверенного Матцкова, трудившегося помощником юрисконсульта Совета народных комиссаров. В обоснование своей общественной полезности Матцков представил Совету свое заключение, в котором он разъяснял Совнаркому, что полномочия комиссий по борьбе с контррево-

люцией, касающиеся расстрела на месте – не касаются тюрем. Совет рекомендовал Матцкову задуматься над тем, что расстрелы на месте сами по себе недопустимы.

Некоторые адвокаты оправдывались тяжелым материальным положением. В ответ на это Совет заключил, что лучшим выходом было бы избрать совсем другой род деятельности, позволяющий прокормиться, чем идти на компромисс с совестью.

Наконец, были и такие, кто заявил о том, что на самом деле они тайно разваливали «советы» изнутри. Так, В.П. Ламанский сообщил о том, что он якобы состоял в подпольной белогвардейской организации и именно по заданию устроился работать на столь высокие должности. На это Совет заметил, что даже если это соответствует действительности, то такая деятельность является откровенно провокаторской и недостойна адвоката.

Окончательное решение Совета было все же довольно мягким: из членов сословия были исключены лишь четыре человека: присяжный поверенный М.П. Лебедев, помощники присяжных поверенных В.П. Ламанский, Е.И. Мараев, П.П. Покровский. О Ламанском уже говорилось выше. Лебедев, Мараев и Покровский работали в советских судах. Покровский, кроме того, произвел на Совет отдельное впечатление своей «моральной гибкостью». Еще шесть человек получили запрет на осуществление профессиональной деятельности на сроки от 3 до 6 месяцев. Остальные получили выговоры и предостережения [2, л. 21–33об.]. Что касается дисциплинарного производства в отношении К.А. Попова, то оно продолжало длиться еще в начале 1919 г., поскольку доступа к задержанному в тюрьму у членов Совета присяжных поверенных не было [2, л. 11–19].

Результаты исследования. Присяжная адвокатура в округе Омской судебной палаты продолжила свое существование до конца 1919 г., вплоть до окончательного установления в регионе советской власти. Однако после двух лет Гражданской войны грамотных специалистов откровенно не хватало, и советская власть вновь была вынуждена взять на работу старорежимных юристов. Так, уже по состоянию на январь 1920 г. в Омской коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе числилось 8 человек, из них 5 бывших поверенных, бывший мировой судья и бывший нотариус [4, л. 5–6]. Спираль истории совершила еще один виток.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 404.
2. ГИАОО. Ф. Р–391. Оп. 1. Д. 63.
3. ГИАОО. Ф. Р–1065. Оп. 1. Д. 1.
4. ГИАОО. Ф. Р–439. Оп. 1. Д. 50.

Р. В. РЫБАКОВ

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

**ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ В 1920–е гг.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Министерства образования Омской области
в рамках научного проекта № 18-49-550004*

Аннотация: Раннюю советскую историю с ее социальными потрясениями: революцией, Гражданской войной, последующей модернизацией невозможно полноценно осветить без анализа молодежного движения, его проблем и противоречий. Данная статья посвящена проблеме влияния Гражданской войны на молодое поколение 1920-х гг. Рассматривается проблема формирования и культивирования среди молодежи героики Гражданской войны, милитаризации и девиации.

Ключевые слова: Комсомол, молодежная политика, милитаризация молодежи, военная антропология, история Сибири, Омск.

Постановка проблемы. В изучении проблем Гражданской войны отдельной темой выступает жизнь и судьбы молодого поколения, невольного участника кровавого противостояния. Как правило, исследователи в зависимости от тех или иных идеологических предпочтений фокусируются на освещении героического прошлого молодежи, поддерживавшей в военном конфликте главные противоборствующие стороны: «белых» и «красных», иногда преувеличивая степень политической зрелости и осознанности сделанного юношеством выбора [1]. Сформировавшаяся еще с советских времен практика героизировать роль комсомола в Гражданской войне, сегодня контрастно дополнена работами, воспевающими доблесть и мужество той части молодежи, которая принимала участие на стороне белого движения [2–8]. В своей публикации С. Якимович так характеризует настроение молодого поколения: «Молодежь, в массе своей патриотически настроенная с начала Великой войны, после первых дней февральского угара начала отрицательно относиться к «завоеваниям революции», понимая, что эти «завоевания» ведут к гибели России... Уже в первые дни «Октябрьского бунта» молодежь была в первых рядах бойцов против изменников России и их приспешников. На улицах Петрограда, Москвы, Киева и других городов, борется главным образом молодежь: юнкера, кадеты, гимназисты, женский батальон, студенческие добровольческие отряды» [9].

К сожалению, попытки дать объективную картину участия молодежи в Гражданской войне, в том числе на стороне противников большевиков, наталкиваются на трудно разрешимую проблему недостатка источниковой базы. Если вклад комсомола в победу РККА максимально репрезентативно отражен в архивных фондах, периодической печати, публицистике и эпистолярном творчестве, то подобное нельзя сказать о роли белой молодежи в Гражданской войне. Изучение этого вопроса строится преимущественно на анализе художественной либо мемуарной литературы и лишь отчасти – сквозь призму документального наследия.

В последнее время появляются публикации, которые пытаются дистанцироваться от политических симпатий и рассматривать проблему участия подрастающего поколения в Гражданской войне с точки зрения антропологического подхода, через социальное содержание, обращая внимание, прежде всего, на сложности и противоречия эпохи. Так, И.П. Каменский на примере жизненного пути двух братьев показал, что их участие в войне было непреодолимым обстоятельством и только человеческие качества ближайшего окружения, а иногда и просто везение помогли им выжить [10]. Выбор, который приходилось осуществлять конкретным личностям, зависел не только и даже не столько от идеологических предпочтений, сколько от целого комплекса случайностей. Порой молодое поколение оказывалось заложником постоянно меняющейся власти в городах и селах, не успевая осмыслить происходящее. Новая власть проводила мобилизацию среди достигших совершеннолетия, и молодые люди, недавно состоящие на службе в Белой армии, довольно скоро пополняли ряды «красных». Следует считаться и с мнением А. Репникова, который писал: «Молодежь с авантюрной жилкой шла к белым, красным, зеленым. Шла не только по идейным соображениям, но и за подвигами, за славой» [11].

Независимо от того на чьей стороне принимала участие молодежь влияние Гражданской войны на подрастающее поколение было колоссальным, данная статья посвящена некоторым аспектам этой проблематики.

Основная часть. Безусловно, среди масс молодежи участников Гражданской войны были стойкие сторонники коммунистической партии. Большинство из них состояло в комсомоле. Именно к ним обращались лидеры государства и партии, призывая встать на защиту завоеваний революции. На первой странице «Юного Коммуниста» было опубликовано следующее воззвание: «В настоящей, критической и решающей точке молодые рабочие и крестьяне не должны отставать от своих старших товарищей. Молодежь должна быть готова по первому зову, по первому боевому кличу броситься в бой, последний и решительный бой. [...] Готовность к борьбе, революционная стойкость, готовность всех сил обеспечит нам победу. На передовую, товарищи, сомкнуть ряды крепче!» [12].

Первые массовые мобилизации среди коммунистической молодежи были проведены в мае 1919 г., октябре 1919 г., марте 1920 г. Часто на фронт уходили целыми комсомольскими ячейками. Однако не стоит преувеличивать массовость подобных призывов, так как численность комсомола в России в это время не превышала нескольких десятков тысяч. Тем не менее, опыт Гражданской войны сформировал у молодежи определенные социально-культурные стереотипы поведения, культуру, язык, которые быстро усваивались новым поколением комсомольцев, создавая феномен групповой воинствующей идентичности. Чувство принадлежности к поколению победителей поддерживался и демонстрировался, прежде всего, за счет внешней атрибутики. В начале 1920-х гг. сформировалась мода носить красноармейские шинели и сапоги, кожаную куртку, что сразу выделяло участников Гражданской войны среди остальной части молодежи. В то же время стильные костюмы нэпманов, дорогие меха и платья расценивались как непролетарские и вызывали презрение. Одежда стала выражением общности и демонстрацией верности идеалам революции и пролетарской культуры. Эта мода активно распространялась не только среди юношей, но и девушки одевались похожим образом, подражали мужскому поведению, манерам и языку. Дискурс одежды приобрел центральное значение среди коммунистических подростков в процессе их самоидентификации.

Военный образ комсомола стал важным фактором для пополнения рядов новыми членами. Непременным атрибутом старшего поколения было курение и наличие револьвера, что вызывало жгучую зависть среди подростков. Несмотря на пропаганду здорового образа жизни и запрет курения комсомольцам, выдача папирос, в виде своеобразного пайка практико-

васась на протяжении нескольких лет после окончания Гражданской войны. Об этом свидетельствуют, например, обращения Омского губкома РКСМ в местный партийный губернский комитет с заявлением на получение папирос в 1921 г. 19.03.1921 г. им был подготовлен список лиц на получение револьверов, причем в него были включены и девушки: Попова Анна, Белова Таисия, Рутковская Нина [13, д. 228, л. 8–9].

Героика Гражданской войны формировалась и культивировалась среди молодежи и после окончания боевых действий. Идеализация победы в Гражданской войне осуществлялась через литературу, кинематограф и искусство. Героические истории Гражданской войны превратились в самостоятельный жанр – «Красная романтика», которая изучалась как в школе, так и в комсомольских ячейках [13, д. 237, л. 55]. В числе вопросов для проверки знаний комсомольского активиста был обязательным вопрос об участии коммунистической молодежи в Гражданской войне [13, д. 371, л. 9]. Как показало исследование читательских интересов в середине 1920-х гг. У молодого поколения был огромный запрос на литературу героического характера, на историческую беллетристику о революционном движении, о гражданской войне [14, д. 588, л. 39]. Пытаясь удовлетворить спрос литературный отдел журнала «Смена» стал регулярно публиковать повести и рассказы о Гражданской войне [14, д. 495, л. 8].

Массовые демонстрации, митинги, вечера памяти, доклады о международном положении – все в совокупности это позволяло усилить степень милитаризации общества. В опубликованной в 1928 г. статье «Молодежь в Гражданской войне» Н. Подвойский указывал: «Победив в гражданской войне, советский пролетариат начал строительство социализма. Но против этого социалистического строительства ополчился весь капиталистический мир. Поэтому гражданская война 1917–1920 гг. является подготовкой к социалистическим войнам, в которых наша молодежь будет и драться и командовать. Наши лозунги: «Добровольный Всеобуч! Всеобщая революционная военизация! Высшая всеобщая военная культура!» [15].

Официальная пропаганда о героическом прошлом Гражданской войны сеяла революционный энтузиазм и порождала авантюризм среди многих комсомольцев. В письмах к руководству комсомола и лидерам государства молодые коммунисты просили отправить их за границу для продолжения борьбы за свободу пролетариата и мировую революцию. В 1923 г. молодежь стремилась помочь Эстонскому коммунистическому союзу. Огромное внимание привлекла борьба китайского народа. Так, в 1925 г. редакция Комсомольской правды получила письмо, в котором два комсомольца просили помочь пробраться в Китай. С 14 и 15 лет они сражались на фронтах Гражданской войны, теперь же стремились уехать из России для борьбы за освобождение угнетенных китайских рабочих. В письме указывалось: «Когда мы дрались с Врангелем, то бок о бок бились с китайцами (у нас в эскадроне было 6 человек китайцев), а потому нам надо отдать должное нашим братьям китайцам... хочется посчитаться со всемирной буржуазией, руки чешутся, как говорит мой друг, на китайскую сволочь» [14, д. 495, л. 24].

Не отставали в подобных настроениях и Омские комсомольцы. Во второй райком РКСМ Омска в мае 1923 г. поступило заявление Бориса Чиркова, который просил отправить его на подпольную работу в Польшу или в распоряжение штаба турецкого фронта для назначения в одну из частей для борьбы против басмачества. В качестве причин своего желания он указывал следующее: «Во-первых, я не привык к такой спокойной обстановке, в какой нахожусь в настоящее время, во-вторых, есть желание поработать в подполье так, чтобы вставая утром я думал, что могут посадить, и, ложась спать, думал тоже самое». Заканчивал свое обращение он следующими словами: «Товарищи! Вы должны отправить меня или туда,

или сюда, т. к., Вам, должно быть понятно, что человек с 14 лет, ушедший в армию и все время странствующий по России на красных кровавых фронтах, не может сжиться с этой мирной обстановкой. И так я жду! С комсомольским приветом!». На заявление была сделана пометка: «Удовлетворить не можем!» [13, д. 277, л. 7].

Негативное влияние Гражданской войны проявилось в усилении процессов маргинализации и девиации среди широких слоев советской молодежи. Молодое поколение, прошедшее стадию социализации в такой атмосфере, впитывало в себя готовность к силовому решению социально-политических и межличностных конфликтов, нетерпимость к оппонентам, агрессивность по отношению к внутренним и внешним врагам. Неизбежны были в связи с этим настроения и действия молодежи, в которых доминирующим становилось применение насилия против политических противников [16]. Опасаясь роста насилия и самоуправства Сибирское деревенское совещание в 1922 г. выступило с критикой комсомольских ячеек с административно-милицейским уклоном, а в некоторых местах даже военным. Комсомольцы помогали милиции проводить обыски, ловить самогонщиков, выписывали штрафы, угрожали оружием и пр., чем, безусловно, настраивали против себя крестьян [13, д. 85, л. 49].

Результаты исследования. Влияние Гражданской войны на молодое поколение было колоссальным. Участниками кровавого конфликта юношество часто становилось не по своей воле. Война не столько закаляла характер, и делала героями каждого, принимавшего в ней участие, сколько изматывала неустойчивую психику и еще не окрепший молодой организм. Послевоенная героика стала одним из наиболее эффективных механизмов воздействия на общественное сознание, способ формирования верных сторонников советской власти. Комсомол стал одновременно и объектом, и агентом милитаризации общества. Это была организация, где наследие Гражданской войны было самым заметным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го-первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 31–33.
2. Гребенкин А.Н. «Убитые орлята»: воспитанники российских кадетских корпусов в 1917–1920 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 120–123.
3. Шулдяков В.А. Белый есаул и... советский писатель Иустин Романико (1892–1938) // Гороховские чтения: материалы 3-й региональной музейной конференции (Челябинск, 9 ноября 2012 г.). Челябинск: ЧГКМ, 2012. С. 193–207.
4. Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217–231.
5. Лосунов А.М. Е.А. Леонтьев – последний ветеран колчаковской армии // Гражданская война в Сибири: Мат–лы Всеросс. науч.-практ. конф. / Под ред. Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. Омск, 2013. С. 72–77.
6. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
7. Трофимов М.Ю. Письма капельмейстера 5-го Сибирского казачьего полка П.Е. Казанцева // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября, 2017 г.). Омск: ОмГТУ, 2017. С. 354–358.

8. Петин Д.И. «Известий не имею о нем и сам не пишу...»: источники личного происхождения о судьбе эмигранта Николая Николаевича Артамонова-младшего // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 18–23.
9. Якимович С. Молодежь в Белой борьбе // Общественно-исторический клуб «Белая Россия». URL: <http://belrussia.ru/page-id-4684.html> (дата обращения: 13.09.2019).
10. Каменецкий И.П. Братья Реснянские: разделенное войной поколение (к вопросу об участии молодёжи Сибири в Гражданской войне) // Вторые Ядринцевские чтения. Мат-лы II Всерос. науч.-практич. конф., посвящ., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Омск : ОГИК музей, 2014. С. 32–37.
11. Репников А. В. Романтика и виселицы. О специфике Гражданской войны // Столетие URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/romantika_i_viselici_2008-08-15.htm (дата обращения: 13.09.2019).
12. Юный коммунист. 1919. 22 октября.
13. ГИАОО. Ф. П–36. Оп. 1.
14. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 23.
15. Подвойский Н. Молодежь в гражданской войне // Смена. 1928. № 112. С. 4.
16. Исаев В.И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История, 2002. С. 63–70.

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

ОТ ДОБРОВОЛЬЦА ДО ДЕЗЕРТИРА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. В. ОРЛОВСКОГО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В представленном материале прослеживается эволюция политических взглядов известного советского ученого-аграрника Н.В. Орловского в период Гражданской войны. Как сторонник «сентиментального народовластия» он не принял «комиссародержавия» и добровольно поддержал антисоветские вооруженные силы. Однако реальная обстановка войны приводит его к краху «демократических иллюзий» и дезертирству из «белой» армии. По мысли автора, научно-образовательная активность советской власти сыграла важную роль в восприятии Н.В. Орловским советской платформы.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, белая армия, Комуч, дезертирство, советская власть, аграрная наука, Н.В. Орловский.

Постановка проблемы. История народа и страны складывается из жизненных историй отдельных людей. Для историков изучение этих жизненных историй представляет первостепенную важность, поскольку позволяет избежать присущего многим исследованиям схематизма и, следовательно, «очеловечить», расширить и углубить наши представления о прошлом. При этом в современной историографии Гражданской войны внимание исследователей стало уделяться проблеме «маленького человека» [1, с. 246–248; 2, с. 136] – рядового (а подчас случайного) участника событий, чья судьба может выглядеть не менее колоритной, чем жизненный путь людей, оставивших некий заметный след [3–8]. Подчеркнем, что подобный подход сегодня важен также и в деле противодействия распространению клишированных исторических мифов, ошибочных представлений о Гражданской войне в России и трагических метаморфозах российского социума в тот период [9].

Основная часть. Николай Васильевич Орловский – человек удивительной судьбы. Родившийся в семье священника в 1899 г. и получивший духовное образование, позднее стал выдающимся отечественным ученым-аграрником. Являясь признанным мастером эпистолярного жанра, он оставил нам удивительные по стилю изложения и полноте информации воспоминания. Н.В. Орловский подчеркивал, что старался обойти сугубо личные переживания в воспоминаниях, а фиксировал внимание читателя на событиях общественного значения, в которых приходилось лично активно участвовать [10, с. 9]. Для историков образования будут интересны и полезны разделы об организации учебного процесса в духовной семинарии и быта семинаристов; не меньший интерес вызовут и университетские страницы биографии автора. Для историков науки ценны описания Н.В. Орловского непростого и противоречивого пути аграрной науки в нашей стране в прошлом столетии. Историков, исследующих проблемы развития сельскохозяйственного производства, привлекут мысли автора, в частности, об истории освоения целинных и залежных земель в Сибири.

Не менее интересны и любопытны воспоминания Н.В. Орловского для историков Гражданской войны. В них автор воссоздает «дух эпохи, раздираемой противоречиями между богатством и бедностью, между религией и примитивным воинствующим атеизмом, между устоявшимся крестьянским бытом и жестоким поведением человека в годы войны и революции» [10, с. 148]. Следует подчеркнуть, что в период Гражданской войны политические

взгляды Н.В. Орловского претерпели довольно существенную эволюцию. Исследованию этого вопроса и посвящается данный материал. По нашему мнению, данная эволюция в какой-то мере отражала и ход, и результаты военного противоборства.

Николай Васильевич с пониманием отнесся к революции, так как видел противоречия в обществе, которые, по его словам, «не проявлялись открыто, развивались подспудно, в скрытой форме» [10, с. 50]. Для человека с научным складом ума казалось, в частности, неправильным отсутствие доступа к образованию для широких масс населения в предреволюционной России. «В те далекие предреволюционные годы для получения образования требовалось каждой семье «пролезть сквозь игольные уши» накопления какого-то минимального достатка или хотя бы небольшого капитала, приобретенного главой семьи любым путем, иногда и бесчестным, хищническим, но всегда требовавшим предельного напряжения физических и умственных способностей», – писал он в воспоминаниях [10, с. 59].

Чтение книг социальных мыслителей, сельское воспитание и общение с крестьянскими детьми сделали из семинариста сторонника социальных преобразований, которого не трогали «призывы бороться против дикости восставшей солдатни» [10, с. 142]. Тем большее удивление вызывает добровольное поступление Н.В. Орловского, уже студента Казанского университета, с группой своих однокашников, на службу в армию Комуча в качестве рядового солдата. Сам автор в своих воспоминаниях указывает на следующие факторы данного поступка. Прежде всего, это «сила последствий несчастного Брестского мира», ввиду чего на Украине и в Белоруссии хозяйничали немцы [10, с. 155]. Наряду с внешнеполитическим фактором Н.В. Орловский указывает и на фактор внутренний: «первые уроки комиссародержавия на местах» [10, с. 155]. По мысли автора воспоминаний, «идея «великой неделимой России» и Учредительного собрания как демократической власти по английскому образцу давила на мозги учащейся и студенческой молодежи тех лет» [10, с. 155].

Однако реальная обстановка войны, нарастающее ожесточение противоборства не способствовали реализации данных «демократических» представлений. Вот как описывает автор некоторые из эпизодов войны: «На разъезде выгружалась пехотная часть, дымились походные кухни. Мимо провели под конвоем одного солдата в шинелишке без пояса. Завели его за колок, в овражек. Глухо хлопнул выстрел, не стало еще одной жизни. Машина войны работала безотказно... Перед моими глазами проходил калейдоскоп картин проявления безрассудной животной жестокости. На подходе к Петропавловску три конвоира вели сотню военнопленных красноармейцев в одном белье и босиком. Выпал первый снег; крепкий заморозок, завьюжило. Идут обреченные на смерть...» [10, с. 166–167].

От «демократической контрреволюции» власть переходит к адмиралу Колчаку. Весьма любопытно описание в мемуарах обстановки, способствующей властному взлету адмирала: «Появление на политической арене боевого адмирала Черноморского флота Колчака сопровождалось в печати шумной буффонадой. Сообщалось о его крупных заслугах в деле изучения Арктики и Северного морского пути. В поэтических тонах описывалась негибаемость его характера, когда он в ответ на требования восставших матросов бросил свое наградное золотое оружие за борт корабля» [10, с. 157–158]. Однако практическая деятельность правительства А.В. Колчака мало соответствовала демократическим идеалам автора воспоминаний, поэтому характеристики Колчака как политического и военного деятеля имеют сугубо отрицательный характер: «Но кроме личных заслуг перед наукой и Россией, кроме аристократического понятия о чести, для роли спасителя Отечества он был абсолютно непригоден. Его зловещая фигура военного диктатора сразу привлекла все черное воронье обломков монархии и отбросила от него сразу все прогрессивное, имеющее отношение к широкой массе крестьянства, не говоря уже о городском пролетариате. В его окружении появились страшные фигуры казачьих атаманов...» [10, с. 157–158].

Крах «демократических иллюзий» приводит автора воспоминаний к глубокому внутреннему кризису. «Все застилал какой-то туман, в котором не видно было никакой перспективы. Острое чувство одиночества... Иногда мнилось, что самоубийство – положительно хорошая штука по сравнению с безысходностью. Обучился пьянству. Попойки устраивались в продуктовом складе каптенармуса при тусклом свете свечи. Начиная с рюмки водки, быстро дошел до бутылки. «Кто кого перепьет и пройдет по одной половине?» – и мы, четверошестеро выбитых из жизни студента, соревновались друг с другом в этом искусстве, заеда прямо из бочек казенным сливочным маслом и мясной тушенкой и запивая огуречным рассолом» – вспоминал Н.В. Орловский [10, с. 161]. Итогом внутренних исканий стали отказ от борьбы с советской властью, дезертирство из колчаковской армии (как раз под Омском) и последующее восприятие Н.В. Орловским советской платформы. Любопытно описание бывшей белой столицы: «... Омск являл собой картину брошенного, вымершего города. На улицах пусто, магазины и лавки закрыты, на стенах – жалкие остатки грозных, а сейчас никому не нужных объявлений коменданта города, призывы каких-то святых отцов на священную войну за торжество Церкви божией, поруганной большевиками, за величие подвига верховного правителя Колчака. Далее следовали многочисленные подписи епископов и архиепископов. Обрывки этих призывов и объявлений жесткий, морозный ветер гонял по замусоренным улицам и заметал все углы» [10, с. 168].

Важно отметить, что служба у «белых» не сказалась на последующей жизни Н.В. Орловского. «Суровая нить омской жизни раскручивалась быстро. Я прошел регистрацию у военного коменданта и получил назначение в какой-то отряд омского гарнизона, но не успел еще явиться к начальству, как был откомандирован как бывший студент Казанского университета в распоряжение отдела наробраза губревкома. Судьба моя решилась быстро, и я был назначен завучем школы большого волостного села Исиль-Куль», – так описывал Николай Васильевич события после перехода к «красным» [10, с. 170].

Заболевание тифом привело его в тифозный барак омской больницы. После выздоровления – преподавание уже в омской школе, а затем по решению Сибревкома как «старый студент» Н.В. Орловский был откомандирован для прохождения «учебно-трудовой повинности» в Сибирский институт сельского хозяйства (ныне Омский государственный аграрный университет). В жизни Николая Васильевича началась долгожданная эпоха «плодотворной работы в области научного познания жизни, в области естествознания...» [10, с. 176]. Очевидно, что научно-образовательная активность советской власти сыграла важную роль в политической эволюции Н.В. Орловского. Во время празднования первого после Колчака Первомая в Омске Н.В. Орловский записал в своем дневнике: «... С мечтами о таком сентиментальном народовластии я покончил окончательно. Разумная диктатура советской власти, широкие глаза правительственной партии коммунистов на жизнь, открытое признание своих ошибок, трудовая дисциплина и трудовой подъем – вот программа» [10, с. 176].

Результаты исследования. Таков был политический путь этого человека. Были и иные биографии, и иные пути. В целом они дополняют «картину» Гражданской войны новыми штрихами и новыми красками. После Гражданской войны Н.В. Орловский сделал блестящую научную карьеру, стал одним из известных в СССР почвоведов, был удостоен Золотой медали имени В.В. Докучаева. Но и путь в науке у Н. В. Орловского трудно назвать легким и безоблачным. «В силу своей честности и принципиальности он в переломные периоды развития сельскохозяйственной науки оказывался в числе критикуемых и гонимых. Однако он был мужественным человеком и стойко отстаивал истину в науке, никогда не прекращал борьбу с лжеучёными, выдвигающими конъюнктурные псевдонаучные «теории». В итоге истина торжествовала, и правота Н. В. Орловского становилась ясной для всех», – писал его сын С. Орловский [11]. Умер Н.В. Орловский в 1986 г. 1999 г. был объявлен Российской академией сельскохозяйственных наук Годом Н.В. Орловского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов; РИО; ИРИ РАН. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–262.
2. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003. 209 с.
3. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
4. Вострокнутов Д.Е. Участие представителей уральского ответвления рода Вострокнутовых в гражданской войне 1918–1922 годов в России // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 1. С. 163–168.
5. Шудряков В.А. Дмитрий Яковлевич Шишкин: офицер, поэт, эмигрант // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гэфнер, И.А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 194–198.
6. Петин Д.И. Николай Рогозин: офицер-деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.
7. Петин Д.И. Личное дело лица, лишённого избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.
8. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.
9. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
10. Орловский Н.В. Страницы истории аграрной науки XX века (воспоминания ученого). 2-е изд., доп. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2012. 522 с.
11. Красноярский рабочий (Красноярск). 2014. 15 февраля.

А. Ю. САБЛИН

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, Омск, Россия

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОЙСКОВОГО СОСЛОВИЯ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
В 1-й И 2-й ОМСКИХ ШКОЛАХ ПОДГОТОВКИ ПРАПОРЩИКОВ ПЕХОТЫ
(1915–1917 гг.)**

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты присутствия в период Первой мировой войны в стенах 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты представителей войскового сословия Сибирского казачьего войска.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирское казачье войско, офицерство, военное образование, школы прапорщиков, Омск.

Постановка проблемы. Несмотря на ряд публикаций [1–6], такие образовательные учреждения Русской Императорской Армии периода Первой мировой войны как школы подготовки прапорщиков в целом и 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты в частности, до сих пор требуют тщательного изучения. Представляется, что не только а-la «полковые истории», но и освещение различных аспектов деятельности данных образовательных учреждений вызовут неподдельный интерес национально ориентированной части российского общества.

Основная часть. Сразу необходимо оговориться. Ни 1-я, ни 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты в силу своего профиля кавалеристов никогда не готовили. Кроме того, количество сибирских казаков в каждом выпуске школы, как правило, не превышало десяти человек (см. ниже), и создавать солидную материальную базу (лошади, конюшни, вольтеры и пр.) для столь низкого числа лиц войскового сословия было бы нерационально.

Согласно Приказу по Военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 г. в школы этого типа могли приниматься «...нижние чины казачьих войск и молодые люди со стороны, принадлежащие к войсковым казачьим сословиям при условии согласия подлежащих наказных атаманов на поступление этих лиц в школы» и на «...производство их по окончании школ в прапорщики *армейской пехоты* и на дальнейшую их службу в *регулярной пехоте* (курсив мой. – А.С.)» [7, с. 68].

Однако на практике все было несколько иначе. Так, при обращении к «Мартирологу офицеров Сибирского казачьего войска» мы можем видеть, что сибирские казаки, окончившие одну из омских школ, в дальнейшем проходили службу в своих войсковых частях. Например. Верховод М. Из рядовых казаков ст. Щучинской Кокчетавского уезда. По окончании 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (9.07.1916) служил во 2-й Сибирской казачьей запасной сотне [8, с. 228]. Еманаков П.М., казак ст. Щучинской Кокчетавского уезда, по окончании 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (27.05.1916) младший офицер 4-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка, хорунжий (1917). После Февральской революции – председатель сотенного комитета [8, с. 238]. Тычинский И.Г., казак ст. Павлодарской. По окончании 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (15.10.1916) – младший офицер 2-й Сибирской казачьей запасной сотни [8, с. 259]. Фалилеев С.В., казак пос. Подпускного Семиарской ст. Семипалатинского уезда. По окончании 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (10.02.1916) – прапорщик 3-й Сибирской казачьей запасной сотни. С 30 июля 1916 г. младший офицер 3-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка [8, с. 260]. И так далее. Даже в приложениях к приказам о производстве [9, л. 70об.; 10, с. 8; 11, с. 7; 12, с. 9] в графе «куда назначен» напротив лиц войскового

сословия стоит «в распоряжение Войскового Наказного Атамана Сибирского казачьего войска». Почему на практике существовало такое противоречие регламентирующему документу [7, с. 68] – пока непонятно.

Как уже было отмечено выше, – ни 1-я, ни 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты кавалеристов никогда не готовили. Даже в «Программе учебных занятий в школах подготовки прапорщиков пехоты» [13, л. 118–126об.], утвержденной 25 октября 1915 г. Военным Министром генералом от инфантерии А.А. Поливановым, и которой руководствовались в своей образовательной деятельности 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты, какие-либо специфически кавалерийские дисциплины отсутствуют. Существовали дисциплины общей направленности, которые были характерны и для образовательных учреждений кавалерийского профиля. Как то: устав гарнизонной службы, устав внутренней службы, устав дисциплинарный, законоведение и военная администрация, гигиена и т. д. В силу вышеизложенного, мы не будем акцентировать внимание на образовательном процессе в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты, т. е. как если бы действительно в школах существовали некие структурные подразделения (например, взвод), которые бы готовили кавалеристов (взвод не как структурное подразделение в публикации В.А. Шулдякова [14, с. 44], а скорее как выражение численности казаков-юнкеров). Кроме того, о постановке образовательного процесса в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты см. нашу раннюю публикацию [5].

Далее нам бы хотелось по мере возможности проанализировать численность сибирских казаков-юнкеров в каждом из выпусков 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты. Здесь мы будем руководствоваться главным образом приложениями к приказам по школе (1-й), приложениями к приказам по округу, а также Высочайшими приказами. (При этом нужно помнить, что приведенные цифры будут неокончательными, поскольку существовали юнкера, которые по каким-либо причинам (болезнь, отсутствие документов и т. д.) не окончили школу со своим выпуском, а были произведены в чин прапорщика позднее, что называется «задним числом».)

Итак, 1-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты, выпуск 10 февраля 1916 г., численность сибирских казаков-юнкеров – 9 чел. [9, л. 68–71]; выпуск 10 мая 1916 г., численность сибирских казаков-юнкеров – 9 чел. [15]; выпуск 10 сентября 1916 г. – 4 чел. [16, с. 1–7]; выпуск 17 января 1917 г. – 9 чел. [10, с. 1–10]; выпуск 7 июня 1917 г. – 10 чел. [11, с. 1–8]; выпуск 16 октября 1917 г. – данные отсутствуют.

2-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты, выпуск 27 мая 1916 г., численность сибирских казаков-юнкеров – 8 чел. [17]; выпуск 4 октября 1916 г. – 1 чел. [18, с. 1–10]; выпуск 10 февраля 1917 г. – информация отсутствует; выпуск 27 июня 1917 г. – 13 чел. [12, с. 1–11]; выпуск 10 ноября 1917 г. – 48 чел. [19] Таким образом, мы видим, что, учитывая лакуны, 1-ю и 2-ю Омские школы подготовки прапорщиков пехоты в годы Первой мировой войны окончили более ста сибирских казаков.

При этом стоит обратить внимание на резко возросшую численность сибирских казаков в последнем (несостоявшемся) выпуске 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (10 ноября 1917 г.) – 48 чел. Можно предполагать, что причины здесь были субъективные и объективные. Субъективные: к 1917 г. у казаков все еще сохранялся престиж офицерского звания. Объективные: Сибирская казачья дивизия весь 1916 г. и по апрель 1917 г. была задействована как пехота. Плюс в ней появились части, которые были укомплектованы солдатами, но с казачьим офицерским составом: стрелковый дивизион, пулеметная команда Кольта и т. д. То есть были необходимы офицеры, знающие пехотную службу. К тому же у прапорщиков на фронте была самая короткая жизнь (до момента ранения или гибели) [20] и на случай активных боевых действий и их убыли нужен был какой-то резерв.

Сибирские казаки-юнкера в количестве 48 чел. участвовали в антисоветском выступлении в составе 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты 1–3 ноября 1917 г. Впо-

следствии в соответствии с Приказом войскам Омского военного округа № 790 от 24 ноября 1917 г. они были переданы в распоряжение Войскового Совета Казачьих Депутатов для «...зачисления их на службу в соответствующие части» [19]. Прибывший с фронта в Омск представитель совета казачьих депутатов Сибирского войска на заседании военного отдела Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, проходившем 3 ноября 1917 г. в гарнизонном собрании, заявлял, что он «...не допускает, чтобы юнкера, среди которых насчитывается более 40 казачьих детей <...> руководились контр-революционными замыслами» [21, с. 3].

В заключение необходимо отметить, что сибирские казаки-юнкера, которые окончили курс 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты, но не были произведены в чин прапорщика по причине антисоветского выступления школы, были впоследствии, уже в период Гражданской войны, произведены в положенный чин [6, с. 114].

Результаты исследования. Итак, нами было установлено следующее: несмотря на то, что в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты обучались представители войскового сословия Сибирского казачьего войска, школы в силу своего профиля никогда не готовили кавалеристов; вопреки регламентирующим документам сибирские казаки после окончания ускоренного курса одной из школ служили не в пехоте, а в своих войсковых частях; 1-ю и 2-ю Омские школы подготовки прапорщиков в период Первой мировой войны окончили более ста сибирский казаков и те из них, кто окончил ускоренный курс 2-й школы, но не был произведен в положенный чин прапорщика по причине ее антисоветского выступления, были произведены в него позднее уже в годы Гражданской войны.

В заключение подчеркнем, что обращение к подобным аспектам военной истории, по нашему мнению, является актуальным не только в общетеоретическом значении, но также и в деле развенчания некоторых неправильных (отчасти мифологизированных) суждений о русском офицерстве военно-революционного периода 1914–1920 гг. Данную проблему, отмечаемую, как актуальную, современными историками [22–23; 24, с. 12], можно рассматривать как важную вероятную перспективу исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожевин В.Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: Мат-лы Всеросс. науч.-методол. конф. учителей и работников высшей школы (Омск, 17–18 декабря 1998 г.). Омск: Омский ИПКРО, 1998. С. 71–83.

2. Саблин А.Ю. 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты: повседневные практики 1915–1918 гг. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. Вып. 13. С. 45–54.

3. Саблин А.Ю. Кадровое обеспечение русской армии в 1916–1917 гг.: распределение выпускников 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: сб. науч. ст. / науч. ред. В.Н. Худяков; отв. ред. М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. Вып. 25. С. 74–83.

4. Саблин А.Ю. 1-я и 2-я Омские школы прапорщиков в годы Первой мировой войны // Наш Омский край: четвертый конкурс исследовательских краеведческих работ, посвященный памяти М.Е. Бударина / под ред. С.В. Новикова, Л.В. Аплетаевой. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 53–58.

5. Саблин А.Ю. Постановка образовательного процесса в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты (1915–1917 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.) / М-во культуры Ом. обл., БУ ИсА; М-во образования

и науки Рос. Федерации, ОмГТУ; [редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) и др.]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 298–303.

6. Саблин А.Ю. О последних днях 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: материалы всерос. науч. конф, посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы России (Омск, 15 ноября 2018 г.) / Ом. юрид. акад.; М-во культуры Ом. обл., БУ Иса; [редкол.: С.А. Величко, Д.И. Петин (отв. ред.), М.М. Стельмак, А.В. Минжуренко]. Омск: ОмЮА, 2019. С. 108–116.

7. Приказ по Военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 г. // Приказы по военному ведомству, 1916 г. Петроград, 1916. С. 63–73.

8. Мартиролог офицеров Сибирского казачьего войска / Материал подгот. В.А. Шулдяковым // Забвению не подлежит: Книга памяти жертв полит. репрессий Ом. обл. / Администрация Ом. обл. Омск, 2004. [Т. 10]. С. 219–263.

9. ГИАОО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1.

10. Приложение к Приказу войскам Омского военного округа № 37 от 17 января 1917 г. // Личный архив автора.

11. Приложение к Приказу войскам Омского военного округа № 325 от 7 июня 1917 г. // Личный архив автора.

12. Приложение к Приказу войскам Омского военного округа № 378 от 27 июня 1917 г. // Личный архив автора.

13. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 744.

14. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. Книга I. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 748 с.

15. Высочайший приказ от 9 июля 1916 г. // Личный архив автора.

16. Приложение к Приказу войскам Омского военного округа № 520 от 10 сентября 1916 г. // Личный архив автора.

17. Высочайший приказ от 29 сентября 1916 г. // Личный архив автора.

18. Приложение к Приказу войскам Омского военного округа № 589 от 4 октября 1916 г. // Личный архив автора.

19. Приказ войскам Омского военного округа № 790 от 24 ноября 1917 г. // Личный архив автора.

20. Зоценко М.М. Перед восходом солнца [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=101334> (дата обращения: 27.04.2016).

21. Омский вестник. 1917. № 247.

22. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

23. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «"Белые офицеры – красная власть": именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.

24. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15.

Е. В. СЕВОСТЬЯНОВА

Читинский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Чита, Россия

**ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ ЧИТЫ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
АТАМАНА СЕМЕНОВА: ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
В ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ДОСУГА**

Аннотация: Рассматривается сфера общественного досуга жителей Читы в период Гражданской войны и смены политических режимов. Выявлено, что инициативы горожан значительно расширяли возможности проведения досуга. Наиболее востребованными были спектакли. Только за счет общественности возникали и существовали формы детского досуга. В целом, реализуя культурные досуговые практики, инициативные горожане старались противостоять маргинализации культуры и архаизации быта.

Ключевые слова: Гражданская война, досуг, общественная инициатива в сфере культуры, благотворительность, любительский театр.

Постановка проблемы. На рубеже XIX–XX в. и до начала Первой мировой войны сфера общественного досуга Читы динамично расширилась и модернизировалась, при этом определяющее значение имели не мероприятия городских властей, а инициативы культурно-просветительных, научных и благотворительных Обществ [1–2]. Первая мировая война, революции, начавшаяся Гражданская война существенно сузили досуговую сферу, трансформировали повседневность и поведенческие стратегии горожан. Доминирующим стало приспособление к снизившемуся уровню жизни. В 1920 г., читинский обыватель с тоской вспоминал былое благополучие, когда не было «безденежья, бескормицы, безводия [...] и всех прочих зол с приставкой «без» [3]. В августе 1918 г. в Забайкалье была свернута советская власть, в начале сентября в Читу вошли части Особого Маньчжурского отряда атамана Семенова. С января 1920 г. в восточном Забайкалье сложился политический режим генерал-лейтенанта Г.М. Семенова – Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Российской восточной окраины были сформированы органы власти [4]. Предметом нашего исследования является сфера светского общественного досуга, и те начинания, которые исходили от общества и частных лиц, а не от власти: ею не инициировались, и не финансировались. В региональной историографии теме досуга не уделялось внимания.

Формы проведения досуга зависят от многих факторов, в том числе, от финансовых возможностей, наличия свободного времени, уровня образования, инфраструктуры, сложившихся обычных практик. Гражданская война многое поменяла в повседневности и общественном быту.

Основная часть. Характерной чертой повседневного бытия горожан был рост цен и ухудшение продовольственного снабжения. Попытка атамана Семенова выпустить собственные деньги привела к гиперинфляции. Выпуск бон производился Читинским отделением Госбанка с 18 февраля по 17 августа 1920 г. К концу августа 1920 г. «атаманских» денег было напечатано на сумму 9,8 млрд. руб. при золотом обеспечении всего на 0,5 млн. [5, с. 278]. В условиях обесценивания денег, рыночные цены росли «катастрофически». По сведениям Читинской управы, 17 марта мука пшеничная продавалась по 800 руб. пуд, говядина – 65 руб. за фунт. Через месяц (17 апреля) мука пшеничная стоила 3 500 руб. за пуд, говядина – 350 руб. за фунт. К 25 мая мука пшеничная поднялась в цене до 6 000 руб. за пуд, говядина продавалась за 1 200 руб. за фунт [6]. В конце июля цена пшеничной муки «скакнула» с 17-18 тыс. руб. за пуд до 25–26 тыс. Власть, городская управа и кооперативы пытались сни-

зять остроту продовольственного кризиса: в Чите торговали лавки кооперативов, «лавки атамана Семенова», население получало через квартальных попечителей продуктовые карточки. Читинская торгово-промышленная палата организовывала отпуск по карточкам и доступным ценам мануфактуры, пуговиц, чая. Большое количество времени занимало стояние в продуктовых очередях. Так, в мае у лавок Забайкальского продовольственного товарищества собрались «громадные хвосты покупателей, растянувшиеся на полквартала», была такая давка, что «многие кричали от боли и молили выпустить их из толпы живыми», некоторые, простояв целый день, так и ушли пустыми [7]. Огромные «хвосты» собирались у водокачек – так можно было получить ведро воды бесплатно.

Значительные изменения произошли в структуре населения в связи с эвакуацией, появлением большого количества беженцев, отступлением «белой» армии, возвращением военнопленных. По сведениям Я.К. Морозова, доложенным им на собрании беженцев Читы 20 мая 1920 г., во время первой беженской волны в Читу и район прибыло 10000 чел., «потом был довольно большой наплыв во время отступления армии на Восток». Местные газеты писали: Чита переполнена «находящимися без дела военными чинами». Власти тоже отмечали «присутствие на главных улицах, в ресторанах и кафе массы праздных офицеров» [8]. Характерной чертой городского быта стало пьянство военнослужащих, появление офицеров в общественных местах в состоянии явного опьянения, азартные игры, переполненные притоны, увеличилось количество преступлений на сексуальной почве. Несмотря на протест врачей, Семеновская администрация легализовала дома терпимости еще в декабре 1918 г. [9]. В сводке за 20-21 мая сообщалось: «на почве ревности» казначей военно-санитарного управления М.М. Морозов застрелил председателя реквизиционной комиссии Н. Чунихина; Т.Т. Никулин зарезал жену, застав ее с любовником; ворвавшиеся ночью в квартиру Сункин-Чи трое солдат «потребовали девиц», затем ограбили хозяина. В газетах, несмотря на военную цензуру, не раз появлялись стихи и фельетоны на эту тему:

*[...] А тыл вдали «позорно веселится»,
Забыв тоску измученной страны...
То мелочно в чаду похмелья злится,
То отдается радостям весны.*

В мае власть была вынуждена издать приказ, согласно которому офицеров и солдат, появившихся в состоянии опьянения или совершивших в этом состоянии проступок, предавали военно-полевому суду с наказанием вплоть до смертной казни [10]. Так, подьесаул личной охраны Главнокомандующего А.А. Подгорбунский «за приставание в ресторане к одной из посетительниц в форме недостойной офицера, оскорбление словами присутствовавших там жен офицеров», сопротивление при аресте был приговорен к ссылке на каторжные работы на 10 лет. Трое офицеров 1-го Волжского полка «за ряд буйств в состоянии опьянения» разжалованы в солдаты. Частыми были случаи, когда офицерскую форму носили лица, не имевшие на то права. Так, был приговорен к казни «именующий себя полковником Г.Н. Романовым за присвоение звания полковника и умышленное называние себя» членом императорской семьи [11]. Приказами от 11, 13 и 22 мая военнослужащим была запрещена игра в карты на деньги в собраниях и клубах Читы [12]. Наказания устанавливались для устроителей и для участников: штраф до 10 тыс. руб., арест до 3 месяцев; все обнаруженные деньги конфисковались. Офицерам грозило разжалование в солдаты, ресторанам, клубам, гостиницам – закрытие на срок до шести месяцев.

Характерными чертами городской жизни стали антисанитария, угроза эпидемических заболеваний, недостаток медикаментов. По газетным публикациям можно проследить многие примеры архаизации быта. Так, летом опять подорожали бани, самая большая городская баня Бородина закрылась из-за отсутствия дров. Для омовения горожане «бросились было в р. Читинку», но разочаровались: река напротив города «завалена разного рода трупами жи-

вотных – лошадей, коров, собак [...], с обмелением трупы крупных животных выглядывают из воды, что производит на купающихся неприятное впечатление». Недовольство горожан вызывали реквизиции помещений для размещения беженцев, расквартирование воинских частей в частных домах.

В феврале Чита едва не лишилась театров. Анонсированный театрами с 29 февраля «великопостный сезон» не начался вовремя: в связи с недостатком помещений, 28 февраля была произведена реквизиция всех театров – Мариинского, Штаба Забайкальского военного округа и театра «Мозаика» [13]. Здания предназначались под лазареты для размещения тифозных больных воинов, прибывающих с Западного фронта. Город остался без спектаклей, а многочисленная актеры без работы. Однако уже 5 марта сообщалось, что театр Штаба вновь открыт и даст благотворительный спектакль «в пользу семейств и чинов волжского генерала Каппеля отряда». Билеты стоили от 70 до 300 руб., входные – 50 руб. Зрителей заманивали исторической драмой «Юрий Милославский», «летучей почтой», «американским аукционом», танцами. Спектакль прошел с успехом, привлек столько публики, что театр не смог вместить желающих. Успех объяснялся характером пьесы («вполне подходящим к моменту»), отличной игрой артистов. Вероятно, события накануне тоже подогрели интерес к спектаклю. В дальнейшем в сфере досуга спектакли, как в профессиональных театрах, так и любительские, занимали ведущее место. При этом прослеживаются две тенденции: доминировала коммерциализация театральной деятельности и ориентация на массовые запросы невзыскательной публики, но сохранялось и стремление повысить театральную культуру горожан.

С одной стороны, в сферу театрального досуга прочно вошли фарсы, водевили, кабаре, «небольшие миниатюры и легкие комедийки». В летнем театре давали спектакль «Ее превосходительство Настасьюшка (хамка). В Мариинском шли «Дорога в ад» – «пьеса из жизни падших», «Грешницы (белые рабыни)», «Военный флирт», «пикантный фарс» Сабурова «Вопросительный знак». В рецензии критик писал, что фарс «Чертова игрушечка» С. Белой – «веселая пьеса без определенной фабулы, без основной мысли, [...] начиненная трюками, фортелями, остротами», два главных героя три акта пьесы «ходят по сцене полуодетыми», «пересыпая диалоги довольно-таки грубой бранью». С другой стороны, интеллигенцию и некоторых театральных деятелей не устраивал низкопробный репертуар. В Мариинском театре ставили «Скупого рыцаря», решились на постановку спектакля «Царь Эдип» Софокла. Театры ставили «Свадьбу Кречинского», пьесы Н. Островского, «Живой труп» Л.Н. Толстого, оперу «Евгений Онегин». У актеров-любителей стремление заработать тоже боролось с желанием содействовать просвещению горожан. Так, на собрании 18 мая в Артистическом художественно-литературном объединении (30 участников) возникли «страстные прения». Часть собравшихся считала, что нужно открыть клуб с концертно-театральным залом, буфет с напитками и картами, и получать доход. Другие настаивали на просвещении, духовном развитии горожан и соответствующем подборе репертуара.

Нередко зрителей привлекали театральными новациями: «действие в публике и на сцене», «в продолжение всей пьесы занавес опускаться не будет». Не всегда новации привлекали внимание публики. Так, 4 июня в Мариинском театре шла пьеса О. Дымова «Певец своей печали». Несмотря на перечисление в анонсе того, что «труппа и декорации обновлены», «положено много труда на репетировку», даже «живые курицы принимают участие в представлении», публики было мало. Впрочем, то ли у горожан не было привычки приходить точно к началу, то ли бытовые заботы не позволяли: часто бывало, что представление начиналось, когда присутствующих в зале «было меньше, чем на сцене», а заканчивалось при 200-300 зрителях. Стремясь привлечь разную публику, летний театр А.Н. Столина давал концерты из трех отделений. В первом «русском» отделении – народные танцы и песни, «сцены из русской старины». Второе «классическое» отделение включало отрывки из опер,

романсы, симфоническую музыку. Третье отделение было «цыганским». После концерта в саду проходили гуляния «с аттракционами и миниатюрами», взявший билет на концерт, за вход в сад не платил. Летом газеты писали: «У кассы городского сада всегда наблюдаются большие хвосты, особенно в праздничные дни», потому что дирекция увеличила время работы кассы.

В 1920 г. в Чите стал выходить журнал «Театр и искусство», развернувший досугово-просветительскую работу: конкурсы пьес, декламации, постановка спектаклей. Редакция предоставляла в бесплатное пользование своим подписчикам пьесы, продавала грим, бланки афиш. При журнале была создана труппа из 13 человек: профессиональных актеров и «опытных любителей». Труппа ставила бесплатные спектакли в театре Штаба, в госпиталях, в летнем саду. Цель участники определяли так: чтобы «хотя бы десятая часть населения могла посмотреть каждую пьесу бесплатно» [14]. Труппа старалась сохранить уровень репертуара. Так, в апреле были показаны сцены из «Бориса Годунова» Пушкина, «Не все коту масленица» Островского. Появилась новика: редакция проводила конкурсы одноактных пьес местных авторов, работы победителей были поставлены на сцене. Так, в мае были представлены: «Душе разбитой не нужна жизнь» А.В. Чужбанова, «В полях и лесах» И. Абрамовича, «К жизни» К. Кремлева, «Слова и пятна» Р. Барбетти и Ф. Суровцева. Во время второго конкурса определить победителей должны были зрители.

Интеллигенция старалась разнообразить детский досуг. Труппа журнала «Театр и искусство» весной начала репетиции бесплатного детского спектакля, «который будет повторяться до удовлетворения всех желающих детей города и окрестностей». После этого труппа обещала выехать со спектаклями в область. Училище с. Александровское заявило о своем желании увидеть спектакль еще во время репетиций. Театральный сезон в летнем театре открылся 30 мая детским спектаклем «Красная шапочка и серый волк». Билет для детей стоил 100 руб., взрослый – 200, для скаутов – бесплатно.

В июне газеты написали, что в парке мужской гимназии скоро «начнутся занятия волчат» – детей 7–12 лет. Речь шла о скаутах, движение которых было весьма популярно в Чите и возникло благодаря И.Н. Жукову – родоначальнику движения скаутов [15]. В четырех верстах от города на р. Ингода был организован лагерь скаутов, с целью «приучить их к самопомощи и организованной работе». Другой формой досугового объединения детей был Забайкальский ученический кооператив, организованный в конце 1918 г. для «просвещения и объединения детей на почве общего труда» [16]. В 1920 г. кооператив организовал секцию естествознания, для исследования («посильного») природы Забайкалья, «в первое время – окрестностей Читы» [17]. Первая экскурсия под руководством приват-доцента В.Я. Толмачева состоялась 18 июня, затем проводилась каждое воскресенье. Другим летним увлечением старших детей стал футбол. В состязаниях 30–31 мая на первенство Читы и приз в 20 тыс. руб. участвовало пять команд: три городских и две Дальнего вокзала («Стрела», «Дальневокзальцы», «Гимназисты», «Кооператив» и «Самарцы»). При поддержке И.Н. Жукова возникла инициатива организации спортивной лиги.

Возникали новые досуговые объединения по интересам. Так, журналисты, поэты, художники и музыканты стали проводить вечера «новейшей музыки и поэзии» в «подражательно-футуристическом стиле». В Мариинском театре 5 июля прошел «поэзо-концерт», где прозвучали стихи Северянина, Бальмонта, Блока, Маяковского, Ахматовой и местных поэтов Дрягина, Голумба, Незнамова в исполнении авторов. Отдел Русского театрального Общества открылся в Чите 9 июня [18]. Хотя о существовании Императорского Русского театрального общества никаких известий до Забайкалья не доходило, организаторы собирались действовать в «его духе»: заниматься благотворительностью, защищать права актеров перед антрепренерами, помогать престарелым актерам. Уже 12 июня был объявлен благотворительный спектакль в пользу приюта.

Духовенство осваивало новые для Читы формы влияния на мирян, что расширяло и сферу досуга. В Мариинском театре 23 мая прошел благотворительный духовный концерт военного хора главного священника Дальневосточной армии А. Русецкого, под управлением П.Е. Степанова. По инициативе Русецкого 6 июня в сборном цехе Читинских ж\д мастерских состоялся «духовный концерт-лекция»: пел хор, лекторами выступили Кропоткин и В.Ф. Иванов. Было около 5000 слушателей и сбор пожертвований на бедных Читинского железнодорожного прихода дал 83 тыс. руб. Национальные объединения проводили свои мероприятия. Так, 28 февраля «мусульманский кружок» устроил вечер, чистый сбор с которого распределялся так: 75 % – в пользу инвалидного дома, 25% – в пользу сирот-мусульман. В программе была пьеса на татарском языке «Ревнивый муж», «живая картина» «Окоп» и танцы.

Вообще благотворительность, активно развивавшаяся в период Первой мировой войны, оставалась частью досуга, однако некоторые ее направления и формы изменились [19]. Например, в апреле-мае развернулась общегородская благотворительная кампания под лозунгом «Книгу – солдату». Завершал ее 1–2 мая общегородской «День книги»: книгой можно было оплатить билет в театр или иллюзион, по домам книги собирали скауты, книги принимало каждое учреждение Читы. Идея имела успех: в иллюзионе «Мозаика» сеансы прошли трижды и каждый раз зал был переполнен. В итоге, чистый доход (предназначенный на покупку книг) составил 54 250 руб. и 302 книги. Всего театрами и скаутами было собрано 6 134 книги. Акция была своевременной. Городская библиотека переживала «критический период своего существования» – «громадное» увеличение числа абонентов, особенно военнослужащих. Массовый приток читателей радовал библиотекарей, но книги быстро изнашивались, переплет стоил 500 руб. за книгу. Книги нередко теряли, забывали сдать при отъезде (особенно читатели из военных), в условиях Гражданской войны утерю книги не мог компенсировать даже самый высокий залог. В итоге процент изношенных и потерянных книг увеличивался «угрожающе» [20].

Образовательные лекции, чтения, курсы, выставки стали редким событием, хотя само стремление к ним сохранялось. Так, 14 апреля 1920 г. открылась выставка художника М.Н. Аветова и скульптора И. Жукова. Читинское отделение РГО изредка устраивало бесплатные научно-популярные лекции: в мае Ф. Кузьмича на тему «Школа и жизнь», в июле А.Д. Позднякова «Жизнь растений пресных вод». По просьбам потребителей А.М. Кривенко прочитал лекцию «Что такое Читинское ссудо-сберегательное товарищество». В Обществе врачей доктор Этмар выступил на тему «О жилище и паразитах Даурской сенокоски (порода грызунов)». Высокий уровень безработицы и крайняя востребованность некоторых специальностей на бирже породили инициативу профподготовки и желающие могли посвятить вечерний досуг освоению новой профессии. С 10 июня открылись 10-месячные курсы бухгалтеров Н.М. Беркова. Запись в первую группу прекратилась уже 23 июня: желающих было больше, чем мест. С 26 июня была открыта запись во вторую группу. Открылись вечерние курсы Школы кройки и шитья, курсы сапожников.

Результаты исследования. В целом общественные инициативы в досуговой сфере выражали стремление противостоять маргинализации культуры и стремительной архаизации быта. Не все инициативы были реализованы, хотя само их появление свидетельствовало о потребности в культурно-просветительной общественной деятельности. Так, А.Е. Котомкин-Савинский выступил с инициативой организации в Чите сразу трех обществ: «Славянского союза», «Спортивного общества сибирских орлов» и «Литературно-художественного общества». Вновь проявилась тенденция к профессионализации, сложившаяся в различных культурно-просветительных Обществах Восточной Сибири накануне Первой мировой войны [21]. В июне 1920 г. активно обсуждался вопрос о том, чтобы открыть при одном из средних учебных заведений Читы годовые курсы по подготовке «деятели по внешкольному образованию». Однако смена политического режима вновь отложила решение этого вопроса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Севостьянова Е.В. Организация культурного досуга жителей Читы в начале XX века // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 12. С. 39–50.
2. Севостьянова Е.В., Гончарова Е.Н. Социокультурная трансформация в сфере детского досуга в губернских городах Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Мат-лы Всерос. науч.-теор. конф. Кн. 1. Иркутск: ИГПУ. 2007. С. 124–132.
3. Обыватель. Бытовые темы // Восточная окраина (Чита). 1920. № 112. 20 июля.
4. Рынков В. М. Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе – сентябре 1920 г. // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: Мат-лы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск: Изд. дом «Нонпарель». 2011. С. 154–158.
5. Наше денежное обращение: сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / под ред. Л.Н. Юровского. М.: Фин. изд-во НКФ, 1926. 354 с.
6. Рыночные цены // Восточная окраина (Чита). 1920. № 71. 29 мая.
7. Хвосты // Восточная окраина (Чита). 1920. № 51. 4 мая.
8. Приказание войскам Российской восточной окраины № 59. 23 апреля // Восточная окраина (Чита). 1920. № 46. 27 апреля.
9. Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (осень 1918 – весна 1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 156–166.
10. Приказы Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. 23 мая 1920 г. // Восточная окраина (Чита). 1920. № 71. 29 мая.
11. Приговоры военно-полевого суда при Начальнике гарнизона г. Чита // Восточная окраина (Чита). 1920. № 76. 5 июня.
12. Приказы войскам Дальневосточной армии № 48. 11 мая 1920 г. // Восточная окраина (Чита). 1920. № 62. 16 мая.
13. Реквизиции театров // Восточная окраина (Чита). 1920. № 6. 2 марта.
14. Просветительная работа // Восточная окраина (Чита). 1920. № 70. 28 мая.
15. Константинов А.В. Скауты и юнисы И.Н. Жукова // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 21–25.
16. Группа организаторов Забайкальского ученического кооператива «Первый шаг» имени Л.Н. Толстого. Учителям и родителям учащихся // Забайкальская новь (Чита). 1918. № 3024. 1 ноября.
17. К вопросу изучения края // Восточная окраина (Чита). 1920. № 79. 9 июня.
18. Вок. Открытие в Чите Отдела Русского театрального общества // Восточная окраина (Чита). 1920. № 79. 9 июня.
19. Севостьянова Е.В. Благотворительность в Забайкалье как форма провинциальной городской публичности: трансформации в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. Чита : ЗабГУ. 2017. Ч. 1. С. 62–67.
20. От Распорядительного совета Городской публичной библиотеки. К читателям // Восточная окраина (Чита). 1920. № 88. 19 июня.
21. Севостьянова Е.В. Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Автореф... дисс. канд. ист. наук. Иркутск: ИГУ. 1998. 26 с.

Е. А. СЕРЕБРЯКОВ

Государственный архив новейшей истории Иркутской области,
Иркутск, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ВЕТЕРАНОВ И УЧАСТНИКОВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация: В исследовании материалов воспоминаний участников и ветеранов Гражданской войны, собранных в фонде Иркутского истпартархива интересен момент освящения общественно-политических взглядов рядовых партизан, их индивидуальный подход к осмыслению существующей действительности в контексте событий столетней давности. Автор пытается дать оценку идейно-политических взглядов партизан, как одного из факторов военно-политической составляющей Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, партизанское движение, советская власть, мемуары, источник, архивное дело.

Постановка проблемы. Гражданская война по своей сути всегда трагична не только для народа, перенесшего все тяготы этих событий, но и своими, далеко идущими последствиями и отголосками, которые не перестают тревожить современников и в XXI в. Политическая составляющая любого конфликта, в том числе и гражданской войны, всегда вызывает, и будет вызывать интерес для исследования. Как известно, любая война – это продолжение политики другими средствами с применением для завоевания власти самых жёстких и жестоких методов и форм. Гражданская война в России в начале XX в. ставила своей целью кардинальные изменения политического курса, т. е. это отнюдь не смену одной правящей династии на другую, это смена всей социальной, политической, идеологической, экономической доктрины государственного строя.

В ходе Гражданской войны множество различных сил и группировок вели борьбу за реализацию только своей модели государственного устройства. Что касается идеологических и политических установок верхних слоев правящей элиты – участников Гражданской войны на общероссийском и региональном уровне, известно довольно много. И об идеологии белого движения, т. е. промонархических сил, настроенных против революционных советов также известно достаточно хорошо. Для автора интересен более глубокий аспект Гражданской войны, это понимание идей рядовых участников конфликта, которые зачастую были в основной своей массе малограмотными крестьянами и рабочими сибирской глубинки, вступившими в конфликт по идейным соображениям. Острое противостояние белых с партизанскими красными отрядами в Приангарье наглядно иллюстрирует факт достаточно широкомасштабной идеологической работы подпольных комитетов [1–3].

Основная часть. Переходя от понимания общих тенденций Гражданской войны в России, и в том числе в Восточной Сибири, хочется более подробно передать общественно-политическое настояния массы крестьянства, из которых и состояло большинство партизанских отрядов и соединений [4]. Начиная говорить об этой теме, невозможно не обратиться к конкретным документам – воспоминаниям участников и ветеранов партизанского движения, собранных в фондах архива. За основу исследования был взят фонд 300 ГАНИИО, насчитывающий 1049 ед. хр. с 1861 по 1937 гг. Нужно сказать, что ГАНИИО (в прошлом – партийный архив Иркутского областного комитета КПСС), был создан в 1931 г. в составе Отдела по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции (истпаротдела) Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) [5].

Большая часть документов, хранившихся в то время, и составляли фонд. Основной массив материалов фонда представляет собой документы из дел Иркутского жандармского управления о ссылке И.В. Джугашвили, С.В. Косиора, М.Я. Лациса, А. Сольца. Также в фонде содержатся: списки политических ссыльных, подозреваемых в революционной деятельности; донесения о революционном движении рабочих, крестьян, солдат в армии, о проведении сходок, демонстраций, собраний учащейся молодежи под руководством членов Иркутского комитета РСДРП и ссыльных революционеров, о настроении населения Иркутска и влиянии на него партий социал-демократов и социал-революционеров. Интерес представляют Отчеты о деятельности Иркутского комитета РСДРП (1902), подлинники манифестов, прокламаций, воззваний, листовок, телеграмм Иркутского комитета РСДРП к рабочим, красноармейцам и крестьянам, инструкции по распространению нелегальной печати, документы Иркутского жандармского управления о разгроме Иркутского комитета РСДРП и аресте его руководителей (1904). В фонде имеются: донесения генерал-губернатора о начавшейся революции (1905) в Иркутске, резолюции собраний и митингов рабочих, прокламации и воззвания Иркутского военно-стачечного комитета, требования воинских частей Иркутского гарнизона, принятые на собраниях солдат и офицеров, подлинники и копии газеты «Летучий листок» – органа Иркутского комитета РСДРП (1905–1906), обзоры о революционном движении в Иркутской губернии, о событиях на Ленских приисках, списки бастовавших рабочих (1912) [5].

Фонд содержит также следующие документы: уставы, программы, листовки, прокламации, печатные издания местных организаций общественно-политических партий, движений, обществ, действовавших в начале XX в. – партии социал-революционеров, конституционно-демократической партии «Народная свобода», Иркутской организации «Бунд», социал-демократических кружков, союза рабочих и служащих, союза сибирских рабочих, польской секции интернационалистов-коммунистов «Спартак», культурно-просветительного общества «Знание», список членов Иркутской городской думы, избранных 30 июля 1917 г. от политических партий и организаций города, резолюции первого общесибирского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и митингов солдат Иркутского гарнизона о передаче власти Советам в октябре 1917 г.

Для исследователей также интересны содержащиеся приказы, воззвания, объявления временного комитета и Иркутского Совета рабочих и военных депутатов по охране революционного порядка. Имеется ряд документов о деятельности Колчака, копии приказов, обращений и воззваний адмирала Колчака (1918), информационные листки революционного штаба и оперативные сводки о разгроме кашпелевцев (1919), приказы Иркутского военно-революционного комитета (1920). Особую ценность представляют подлинники протоколы объединенных заседаний мирной делегации Политцентра с РВС 5-й армии и Сибревкомом, подлинники и копии документов губЧК о борьбе с бандитизмом в Иркутской губернии в 1920–1921 гг., воспоминания свидетелей и участников событий: о подпольной работе Иркутского комитета РСДРП (1901–1905), о пребывании в ссылке С.М. Кирова, В.В. Куйбышева, М.В. Фрунзе, о революционной деятельности С.Г. Лазо, о февральских и октябрьских событиях в 1917 г., об установлении Советской власти и Гражданской войне.

Исследование Гражданской войны дополняют списки, анкеты, биографии лиц, осужденных по политическим статьям и отбывавших каторгу и ссылку в Иркутской губернии, погибших борцов революции (1905, 1917), участников Гражданской войны и красных партизан; циркуляры губкома ВКП (б) и губбюро Истпарта, протоколы заседаний коллегии, планы работы, отчеты, инструкции по сбору материалов. Имеется также список и анкеты уполномоченных Истпарта, переписка с Истпартотделом ЦК, Сибистпартом, Истпартотделами других губкомов, с уполномоченными по Истпарту, партийными и советскими органами, архивами, научными библиотеками, музеями, учебными заведениями, учреждениями, частными лицами о сборе архивных материалов и воспоминаний по истории партии, Октябрьской ре-

волюции и Гражданской войны, об издании обзоров, очерков, сборников, хроники революционных событий в Сибири, информационные отчеты Иркутского испарторотдела, протоколы собраний старых большевиков и партизан; анкеты и автобиографии ветеранов революции, участников гражданской войны; удостоверения, мандаты красногвардейцев, красных партизан; учетные карточки бойцов коммунистического отряда особого назначения. Документы о деятельности Сибирского землячества (1930–1934) [6].

Основываясь на этих документах и материалах можно достаточно глубоко дать характеристику социально-политической и идеологической составляющей партизанского движения в целом и его отдельных представителей в частности.

Начать нужно с губернского города Иркутска, где в декабре 1917 г. проходили ожесточенные бои. Столкновения в Иркутске являлись следствием не менее жёсткой политической борьбы за власть между большевиками и эсерами. В.К. Козлов в своих воспоминаниях о декабрьских боях в Иркутске характеризует свои политические взгляды следующим образом: «В 1917 году в декабре месяце я нахожусь на военной службе и состою в качестве командира 5-го взвода /взвод раненых и больных эвакуированных с фронта/, 6-й роты, 9-го Сибирского стрелкового запасного полка, который был расположен в то время в городе Иркутске /Глазковском предместье – в деревянных бараках/. Ко времени моего прибытия в полк, среди солдат н/полка сильно была распространена агитация анархистов и под влиянием этой агитации я, будучи политически не развитым, стал посещать собрание анархистов, на которых я особенно увлекался пением гимна «Черное знамя». Наряду с этим, благодаря моему знакомству с некоторыми из членов РСДРП(б), я также посещал и собрания членов РСДРП(б), которые мне исключительно нравились своей простотой постановки вопросов и ясностью их решений. Откровенно говоря, что у меня твёрдого мнения – к какой из этих двух организаций примкнуть – не было, но бесспорно было то, что к одной из них я, безусловно, должен немедленно примкнуть и включиться в ее работу» [7]. Этот достаточно яркий пример нестабильности «в головах» основной массы политически ориентированного населения Иркутска.

Еще одним примером восприятия политической реальности декабрьского периода в Иркутске служат воспоминания Фурмана, одного из активных участников тех событий. «Я приехал в Иркутск в самую горячую пору борьбы между большевиками с одной стороны и меньшевиками, и эсерами с другой. Борьба была ожесточённая особенно со стороны эсеров, которые не брезговали ни какими приемами, вплоть до публичного обвинения тов. Ленина и Троцкого тайными агентами и шпионами германского кайзера. Подобными аргументами орудовали в толпе такие «герои» как Чичинадзе и Тимофеев. В общем, слово большевик в устах эсеров и меньшевиков было обидным. Минуя компанию по выбору в гордуму в 1917 г. остановлюсь несколько на выборах в учредительное собрание и на окончательный раскол обеих фракций РСДРП.

При выборах в учредительное собрание обе фракции вздумали блокироваться, причем каждая фракция настаивала на своего кандидата в первом месте: большевики в начале настаивали на кандидатуре тов. Янсона, а меньшевики настаивали, кажется на М. Константинове. При наличии тех условий и той напряженности, которая тогда существовала это несогласие являлось каплей, переполнившей стакан и разрыв, стал фактом. Помню, как полчаса спустя как меньшевики покинули зал в гордуму где находилось наше собрание прибежал тов. Янсон и заявил следующие – «Ввиду того что я являюсь противником раскола, а раскол произошёл моя кандидатура не будет фигурировать ни на том ни на этом списке». В следующие заседание мы решили ради популяризации нашего списка выставить кандидатуру тов. Троцкого. Вторым был выставлен Николай Гаврилов, Янсон, Постышев и т.д. Вслед за этим с помощью приехавших из Красноярска тов. Шумяцкого Б. Богграда Я. Окулова, Яковлева, Винибаума и др. борьба за идею власти советов разгорелась с новой силой. Тем сильнее она разгорелась в г. Иркутске тогда, когда получило сведения о том, что в Петрограде Власть Советов свершившийся факт.

Яркий был момент, когда Б. Шумяцкий на объединенном заседании советов Рабочих, Солдатских и офицерских депутатов заявил: от имени Революционного комитета, от имени рабочих и крестьян объявляю нынешний состав совета распущенным.

К этому времени мы уже имели за собой значительную часть солдатской массы, но руководители офицерства думали воспротивиться этому роспуску, так что пришлось арестовать несколько человек, в числе которых кажется, был полковник Скипетров, а также редактор тогдашней «Сибири» И Гольдберг которые были выпущены тогда еще существовавшим прокурором Старынкевичем. В это время в Иркутске существовало две власти: Ревком, опиравшийся на рабочую и солдатскую массы, возглавляемые большевиками и левыми эсерами и комитет общественных организаций, опиравшийся на офицеров и юнкеров и казаков, возглавляемых эсерами, меньшевиками и кадетами. Видно было, что необходимо положить конец этому ненормальному явлению. Тогда был назначен командующим войсками Иркутского военного округа тов. Б. Шумяцкий, который предложил юнкерам разоружиться и расходиться по домам. Юнкера, конечно, под давлением перспективы офицерских погон, а также своих идеологов эсеров Дистлера, Гольдберга, Кругликова и др. отказались выполнять это требование. Начались переговоры, которые окончились декабрьским боем» [8].

Приведённые выше отрывки из воспоминаний в достаточной степени дают понять ту разность мышления и осознания политической реальности различными субъектами политического процесса. Политическая ситуация в Восточной Сибири после октября 1917 г., была крайне напряженной, для большинства населения периферий губернии вовлеченного в этот процесс ситуация расстановки политических сил была и вовсе не ясна.

Как следует из стенограммы доклада Попова о действиях партизанских отрядов Черемхово политическое понимание ситуации рабочими характеризовалось следующими моментами. «Первое – среди рабочих /а это общее для Сибири/ было большое эсеровское влияние. Почва для этого влияния была, так как многие рабочие Черемхово связаны с сельским хозяйством, имеют свои земли и многие имеют собственные дома, лошадей, которые работают на шахтах. А все это вместе взятая собственность частная создавала почву для эсеровского влияния. Революция 1917 г. захватила рабочих в обстановке мирной, в Черемхово было как-то спокойно. Очень быстро в шахтах организовались фабрично-заводские комитеты, которые повели атаку на предпринимателей. Я помню уже в апреле месяце мы на копиях Маркенича предъявили ультиматум управляющему о повышении зарплаты, либо колебания дня, прибавка прошла» [9].

Таких или подобных примеров в воспоминаниях бывших партизан огромная масса. Субъективизм восприятия политической борьбы в постреволюционный период в воспоминаниях участников прослеживается достаточно четко, в особенности это касается документов записанных что называется «по горячим следам» т.е. в 1921–1928 гг. Воспоминания же записанные в период 1930-х гг. уже имеют вполне определенную политическую окраску и конкретизированную большевистскую идею. Тем самым изучая воспоминания участников гражданской войны в Иркутской губернии можно сделать определенные выводы касательно политических предпочтений населения губернии, в особенности в начальный период развития конфликта.

Результаты исследования. Исследование приведённых выше фактов, наличествующих в воспоминаниях участников Гражданской войны в Восточной Сибири, носят на сегодняшний день промежуточный характер. Из более чем тысячи дел фонда автором обработано чуть более половины. И масштабный анализ этих воспоминаний еще предстоит, но уже понятна суть исследования, его социально-политическая составляющая. В итоговой публикации по данной теме предстоит показать трансформацию индивидуального политического сознания участников гражданского противостояния, приобретения ими не только военного, но и политического опыта. Вступая в конфликт политически незрелыми, участники к концу

противостояния зачастую меняют свои политические взгляды на диаметрально противоположные.

Тематика архивных воспоминаний, касаемых определенных исторических периодов достаточно популярна для исследования, и серьезным итогом для этой работы может служить продукт, аккумулирующий в себе самые интересные и показательные моменты субъективной истории. К ним, несомненно, относятся сборники различных архивных документов определенного исторического периода. Автор ставит перед собой задачу собрать книгу самых ярких воспоминаний участников Гражданской войны и ветеранов партизанского движения Восточной Сибири и представить его широкому кругу читателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск: Наука, 1978. 255 с.
2. Гудошников М.А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 206 с.
3. Новиков П.А. Партизаны и каратели в конце 1918–1919 гг.: начало борьбы в Иркутском военном округе // Белая Сибирь : [монография]. [Иркутск : Репроцентр А1]. С. 142–153.
4. Дворянов Н.В., Дворянов В.Н. В тылу Колчака. М.: Соцэгиз, 1963. 176 с.
5. Сохраняя память поколений. Государственный архив новейшей истории Иркутской области: из XX в XXI век (1931–2018 гг.) / сост. И.К. Рудакова, Е.А. Серебряков ; ГАНИИО. Иркутск: Отгиск, 2018. 28 с.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области: путеводитель / сост. М.Д. Покачалова, Т.Г. Щербакова. Иркутск: Отгиск, 2008. 664 с.
7. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 437. Л. 8.
8. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 478. Л. 3.
9. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 74.

И. С. СИЛЬЧЕНКО

Музейный комплекс УГМК, Екатеринбург, Россия

**РАССТРЕЛ ЗАЛОЖНИКОВ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ 29 ИЮНЯ 1918 г.
ОПЫТ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация: статья посвящена репрессивному акту, произведенному Уральской чрезвычайной комиссией в Екатеринбурге в июне 1918 г. Автор дает предварительный краткий обзор репрессивной политики Чрезвычайной комиссии в Екатеринбурге, а также, опираясь на свидетельства очевидцев, материалы следственного дела и периодическую печать восстанавливает хронологию расстрела заложников 29 июня 1918 г. Применение широкого круга источников позволяет взглянуть на проблематику политических репрессий не только с официальных позиций, но и в личностной, «человеческой» плоскости.

Ключевые слова: ВЧК, репрессии, советская власть, красный террор, Гражданская война на Урале, институт заложничества.

Постановка проблемы. В настоящее время красный террор на Урале в 1918–1922 гг. недостаточно изучен. Исторические и юридические работы, посвященные данной тематике, как правило, лишь эпизодически раскрывают социальные, экономические, правовые и моральные аспекты политических репрессий. Однако, наряду с некоторым количеством сводной информации, слабо изученной остается личностная, «человеческая» сторона данного явления. При этом важным является то, что восприятие исторических процессов через личностные эмоции способствует более глубокому их осмыслению и анализу.

Политика борьбы с оппозицией требовала от Советской власти не только формирования системы карательных органов, но и создания нормативно-правовой базы, способной юридически оправдать репрессии. 7/20 декабря 1917 г. Постановлением СНК РСФСР была учреждена Всероссийская Чрезвычайная комиссия (ВЧК), обладавшая широким набором карательных функций [1, с. 133]. Право на проведение внесудебных репрессий ВЧК получила после принятия 21 февраля 1918 г. Декрета «Социалистическое отечество в опасности» и 5 сентября 1918 г. Декрета о «красном терроре» [2, с. 95]. Но активные репрессивные действия были начаты задолго до указанных дат.

Основная часть. Уже на рубеже 1917–1918 гг. в Екатеринбурге арестовали ряд чиновников и предпринимателей, однако первоначальные меры наказания сводились, как правило, к кратковременному содержанию под стражей и последующей подписке о невыезде [3, с. 32]. В декабре 1917 – январе 1918 гг. по городу прошла волна обысков и арестов. Так, лишь 14 декабря арестовали около 100 человек, изъяв большое количество ценностей [3, с. 33]. Создание 24 февраля 1918 г. Уральской областной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (УОЧК) [4, с. 24] поставило борьбу с противниками новой власти на иной уровень. Так, в мае 1918 г. в ходе жестокого подавления восстания рабочих Верх-Исетского завода было убито около 30 человек, а аресты и обыски стали ежедневными рядовыми событиями. Приближение белочешских войск, неудачи на фронтах, десятки антибольшевистских восстаний в тылу заставляли чекистов действовать более жестоко.

21 мая 1918 г. был арестован и помещен в тюрьму Николай Павлович Чистосердов. Состоявший в партии кадетов и имевший высшее юридическое образование Чистосердов занимал должность помощника присяжного поверенного в Екатеринбурге [5, л. 11]. После Февральской революции он был избран членом Пермского губернского комитета кадетов, а также членом Екатеринбургского комитета безопасности. Но формальной причиной ареста стала его деятель-

ность в Городском попечительстве о бедных (далее – попечительство) в должности товарища председателя президиума. В феврале 1918 г. комиссаром попечительства была назначена Дина Харитоновна Полякова-Чуцкаева, а общественная организация включена в состав Народного комиссариата призрения [5, л. 11об.]. В своих показаниях Чистосердов рассказывал: «на одном из собраний Чуцкаева заявила, что я являюсь кадетом, и работа в попечительстве не соответствует моим политическим убеждениям. Чуцкаева заявляла, что все попечительство кадетская организация, что советская власть приведет весь состав попечительства к ответственности за организацию белой гвардии» [5, л. 11об.]. При этом стоит учесть, что большое влияние на арест Чистосердова имели личные взаимоотношения с Поляковой-Чуцкаевой, которые с самого начала общения были холодными, или даже враждебными [5, л. 11об.].

После 26 дней заключения Чистосердова вызвали на допрос в следственную комиссию, которая располагалась в здании окружного суда [5, л. 11об.]. Член следственной комиссии Коковин задавал вопросы о наличии у попечительства мануфактуры, о растрате денег, а после принес «какую-то книгу, вроде Уголовного кодекса и начал указывать на статью о лжесвидетельствовании в суде» [5, л. 12]. После окончания допроса без предъявления обвинения Чистосердов был возвращен в тюрьму.

29 мая 1918 г. в 8 часов вечера арестовали отца Чистосердова – Павла Ивановича. Под конвоем он был доставлен в дом Злоказова, где уже находился гласный Екатеринбургской городской думы Л. И. Дукельский, управляющий Азовско-Донским банком В. Ф. Щепин, врачи В. М. Онуфриев и А. В. Линдер и другие граждане города [5, л. 5]. В третьем часу утра задержанных лиц отправили в Екатеринбургскую тюрьму, где разместили в бараке № 7.

21 июня 1918 г. в квартиру инженера Кузьмы Ивановича Бронских явились четверо солдат с мандатом, подписанным комиссаром Петровым. После обыска в квартире Бронских доставили в ЧК на допрос [5, л. 23]. По словам жены арестованного – Марии Апполинарьевны: «его допрашивали в комиссии в присутствии каких-то Мотовилихинских рабочих, стучали кулаками по столу и называли его кровопийцей» [5, л. 23]. При этом оказалось, что в ЧК работает М. В. Успенский, служивший под начальством К.И. Бронских на строительстве Северо-Западной железной дороги. Обратившись за помощью к Успенскому, Мария Апполинарьевна получила ответ: «что он постарается “аттестовать моего мужа как следует” за то, что на строительстве железной дороги он выступал всегда против большевиков, а его, Успенского, называл идиотом» [5, л. 23].

29 июня (после 33 дней, проведенных в тюрьме) П.И. Чистосердов и бывший екатеринбургский мещанский староста Н.И. Козлов под конвоем были отправлены в Американскую гостиницу (здание Екатеринбургской ЧК) и размещены в помещении бильярдной комнаты [5, л. 23]. Там в этот момент находилось 12 человек, 6 из них были рабочими Невьянского, Верх-Нейвинского и Верх-Исетского заводов, приговоренные к расстрелу за антиреволюционную деятельность [5, л. 23]. Также среди арестованных находились братья Николай и Константин Дылдины, а также крестьянин Березовского завода Е.И. Зырянов [5, л. 19]. Братьев Дылдиных арестовали после того, как в результате обыска в телефонной конторе Верх-Исетского завода (на месте работы их матери) был обнаружен револьвер и 2 фунта патронов [5, л. 43]. Зырянова взяли под стражу за участие в собрании по разоружению Красной Гвардии Березовского завода [5, л. 19]. В 11 часов вечера в помещение вошел председатель УОЧК Я.М. Юровский с сопровождающим, которые объявили о том, что задержанные будут отправлены на окопные работы и приказали сдать под расписку ценные вещи [5, л. 19]. В это же время выяснилось, что П. И. Чистосердов был арестован по ошибке, вместо него между 11 и 12 часами был доставлен из тюрьмы его сын.

К 12 часам ночи в здании Американской гостиницы находилось около 40 арестованных [5, л. 23]. На рассвете 30 мая 1918 г. по указанию чекистов из них была выделена отдельная группа, в которую входили участники Невьянского восстания А.Д. Воробьев, Д.Р. Агапов, Чижов, Андреев, участники выступления рабочих Верх-Исетского завода Е.П. Мамкин

и Т. Нахратов, инженеры К.И. Бронских, А.М. Мокроносов, А.И. Фадеев, дядька цесаревича Е.Т. Нагорных, лакей царской семьи И.Д. Седнев, домовладельцы В.В. Соколов и Н.Е. Первушин, счетовод К.В. Дылдин и его брат Н.В. Дылдин, крестьянин Е.И. Зырянов, юрист Н.П. Чистосердов, граждане Козлов и Корсаков [5, л. 24]. Арестованным приказали выйти на улицу и разместиться в 2 грузовых автомобилях и 2 повозках. В качестве конвоя было выделено 30–40 красноармейцев, вооруженных карабинами и гранатами [5, л. 13]. По воспоминаниям Н. П. Чистосердова командовал конвоем «распорядитель – товарищ Сахар» [5, л. 8]. Без сомнения, этим человеком являлся Валентин Александрович Сахаров – товарищ председатель Екатеринбургской ЧК [6, л. 214]. В своей работе «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале» М.К. Дитерихс дает ему следующую характеристику: «с воцарением большевиков он записывался в их ряды, ходил с комиссаром Мрачковским на Дутовский фронт, но особенно отличился в тылу зверскими расстрелами интеллигентов и буржуев в Кушве, Тагиле и Бисерти. Ему было лет 25–26, высокого роста, худощавый, болезненного вида, блондин, без усов и бороды. В общем – характерный продукт, воспитавшийся в среде городских подонков» [6, с. 19]. Сахаров расположился в кабине автомобиля рядом с водителем.

Арестованных повезли мимо станции Екатеринбург-II по Сибирскому тракту. Через ¼ версты после пересечения железнодорожной ветки, ведущий на Челябинск автомобили и повозки повернули вправо на грунтовую дорогу и, достигнув территории городской свалки, остановились. После того, как к месту остановки прибыли красноармейцы, ехавшие на лошадях, арестованным последовала команда «выходи» (приказано выйти на дорогу), после чего вооруженные люди окружили их. Как вспоминал Н.П. Чистосердов: «тут волнение арестованных передалось исполнителям, вследствие чего “Сахар” закричал: “Пермяки, окружайте!”» [5, л. 13]. Людей повели к лесу и приказали выстроиться в шеренгу вдоль канавы, ограничивающей одну из сторон свалки. Чистосердов и Зырянов оказались слева, чуть за спиной Сахарова, при этом, основная масса людей сбилась в кучу: кто-то просил о пощаде, а «Агапов стал просить дать ему время помолиться^[1] и поднял было руки кверху, но в то время началась стрельба» [5, л. 19]. Пользуясь замешательством, Чистосердов и Зырянов бросились бежать. В лесу они потеряли друг друга из вида. Через полчаса Зырянов вышел к постройкам, которые, по его словам, «были похожи летние дачи», забрался под крыльцо одного из домов и проспал до вечера. Проснувшись и потеряв ориентиры, он пошел «куда глаза глядят» [5, л. 19] и снова вышел к месту расстрела. По его словам, убитых не было видно, а канава была закопана.

30 июня 1918 г. в газете «Известия Уральского Екатеринбургского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» было опубликовано объявление, в котором говорилось о том, что 29 июня в Екатеринбурге были расстреляны 19 заложников. Расстрел позиционировался как месть за гибель 23 июня 1918 г. командира карательного отряда И.А. Малышева, выступавшего для подавления восстания в Сатке. При этом особое внимание уделялось тому, что «в случае повторения белогвардейских расправ, Советская власть будет удесятерять репрессии против контрреволюционеров» [7].

Объявление со списком расстрелянных было размещено также на дверях Американской гостиницы, что вызвало в городе ажиотаж и всплеск слухов. Это событие упоминается в воспоминаниях ряда екатеринбуржцев. Так, директор отделения Волжско-Камского банка В.П. Аничков вспоминал: «А в газетах, привезённых женой, я громко прочёл следующие строки: “Сегодня ночью, как месть за взятого проклятыми чехами в плен и расстрелянного товарища комиссара Малышева, мы расстреляли из числа заложников двадцать буржуев». <...> В этом списке стояли и знакомые мне фамилии секретаря думы Чистосердова, юриста по образованию, и Мокроносова, управляющего Сысертскими заводами. Волосы встали дыбом. Что теперь делать?» [8, с. 155].

Менее чем через месяц – 25 июля 1918 г. – Екатеринбург заняли белочехи. Практически сразу начались работы по восстановлению государственных учреждений, ликвидированных Советской властью. Особое внимание уделялось органам суда и прокуратуры, которые, в том числе, занимались расследованием преступлений большевиков.

28 июля 1918 г. были обнаружены тела расстрелянных заложников. Эксгумацию тел производили без официального участия медицинских представителей. Однако городской санитарный врач Ксенофонт Сергеевич Архипов, который «присутствовал при вырытии трупов расстрелянных» [5, л. 45], в ноябре 1918 г. вспоминал: «все трупы за исключением двух или трех были сложены в канаву[,] как попало друг на друга, а два или три находились за канавой на территории свалок. Один из трупов был в самых нечистотах[,] другие были присыпаны землей. Большинство расстрелянных были одеты в гражданские платья и только двое или трое [–] в военную форму. Помню, что один из расстрелянных так и не был никем опознан» [5, л. 45]. При этом, характер повреждений тел говорил о том, что часть арестованных пыталась бежать, но была убита.

30 июля 1918 г. в газете «Уральская жизнь» опубликовали заметку об обнаружении тел. В материале перечислялись фамилии убитых, при этом особое внимание уделялось тому, что вместе с ними был расстрелян за злоупотребления агент ЧК Млынарский [9]. Возможно, именно он и являлся тем неопознанным трупом, о котором говорил К. С. Архипов.

31 июля 1918 г. процессия с телами расстрелянных в сопровождении тысяч людей проследовала к центру города. Отпевали убитых в Кафедральном соборе. Прах предали земле на Монастырском и Ивановском кладбищах [10, с. 65].

29 августа 1918 г. Общим собранием Отделений суда было решено возложить на члена окружного суда Константина Павловича Васильева производство предварительного следствия о расстреле большевиками в ночь на 29 июня 1918 г. 19 заложников. В ходе работы сформировалось следственное дело, состоявшее из допросов свидетелей и родственников расстрелянных. В ноябре 1918 г. дело следствие прекратили, а материалы переданы в Екатеринбургский уголовный розыск для производства ареста виновных. После проведения опросов работников Американской гостиницы инспекторы уголовного розыска сделали вывод, что все виновные в расстреле за исключением Я. М. Юровского не являлись жителями Екатеринбурга и «в настоящее время арестовать кого-то не представляется возможным» [5, л. 50].

Результаты исследования. Подводя итоги, следует сказать, что расстрел заложников 29 июня 1918 г. в Екатеринбург явился одним из первых актов насилия, направленным на устрашение масс и подавление любых проявлений инакомыслия. Признание расстрела в качестве ответственности за деятельность третьих лиц официально ставило деятельность УОЧК вне существующей законодательной системы. Подобные действия не только противоречили любым юридическим представлениям, но и находились вне всяких человеческих и моральных норм. Население понимало, что даже аполитичное поведение не способно гарантировать безопасность, а личная неприязнь, или прошлые бытовые конфликты с представителями новой власти могут привести к трагическим последствиям.

Репрессивная политика возымела обратный эффект. Жители Екатеринбурга приветствовали установление белой власти. Многие из них вступили в антибольшевистские воинские формирования или служили в белогвардейских государственных учреждениях.

Количество расстрелянных и арестованных граждан Екатеринбурга в 1917–1918 гг., до сих пор точно неизвестно, при этом, по мнению исследователей, оно достигало нескольких тысяч человек [3, с. 36]. В настоящее время детальное изучение данных вопросов способно не только открыть новые, ранее неизвестные факты, но и дополнить общеисторическую картину Гражданской войны на Урале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декреты Советской власти. М., 1966. Т. 3. 676 с.
2. Колотков М.Б. Значение декрета «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. В формировании системы политических репрессий в Советской России 1918–1922 гг. // Актуальные проблемы российского права. № 3. 2009. С. 94–100.
3. Кручинин А.М. Красный террор в Екатеринбурге: очерк о действиях советских репрессивных органов в декабре 1917 – июле 1918 гг. // Веси. № 9. 2018. С. 32–36.
4. Кашин В.В. На службе у государства. Органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты. Нижний Тагил, 2008. 338 с.
5. ГАСО. Ф. Р–1184. Оп. 1. Д. 2.
6. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. 2. Владивосток, 1922. 232 с.
7. В областном совете: от Уральской ЧК // Известия Уральского областного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 30 июня. С. 3.
8. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). Москва, 1998. 268 с.
9. Трупы расстрелянных большевиками // Уральская жизнь. 1918. 30 июля. С. 1.
10. Кручинин А.М. Белый Екатеринбург 1918–1919 гг. Екатеринбург, 2018. 218 с.

Д. В. СКАЖУТИН

Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, Чита, Россия

УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИЗРЕНИЯ ГОРОДА ЧИТЫ В 1917–1919 гг.

Аннотация: На примере учреждений призрения детей-сирот города Читы рассказывается об условиях и проблемах деятельности социальных организаций в период революции и Гражданской войны. Основным источником исследования послужили документы Государственного архива Забайкальского края, часть из которых впервые введены в научный оборот. Тема социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения представляет значительный интерес для исследователей-историков. Однако, при рассмотрении данного вопроса практически не учитывается опыт ряда территорий Сибири и Дальнего Востока, где в условиях антибольшевистской государственности складывалась отличная от центральных районов России ситуация.

Ключевые слова: дети-сироты, приюты, социальное призрение, повседневность, Гражданская война, белое движение, Забайкальское областное попечительство.

Постановка проблемы. Один из декретов отменил сословный институт, гражданские чины, звания и титулы [1]. Декрет об упразднении чинов сыграл немаловажную роль в судьбе благотворительных учреждений и привел к тому, что о возрождении их деятельности в тех же масштабах не могло быть и речи. Некоторым организациям до революции предоставлялось право на чиновничество (или представления своих членов и жертвователей), право награждения собственными знаками отличия, медалями, званиями, что положительно сказывалось на общественном статусе и карьерном продвижении мецената. Общий климат в стране в целом не способствовал благотворительной деятельности, упразднение чинов и наград попросту лишало людей мотивации возвращения в эту сферу.

С приходом Советской власти в феврале-августе 1918 г. детские приюты (дома призрения) Забайкалья перешли в ведомство комиссариата социального обеспечения на полное государственное финансирование [2, л. 53]. На первоначальном этапе Советской власти учреждениям не удалось закрепить свои позиции в Забайкалье, с ее уходом ряд детских приютов оказался без источников финансирования и контрольно-надзорных институтов. Общественные и благотворительные организации, в чьем ведомстве находились социальные учреждения, с приходом Советской власти, в лучшем случае, бездействовали, в худшем – самораспустились.

Основная часть. В 1917 г. в Чите действовали следующие приюты: «Ясли», переименованный на несколько месяцев Советской властью в «Интернационал», а после городским самоуправлением в «Первый городской приют»; приют «Дом Трудолюбия»; Мариинский женский детский приют; Зерентуйский приют, переведенный в Читу после ликвидации кадетской школы; Бушулейский приют для детей переселенцев (вероятно, также переведенный в Читу). В числе учреждений призрения в документах упоминается еще Детский сад, находившийся в ведении местного отделения Петроградского родительского кружка, «в котором призрелись и воспитывались дети во время отсутствия матерей на работы». В 1917 г. его деятельность, как следует из письма управляющего Забайкальской областью от 19 февраля 1919 г. министру внутренних дел Временного правительства, временно приостановлена [2, л. 54]. Сведения о возобновлении деятельности и иные документы, косвенно свидетельствующие о таковой, автору обнаружить не удалось. О Бушулейском приюте известно, что в сентябре 1917 г. он был возвращен Переселенческому комитету. С большой долей вероятности можно

говорить, что эти учреждения прекратили свою деятельность в том же 1917 г., как и Александровский приют для арестантских детей, находящийся в 1917 г. в стадии закрытия [2, л. 53].

С потерей в августе 1918 г. Советской властью своих позиций в Забайкалье, приюты буквально «повисли в воздухе». На помощь пришло областное земство, ассигновав единовременное пособие (по 6 000 руб. на учреждение) и отнеся некоторые затраты до конца 1918 г. на свой бюджет. Однако перспектива содержания детских приютов чиновников не радовала, и в сентябре 1918 г. состоялось совещание представителей областных и городских властей, а также членов бывших благотворительных организаций, которое постановило передать все приюты тем учреждениям и организациям, в ведении которых они находились ранее [2, л. 53].

Легко предположить, что особого восторга добавление в бюджет новых строк расхода у чиновников тюремного ведомства, на баланс которых вернулся Зерентуйский приют, не вызвало. Ввиду усложнившейся финансовой обстановки вопрос существования приюта остро встал в конце 1918 г. С ликвидацией каторги в учреждении практически не осталось детей бывших ссыльных, что стало основным доводом тюремного ведомства за снятие приюта с баланса. В Чите вакантные места Зерентуйского приюта пополнили дети местных жителей и военнослужащих. В 1918 г. содержание 29 воспитанников обходилось тюремному ведомству в среднем по 5 000 руб. в месяц. В ходе особого совещания, состоявшегося 2 января 1919 г. в Отделе призрения при Забайкальском областном комиссаре, учреждение решили ликвидировать. В Первый городской приют определили 10 воспитанников, остальных 19 направили в Дом трудолюбия. Дети распределялись «в комплекте» с кроватями, одеждой, обувью, бельем и запасом продуктов. До окончательного расформирования приюта на его содержание отпустили деньги, оставшиеся от закрытого в 1917 г. Александровского приюта. Сумма в 9 000 руб. хранилась в Забайкальском областном попечительном о тюрьмах комитете [2, л. 11]. Вероятно, такая же судьба постигла и Бушулейский приют, упоминания о котором в документах 1918 г. проследить уже не удалось.

Приют Дома трудолюбия до революций находился в ведении и на содержании Общества попечительства о трудовой помощи. С началом Первой мировой войны помощь учреждению оказывало Забайкальское отделение Елизаветинского комитета (позже переименованного в Московский) до тех пор, пока в апреле 1918 г. его денежные средства не реквизировала Советская власть. До 1 июля 1918 г. приют содержался на собственные средства, затем – на отпускаемые Советской властью [2, л. 6]. В августе 1918 г., с уходом большевиков, помощь приюту оказывало Областное земство, ассигновав единовременное пособие в 6 000 руб. (та же сумма выделена и другим учреждениям) и отнеся некоторые затраты до конца 1918 г. на свой бюджет. После сентябрьского совещания 1918 г. Дом трудолюбия вернулся в ведение возобновившей деятельность Попечительства о трудовой помощи [2, л. 53].

Если в 1917 г. в приюте находились 104 ребенка и четверо «убогих» взрослых, то к январю 1918 г. количество детей сократилось до 70. При этом постоянный рост цен и условия содержания детей определяли норму призреваемых на 1918–1919 гг. в 50 детей и пять взрослых. Учреждение размещалось в двух старых деревянных домах на углу улиц Александровской (Амурской) и Софийской (Бутина). Вопрос о строительстве нового здания поднимался еще в 1915 г., и среди растаявших капиталов Елизаветинского (Московского) комитета находились 12 000 руб., отведенные на эту цель [2, л. 6].

Несмотря на то, что Обществу попечительства о трудовой помощи удалось сохранить капиталы (на 1 января 1918 г. они составляли 9 081 руб. 28 коп.), о возобновлении деятельности в предшествующих масштабах не могло быть и речи. К концу 1918 г. сумма собственных средств общества состояла из 3 000 руб., специально предназначенных на постройку нового здания, и около 1 000 руб., определенных на текущие нужды [2, л. 6]. Темпы обесцени-

вания денежных средств в этот период видны по изменениям прогнозируемой сметы содержания приюта. Если в начале ноября 1918 г. учреждению на 1919 г. требовалось 58 952 руб. 67 коп. [2, л. 6], то в пересчете на конец декабря 1918 г. сумма составляла 153 940 руб. 30 коп. [2, л. 8]. По факту, из 6 000 руб., выделенных областной земской управой Дому Трудолюбия, удалось получить лишь 4 000, поскольку в конце года в земской кассе закончились денежные средства [2, л. 36]. Планируемые доходы на 1919 г. выглядели куда более скромными: ожидалось поступление 100 руб. членских взносов; 1 200 руб. пособия от Читинской городской управы; 5 000 руб. пожертвований от благотворительных сборов и других случайных поступлений. Таким образом, для восполнения дефицита бюджета Дома трудолюбия требовалось 147 640 руб. 30 коп. [2, л. 38]. В конце декабря 1918 г. председатель правления попечительства Дома трудолюбия (он же заведующий приютом) Александр Константинович Бочаров писал: «Если с января 1919 года не будет ассигновано достаточно кредита на содержание приюта, то оно [правление] слагает с себя ответственность по содержанию приюта и просит распоряжения о принятии этого приюта в казну или земство» [2, л. 36]. Однако и с городским бюджетом дела обстояли не лучше: из-за темпа инфляции как городская, так и областная кассы в конце 1918 – начале 1919 гг. остались без средств: отсутствовали и деньги, и источники дохода. Земство по итогу года не смогло выполнить взятые на себя обязательства по исполнению смет приютов.

Первый городской приют, оказавшийся в ведении городского самоуправления, так же испытывал финансовые сложности. К концу 1918 г. в учреждении призревало 119 детей всех возрастов [2, л. 9]. На содержание учреждения в 1919 г., согласно смете, требовалось 228 718 руб. 28 коп. [2, л. 35]. Общая смета на содержание трех Читинских приютов, действовавших в 1919 г., составляла более 556 000 руб. [2, л. 54], из них более 40% предназначались Первому городскому приюту. Директор Дома трудолюбия А.К. Бочаров видел решение в передаче учреждения на казенный баланс, однако на примере городского приюта видно, что дела бюджетных учреждений обстояли не лучше. Согласно постановлению городской управы от 17 апреля 1919 г. из 25 000 руб., выделенных министерством на содержание приютов, 19 000 пошли на содержание городского приюта (Дом трудолюбия и Мариинский получили по 3 000 руб. каждый). Такое непропорциональное распределение объяснялось «большим количеством детей, а главным образом тем, что содержание его не пополняется никакими благотворительными поступлениями» [2, л. 64]. Несмотря на то, что сумма, выделенная Временным Правительством, согласно письму от 5 марта 1919 г. № 1314, имела адресную помощь и предназначалась на содержание «исключительно сирот убитых, или умерших в связи с прохождением военной службы» [2, л. 64]. При отсутствии иных источников и средств деньги распределили в соответствии с практической необходимостью.

Читинский Мариинский женский детский приют – второе из старейших учреждений призрения детей-сирот на территории Забайкалья, открытый в 1859 г. (спустя 6 лет после Николаевского детского приюта в городе Кяхте) [3, с. 1, 4] – тоже переживал не лучшие времена. Учреждение, созданное по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского [4], до революции находилось в ведении Забайкальского областного попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии. Огромную роль по его содержанию играла благотворительная деятельность местного населения, чиновничества и купечества. По решению сентябрьского собрания 1918 г. учреждение перешло к Областному попечительству о детских приютах. Попечительство являлось благотворительной организацией, осуществлявшей административно-хозяйственное управление, координацию учебно-воспитательного процесса, в финансовом отношении всё ограничивалось членскими взносами и выручкой с благотворительных акций и мероприятий [2, л. 54]. В качестве единовременной субсидии Мариинскому приюту от земства удалось получить лишь 5 000 руб. из 6 000 обещанных. Если до Первой мировой войны, согласно докладной записки директора приюта Ивана Ивановича Козлова, полное годовое содержание 60 детей со всеми

расходами обходилось в 8 000 руб. [2, л. 22], то смета 1919 г. определяла затраты на такое же количество детей в 198 950 руб., при этом собственный планируемый доход исчислен в 18 950 руб. (менее 10%) [2, л. 40].

Директор приюта очень болезненно переносил происходившие потрясения. Его докладные записки и сопроводительные письма имеют ярко выраженную эмоциональную окраску. Приход Советской власти для него – «воцарение большевизма» [2, л. 22]. Волновало Ивана Ивановича и то, что «всякая дисциплина по отношению детей пала, девочки самовольно уходят из приюта и ходят по городу», «набираясь вне стен приюта большевистским приемам». Конечно, он переживал за воспитанниц, но в силу возраста и своего мировоззрения не мог принять происходящие изменения. Свое мнение он ни от кого не таил. Пытаясь реанимировать «погибший мир», И.И. Козлов предпринимал все возможное и зависящее от него. Из собственных средств он платил жалованье священнику при приюте [2, л. 22]. Однако ученицы набрались «большевистских приемов» и не интересовались законом Божиим. Жизнь в прежнем, отжившем формате уже была невозможна и любые попытки вернуть ушедшее выглядят трагикомично. На этом фоне всеобщих бедствий совершенно диким выглядело требование со стороны военного ведомства об уступке в его пользу здания Мариинского приюта [2, л. 22].

Стоит заметить, что И.И. Козлов весьма практично обозначал в документах необходимость мотивации благотворителей. Он сетовал, что «жертвователи и лица, безвозмездно работавшие в приюте, видимо не рассчитывая на получение каких-либо за это наград, прекратили всякую помощь приюту». Бывших почетных членов одни лишь «личные и письменные приглашения» не могли привлечь даже к участию в заседаниях [2, л. 39]. Решение проблемы директор приюта видел в восстановлении работы попечительного совета учреждения. В дореволюционный период в такой совет входили губернатор, вице-губернатор, городской голова и ряд других должностных лиц, не стеснявшихся использовать (в том числе) и свое должностное положение для помощи приюту. Управляющий областью Сергей Афанасьевич Таскин прислушивался к мнению Ивана Ивановича. На заседание нового попечительного совета 3 февраля 1919 г. пригласительные повестки получили помощники управляющего областью, прокурор окружного суда, председатель окружного суда, председатель областной земской управы, городской голова и меценаты города [2, л. 23]. Еще одно предложение директора Мариинского приюта [2, л. 39], которое управляющий областью озвучил в письме МВД Временного правительства – идея восстановления в благотворительных учреждениях почетных наград «на прежних основаниях» [2, л. 54]. Как мы видим, все идеи Ивана Ивановича имели за собой одну цель – благополучие приюта, однако в то же время они основывались исключительно на прошлом опыте, хотя сложившиеся условия требовали новых методов решения проблем.

В целом, по состоянию на конец декабря 1918 г., общее количество призываемых детей в городе Чите составляло 298 чел., из них 113 детей военнотрудовых. Между учреждениями воспитанники распределялись следующим образом: 80 чел. в Мариинском приюте (из них 20 детей военнотрудовых); 70 – в Доме трудолюбия (из них 41 ребенок военнотрудовых); 119 детей всех возрастов в Первом городском приюте (из них 45 из семей военнотрудовых); 29 чел. в Зерентуйском приюте (из них 7 детей военнотрудовых). [2, л. 7–9] Как говорилось выше, последний находился на стадии расформирования, и в 1919 г. его воспитанники пополнили Первый городской приют (10 чел.) и Дом трудолюбия (19 чел.). Мариинский приют призывал девочек от 8 до 17 лет, что четко указано в смете на 1919 г. Возраст воспитанников Дома трудолюбия варьировал с 8 до 15 лет, при этом в 1919 г. призывались дети обоего пола. Дополнительно отметим, что приют Дома трудолюбия являлся единственным учреждением призывавших лиц с ограниченными возможностями, которые принимались независимо от возраста. Единственным учреждением, куда принимали детей младшего возраста, оставался Первый городской приют. Подкидыши в здании миссионерского учили-

ща призревались еще с дореволюционных времен и «Ясли» изначально функционировали именно как приют для подкидышей. Но социальная обстановка менялась, со временем в учреждение стали принимать детей всех возрастов. В 1919 г. в приюте, помимо трех воспитательниц для старших детей, в штате состояли три няни [2, л. 35]. В учреждении призревались лица обоего пола.

Ситуацию с финансированием учреждений призрения урегулировало постановление Совета Министров Омского правительства от 8 июля 1919 г., в частности, статья 4 документа передавала почти все заведения с имуществом и капиталами, ранее находящиеся в ведении, как Министерства государственного призрения, так и благотворительных организаций, в Департамент государственного общественного призрения МВД. Исключения составляли учреждения, передаваемые по соглашению МВД в Министерство народного просвещения. Также исключение делалось для имущества благотворительных обществ в случае особых указаний учредительных документов при их ликвидации [2, л. 83]. Однако такая формальная регламентация не увеличила фактические доходы: учреждения стояли на грани, как и сама белая государственность.

Самые значительные по сумме собственные доходы из всех организаций имел приют Дома трудолюбия: с 1 января по 1 ноября 1919 г. они составили 40 039 руб. 26 коп. и включали в себя кружечный сбор, устроенный М.М. Семеновой – 10 000 руб.; Средства, полученные от спектакля и гуляний, организованных председателем правления попечительства А.К. Бочаровым – 10 000 руб.; пособие от городской управы – 800 руб.; пособие от общества «Эконом» и общества взаимного страхования – 500 руб.; средств, выделенных на содержание детей убитых воинов – 3 000 руб.; пособия от отдела призрения – 10 000 руб.; частные пожертвования и случайные поступления составили 5 738 руб. 74 коп. [2, л. 114].

Углем и дровами приюту помогала Городская управа. По распоряжению атамана Г.М. Семенова приюту выделили 100 пудов крупчатки, получены подарки от представителей Японии включавшие 45 пудов крупчатки и 3 мешка сахара. «Жертвовали припасами и другие русские благотворители. Член общества Мавра Ефимовна Калашникова неизменно давала приюту бесплатно или по удешевленной цене свиные кости, заменявшие мясо, за что ей и другому новому, такому же благотворителю Кислицыну по ноябрь 1919 г. прилагается уплатить 2 398 руб.» [2, л. 114]. Как тут не воскликнуть: Россия – щедрая душа! В тяжелых условиях учреждения радовались буквально каждой мелочи. Так, среди документов хранится письмо с искренними словами благодарности директора Мариинского приюта начальнику Читинской областной тюрьмы за пожертвованные деревянные шпильки для обуви и сапожные гвозди на сумму 78 руб. 30 коп. [2, л. 67].

Интересен и иной источник дохода учреждений призрения, выявить который помог обнаруженный в архивном деле рапорт старшего агента Читинского отделения уголовного розыска П. Швалова от 21 декабря 1918 г. [2, л. 31]. Согласно рапорту, старшими агентами уголовного розыска Шваловым и Кожиным задержан некий господин за попытку дачи им взятки при обычной паспортной проверке. Преступника препроводили в отделение, а рапорт о случившемся (как и денежная сумма) «пошли по начальству» [2, л. 30]: от агента к начальнику отделения, затем к начальнику городской милиции, от него – управляющему Забайкальской областью. В итоге 31 декабря, на основании статьи 373 Устава о наказании, сумма отписана комиссаром области заведующему отделу призрения. В письме сообщалось, что деньги можно получить у казначея управления комиссара Забайкальской области, сумму рекомендовалось передать приюту Дома трудолюбия. [2, л. 28].

Второй аналогичный задокументированный случай произошел 11 месяцев спустя – 19 ноября 1919 г. Знакомый нам морально устойчивый сотрудник уголовного розыска Кожин (уже в ранге помощника начальника Читинского отделения) в сопровождении агента Черепанова арестовал некоего рядового Маньчжурской дивизии атамана Семенова Вениамина Морковкина и рецидивиста Ивана Макеева за незаконную карточную игру [2, л. 141–144].

Стоявшие на кону 2 000 руб. конфисковали, распределив поровну между Мариинским приютом и приютом Дома трудолюбия [2, л. 136–137].

Результаты исследования. Решение властей вернуть «все как было» и передать учреждения призрения тем ведомствам, при которых они находились ранее, не отвечало ходу времени. Сам ход исторического процесса требовал отмены института подданства и правового неравенства, сложившихся еще в феодальную эпоху, поэтому сама логика не могла отменить советский декрет на территории белой государственности. У автора складывается впечатление, что «Омское» правительство недостаточно уделяло внимание организации социальной сферы и проблемам тыла, отдавая приоритеты военщине, а не созданию прочной базы и обеспечению на подконтрольной территории той самой законности, о которой радели деятели белого движения. В результате, «Омское» правительство, претендующее на всероссийскую власть, вопрос содержания приютов решило лишь в середине 1919 г., когда началось тотальное отступление белых сил. Фактически всю ответственность перед наиболее социально уязвимыми гражданами государство переложило на местную власть. При недостатке средств в областной и городской казне дома призрения, по факту, остались один на один со своими проблемами. Каждый из руководителей учреждения призрения, несомненно, переживал за судьбы воспитанников, на примере И.И. Козлова и А.К. Бочарова мы видим, как по-разному они подходили к решению проблем. В нелегкий период нашей истории отрадно видеть, что всё еще находились люди, проявлявшие внимание к наиболее уязвимым социальным слоям населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов // Декреты советской власти: сб. док. М.: Политиздат, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 71–72.
2. ГАЗК. Ф. 238. Оп. 1. Д. 34.
3. Благотворительные учреждения Забайкальской области // Благотворительность в России. СПб.: Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1902. Т. 2: Список благотворительных учреждений. Ч. 2. С. 1–6.
4. Константинова Т.А. Мариинский женский детский приют // Энциклопедия Забайкалья [электронный ресурс] URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5012> (дата обращения: 29.08.2019).

С. В. СМIRHOV

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ С.-Г. А.-Х. САИНОВА

Аннотация: В исследовании анализируются воспоминания бывшего белого офицера С.-Г. А.-Х. Саинова о Гражданской войны в России. Мемуары эти были составлены во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Китае, изданы в 2017 г. Нами в данной публикации выделены две основные авторские смысловые характеристики войны: ее братоубийственный характер, выраженный в бессмысленной жестокости и всеобщем хаосе, и безыдейность Белого движения, обусловившая его слабость и, в конечном счете, поражение.

Ключевые слова: Гражданская война, С.-Г. А.-Х. Саинов, Белое движение, белая армия, 16-й Уфимский полк, Китай, российская эмиграция, мемуары, офицерство.

Постановка проблемы. Гражданская война в воспоминаниях ее участников является объектом постоянного интереса со стороны отечественных исследователей [1–4, и др.]. Между тем огромный пласт источников личного происхождения, по-прежнему далеко не исчерпанный, позволяет выявлять новые грани в восприятии этого трагического для России события и формировании его образа. Султан-Гирей Ахмет-Хусаинович Саинов, прапорщик (по другой версии поручик) Белой армии, в начале 1920 г. в возрасте 27 лет оказался в Китае, также как тысячи других военных беженцев Гражданской войны. Вся последующая долгая жизнь Саинова (скончался он на девяносто втором году жизни) была связана с Китаем, где сегодня в провинции Сычуань живут его многочисленные потомки. Свои воспоминания бывший офицер составил в последние годы своей жизни (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.), и долгое время они никому не были известны. Только в 2015 г. после долгой и кропотливой работы команды китайских и русских энтузиастов, возглавляемой журналистом Лю Юном, изучавшим в начале 1980-х гг. русский язык под руководством Саинова, рукопись была переведена на китайский язык и опубликована под названием «Поиски: горсть чернозема». В 2017 г. воспоминания Саинова, озаглавленные «60 лет: китайская история одного россиянина» [6], были изданы Пекинским издательством литературы на иностранных языках на русском языке. Издание было дополнено солидными приложениями, содержащими многочисленные фотографии и сведения о жизни Саинова и его семьи, а также обстоятельствах обнаружения его воспоминаний.

Основная часть. Знакомство с воспоминаниями Саинова показывает, что автор при описании перипетий своей жизни уделил особое внимание периоду 1917–1920 гг., т.е. своему участию в Первой мировой и Гражданской войнах, что, вероятно, оставило глубочайший след в его сознании. Описание Гражданской войны в мемуарах бывшего офицера вызывает большой интерес для исследователя, как особенностями авторской интерпретации этих событий, так и уникальностью источника не только по времени и месту его происхождения, но и по причине авторства – по крайней мере, нам не известны другие аналогичные источники, принадлежащие перу представителя белого офицерства, татарина по национальности. Также необходимо отметить, принимая во внимание характерное для источников личного происхождения наличие внутренней и внешней цензуры, что уровень внутренней цензуры (о внешней мы не говорим, поскольку автор не собирался публиковать свои воспоминания) в той части рукописи Саинова, которая относится к периоду 1917–1920 гг., является наименее высоким. Для сравнения, описывая китайский период своей жизни, мемуарист использу-

ет ремарки, восхваляющие «любимого вождя Мао Цзэдуна и Коммунистическую партию Китая».

Султан-Гирей, происходивший из небогатой семьи потомственных дворян-татар Казани, к началу Первой мировой войны, окончив Оренбургское реальное училище и педагогические курсы, учительствовал в деревне Калтаево Уфимской губернии. В сентябре 1915 г. Саинов был призван на военную службу, окончил учебную команду 105-го пехотного запасного батальона в Хабаровске, а в январе 1917 г. – полный курс Чистопольской школы прапорщиков. После чего был направлен в действующую армию на Северный фронт. С июля по декабрь 1917 г. служил в должности младшего офицера 548-го Чугуевского пехотного полка Харьковской ополченческой бригады. В декабре 1917 г. по собственному желанию был переведен во 2-ю Дикую Дагестанскую дивизию [5, л. 33]. Однако в новое подразделение, скорее всего, не попал, покинув самовольно фронт. 1 марта 1918 г. Саинов был освобожден от воинской повинности Уфимским уездным воинским начальником как школьный учитель и вскоре вернулся к своей прежней профессиональной деятельности, получив место учителя в деревне Биштыка [6, с. 146, 147].

Новый этап военной службы начался для Саинова в октябре 1918 г., когда он, имея освобождение от военной службы как школьный учитель, был мобилизован правительством Уфимской директории и направлен в должности младшего офицера в формирующийся 16-й Уфимский (Татарский) стрелковый полк. В этом полку Султан-Гирей служил до лета 1919 г., пока по болезни не был эвакуирован в тыл. Вся осень и зима 1919 – начала 1920 гг. прошли в бесконечных мытарствах. Не желая возвращаться на фронт, Саинов все дальше продвигался на восток, стал участником Сибирского Ледяного похода, первоначально перемещаясь самостоятельно, а позднее в составе обоза конной разведки 16-го Ишимского полка. В Забайкалье он некоторое время служил в конной разведке 16-го Ишимского полка, в дальнейшем был прикомандирован к Офицерскому учебному батальону в Чите, из которого в конце концов бежал в Маньчжурию.

Гражданская война в воспоминаниях Саинова предстает в виде бессмысленного хаоса, разрушающего судьбы массы людей. Автора не интересуют причины противостояния, позиции противоборствующих сторон; в тексте практически отсутствует описание сражений, почти нет конкретных действующих лиц. Основу композиционной структуры задает фактор движения: формирование полка – первый бой и первое отступление – наступление белых частей – новое отступление – эвакуация в санитарном эшелоне и временное возвращение в полк – вновь отступление, перерастающее в бегство – временная остановка в Забайкалье – дезертирство из армии и бегство в Маньчжурию.

Воспоминания несут в себе две основные смысловые характеристики: 1) братоубийственность гражданской войны с ее бессмысленной жестокостью и многочисленными жертвами; 2) безыдейность Белого движения, отсутствие у него внутренней сплоченности и массовой поддержки, а потому его безуспешность.

Братоубийственный характер гражданской войны в воспоминаниях Саинова присутствует в множестве эпизодов. Например, Султан-Гирей так описывает вступление частей 16-го Уфимского полка в деревню Большие Каплы, только что взятую с боем бойцами Ижевского и Михайловского полков: «Когда мы вступили в эту деревню, то увидели страшное зрелище, от которого волосы встали дыбом. На улице валялись убитые верблюды, лошади и горы изрубленных, раздетых, что называется догола людей. Вот она братоубийственная война» [6, с. 23]. Другой эпизод, расстрел в период отступления восьми солдат-уфимцев за попытку перехода к красным: «Выйдя за деревню, полк остановили, и мы увидели восемь расстрелянных наших солдат. Прочитали приказ, в котором говорилось, что эти 8 солдат были пойманы, когда собирались перейти на сторону большевиков, и что каждого думающего о переходе ожидает это» [6, с. 26].

Саинов постоянно подчеркивает бессмысленность многочисленных жертв со стороны Белой армии. Люди едва не гибнут по причине абсурдности приказа одного из командиров находившегося в арьергарде 16-го Уфимского полка уничтожить восстанавливаемый красными мост через реку с помощью двух коробок спичек [6, с. 26]. Сотни военнослужащих умирают в необорудованных товарных вагонах санитарных эшелонов от ранений, болезней, недоедания, а иногда и от собственной руки [6, с. 31, 32]. Еще больше людей гибнет во время страшного Ледяного похода, описание событий которого, дано автором без особой эмоциональной окрашенности. Смерть давно стала явлением обыденным. Истощение сил отступающих доходит до такого уровня, когда исчезают сопереживание и милосердие к ближнему: «Еще запомнились мне два случая в лесу. Столкнутые с дороги сани, с понуро опущенной головой лошадь и слышно в санях просьба человека: “Братцы, пристрелите меня, не бросайте так!”. Другой случай – тоже сани в стороне и плач ребенка (плачет ребенок на холодной груди матери). Мать успела умереть, но ребенок еще жив (так говорили подходившие посмотреть), но ребенка кто взял или нет, не знаю. Едва ли» [6, с. 45]. В то же время Саинов неоднократно отмечает бескорыстную помощь отступающим бойцам со стороны отдельных жителей местных населенных пунктов Сибири [6, с. 36, 37, 42, 43].

Другая важная характеристика Гражданской войны у Саинова – безыдейность Белого движения, а, следовательно, его слабость и безуспешность – выражается в тексте воспоминаний напрямую лишь один раз: «Красная армия в большинстве своем состояла из рабочих, которые шли на смерть без страха. У них была идея, они защищали свое право. Шли они в бой, не щадя своей жизни за свое право, за идею светлого будущего. Белая армия состояла из насильно мобилизованных городских жителей, крестьян и крестьянских детей и добровольцев. Спайки не было, каждый думал по-своему, и кто только мог, отлынивал от службы. На высших командных постах стояли царские генералы, которые хотели захватить власть в свои руки и командовать всеми, единства между ними не было. У нас же, у многих не было идеи, был только страх перед приказом начальства» [6, с. 24]. Судьба самого Саинова и подобных ему людей является иллюстрацией всего вышесказанного.

Описывая насильственную мобилизацию в армию, мемуарист отмечает, что «при подготовке к погрузке на пароход многие сбежали, но скрыться не смогли, их находили, вылавливали и, орудуя плеткой, безжалостно избитых пригоняли на пароход и грузили в трюмах. При погрузке один молодой прапорщик что-то высказал. Его связали и тоже бросили в трюм» [6, с. 20]. Вновь мобилизованные части не имели необходимого обмундирования, теплой одежды и боеприпасов. Вспоминая боевое крещение 16-го Уфимского полка в декабре 1918 г., Саинов указывает, что главными причинами отступления уфимцев без каких-либо видимых действий со стороны красных были отсутствие у бойцов теплых брюк («на снегу в одних деревенских самотканых красных штанах долго не пролежишь») и патронов [6, с. 21].

Особенный характер у Саинова носит участие военнослужащих 16-го Уфимского полка, сформированного в основном из мобилизованных татар, в боевых действиях в сравнение с их «соседями», бойцами Ижевского и Михайловского полков. Уфимцы практически не имеют столкновений с противником, вступая в уже взятые другими или оставленные самими красными населенные пункты, стреляют в невидимого противника, в отличие от «стойких и бесстрашных» ижевцев и михайловцев, которые, «заняв удобную позицию, близко подпускали противника и открывали по ним ураганный огонь и потом шли в атаку» [6, с. 23]. Саинов и его однополчане словно пешки на шахматной доске движутся по воле высшего начальства, выступающего в качестве обезличенной, оторванной от основной воинской массы, а потому чуждой этой массе, детерминирующей силы. При этом необходимо отметить, что 16-й Уфимский полк считался надежным боевым подразделением, входившим в состав одной из лучших дивизий белого Восточного фронта – 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии.

Нежелание участвовать в братоубийственной войне ведет к оставлению солдатами и офицерами Белой армии фронта, для чего в ход идут всевозможные ухищрения – симулирование болезней и заражение тифом от уже заболевших, направление на учебные курсы в тылу, фиктивные командировки. По мере отступления белых частей на восток «узаконенное дезертирство» становится массовым. В конце 1919 г. Белое движение на востоке России переживает свой коллапс, никто больше не помышляет о продолжении борьбы, остатки армии, распавшись на многочисленные речки и ручейки из отдельных воинских частей, групп и одиночных бойцов, в стремлении спастись движутся все дальше по просторам Сибири или сдаются в плен к красным. Интересно отметить, что сдача в плен в качестве альтернативы бегству, как следует из воспоминаний Саинова, для самого автора не возникает ни во время Ледяного похода, ни осенью 1920 г., когда он вновь оказывается в Забайкалье в составе частей атамана Г.М. Семенова, будучи хитростью завербован на военную службу [6, с. 52, 53].

Результаты исследования. В конце концов, нежелание участвовать в братоубийственной Гражданской войне ни на чьей стороне приводит к естественному финалу – эмиграции автора воспоминаний в Китай, страну, ставшую для него второй родиной.

Мемуары белого офицера С.–Г. А.–Х. Саинова, по нашему мнению, являются ценным источником не только о событиях Гражданской войны на востоке России. Как и многие подобные источники личного происхождения, они дают определенные представления о ментальности и рефлексии автора, его общих и частных воззрениях на мир, жизнь. Подобные грани информационного потенциала, что особенно важно, открывают возможности к реализации новых междисциплинарных научных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланова И.С. Осмысление русской эмиграцией исторического опыта гражданской войны // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 163–170.
2. Богатырева Л.В., Базанов П.Н. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917–1922 годов // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. 2018. № 1. Т. 19. С. 23–31.
3. Забияко А.А., Забияко А.П. Исторический опыт Гражданской войны в произведениях писателей-эмигрантов Русского Харбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 123–130.
4. Мажара П.Ю. Мемуары и дневники участников Белого движения как источник по истории Гражданской войны на Северо-Западе России. 1918–1920: автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 26 с.
5. РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 19.
6. 60 лет: китайская история одного россиянина / гл. ред. Лю Юн. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017. 169 с.

Ю. В. СТАВРОПОЛЬСКИЙ

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

РОЛЬ КАНАДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Аннотация: В исследовании на основе зарубежных и отечественных источников последних лет представлены перипетии организации интервенции в революционную Россию с участием Канады. Впервые в контексте Первой мировой войны, показано стремление Канады к самостоятельности от собственной бывшей метрополии. Канадцы желали иметь в Сибири такие же точно права, как у британского командующего во Франции. Автор приходит к выводу о недвусмысленности позиции, занятой Канадой, стремившейся, прежде всего, отстаивать собственную государственную самостоятельность.

Ключевые слова: союзническая интервенция, союзные державы, А. Ф. Керенский, Западный фронт, Восточный фронт, Сибирская экспедиция, Дальний Восток России, союзническое командование.

Постановка проблемы. Мало кто из современных канадцев имеет представление о том, что бойцы канадской армии, сражавшиеся в Первой мировой войне, принимали участие в интервенции в России в 1918–1919 гг. До 1960 гг. информация об участии Канады в Сибирской интервенции оставалась строго засекреченной канадским министерством обороны [1, р. 89]. На самом деле, в Сибири британскими интервентами командовал канадский военачальник генерал-майор Джеймс Элмсли. Решение об интервенции в Россию Канада принимала не самостоятельно, но под влиянием лидеров Великобритании, Франции, Соединённых Штатов и Японии. В данном альянсе Канада до самого завершения практически не обладала никаким стратегическим влиянием.

Историографический разбор проблематики иностранной интервенции в революционную Россию показывает [2, р. 136], что в 1918 г. Канада, невзирая на собственный колониальный статус, в действительности обладала реальной независимостью от Соединённого Королевства и решила принять участие в сибирской интервенции исключительно исходя из собственных национальных интересов. Среди национальных интересов Канады доминировал экономический интерес.

Союзники не планировали интервенции в Россию в качестве самостоятельной военной операции, обособленной от прочих стратегических соображений. Решение об интервенции вызревало постепенно на протяжении 1917 г. Для союзников 1917 год стал временем кризиса и пессимизма. Именно в 1917 г. Германия оказалась как никогда близка к победе в войне.

Революция в России в феврале 1917 г. привела к отречению Государя Императора. Сформировалось неэффективное Временное правительство, допустившее разложение Русской армии. На Западном фронте и в Италии союзников весь год преследовали неудачи [3, с. 113]. Во Франции вторая битва при Эне, с участием британцев, вместо прорыва фронта обеспечила продвижение всего лишь на несколько сотен метров.

Развал Русской армии и заключение Брест-Литовского мирного соглашения с Германией вынудил союзников к поиску вариантов продолжения военных действий на Восточном фронте. В России развернулась гражданская война, при этом Германия продолжала свой натиск на Восток, угрожая захватить боевую технику союзников, скопившуюся на севере в Архангельске и в Мурманске, и на востоке во Владивостоке.

Союзники стали рассматривать военную интервенцию в качестве необходимого отпора немецкому продвижению. В переговорах по вопросам организации союзной интервенции прошло не менее полугода. В августе 1918 г. политические руководители Соединённых татов

Америки, Японии, Франции и Великобритании сошлись во мнении о необходимости военной интервенции в Сибирь.

Основная часть. Начальник имперского генерального штаба генерал Генри Уилсон доложил министру обороны Великобритании о том, что британский батальон, расквартированный в Гонконге, готов к переброске в Сибирь по первому требованию. Министру иностранных дел Великобритании Артуру Бальфуру было предложено отправить британскому послу в Вашингтоне телеграмму с информацией для американских союзников относительно того, какие шаги предприняты Великобританией и в связи с чем.

Премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд-Джордж обратился к Канаде с просьбой передислоцировать часть вооружённых сил в Сибирь. Премьер-министр Канады Роберт Борден, прибыв в Лондон, изучил соображения британского генерал-майора Альфреда Нокса, который период до революции 1917 г. занимал пост военного атташе Великобритании в России, по вопросу организации интервенции в Сибирь.

А. Нокс был убеждён в том, что единственным способом положить конец войне в 1919 г. стала бы интервенция на Дальний Восток. Привлечение к организации интервенции канадской стороны явилось естественным развитием дискуссий внутри британского кабинета министров, однако, уверенность А. Нокса в том, что Канада согласится принять участие в интервенции, выглядела несколько преждевременной [4, с. 136].

Премьер-министр Канады Роберт Борден неоднократно выступал с критическими заявлениями по поводу того, как ведёт войну верховное британское командование. В этом отношении, Р. Борден являлся союзником премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа в его борьбе против фельдмаршала Дугласа Хейга и руководства министерства обороны Великобритании.

24 июня 1918 г. в кабинете министров обсуждалась беседа премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа со свергнутым премьером Временного правительства России А.Ф. Керенским. Британский премьер доложил, что Керенский выразил уверенность в том, что Россия созрела для того, чтобы вновь обратиться оружием против Германии, что Россия готова принять интервентов [5, с. 59]. На заседании кабинета японская интервенция также была сочтена допустимой, при условии, если она будет преподнесена в качестве общих союзнических усилий по помощи России. В этой связи Р. Борден заметил, что Керенский неоднократно озвучивал необходимость в союзнической интервенции, но не в японской интервенции. На следующем заседании британского кабинета Р. Борден позволил себе пойти ещё дальше по пути отстаивания самостоятельной канадской позиции и по вопросу об условиях японского участия в союзнической интервенции заявил, что подлинная цель интервенции заключается в том, чтобы побудить все антигерманские силы в России объединиться в деле оказания отпора Германии. Вполне очевидно, однако, что японское участие самостоятельно, без союзников, ни в какой мере не способствовало достижению поставленной цели.

Р. Борден поддержали интервенцию в Россию, и оказал этим услугу Д. Ллойд-Джорджу против фельдмаршала Д. Хейга, который, вопреки позиции британского премьер-министра, настаивал на отправке подкрепления на европейский Западный фронт. 18 июля Д. Ллойд-Джордж официально направил запрос в Канаду о предоставлении воинских частей для участия в сибирской интервенции. Ранее, в мае того же года, на секретном заседании кабинета Д. Ллойд-Джордж высказывался по поводу того, что, поскольку американским союзникам не хотелось бы принимать участия в интервенции в Сибирь, то их место, по-видимому, могли бы занять канадцы. Этим объясняется то, что официальный запрос в Канаду был отправлен до того, как США выразили своё согласие на участие в интервенции. Речь шла о полномасштабной канадской бригаде, включая штаб, санчасть, артиллерию и тыл [6, с. 213]. Поскольку переговоры с остальными участниками альянса к тому времени не завершились, выражалось требование соблюдать строжайшую секретность при подготовке экспедиции. Канадским войскам гарантировалось неучастие в любых военных операциях без санкции правительства Канады.

4 сентября 1918 г. генерал-майор Д. Элмсли получил право обжаловать в британское правительство любые приказы, которые сочтёт опасными, информируя об этом канадское

правительство. 10 сентября Д. Элмсли ответил, что поскольку не существует никакого плана операции, согласованного со всеми участвующими сторонами, то, в случае принятия британского предложения об организации военного управления, Д. Элмсли считает себя обязанным в первую очередь консультироваться с правительством Канады, и лишь после консультаций обжаловать приказы. Д. Элмсли также потребовал предоставить ему прямую связь с руководством Канады. Таким образом, Д. Элмсли подстраховывал себя на случай конфликтов с иностранными командующими и угрозы для жизни канадских солдат.

Сложившееся положение резонансно отозвалось в Великобритании в 1917 г. Фельдмаршал Д. Хейг выступил против назначения генерала Ф. Фоша генералиссимусом всех союзных сил во Франции, что ставило британские военные формирования в подчинённое положение по отношению к французскому командованию. Д. Хейг потребовал права обжаловать французские приказы в британском правительстве. Союзники, в конце концов, пришли к компромиссу, что позволяло Д. Хейгу параллельно с исполнением приказов обращаться с возражениями в британский кабинет министров.

Результаты исследования. Канадцы желали иметь в Сибири такие же точно права, как у британского командующего во Франции. Однако, в британском министерстве обороны был отдан приказ о назначении генерал-майора Д. Элмсли командующим британскими войсками в Сибири, и о подчинении его японскому генерал-лейтенанту Кэйдзиро Отани, главнокомандующему всеми союзническими силами на Дальнем Востоке России. Полученные Д. Элмсли инструкции предписывали ему во взаимодействии с генерал-майором А. Ноксом не меряться субординацией и чинами, но информировать друг друга о происходящих событиях. Аналогичные инструкции получил А. Нокс особой телеграммой в конце августа. Д. Элмсли становился командующим британскими силами, а А. Нокс офицером связи при К. Отани. Инструкциями также требовалось, чтобы Д. Элмсли наладил контакт с Ч. Элиотом, британским верховным комиссаром в Сибири. Предполагалось, что в Сибири британские войска будут действовать совершенно таким же образом, как они действуют во Франции, то есть именно в качестве британских военных формирований.

Канадский ответ продемонстрировал Великобритании позицию Канады по вопросу о собственной независимости. Было заявлено о том, что прежде, нежели Канада отправит свои военные части в Сибирь, она требует, чтобы ей была передана полностью вся информация относительно предстоящих операций. Более того, Канада требовала знать заранее о том, какова мера участия в планируемых операциях со стороны США. Д. Элмсли освобождался от ответственности перед Великобританией за любые обжалованные приказы, за исключением прямо выраженного согласия канадского правительства. Канада также требовала, чтобы Д. Элмсли получил прямую связь с канадским правительством, минуя британское правительство и иные органы власти третьих стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковенко М.В. Участие Канады в иностранной интервенции на Дальнем Востоке России (1918–1919 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 85–94.
2. Isitt B. From Victoria to Vladivostok: Canada's Siberian Expedition, 1917–1919. Vancouver: University of British Columbia Press, 2010. 299 p.
3. Parker R.J. Passchendaele 1917: The Tommies' Experience of the Third Battle of Ypres. Bristol: Amberley Publishing, 2017. 304 p.
4. Соков И.А. Канадская интервенция 1918–1919 гг. в дальневосточном эпизоде Гражданской войны в России: причины, цели, итоги // Проблемы Дальнего Востока, 2014. № 2. С. 136–146.
5. Лисенкова Л.Н. А.Ф. Керенский об исторической неудаче Февраля // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, 2017. Том 8. Выпуск 4 (31). С. 58–65.
6. Swettenham J. Allied Intervention in Russia 1918–1919, and the Part Played by Canada. New York: Routledge, 2019. 322 p.

М. М. СТЕЛЬМАК

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

ОМСКИЙ РОД БАТЮШКИНЫХ: К ИСТОРИИ АРХИВНО-ФОНДОВОГО ПОПОЛНЕНИЯ (2017)

Аннотация: В статье представлен обзор поездки автора в город Железногорск (Курская область) с целью пополнения фондов Исторического архива Омской области документами и предметами семьи Батюшкиных. Приводятся биографические сведения, связанные с членами семьи Батюшкиных. Автор приходит к выводу о значительном потенциале фондового пополнения архивными материалами.

Ключевые слова: архивное дело, частные архивы, семейные архивы, Гражданская война, практическая генеалогия.

Постановка проблемы. Одной из тенденций современной историографии является обращение к персонифицированной истории, вызванное антропологическим поворотом в исторической науке. Опубликовано немало оригинальных биографических (и смежных с ними) исследований о людях, чья жизнь и деятельность пришлись на военно-революционный период 1914-1922 гг. Интерес специалистов вызывают судьбы исторических деятелей, связанные с Омском. Это объяснимо, в том числе, особым статусом города в указанный период: на эти годы пришелся его статус губернского-областного, западносибирского, общесибирского и столичного (по отношению к антибольшевистскому движению) центра. При этом, в работах специалистов сегодня в равной степени уделено внимание как выдающимся историческим личностям так и «маленькому человеку» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

История омского рода Батюшкиных уже не раз попадала в поле зрения исследователей – как академических историков, так и представителей краеведения. Первые работы об этой семье, в первую очередь, были связаны с историей их «родового гнезда», поскольку именно в особняке Батюшкиных с 15 декабря 1918 г. по 12 ноября 1919 г. находилась личная резиденция Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака [14]. С открытием в 2012 г. в особняке Батюшкиных Центра изучения истории Гражданской войны – выставочной и интеллектуальной площадки Исторического архива Омской области [15; 16] – появляются исследования, подробно рассматривающие различные аспекты истории семьи Батюшкиных и бытования их дома [17–21]. Сотрудниками Центра с 2013 г. ведется активная архивная и научно-поисковая работа, направленная на изучение истории особняка, при этом, значительное внимание уделяется прошлому семьи, являвшейся первыми владельцами и жителями этого дома. При этом, изучение фондов российских государственных (федеральных, региональных) и ведомственных архивов не оставляло уверенности омских архивистов в том, что документальное наследие семьи Батюшкиных может находиться в негосударственном (частном) хранении. Как показала практика, данная гипотеза полностью подтвердилась.

Основная часть. Благодаря современным технологиям удалось найти несколько важных фактов, позволивших провести необходимую поисковую процедуру. Так, 7 июня 2017 г. сотрудником Центра Д.И. Петиним в одном из сетевых блогов (в комментариях к посту писательницы Евгении Перовой) была найдена фотография подстаканника. Судя по надписи на предмете, он был подарен в 1916 г. Капитаном Алексеевичем Батюшкиным его супруге Елизавете Георгиевне на 25-летний юбилей совместной жизни. В ходе аналитической работы удалось выяснить, что снимок был сделан и выложен в сеть нынешней владелицей подста-

канника Галиной Георгиевной Коршунковой, жительницей города Железногорска Курской области. Она окончила Новосибирский государственный медицинский университет. Ее профессиональный путь был связан с педиатрией. Галина Георгиевна имеет государственные награды, является врачом первой категории, ветераном труда. Будучи на пенсии, она продолжает вести активную общественную деятельность и воспитательную работу с молодежью. Она имеет свой блог, аккаунт в социальной сети «ВКонтакте». Но помимо этого, она хранила у себя остатки семейного архива Батюшкиных, стараясь всеми силами сберечь память о них.

Сотрудники Центра с июня 2017 г. установили с Галиной Георгиевной интенсивную переписку, в ходе которой, была достигнута договоренность о безвозмездной передаче в фонды Исторического архива Омской области хранившихся у нее уникальных артефактов. Галина Георгиевна почтовым отправлением 27 июня 2017 г. прислала в Центр фото Капитона Алексеевича Батюшкина, сделанное в Москве в начале XX в. Важно отметить, что ранее ни один портрет К.А. Батюшкина не был известен. Данная фотография была представлена широкой публике 25 октября 2017 г. на пленарном заседании II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие».

Поясним семейную связь Г.Г. Коршунковой с омским родом Батюшкиных. Младший сын К.А. Батюшкина, Алексей Капитонович, в 1936 г. женился на Елизавете Андреевне Предтеченской – дочери революционера-подпольщика, советского деятеля Андрея Николаевича Предтеченского (1879–1920 гг.). У Е.А. Предтеченской была родная сестра Ольга, которая приходилась матерью Г.Г. Коршунковой. Алексей Капитонович и Елизавета Андреевна Батюшкины проживали в Барнауле, их брак был бездетным [21, с. 269]. Галина Георгиевна родилась 26 сентября 1939 г. в Новосибирске [22, с. 6]. Ее отец, Георгий Сергеевич Васильев, погиб на фронте Великой Отечественной войны. Овдовевшей Ольге Андреевне, оставшейся с двумя малолетними детьми, Валерием и Галиной, пришлось очень нелегко: из-за проблем со здоровьем она не могла полноценно работать и вынужденно ушла на пенсию по инвалидности [22, с. 7]. В связи с этим супруги Батюшкины принимали участие в воспитании своих племянников. В памяти Галины Георгиевны и ее брата Валерия они навсегда остались в памяти в качестве вторых родителей.

В декабре 2017 г. состоялась служебная командировка автора статьи в город Железногорск. После двух с половиной суток, проведенных в дороге, в ночь на 13 декабря, автору удалось встретиться с Галиной Георгиевной. Ею в фонды Исторического архива Омской области в качестве дара были переданы документы (главным образом, связанные с биографией Алексея Капитоновича Батюшкина), фотографии и предметы бытового обихода, принадлежащие семье Батюшкиных. Среди них – статуэтка в форме собаки, принадлежащая К.А. Батюшкину, графин и пудреница Е.Г. Батюшкиной, вилтрола «Columbia» А.К. Батюшкина, музыкальные пластинки 1920–1930 гг. и др.

За весомый личный вклад в сохранение архивного наследия, связанного с историей Омской области, Г.Г. Коршункова была отмечена Благодарственным письмом Министерства культуры Омской области.

Для автора статьи была организована экскурсия на знаменитый Михайловский рудник и в Железногорский краеведческий музей. 14 декабря автору статьи была предоставлена возможность выступить в муниципальном образовательном учреждении дополнительного образования «Художественная школа народных промыслов “Артель”». Это оказалось возможным благодаря приглашению директора «Артели» Натальи Ивановны Чепелевой. Экскурсию по школе провел ее основатель, почетный работник культуры и искусства Курской области, член-корреспондент Международной академии образования, член Союза художников России, народный мастер России Леонид Михайлович Мартыненко.

В своем выступлении автор статьи осветил различные вопросы. Большое внимание было уделено истории дома Батюшкиных, деятельности Центра изучения истории Гражданской войны. Было сказано и об особенностях омской истории в военно-революционный период, подчеркнуты нюансы жизни сибирских городов и признанную рядом историков неравномерность трансформации власти в регионе [23, с. 10]. Во время доклада были оговорены и особенности восприятия причин революции в России, активно обсуждаемые современными историками [24, с. 12]. Важное внимание докладчик уделил спорным вопросам истории Гражданской войны, наличию немалого количества мифов о военно-революционном периоде [15]. Конечно, автор статьи попытался передать публике споры, довольно часто возникающие в омском историческом сообществе по поводу фигуры А. В. Колчака и белого Омска, его оценках, современном восприятии в широких массах, о чём неоднократно продолжают упоминать исследователи [25, с. 39–71; 26, с. 7; 27, с. 184–186]. Публика приняла выступление с благодарностью. После последовали содержательные вопросы о специфике истории революции и Гражданской войны в Сибири.

Необходимо отметить, что Галина Георгиевна с одинаковым уважением и трепетом относится ко всем ветвям своего генеалогического древа: Батюшкиным и Предтеченским. На встречах, она рассказывает и о деятельности А.Н. Предтеченского. По специальности он был бухгалтером, что касается общественно-политической жизни, то он связал ее с революционным движением (участвовал в нем с 1905 г.). В 1900 г. женился на Анне Владимировне Машуковой. 4 ноября 1910 г. в Новониколаевске в семье Предтеченских родилась дочь Елизавета Андреевна [28, л. 9]. Всего у Андрея и Анны было восемь детей. Один раз в их доме даже произошел обыск, но сотрудники жандармерии ничего не нашли, все закончилось благополучно. В 1915 г. А.Н. Предтеченский был призван в армию, служил в должности писаря, а далее участвовал в революции и Гражданской войне. В 1920 г. он становится председателем городского ревкома Колывани (на тот момент город в Новониколаевском уезде). Во время антисоветского восстания в Колывани в июле 1920 г. был взят в плен. Повстанцы подвергли его страшным пыткам и долгим, мучительным истязаниям. Жизнь Андрей Николаевича оборвалась у Подгорнского оврага, где он был убит.

Его имя присутствует на памятнике сторонникам советской власти, погибших во время Колыванского восстания. Как отмечает новосибирский историк В.И. Шишкин, советская историография часто преувеличивала значение белогвардейского руководства повстанческим движением. Но им же было указано, что в Колыванском восстании относительно много бывших колчаковских офицеров и служащих оказались на первых ролях [29, с. 130]. Таким образом, можно предположить, что в страшной расправе над Андреем Николаевичем участвовали и офицеры белой армии. Важно отметить, что А.Н. Предтеченский является реальным прототипом (под собственным именем) одного из героев художественного произведения Г.А. Лосева «Сибирская Вандея», изданной в 1967 г.

Результаты исследования. Таким образом, при значительной поддержке Г.Г. Коршунковой жителям города Железногорска был представлен обзор научной и экспозиционной деятельности омских архивистов. В результате командировки было осуществлено крупное фондовое пополнение Исторического архива Омской области. Полученные в дар документы, фотографии и предметы вошли в состав архивного фонда «Коллекция документов по истории омского рода Батюшкиных», созданного в марте 2017 г. по копийным материалам, выявленным в фондах российских государственных (федеральных, региональных) и ведомственных архивов [30]. Полученные документы легли в основу историко-документального выставочного проекта «Дом Батюшкиных и окрестности», презентованного публике 21 декабря 2018 г. в Центре изучения истории Гражданской войны [31, с. 133].

Также, особенно важно для локальной истории, все собранные за 2012–2019 гг. источники, повествующие о прошлом семьи, легендарной для города на Иртыше, стали основой для готовящейся в настоящее время Историческим архивом Омской области иллюстрированной монографии с рабочим названием «История омского рода Батюшкиных». Издание книги запланировано на 2020 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М.И. Эсер на службе у Колчака: Управляющий Ирбитским уездом в 1918–1919 годах М.А. Аتماкин // Россия. XXI. 2013. № 5. С. 134–161.
2. Сушко А.В., Петин Д.И. Чекист, железнодорожник, архитектор Петр Петрович Зутис // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 923–938. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-923-938.
3. Петин Д.И. Петр Иванович Мозер: жизненный путь француза на русской службе // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 211–236.
4. Петин Д.И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
5. Бадиков Р.А. Г.Х. Эйхе: опыт исследования детских и юношеских лет жизни красного командарма // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 84–92.
6. Кравцева Н.А. Воспоминания бывшего ученика культур-технического отделения Омского среднего сельскохозяйственного училища Назаренко Василия Васильевича периода 1916–1918 годов как исторический источник // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. №4 (11) октябрь – декабрь // URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2017/4/00470.pdf>. (дата обращения: 10.09.2019).
7. Сушко А.В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.
8. Петин Д.И. Николай Рогозин: офицер-деникинец в условиях Советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.
9. Петин Д.И. Генерал-майор А.М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 386–396.
10. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 168–182. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.3. 168-182.
11. Новиков С.В. Гайда Радола и чехи. Из истории контрреволюции и Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 15–20. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-15-20.
12. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073. DOI: 10.21638/11701/srbu24.2018.419
13. Кротова М.В. Иван Андрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71.
14. Лосунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 211 с.
15. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

16. Чекалина Л.А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
17. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции / Под ред. Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. Омск, 2013. С. 161–173.
18. Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: ОмГПУ, 2013. 392 с.
19. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 г.); под ред. Д.И. Петина. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.
20. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
21. Петин Д.И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 25–26 октября 2017 г. / [редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) и др.]. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271.
22. Коршункова Г.Г. Вечерняя отрада. Железногорск, 2003. 55 с.
23. Кокоулин В.Г. Трансформация власти в Западной Сибири в 1917 г. // Интерэкспо. 2018. № 6. С. 3–11.
24. Сушко А.В. «Русская» VS «социалистическая»: к вопросу об определении характера революции в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 9–12.
25. Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск, ООО «Офсет-ТМ», 2017. 528 с.
26. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5-9. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9.
27. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.
28. ГИАОО. Ф. Р-3734. Оп. 1. Д. 29.
29. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С.121–139.
30. ГИАОО. Ф. Р-3734. Оп. 1. Д. 27-36.
31. Терешина Н.Н., Петин Д.И., Стельмак М.М., Пшеничная О.В. Архивы представляют // Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 132–134.

В. А. СУХОВЕЦКИЙ

Омская духовная семинария Омской Епархии Русской Православной Церкви,
Омск, Россия

**МОЩИ СЯТИТЕЛЯ СИЛЬВЕСТРА ОМСКОГО
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Аннотация: Публикация посвящена вопросу исследования святых мощей (останков) архиепископа Сильвестра (Ольшевского). После обнаружения захоронения в 2005 г. Следственное управление Следственного комитета России по Омской области возбудило уголовное дело по статье 105 УК РФ «умышленное причинение смерти другому человеку». Автор, опираясь на анализ доступных следственных источников, подчеркивает тезис о том, что именно прижизненные тяжкие телесные повреждения стали причиной смерти омского владыки.

Ключевые слова: архиепископ Сильвестр (Ольшевский), акт осмотра трупа, судмедэкспертиза, Русская Православная Церковь, Омск, Гражданская война в России, белое движение, советская власть, репрессии.

Постановка проблемы. 10 марта (26 февраля по старому стилю) 1920 г. в Омске при невыясненных обстоятельствах был убит Сильвестр (Ольшевский) архиепископ Омский и Павлодарский [1, с. 692]. Церковное предание сохранило подробности гибели мученика. «Прибив руки гвоздями к полу и таким образом распяв, безбожники раскаленными шомполами прижигали тело, а затем раскаленным докрасна шомполом пронзили сердце» [2, с. 216]. В ноябре 1998 г. он был причислен к лику святых как местночтимый святой. На юбилейном Соборе Русской Православной Церкви 2000 г. омский владыка был прославлен для общецерковного почитания.

В июле 2005 г. во время проведения раскопок на месте Успенского собора в Омске обнаружили захоронение архиепископа Сильвестра (Ольшевского). В процессе следственных мероприятий было сделано заключение о насильственной смерти святителя. Однако в то время управляющий Омской епархией митрополит Феодосий (Процюк) не дал благословение на публикацию подробностей открывшихся обстоятельств смерти архиепископа Сильвестра.

В 2014 г. сотрудник Исторического архива Омской области М.Ф. Панина опубликовала статью, в которой опровергает мученическую кончину владыки [3]. Данная публикация благодаря интернету вызвала волну эмоциональных поступков, как со стороны верующих, так и ученого сообщества.

18 мая 2018 г. Патриарх Кирилл своей резолюцией сменил именование архиепископа Сильвестра с священномученика на священноисповедника, тем самым поставив перед церковным и светским историческими сообществами вопрос о выяснении обстоятельств последних дней жизни святого.

Актуальность нашего исследования состоит в стремлении донести до интересующихся полноту свидетельства самих останков по данному вопросу.

Основная часть. При проведении археологических работ на территории бывшего Успенского собора города Омска было обнаружено захоронение архиерея.

Сотрудниками Управления внутренних дел № 2 Центрального административного округа города Омска сведения о найденном скелете были зарегистрированы в Книге учета

сообщений о преступлениях, после чего следователями прокуратуры Центрального административного округа города Омска была начата доследственная проверка. 21 июля 2005 г. останки были отправлены в омское Бюро судебно-медицинской экспертизы. Эксперты А.В. Торба и Н.И. Хорошкина изучили данные останки. Был установлен возраст, пол, давность наступления смерти, подробно описаны скелет человека, состояние и особенности костей, телесные повреждения. При этом было указано что, более светлая окраска поверхностей переломов правой бедренной кости, отдельных краевых участков переломов костей свода черепа, переломов нижней челюсти может свидетельствовать в пользу посмертного их формирования, по завершению скелетирования этих костей [4]. По времени возникновения остальных повреждений специалисты предпочли не высказываться.

***Основные повреждения костей
указанные в акте 3922 от 25 июля 2005 г.***

На своде черепа имеются две группы переломов. Перелом левой теменной кости сформировался при ударном травматическом воздействии в эту область головы тупым твердым предметом при целости костей свода черепа, т.е. *до формирования остальных переломов* костей свода черепа, *при наличии в этом участке мягких тканей и общей целости костей свода черепа.*

Повреждения в виде краевых переломов в теменно-височных областях представленного фрагмента костей свода черепа сформировались вследствие травматического воздействия твердого тупого предмета (предметов) на эти области головы. Окраска костной ткани в этих участках более светлая, по сравнению с окраской поверхности остальных костей на неповрежденных участках. Как указывают специалисты, данный перелом возник после скелетизации останков.

Кости лицевого отдела и основания черепа практически полностью отсутствуют, за исключением множественных (более 30) мелких костных осколков.

Вертикальный перелом правой дуги нижней челюсти. Поверхность излома неровная, зернистого вида, не различима по окраске с окружающей костью. Имеется перелом мышцевого отростка левой нижнечелюстной дуги на уровне его основания с аналогичными свойствами краев и излома (имеются зоны более светлого цвета, перелом более поздний).

Полное отсутствие верхней челюсти, от которой сохранился только один коренной зуб. *Отсутствует* 1-й шейный позвонок, при полной сохранности всех других позвонков. Надостистая связка оссифицирована на протяжении от уровня 1-го грудного, до 8-го грудного позвонка, по плотности и внешнему виду неотличима от поверхности позвонков.

На теле грудины, на уровне реберных вырезок 5-х ребер, обнаружен *дырчато-фрагментарный* перелом, сформировавшийся в результате воздействия удлиненного колющего предмета четырехгранного сечения. Окраска излома одинакова с окраской поверхности кости.

На представленных ребрах имеются переломы: 5-го ребра слева по среднеключичной линии, 11-го ребра слева по передней подмышечной линии, 8-го слева по среднеключичной линии, 12-е ребро справа представлено костным отломком, свободный конец которого на уровне средней подмышечной линии. Окраска поверхностей переломов одинакова с окраской поверхностей ребер.

На обеих руках в верхней трети лучевых костей обнаружены косо-поперечные линейные переломы. Поверхность излома мелкозернистого вида, практически неотличима по окраске от поверхности кости.

Кости таза. В области седалищного бугра левой седалищной кости на нижней поверхности имеется обширный дефект компактного вещества с частичным разрушением под-

лежащих слоев губчатого вещества; дефект неправильной овальной формы размерами 4,2×7,0 см.

Копчик отсутствует на уровне 5-го крестцового позвонка, поверхность излома светло-коричневого цвета, имеет более светлую окраску, в сравнении с поверхностью окружающей кости и отнесен к более поздним по времени появлением переломам.

Правая большеберцовая кость имеет оскольчатый перелом диафиза на границе низшей и средней третей с образованием костного осколка неправильной вытянутой овально-клиновидной формы. Окраска поверхностей переломов практически неотличима по цвету от окраски поверхности костей.

Повреждение грудины

Повреждение является колотым, нанесено в направлении спереди назад, несколько сверху вниз под углом 50 градусов, и слева направо относительно передней поверхности тела человека. В процессе причинения этого повреждения произошло расклинивание и разрыв костной ткани тела грудины и проникновением воздействовавшего колющего предмета в полость грудной клетки на значительную глубину от 10 до 15 см. Согласно заключению экспертов удар нанесен *четырёхгранным игольчатым штыком* винтовки образца 1891 г. [5].

Повреждения конечностей

Специфика методики поведенного исследования останков привела к потере мягких тканей. В результате кости лишены связующих тканей распались по переломам, скрыв от экспертов наличие проникающих колющих повреждений рук и ног, что, однако было частично зафиксировано на снимках фотофиксации раскопок. Один из участников свидетельствует, что руки и ноги усопшего имели сквозные проникающие отверстия, в которые свободно проходил карандаш [6, с. 3]. Предположительно это места, через которые конечности владыки были прибиты к поверхности. В подтверждение нашей версии имеется три (!) перелома схожих по форме – 2 на лучевых костях рук и на правой большеберцовой кости.

Повреждения ребер

Имеется две группы переломов. Сломаны два ребра слева по среднеключичной линии, что характерно для удара спереди твердым предметом стоящему человеку. Другая группа, переломы 12-го ребра справа и 11-го ребра слева по передней подмышечной линии, возникла в результате удара сбоку, что не могло произойти, когда тело уже находилось в гробу.

Заключение следователя

По результатам доследственной проверки было возбуждено уголовное дело № 812583 по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ («умышленное причинение смерти другому человеку», максимальное наказание до 15 лет заключения). 3 октября 2005 г. были проведены медико-судебная криминалистическая экспертиза (заключение эксперта № 2161 от 19 октября 2005 г.), историко-культурная экспертиза найденных останков и сопутствующих предметов (заключение комиссии экспертов от 14 ноября 2005 г.), в результате чего было установлено, что найденные останки принадлежат Сильвестру, архиепископу Омскому и Павлодарскому (И.Л. Ольшевскому). После совершения всех процессуальных действий старший следователь Отдела по расследованию ОВД Прокуратуры Омской области юрист 2 класса И.В. Левашев постановил прекратить уголовное дело по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК (истечение сроков давности уголовного преследования) [7, с. 3]. После событий ставших причиной смерти архиепископа Сильвестра на момент расследования прошло более 50 лет. Но следует иметь в виду, что доступ к материалам уголовного дела до сих пор является ограниченным, в силу чего исследователи не имеют полного доступа с ним.

Механизм причинения телесных повреждений

В настоящий момент, анализируя описательную часть вышеуказанного акта, можно сделать предварительные выводы о механизме причинения вышеуказанных телесных повреждений. Первые удары могли быть нанесены, когда погибший находился в вертикальном положении тела, лицом к нападавшему (сломаны два ребра слева по среднеключичной линии, повреждения могли быть причинены сжатой в кулак рукой, прикладом винтовки и т.п.). Затем потерпевший упал на пол и ему уже в лежачем положении были нанесены множественные удары, предположительно обутыми ногами, в результате чего сломаны два ребра по подмышечным линиям, кости таза и пр. Затем погибший был пригвожден к полу неустановленными предметами, о чем свидетельствуют повреждения на лучевых костях рук и на правой большеберцовой кости, нанесен удар в область верхней челюсти и после чего был нанесен смертельный удар штыком через грудину. Возможно, впоследствии голова была отделена от туловища, поскольку отсутствует 1-й шейный позвонок [8].

Результаты исследования. Таким образом, анализ уже имеющихся экспертиз и актов исследования, приводит нас к тому выводу, что сам факт наличия вышеуказанных повреждений на теле полностью опровергает официальную версию о том, что архиепископ Сильвестр скончался в спокойной обстановке.

Существует две группы телесных повреждений на теле владыки. Первая группа – самая многочисленная – включает в себя переломы костей, которые отличает наличие темной окраски поверхности слома костей, что свидетельствует о затекании в рану крови, что возможно при жизни или сразу после смерти убитого. В данную группу входят, в том числе повреждения не совместимые с жизнью. Вторая – малочисленная группа повреждений – характеризуется светлой окраской переломов костей и свидетельствует об их появлении после скелетизации трупа. Это вполне согласуется с взрывными работами по сносу Успенского собора в 1935 г. Протоколирование процесса раскопок и расчистки захоронения позволило без труда установить, какие повреждения останков произошли во время подрыва собора, в том числе, с учетом попавших в гроб при взрыве камней.

На данный момент можно констатировать, что святые мощи святителя Сильвестра несут на себе подтверждение основных моментов церковного предания о мученической кончине. При этом совершенно не исключается, что архиепископ Сильвестр мог в тоже время страдать от онкологического заболевания [3, с. 126; 9, л. 96], что даже еще усугубляет подвиг человека, не сломившегося от пыток. Выскажем также мнение, что, возможно, именно смерть архиепископа Сильвестра станет первым свидетельством применения пыток сотрудниками СибЧК в Омске [10, с. 333]. Также необходимо отметить важность изучения биографий священнослужителей в 1920–1930-е гг., подвергавшихся репрессиям со стороны властей [11, с. 8].

Наше исследование не несет заверщенного характера, в том числе, по причине отсутствия полного доступа к материалам уголовного дела № 812583. Высказываем надежду, что Следственный комитет РФ найдет возможность снять ограничительный гриф с материалов данного дела. После чего станет возможной постановка вопроса о дополнительных экспертизах, таких как обнаружение следов металла на переломах конечностей, обнаружение следом резаных ран на надостистой связке, поиска следов возможных онкологических заболеваний и ряда других.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Православная энциклопедия. Том LII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» 2018. 752 с.
2. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль. Тверь: Булат, 2005. 558 с.

3. Панина М.Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 19. Омск, 2014. С. 123–126.
4. Акт (судебно-медицинского исследования трупа) 3922 от 25 июля 2005 г. Омск.
5. Акт судебно-медицинского исследования № 285 от 21 сентября 2005 г. Омск.
6. Скандаков И.Е. Воспоминания. Омск, 2019.
7. Постановление Прокуратуры Омской области о прекращении уголовного дела от 3 декабря 2005 г. Омск.
8. Рождественский С.В. О кончине Сильвестра Омского. Омск. 2018.
9. ГИАОО. Ф. Р–580. Оп. 3. Д. 48.
10. Сушко А.В. К вопросу о последних днях жизни архиепископа Сильвестра (Ольшевского) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25-26 октября 2017 г. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 328–335.
11. Сушко А.В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В.Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. №. 3. С. 5–8.

А. В. ТАГИЛЬЦЕВА

Военно-исторический клуб «43-й Сибирский стрелковый полк», Тюмень, Россия

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ СЕМЬИ ОФИЦЕРА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА ЗОЩЕНКО

Аннотация: В данном исследовании сквозь призму военно-антропологического видения на основе ранее не публиковавшихся источников, выявленных автором и впервые вводимых в научный оборот, представлена реконструкция биографии кадровых офицеров, участников Русско-Японской, Первой мировой и Гражданской войн, Александра, Алексея и Георгия Зощенко.

Ключевые слова: офицерство, Русско-Японская война, Первая мировая война, Тобольск, Гражданская война, Омск, военная антропология, практическая генеалогия.

Гордости Отчества, русским офицерам посвящается...

Постановка проблемы. Историко-биографические сюжеты, связанные с участниками Первой мировой войны, Революции 1917 г. и последовавших событий приобретают высокую актуальность среди историков [1, с. 46]. Это связано с выходом научных исследований на междисциплинарное военно-антропологическое видение, ставящее во главу угла личность и взгляды человека, а также условия обуславливающие поведение «человека воюющего» – на войне или в армейской действительности [2; 3].

Вниманию читателя мы предлагаем исторический обзор судеб Александра, Алексея и Георгия Зощенко – блестящих русских офицеров, чьи жизненные дороги, навсегда разошлись в 1919 г. Обстоятельства не только разделили родных людей по разные стороны противостояния на «белых» и «красных», но и разметали географически от Омска до Харбина. История семьи Зощенко – яркий пример того, как перипетии Гражданской войны отразились на судьбах её современников.

Изучение семейной истории русского офицера Алексея Петровича Зощенко – часть большой работы по исследованию судеб офицеров 9-го Тобольского пехотного Сибирского полка, который в ходе армейских реформ в 1910 г. был преобразован в 43-й Сибирский стрелковый полк [4, р. 1193]. Три брата – Александр, Алексей и Георгий в разное время служили в этом воинском соединении. Алексей Петрович провёл в Тобольске всего три года (1898–1901 гг.) [5, л. 5.], но именно его история отражена в документах, хранящихся в государственных и ведомственных архивах на территории Омского региона, наиболее полно. А благодаря им удалось пролить свет и на судьбу его братьев. Таким образом, Алексей Петрович стал ключевой фигурой нашего исследования.

При создании статьи автором активно использовались документы органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ по особому учету бывших белых офицеров, анкеты и автобиография, составленные Алексеем Зощенко (в 1923–1926 гг.). Документы эти хранятся в Историческом архиве Омской области и архиве УФСБ России по Омской области, дело о назначении ему пенсии, как инвалиду Русско-японской войны, а также материалы Государственного архива в городе Тобольске, послужной список и журналы боевых действий 42-го и 43-го Сибирских стрелковых полков из фондов РГВИА.

Основная часть. В семье Петра Николаевича Зощенко было четыре сына, трое из них посвятили свою жизнь военной службе. Вообще, офицерские династии и сегодня не редкость для русской армии. Очевидно, эта профессия накладывает какой-то особенный отпечаток

на семейный уклад и мировоззрение в целом, который дети перенимают от отцов. Впрочем, и сам Петр Николаевич не был любителем тихой и спокойной жизни. Он служил телеграфным служащим [5, л. 1], и семье Зоценко, очевидно, приходилось не раз переезжать. Старший сын Алексей родился в городе Канске Енисейской губернии (сегодня – Красноярский край) 11 февраля 1867 г. [6, л. 89.]. Через год – 15 ноября 1868 г. – на свет появился второй сын Александр. В переписном листе Всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. в Тобольске местом его рождения указан г. Хабаровск, Приморской губернии [7, л. 30об.]. Место рождения младшего сына Георгия 11 апреля 1875 г. установить не удалось. В краткой информации, представленной в списке по старшинству офицеров 43-го Сибирского стрелкового полка на 1914 г., указано: «из потомственных дворян Полтавской губернии» [8, л. 9об.].

Мальчики получили достойное по меркам времени образование – в Сибирском кадетском корпусе в Омске; а после его окончания продолжили обучение военной профессии во 2-м военном Константиновском училище в Санкт-Петербурге [8, л. 3об.]. В 1887 г. Алексей был выпущен поручиком в 8-й Западно-Сибирский линейный батальон, расквартированный в городе Верном Семиреченской губернии (сегодня Алма-Ата, Казахстан), а через пять лет перевелся в Тобольский резервный батальон, где с 1889 г. служил и Александр Петрович Зоценко.

Карьера Алексея Петровича складывалась довольно успешно. В 1897 г. он произведен в штабс-капитаны за отличие (старшинство 15 марта 1897 г.), еще 3 года спустя – в капитаны (старшинство 6 мая 1900 г.). В Тобольске у Алексея Петровича родились дочь Нина (1898 г.), сыновья Владимир (1900 г.) и Алексей (1901 г.) [6, л. 88об.]. О благосостоянии семьи Зоценко в тот момент можно судить по переписному листу его младшего брата Александра – 28-летний офицер мог позволить себе не только проживать в отдельном доме по ул. Рождественской с женой и двумя детьми, но и содержать прислугу – горничную, кухарку, денщика и няню [7, л. 30об.].

В 1901 г. Алексея Петровича переводят на службу в 10-й Омский пехотный Сибирский полк в Омск. Сюда же после окончания Александровского юнкерского училища [7, л. 9об.] из Москвы прибывает самый младший из братьев Георгий Петрович Зоценко. Вообще, в Русской императорской армии была традиция выпускать новоявленного офицера в полк, где уже служат его старшие родственники – отец, дядья, братья. В составе 10-го Омского пехотного полка оба брата отправляются на Русско-японскую войну. Александр в этой военной компании не участвовал [8, л. 3об.].

События 1904–1905 гг. на востоке России становятся первым серьезным испытанием для семьи Зоценко. Здесь Алексей Петрович получает тяжелое ранение и контузию. Возможно, не одну, потому что дата рокового ранения в разных источниках отличается. Так, в анкете бывшего белого офицера в 1923 г. он пишет, что 30 сентября 1905 г. «получил ранение в правую руку и голову и на 90% потерял всякую дееспособность» [5, л. 5]. В деле же о назначении пенсии Зоценко как инвалиду Русской-японской войны в 1924 г., указано, что он получил контузию 18 июня 1904 г. («ушиблен землею окопа, в который ударила граната») [9, л. 9]. Так или иначе, 35-летний капитан, вернувшись в Омск, после лечения был причислен ко второму классу Александровского комитета (иными словами, был признан негодным к строевой службе).

Александровский комитет о раненых – особая тема в русской военной истории. Образованный ещё во времена правления императора Александра I, комитет заботился о русских воинах (офицерах и нижних чинах), получивших тяжелые ранения во время боевых действий. Сначала к ним относились только участники Отечественной войны 1812–1814 гг., но с каждым городом круг опекаемых расширялся. Непременным условием для принятия в покровительство Александровского комитета было не только ранение, но и отсутствие у пострадавшего материального обеспечения для того, чтобы содержать себя и свою семью

[10, с. 97]. Иными словами, офицеры, оставшиеся без средств к существованию и не имеющие возможности продолжать службу из-за ранения, могли рассчитывать на поддержку этого фонда. 26 декабря 1832 г. в Комитете были приняты «Правила в руководстве медиков при освидетельствовании раненых воинских чинов и определении класса, к коему следует причислить их по степени полученных ими ран» [10, с. 96]. Согласно этому руководству, раненые делились на три класса: первый класс составляли те, кто получил увечье, второй и третий – тяжело и посредственно раненные.

Поскольку Александровский комитет существовал в большей степени на частные пожертвования, забота о воинах не ограничивалась одной только пенсией. Напротив, активно применялись меры, направленные на то, чтобы максимально адаптировать пострадавшего к жизни после войны и создать условия, в которых он сможет обеспечить себя и своё семейство самостоятельно. В частности, широко практиковалось содействие при «устройстве на должность» – нестроевую в армию, либо на гражданскую должность для офицеров не выше генеральского чина. Алексей Петрович помощью Комитета воспользовался.

В анкете 1923 г. Алексей Петрович указывает, что в 1905 г. после излечения получил должность капитана Мариинской уездной военной бригады. Эта структура выполняла фактически те же функции, что сегодня отведены внутренним войскам. Не имея ничего общего с полицией, тем не менее, воинская бригада участвовала, например, в наведении общественного порядка при большом скоплении людей и сопровождении арестантских колон. Блестящая карьера офицера Зоценко-старшего оборвалась на взлете. Его ратный труд в Русско-японскую войну был отмечен орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 2-й степени с мечами.

В 1909 г. Алексей Зоценко получил новую должность – был назначен дежурным штаб-офицером в Омскую местную бригаду. Ещё через год – в 1910 г. – 10-й Омский пехотный и 9-й Тобольский пехотные полки были объединены в 43-й Сибирский стрелковый полк с дислокацией в Омске [4, р. 1193]. В 1911 г. батальоны 9-го Тобольского пехотного полка из Тюмени перевели в столицу округа, а вместе с ними в город возвращаются Александр Петрович Зоценко в чине подполковника (старшинство от 26 февраля 1910 г. [8, л. 3 об.]) и капитан этого же полка Георгий Петрович Зоценко, герой минувшей военной кампании.

За участие в Русско-Японской войне младший из братьев получил три ордена – Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и 3-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом – все в 1904 г. [8, л. 9об.]. О его переводе в Тобольский полк узнаем из «Памятной книги Тобольской губернии за 1911 год»: в списке офицеров 43 ССП, проживающих в Тюмени, числился и капитан Зоценко.

Итак, семья в сборе. Последние мирные годы прошли без происшествий. Подрастали дети, у Александра Петровича их было шестеро – три сына и три дочери. Старший – Глеб Александрович – выбирал семейную профессию, учился в Сибирском кадетском корпусе. У Алексея Петровича мир и спокойствие в семье, он отмечен начальством. За отличие в службе в 1910 г. он произведен в подполковники, (старшинство 26 февраля 1910 г.), а в 1914 г. – в полковники (старшинство 6 мая 1914 г.), 22 сентября 1911 г. награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Георгий Зоценко счастливо женат, воспитывает дочь и сына.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну Российской Империи, и уже в начале сентября 43-й Сибирский стрелковый полк первым из полков Омского гарнизона отправился на Великую войну. Дальнейшую судьбу Александра и Георгия Зоценко позволяют отследить, хоть и в недостаточной степени, журналы боевых действий и документы о награждении. Известно, что в 1915 г. Александр Петрович был произведен в полковники за отличия в делах (старшинство 20 февраля 1915 г.), а с 24 февраля 1916 г. в том же чине назначен командиром 42-го Сибирского стрелкового полка, входившего в состав той же 11-й Сибирской стрелковой дивизии. Он занимал эту должность до 28 февраля 1917 г. Именно этим числом датиро-

вана последняя запись в журнале боевых действий с подписью командира полка Зощенко («28 февраля. Спокойно. В кв. О-24 около 25 немцев рыли окопы или ходы сообщений. Ранено 4 стрелка. Новая гать близится к окончанию») [11, л. 17об.].

Георгий Петрович прошёл всю войну в составе 43-го Сибирского стрелкового полка. Известно, что за отличие в делах он был произведен в подполковники и Высочайшим приказом от 18 сентября 1915 г. награжден Георгиевским оружием [12]. Иных сведений о нем найти не удалось. В «Картотеке Бюро по учету потерь на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг.» в РГВИА подполковник Зощенко не значится, поэтому позволительно сделать предположение, что до 1918 г. он был жив.

Старший из братьев – Алексей Петрович до конца Первой мировой служил в той же должности в Омской местной бригаде. На основании Высочайшего приказа 18 июля 1915 г. он был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. После установления в Омске советской власти рамках роспуска большевиками старой армии был уволен. С приходом антибольшевистских сил 7 июня 1918 г. в Омске объявили мобилизацию в белую армию. Под призыв попадает и Алексей Зощенко как не достигший пенсионного возраста 55 лет. Его определили на нестроевую должность – в канцелярию штаба [5, л. 1].

В виртуальной картотеке РИА1914 (ria1914.info) есть сведения о том, что на стороне белых воевали все три брата Зощенко. Причем Александр Петрович, получив чин генерал-майора, занимал высокий пост. По данным указанного сетевого справочника, Александр Петрович Зощенко на 5 марта 1919 г. состоял начальником 3-й кадровой дивизии Омского военного округа, на 6 марта 1919 г. командовал 2-й Степной Сибирской кадровой дивизией, на 3 мая 1919 г. – начальником гарнизона Новониколаевска. Участвовал в Сибирском Ледяном походе. С 1920 г. был генералом для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса, с 16 октября 1921 г. – генерал для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства. В октябре 1922 г. при эвакуации Приморья – глава всех семейных групп во Владивостоке. Последний воинский чин – генерал-лейтенант. В эмиграции в Харбине, где умер 16 декабря 1936 г.

В ноябре 1919 г. Алексей Зощенко из Новониколаевска уйти не успел, попал в плен красным. Он пишет в анкете 1923 г.: «Участвовал в эвакуации канцелярии штаба в Новониколаевске 14 декабря 1919 г. После эвакуации остался в городе, как инвалид Русско-японской войны, потерявший трудоспособность на 90%. 15 декабря 1919 г. сам явился к коменданту Новониколаевска на регистрацию бывших белых офицеров согласно его приказу» [6, л. 88об.]. Алексей Петрович при этом особо отмечал, что как негодный к строевой службе в боях в белой армии участия не принимал [6, л. 88об.].

После регистрации ему было дозволено вернуться в Омск, где 20 января 1920 г. он призывается на службу в РККА. Учитывая большой опыт ведения документации, солидный послужной список и тот факт, что в боевых действиях Зощенко не участвовал, его назначают начальником мобилизационного отделения Томского губернского военкомата, где он прослужил до 6 августа 1921 г. [6, л. 89об.]. В архиве УФСБ России по Омской области хранятся отзывы руководства военкомата о работе Алексея Петровича: «За время службы в губвоенкомате товарищ Зощенко проявил много инициативы и энергии в своей работе, был очень полезным и безупречным работником, ни в чем предосудительном замечен не был. Уволен со службы по собственному желанию, достигнув предельного возраста, по приказу Пятой Краснознаменной армии № 113» [5, л. 4]. Кстати, в анкете же находим единственное упоминание о брате: «Брат Александр, белый офицер, где находится, сведений не имею. По слухам проживает в Китае или Японии» [5, л. 4]. И ни слова о втором брате – Георгии.

Следующий важный документ датирован 1924 г. – это список бывших белых офицеров, снятых с особого учета Омским окружным отделом ОГПУ [13, л. 5], в нем есть имя Алексея Петровича Зощенко. 2 июня того же года в омском губернском отделе социального обеспечения открыто «Дело о назначении пенсии инвалиду 2 группы Алексею Зощенко». Из него

узнаем, что пенсионер проживает на Октябрьской улице, д. 87 со своей женой Марией Федоровной (не служащей) и сыном Владимиром 24 лет, состоящим счетчиком в Омском губернском статистическом бюро. На иждивении Зощенко имеет племянника – студента ветеринарного техникума Георгия Зощенко шестнадцати лет [9, л. 9]. Очевидно, имеется в виду Георгий Александрович Зощенко, самый младший сын Александра Петровича, родившийся в 1909 г., заботу о котором Алексей Петрович взял на себя в отсутствии отца. Кстати, ходатайство Зощенко о начислении пенсии было удовлетворено: с 1 июня 1924 г. ему определено пособие в размере 10 рублей.

В том же деле есть интересный документ – выписка из протокола заседания окружной комиссии по назначению пенсий и пособий от 5 февраля 1927 г. [9, л. 1]. В ней сказано, что инвалид Зощенко, оказывается, имеет неучтенный «доход от дома до 10 рублей». На этом основании решено приостановить выплату пенсии с правом обжаловать решение в суде. Семья Алексея Петровича в этот момент состоит из трех человек – с ним проживают жена и племянница пятнадцати лет (вероятно, со стороны жены).

В 1930-е гг. отношение к бывшим офицерам и военным чиновникам со стороны советской власти сильно изменилось и не в лучшую сторону. Во второй половине 1920-х гг. многие из них были лишены избирательных прав [1, с. 46, 49]. Так, в списке лишенцев были и Алексей Петрович Зощенко. На 1936 г. в правах он восстановлен не был [14, л. 10]. Да и вообще над головой бывшего полковника сгустились тучи – в СССР начались массовые политические репрессии. 15 июня 1937 г. в Омске сотрудниками НКВД по сфабрикованному делу был арестован Николай Николаевич Артамонов (1872–1937), видный военный деятель дореволюционной России, генерал-майор, участник белого движения, затем военспец РККА, с 1923 г. – советский служащий. Под сильным давлением следствия Артамонов «признал» свою несуществующую вину в создании разветвленной подпольной антисоветской организации из бывших белогвардейцев, оговорив себя и многих других людей. 1 августа 1937 г. следствие закончилось, Н.Н. Артамонову было предъявлено обвинение, начались аресты. Всего по делу проходило 84 человека, главным образом, бывшие офицеры и военные чиновники старой и белой армий [15]. Жертвами репрессий тогда стал ряд представителей омской интеллигенции, за чьими плечами в досоветский период была армейская служба в статусе офицера или военного чиновника (в том числе, полковник Н.В. Бобов, генерал-майор Н.Е. Вараксин, капитан М.М. Поспеев и др.) [16, с. 142–143; 17, с. 392; 18, с. 137].

Алексея Петровича Зощенко арестовали 1 августа 1937 г. Уже 25 октября 1937 г. Тройкой при Управлении НКВД по Омской области по статье 58-10-11 УК РСФСР (антисоветская пропаганда, агитация, призыв к ослаблению советской власти, организационная деятельность по подготовки таких правонарушений) он был приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 28 октября 1937 г. и похоронен в Омске. За недоказанность обвинения Алексея Петровича Зощенко посмертно полностью реабилитировал 29 ноября 1956 г. президиум Омского областного суда [19, л. 388].

Не менее трагично служила судьба Глеба Александровича, сына Александра Петровича, старшего из братьев Зощенко. После окончания Сибирского кадетского корпуса (в 1914 г. ему исполнилось 18 лет) и школы прапорщиков, он принимал участие в Первой мировой войне в составе 313-го Балашовского пехотного полка. В 1916 г. офицера перевели в 43-й Сибирский стрелковый полк. Очевидно, в 1918 г. он был мобилизован в белую армию уже в чине штабс-капитана, о чем свидетельствует один документ. Так, в метрической книге Воскресенского военного собора города Омска имеется актовая запись о бракосочетании (даты в документе, очевидно, в церковной традиции, указаны по старому стилю): «4 июля 1918 г. венчался шт.[абс]-кап[итан]. Глеб Александрович Зощенко (22 года) и гр[аждан]-ка г.[орода] Москва Елена Николаевна Арабажи (18 лет)» [20, л. 343].

После отступления колчаковцев Г.А. Зощенко вернулся на родину – в Тобольск, где и был арестован 27 сентября 1920 г. как бывший белый офицер. Первый приговор ему был

«мягким» – «лишен права избирать и быть избранным органы Советской власти». Реабилитирован Прокуратурой г. Москвы в августе 2005 г. [21]. В поселке Джаныбек Джаныбекского района Казахской ССР старший бухгалтер Г.А. Зошенко был арестован, а 19 июня 1938 г. Тройкой УНКВД по Западно-Казахстанскому округу 2 октября того же года приговорен за контрреволюционную деятельность к высшей мере наказания. Расстрелян. Реабилитирован 26 апреля 1989 г.

Остается выяснить, что же стало с младшим из братьев Зошенко – Георгием Петровичем. Документов, напрямую связанных с его именем, пока отыскать не удалось, на учете в Омском окружном отделе ОГПУ он не состоял. Но в Историческом архиве Омской области есть личное дело Марии Георгиевны Зошенко, дочери офицера (во всяком случае, возраст совпадает с данными Георгия Петровича из списка офицеров 43-го Сибирского стрелкового полка по старшинству). В нем хранится ходатайство указанной гражданки об устройстве на работу в общество Сибавтопромторг на должность машинистки от 28 марта 1926 г. [22, л. 3]. В анкете указано, что девушка проживает с матерью Марией Михайловной Зошенко, которая находится на полном ее содержании. Далее два слова: «отец умер». Без имени. Возможно, иная информация могла бы помешать в устройстве на работу. К слову, должность Мария Георгиевна получила. Здесь же имеется отзыв управляющего Сибавтопромторга И. Литовченко от 14 мая 1927 г.: «Машинистке управляющего делами М.Г. Зошенко за добросовестное и тщательное исполнение поручаемой ей работы объявляется благодарность с занесением в трудовой список» [22, л. 9]. Действительно, добросовестность – фамильная черта Зошенко, чем бы они ни занимались.

Результаты исследования. Как сложилась судьба других членов семьи Зошенко, не связанных напрямую с военной службой, ещё предстоит выяснить. Итоги научных форумов в Омске нацеливают нас на все более тщательное исследование архивных документов (в том числе, применительно к истории Гражданской войны) [23–25]. Пока удалось установить, что в списках лиц, репрессированных в 1937–1938 гг., родственников героев нашего повествования нет. Традиция умалчивать о своих близких, пострадавших в этот период, сыграла злую шутку – уже через поколение история многих семей оказались забыта. Крупицы информации, рассеянные по разным архивным делам, конечно, не позволяют воссоздать образы этих людей в полной мере. Нет фотографий, воспоминаний, рассказов о привычках и характере – всего, что позволило бы разбавить сухие факты документального слога. Но есть память и большое желание разглядеть сквозь время этих людей в парадных армейских мундирах, когда она была ещё в своем расцвете – настоящих русских офицеров, которыми во все времена славилась Россия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 44–55.
2. Гладышев А.Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
3. Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
4. Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215. DOI: 10.17516/1997–1370–0450.
5. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 41662.
6. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 36.

7. ГАТ. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 20.
8. РГВИА. Ф. 408. Оп 1. Д. 222.
9. ГИАОО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 147.
10. Александровский комитет о раненых: исторический очерк / Под ред. генерал-лейтенанта Д.А. Скалона. СПб.: Типография поставщиков дворе ЕИВ Товарищества М.О. Вольф, 1902.
11. РГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 207.
12. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1п\с. 154-908 (1918 г.).
13. ГИАОО. Ф. Р-950. Оп. 2. Д. 6.
14. ГИАОО. Ф. Р-270. Оп. 2. Д. 16.
15. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников// Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
16. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145.
17. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
18. Петин Д.И. Генерал-майор А.М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 386–396. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.207.
19. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-5226. Т. 1.
20. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 1. Т. 2.
21. РГВА. Ф. 24389. Оп. 2. Д. 220.
22. ГИАОО. Ф. Р-509. Оп.1. Д. 231.
23. Толочко А.П., Родионов Ю.П. Осмысливая документы по истории Отечества (Омские исторические чтения в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 479–481.
24. Томилов Н.А. Исторические и социокультурные процессы в России в оценках конференции «IV Ядринцевские чтения» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1. С. 23–26.
25. Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.

В. И. ТЕТЕРИН

Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Цель исследования – изучение деятельности органов уголовного розыска Пермской губернии в условиях Гражданской войны. На основе документов Государственного архива Пермского края и Пермского музея истории полиции раскрыт ряд фактов истории, связанных с организацией и деятельностью в регионе уголовного розыска. Деятельность этой службы затронули революционные изменения, вместе с тем, сохранялась и некоторая преемственность. Большое количество следователей, многие из которых начинали карьеру в дореволюционное время, продолжали работу, как при власти красных, так и белых. Но в их деятельности появился идеологический компонент. В условиях кризиса была разрушена материальная база уголовного розыска, система подготовки кадров. Несмотря на это, руководители этого периода смогли достичь устойчивого раскрываемости преступлений и не допустить хаоса в регионе.

Ключевые слова: уголовный розыск, следственные органы, местное самоуправление, Пермская губерния, Революция 1917 г., Гражданская война, Советская власть, милиция.

Постановка проблемы. Охрана правопорядка, защита граждан является одной из важнейших задач государства. Преобразования, происходящие сегодня в области правоохранительной деятельности, и, прежде всего, реформа полиции, заставляют обращаться к историческому опыту нашего государства, который приобретает в этих условиях особое значение. Поэтому становление и развитие милиции (полиции) в России до сих пор вызывает интерес историков, юристов, краеведов.

Несмотря на высокую актуальность темы, в современной историографии до сих пор нет комплексного исследования становления системы уголовного розыска в отдельных регионах в условиях Гражданской войны. Эта тема нашла отражение лишь в отдельных статьях российских исследователей. Так, можно выделить обзорную статью В.Н. Колемасова [1], где исследователь на примере столичного региона, не вдаваясь в детали, обозначил основные вехи развития уголовного розыска в советской России. Существуют исследования по отдельным регионам – это работы И.Р. Абдулкарамова и Е.С. Артемьевой [2], С.Н. Токаревой [3], А.А. Абрамовского [4]. Авторы отмечают, что в каждой отдельной местности существовали значимые особенности формирования системы уголовного розыска. Тем интереснее проследить становление советского уголовного розыска на территории Пермской губернии – одной из самых крупных в стране, разнообразной по социальному, национальному, конфессиональному составу населения.

Целью данного исследования стало изучение деятельности органов уголовного розыска Пермской губернии в условиях Гражданской войны. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть изменения в системе уголовного розыска в период революции 1917 г.; проанализировать влияние Гражданской войны на функционирование органов уголовного розыска; выявить роль первых руководителей уголовного розыска в становлении этой системы в Пермской губернии.

Методологической основой исследования стала теория модернизации, так как именно она наиболее полно позволяет раскрыть проблемы развития и становления органов уголовного розыска в советской России. Уголовный розыск рассматривается при этом как важный элемент общей системы, оказавшейся в точке бифуркации.

Научная новизна исследования заключается в комплексном системном изучении становления органов уголовного розыска на территории Пермской губернии в первые годы советской власти. При проведении исследования был использован значительный массив архивных источников. На основе этих данных делаются выводы о месте органов уголовного розыска в системе государственных и общественных структур советской России, о роли руководителей в становлении системы уголовного розыска в Пермской губернии.

Основная часть. С первых же дней февраля 1917 г. Временное правительство приняло меры к ликвидации старой царской полиции. На местах это вылилось не просто в упразднение органов, а в разгром участков, вплоть до убийства жандармов. К сыскной полиции в народе отношение было иным, поэтому эти отделения смогли избежать печальной участи своих коллег. На место упразднённой полиции необходимо было создать новый орган правопорядка. Ещё до того, как Временное правительство выработало положение о новой милиции, комитеты общественной безопасности совместно с земством и городскими думами Пермской губернии начали самостоятельно заниматься её организацией. Уже 12 марта 1917 г. пермской общественностью обсуждался вопрос о временном штате Пермской городской милиции. КОБ и общественные организации города совместно с городским самоуправлением выработали временное положение о деятельности городской милиции. Согласно положению, в круг обязанностей милиции вводились «все непротиворечащие новому закону обязанности прежней полиции» [7, л. 3-3об.]. После создания городской милиции Городской думой был заслушан доклад начальника Пермской городской милиции, присяжного поверенного А.С. Степанова [7, л. 6-8об.]. Штат новой милиции был полностью выборным, и лишь в сыскное отделение принимались старые сотрудники.

17 апреля Временное правительство издаёт постановления «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции» [8, с. 28, 185]. Средства из государственного казначейства передавались в уездные земства и городские думы. Начальники милиции подчинялись земским и городским управам. На основе Постановления гласные губернского земства, городского самоуправления и других общественных организаций совместно выработали проект организации милиции в Пермской губернии [9, л. 30-30об.]. Важнейшей задачей, поставленной перед новой милицией, стала охрана государственного строя. И только на втором месте стояли охрана правопорядка и общественного спокойствия. Однако летом 1917 г. криминальная ситуация в Перми и ряде других городов резко обострилась. Всплеск насилия городской уголовный розыск связывал с большим количеством амнистированных и зачисленных в войска уголовных элементов. В отсутствие сильной власти на местах противостоять новым социальным катаклизмам уголовный розыск уже не мог.

В ноябре 1917 г. в губернии была установлена советская власть. Уголовная милиция с конца 1917 г. находилась под управлением ГубЧК. Новый набранный ими состав явно не соответствовал своему назначению. В условиях революционной неразберихи в милицию проникли преступные элементы, которые фактически парализовали работу Уголовного розыска. В мае 1918 г. ГубЧК провела основательную чистку аппарата Уголовного розыска. К концу месяца весь штат был распущен, а на его место было создано Бюро уголовного розыска.

1 августа 1918 г. на съезде председателей губернских советов и заведующих отделами управлений была принята резолюция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». На территории Пермской губернии окончательно сформировать органы милиции, в том числе отдел уголовного розыска, удалось только к октябрю 1918 г. Это совпало

с формированием единой системы уголовно-розыскных органов РСФСР. В губернию было прислано «Положение об организации уголовного розыска», утвержденное коллегией НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. Пермское отделение уголовного розыска начало своё существование 22 ноября 1918 г. «для охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». В 1918 г. Уголовный розыск был сформирован на основе инструкции Центрального управления Уголовного розыска. К сотрудникам предъявлялись очень высокие требования. Прежде всего, сотрудники должны были быть внимательными и ответственными, чтобы быстро реагировать на все поступающие сигналы. Все сотрудники набирались из числа выдвиженцев местных Советов и партийных комитетов. Это были бывшие рабочие, интеллигенция и т.д. Предлагалось брать на работу бывших солдат и красноармейцев, вернувшихся из плена, уволенных вследствие ранения и т.д.

Ситуация усугубилась в конце декабря 1918 г., когда началось наступление Белой армии А.В. Колчака. Независимо от служебного положения все милиционеры подлежали мобилизации. В декабре 1918 г. сотрудники уголовного розыска приняли участие в борьбе за Пермь, после чего вынуждены были отступить вместе с РККА.

После захвата Перми все органы советской власти были упразднены. Часть сотрудников уголовного розыска вынуждена была уйти в подполье. Но многим новая власть позволила продолжить работу, понимая значимость поддержания порядка в прифронтовой территории. Основной костяк уголовного розыска составляли старые полицейские чины. Отделения уголовного розыска передали в ведение начальников губернской и уездных милиций. Начальники отделений уголовного розыска назначались губернским комиссаром с разрешения прокурора окружного суда. При этом активно использовался опыт сыскных отделений царской полиции. Была даже попытка создать систему учета преступлений. Особое внимание уделялось рецидивной преступности. Ежемесячно уголовно-розыскные отделения составляли сводные данные по «особо выдающимся преступникам».

Сотрудники уголовного розыска смогли работать не только по раскрытию преступлений, но и на их предупреждение. За время работы они смогли поймать несколько шаек, только готовивших нападения. Осложняло работу сыщиков увеличение числа преступлений, совершенных военнослужащими. Военная администрация выступала на стороне своих солдат, и такие преступления не удавалось довести до суда. Очень много преступлений совершалось под прикрытием борьбы с большевизмом. Но часто под этим лозунгом скрывались лишь банальная жажда наживы или сведение счетов. Такое бессилие не могло не сказаться на общем настроении сотрудников уголовного розыска. Дополнительно на пермский уголовный розыск была возложена задача борьбы с большевистским подпольем. Это отнимало значительные силы сыщиков, при этом не способствуя налаживанию обстановки в губернии. В результате, при А.В. Колчаке наблюдался стабильный рост преступлений. При этом переполненные тюрьмы на 89% были заполнены людьми, обвиненными в государственных преступлениях [5, с. 190].

Летом 1919 г. в Перми была восстановлена советская власть. Началась работа по восстановлению органов уголовного розыска. Уже 6 июля 1919 г. был назначен первый начальник нового уголовного розыска, а с 10 июля начал работу губернский отдел уголовного розыска. 30 июля 1919 г. был издан приказ № 1 о восстановлении деятельности во всех освобожденных уездах и волостях. Уголовному розыску приходилось начинать работу с нуля, потому что делопроизводство, весь архив, были утоплены белыми частями в Каме. Квалифицированных сыщиков не хватало – большинство в новом штате сотрудников вообще не имели представления о специфике уголовно-розыскной деятельности.

В результате слаженной работы центра и региона была разработана инструкция сотрудникам Уголовной милиции Пермского губернского отделения Уголовного розыска [11,

л. 30–32]. Здесь были четко обозначены требования к дежурному сотруднику, оперативным работникам, определен порядок проведения обысков и арестов. Именно этот документ и определил начало новой истории Пермского уголовного розыска. Пермская милиция должна была в кратчайшие сроки ликвидировать преступность, которая стала настоящим бичом для населения губернии. Но уголовный розыск находился в крайне плачевном состоянии. Не хватало элементарных технических средств, оружия было меньше, чем число личного состава. В ноябре 1919 г. было выдано по 8 патронов на винтовку и 3 на револьвер.

При организации советского уголовного розыска в Пермской губернии руководство столкнулось с проблемой нехватки кадров. Ситуация осложнялась отсутствием централизованного финансирования – по плану советской власти полностью взять на себя содержание органов милиции было возможно только с апреля 1919 г. Печальная статистика говорила о том, что даже опытные кадры с большим стажем работы в дореволюционный период предпочитали увольняться из вновь формируемых органов. Только грамотное руководство на местах могло решить эту проблему. В условиях военного времени ценных кадров легко могли призывать в армию, и эту проблему тоже надо было срочно решать.

Результаты исследования. В результате в 1919 г. кардинально менялся состав органов розыска. Опытные кадры уходили, на их месте оказывались случайные люди. Одни и те же люди в течение этих бурных месяцев неоднократно могли получать повышение и понижение, переводиться с должности на должность. Служебные дела, заполненные бланками приема на работу и затем увольнения по неявке на работу по нескольку дней, неприемлемое поведение, в том числе злоупотребление сотрудников своим положением при посещении увеселительных заведений и т.д. Случались увольнения даже по безграмотности.

Чтобы качественно переломить ситуацию, менялся порядок формирования штата. В циркулярах Центроуголовного розыска указывалось, что в имперский период существования уголовного сыска существовал неправильный подход к формированию штата – исходили лишь из численности населенных пунктов. В новых документах подчеркивалось, что преступность «зидается только на экономических факторах. Экономическое благосостояние, количество безработных и лиц без определённых занятий, маклеров, сводней и прочих лиц, порождаемых условиями буржуазного быта и гнили, вот что влияет на преступность и может служить её знаменателем» [10, л. 2]. По нормам на одного агента должно приходиться десять преступлений в месяц. Это стало служить основой для определения штата уголовного розыска. По количеству преступлений определялось число агентов 1, 2 и 3 разрядов. Кроме того, в штат входил начальник уголовного розыска в губернии, 1-2 помощника, инспектора (начальник районных розысков) и субинспектора – их помощники.

Это было тяжелое время становления уголовного розыска, осложнявшееся текущей Гражданской войной. Однако, как отмечает известный историк А.С. Пученков, именно в таких условиях перспективнее оказался смелый и решительный прорыв вперед, связанный с беспрецедентно жесткой ломкой старого режима, предложенный большевиками [12, с. 6]. Благодаря личной ответственности и энтузиазму сотрудников руководству Пермского губернского отдела уголовного розыска удалось сформировать квалифицированный коллектив, который смог противостоять вызовам времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колемасов В.Н. Организация работы уголовного розыска России в первые годы советской власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-2. С. 103–105.
2. Абдулкарамов И.Р., Артемьева Е.С. Из опыта строительства советского уголовного розыска в Челябинске в 1917–1921 гг. // Государство и право: эволюция, современное состо-

яние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). Санкт-Петербургский университет МВД России. 2016. С. 129–131.

3. Токарева С.Н. Трансформация органов по борьбе с уголовной преступностью в 1908-1918 гг. (на примере черноземного центра России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3. С. 38–42.

4. Абрамовский А.А. Организационно-правовые основы борьбы с уголовной преступностью в Челябинске в первый год советской власти // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 20. С. 48–53.

5. Довгяло В.К. Становление и развитие органов милиции на территории Пермской губернии (Февраль 1917 – март 1921 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. 296 с.

6. Руцкин В.М. История милиции Пермского края. Пермь: Титул, 2013. 440 с.

7. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 378.

8. Постановление Временного правительства об учреждении милиции. Пг., 1917.

9. ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 828.

10. ГАПК. Ф. Р–343. Оп. 1. Д. 2.

11. ГАПК. Ф. Р–343. Оп. 1. Д. 1.

12. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.

А. Н. ТИМОФЕЕВ

Красноярск, Россия

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ ПОДПОЛКОВНИКА И. А. УГЛОВА)**

Аннотация. На примере изучения жизненного пути, офицера военного времени, участника Первой мировой и Гражданской войн, эмигранта и репатрианта представлен пример успешного сценария социальной адаптации к государственно-политическим катаклизмам. В основе работы лежит комплекс неопубликованных источников из фондов РГВА и ГАХК.

Ключевые слова. Первая мировая война, Гражданская война, офицерство, белое движение, РККА, Великий Сибирский Ледяной поход, эмиграция, репатриация, генеалогия.

Постановка проблемы. На долю представителей поколения, достигших призывного возраста в период 1914–1922 гг. выпало много тяжелых испытаний. Гражданская война на территории России заставила взяться за оружие большую часть мужского населения, и сейчас потомкам важно спокойно и трезво разобраться с судьбами людей, принимавших участие в Первой мировой войне, а потом – в Гражданской войне. Некоторые в результате оказались в эмиграции, не имея никакой гражданской специальности, и потеряли связь со своими родственниками на долгие годы. Среди современных исследователей военной истории заметно внимание к проблеме «маленького человека» в Гражданской войне [1–3]. Особый интерес представляют судьбы тех россиян, кто во время внутреннего вооруженного противостояния в силу различных обстоятельств переходил из одного лагеря в другой. Большинству из таких людей затем довелось долгое время проживать за пределами Родины. Впоследствии, спустя 30 лет, помня о своем прошлом в период Гражданской войны, решатся вернуться в Россию немногие. Причем в СССР перед ними в очередной раз встанет задача по социальной адаптации. Используя комплекс неопубликованных источников, выявленных нами в фондах РГВА и ГАХК, мы предлагаем читателю пример такого рода биографии.

Основная часть. Герой нашего повествования появился на свет в русской, православной семье 14/26 сентября 1893 г. Родителями мальчика были лесопромышленник Алексей Иванович Углов и его супруга Александра Герасимовна, жившие в провинции, каковой был небольшой уездный городок Крапивна, Тульской губернии (ныне – это село Щекинского района, Тульской области). Первичную подготовку молодой человек прошел в 1902–1909 гг. в высшем начальном училище там же в Крапивне. После окончания обучения в 1910 г. он получил неплохое по меркам времени назначение на должность писаря в Крапивенском уездном правлении, став затем письмоводителем исправника и будучи произведен в первый гражданский чин коллежского регистратора [4, л. 1-27].

С началом Первой мировой войны гражданский чиновник Углов был призван на военную службу. Исходя из образовательного ценза и классного чина, вероятнее всего, он служил в качестве вольноопределяющегося. Был назначен в 185-й запасной батальон в Брянск, где находился в сентябре-октябре 1914 гг. Из полка новобранца, имевшего высокий образовательный ценз, направили в Москву для прохождения военной подготовки, в Алексеевское военное училище, где обучался с октября 1915 г. по февраль 1916 (окончил по 1 разряду). Произведенный в подпоручики, Углов получил назначение в 237-й запасной батальон, дислоцированный в Шуе (Владимирская губерния). Здесь служба его продолжа-

лась до июня 1916 г.; затем наш герой был переведен в Ржев, в 50-й запасной батальон, где прослужил до ноября 1916 г.

После службы в запасных частях Иван Алексеевич оказался в действующей армии, где служил уже в должности ротного командира 58-го Сибирского стрелкового полка на Западном фронте в период с ноября 1916 г. по январь 1918 г. В рамках общего роспуска старой армии советской властью он был демобилизован в Минске.

Подпоручик Углов вернулся на малую родину. Здесь он принимает решение начать военную службу в рядах РККА. Это произошло предположительно, в феврале–марте 1918 г. в Ржеве, где Иван Алексеевич стал завхозом в штабе Военного руководителя. Видимо, с учетом имеющейся военной подготовки, военного и командного опыта нашего героя командировали в «красную» Академию Генерального штаба для прохождения ускоренного курса [5, с. 624].

Продолжительность обучения на ускоренных курсах И.А. Углова, прибывшего в АГШ 1 июля 1918 г., составила менее 23 дней. Дело в том, что 19 июля 1918 г. поступила телеграмма Наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, на основании которой 21 июля последовал приказ начальника Академии об экстренной эвакуации Академии в Казань [6, л. 143].

Как нам удалось установить по документам РГВА [7], академия не дезертировала, а эвакуировалась в Казань, следуя приказу, полученному из Москвы, и покинула Екатеринбург всего лишь за сутки до вступления в город антибольшевистских сил. (Это при том, что белочешскими войсками Казань была взята весьма стремительно [8, с. 111; 9, с. 388]).

Подчеркнем, что действия личного состава АГШ с момента прибытия в Казань до захвата города белочехами (1-8 августа 1918 г.), требуют дополнительного изучения с целью выяснения причин и мотивов, которые привели к удивительно единодушному «уходу» от красных большинства преподавателей и слушателей, командированных на учебу в Академию из различных частей РККА. Это не менее 170 офицеров, т.е. 80,6% (!) слушателей старшего курса и 80 слушателей, т.е. 69,6% (!) слушателей младшего ускоренного курса. По данным А.В. Ганина, «у красных за некоторым исключением остались лишь те, кто болел, находился под арестом, в командировках и отпусках» [10, с. 139-140]. Приведенные цифры нуждаются в тщательном, всестороннем и объективном анализе с целью выяснения мотивации и причин, побудивших к уходу в различные антибольшевистские формирования такого количества офицеров. Пока же, однако, нельзя исключать некое «разочарование» в основополагающих идеях и методах их претворения в жизнь. Истинные же причины перехода нашего героя в другой политический лагерь пока остались загадкой.

Участие нашего героя в Гражданской войне на Восточном фронте на стороне белой армии началось с назначения на офицерскую должность в Народную армию Комуча, в 11-й Самарский пехотный полк [4, л. 1-27; 5, с. 624; 11, л. 16-17]. В период с сентября 1918 г. по март 1919 г. Иван Алексеевич служил адъютантом штаба Камской группы, впоследствии до марта 1920 г. являлся обер-офицером для поручений, а затем адъютантом штаба Уфимского корпуса (в Чите корпус переформировали в Уфимскую дивизию) [12].

На долю офицера Углова выпала нелегкая доля участника Великого Сибирского Ледяного похода, по окончании которого, согласно приказу Войскам Восточного фронта № 24 от 16 февраля 1920, наш герой был произведен в подполковники со старшинством с 12 февраля 1920 г. [11, с. 334]. Недолгий период (с сентября по декабрь 1920 г.) Иван Алексеевич продолжал службу в должности интенданта дивизиона броневых поездов в войсках атамана Г.М. Семенова, также временно исполняя обязанности начальника штаба дивизиона [12, л. 26, 35]. Удалось установить, что за период Перовой мировой и Гражданской войн наш герой был отмечен боевым орденом Святой Анны 4 степени и знаком Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 1 степени (на Георгиевской ленте) в 1920 г. [4, л. 17]. Однако когда и за какие заслуги Углов получил первую из наград, пока выявить не удалось, равно как и обстоятельств производства в офицерские чины в белой армии.

С окончательным поражением антибольшевистских сил в Сибири подполковник Углов 28 ноября 1920 г. вместе с интендантством эмигрировал в Северный Китай. Здесь он обосновался на станции КВЖД Цицикар, где жил с февраля 1921 г. по январь 1927 г. Имел винно-гастрономический магазин «Дружба» [4, л. 1-27]. По некоторым сведениям, он также являлся командиром отряда (150 штыков, 3 пулемета), входившего в состав 2-й бригады (штаб в Хайларе, комбриг П.А. Федосеев). В числе ряда русских военных специалистов Иван Алексеевич вошел в состав Русской группы в составе армии Чжан Зунчана (в китайских источниках – Иностранский легион). В качестве добровольца принимал участие в Гражданской войне в Китае в период с мая 1926 г. по 1928 г. На 1 сентября 1926 г. Углов состоял в чине капитана, в должности старшего адъютанта по строевой части Штаба 65-й дивизии армии Чжан Цзунчана. Затем он уже в чине майора исполнял должность полкового адъютанта и помощника командира по хозяйству 7-го Особого полка (Цинанфу) [15, с. 321, 323, 329; 16; 17].

В 1928 г. наш герой начал гражданскую службу в Харбине. Работал до апреля 1931 г. продавцом бакалейно-гастрономических товаров в частных магазинах Цхомелидзе и Тарасенко. Затем длительный период вплоть до августа 1945 г. был счетоводом, старшим продавцом бакалейно-гастрономического отдела, закупщиком бакалейных, гастрономических и продовольственных товаров, заведующим оптовым отделом Торгового дома «И.Я. Чурин и К^о». Затем Иван Алексеевич был назначен управляющим колбасной фабрикой ТД «И.Я. Чурин и К^о». Также по совместительству с августа 1945 г. по ноябрь 1950 г. он работал технологом пищевых производств: колбасного производства, засолки огурцов, помидоров и капусты, отправляемых на экспорт, в СССР, а также технологом производства пивоваренного солода на заводе Харбинского Народного Правительства с ноября 1950 г. по 1954 г. Состоял членом правления Союза Торгово-промышленных служащих. 10 мая 1955 г. Иван Алексеевич уволился, выйдя на пенсию. Возвращение в Россию, наш герой планировал тщательно. Годом раньше в СССР уехала дочь Углова со своей семьей. Сам Иван Алексеевич Углов в феврале-мае 1955 г. прошел бухгалтерские курсы, получил новую для себя специальность счетовода. По семейным данным, он купил и привез с собой в СССР печатную машинку (по тем временам для обывателя такой предмет являлся значительной и редкой ценностью). Это приобретение помогло многим знакомым семьи Угловых, поднявшим в 1950-е – 1960-е гг. вопрос о своей репатриации и реабилитации.

Важным моментом для встраивания в новый социум вне родной страны был вопрос гражданства. Так, до 8 сентября 1920 г. Углов формально оставался русским подданным. После непризнания Китайской республикой консульств России на своей территории наш герой вплоть до 25 марта 1946 г. являлся лицом без гражданства («бесподданный», по терминологии эмигрантского Харбина). Советский паспорт Иван Алексеевич получил 25 марта 1946 г. Это давало определенные гарантии благополучного устройства в СССР.

В июне 1955 г. вместе с женой Александрой Александровной (20 апреля / 3 мая 1901 г., прииск Солонечный, Забайкальская область – 12 мая 1971, Красноярск) Углов выехал в СССР. Как и многие репатрианты, он был отправлен в район освоения целинных и залежных земель. На границе получил распределение в Назаровский район Красноярского края, где до конца лета 1955 г. трудился рабочим Ададымского зерносовхоза. Затем репатриант Углов переехал в Ачинск, где 10 сентября 1955 г. работал засольщиком артели «Пищевик». С 25 ноября по 21 декабря 1955 г. Иван Алексеевич был огородником подсобного хозяйства, после чего перешел на должность бухгалтера ачинского «Хлебокомбината», где проработал до 1 августа 1958 г.

В 1958 г. И.А. Углов переехал в Красноярск. Здесь с 1955 г. проживала его дочь Антонина (20 сентября 1922 г., станция Цицикар, Маньчжурия – 22 декабря 2006 г., Красноярск). На новом месте жительства в период с 14 января 1963 г. по 9 ноября 1977 г. наш герой продолжил трудиться на счетоводных и бухгалтерских должностях на аптечном складе (с 20 января по 19 марта 1962 г.), в бухгалтерии аптечного склада, магазинов № 48 и 49 Центрально-

го райпищеторга. В 1977 г. после 57 лет гражданского трудового стажа и 10 лет армейской службы Иван Алексеевич «окончательно» ушел на пенсию в возрасте 84 лет. После смерти жены (пережил ее на 18 лет) наш герой проживал с семьей дочери. В последние годы жизни об Иване Алексеевиче заботились его близкие родственники – дочь, внук, правнук. Знавшие Углова при жизни, свидетельствуют, что он никогда не курил, а рюмку водки в первый раз в своей жизни выпил уже в возрасте 28 лет (!), находясь в эмиграции. Наш герой сохранил работоспособность до глубокой старости. Иван Алексеевич Углов ушел из жизни 5 июля 1989 г. от недостаточности мозгового кровообращения. Похоронен был в Красноярске, на Бадалыкском кладбище (сектор № 14).

Результаты исследования. Как показал опыт биографической реконструкции, герой повествования показал высокую социальную мобильность. Он успешно смог адаптироваться к новым, и далеко непростым условиям, вызванным не только частой сменой мест службы и жительства, но и политического лагеря. Обращает внимание, что в эмиграции Углов, с 1924 г. лишенный и российского гражданства, успешно нашел себя в Китае, имея стабильный заработок. Именно такое условие позволило его дочери Антонине получить высшее коммерческое образование в престижном колледже с преподаванием на английском языке. Позже, проживая в Красноярске, она работала бухгалтером и ушла на пенсию с указанной должности.

Следует отметить, что Углов счастливо избежал участи многих эмигрантов, которые с приходом частей РККА в Харбин были арестованы по обвинению в сотрудничестве с японскими оккупационными властями, депортированы в СССР и после осуждения отбывали сроки заключения в местах лишения свободы. Важно сказать, что Углов трезво и непредвзято мог делать выводы о политической обстановке. Так, проживая за границей, он не делал попыток установить связь с братьями и сестрами, жившими в СССР. Только после репатриации, основательно устроившись в Красноярске, в конце 1970-х гг. он отправился на малую родину, где застал в живых свою родную сестру Татьяну. Племянники при встрече и знакомстве с ним, благодарили Ивана Алексеевича за его бдительную осмотрительность, поскольку, по их мнению, наличие родственника за границей, могло привести к крайне нежелательным последствиям и повредить карьере особенно тех, кто был связан с военным делом. В дальнейшем младшие родственники нашего героя охотно общались с ним, бывая в гостях. Но, по утверждению родных и знакомых, Углов никогда не рассказывал о своем прошлом, и в частности, о военном опыте. К сожалению, никто близких людей не предложил записать воспоминания о его непростой жизни.

На фоне множества трагических судеб русских эмигрантов и репатриантов описанный пример жизненного пути И.А. Углова представляет собой успешный сценарий социальной адаптации, что, на наш взгляд, стало возможным благодаря совокупности особых личных качеств героя повествования, а, в определенной степени – простому жизненному везению. Публикация сведений о таком человеке и его неоднозначной судьбе важна в деле опровержения неверных представлений о событиях Гражданской войны в России, широко устоявшихся в массовом сознании [18]. В частности, это касается ошибочного утверждения о том, что все оставшиеся в советской России бывшие офицеры-участники антибольшевистского движения (в том числе, репатриировавшиеся) подверглись репрессиям по политическим мотивам [19]. Как видно, антропологическое начало, столь популярное сегодня в среде исследователей, может играть важную роль в деле формирования представлений об истории. Ведь личность и судьба человека – это наиболее очевидное и понятное измерение прошлого.

Автор благодарит сотрудников ГАХК в частности, Л.А. Кривченко (Хабаровск), Л.Г. Капустина (Муром), В.И. Углова (Москва), Е.П. Рой (Москва), уроженцев Харбина, знавших Углова при жизни, за воспоминания о нем.

Автор будет благодарен за любые поправки, замечания, уточнения и советы, которые просит присылать по адресу: anit2008@mail.ru.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217–231.
2. Петин Д. И. «Известий не имею о нем и сам не пишу»: источники личного происхождения о судьбе эмигранта Николая Николаевича Артамонова-младшего // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 18–23. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-18-23.
3. Шулдяков В.А. Дмитрий Яковлевич Шишкин: офицер, поэт, эмигрант // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. мат–лов Всеросс. научн.-практ. конф. (Омск, 16–17 июня 2016 г.)/глав. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 194–198.
4. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 48454.
5. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914-1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
6. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 17.
7. Тимофеев А.Н. Из истории Академии Генерального штаба и ее ускоренных курсов военного времени (лето – осень 1918 г.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 1. С. 29–43.
8. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 -декабрь 1919 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
9. Петин Д.И. Генерал-майор А.М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 386–396. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.207.
10. Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.: Издательство «Старая Басманная», 2018. 272 с.
11. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 12.
12. ГАРФ. Именная картотека участников белого движения.
13. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2015. 415 с.
14. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 17.
15. Огороков А.В. Русские добровольцы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 368 с.
16. РГВА. Ф. 40170. Оп. 1. Д. 1.
17. Сайт историка С.В. Волкова // Режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_19-U.pdf (дата обращения 11.06.2018).
18. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9-15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
19. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.

К. А. ТИШКИНА

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ В СИБИРИ РАБОТЫ ОТДЕЛОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
КРАСНОГО КРЕСТА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация: Исследование посвящено деятельности отделов Временного главного управления Российского общества Красного Креста (ВГУ РОКК) в Алтайской губернии в годы Гражданской войны. Функционирование РОКК в Сибири – одна из актуальных тем современной историографии. В публикации на примере деятельности периферийных отделов ВГУ РОКК рассматривает основные направления их работы – открытие лазаретов, создание питательно-пропускных пунктов для русских военнопленных и т.д. Исследование базируется на архивных документах и периодике того времени, ранее не введенных в научный оборот. Автор делает выводы о том, что, несмотря на отсутствие стабильного финансирования и нехватку медицинского оборудования, благодаря энтузиазму членов отделов ВГУ РОКК в Алтайской губернии удалось за короткие сроки реализовать ряд важных мероприятий.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Красный Крест, Алтайская губерния, военнопленные, лазарет.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-39-60009.*

Постановка проблемы. В современной отечественной историографии все чаще встречаются темы, освещающие деятельности Красного Креста в годы Гражданской войны в Сибири, как на примере ВГУ РОКК, так и зарубежных отделений [1–5]. Несмотря на это, отсутствуют исследования, посвященные отдельному рассмотрению положения периферийных отделов ВГУ РОКК. Подробное изучение их функционирования позволит представить наиболее полную картину специфики работы учреждения не только в региональном аспекте, но и в масштабе Сибири.

Основная часть. Начало массового восстановления в Сибири деятельности отделов РОКК связано с установлением в ноябре 1918 г. новой власти во главе с А.В. Колчаком. Еще в начале ноября 1918 г. в Омске прошло совещание работников Красного Креста Сибири и Поволжья. Обратившись к содержанию устава РОКК (1893 г.) они обсуждали проект положения ВГУ РОКК и кандидатуры на посты руководящего состава. Председателем восстановленной организации был избран уполномоченный Российского общества Красного Креста по Самарской губернии, бывший самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Шелашников. Подготовленные документы 6 декабря 1918 г. утвердил Совет министров Российского правительства. Финансирование ВГУ РОКК, помимо частных пожертвований, осуществлялось и за счет правительственных субсидий.

Российское правительство возлагало большие надежды на деятельность ВГУ РОКК, т.к. в случае признания общества Женевским Постоянным Международным Бюро Красного Креста открывался доступ к имуществу РОКК. Помимо этого, иностранные отделения Красного Креста могли бы оказывать гуманитарную поддержку Сибирской армии и населению сибирского региона в борьбе против большевиков [5, с. 101].

Одним из первых этапов деятельности ВГУ РОКК стала проверка функционирования бывших отделов РОКК с проведением обязательной регистрации всех сотрудников, ранее работавших в обществе (врачей, сестер милосердия, заведующих пропускных пунктов и т.д.).

Барнаульский отдел РОКК действовал с 1877 г. В годы Первой мировой войны в одном из свободных помещений лесопильного завода сотрудники отдела открыли лазарет с рентгеновским кабинетом. Изначально медицинское учреждение обслуживало лишь военных, но затем стало принимать и гражданских лиц. Весной 1918 г. Барнаульский отдел РОКК передал свое имущество в Алтайский губернский общегосударственный комитет призрения. Все средства отдела решили направить на содержание лазарета, а находившихся там раненых фронтовиков – перевести на иждивение местного Комитета увечных воинов. Бывшие сотрудники Барнаульского отдела РОКК получали право голоса на заседаниях Алтайского губернского общегосударственного комитета призрения.

После ликвидации власти большевиков летом 1918 г. и установления Временного Сибирского правительства, Барнаульский отдел РОКК (с декабря 1918 г. Барнаульский отдел ВГУ РОКК) восстановил свою работу. Лазарет вместе с его имуществом снова перешел в ведение отдела. Продолжила работу амбулатория. В ноябре 1918 г. здесь трудились хирург, педиатр, лор и т.д. Кроме этого, осуществлялся вызов врачей к больным на дом [6]. Амбулаторная помощь распространялась и на детей, находившихся в приютах Барнаула. В августе 1918 г. Барнаульский отдел РОКК ходатайствовал перед городской управой о выдаче пособия в размере 50000 руб. «для расширения хирургического лазарета и постройки специального здания для него» [7]. Однако эта просьба не была удовлетворена. В декабре 1918 г. среди барнаульцев для улучшения материального положения лазарета была проведена лотерея-аллегри.

С начала 1919 г. деятельность медицинского учреждения изменили под нужды военного времени и прием гражданского населения сократился. При лазарете Барнаульского отдела ВГУ РОКК были организованы шестинедельные бесплатные курсы сестер милосердия (проходили ежедневно с 17 до 18 ч.). Главным условием для лиц, поступающих на курсы, было наличие образования выше начального училища.

В марте 1919 г. при Барнаульском отделе ВГУ РОКК открылся Дамский комитет, его работа была сосредоточена на сборе пожертвований на нужды отдела. За период с марта по август 1919 г. комитетом было собрано 35523 руб. 93 коп. Часть суммы – 16000 руб. – перешла лазарету, остальные средства пошли на закупку полотна для пошива белья для медицинских и воинских учреждений. Так, например, 100 шт. рубашек передали во Второй эвакуационный госпиталь, столько же рубашек – Конной роте разведчиков при Первом добровольческом полку генерала Пепеляева и т.д. 29 августа 1919 г. Дамский комитет организовал кружечный сбор пожертвований, давший в общей сумме 51211 руб. 75 коп. [8].

Одним из направлений деятельности ВГУ РОКК с конца 1918 г. стала организация помощи возвращавшимся из плена русским воинам. До территории Урала содействие в передвижении бывших военнопленных до мест жительства оказывало советское правительство. За Уралом забота о них переходила в ведение Российского правительства. Почти ежедневно в Сибирь прибывали партии в 100-150 человек. Совместными усилиями правительства и членов ВГУ РОКК был разработан план действий, включавший создание питательно-пропускных пунктов. Сотрудники учреждений должны были обеспечить прибывавших питанием и медицинской помощью, а также содействовать в дальнейшем их движение к местам проживания. Барнаульский отдел ВГУ РОКК был привлечен к организации питательно-пропускного пункта, который появился в конце 1918 г. Возглавила его доктор Л.М. Цветкова. К оказанию поддержки бывшим военнопленным подключился и Дамский комитет. Его сотрудницы обеспечивали нуждавшихся лиц бельем. Члены Дамского комитета Барнаульского отдела ВГУ РОКК обращались к жителям Алтайской губернии с просьбой жертвовать в учреждение деньги, мануфактуру, продукты. Так, 25 марта 1919 г. в помещение кино-

театра «Иллюзион» состоялся сбор пожертвований на изготовление белья для бывших военнопленных. Всего было собрано по подписным листам 12000 руб. и 551 руб. от продажи билетов на благотворительные киносеансы. Дамским комитетом было организовано специальное бюро «для доставления работы возвращающимся из плена воинам». Оно располагалось в кинотеатре «Иллюзион» и предлагало вакансии по таким профессиям как столяр, плотник, печник и т.д. [9].

В Алтайской губернии помимо Барнаульского отдела действовал Бийский отдел ВГУ РОКК. Приоритетным направлением его работы являлось оборудование хирургического лазарета для больных и раненых воинов. Идея о создании медицинского учреждения на 50 кроватей рассматривалась в начале января 1919 г. Тогда же было принято решение об открытии амбулатории для обслуживания возвращавшихся военнопленных и местного населения «в виду привлечения симпатии к деятельности Красного Креста» [10, л. 1об.].

Активной деятельности Бийского отдела ВГУ РОКК препятствовало отсутствие денежных средств. По подсчетам сотрудников отдела на оборудование хирургического лазарета было необходимо около 50000 руб. и 5000 руб. требовалось ежемесячно на его содержание. Большую часть указанных средств планировалось получить в качестве субсидии от ВГУ РОКК. Кроме этого, члены организации обращались в различные учреждения с просьбой жертвовать любые суммы на нужды лечебного заведения. Для работы в хирургический лазарет планировалось привлечь одного врача с ежемесячной заработной платой в 1000 руб., четырех сестер милосердия, восемь санитаров и т.д.

Отдельным вопросом для сотрудников Бийского отдела ВГУ РОКК стал выбор здания под лазарет. Как один из вариантов рассматривалась дача недавно умершего купца А.П. Фирсова. Наследники определили ежемесячную арендную плату в 1000 руб. Но здание нуждалось в серьезном ремонте, требовалась закупка мебели. Несмотря на возникшие трудности, сотрудники приступили к переоборудованию дачного помещения под лазарет. В конце марта 1919 г. от ВГУ РОКК пришла телеграмма с отказом финансирования устройства хирургического лазарета в Бийске. Отделу предложили открыть медицинское учреждение на линии фронта. ВГУ РОКК обязывалось выделить необходимые медикаменты, но отказывалось предоставить хирургические инструменты. Несмотря на сложившуюся ситуацию, сотрудники Бийского отдела ВГУ РОКК продолжили устройство лазарета на бывшей даче А.П. Фирсова своими средствами. 5 мая 1919 г. состоялось торжественное открытие учреждения [10, л. 15об.]. Заведующим лазаретом стал врач В.Л. Калери.

Летом 1919 г. сотрудники Бийского отдела ВГУ РОКК приняли решение о создании лазарета на 100 кроватей в помещении Казанского приходского училища. Ранее здесь находилась городская временная сыпнотифозная больница. Все имущество больницы переходило в ведение Бийского отдела ВГУ РОКК. На обустройство нового медицинского учреждения был получен аванс от ВГУ РОКК. При лазарете планировалось открыть временную баню-прачечную. В конце июля 1919 г. члены Бийского отдела ВГУ РОКК приняли решение считать лазарет в помещении Казанского приходского училища хирургическим, а учреждение на даче А.П. Фирсова переоборудовать в «здравницу», куда бы направлялись воины после операций. Предполагалось, что отбор раненых воинов будет производиться близ линии фронта. Затем на санитарном поезде их доставят в Бийск. К осени 1919 г. встал вопрос о переводе «здравницы» с дачи А.П. Фирсова в теплое помещение школы местного Общества попечения о начальном образовании [11].

Одними из главных препятствий в работе лечебных заведений являлась нехватка денежных средств и проблема приобретения медицинских материалов. Для улучшения финансового положения производились благотворительные сборы среди работников городских учреждений. Так, например, Бийский кредитный союз выделил 5000 руб. на содержание «именной кровати» в лазарете. Частные лица жертвовали разнообразные предметы для медицинских учреждений. Жена купца М.А. Асанова передала в Бийский отдел ВГУ РОКК

две кровати, игуменья Тихвинского монастыря – три подушки и т.д. Нехватку медицинских материалов (вата, марля и проч.) планировалось ликвидировать за счет закупок во Владивостоке и пожертвований от бийчан. Так, А.Г. Бодунов передал в отдел вату, компрессную клеенку и горчичники [12].

С середины декабря 1919 г. на территории Алтайской губернии началось восстановление советской власти. Имущество, капиталы ВГУ РОКК и его отделов через ликвидационную комиссию поступили в ведение НКЗ РСФСР.

Результаты исследования. Создание ВГУ РОКК и возрождение работы периферийных отделов являлось важным этапом в деятельности Российского правительства. Цель восстановленных учреждений заключалась в оказании всесторонней помощи больным и раненым воинам. Это реализовывалось за счет открытия в тыловых зонах лазаретов и «здравниц» для реабилитации воинов. В медицинских учреждениях оказывалась медицинская помощь местному населению. Другим направлением деятельностью сотрудников отделов являлось осуществление поддержки возвращавшимся из плена русским воинам. Однако, при реализации мероприятий сотрудники учреждений сталкивались с нехваткой денежных средств и отсутствием медицинского оборудования и материалов. Деятельность периферийных отделов осуществлялась за счет энтузиазма их членов. Учреждения не смогли в полной мере реализовать запланированную деятельность из-за произошедших в конце 1919 г. политических преобразований, которые привели к окончательной ликвидации РОКК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 237–250.
2. Пай С.С. Социально-воспитательные учреждения Приморской области в 1918–1922 годах // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 33 (73). Ч. 1. С. 344–347.
3. Мячина Е.В. Организация медико-санитарного обслуживания армии адмирала А.В. Колчака в 1918–1919 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 171–173.
4. Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 56–68.
5. Ипполитов С.С. «Я видел мертвых...»: Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 100–112.
6. Лазарет // Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 12 ноября. С. 4.
7. Пособие Красному Кресту // Алтайский луч (Барнаул). 1918. 26 июля / 8 августа. С. 2.
8. Отчет о деятельности Дамского комитета... // Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 21 сентября. С. 3.
9. Дамский комитет при Кр.[асном] Кресте // Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 7 мая. С. 3.
10. Архивный отдел Администрации г. Бийска. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 9.
11. Около больных воинов // Алтай (Бийск). 1919. 27 сентября. С. 4.
12. Благодарность // Алтай (Бийск). 1919. 28 августа. С. 4.

М. Ю. ТРОФИМОВ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

**СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
БЫВШЕГО ГЕНШТАБИСТА В. Е. ШАЙТАНОВА**

Аннотация: Статья посвящена Владимиру Евгеньевичу Шайтанову – кадровому офицеру Русской императорской армии, участнику Первой мировой и Гражданской войн, впоследствии – военспецу РККА, советскому служащему и педагогу. Благодаря соотнесению архивных документов и семейных воспоминаний автор произвел историко-генеалогическую реконструкцию. Как видно из исследования, бывший офицер смог найти применение своим способностям в советской России, однако в 1930-е гг. стал жертвой массовых репрессий, как «участник» контрреволюционного белогвардейско-казачьего заговора в Западно-Сибирском крае.

Ключевые слова: офицеры, генштабисты, Первая мировая война, Гражданская война, белое движение, казачество, РККА, социальная адаптация, советская власть, советское общество, репрессии.

Постановка проблемы. Победа РККА в Гражданской войне породила проблему социальной адаптации бывших белых офицеров в Советской России. Бывшие офицеры Генштаба белой армии, не отличавшиеся «антибольшевистской идейностью» и решившие остаться на родине, надеялись получить от Советской власти возможность дальнейшей самореализации. Поскольку Советская Республика нуждалась в военных специалистах, большинство бывших генштабистов, (среди которых были и те, кто окончил лишь младший курс Академии Генштаба) были приняты в ряды РККА. Согласно исследованию В.В. Каминского из 51 выпускника младшего класса ускоренных курсов 4-й очереди Академии Генштаба (Томске) 49 оказались на службе в РККА в начале 1920-х гг. [1, с. 62].

Один из тех офицеров – войсковой старшина Владимир Евгеньевич Шайтанов [1, с. 61; 2, с. 582]. Движимый патриотическим чувством остаться на родине, он хотел пригодиться новой власти, к которой относился с доверием. К тому же в Омске оставались родные, хотя своей семьи у него еще не было. В.Е. Шайтанов доверял большевикам, не считая себя в чём-либо виновным, ведь в боях и в карательных действиях против мирного населения он не участвовал. Да и в рядах белой армии оказался только в силу обстоятельств по мобилизации [3, л. 27]. Он не относил себя к числу идейных белых офицеров и наивно полагал, что с его военным опытом, знаниями и коммуникабельным характером сможет устроить свою судьбу в Советской России. Владимир Евгеньевич не мог представить, что ему придется постоянно бороться за себя и доказывать новой власти свою значимость и полезность.

Оказалось, что жизнь в новом обществе довольно сложна, особенно для бывших белых генштабистов. Карьеру военного педагога сделать не удалось. Находясь на службе в РККА почти полтора года, В.Е. Шайтанов не подвергался никаким взысканиям, однако не был снят с особого учета бывших белых офицеров. Это при том, что по приказу РВСР №1728/326 от 4 сентября 1920 г. его должны были снять с такового учета «по истечении года службы в Красной Армии» [4; л. 430]. Вернувшись в родной Омск, несколько лет он находился под надзором чекистов, живя в условиях недоверия власти и общества, не раз сменив место рабо-

ты. При всей шаткости своего социального положения, Владимир Евгеньевич смог создать семью и почувствовать себя полноправным членом общества лишь после 1925 г.

Основная часть. Рассмотрим служебную биографию В.Е. Шайтанова. Основой для подготовки нашего исследования был использован комплекс неопубликованных ранее источников из фондов государственных и ведомственных архивов.

Наш герой – дворянин Тобольской губернии, младший сын казачьего штаб-офицера Шайтанова Евгения Дмитриевича и Елены Сергеевны (урожд. Бабиковой) родился в Чите 30 июня (12 июля) 1888 г. [5, л. 53]. В 1907 г. окончил Сибирский кадетский корпус по 1-у разряду (со средним баллом 8,56) [6, л. 44]. 6 августа 1909 г. из Николаевского кавалерийского училища в Санкт-Петербурге был выпущен подпоручиком (старшинство 15 июня 1908 г.) в 8-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду [7, 277]. Соединение это находилось в Красноярске. 31 августа 1912 г. произведен в поручики (старшинство 15 июня 1912 г.) [8, с. 358]. По семейному фото из архива автора статьи, судя по аксельбантам видно, что в Красноярске он служил в должности адъютанта.

8 ноября 1913 г. в Омске скончался отец Владимира [9, л. 242–243об.]; не прошло и месяца, как следом за отцом, 3 декабря умирает мать [9, л. 246–247об.]. До нас дошло письмо старшего брата Владимира Евгения Евгеньевича, написанное через три недели после смерти матери, из Осовца в Омск шурина В.Е. Долженко: «Я живо представляю себе те участливые минуты моей дорогой матери, и то чувство глубокой, беззаветной и даже безумной скорби, которую все вы пережили. Да будет на всё святая воля Божья!» [10]. Несколько строк в письме посвящено и Володе: «Относительно Володи... писать собственно говоря нечего. Он, я думаю, теперь сумеет остепениться, что немало вероятно передумал за свою длинную дорогу. Он не оставит своим присмотром старуху-бабушку, и научится вести несложное хозяйство» [10].

В.Е. Шайтанов перевелся ближе к дому, выбрав 11-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду, расквартированную в Омске. В начале 1914 г. Владимир – поручик, младший офицер 4-й батареи названной бригады [11, с. 35]. С 4 августа 1915 г. уже во время Первой мировой войны он получает назначение офицером-наблюдателей 15-й воздухоплавательной роты [12, л. 1об.]. Воевал на территории современной Польши. За отличия в делах против неприятеля награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Анны 2-й ст. с мечами. В наградном листе В.Е. Шайтанова кратко описан подвиг, за который он был представлен к последнему из указанных орденов: «Во время воздушной разведки 10-го и 11-го сего августа [1915 г.] с линий батарей во время сильного огня неприятельской артиллерии по аэростату, сидя в корзине, продолжал наблюдать за противником [и корректировать огонь артиллерии]» [12, л. 1об.].

10 мая 1916 г. В.Е. Шайтанов произведен в штабс-капитаны (старшинство 3 сентября 1916 г.). И снова после повышения в чине очередной перевод; 26 мая 1916 г. из 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Высочайшим приказом переведен в артиллерийский дивизион Сибирского казачьего войска с переименованием в подъесаулы [13, л. 114об.]. В письме племяннице О.В. Долженко он сообщает, что является начальником учебной команды [14].

Приказом по Сибирскому казачьему войску от 23 ноября 1917 г. за № 353 21 июня 1917 г. наш герой назначается командующим 1-й Сибирской казачьей запасной батареей [15, л. 418] (командующий 1-й батареи артиллерийского дивизиона Сибирского казачьего войска). Последняя должность на Западном фронте до 1918 г. – командир Сибирского каза-

чьего артиллерийского дивизиона [16, л. 104об.]. Приказом от 23 ноября 1917 г.: В.Е. Шайтанов произведен в есаулы 10 августа 1917 г. (старшинство 3 января 1917 г.) [15, л. 422].

К Октябрьской революции В. Е. Шайтанов относился как событию, которое ломало привычный уклад жизни, раскалывало армию и отношение между людьми. По семейным рассказам он никогда не был патриотом-монархистом, также как после окончания Гражданской войны никогда не был ярким сторонником большевизма. Согласно приказу по Сибирскому казачьему войску исполкома Совета Казачьих Депутатов от 27 мая 1918 г. за № 181, п. 4. Сибирский казачий артиллерийский дивизион был расформирован 20 мая 1918 г. Бывшие офицеры названного дивизиона, в числе которых первым по списку значился есаул В.Е. Шайтанов, увольнялись в запас по войску [17].

В Гражданскую войну В.Е. Шайтанов был мобилизован в армию Временного Сибирского правительства. С 3 августа 1918 г. согласно приказу за № 308 есаул Шайтанов получает назначение в Сибирский казачий артиллерийский дивизион, с прикомандированием к Штабу Степного корпуса [18]. 21 сентября 1918 г. приказом по Сибирской армии о военных чинах за № 437 производится в чин войскового старшины (старшинство 3 января 1918 г.). В приказе он фигурирует как исполняющий должность начальника отделения Военно-исторического отдела Штаба Сибирской армии [19]. С 19 октября 1918 г. В.Е. Шайтанов стал начальником культурно-просветительного отделения информационного отдела штаба Верховного Главнокомандующего в Омске [20, с. 145].

Культурно-просветительная деятельность того времени состояла из «мероприятий образовательного и воспитательного, а также контрпропагандистского характера <...> нацеленных на фиксацию и идеологическое воспроизводство существовавших на тот период властных отношений. Однако следует учесть и то обстоятельство, что на практике данное понятие наделялось иным, нежели это декларировалось, смыслом» [21, с. 110–111]. Досуговые мероприятия для солдат были далеки от духовного и познавательного развития и носили развлекательный характер. Они состояли из «всевозможных представлений, просмотров игровых кинокартин, концертов и спектаклей <...> многие из поставленных пьес были пусты и бессодержательны и поэтому не могли оказать положительного воспитательного воздействия» [21, с. 111]. Кроме организации развлекательных мероприятий культурно-просветительное отделение информационного отдела занималось осведомительной работой с различными социальными слоями населения. «Так, 23 ноября 1918 г. офицеры культурно-просветительного отделения присутствовали на заседании съезда крестьян Омского уезда, где “ознакомили крестьян с настоящим военным и политическим положением возрождающейся России, союзников, германской коалиции и России советской”» [21, с. 98]. Так как крестьянство являлось «основным источником формирования рядового и унтер-офицерского состава русской армии», такие ознакомительные акции следовало организовывать повсеместно, но они были единичными [21, с. 98].

С декабря 1918 г. по апрель 1919 г. в г. Томске В.Е. Шайтанов учился в ускоренном младшем классе 4-й очереди Академии Генштаба [22, л. 112, 117об., 123об.]. Курс окончил успешно; в выпуске он 16-й с баллом 11,44 [2, с. 582] из 164-х офицеров [1, с. 41]. На исходе службы у белых занимал должность начальника штаба кавалерийской дивизии [16, л. 104об.].

20 января 1920 г., в Томске В.Е. Шайтанов сдался в плен особому отделу 5-й армии: «Самостоятельно перешел в ряды Красной Армии с группой офицеров Генштаба в числе 5 чел[овек]» [16, л. 104об.]. Из Томска попал в Омский лагерь военнопленных. 11 ноября 1920 г. по распоряжению Омской губернской ЧК Владимира Евгеньевича в составе партии пленных колчаковцев, отправили в Москву, откуда по распоряжению ВЧК – перебросили в Петроград. С 26-го ноября они пребывали во 2-м лагере принудительных работ особого

назначения и числились за Особым отделом Петроградской ЧК [23, с. 292]. Находясь в этом лагере, В.Е. Шайтанов с бывшими однокашниками по академии «писали в Полевой штаб РВСР с копией начальнику Особого отдела Петроградской ЧК» с просьбой отправить их «в Москву в распоряжение Полевого штаба» [23, с. 292].

Пребывая в заключении почти год, живя в скученной обстановке и в условиях заражения сыпным тифом, не имея сменного белья и постоянно недоедая, бывшие генштабисты хотели одного: поскорее получить назначение на службу. Но в Москву их так и не перевезли. Спустя полтора месяца, в середине января 1921 г. в Петрограде Владимир Шайтанов стал слушателем курсов политической и военной подготовки для пленных офицеров [16, л. 105об.]. Если согласно секретному приказу РВСР № 1728/326с от 4 сентября 1920 г.: «каждые курсы рассчитываются на 500 человек, при условии не более 2-х курсов в одном городе... Продолжительность курсов три недели» [4, л. 429], то на практике получалось, что это были трехмесячные курсы на 1000 человек [23, с. 299]. На курсах бывшие белогвардейцы подвергались идеологической обработке; им разъясняли структуру РККА, читали лекции по политграмоте, авиации, истории последних войн. Но главное они могли получить легальную свободу и устроить свою судьбу [23, с. 299].

После многочисленных проверок В.Е. Шайтанова взяли на службу в Петроградский военный округ. На 8 февраля – не ранее 8 мая 1921 г. он являлся сотрудником Учебного отделения строевого отдела Штаба названного военного округа [24, л. 254об.; 25, л. 12об.]. Там же с 9 декабря 1921 г. по 20 февраля 1922 г. – занимал должность делопроизводителя, а с 20 февраля 1922 г. по 9 июля 1922 г. преподавал военные науки на Окружных повторных курсах для командиров рот Петроградского военного округа [3, л. 26об.–27]. По окончании курсов был уволен по приказу РВСР № 1128/202 от 24 мая 1921 г. В период с 1 по 30 июня 1922 г. – встал на особый учет бывших белых офицеров в органах ВЧК [26, л. 74, 80об.–81].

Бывших белых офицеров, увольняемых с военной службы и прибывающих в отдел труда, направляли в уездный военный комиссариат для становления на военный учет. В.Е. Шайтанов прибыл в Омский губернский комиссариат труда из Череповецкого губернского комиссариата. При нём было удостоверение за № 3266 от 2 июля 1922 г., разрешенное Череповецким губернским отделом ГПУ от 18 июля 1922 г. и отношение губернского военкомата за № 2888 [4, л. 610об.–611]. С этими документами он встал на учет в Омске летом 1922 г.

Прошло чуть менее полугода, как Владимир Евгеньевич был арестован Акмолинским отделом ГПУ по доносу 12 января 1923 г. Ему предъявили обвинение в карательных действиях против мирного населения. Допросы и проверки не обнаружили причастие В.Е. Шайтанова к белому террору. Донос оказался ложным, а свидетельница не признала в нём карателя, и почти через 3 месяца, 6 марта он был освобожден после выяснения всех обстоятельств этого дела [27, л. 1об.]. Надо сказать, что ему повезло, ведь в глазах обывателя, столкнувшегося с произволом колчаковской власти, белый офицер, находящийся в тылу, воспринимался как каратель, штабист, самодур [28, с. 93].

Через несколько дней Владимир Евгеньевич устроился на работу помощником бухгалтера в рабочий кооператив «Пищевик», находящийся на углу 5-й Линии и бывшей Думской улицы (ул. Троцкого, с 1927 г. – ул. 10 лет Октября) [27, л. 1об.]. Но проработал там недолго и в сентябре 1923 г. ушел на должность счетовода в Западно-Сибирский протезный институт по адресу ул. Карла Маркса, 54 [3, л. 27об.]. В этот период сестра Мария Евгеньевна с четырьмя малолетними детьми официально находилась на иждивении Владимира [27, л. 1]. До 1925 г. Владимир Шайтанов состоял на особом учёте бывших белых офицеров в Омском губернском отделе ОГПУ. В течение этого времени он не только являлся на допросы и заполнял анкеты; в его доме производились обыски, он обязан был просить разрешения о выезде

из Омска, указывая точные даты отбытия и прибытия [27, л. 8, 13]. Переломный момент в его жизни наступил в 37 лет. 20 января 1925 г. на заседании Комиссии по пересмотру ходатайств бывших белых офицеров и военных чиновников, состоящих на особом учете в органах ОГПУ, было «рассмотрено дело б/б подполковника Шайтанова», в результате которого он был снят с особого учета, зарекомендовав себя честным гражданином [27, л. 14].

В 1925 г. наладилась и семейная жизнь. Владимир Евгеньевич женился на Екатерине Николаевне Окушко [29, л. 315] – заведующей школы «Наш труд», бывшей 47-й школе, где после снятия с особого учета он работал и сам учителем математики и физики. Е.Н. Окушко была вдовой с 2 дочерьми-подростками Марией и Екатериной и была старше Владимира Евгеньевича на год. В конце 1927 г. у них родилась дочь Вера.

Пройдя две войны, Владимир Шайтанов пришел к мысли, что надо заниматься тем, что дано ему свыше, а именно педагогической деятельностью. В этой профессии он находил удовольствие. В то же время любил не только учить, но и учиться, получая новые знания и расширяя кругозор. По семейным рассказам наш герой занялся авиацией и вернулся к полетам. На рубеже 1920–1930-х гг. он являлся председателем городского общества Осоавиахима.

В начале мая 1933 г. Владимира Евгеньевича арестовали по обвинению в организации Омского филиала контрреволюционного белогвардейско-казачьего заговора в Западно-Сибирском крае. Ему были инкриминированы: руководство контрреволюционным повстанческим подпольем среди прииртышского казачества, подрывная деятельность на территории бывшего Омского округа, вербовка участников в контрреволюционные ячейки, подготовка к свержению Советской власти путем вооруженного восстания и восстановлению буржуазно-демократической республики. В обвинительном заключении по делу о ликвидированной контрреволюционной белогвардейско-казачьей повстанческой организации Владимир Евгеньевич проходит не как бывший войсковой старшина, а как бывший белый полковник Генерального Штаба: «Следствием установлено, что в середине 1930 года б[ывший] полковник Шайтанов В.Е. встретился в гор. Омске с нелегально прибывшим в СССР из Харбина б[ывшим] б[елым] штабс-капитаном Ридзелем, который ссылаясь на поручение атамана Семёнова указал Шайтанову на необходимость развёртывания к[онтр]-р[еволюционной] работы среди б[ывшего] б[елого] офицерства и казачества. Тогда же Ридзель договорился с Шайтановым о создании в гор. Омске белогвардейско-казачьей организации» [30, л. 21]. Подчеркнем, что этот процесс был достаточно громким делом омских чекистов в отношении сибирского казачества [31, с. 136–137].

Сначала Владимира Евгеньевича осудили на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач, затем приговор был изменен. Согласно протоколу заседания коллегии ОГПУ № 87 от 5 августа 1933 г. Владимир Евгеньевич Шайтанов был приговорен к высшей мере наказания по статье 58/2/11 УК РСФСР. В списке данного протокола, приговоренных к расстрелу оказалось 28 человек. В.Е. Шайтанов значится под номером 17 [32, л. 67–68]. 10 февраля 1993 г. Владимир Евгеньевич Шайтанов был реабилитирован Прокуратурой Омской области [27, л. 13об.].

Также добавим, что после ареста своего мужа Е.Н. Окушко, оставив наследственное и нажитое имущество, спешно уехала с младшей дочерью Верой из Омска. Это был вынужденный побег в страхе за свою жизнь и жизнь дочери. Советская власть не тронула ни ее саму, ни ее детей. В послевоенные годы вдова нашего героя жила в Ростове-на-Дону. Имела звание заслуженного учителя и была награждена орденом В.И. Ленина в середине 1950-х гг.

Результаты исследования. Осмысливая трагическую участь бывшего белого генштабиста В.Е. Шайтанова, следует отметить, что, по крайней мере, еще 7 бывших генштабистов младшего класса ускоренных курсов 4-й очереди Академии Генерального Штаба стали

жертвами массового террора в 1930-е гг. [1, с. 64]. Несмотря на то, что Владимир Евгеньевич смог успешно адаптироваться в советском обществе, его жизненный путь уникален и его невозможно однозначно оценить, как и судьбы (подчас весьма каверзные) других бывших белых офицеров, оставшихся в силу разных причин в Советской России. Среди множества биографических работ исследователями сегодня уделяется достойное место именно тем персоналиям, чьи судьбы были связаны с Сибирью и, в частности, с Омском [33–45]. Подобные исследования (на стыке военной истории и исторической биографики) имеют особую важность для научного осмысления непростой эпохи Гражданской войны и ее разнообразных и многочисленных последствий для российского общества. Данный тезис подчеркивает современная историография [46–48]. Завершая наше повествование, отметим, что достаточно большой сибирский казачий род Шайтановых (в том числе, судьба его представителей в период революции и Гражданской войны) – еще не до конца изученный пласт, таящий в себе немало новых открытий. В этом, на наш взгляд, видится перспектива дальнейших научных изысканий в формате, представленном в данной публикации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каминский В.В. От А.В. Колчака – в Красную Армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального Штаба (Томск, апрель 1919 г.) // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 40–68.
2. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.
3. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 52.
4. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 5.
5. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 425.
6. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 424.
7. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1909. 18 августа.
8. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1912. 11 сентября.
9. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 1081.
10. Письмо Е.Е. Шайтанова В.Е. Долженко. 1913 г. 24 декабря // Семейный архив автора.
11. Адрес-Календарь Акмолинской области (сведения по 1-е февраля 1914 г.) // Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск: Областная типография, 1914. 96 с.
12. РГВИА. Ф. 409. Оп. 4. Д. 8085.
13. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 101.
14. Письмо В. Е. Шайтанова О. В. Долженко. 1916 г. 5 ноября. // Семейный архив автора.
15. ГИАОО. Ф. Р–1706. Оп. 1. Д. 23.
16. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396.
17. Приказ по Сибирскому казачьему войску от 27 мая 1918 г. № 181 (г. Омск).
18. Приказ по Сибирскому казачьему войску от 3 авг. 1918 г № 308 (г. Омск).
19. Приказ по Сибирскому казачьему войску от 21 сент. 1918 г. № 437 (г. Омск).
20. Шевелев Д.Н. Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего: в поисках оптимальной структуры // История белой Сибири. Мат–лы. VII Междунар. науч. конф. Кемерово, 2009. С. 142–148.
21. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007 184 с.

22. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38.
23. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.
24. РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387.
25. РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 172.
26. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 8.
27. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 34. Д. 53873.
28. Шевелёв Д.Н. Сибирский город под властью антибольшевистских правительств: повседневная жизнь и политическая пропаганда // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 90–94.
29. ГИАОО. Ф. Р–580. Оп. 3. Д. 245.
30. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–101300. Т. 1.
31. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье: монография. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.
32. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 6. Д. 1222.
33. Каминский В.В., Петин Д.И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.
34. Гефнер О.В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. 2014. № 2. С. 203–206.
35. Петин Д.И. Николай Рогозин: офицер-деникинец в условиях Советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.
36. Каминский В.В., Верemenko В.А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64–83.
37. Петин Д.И. Личное дело лица, лишённого избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.
38. Трофимов М.Ю. Письма капельмейстера 5-го Сибирского казачьего полка П.Е. Казанцева // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября, 2017 г.). Омск: ОмГТУ, 2017. С. 354–358.
39. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
40. Трофимов М.Ю. Выпускник Сибирского кадетского корпуса Е. А. Калачев – художник советской эпохи // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 273–284.
41. Стельмак М.М. Авенир Загребин: жизнь бывшего офицера Генштаба в советском Омске // Омские социально-гуманитарные чтения – 2018: мат-лы XI междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 24–26 апр., 2018 г.). Омск: ОмГТУ, 2018. С. 252–256.
42. Тагильцева А.В. «Душа – Богу, долг – Отечеству»: страницы биографии полковника И.Г. Ермолаева // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 25–26 октября 2017 г. / [редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) и др.]. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 336–342.
43. Блинова О.В., Петин Д.И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 127–137.

44. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145.
45. Петин Д.И. Генерал-майор А.М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 386–396.
46. Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. № 1. С. 57–64.
47. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017. // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 44–55.
48. Акульшин П.В., Гребенкин И.Н. 100-летие российской революции: юбилейные вехи отечественной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 292–311.

М. О. ТЯПКИН

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ЛЕСНАЯ ПОЛИТИКА БЕЛЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ 1918 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Аннотация: в статье рассматривается процесс формирования государственной лесной политики «белых» правительства Западной Сибири в период с июня 1918 г. до декабря 1919 г., ее сущность и попытки реализации. Автор приходит к выводу о том, что предлагаемая белыми правительствами лесная политика являлась научно обоснованной и перспективной и представляла собой продолжение дореволюционного курса на интенсификацию сибирского лесного хозяйства. В условиях гражданской войны реализация всех направлений лесной политики оказалась невозможной, поэтому основной задачей лесного ведомства становилась деятельность по охране лесов от несанкционированного пользования.

Ключевые слова: лесная политика, лесное хозяйство, лесоэксплуатация, охрана лесов, Западная Сибирь, белое движение, Гражданская война.

Постановка проблемы. Наличие научно обоснованной лесной политики, под которой в широком смысле можно понимать отношение государства к лесу, является необходимым условием устойчивого социально-экономического развития страны, а также сохранения природного разнообразия и обеспечения благоприятной экологической обстановки в интересах общества. На современном этапе изучение и практическое использование исторического опыта в сфере лесопользования становится все более актуальной задачей и насущной потребностью отечественного лесохозяйственного комплекса.

Вопросы формирования и реализации «белыми» правительствами Сибири аграрной политики, получили достойное рассмотрение в исследованиях С.Н. Андреевкова, О.Ф. Гордеева, В.А. Ильиных, М.Т. Когут, И.И. Кротта, Ю.Г. Лончакова, В.М. Рыноква, В.А. Саблина, В.Ж. Цветкова, М.В. Шиловского, В.И. Шишкина и других историков. В работах этих исследователей затрагивались также и некоторые аспекты, связанные с регулированием и содержанием общественных отношений в сфере лесного хозяйства. На наш взгляд, изучение истории формирования и реализации лесной политики, в том числе в периоды социальных кризисов и потрясений, в качестве самостоятельного предмета исторических исследований, представляет несомненный научный интерес. Целью данной статьи является краткая характеристика процесса формирования государственной лесной политики, существовавшей в Западной Сибири в период нахождения у власти «белых» правительств, определение ее основного содержания и условий реализации.

Основная часть. В России формирование лесной политики происходило, начиная с первой четверти XVIII в., в тесной зависимости от социально-экономической и политической обстановки в стране. Содержание лесной политики на протяжении двух столетий неоднократно менялось, однако к началу первой мировой войны отечественная лесная отрасль вышла в своем развитии на достаточно высокий уровень, а доходы от лесоэксплуатации составляли 2% государственного бюджета. Окончательное включение огромных и еще неосвоенных лесных площадей Азиатской России в систему государственного лесного хозяйства являлось в начале XX в. одной из важнейших перспективных задач, стоявших перед казенным лесным ведомством.

Революционные события 1917 г. повлекли за собой катастрофические изменения в лесохозяйственной сфере, в одночасье уничтожив накопленный положительный опыт и от-

бросив ее далеко назад. Начавшаяся весной 1917 г. демократизация в сфере лесопользования, а затем декларируемая советской властью национализация лесов не только не улучшили их состояние, но привели к хищническому уничтожению. В условиях политической нестабильности и глубочайшего социально-экономического кризиса требовался ответственный и продуманный подход к эксплуатации лесных ресурсов.

На территориях, подконтрольных советскому правительству, шла постепенная реализация норм декретов «О земле», «О социализации земли», «О лесах» и др., уничтожавших лесную собственность и провозглашавших право каждого на пользование лесными ресурсами при соблюдении ряда условий. Там, где не действовали советские законы, лесная политика строилась на иных принципах. После захвата чехословацкими вооруженными формированиями крупных городов Западной Сибири и смены власти в июне 1918 г. в истории нашей страны начинается особый период, характеризовавшийся тем, что государственная политика, в том числе в сфере лесного хозяйства, вырабатывалась в Сибири и реализовывалась с помощью обособленной системы органов власти [1, с. 8].

Важнейшим принципом лесной политики, формируемой и реализуемой в регионе, должна была стать максимально широкая эксплуатация лесных ресурсов, развитие внутренней и внешней торговли древесиной и сокращение потерь от самовольных порубок и лесных пожаров. Новой политике не был чужд некоторый демократизм. Подчеркивалось, что реализация новых принципов лесопользования и лесопользования должна осуществляться с соблюдением «общенародных интересов» [2, л. 4]. В своем выступлении на съезде, посвященном рассмотрению задач, стоявших перед лесным хозяйством, лесовод П.Ю. Арндт отмечал, что «можно себе представить, что нам обещает экспорт леса и участие на мировом лесном рынке при том экономическом и культурном состоянии Сибири, в каком она вышла из-под гнета самодержавного строя в новую обстановку свободной жизни, когда принципы строительства народного хозяйства, направленные к созданию действительного блага народа самим народом, должны стать диаметрально противоположными тем, какие применялись здесь ранее» [3, с. 37].

Нормативно-правовым основанием новой государственной лесной политики являлся Лесной устав 1905 г., некоторые статьи которого были существенно переработаны и дополнены в соответствии с требованиями времени, а также новые нормативные акты, принимаемые Временным Сибирским, а затем Всероссийским правительством. Действие нормативных актов, принимаемых в регионе, в будущем планировалось распространить на Северную область и остальную территорию Европейской России [4, л. 14]. Так, например, правила о долгосрочных отпусках леса из казенных дач, утвержденные постановлением Совета министров от 14 марта 1919 г., предусматривали возможность долгосрочной аренды лесных участков (на 36 лет), что должно было «положить начало новому направлению в российской лесопромышленности» [5]. После принятия правил в структуре Лесного департамента появились лесоторговый отдел и отдел долгосрочных отпусков леса.

Эксплуатация лесных ресурсов Сибири, площадь которых по приблизительным оценкам составляла в рассматриваемый период более 300 млн. дес., должна были обеспечить региону «одно из первенствующих мест в экономической жизни возрождающейся России» [6, л. 1]. Правительство прогнозировало существенный спрос роста на древесину на внутреннем российском рынке и в Западной Европе, что объяснялось уничтожением лесов в период первой мировой войны. Одним из перспективных направлений лесозаготовки считалось создание концессий с иностранными компаниями. Для информирования зарубежных партнеров о состоянии дел в лесной отрасли Сибири была реализована идея создания при Лесном департаменте специального бюро иностранной информации, обсуждавшаяся в регионе еще до революции.

Значимость лесных ресурсов Сибири была настолько велика, что существовали даже проекты образования самостоятельного лесного министерства, что должно было решить из-

вечную проблему «распыления» сил одного ведомства, в котором сосредотачивалось управление земельными, лесными, водными и другими государственными имуществами [7, л. 89–96]. Однако окончательным решением стало не создание новой схемы управления земельно-лесным хозяйством, а восстановление существовавшей прежде и приведение ее в соответствие со стоявшими перед правительством задачами.

Одной из важнейших задач, стоявших перед Министерством земледелия и колонизации, образованного в числе других высших государственных учреждений постановлением Совета министров от 1 июля 1918 г., являлось ведение лесного хозяйства. С этой целью в составе министерства 17 июля 1918 г. был создан Лесной отдел, получивший в марте 1919 г. свое прежнее наименование – Лесной департамент. Оставшиеся в Петрограде и Москве служащие бывшего Лесного департамента Министерства земледелия Российской империи, перешедшие на службу в Центральный лесной отдел Народного комиссариата земледелия РСФСР, были обвинены сибирскими властями в союзнничестве с большевиками и предательстве интересов лесного хозяйства в угоду политической конъюнктуре.

К весне 1919 г. в ведении центрального лесного управления находились Омское (Омск), Семипалатинское (Семипалатинск), Тобольское (Тобольск), Томское (Томск), Енисейское (Красноярск), Иркутское (Иркутск), Оренбургско-Тургайское (Троицк), Алтайское (Барнаул), Приморское (Хабаровск), Амурское (Благовещенск), Пермское (Пермь) и Уфимское (Уфа) управления земледелия и государственных имуществ, Нерчинский земельно-лесной округ (Чита) и заведующий устройством русского населения в Урянхае (Белоцарск, ныне Кызыл). В связи с передачей бывших императорских владений Алтайского и Нерчинского округов в государственную собственность, в ведение Лесного департамента перешли значительные территории, что потребовало модернизации административно-хозяйственного механизма, выразившейся в создании новых и оптимизации прежних управлений земледелия и государственных имуществ.

Перед Лесным отделом (департаментом) Министерства земледелия и колонизации были поставлены задачи по восстановлению местных органов управления земельно-лесным хозяйством, устранению проблемы самовольного лесопользования, сокращению объемов льготных и бесплатных отпусков древесины населению, повышению в несколько раз таксовой стоимости древесины и объемов ее продажи местному населению, организации частной лесной промышленности, устройству лесовозных путей и дорог, развитию лесной и деревообрабатывающей промышленности, установлению единых правил лесопользования, изысканию новых способов и форм эксплуатации лесов, в том числе с привлечением иностранного капитала, ведению рационального лесного хозяйства, расширению сети образовательных заведений, развитию лесомелиорации, лесного опытного дела и проч. [7, л. 173–174]. Особая роль в освоении таежных пространств и увеличении колонизационного фонда отводилась переселенческим и лесоустроительным партиям, которые должны были поэтапно собирать сведения о потенциальных возможностях расширения эксплуатации земельно-лесных ресурсов.

В 1919 г. общая сумма планируемых доходов по лесному ведомству должна была составить 97 677 384 руб., из которых на долю Алтайской губернии приходилось 17% (17 302 000 руб.), Томской губернии 6% (6 130 300 руб.), Тобольской 12% (11 539 100 руб.) [6, л. 12]. Напомним, что в 1913 г. валовой доход от всех казенных лесов Азиатской России (со Средней Азией) составил около 5 млн. руб. Безусловно, прямое сравнение этих данных не может быть корректным, учитывая обесценивание национальной денежной единицы в послереволюционный период, однако необходимо признать, что перспективные планы правительства в сфере лесозаготовки выглядели весьма амбициозными. Складывается ощущение, что правительство, находясь не за тысячи верст, а в непосредственной близости от управляемых им территорий, заново открывало для себя Сибирь с ее колоссальными природными ресурсами и возможностями их эксплуатации.

Реализация этих установок могла стать возможной лишь при условии решения самой насущной задачи – восстановлении лесного хозяйства, сильно пострадавшего за годы революционных волнений. Деятельность советских органов в сфере лесного хозяйства в период их пребывания у власти в первой половине 1918 г. характеризовалась новой администрацией однозначно – «полный разгром»: «Начальники местных учреждений и ревизоры были изгнаны, а многие лесничие были заменены малограмотными объездчиками; рубка леса производилась без плана, в тех местах, где хотелось покупателю; лесная стража, выбранная населением, охраной леса не занималась; уборки порубочных остатков не производилось, канцелярское делопроизводство было спутано, местами не велось вовсе, а местами растащено и уничтожено» [8, л. 8об.].

Летом 1918 г. все изменения и распоряжения советской власти, в том числе по вопросам земельно-лесного хозяйства, были отменены. Одним из первых своих постановлений Временное Сибирское правительство провозгласило необходимость возврата прежним владельцам их имущества, вне зависимости от формы собственности и условий владения, конфискованного или захваченного во время нахождения у власти советов [9, л. 103]. Земли, которые крестьяне получили при советской власти, могли оставаться у них на правах аренды, но только при условии целевого использования и внесения арендной платы. Развернулась широкая кампания по сбору платежей и недоимок за несколько последних лет, а также штрафов за самовольные порубки и другие виды незаконного лесопользования. Окончательное решение вопроса о будущем земельной собственности должно было состояться на всероссийском Учредительном собрании.

Произошел отказ от коллегиального порядка управления лесным хозяйством. Созданные еще летом 1917 г. советы лесничеств были упразднены, как не отвечавшие новым задачам лесопользования. Полномочия начальников управлений земледелия и государственных имуществ были восстановлены. Переход власти к Временному Сибирскому правительству положил начало постепенному восстановлению управленческого механизма и возврату к прежним принципам взаимоотношения населения и лесной администрации. На заседании Лесного совета в октябре 1918 г. начальник Алтайского управления констатировал, что «в настоящее время лесное хозяйство уже идет по пути своего упорядочения, после длительного вмешательства в него недостаточно компетентных в лесном деле сторонних элементов» [10, л. 137об.].

На проходивших летом 1918 г. совещаниях начальников восстановленных управлений земледелия и государственных имуществ Западной Сибири, других правительственных учреждений и общественных организаций активно обсуждались вопросы лесного хозяйства и организации местного лесного управления в центре и на местах [11, л. 30]. Отмечалось, что характер проблем везде одинаков, поэтому лесная администрация была вынуждена направлять все имевшиеся в распоряжении силы не на развитие лесного хозяйства, а на противодействие самовольным порубщикам, удовлетворение потребности населения в древесине и разрешение текущих дел по заведованию землями и лесами [6, л. 2].

Проблема несанкционированного лесопользования, преимущественно в виде самовольных порубок приобрела дополнительную остроту. Пользуясь ослаблением надзора за состоянием лесных дач, местное старожильческое население, переселенцы и беженцы, промышленники и другие субъекты начали усиленную вырубку лесов, как для удовлетворения собственных потребностей, так и с целью наживы. Для многих продажа самовольно вырубленного леса становилась единственным средством к существованию. Покупать лес у казны, на что рассчитывало правительство, население не спешило, предпочитая получать его бесплатно или заготавливать самовольно.

Лесничие докладывали, что реальных способов противодействия организованным самовольным порубщикам у них не было, поскольку «лесная стража дезорганизована, отчасти деморализована и, в большинстве случаев, не может, а иногда и не пытается даже оказывать

сопротивление порубщикам и похитителям леса; наиболее же преданные представители лесной стражи погибают на своих постах» [12, л. 91]. Борьба с самовольными порубками могла быть эффективной лишь при условии привлечения к охране лесов всех имеющихся в распоряжении властей сил и средств. Наиболее эффективным способом противодействия самовольным порубщикам являлась организация вооруженных летучих отрядов лесной милиции [13].

Существенным препятствием на пути реализации лесной политики являлась нехватка квалифицированных кадров на всех уровнях. Политическая нестабильность, частая смена власти, социальная напряженность, экономический кризис и другие факторы привели к тому, что служебная дисциплина в рассматриваемый период значительно снизилась, а у некоторых служащих отмечалось «недостаточно серьезное и добросовестное отношение к принятым на себя обязанностям по службе» [10, л. 98]. Обострила кадровую проблему мобилизация в армию Верховного правителя А.В. Колчака. Лесной департамент летом 1919 г. был вынужден издать запрет предоставлять служащим отпуска, поскольку заменить их было нечем [14, л. 18]. Преодоление «кадрового голода» виделось в восстановлении в должностях компетентных специалистов и приглашении на службу новых, в том числе беженцев, и развитии системы высшего, среднего и низшего специального образования и переподготовки.

Взяв курс на развитие коммерческого лесного хозяйства, Лесной департамент постепенно сокращал объемы бесплатных и льготных отпусков древесины. Правом бесплатного получения леса пользовались семьи солдат, находившихся в плену, пропавших без вести, получивших увечье или погибших, если им не была назначена пенсия. Помимо бесплатного отпуска существовала своего рода «социальная субсидия» в виде получения древесины на льготных основаниях. Правом на приобретение леса по сниженной таксовой стоимости обладали беженцы, а также жители сельской местности и городов, нуждавшиеся, в силу ряда причин, в лесоматериалах. С ноября 1918 г. городам, земствам, общественным учреждениям и кооперативам были предоставлены льготы по заготовке древесины на топливо.

В январе – феврале 1919 г. при Лесном департаменте работала временная лесокультурная комиссия, которая разрабатывала вопросы об организации лесомелиоративных работ, об организации опытного дела, о заготовке семян, изучении вредителей леса и т.д. Для ознакомления населения с результатами деятельности комиссии, информация была помещена в мартовском выпуске газеты «Сибирская речь». С марта 1919 г. на постоянной основе при департаменте начал действовать, а точнее, был восстановлен, Специальный лесной комитет, для решения лесотехнических, лесокультурных, лесоустроительных, учебных и других вопросов. Разрабатывались проекты новых инструкций, правил и положений в сфере охраны лесов, проведения лесоустроительных и лесокультурных работ и т.п.

Правительство обратило внимание на болезненный и нерешенный в дореволюционный период вопрос о проведении среди населения культурно-просветительской работы: использование начальной школы в целях воспитания в детях любви к лесу, проведение бесед, лекций, экскурсий со взрослым населением; издание и распространение брошюр и плакатов; организация передвижных и стационарных лесных музеев, выставок и библиотек; установление тесной связи с народными университетами в Сибири и органами местного самоуправления в деле популяризации естественно-исторических и лесных знаний в народе [8, л. 12об.]. Весной-летом 1919 г. в Омске была предпринята попытка восстановить заседания Петроградского лесного общества путем создания Лесного временного совета лесного общества, члены которого ратовали за восстановление выпуска «Лесного журнала».

Несмотря на наличие целого ряда научно обоснованных, актуальных и полезных предложений по развитию лесной отрасли, реализация предлагаемой правительством лесной политики в полном объеме была невозможна. Значительные силы и средства отвлекались на организацию охраны лесов в ущерб проведению мероприятий, направленных на развитие лесохозяйственной деятельности. Необходимо также учитывать, что в условиях гражданской

войны властные структуры на территории Западной Сибири находились в очень неустойчивом положении. Тыловые районы были охвачены партизанским движением. Регион был наводнен вооруженными бандами, терроризировавшими местное население. Лесничества страдали от набегов разного рода бандитов. В таких условиях нормальная работа была невозможна. Даже если центр генерировал идею и спускал ее вниз, исполнители не могли ее реализовать. Лесоустроительные и другие изыскательские работы, запланированные на лето 1919 г., откладывались или вовсе отменялись. Лесничие эвакуировали свои канцелярии в близлежащие населенные пункты, либо бросали, спасая себя и свои семьи. В условиях социальной нестабильности, когда из-под контроля властей выпадали целые уезды, охваченные восстаниями или находившиеся под контролем партизан, говорить об организации рационального лесного хозяйства не приходилось.

Нормальный режим функционирования системы обеспечения общественной и государственной безопасности постепенно уступил место режиму чрезвычайному. Начиная с осени 1918 г., Временное Сибирское правительство сделало ставку на силовые методы руководства подконтрольными территориями [15, с. 91]. Центр принятия решений и реализации управленческих функций постепенно смещался в сторону военных властей. В их компетенцию входили самые разнообразные вопросы, в том числе связанные с охраной лесов от самовольных порубок.

Лесной департамент ходатайствовал перед военными властями об издании приказов и обязательных постановлений об охране лесов на основании ст. 9 Временных правил по охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 15 июля 1918 г. [16, л. 34]. Подобного рода приказы и постановления устанавливали особый правовой режим преследования нарушений лесного законодательства, наделяли чрезвычайными полномочиями государственные органы и расширяли права лесной администрации при рассмотрении дел о самовольных порубках. Так, в обязательном постановлении, подписанном 6 марта 1919 г. уполномоченным штаба Омского военного округа в Алтайской губернии генерал-майором Р.Р. Биснеком, устанавливался особый порядок привлечения виновных в самовольных порубках к юридической ответственности [17, л. 43].

В сентябре 1919 г. командующий войсками Омского военного округа генерал А.Ф. Матковский издал приказ, по которому 13 уездов Западной Сибири полностью и 2 уезда частично были объявлены временным районом театра военных действий. Самовольные порубки, а тем более умышленные поджоги леса, приравнивались к воинским преступлениям, наказание за которые определял военный суд. Все распоряжения командующего, представлявшего высшую военную власть в регионе, должны были беспрекословно исполняться всеми правительственными и общественными организациями и учреждениями, должностными лицами и населением.

Осенью 1919 г. вопрос о реализации лесной политики отошел на второй план, уступив место более насущным проблемам. В ноябре 1919 г. частями РККА был взят Омск. А.В. Колчак с верными ему войсками двинулся по железной дороге в Иркутск. Фактически власть перестала контролировать ситуацию. В конце 1919 г. в Западной Сибири установилась советская власть, провозгласившая переход к принципиально новым принципам организации и ведения земельно-лесного хозяйства.

Результаты исследования. Таким образом, антибольшевистские правительства Сибири возлагали на лесные ресурсы региона большие надежды. Лес должен был стать основной экспортной статьёй, источником постоянного дохода в государственный бюджет, залогом процветания и экономической независимости новой России. Российское правительство и Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак получили право и полномочия принимать нормативные акты и программные решения общероссийского масштаба, поэтому вырабатываемая в Сибири лесная политика в будущем должна была распространиться на территорию всей России, освобожденной от большевиков.

Реализация предложенной политики в полном объеме оказалась невозможной в силу объективных трудностей гражданской войны. Основные силы и средства оказались направлены на лесоохранную деятельность, важнейшей целью которой была борьба с самовольными порубщиками. Несмотря на то, что была проведена существенная подготовительная работа, на реализацию новых программных установок не хватило сил, средств и времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рынков В.М. Обилие рафинированных интеллигентов: органы управления сельским хозяйством Сибири (14 июня 1918 г. – 5 января 1920 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 8–12.
2. ГАРФ. Ф. Р-192. Оп. 1. Д. 62.
3. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 369.
4. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 109.
5. Лесопромышленность // Сибирская речь (Омск). 26 марта 1919 г. № 65.
6. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 6. Д. 15.
7. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 364.
8. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 363.
9. ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3.
10. ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 17.
11. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 34.
12. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 79.
13. Тяпкин М.О. Формирование лесной милиции в Западной Сибири в 1918–1919 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. №2 (28). Экономика. История. Педагогика. С. 132–138.
14. ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 16.
15. Саблин В.А. Аграрная политика белых правительств на европейском севере России и в Сибири во второй половине 1918–1919 гг. (проблема выработки общего курса) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 90–96.
16. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 358Б.
17. ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 12.

И. В. ФЕДОТОВА

Омский государственный историко-краеведческий музей, Омск, Россия

**ОМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ:
ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ В СИБИРСКОЙ ПРЕССЕ 1930–1960-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА)**

Аннотация: Годовщины событий гражданской войны широко обозревались в советской печати. На основе малоизученных материалов из личного фонда краеведа А.Ф. Палашенкова – подборок статей из газет 1930–1960-х гг., освещающих Омскую операцию 5-й армии и освобождение Сибири от белых, показано, как представлялись Омская операция в зависимости от изменений в советской идеологии. Автор приходит к выводу, что под ее влиянием происходило как изложение событий операции, так и отражение участия в ней некоторых советских военачальников.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, Омская операция, Восточный фронт, РККА, советская власть, периодическая печать.

Постановка проблемы. 14 ноября 2019 г. отмечается 100-летняя годовщина одного из знаковых событий омской истории. В этот день части 5-й Армии Восточного фронта под командованием Михаила Николаевича Тухачевского в ходе Омской наступательной операции заняли Омск [1, с. 53–58]. Естественно, Омская операция не могла быть обойдена вниманием Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) – краеведа, собиравшего на протяжении своего почти 35-летнего омского периода жизни материалы по истории Среднего Прииртышья. Подтверждение этому мы находим в материалах его фонда, хранящегося Историческом архиве Омской области. Изучение событий революции и гражданской войны – одно из направлений «омской» деятельности краеведа. Об этом аспекте его работы рассказано в статье А.В. Ремизова «Подвижник краеведения» [2]. Мы согласны с выводами автора, что «события революционной эпохи и то, что о них напоминало, всегда вызвали у А.Ф. Палашенкова живой и неподдельный интерес», и «его интерес к историко-революционному прошлому края отнюдь не являлся своеобразным средством социально-политической мимикрии» [2, с. 62]. Результаты работы Андрея Федоровича отражены в многочисленных статьях, брошюрах, книгах, из которых выделяются «Памятные места Омска» и «Памятники и памятные места Омска и Омской области» [3–4]. При этом документы архивного фонда личного происхождения Палашенкова позволяет показать, что использовал историк-краевед для подготовки своих работ, проследив, как изменения в политике и тесно связанной с ней идеологии СССР отражались в «подаче» событий Омской операции.

Основная часть. Палашенков собрал довольно большую подборку вырезок из газет, выходивших в Омске, Новосибирске, Иркутске в 1930–1960-е гг. [5]. К сожалению, на них не всегда есть подпись или штамп, позволяющие определить издание. Эта особенность больше относится к материалам 1930-х гг., вырезки более позднего времени – 1940-1960-х гг. обычно подписаны собирателем. Статей более раннего времени (например, 1920-х гг.) нет – Андрей Федорович в это время еще жил в Смоленске. Исключение составляет вырезка из газеты без указания выходных данных со снимком «К 5-летию освобождения Сибири от Колчака. Фот. ВЦИК» [5, л. 8]. Это групповой снимок «активных участников борьбы за Советскую Красную Сибирь. В группе находятся: Первый состав Сибирского Революционного Комитета и Сиббюро ЦК РКП (б): Смирнов, И.Н., Косарев, В.М., Фрумкин, И.И. Ко-

мандный и политический состав 5-й армии: Смирнов, И.Н., Путно (так в тексте, имеется в виду В.К. Путьна – И.Ф.), Лапин, Хаханьян, Гончаров (...)). В 1930-е гг. почти все, изображенные на этой фотографии, были репрессированы. Их имена надолго исчезли из печати. Стало невозможным упоминание большинства лиц, связанных с Омской операцией: командующего Восточным фронтом В.А. Ольдерогге, командующих 5-й и 3-й армиями М.Н. Тухачевского и М.С. Матиясевича, командующего 27-й стрелковой дивизией, взявшей Омск, И.Ф. Блажевича и др.

В этом плане показательны юбилейные статьи 1939 г., например, «Празднование 20-летия освобождения Омска от колчаковщины» [5, л. 12]. Выходные данные не указаны. Описываются праздничные мероприятия в Омске, Марьяновке, Тюкалинске: «14 ноября на предприятиях, в учреждениях и в клубах Омска состоялись многолюдные собрания и вечера, посвященные XX-летию разгрома Колчака. На юбилейном вечере в клубе имени Лобкова присутствовало свыше 900 человек. Многие участники гражданской войны и партизанского движения в Сибири, бывшие красноармейцы выступили с интересными воспоминаниями...». А вот как описываются праздничные мероприятия в Марьяновке: «В зале гремит «Интернационал», раздаются возгласы: «Горячее спасибо товарищу Сталину и Красной Армии за освобождение Сибири!». Примечательно, что Сталин поставлен здесь на первой место, а Красная Армия – на второе. Еще одна вырезка – из газеты «...правда» (первое слово в подписи смазано) от 21 августа 1939 г. [5, л. 17] с заметкой «Партизанское движение в Сибири» за авторством Л. Горбова из рубрики «К 20-летию освобождения Сибири от Колчака». Про освобождение Омска в ней упоминается вскользь. Заключение оформлено цитатой Сталина о том, что Колчак нес с собой для сибирских крестьян «не только ярмо помещиков и капиталистов, но и ярмо англо-французского капитала». Вывод автора подчеркивает большую роль партизанского движения в победе над белыми: «Вместе с Красной Армией партизаны разгромили несметные полчища интервентов и белогвардейцев и освободили Сибирь от кровавого диктатора Колчака».

Как видим, фамилии участников Омской операции не называются. Редкое исключение – статья «Как был взят Омск в 1919 г.» (без выходных данных) [5, л. 19]. Указывается, что «Это воспоминание прислано командиром полка т. Зубовым, бравшим Омск» (имеется в виду Ф.В. Зубов, командир 238 Брянского полка 27 стрелковой дивизии – И.Ф.). По его воспоминаниям, «<...> В 10–11 числа ноября началась сильная снежная метель, препятствовавшая движению наших частей вперед. 238 брянский полк (им в то время командовал я) и 240 тверской к 12 часам 13 ноября находились у разъезда 769 версты, что в 60 верстах от Омска <...>. На разъезде, в железнодорожном домике, с командиром тверского полка т. Шрайером мы решили, пользуясь метелью, подойти за ночь к Омску и наутро 14 ноября овладеть им. Наши полки до этого имели 12 часов отдыха, а поэтому мы бодро двинулись на Омск. Шли по северной стороне жел. дороги <...>. Около 10 часов 14 ноября вдруг солнце прорвало снежную завесу и мы увидели в верстах 6 от нас Омск <...>. Справа от нас, верстах в двух, стояли 2 бронепоезда противника. Полки стали разворачиваться. Здесь же было решено тверскому полку занять южную окраину Омска от реки Оми, брянскому – северную. Молчавшие до этого бронепоезда вдруг открыли огонь, но видно впопыхах взяли неверный прицел и снаряды полетели на противоположный берег Иртыша. Через Иртыш я с полком проходил около кожевенного завода. В городе нас не ждали. По улицам разъезжали офицеры с дамами на санках, выстраивались батальоны, несколько сот пьяных солдат колчаковской армии громили винный склад. Всех приходилось разоружать и переправлять на другой берег Иртыша. Настолько неожиданным был наш приход, что сопротивления почти никто не оказывал, за исключением некоторой части казачьей бригады и офицеров. Нам сначала даже не верили рабочие, которые говорили, что ожидали нас позже на два дня. Характерен один случай: не помню, на какой улице выстраивался батальон, я подъехал со своим конным взводом

и приказал сложить оружие, объяснив, что мы – красные. Гробовое молчание было ответом на это приказание, молчал подполковник – командир батальона, молчали офицеры и солдаты. Тогда была подана команда: «Положить ружья». Эта команда была выполнена сразу. В Омске находилось около 30000 офицеров и солдат. Было захвачено несколько генералов. Лишь только поздно ночью бойцы смогли отдохнуть под охраной сформированных нашими полками и самими рабочими рабочих дружин». Интересно, что в этих воспоминаниях нет, как в более позднее время, рассказа о массовом восстании рабочих Омска, помогшем Красной Армии.

В «Омской Правде» летом – осенью 1939 г. публиковалась довольно подробная хроника событий «К 20-летию освобождения Сибири от Колчака». Она затрагивала события 1917–1919 гг. Палашенков собрал все ее выпуски. Остановимся на некоторых. Из «Омской правды» от 29 октября 1939 г. [5, л. 22]: «1919 г. 10 апреля. Командующим армиями южной группы войск Восточного фронта назначен М.В. Фрунзе. Под руководством тов. Сталина, вместе с членом Реввоенсовета южной группы В. Куйбышевым, Фрунзе разрабатывает план разгрома Колчака, отвергнув провокационный план разгрома предателя Троцкого, готовившего отход за р. Волгу <...> 14–17 мая. Части Красной Армии разгромили и обратили в бегство Каппелевский корпус <...>. В разгар решающих боев за Уфу предатель Троцкий предложил приостановить наступление на Восточном фронте и перебросить войска на юг. ЦК партии отверг это пораженческое предложение Троцкого и потребовал полного разгрома Колчака <...>». Как видно из приведенного фрагмента, в описании действий на Восточном фронте можно было упоминать о заслугах М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышева, естественно, действовавших под «руководством тов. Сталина», и представлять негативно деятельность Л.Д. Троцкого. Отношение к его военным планам весны 1919 г. как к «провокационным» и «предательским» останется надолго, как будет показано далее.

Рассмотрим продолжение «Хроники» [5, л. 28], опубликованное в «Омской правде» (на вырезке не подписаны выходные данные): «1919 г.(...) В ночь на 9 ноября части 27 дивизии Красной Армии заняли станцию Исилькуль и подошли вплотную к Омску. 12 ноября. 27 стрелковая дивизия *получила от командования 5 Армии* (курсив мой – И.Ф.) приказ овладеть Омском. 13 ноября. 3 бригада 27 стр. дивизии захватила на разъезде Алонском бронепоезд и в полном составе два батальона пехоты, 8 пулеметов. К исходу дня бригада овладела разъездом Лузино и готовилась к захвату железнодорожного моста через Иртыш. 14 ноября. 2 бригада 27 стр. дивизии после короткого боя, перейдя со стороны кожевенного завода Иртыш по льду, в 10 часов 50 минут вступила в Омск. Третья и первая бригады обошли город с юга и с севера; к вечеру весь город был освобожден от колчаковцев. Авангардные части 27 дивизии заняли линию 8-10 верст восточнее города. Одновременно полк им. Малышева 30 стр. дивизии занял дер. Харино. В Омске Красной Армией захвачены колоссальные трофеи: 40 тысяч пленных солдат, свыше 1000 офицеров (5 полков взяты вместе со штабами), три генерала, 41 орудие, 3 бронепоезда, свыше 200 паровозов, 3000 вагонов, около полумиллиона снарядов и проч. вооружение. За взятие Омска 27 стрелковой дивизии 10 марта 1921 года присвоено название «Омской стрелковой дивизии».

Примечательна формулировка: «получила от командования 5 Армии приказ» – неконкретная, но довольно смелая, т.к. большинство руководящего состава Армии уже было объявлено «врагами народа». Здесь же традиционно приводятся цитаты Ленина: «Колчак нам дал миллионы сторонников советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»; Сталина: «Самый сильный враг, Колчак, был выведен из строя».

Статьи конца 1940-х гг. более насыщены информацией, чем в предыдущее десятилетие. Весьма показательна в этом плане вырезка из газеты «Омская правда» [5, л. 4] от 13 ноября 1949 г. Целая полоса посвящена материалам, объединенным общим названием «К 30-летию

освобождения Сибири от колчаковцев». Статья Вл. Молотова: «Решающее поражение было нанесено колчаковским войскам 13 и 14 ноября 1919 года под Омском. В эти дни войска 5-й Армии форсировали Иртыш севернее Омска и мощным фланговым ударом освободили «столицу» Колчака. Советской Армии помогали организованные и вооруженные подпольным комитетом городские рабочие. В момент переправы советских частей они организовали вооруженное восстание. Советское правительство и лично В.И. Ленин высоко оценили подвиг советских войск, освободивших город Омск». Отмечено, что «27-й стрелковой дивизии, первой вступившей в город Омск, решением ВЦИК было вручено боевое Красное Знамя и присвоено звание «Омской». Как видим, по-прежнему нет упоминаний отдельных участников операции (даже не подвергшихся репрессиям), зато появляется описание восстания омских рабочих под руководством подпольщиков (сравним с более ранними воспоминаниями Ф.В. Зубова).

Показательны воспоминания старого большевика П.И. Зубова, приводящиеся на этой же полосе: «...Ночью в Самарке появились красноармейцы-разведчики. Они объявили, что скоро придут красные <...>. У нас было спрятано оружие, и мы решили действовать. На берегу Иртыша скопилось более трех тысяч овец, переправленных белыми в Омск. Мы отбили этот скот и организовали его охрану до подхода красных. К этому времени нас уже собралось одиннадцать коммунистов. Организуя и подымая народ, мы всячески мешали колчаковцам вывозить и уничтожать продовольствие, снаряжение, скот из Куломзино. 13 ноября на ст. Куломзино появился бронепоезд красных – «Мститель». Однако ему не удалось пройти в Омск, так как путь был поврежден. Вечером этого дня куломзинский окрест (так в тексте – И.Ф.) был потрясен взрывом огромной силы. Колчаковцы взорвали железнодорожный мост. На следующий день в Куломзино утвердилась советская власть...».

Там же приводится хроника «Омск, ноябрь – декабрь 1919 г.». Она составлена по документальным материалам Государственного архива Омской области. Описываются действия частей 27-ой дивизии (за 4, 8, 12, 13, 14, 25 ноября): «4. 27-ая дивизия 1-й (так в тексте, ошибка, имеется в виду 5-я Армия – И.Ф.), насчитывающая около 7012 штыков, 241 саблю, 142 пулемета, 24 орудия, заняла исходное положение для наступления на Омск <...>. 8. 27-я дивизия, преодолевая отчаянное сопротивление врага, перешла в решительное наступление. В ночь с 8 на 9-е ноября части ее 3-ей бригады после короткого ночного боя заняли станцию Исилькуль. 12. Части 27-й дивизии заняли станцию Марьяновка. Захвачено 150 пленных и 5 пулеметов. Приказом по дивизии поставлена задача – овладеть Омском <...> 13. <...> Вечером 13-го ноября части Красной Армии вступили в Куломзино. 14. На рассвете 2 бригада 27 дивизии начала бой в районе кожевенного завода, перешла по льду Иртыш и в 10 часов 50 минут вступила в Омск <...>. Освободить Омск от белых частей помогали омские рабочие. <...> 25. Реввоенсовет 5-й армии издал приказ по войскам по поводу взятия Омска. «Добьем Колчака!» – таким лозунгом заканчивался этот приказ».

Составителем этой хроники является Н.В. Горбань, кандидат исторических наук, известный советский историк-архивист, работавший тогда в Омске. Стоит уточнить, что приказ «Добьем Колчака» (приказ № 1100 по Войскам 5-ой Армии) был издан 15 ноября 1919 г., опубликован 25 ноября и подписан командармом-5 Тухачевским и членом РВС армии И.Н. Смирновым [6, л. 4], о которых, по понятным причинам, в то время не говорилось. Как и в статье Вл. Молотова и в воспоминаниях П. Зубова, подчеркивается обязательная помощь омских рабочих 5-й Армии. Интересно, что в этом же материале опубликована карикатура Кукрыниксов на Колчака.

Интересна вырезка из газеты «Советская Сибирь» (Новосибирск) за 8 ноября 1949 г. с воспоминаниями А.И. Макарова – бывшего военного комиссара Оршанского пехотного полка 27-й дивизии 5-й армии, персонального пенсионера из Новосибирска, добавляющими новые штрихи к описанию Омской операции [5, л. 7]. «<...> Четвертого ноября колчаковцы

окружили один из батальонов 237-го полка нашей бригады. Тогда командир 43-го полка В.И. Чуйков применил искусный маневр: он выдвинул один батальон для прикрытия фланга, а сам начал быстро обходить противника и окружил его. Во главе конной разведки в количестве 14 человек он смело бросился на казаков <...>. Своей храбростью т. Чуйков увлек в наступление весь полк, и батальон был освобожден (...). В это же день в бою на подступах к Омску большую находчивость и геройство проявил командир второго кавалерийского дивизиона 30-й дивизии К.К. Рокоссовский. Он ворвался в расположение противника и, преодолев упорное сопротивление вражеской пехоты, захватил в полной исправности неприятельскую батарею <...>. После упорных боев на Тоболе мы с двумя батальонами оказались на той стороне реки, где были расположены белогвардейские части <...>. 10 ноября 1919 года из Омска бежало колчаковское правительство (...). 14 ноября утром 238-й Брянский полк, преодолев на подводах за сутки расстояние почти в сто километров, вступил в город. Вслед за ним вошли и другие полки. Колчаковская столица пала. Никто не ожидал, что советские войска так быстро достигнут Омска. Поэтому утром некоторые чиновники, не успевшие эвакуироваться, направились на работу. С одним из них столкнулась группа красноармейцев. Это был генерал, ехавший в санях на рысаке. Заметив, что солдаты не отдали ему честь, он немедленно остановился и стал распекать их. Каково же было удивление генерала, когда стоявшие перед ним нижние чины на его замечания ответили дружным смехом и окружили его. Затем красноармейцы арестовали незадачливого генерала и под конвоем повели его в штаб». Характерно то, что здесь появляются описание действий частей под командованием будущих героев Великой Отечественной войны – маршалов Рокоссовского и Чуйкова.

В архиве Палашенкова имеются газетные статьи, не приуроченные к юбилейным датам. Например, статья 1951 г. «32 года назад (К освобождению Омска от Колчака)» (без выходных данных; имеется надпись простым карандашом рукой Палашенкова – «... (неразб.) большевик, 14 ноября 1951 г.») [5, л. 14]. «<...>. После короткого боя в районе кожевенного завода 238-й Брянский полк 27-ой дивизии Красной Армии подошел к Иртышу. Лед на реке был тонкий. О перевозке орудий нельзя было думать. Но командный состав и красноармейцы не растерялись. Орудия и обозы были оставлены у места переправы, а сами бойцы стали переходить Иртыш. Погода была морозной. Медленно падал снег. Вдали слышались орудийные выстрелы других частей дивизии, обходивших город с юга и севера. Брянцы преодолевали Иртыш. Через полчаса полк твердой поступью вступил на запорошенный снегом правый берег реки (в районе нынешней улицы 14 ноября)». Сопоставляя некоторые фрагменты с текстом книги «Памятные места Омска» [3, л. 86–87] можно сделать вывод, что автор статьи – сам Андрей Федорович, а ряд сюжетов (разгром винного склада, арест генерала), взят им из воспоминаний Ф.В. Зубова и А.И. Макарова.

Статья «К 35-летию освобождения Омска от Колчака» 1954 г. написана А.Ф. Палашенковым под его традиционным псевдонимом – А. Смоленский. Его рукой проставлена карандашом дата: 14-XI-1954 г., подписано – «См. 27 ая дивизия», «Молодой сталинец» (название газеты – И.Ф.) [5, л. 15]. «<...> 8 ноября в здании, занимаемом ныне краеведческим музеем, состоялось последнее заседание совета министров во главе с Колчаком. «Верховный правитель» отдал приказ об отъезде совета министров в Иркутск – новую столицу белогвардейщины. А в то время, когда проходило это заседание, 27-ая стрелковая дивизия, перейдя в решительное наступление, вступила на территорию нынешней Омской области. В ночь с 8 на 9 ноября части третьей бригады 27-ой дивизии после короткого ночного боя заняли Исилькуль, захватив около 300 пленных. Первая бригада к этому же времени заняла район Лебяжье. Утром 14 ноября Красная Армия подошла к Иртышу...» «До вечера продолжались бои на улицах города. К вечеру Омск был очищен от противника <...>». «После Омской операции и взятия Омска армия Колчака быстро катилась на Восток. В феврале 1920 года Колчак

и глава его правительства Пепеляев были расстреляны по приказу ревкома...». В статье появляются новые подробности Омской операции, но есть и повторы – в описании переправы через Иртыш и т.д.

В том же ключе написана статья корреспондента «Омской правды» С.И. Веремея и А.Ф. Палашенкова «Славная страница в истории Омска» с подзаголовком «К 35-летию освобождения Омска от колчаковщины» (без выходных данных, но, судя по авторству С.И. Веремея, из «Омской правды»). [5, л. 16]. Повествуется о взятии Исилькуля, Марьяновки, казни 120 узников Омской тюрьмы перед уходом белых из Омска, бое у кожевенного завода, переправе через Иртыш. Фамилии участников Омской операции не упоминаются. Почти дословно дан фрагмент из уже приведенных воспоминаний Ф.В. Зубова, но без упоминания его фамилии, о пленении командиром Брянского полка колчаковского батальона.

Еще одна из юбилейных статей в архиве А.Ф. Палашенкова – «Незабываемые страницы героической борьбы за Советскую власть». Рукой Андрея Федоровича сделана подпись – «Советская молодежь» Иркутск. 15-I-1955». [5, л. 21]. «<...> Колчаковцам удалось добиться временного успеха и отеснить войска красного Восточного фронта почти к самой Волге. Но затем Красная Армия перешла в контрнаступление. В это самое время Троцкий предложил подозрительный план остановиться перед Уралом, прекратить преследование противника и перебросить наши войска с Восточного фронта на Южный. Это привело бы к соединению Колчака с другой крупной силой контрреволюции – Деникиным – и объединенному походу белогвардейцев на Москву. Партия разгадала и пресекла преступные попытки Троцкого. Во главе группы южного крыла Восточного фронта был поставлен замечательный коммунист полководец М.В. Фрунзе и выдающийся политический деятель В.В. Куйбышев <...>. Под двойными ударами – Красной Армии с фронта и красных партизан в тылу – началась агония колчаковской армии <...>. К 1 ноября части 5-й и 3-й красных армий нанесли колчаковцам сильные поражения <...>. Уже 14 ноября пал Омск – ставка Колчака...». Статья подготовлена З. Тагаровым, научным сотрудником облархива. Как и в конце 1930-х гг., упоминаются лишь «дозволенные» имена – Фрунзе, Куйбышева. Троцкий предстает в «черном» цвете. Правда, уже исчезает имя Сталина, во всяком случае, он в этой публикации не упоминается.

К 1959 г. Тухачевского и большинства других репрессированных военачальников уже реабилитировали. Но их имена возвращаются в историю с трудом. Показательна статья «Шла дивизия вперед. К 40-летию освобождения Сибири от Колчака» в номере газеты «Молодой Сибиряк» от 1 ноября 1959 г. [5, л. 10]. Это уже знакомая, несколько переработанная статья Веремея и Палашенкова с описанием событий Омской операции без перечисления ее участников. Традиционно подчеркивается полная неожиданность появления частей 27-й дивизии в городе.

В подборке публикаций «Этих дней не смолкнет слава... К 40-летию освобождения Сибири от Колчака». «Советская Сибирь» (Новосибирск), 13 декабря 1959 г. [5, л. 11] приведены воспоминания М.А. Румянцева – начальника штаба первой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии, персонального пенсионера. Они относятся к событиям после освобождения Омска. Появляются имена Г.Х. Эйхе, И.Ф. Блажевича. Блажевич представлен так: «бывший офицер царской армии, перешедший на сторону трудящихся с первых дней революции. Это – волевой, требовательный и отзывчивый командир. Комиссаром дивизии был опытный коммунист А.П. Кучкин – один из руководителей Уфимской большевистской организации <...>. В настоящее время – профессор, доктор исторических наук...». Рассказывается о К.К. Рокоссовском, В.И. Чуйкове и других героях Великой Отечественной Войны. В статье Я. Мясникова – члена КПСС с 1919 г., бывшего политработника 51-й стрелковой дивизии, упоминается имя также недавно реабилитированного «прославленного героя гражданской войны» В.К. Блюхера.

Исходя из приведенных выше материалов, можно сказать, что имя командарма Тухачевского – вернулось в историю не сразу. И только в начале 1960-х гг. появляются публикации с упоминаниями о нем. Например, в «Омской правде» от 18 декабря 1963 г., [7, л. 2.] в статье к 80-летию со дня рождения С.С. Вострецова: «С.С. Вострецов <...> был зачислен помощником командира роты 2-го Петроградского полка 5-й Армии, которой командовал М.Н. Тухачевский». В аннотации к этой статье встречаются имена и других репрессированных полководцев: «<...>В числе первых четырех героев гражданской войны за особую храбрость и мужество он (Вострецов – И.Ф.) был награжден орденом Красного Знамени. (Таких же наград тогда удостоились В.К. Блюхер, Я.Ф. Фабрициус и И.Ф. Федько)». Авторами статьи являются А. Вострецова (жена С.С. Вострецова) и А. Липкина. Стоит упомянуть, что имя Вострецова также появилось в начале 1960-х гг. после долгого забвения, хотя он не был репрессирован.

И только в статьях конца 1960-х гг., когда широко отмечалось 50-летие Омской операции и освобождения Сибири от белых, имя Тухачевского «выходит из тени». В номере «Омской правды» от 4 июня 1969 г. в статье А. Маленко «Встреча с комиссаром» из серии «Подвигу – полвека» [7, л. 8] приводятся любопытные сведения о встрече учеников омского индустриально-педагогического техникума с бывшим комиссаром 27-й стрелковой дивизии Андреем Павловичем Кучкиным. По его воспоминаниям, «<...> Трудящиеся Омска восторженно встретили своих освободителей. На городской площади собрался многолюдный митинг». На митинге выступил командующий 5-й Армией М.Н. Тухачевский, а командир 242-го Волжского полка С.С. Вострецов зачитал приветствие Всебашкирской конференции большевиков, только что полученное и адресованное 27-й дивизии. Подчеркнем, что Палашенков, несомненно, интересовался личностью Тухачевского. Возможно, в молодости он был знаком с дядей будущего маршала – А.М. Тухачевским, в дореволюционное время председателем Дорогобужской уездной земской управы и попечителем земской школы в деревне Челновой, где начинал работать Палашенков [2, с. 46]. Исходя из архивных документов видно, что Палашенков внимательно читал одну из первых биографий красного маршала, вышедшую после его реабилитации, написанную Л.В. Никулиным [8, с. 81–82], делая из нее выписки [7, л. 6–7]. Он ссылался на нее в своей работе, рассказывая о знакомстве П.К. Штернберга с Тухачевским [4, с. 57; 8, с. 90]. Палашенков пользовался и воспоминаниями В.Н. Краснопольского (участника Омской операции, политработника, написавшего песню «Стальной грудью врагов сметая» [9]), описывая известный эпизод с допросом пленником Е.М. Римского-Корсакова, генерала для поручений при начальнике артиллерийского управления армии Колчака [10, с. 193; 4, с. 56–57].

Результаты исследования. Таким образом, газетные материалы из архива Палашенкова позволяют проследить, как на протяжении нескольких десятилетий советской общественности «подавалась» Омская операция 5-й армии РККА. Аспектами, наиболее подверженные влиянию политической конъюнктуры, были: поддержка омскими рабочими частей 5-й Армии, изъятие имен «врагов народа» из исторической памяти населения в 1930–1950-е гг. и постепенное, довольно медленное их возвращение к началу 1960-х гг.

Во все десятилетия неизменно подчеркивалась роль руководства партии в освобождении Сибири от белых, массовое партизанское движение, героизм красноармейцев; белые, напротив, предстают в окарикатуренном виде, подчеркивается их неразрывная связь с иностранными союзниками, что способствует в наши дни складыванию ряда исторических мифологем массового сознания. Данный острый аспект особо отмечается в современной историографии [11, с. 11]. Тем не менее, представленные периодические материалы обладают большой ценностью: они передают идеологический «дух эпохи» и содержат интересные воспоминания, которыми, к сожалению, нечасто пользуются современные исследователи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тархова Н.С., Березовский Н.Ю. Омская наступательная операция Красной Армии в 1919 году. Омск : Омское кн. изд-во, 1989. 77 с.
2. Ремизов А.В. Подвижник краеведения // Антология омского краеведения / М-во культуры Ом. обл.; Ом. гос. ист.-краев. Музей; Ом. Отд. СКР; гл. ред. П. П. Вибе. Омск: Омскбланкиздат, 2013. Т. 1. С. 44–90.
3. Палашенков А.Ф. Памятные места Омска. Омск : Обл. кн. изд-во, 1956. 126 с.
4. Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-е, 1967. 235 с.
5. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 80. Материалы об освобождении Омска от Колчака в 1919 г. (вырезки из газет, фотографии).
6. Известия Омского Революционного комитета и Сибирского областного бюро Р.К.П.(большевиков). 1919. 25 ноября.
7. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2 Д. 368. Вострецов Степан Сергеевич – большевик, герой гражданской войны на Дальнем Востоке (Материалы к энциклопедии).
8. Никулин Л.В. Тухачевский (Биографический очерк). М. : Воениздат, 1964. 200 с.
9. Песня 27-й краснознаменной дивизии // URL: <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/p27div.php> (дата обращения 15.07.2019).
10. Краснопольский Н.В. Освобождение Омска // В огне революции и гражданской войны: Воспоминания участников / [Ред. комис.: Ф.В. Григорьев, Е.Д. Сухина (отв. ред.) и др.]; [Введ. Н.Б. Хайруллина]; Парт. архив Ом. обкома КПСС. Омск : Кн. изд-во, 1959. 224 с.
11. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

О. А. ФИЛИНОВИЧ

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

М. М. СТЕЛЬМАК

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

МОНАСТЫРСКИЙ КЛАД В ПРИГОРОДЕ ОМСКА (1919): К ИСТОРИИ ОБРЕТЕНИЯ НАХОДКИ

Аннотация: В исследовании на основе документах, хранящихся в фондах Исторического архива Омской области, проанализировано нахождение клада на территории одного из омских монастырей. Дается анализ событий, происходящий в Омске в указанных период, связанные с появлением данной находки.

Ключевые слова: Гражданская война, клады, белое движение, советская власть, бумажные денежные знаки, монеты, бонистика, нумизматика.

Постановка проблемы. Завершение Гражданской войны оставило существенный след в событиях омской истории. Ещё период Первой мировой войны неблагоприятно отразился на повседневной жизни Омска и его окрестностей. На завершающем этапе военнореволюционного периода было необходимо восстанавливать многие хозяйственные отрасли, решать социально-бытовые проблемы. Одним из элементов стабилизации жизни стало решение проблемы с детской беспризорностью. Очередная попытка на практике ликвидировать насущную проблему привела к неожиданной ценной находке.

Основная часть. В период Гражданской войны в самом затруднительном положении оказались беспризорники. Так в Омске, в одном из предоставленных для них помещений, в комнатах, предназначенных для размещения 30 человек, находилось около 100 детей. Вследствие этого, дети были вынуждены спать по двое и по трое на одной кровати [1, л. 179]. Например, дети из приюта Атаманского хутора (ул. Волошинская, 67) спали на досках, накрытых мешками, т.к. не было соломы для матрасов [2, л. 27]. Ситуация осложнялась и тем, что в одном помещении находились как психически здоровые, так и люди с расстройствами психики. [1, л. 179]. Кроме того, в городе свирепствовал сыпной тиф, и многие из детей оказались зараженными. Врачебная помощь отсутствовала в связи с нехваткой врачей. Один и тот же врач должен был проводить осмотр не только детских приютов, но и домов «старости» [1, л. 179]. В связи с этим, Отдел социального обеспечения ходатайствовал перед Омским губернским отделом социального обеспечения об организации на территории омского Монастыря во имя иконы Казанской Божией Матери детского приюта.

Острая нужда в занятии каких-либо зданий и проблема с помещениями для приютов объяснима, в данном случае, целым рядом факторов. Еще в начале Первой мировой войны нехватка жилых помещений стала общероссийским явлением, затронувшим даже Петроград и Москву [3, с. 91]. В связи с потоком беженцев и военнопленных, начавшимся еще в 1914 г. и продолжающимся с началом войны Гражданской население Омска стремительно увеличилось. В январе 1919 г. оно составляло примерно 500 тысяч человек [4, с. 174; 5, с. 86.]. Аналогичная ситуация с прибытием беженцев, острой нехваткой помещений была характерна и для ряда других сибирских городов [6, с. 148]. В докладе о жилищном кризисе в Омске в Сибревком в начале января 1920 г. отмечалось: «Весь крутой берег Оми сплошь изрыт землянками по типу пещер. Помимо открытого берега население пытается, стремясь уйти от

ветра, использовать все так называемые спуски – Сиротский, Баронский и пр. В общей сложности в Нахаловке насчитывается 170 землянок с населением около полутора тысяч человек» [4, с. 275]. Необходимо было и бороться с распространением болезней, что было характерно и городских властей европейской России в 194-1922 гг. [7, с.79]. Практика устройства детского приюта на территории монастыря была характерна и для других регионов. Например, целый Ахтырский детский городок, располагавшийся в 120 км. от Харькова, в нескольких верстах от Ахтырска находился на месте бывшего монастыря на берегу р. Ворсклы [8, с. 186].

Что же представлял собой Омский Казанский женский монастырь, помещения которого должны быть отданы детскому приюту? История создания монастыря связана с религиозно-просветительной общиной, которая располагалась на землях Новой станицы Омского уезда. Именно на земле общины в 1905 г. и был возведен «деревянный корпус с домовою церковью» [9, с. 40]. А в 1912 г. на базе общины был создан женский монастырь. [9, с. 40]. Купец Николай Яковлевич Смирнов в 1909 г. пожертвовал общине участок в 130 десятин, а в 1915 г. Омским переселенческим управлением под нужды монастыря был отведен участок в 311,01 десятин [10, л. 9]. Кроме самого монастыря, было несколько домов, в том числе, и дом игумены. В ведении монастыря находилась и заимка с постройками в 25 верстах от Омска [1, л. 179]. Как отмечали исследователи, по данным В.А. Шакуровой изучившей подробно историю монастыря, в конце ноября 1918 г. храм был превращен в тюрьму для подпольщиков. Но это информация не подтверждена документально, ввиду того, что на территории монастыря было достаточно помещений, чтобы разместить заключенных [9, с. 113].

В начале декабря 1919 г. помощник заведующего отделом социального обеспечения Николай Михайлович Николаев получил мандат от губернского революционного комитета от 22.12.1919 года: о приеме, согласно актам и описям от игуменьи Омского Казанского женского монастыря, движимого и недвижимого имущества, и о выселении из монастыря всех монахинь [1, л. 176]. В Омском Казанском женском монастыре предполагалось разместить 205 детей из разных приютов города [1, л. 178]. На 27 декабря 1919 г. в Казанском женском монастыре находилось около 70 монахинь, 20 из них были нетрудоспособными [11, л. 161].

Монахиням было предложено устроиться в лазарет сиделками. Однако после их отказа Н.М. Николаев был вынужден решать вопрос о дальнейшем расселении монахинь. В его отсутствие монастырь охраняли два милиционера [12, л. 76–76об.]. 25 декабря игумена монастыря (фамилия неизвестна) пригласила милиционеров для угощения. И за это время из монастыря в город было отправлено «...семь возов разного имущества на Сергиевскую улицу». Неизвестные лица напали на милиционеров, и после нескольких выстрелов исчезли. После случившегося инцидента, заведующий отделом социального обеспечения тов. Дубинин и его помощник тов. Николаев отправили записку начальнику Атаманской милиции, об обыске дома и об увеличении караула в монастыре [12, л. 76об.].

После проведения обыска, в доме было обнаружено около 3-х млн. руб. золотыми монетами, около 2 млн. руб. романовскими кредитками, а также драгоценности и ценные вещи на крупную сумму. Около монастыря, из выкопанных могил, извлекли серебряные и медные деньги (около 1000 руб.). При обнаружении сотрудниками милиции клада, монахини попытались совершить побег [12, л. 77]. По мнению заведующего отделом социального обеспечения Дубинина, часть клада была спрятана по приказу А.В. Колчака для использования в пропагандистских целях. Дубинин в докладе указывал, что адъютант Колчака довольно часто посещал игуменью, и более того, при отступлении белые какое-то время находились в монастыре [12, л. 77].

Сразу следует указать, что найденный клад не имел никакого отношения к золотому запасу бывшей Российской империи, до сих пор будоражащему умы некоторых граждан. Загадки золота не существует уже довольно давно, что было показано современными исследо-

вателями [13, с. 141]. Но Российское правительство А.В. Колчака все же испытывало значительные сложности в финансовой политике. Даже западные державы были крайне заинтересованы в нормализации денежного обращения в Сибири на основе «твердого интернационального рубля» [14, с. 135]. Однако в силу целого ряда причин финансовое положение не удалось стабилизировать, во многом из-за неудачной реформы по изъятию и обмену «керенок» и местных бон [15, с. 166]. Аннулирование и изъятие белогвардейских денег началось с сентября 1919 г., развиваясь с продвижением РККА на восток [16, с. 29]. В связи с этим логично, что клад состоял из наиболее «ликвидных» видов денежных знаков. Также подчеркнем, что как показывала практика тех лет, деньги тогда, наряду со своими традиционными функциями, выступили и в качестве инструмента политического и идеологического воздействия [17, с. 53].

Предположение о том, что деньги могли быть предназначены для агитации, имеет под собой основания. Летом–осенью 1919 г. под давлением различных обстоятельств (неудачи на фронте, активизации повстанческо-партизанского движения и подполья) Российское правительство А.В. Колчака значительно расширяет военно-пропагандистскую деятельность [18, с. 167]. За лето 1919 г. сеть местных организаций Русского бюро печати распространило среди войск и населения до 11 млн. различных пропагандистских материалов, а к концу октября общий объем печатной продукции данного ведомства превысил 17 миллионов экземпляров [18, с. 126]. Центральное место в пропаганде занимал образ героической армии [19, с. 151]. По всей вероятности данные средства могли действительно предназначаться для агитации, но не были вовремя вывезены. Как отмечал историк Л.А. Молчанов, в начале ноября 1919 г., перед занятием Омска РККА, началась эвакуация Русского общества печатного дела в другие города Сибири. «До последнего момента» в Омске должна была оставаться часть агитационного отдела и отдела агитационного издательства, фронтовая часть экспедиционного отдела, агенты бюро иностранной информации и Русского телеграфного агентства [20, с. 54]. По сути, вся деятельность Русского общества печатного дела была связана с постоянной финансовой, организационной, кадровой поддержкой этого издательства со стороны Российского правительства А. В. Колчака [21, с. 143].

Что касается упомянутого адъютанта А.В. Колчака, то здесь довольно сложно назвать конкретного человека. Известно, что старший адъютант В.В. Князев и адъютант Г.М. Сазонов 29 августа 1919 г. были уволены с занимаемых должностей с отчислением из штата Управления делами Верховного правителя и Совета министров из-за халатности, приведшей к взрыву в личной резиденции А.В. Колчака [22, с. 171]. Впрочем, до своей отставки В.В. Князев мог выполнять подобные поручения Верховного правителя или действовать самовольно от его имени.

Найденный запас, в итоге, вполне могли забыть при эвакуации Омска. Для многих учреждений она проходила в сильной спешке [23, с. 25]. Мешало и состояние неопределенности. Офицер И.С. Ильин в дневниковой записи от 3 ноября 1919 г. указывал, что весь Омск эвакуировался, движение шло по всем улицам. При этом генерал-лейтенант В.В. Голицын уверял его, что Омск сдан не будет [24, с. 409]. Генерал-лейтенант А.П. Будберг в дневниковой записи от 12 ноября 1919 г. указывал, что из Омска ему поступает информация о том, что Омск не собираются сдавать [25, с. 604].

Что касается местных жителей, то согласно постановлению Омского губернского отдела социального обеспечения, трудоспособных монахинь должны были переселить «на заимку», а монахинь пожилого возраста – в монастырь, расположенный на Тюремной улице. Собственность монастыря подлежала изъятию и передаче в собственность «Совета Трудовой Артели» [12, л 76об.].

После переселения детей, бывший монастырь стал именоваться детской трудовой коммуной имени Антона Валека. Дальнейшая судьба монахинь, как и детей, сложилась печально. Преклонного возраста монахинь поселили в специально отведенном доме, остальных же

переселили «на заимку». Дети из трудовой коммуны жили в не отапливаемом помещении и без света, кормлением их занимались монахини за счет пожертвований местного населения. В 1921 г. один из корпусов монастыря сгорел. В августе того же года 61 человек (из 200) были перевезены в другой дом [26, с. 648].

Результаты исследования. Как следствие влияния самых ряда факторов, история Революции и Гражданской войны сегодня преподносится, изобилуя самыми разнообразными истолкованиями событий. Причем это касается и общероссийского, и локального масштабов [27]. Каверзный и нерядовой случай, произошедший на территории монастыря, мог дать почву появлению всевозможного толка городских слухов и легенд. Подчеркнем, что интерес ко многим из подобных «нарративов» подогревается до сих пор любителями истории и средствами массовой информации. Описанная в нашем исследовании находка пусть не с бухгалтерской точностью, но определенно подтверждена советскими документами. Причины оставления в Омске антибольшевистскими силами столь существенных денежных запасов, на наш взгляд, вполне обусловлены вышеприведенными аргументами. Все это, так или иначе, дает наглядное представление о политической нестабильности в белой столице осенью 1919 г. Проведенное нами узкое локальное исследование показывает, что всегда необходимо со всех сторон рассматривать контекст аналогичных открытий. Это позволит грамотно интерпретировать документальные находки, избегая неточных толкований и трактовок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 34.
2. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 676.
3. Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири (Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул) в июле 1914 – феврале 1917 гг.: дисс....канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 160 с.
4. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 385 с.
5. Сизов С.Г. Основные социально-экономические особенности повседневной жизни Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 84-91.
6. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Томска в 1917–1919 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. №. 1. С. 141–150.
7. Тетерин В.И. Пермское земство в Великой русской революции 1917 года: монография / М-во с-х. РФ, ФГБОУ ВО «Пермский гос. аграрно-технологический ун-т им. акад. Д.Н. Прянишникова». Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2019. 184 с.
8. Лупаренко Е.С. Детские городки в системе работы с беспризорными детьми в СССР (1920-1930-е гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 1 (9). С. 18–190.
9. Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья / Науч. ред. А.В. Ремнев. Омск: Издатель–Полиграфист, 2004. 400 с.
10. ГИАОО. Ф. 16. Оп.1. Д. 169.
11. ГИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 86.
12. ГИАОО. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 94.
13. Будницкий О.В. Колчаковское золото: конец легенды // Труды Института истории РАН. 2006. № 6. С. 140-160.
14. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб.: СПбГУ, 2019. 312 с.

15. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.): Монография. Новосибирск, 2006. 212 с.
16. Петин Д.И. «Людям трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 27–40. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.302.
17. Петин Д.И. Власть, деньги и «Русская смута» (о монографии М.В. Ходякова «Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 51–59. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-51-59.
18. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) / Под ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 184 с.
19. Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 148–152.
20. Молчанов Л.А. Белая Сибирь: Деятельность информационно-агитационных учреждений (1918–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2011. № 29. С. 43–57.
21. Посадсков А.Л. К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Макушинские чтения. 1997. № 4. С. 140–143.
22. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции / Под ред. Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. Омск, 2013. С. 161–173.
23. Иванов В.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний восток. 1994. № 12. С. 3–75.
24. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. [подгот. текста, вступ. Ст. В.П. Жобер, примеч. В.П. Жобер и К.В. Чащина, разработка карт-схем Т.В. Русиной]. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.
25. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Изд-во «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с.
26. Памятная книжка Омской области. Год 2011. Омск, 2012. 599 с.
27. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

Н. С. ХРАПОВА

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

А. В. СУШКО

Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

АКТОВАЯ ЗАПИСЬ О СМЕРТИ АРХИЕПИСКОПА СИЛЬВЕСТРА (ОЛЬШЕВСКОГО): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКА

Аннотация: Данная публикация посвящена анализу некоторых аспектов актовой записи о смерти омского архиепископа Сильвестра (Ольшевского). Оцениваются приведенные в документе сведения. Авторы приходят к выводу, что подлинность документа и основные факты, содержащиеся в нем, подтверждаются. Только квалифицированная экспертиза останков архиепископа может опровергнуть данные о его естественной смерти содержащиеся в актовой записи.

Ключевые слова: архиепископ Сильвестр (Ольшевский), источники, актовая запись, Русская Православная Церковь, Сибирь, Омск, Гражданская война в России

Постановка проблемы. В настоящее время по вопросу кончины омского архиепископа Сильвестра (Ольшевского) (1860–1920) бушуют жаркие споры между историками, священнослужителями и представителями омской общественности. Согласно легенде, описанной омским краеведом И.П. Шихатовым и положенной в основу жития, архиепископ Сильвестр принял мученическую смерть от рук большевиков [1, с. 37]. На основании этого владыка был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских Русской православной церковью в 2000 г. Найденные в 2005 г. мощи стали объектом поклонения православных в восстановленном Успенском кафедральном соборе.

В 2014 г. сотрудник Исторического архива Омской области М.Ф. Панина опубликовала статью, документально ставящую под сомнение версию мученической гибели омского владыки. Она ввела в научный оборот актовую запись о смерти архиепископа Сильвестра, а также письмо М.А. Столповского, где говорилось о естественной смерти владыки от «кишечного рака» и его захоронении в «Соборном склепе» [2]. В результате этой публикации стало широко известно, что в архивном фонде Омского губернского отдела ЗАГС имеется актовая запись № 96 о смерти 10 марта 1920 г. Сильвестра – Архиепископа Омского и Павлодарского [3, л. 96].

С этой публикации началась жаркая полемика по вопросу о последних днях архиепископа Сильвестра. Мы приняли участие в ней, постаравшись проанализировать аргументацию существовавших точек зрения и опубликовав документ Омской губернской ЧК о подготовке судебного процесса над архиепископом [4]. До настоящего времени вопрос не закрыт, так как ни одна из сторон (сторонники и противники мученической смерти владыки) не смогла убедить другую. Вероятно, это невозможно сделать из-за того, что вопрос о кончине омского архипастыря стал не только проблемой исторической науки, требующим документальных доказательств, но и вопросом веры, не требующим рационального объяснения. Кроме того, вопрос о характере смерти архиепископа Сильвестра имеет общественно-политическое значение, поскольку его мученическая смерть используется критиками коммунистической идеологии для ее обличения.

Актуальность нашего исследования связывается со стремлением поиска исторической правды. Как подчеркивают современные исследователи, именно Гражданская война стала периодом прошлого, вокруг которого сложилась масса самых разнообразных досадных заблуждений, интерес общества к которым активно стимулируется, главным образом, средствами массовой информации и массовой культурой. При этом Исторический архив Омской области сегодня стал той площадкой публичной истории, которая призвана не только заниматься сохранением, изучением и популяризацией прошлого, но, в том числе, «возвращать» и транслировать историческую правду. Причем, данная деятельность омских архивистов получила заслуженное всероссийское признание [5–8].

Основная часть. В статье М.Ф. Паниной фактическая информация из актовой записи о смерти омского архиерея приведена в полном объеме [2, с. 126]. Однако в ее работе проведен анализ не всех фактов, содержащихся в документе. Прекрасно осознавая, что в настоящее время невозможно поставить точку в ведущейся дискуссии, мы ставим целью дать краткую характеристику свидетельству о смерти архиепископа Сильвестра как историческому источнику в контексте событий локализации и завершения Гражданской войны и проанализировать информацию, содержащуюся в нем, не удостоенную должного внимания исследователей:

- место смерти;
- личность врача выдавшего свидетельство о смерти;
- место погребения;
- личность заявившего о смерти.

Характеристика исторического источника в контексте событий локализации и завершения Гражданской войны

После падения в ноябре 1919 г. столицы Белой России – Омска, победители начали преследование своих политических противников. Расправа с архиепископом Сильвестром, со стороны побеждавших большевиков, в условиях продолжавшейся в России Гражданской войны была бы вполне закономерной. Владыка возглавлял ВВЦУ в Сибири, являвшееся антибольшевистской организацией, принявшей активное участие в Гражданской войне на стороне проигравшей стороны [9, с. 82]. Подчеркнем, что дело на омского архиерея находилось в производстве у чекистов в 1920 г. и его преследование осуществлялось *не за религиозную, а именно за контрреволюционную деятельность*. За то, что владыка Сильвестр являлся одним из главных идеологов колчаковского режима. За омским пастырем на сторону белых встало большинство подчинявшихся ему представителей духовенства. Он благословлял православных верующих на крестовый поход против большевизма [10].

В годы Гражданской войны коммунисты практиковали зверские убийства священнослужителей. При этом они, как правило, не заботились о сокрытии фактов казней священников, и о них становилось широко известно общественности. По логике, в случае жестокой расправы с омским архипастырем, властям не было необходимости скрывать этот факт и фальсифицировать свидетельство о его смерти.

В начале 1920 г. омскими чекистами в соответствии с нормами революционной законности проводились расстрелы политических противников большевизма. Списки расстрелянных Омской губернской ЧК, с указанием на их социальный статус и вид преступления открыто публиковались в центральной газете региона – «Советская Сибирь» [11; 12]. Проверка этих списков показала, что на казненных чекистами граждан органами ЗАГС не оформлялись актовые записи о смерти.

Актовая запись о смерти архиепископа Сильвестра хранится в соответствии со своим происхождением в «Книге записи смертей за 1920 г. Отдела записи актов гражданского состояния (ЗАГС) при Омском губревкоме 3-го района». Согласно предисловию к описи дел постоянного хранения Омского губернского отдела ЗАГС в конце декабря 1919 г. Омским

губревкомом было выпущено объявление о порядке ведения регистрационных книг и принятии дел от священнослужителей разных религиозных культов. Датой открытия отдела считается 1 января 1920 г. В Омске и его пригородах было организовано 6 местных отделов записей актов гражданского состояния, однако вследствие недостатка служащих в сентябре 1920 г. количество отделов было сокращено до четырех. Так, на основании приказа по Омскому губернскому отделу управления (подотдел записей актов гражданского состояния) от 4 сентября 1920 г. 2-й и 3-й Омские отделы ЗАГС объединились в один – 2-й район, к которому была отнесена вся правобережная часть города по реке Оми, включая Загородную рощу, сельскохозяйственный институт и выселки: Кривошеково, Игнатовка и другие, с помещением канцелярии бывшего 2-го отдела по адресу: ул. Проломная, д. 117 [13, л. 8–9].

По документам, имеющимся в деле, видно, что книга, в которую подшита актовая запись о смерти владыки Сильвестра, переплеталась позднее и некоторые из записей подрезались под формат дела. В нашем случае подпись сотрудника ЗАГС, а также графа «особые приметы», оказались на свидетельстве подрезанными. Документ не имеет внешних признаков фальсификации. Он ничем не примечателен в сравнении с другими актовыми записями о смерти, оформлявшимися в то время.

Свидетельство написано на стандартном бланке по существовавшей тогда форме. В документе есть следующие графы: номер в описи; месяц и число смерти; место смерти; пол умершего; имя, фамилия и род занятий умершего; причина смерти; фамилия, имя и место жительства врача выдавшего свидетельство о смерти и номер актовой записи; место погребения; год, месяц и число рождения умершего; семейное положение умершего (хол[ост], вдов, разведен); имя фамилия, и место жительства заявившего о смерти; особые приметы. Другие актовые записи, находящиеся в данном архивном деле выписаны на таких же форменных бланках. Дата составления документа на нем не указана. В бланках книг записей смертей за 1920 год Отдела записей актов гражданского состояния нет графа «дата и месяц составления записи». Исходя из внешнего вида документа, у нас не возникает сомнений в том, что он был составлен вскоре после кончины владыки Сильвестра в 1920 г.

Место смерти

В свидетельстве о кончине владыки Сильвестра сказано, что он умер по адресу «гор[од] Омск, ул. Главн[о]управленская, 6». Согласно справочнику «Весь Омск» в жилом доме, находящемся по адресу: ул. Главн[о]управленская, д. 6, проживал протоиерей Успенского кафедрального собора города Омска Дмитрий Павлович Александров; в соседнем доме по ул. Главн[о]управленская, д. 4 – священник Бирюков Михаил Александрович [14, с. 70, 71]. Указанные здания принадлежали Успенскому кафедральному собору. Вероятно, что глава епархии, у которого дом был изъят вскоре после взятия Омска частями РККА, проживал в доме, принадлежащем кафедральному собору. Уже после смерти владыки Сильвестра, в 1920 г. улицы Главн[о]управленская и Мариинская от Иртыша до Бутырской улицы были переименованы в улицу Коммунистическую [15, л. 198]. А в мае 1923 г. дома д. 6–8 по улице Коммунистической принадлежавшие Успенскому кафедральному собору были муниципализированы [16, л. 9об.–10].

Личность врача выдавшего свидетельство о смерти

Смерть владыки Сильвестра засвидетельствовал врач М.П. Зинин, проживавший по адресу улица Банная, д. 78. Согласно изданию «Справочник и список абонентов телефонной сети г. Омска и Атаманского хутора» на 1919 год доктор действительно был зарегистрирован по указанному адресу [17, с. 31]. Михаил Петрович Зинин был одним из самых авторитетных в Омске врачей, «специалистом по внутренним болезням» [14, л. 8]. Он родился в 1878 г. Окончил гимназию, затем Харьковский университет. До революции был земским врачом, затем занимал ряд престижных врачебных должностей в Омске. Имел правительственные награды: ордена Святого Станислава III степени («за эпидемию холеры»), Святой

Анны III степени (за выслугу лет). В Первую мировую войну Михаила Петровича мобилизовали для нужд армии. В своей автобиографии, составленной 2 сентября 1924 г. об участии в общественной жизни до революции М.П. Зинин отмечал следующее: «Работал в Омском медицинском обществе, в туберкулезном обществе, нес большую работу по оказанию бесплатной медпомощи семьям призванных в Германскую войну. Оказывал и оказываю медпомощь бесплатно беднейшему населению» [18]. В годы Гражданской войны, выполняя свой профессиональный долг, он лечил и белых и красных. Активную фазу Гражданской войны закончил на должности старшего ординатора 2-го Омского военного госпиталя, 6-го сводного эвакуационного госпиталя, при слиянии обоих (1919–1920), был главным врачом I-го Омского военного госпиталя (с мая 1920–май 1921). Затем заведовал лечебно-госпитальным отделом Омского губздравицы (1921). По расформированию эвакогоспиталя возглавил терапевтическое отделение Омского военного госпиталя (1921). Был уволен с военно-санитарной службы по болезни на основании статьи 38 приказа РВСР и НКЗ № 1688–1920 г. (1922). По совместительству врач Зинин состоял в экспертной губернской комиссии (1923) [19, л. 1об.–2]. В начале 1920-х гг. доктор М.П. Зинин лечил партийную верхушку Омской губернии, имел частную врачебную практику. Все это свидетельствовало о его высокой профессиональной квалификации.

Стал бы этот человек подделывать сведения о смерти владыки Сильвестра, скрывая чье-то преступление? На этот вопрос мы не можем гарантированно дать точного ответа. Но можно уверенно утверждать, что это был достойный человек и высококвалифицированный специалист с хорошей репутацией, знавший, что такое врачебный долг. Доктор М.П. Зинин был нужным для местной партийной верхушки специалистом. Возможность давления на него с целью подписать не соответствовавший действительности документ сомнительна. Участие его в фальсификации документа о смерти омского архиепископа представляется маловероятным.

Место погребения

В документе четко указано место погребения – «в соборном склепе, ул. Красный путь». Это неточная формулировка составителя документа. Как такового отдельного соборного склепа не существовало. Очевидно, что речь шла о захоронении в Успенском соборе, которое могли проводить только священнослужители. Архиепископ Сильвестр оказался захороненным по православным канонам в соборе. Если бы для захоронения властями было бы выдано тело замученного архиепископа, неизбежно появились бы посвященные православные люди, которые молились бы за него как за убиенного. Однако, в сохранившихся помянниках 1920-х гг., где отдельно приводились имена убиенных большевиками архиереев, имя архиепископа Сильвестра отсутствует. В омском помяннике монахинь монастыря во имя Казанской Божией Матери архиепископ Сильвестр поминался как упокоившийся своею смертью [20]. В помяннике Соловецкого монастыря, где отбывали сроки многие представители духовенства из Сибири, владыка Сильвестр также упомянут среди умерших, а не убиенных [21, л. 379об.]. Маловероятно, что служители церкви, жившие в 1920-е гг. в Омске, не могли не знать об истинной причине смерти своего владыки, захороненного их представителями в Успенском кафедральном соборе.

Личность заявившего о смерти

Согласно актовой записи о смерти владыки Сильвестра заявил Виктор Кергесар, проживавший в Омске по адресу ул. Тарская, д. 19. В справочном дореволюционном издании омской епархии о нем содержатся следующие сведения: «Кергесар Виктор Александрович, дьякон Омского Кафедрального Собора, сын псаломщика, родился 11 ноября 1877 года, окончил Рижское духовное училище, псаломщик – с 13 февраля 1897 года, дьякон – с 4 декабря 1905 года, на сем месте – с 1 октября 1911 года» издании «Омская епархия»

[22, с. 1129]. Сведения о месте жительства В.А. Кергесара подтверждаются анкетными данными из личного дела его дочери, студентки Л.В. Кергесар. В анкете, составленной при зачислении в число слушателей медицинского факультета 19 ноября 1920 г., указано, что ее отец «В.А. Кергесар – дьякон, проживает по адресу: ул. Тарская, д. 19» [23, л. 7–8]. Интересно, что, несмотря на гонения на церковь со стороны коммунистического государства, В.А. Кергесар на протяжении 1920-х гг. продолжал свое служение и, судя по всему, даже поднялся в церковной иерархии, став священником. Согласно выписке из протокола № 39 Президиума Борисовского райисполкома от 12 апреля 1930 г. Кергесар Виктор был оставлен в списках лишенцев как служитель религиозного культа (священник) в с. Громогласовском [24, л. 1–4]. В.А. Кергесар являлся представителем духовенства, прожившим на территории Омского Прииртышья достаточно долгое время. Его возможное участие в фальсификации сведений о смерти владыки Сильвестра весьма сомнительно.

Результаты исследования. Таким образом, подлинность актовой записи о смерти архиепископа Сильвестра не вызывает сомнений. Оно было написано вскоре после смерти архипастыря. Большинство содержащихся в нем фактов подтверждается и перепроверяемо на основе других источников.

Согласно документу о смерти, владыка Сильвестр умер не в заключении, а в частном доме, принадлежавшем Успенскому кафедральному собору. В документе фигурируют реальные и весьма уважаемые люди (врач, выписавший свидетельство, и лицо, заявившее о смерти). Сложно, но гипотетически можно допустить, что они согласились сокрыть преступление властей и подписали документ с вымышленной причиной смерти. В этом случае, чтобы сохранить в тайне истинную информацию об убийстве владыки, как от лишних свидетелей чекисты быстро бы избавились от них. Однако, доктор М.П. Зинин и дьякон, а впоследствии священник В.А. Кергесар, достаточно долго прожили в Омском Прииртышье. Очевидно, что власти не усматривали с их стороны для себя опасности.

Погребение владыки Сильвестра в Успенском соборе могли провести только священники, которые должны были видеть его тело. В этом случае православные узнали бы о мученической кончине своего пастыря и молились бы за него как за убиенного. Однако этого не было. Долгое время церковь молилась за архиепископа Сильвестра как за умершего естественной смертью архиерея.

В заключении подчеркнем, что найденный М.Ф. Паниной документ позволяет аргументировано поставить под сомнение официальную позицию Русской православной церкви по поводу кончины архиепископа Сильвестра. Однако точка в этом деле еще не поставлена. Сохранившиеся останки являются историческим источником, который может снять все вопросы после проведения соответствующих экспертиз, достоверно доказывающих причину смерти архиепископа. В случае экспертного подтверждения мученической кончины омского владыки перед историками встанет сложный вопрос о причине появления актовой записи о смерти архиепископа Сильвестра. В ином случае, церковная версия мученичества Сильвестра, которая до сих пор не подтверждена заслуживающими доверия историческими источниками, будет постоянно подвергаться документально обоснованной и весьма неудобной критике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шихатов И.П. Архипастырь – бунтарь // Архивный вестник. № 6. Информационно-методический бюллетень. 1998. С. 34–38.
2. Панина М.Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 19. Омск, 2014. С. 123–126.

3. ГИАОО. Ф. Р–580. Оп. 3. Д. 48.
4. Сушко А.В. К вопросу о последних днях жизни архиепископа Сильвестра (Ольшевского) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : мат–лы II Всеросс. науч.-практ. конф. Омск : ОмГТУ, 2017. С. 328–335.
5. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.
6. Чекалина Л.А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
7. Петин Д.И., Симонова И.Л. История освоения Арктики в просветительских проектах: опыт Омского региона (2018) // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 4. С. 53–60. DOI: 10.31806/2542-1158-2018-2-4-53-60.
8. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15.
9. Олихов Д.В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управление Сибири // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 72–86.
10. Сушко А.В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В.Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.
11. Расстрел врагов революции // Советская Сибирь. 1920. 6 февраля. С. 2–3.
12. Расстрел врагов революции // Советская Сибирь. 1920. 20 мая. С. 3.
13. ГИАОО. Ф. Р–32. Оп. 1. Д. 306.
14. Весь Омск: справочник указатель на 1913 год : год издания 3-й. Изд–е газеты Омский Вестник. Омск: Типография Иртыш, 1913.
15. ГИАОО. Ф. Р–26. Оп. 1. Д. 94.
16. ГИАОО. Ф. Р–590. Оп. 1. Д. 27.
17. Справочник и список абонентов телефонной сети города Омска и Атаманского хутора. Омск, 1919.
18. ГИАОО. Ф. Р–523. Оп. 1. Д. 609.
19. ГИАОО. Ф. Р–308. Оп. 2. Д. 290.
20. Митрополит Феодосий (Процюк). В вере ли Вы? Житие и труды священномученика Сильвестра, архиепископа Омского. М.: Воскресенье, 2006. 607 с.
21. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–12115. Т. 2.
22. Справочная книга Омской епархии / Сост. священник И. Голошубин. Омск: Иртыш, 1914.
23. ГИАОО. Ф. Р–14. Оп. 2. Д. 609.
24. ГИАОО. Ф. Р–1542. Оп. 2. Д. 198.

В. П. ШАХЕРОВ

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

**ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ОБЗОР ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация: В исследовании представлен обзор фондов Государственного архива Иркутской области, посвященных экономической и финансовой политике на завершающем этапе Гражданской войны и после ее окончания. Также приводится анализ наиболее важных научных работ о ситуации в денежном обращении и финансовой сфере Сибири в период Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Иркутская губерния, экономика, финансы, денежное обращение, Экспедиция заготовления государственных бумаг, Гознак, архивы.

Постановка проблемы. В отличие от общественно-политической деятельности экономическое развитие Иркутской губернии в период революционных событий и Гражданской войны не получило серьезного освещения в литературе. Данная тема почти не исследована как на общесибирском, так и на региональном уровнях, и только в последнее время стала привлекать исследователей [1-4]. Ситуация осложняется еще и тем, что в силу региональных особенностей революционные события в Сибири имели свою специфику и заметно отличались от тех процессов, которые происходили в Центральной России. К тому же в силу разных причин в местных архивах сохранилась лишь небольшая часть источников, позволяющая восстановить связь времен и попытаться разобраться в противоречивых событиях того времени. В результате в изучении экономической политики сменяющих друг друга правительств и реальной повседневной хозяйственной жизни населения края присутствуют существенные пробелы и противоречивые оценки. Как ни странно, нет серьезного анализа региональных проблем становления советской экономической и финансовой политики в период между октябрём 1917 и маем 1918 г., и, особенно, в 1920–1921 гг. – времени коренного реформирования экономических основ страны и создания новой структуры управления хозяйством и финансами.

Между тем, несмотря на значительные утраты документального корпуса, в ГАИО до сих пор остаются неопубликованными и малоизвестными научному сообществу разрозненные по различным фондам документы, отражающие организацию и реальное состояние местной экономики и денежного обращения. К ним относятся документация региональных финансовых властей и банков, переписка их с вышестоящими инстанциями, материалы кооперативных организаций и союзов, статистические обзоры и т.д.

Основная часть. Выявление и введение в научный оборот этих документов позволит не только восстановить реальное состояние хозяйственных процессов и экономическую политику противоборствующих режимов, но и более объективно представить себе особенности повседневной жизни и быта сибирского населения. Дело в том, что в годы коренных политических потрясений идеологические установки мало считались с логикой развития экономических процессов и хозяйственным опытом территорий, тем более с рекомендациями зарубежной и отечественной науки. Интерес представляет и то, что складывающиеся здесь различные, подчас противоположные, модели экономической политики были определяющими не только для Сибири, но и всей страны. В этот период в Сибири сменилось несколько пра-

вительств, имеющих свое представление о будущей структуре власти и альтернативную практику государственно-политического развития. Зачастую, к управлению финансами и хозяйством регионов приходили спешно создаваемые органы власти, во главе которых оказывались случайные люди, слабо представляющие себе развитие макро и микроэкономических процессов. Квалифицированных специалистов в торгово-промышленной и кредитной сфере крайне не хватало.

Все вновь создаваемые властные структуры как советские, так и антибольшевистские, функционировали в условиях политического противоборства, и основные задачи видели не в развитии сибирской экономики, а в подчинении ее задачам военных действий и мобилизации ресурсов в тылу. В результате, экономическая ситуация постоянно ухудшалась. Свою роль играли экономические эксперименты властей, направленные, по их мнению, на обновление и стабилизацию хозяйственной жизни. Тем не менее, несмотря на то, что в результате военных действий хозяйственные связи, как с Центром, так и внутрисибирские, были разрушены, рыночные отношения оставались ведущей формой хозяйства, развивалось кооперативное движение, росли потребности населения, которое заметно увеличилось за счет беженцев и эвакуированных. Сохранившиеся архивные документы позволяют восстановить, пусть и фрагментарно, сложную и противоречивую экономическую ситуацию, в которой оказалась Иркутская губерния.

В силу быстроты смены политической ситуации многие созданные в то время административные и финансовые учреждения просуществовали недолго и почти не сохранили свое делопроизводство. Практически не сохранились материалы Иркутской городской думы за 1917-1920 гг. Так же разрознены и во многом случайны документальные комплексы региональных учреждений временного правительства и первых советских органов власти. В фонде Иркутского отделения Государственного банка (Ф. 154) наиболее интересные документы связаны с событиями декабрьских боев 1917 г., во время которых в здание банка сгорело. Остальные материалы периода Гражданской войны представлены в фонде циркулярами финансовых учреждений «омского» правительства и перепиской по вопросам предоставления кредитов. Документы о деятельности банка в период Омского правительства и первых месяцев после восстановления Советской власти практически не сохранились. В фонде (Ф. Р-61) Иркутской конторы Госбанка (советской), содержащиеся самые ранние документы относятся к 1922 г.

Крайне слабо представлен документально один из самых интересных, хотя и очень кратковременных периодов Гражданской войны, связанный с деятельностью Политцентра в Иркутске в январе 1920 г. В фонде Политцентра (Ф. Р-4) отложилось всего 26 дел, а в фонде комиссара финансов Политцентра (Ф. Р-129) итого меньше – 4 дела. Между тем, в этот период начинается реформирование колчаковской финансовой структуры. Были предложены новые подходы и принципы хозяйственного управления, частично реализованные уже в рамках экономической политики ДВР [4]. Руководство этими мероприятиями было возложено на уполномоченного по финансам Политцентра эсера А.И. Погребецкого, имя которого было известно историкам только как автора первых научных работ по истории денежного обращения и финансах Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны. Лишь в последнее время появилось несколько работ об этом интереснейшем человеке, в первую очередь биографический очерк омского исследователя Д.И. Петина [5–6].

Некоторые материалы об А.И. Погребецком можно найти в фонде Иркутского отделения Московского народного банка (Ф. 703), управляющим которого он был с момента его открытия в Иркутске до национализации весной 1920 г. Кроме того, он был активно включен в кооперативное движение Сибири, участвовал в общесибирских и губернских съездах, состоял членом Совета иркутских кооперативных съездов, участвовал в организации и работе кооперативных курсов.

Кооперация, пожалуй, была единственно динамично развивающейся отраслью хозяйства Сибири в годы Гражданской войны. Еще до революции сибирские кооперативные союзы по объемам продаж и производственным возможностям считались одними из самых крупных в России. В Иркутской губернии были представлены все виды кооперации: потребительская, кредитная, сельскохозяйственная, промышленно-производительная. Наиболее развитой была потребительская, значительно менее развита кредитная и совсем в зачаточном положении находились сельскохозяйственная и промышленная. В губернии действовали представительства сибирских кооперативных организаций - «Центросоюза», «Закупсбыта», «Синкредсоюза», «Союза Сибирских маслодельческих артелей». В потребительская кооперация участвовали 4 объединения и до 1200 кооперативов, из которых наиболее крупными были «Ирсоюз» (Иркутский губернский союз кооперативов), «Ленсоюз» (Киренск), «Прибайкалсоюз» (Верхнеудинск) и «Холгос» (Якутск). В сфере кредитного дела в губернии насчитывалось 109 кредитных и 15 ссудо-сберегательных товариществ. Промышленно-производительная кооперация была представлена всего двумя организациями: Восточно-Сибирским кооперативным промышленным союзом (ВОКОПРОМ), объединявшим 10 союзов от Ачинска и Красноярска до Читы. Еще одной было земско-кооперативное издательское товарищество «Сеятель», выпускавшее книги по различным отраслям знаний.

Если документация органов власти различных политических правительств Сибири и их финансовых учреждений, как отмечалось выше, имеет много временных лагун и сохранилась крайне плохо, то история кооперативного движения и конкретных объединений достаточно полно представлена в архиве, просто мало привлекала внимание исследователей. Всего в ГАИО находится 8 фондов различных кооперативных объединений, некоторые из которых (Ф. Р-207 «Совет иркутских кооперативных съездов», Ф. Р-2348 «Иркутская контора Центросоюза») имеют не только региональное значение.

Одной из серьезнейших проблем для сибирских окраин стал кризис денежной наличности и девальвация рубля. Пытаясь заполнить нехватку денег в условиях продолжающейся войны, печатный станок включило еще Временное правительство. С началом Гражданской войны в результате отделения сибирских территорий от Центральной России и нарушения транспортного сообщения присылка в Сибирь денежной наличности прекратилась, что привело к колоссальной инфляции и появлению различных денежных суррогатов. Все это вело к падению жизненного уровня населения, росту спекуляции, инфляции, дефициту продуктов и товаров. Выход сибирские власти нашли в денежной эмиссии. Различные суррогатные деньги и боны стали печатать самые различные властные структуры как советские, так и антибольшевистские, причем не только центральные, но и региональные.

Вопросы финансово-денежного обращения в Восточной Сибири давно привлекают внимание специалистов и коллекционеров. В последние года появилось несколько обобщающих монографий и статей [2, 7–9]. Более того, в 2014 г. упомянутым выше историком-архивистом Д.И. Петиним подготовлен солидный документальный сборник, посвященный финансовой политики Сибири в годы Гражданской войны. Опубликованные в нем материалы представляют значительный интерес для ученых и краеведов, интересующихся историей финансов и денежного обращения [10]. Не остались в стороне и иркутские архивисты. В 2017 г. был издан сборник документов, посвященный наиболее популярной среди населения теме о золотом запасе Колчака [11].

С установлением Советской власти в Иркутской губернии началась работа по слому старого аппарата управления экономикой и финансами. В начале 1920 г. были созданы десятки новых органов власти, материалы которых достаточно полно представлены в ГАИО. С точки зрения реформирования сибирского хозяйства и перестройки экономики интерес представляют фонды Иркутского губернского революционного комитета (Ф. Р-42), Иркутской губернской рабоче-крестьянской инспекции (Ф. Р-11) и финансового отдела исполкома Иркутского губернского Совета (Ф. Р-260). Особенно информативен фонд губфинотдела, со-

стоящий из 1689 дел и охватывающий период с 1920 по 1926 гг. В нем содержится информация о ликвидации колчаковских финансовых и кредитных учреждений, как эвакуированных из Омска, так и находящихся в Иркутске, материалы по национализации частных банков, переписка с Москвой и сибирскими властями об аннулировании белогвардейских денежных знаков и мн. др. Документы фонда детально представляют обстановку, в которой создавалась советская кредитная система с ее строжайшей централизацией и жестким администрированием. Все финансовые функции были сведены в единый расчетно-кассовый подотдел финотдела Иркутского губревкома, который распоряжался сбором средств и распределением кредитов. Все эти чрезвычайные меры позволили избежать полного развала местной экономики и финансов в первые месяцы после установления новой власти в регионе.

С приходом Советской власти ситуация с денежным обращением не только не улучшилась, но еще более усугубилась в связи с аннулированием старых денег, поэтому снова был запущен печатный станок. История создания и деятельности Экспедиции изготовления ценных бумаг в Омске, а после ее эвакуации в Иркутске неоднократно освещалась Д.И. Петиным [12-14]. В фонде Иркутского губфинотдела содержится немало интересных документов, раскрывающих подробности объединения «омской» Экспедиции с ее иркутским отделением, организации работ по изготовлению денежных знаков для обеспечения потребностей советских органов власти и армии, а затем по реализации важного государственного заказа эмиссии денег для ДВР.

Интересны детали, связанные с организацией быта и размещения сотрудников Иркутской «фабрики изготовления государственных знаков», многие из которых были эвакуированы из Омска и не имели в Иркутске жилья. Несколько дел посвящены вопросам материально-технического обеспечения, взаимоотношениям с финансовыми органами ДВР, переписки с Сибревкомом по текущим проблемам работы Экспедиции.

Следует отметить, что возможности эмиссионной деятельности в Иркутске значительно улучшились в связи с тем, что в городе оказалось новое американское оборудование и бумага, заказанные еще правительством Колчака. В результате к середине 1920 г. в распоряжении иркутской Экспедиции сформировалась солидная печатная база, представленная новейшими американскими машинами, которых не было даже в столице. Ряд документов посвящен вопросам кадрового состава работников Экспедиции. В фонде сохранилась «Схема взаимоотношений отделов Экспедиции изготовления государственных бумаг». Документ отражает состав учреждения и непосредственную организацию работ в нем [15, л. 118]. Из-за дефицита специалистов в сфере печати и цинкографии еще в Омске в ее состав были командированы военнопленные Первой мировой войны. В Иркутске к ним добавилось еще несколько человек. Всего в изготовлении денежных знаков было занято 30 иностранных подданных [15, л. 232–232об.].

К маю 1921 г. после передачи части оборудования и специалистов в Москву и Читу эмиссионная деятельность в Иркутске прекратилась. В фонде сохранилось несколько дел о ликвидации Экспедиции, отчете о ее деятельности в Иркутске, перераспределении имущества и сотрудников.

В заключении можно привести основные итоги непродолжительной деятельности Иркутской фабрики «фабрики изготовления государственных знаков». За период с 26 февраля 1920 г. по апрель 1921 г. на ней было огрифовано грифом РСФСР 83 849 278 листов облигаций и купонов к ним американского образца на сумму в 1 159 299 220 руб.; грифом Временной Земской власти Прибайкалья 3 745 099 листов кредитных билетов в 25 и 100 руб. на сумму 228.425.950 руб.; напечатано 18 183 741 экземпляров кредитных билетов ДВР на общую сумму 3 597 884 046 руб. Кроме того, по заказам различных учреждений отпечатано более 2,6 млн. продовольственных карточек, около 20 тысяч плакатов агитационного характера, 79 500 брошюр, 144 990 портретов вождей пролетариата и 112 795 бланков. Всего фабрикой было выполнено заказов на 16 299 508 руб. 52 коп. [16, л. 165об.].

Результаты исследования. Таким образом, корпус архивных материалов периода политических трансформаций 1917–1920 гг., хранящихся в фондах ГАИО, несмотря на значительные утраты и разбросанность, остается важным источником для изучения экономической политики и преобразований в системе хозяйственного управления Иркутской губернии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ломкин А.В. Экономическая политика Белого движения на Юге России и в Сибири. М., 2008. 149 с.
2. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск, 2006. 211 с.
3. Петин Д.И. Денежное обращение и финансовая политика советской власти в Сибири в 1919–1920 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 44–47.
4. Шахеров В.П. Между Колчаком и Советами: к вопросу о финансовой деятельности Иркутского Политцентра // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2018. № 3. С. 45–55.
5. Архив еврейской истории Т. 6. М., 2011. С. 237–238.
6. Петин Д.И. Александр Ильич Погребецкий. Неизвестные факты жизни и деятельности // Альманах «Российского общества историков». Кн. II. М., 2014. С. 435–454.
7. Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. 334 с.
8. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. 222 с.
9. Петин Д.И. Эмиссионная деятельность Верхнеудинского казначейства летом 1918 г. // Петербургский коллекционер. СПб, 2012. № 1. С. 4–6.
10. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: Сборник документов / автор-сост., науч. ред. канд. ист. наук Д.И. Петин. Омск, 2014. 224 с.
11. Из истории золотого запаса адмирала Колчака: Сб. док-тов из фондов Государственного архива Иркутской области. Иркутск, 2017. 156 с.
12. Петин Д.И. К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 130–137.
13. Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270.
14. Петин Д.И. Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920: новые факты // Новейшая история России. 2012 № 2. С. 41–56.
15. ГАИО. Ф. Р–260. Оп. 1. Д. 108.
16. ГАИО. Ф. Р–260. Оп. 1. Д. 11.

В. Б. ШЕПЕЛЕВА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского Омск, Россия

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМА
РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУДЬБЫ Ф. К. МИРОНОВА**

Аннотация: Рассматривается один из существенных аспектов трагедийности второго издания политического этапа Октябрьской революции (спасения и сокращённого варианта «революции масс») через обращение к некоторым сюжетам судьбы в условиях революции и Гражданской войны большой неординарной героической и одновременно трагической личности донского казака Филиппа Кузьмича Миронова.

Ключевые слова: Революция, Гражданская война, революционно-демократическая альтернатива, казачество, фронтовое казачество, «красное казачество», большевики, Советская власть, коммунисты, «расказачивание», нэп, военная антропология.

Постановка проблемы. Как признал, завершая свой двухтомник по истории Советской России, В.В. Кожинов, рождение нового – это неизбежность для общества, причём нередко неизбежность в трагической тональности. И потому можно сокрушаться по поводу революции, застигнувшей страну, но в то же время нужно понимать, что Трагедия – это Высокое, доступное не всем. И не следует забывать вывод известного политолога С. Хантингтона, гласящий, что действительно беспомощно, несчастно не то общество, которое застигнуто революцией, а то, которое оказывается не способным на революцию [1–2; 3, с. 268]. Однако если исходить из принятия того, что в 1917 г. в России разворачивался революционный процесс (при том, что внушительный спектр иных оценок тоже никуда не делся), остаются вопросы о содержании, характере этого процесса. Или речь действительно о «нормальной» буржуазно-демократической революции («Февраль, достать чернил и плакать», «над Февралём рыдать навзрыд»), или (после Февральского взрыва) «буржуазно-демократической революции нового типа», объединившаяся с лидерским пролетарским революционным движением (В.И. Ленин), или, быть может, по Сталину: с марта ведёт отсчёт чётко и однозначно Октябрьская пролетарская – социалистическая революция? [4–5]. И последнее – это далеко не один И.В. Сталин, это широко распространенное представление среди большевиков. Но откуда в таком случае такое знаковое сокрушение С. Есенина (1923 г.): «Я перестал понимать, к какой революции я принадлежал... Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской...»? [6, с. 20].

И хотя С. Есенин – «божья дудка»/ глас народа – это не частность, не «мелкая подробность», не случайность (историк и философ Г.П. Федотов писал: «Не столько батька Махно, сколько Блок и Есенин сделали Октябрьскую революцию национальной»), тем не менее, подтверждения его ощущений и осознаний представляются очень значимыми [7, с. 107, 121–123].

Основная часть. И нечто в переключку с есенинскими горькими признаниями улавливается автором работы в метаниях и поисках донского казака, народного мыслителя, талантливого военачальника и вдохновителя масс, полного георгиевского кавалера, орденосца до революции и кавалера фактически двух орденов Красного Знамени и почётного оружия, командарма Второй конной Филиппа Кузьмича Миронова. Впрочем, необходимо оговориться. В концепции В.И. Ленина революционно-демократическая альтернатива соотносима с «буржуазно-демократической революцией нового типа», опирающейся на аграрно-крестьянскую

революцию за «американский аграрный капитализм», широкое антивоенное движение, революционное движение национальностей и лидерское в этом многоаспектном процессе пролетарское революционное движение. При этом «революционно-демократическая диктатура» и политика госкапитализма раскрывались Лениным как, объективно, «шаги к социализму» (помимо их спасительности в качестве первоочередных мер). То есть здесь речь о возможности мирного эволюционного движения к социализму [8–12]. Но всё это – дооктябрьская 1917 г. ситуация, и этого не знал Ф.К. Миронов, судя по фундаментальному сборнику документов «Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы» [13]. Собственное неприятие большевизма будет преодолено Мироновым только где-то к январю 1918 г. И в своих обращениях к донцам – в частности, в обращении к казакам Усть-Медведицкого округа "Долой гражданскую войну с берегов Дона..." от 25 января 1918 г. он разъяснял относительно российских социалистов: «Помните одно: конечную целью всех этих партий является переустройство общества на таких началах, каких требует социализм. Вот к этой-то конечной цели партии идут различными дорогами. ...Партия народных социалистов говорит, что и землю, и волю, и права народу окончательно мы дадим через 50 лет. Партия правых социалистов-революционеров говорит: а мы все это дадим народу через 35 лет. Партия левых социалистов-революционеров говорит: а мы дадим все это народу через 20 лет. Партия социал-демократов-меньшевиков говорит: а мы дадим народу все это через 10 лет. А партия социал-демократов-большевиков говорит: убирайтесь все вы со своими посулами ко всем чертям. И земля, и воля, и права, и власть народу – ныне же, но не завтра и не через 10, 20, 35 и 50 лет!.. Все – трудовому народу, и все теперь же!... Они не признают также никакого единения с остальными партиями, особенно с буржуазными. Они во всех своих действиях крайне прямолинейны и не признают даже самых незначительных изменений в своих программах» [13, с. 35]. Прямолинейность, механицизм, негибкость подхода многих большевиков – этот порок был с самого начала верно ухвачен Филиппом Кузьмичом.

Однако Ленин, помимо отмеченного выше, уже в 1917, затем в 1918, 1919, 1920, в 1921 гг. говорил о неоднозначности Октября. На VII съезде РКП(б) заявлял: «Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему... мы имеем такие переломы... а именно Октябрьскую революцию». То есть речь о едином революционном процессе 1917 г. – стержень которого «общенародная» революция, фактически – «революция масс». Но для спасения этой (для большевиков – буржуазно-демократической) революции понадобился Октябрьский перелом. Год спустя на VIII съезде партии Ленин уточняет: «...пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции – наша революция ...до лета и даже осени 1918 г., была в значительной мере революцией буржуазной. Мы этого сказать не боимся. Мы так легко проделали Октябрьскую революцию, потому что крестьянство в целом шло с нами». Выступая в 1920 г. на I Всероссийском съезде трудовых казаков и обращаясь к правящим в 1917 г. партиям меньшевиков и эсеров, Ленин спрашивал: «Нашёлся бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?». Но о каких «социальных реформах» могла идти речь в майско-октябрьский период? – реформах, реализующих требования массовой революционной демократии. То есть и в 1920 г. предсовнаркома признает: основные задачи революционного процесса 1917 г. – задачи революционно-демократические. Чуть позже Ленин повторяет, что «русская революция после переворота 25.X. 1917 г. проходила через стадию "общедемократической"... борьбы всего крестьянства в целом против помещиков». В августе 1921 г., вычлняя «1-й... этап» Октябрьской революции, Ленин уточняет: «Была ли тогда революция буржуазной? – и отвечает. – Конечно... поскольку ...делом... было довершение буржуазно-демократической революции», хотя «в то же время» большевики «сделали гигантски много сверх буржуазной революции». Позднее, подводя итоги 4-хлетней годовщины Октября, Ленин подтверждал: «Непосредственной... задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая», которую большевики реализовали «до конца, как никто» ещё в мире.

И далее разъяснял: «Мы вполне сознательно, твёрдо и неуклонно продвигаемся вперёд, к революции социалистической, зная... что только борьба решит, насколько нам удастся ...продвинуться ...». И уточнял затем, говоря о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революции: «Первая перерастает во вторую... Вторая закрепляет дело первой... и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую». И ещё в марте он записывал: «Теоретический экскурс á) буржуазная или социалистическая революция? Решит борьба», помечая для себя в мае: «“Термидор”? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим». И почти тогда же отмечал: «Союз этот [рабочих с крестьянством] против Деникина и К° не то, что союз в экономическом строительстве. Первый = буржуазная революция. Второй = социалистическая революция». А осенью 1921 г. соглашался: «Можно спорить... что выйдет “в конце концов” из земельных преобразований великой Октябрьской революции» [14; 15, с. 143; 16, с. 179; 17, с. 176; 18, с. 371, 381, 403; 19, с. 102, 144–147, 163–164, 417].

Как уже фиксировалось в историографии, Ленин исходил из того, что «характер революции в конечном итоге определяется её экономическими и социально-политическими результатами...» [20, с. 115–116].

Казалось бы – вот реально гибкий диалектический подход к реальности. К сожалению, об этих ленинских наработках, видимо, не было известно Ф.К. Миронову (иначе он бы обязательно на них ссылался, даже опирался бы). И ещё острее сожаление, что теоретические разработки и реальная практика не только на местах, а и в центре серьёзно и нередко не только не совпадали, но и существенно противоречили друг другу.

Результаты исследования. Между тем представления и действия Ф.К. Миронова – последовательно советские, глубоко пронэповские, видимо, правильно их определить как революционно-демократические, противостоящие линии «казарменного социализма», чреватого полным произволом, а одновременно – и иллюзорным представлениям, линии так называемого «метода непосредственного социалистического строительства» [13, с. 64–70, 86–95, 102, 150, 168–169, 247–248, 255–272, 277–289, 447–452, 463–478].

Противостоящие тому, что обернулось, по признанию самого В.И. Ленина, самым глубоким и опасным политическим и экономическим кризисом Советской власти, о приближении чего Миронов провидчески и настойчиво предупреждал – пытался достучаться, предупредить советских лидеров. Судьба Ф.К. Миронова очень явно обнаруживает минусы, деструктивные аспекты складывавшейся в годы Гражданской войны политико-управленческой системы страны, чреватые в том числе гибельными последствиями и в самой отдалённой перспективе, подтверждает высказанное нами ранее соображение о негативной роли фактов несоответствия инверсионной концепции Октября 1917 г., отвечающей требованиям эпохи осознанной необходимости, механистического типа мышления – основы левачества в самых разных его проявлениях и бюрократической тенденции, сопряжёнными с «отрицанием личности... человека», что «есть безумие», по словам Ф.К. Миронова [13, с. 270, 476–484, 674].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожинов В.В. Россия. Век XX. 1901–1939. От начала столетия до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. 560 с.
2. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М.: Алгоритм: Крымский мост, 1999. 400 с.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
4. Сталин И.В. Об основах ленинизма: Лекции...// Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 69–188.

5. Сталин И.В. Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития 7 ноября 1925 г. // Сочинения Т. 7. М., 1952. С. 252–256.
6. Кожин В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М.: Воениздат, 1997. 399 с.
7. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. М., 1991. 352 с.
8. Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 107–110.
9. Ленин В.И. Письма о тактике // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 134–138, 140–143.
10. Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 147–148.
11. Ленин В.И. О компромиссах // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 134–138.
12. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 221–225.
13. Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Док-ты и мат-лы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. 792 с.
14. Ленин В.И. Политический отчет Центрального комитета 7 марта // Ленин В.И. ПСС. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 3–4.
15. Ленин В.И. ПСС. Т. 38. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 608 с.
16. Ленин В.И. ПСС. Т. 40. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 537 с.
17. Ленин В.И. ПСС. Т. 41. М.: Изд-во политической литературы, 1981. 736 с.
18. Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 586 с.
19. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 754 с.
20. Ярцев Б. Становление социализма и платформа меньшевиков в 20-е годы // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1990. Вып. 2. С. 105–124.

А. А. ШМОНДЕНКО

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

ЖЕНСКИЙ ОБЛИК В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БЕЛОГО ОМСКА

Аннотация: В статье проводится исследование изменений, произошедших в женской повседневной жизни в Омске в антибольшевистский период (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Обращение к газетным объявлениям, публикациям как историческому источнику позволило выявить свидетельства столичного влияния на культуру женского облика, дамской жизни. Одновременно прослеживается отношение к исключительно дамской жизни как несоответствующей историческому моменту.

Ключевые слова: гендерная история, повседневность, история моды, женская одежда, женский журнал, Белый Омск.

Постановка проблемы. История повседневности – новое направление современного исторического поиска. И хотя, как констатируют историки, на сегодняшний день оно пока не имеет ясной методологической основы, «в практике научных исследований под повседневной жизнью принято понимать некий синтез элементов материальной и духовной культуры, изучение таких проявлений человеческой обыденности, как жилище, одежда, питание, частная жизнь и т.п.» [1].

Настоящая статья посвящена изучению женской, а точнее дамской, жизни в Белом Омске, напрямую связанной с конкретным предметным миром и далекой от стратегии выживания.

Известно, что в период Гражданской войны жители Омска столкнулись с рядом тяжелых проблем: приток беженцев, жилищный кризис, безденежье, тяжелая эпидемическая ситуация [2–3]. Одновременно в городе наблюдались «приметы столичной жизни»: в Омске были размещены иностранные представительства, министерства и ведомства, с приездом журналистов, литераторов, музыкантов, актеров значительно оживилась культурная жизнь [4, с. 5]. Это сочетание привело к интересным явлениям в женской повседневной жизни, в том числе в сфере создания внешнего женского облика.

Основная часть. Как подчеркивает историк повседневной жизни Н. Лебина, «выбор внешнего облика – достаточно активное выражение социальной ориентации человека и демонстрация его социокультурной принадлежности» [1, с. 120]. Иметь соответствующую внешность всегда означало, в том числе, быть приятным обществом, занимать определенное место в культурном, бытовом, социально-экономическом пространстве [5, с. 28].

Косвенным свидетельством о необходимости соответствовать ожидаемому в интересующий нас период являются объявления о поиске работы, в которых прослеживается видение важности верной расстановки акцентов. Соискательницы характеризуют себя, используя слова и выражения, синонимичные женскому изяществу, хорошему вкусу: «интеллигентная особа», «интеллигентная дама», «барышня», «молодая дама из Москвы», «француженка», «парижанка».

Стоит отметить, что эстетика женского облика в белый период приобрела столичный акцент. В городе появились не только столичные дамы и барышни, но и те, чьей профессией было создание женской красоты. В тот недолгий период у жительниц города была возможность привести себя в порядок у приезжих «мастеров»: сделать массаж, маникюр, прическу. Услугами можно было воспользоваться, придя к «мастеру» или пригласив его к себе. Одно

из объявлений того времени, опубликованное в газете «Заря» гласит: «Вниманию дам! Из Петрограда мадам Гран привезла готовые изящные прически. Последние моды в громадном выборе. Маникюр (уход за ногтями). Прически по последним моделям. Окраска волос в разные цвета».

Интересно, что в сфере женской красоты, и вообще дамской жизни в белом Омске была сделана попытка формирования соответствующего информационного пространства. В августе 1918 г. в Омске вышел первый номер газеты «Женская жизнь» (издательница П.Н. Сурина-Катанаева). По сути, издание представляло переместившийся в Омск московский «Журнал для женщин». Оно включало статьи по общественной и личной жизни женщины, воспитанию детей, красоте («советы и указания по уходу за лицом, руками, телом», «приготовление косметических средств»), моде, рукоделию, кулинарии. О характере издания говорят названия публикаций: «Что такое элегантная женщина», «Убранство квартиры», «Красивые губы», «Что даст мода в будущем». Подписчицы газеты «Женская жизнь» получали в подарок компактную книжку «Красивая женщина».

Согласно объявлению в газете «Заря», издатели «Женской жизни» планировали печать литературных произведений. В первом номере газеты была опубликована статья известной феминистской произведениями писательницы Анастасии Вербицкой «Мужчина и женщина», а также посмертные рассказы Анны Мар. Интригующей рубрикой газеты должны были стать «Интимные беседы», которыми «заведует Принцесса Греза, писавшая раньше в Москве в «Журнале для женщин». Эту рубрику планировал вести столичный литератор Алексей Матвеевич Громов, упомянутый Антоном Сорокиным в книге «33 скандала Колчаку» [6, с. 38]. Именно он после смерти Анны Мар в 1917 г. «умело отвечал на интимные вопросы многих женщин» в московском издании [7, с. 99].

При редакции газеты было открыто «Модное ателье». В объявлении об открытии указывалось, что «опытный закройщик, работавший за границей, даст необходимые советы по части туалета и изготовлению выкроек по точно снятой мерке – блузок, юбок, платья, белья, пальто». Для работы с клиентками ателье был выписан модный английский журнал [8].

Красиво одеть омских дам обещала редакция журнала «Мир женщины». В апреле 1919 г. в газете «Заря» было опубликовано объявление об открытии подписки на еженедельный иллюстрированный модный журнал, «ничего не имеющий общего с другими сибирскими женскими изданиями» [9]. В объявлении указывалось, что «конторой редакции модного журнала приглашен опытный закройщик и приобретен заграничный мартовский журнал весенних мод» [10].

Ни первому, ни второму изданию не удалось утвердиться в информационном пространстве Белого Омска. Известно, что свет увидел только первый номер газеты «Женская жизнь» [2, с. 32]. Скорее всего, это был единственный вышедший в печати номер. Первый номер журнала «Мир женщины» не вышел по техническим причинам, о чем было сделано объявление в газете «Заря». Далее объявления о журнале были прекращены. Женское периодическое издание не вошло в структуры женской повседневности, однако явилось свидетельством влияния на провинциальную женскую моду столичных канонов. Эту мысль подтверждают и газетные объявления: «Портниха приехала из Петрограда, знающая хорошо свое дело, желает работать в доме. Могу в отъезде» [11].

Одежду можно было заказать не только у столичного или уже давно работавшего в городе портного. Готовая женская одежда и обувь, ткани, привозились отовсюду: модельные шляпки – из Владивостока, изящные американские туфли – из Америки, шелковая чесуча – из Китая. В магазинах можно было встретить московские перчатки и чулки, изящные шелковые дамские сумочки. В магазине М.В. Липатовой, располагавшемся на Театральной площади, можно было приобрести дамское белье и блузы, матинэ (женская утренняя домашняя одежда), капоты, шелковые и шерстяные ткани, маркизет.

Жительницы Третьей столицы имели выбор товаров и услуг для создания внешнего облика, являющегося показателем социального статуса. Запоминающийся светский образ был создан Марией Александровной Гришиной-Алмазовой, ставшей известной благодаря современным научным публикациям: «В омских салонах блистает мадам Гришина-Алмазова... Женщина она необычайно эффектная, высокая красивая. Кричаще одевается в великолепные открытые платья, показывая свое красивое тело – грудь и спину обнажая елико возможно. В пышных волосах колышутся букетом перья «паради» [Цит. по: 12, с. 392].

Однако женскую повседневность в Омске нельзя охарактеризовать как исключительно дамскую. Даже покупка скромных дамских вещей предполагала наличие средств к существованию, которые были далеко не у всех. Если посмотреть на повседневную жизнь обеспеченных женщин в Третьей столице в контексте дихотомии «норма/аномалия», предложенной историком повседневности Н. Лебиной, то, как нам кажется, можно выявить признаки восприятия ее как неуместно праздной, неправильной, а потому – аномальной.

Об этом, в частности, свидетельствует публикация остро чувствовавшего проблемы своего времени известного писателя Георгия Андреевича Вяткина «Бесприютной бедноте», которая призывает открыть пожертвования в пользу организации очагов для бездомных женщин и детей. Примечательно выделение автором вещей-знаков, характеризующих дамскую повседневность. «Особенно вы, – писал Г.А. Вяткин, – имеющие тугие кошельки, покупающие своим дамам, не стесняясь ценой, шоколад, духи и наряды, скажите вашим дамам, что на фунт шоколада можно целый месяц поить и кормить голодного ребенка, а на флакон духов купить ему одежду или обувь и сохранить жизнь» [13].

В условиях, когда от женщины ожидался жертвенный труд [14], и тому были примеры (работа Анны Васильевны Тимиревой в швейной мастерской, армейском госпитале [15]; бескорыстный труд неизвестных дам по улучшению положения раненых в омских госпиталях [16] и др.), подчеркнутая женская красота воспринималась как неуважение к проблемам времени.

Результаты исследования. Изучение женского облика периода Белого Омска определяется весьма ограниченной источниковой базой (в большей части, это периодика либо мемуары). С уверенностью можно говорить о том, что в нем продолжилась эстетика дореволюционного времени, дополненная столичным акцентом. Но в условиях сложившихся социальных и бытовых проблем яркий женский образ выглядел неуместно. Наличие особого стиля женского повседневного поведения привело к появлению нормализующих суждений (в статье приводится пример публикации Г.А. Вяткина), проводящих мысль о необходимости эстетических норм скромности в повседневной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
2. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск: СИБАДИ, 2018. 240 с.
3. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.) Новосибирск, 2013. 385 с.
4. Третья столица. Омск, 1918–1919 : музыка, театр, историческая хроника / [отв. ред. И.Г. Девятьярова]. Омск : Омскбланкиздат, 2011. 115 с.
5. Герасимова Ю.Л., Кириллова О.А. Гендерный аспект в одежде различных времен и народов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 28–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-28-33.
6. Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку. СПб.: Красный матрос, 2011. 146 с.

7. Свитыч Е.С. «Журнал для женщин» как типичное явление женской литературы 1914–1918 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1. С. 98–101.
8. Заря (Омск). № 66. 1918. 1 сентября.
9. Заря (Омск). № 82. 1919. 17 апреля.
10. Заря (Омск). № 82. 1919. 17 апреля.
11. Заря (Омск). № 15. 1918. 30 июня.
12. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389–405 DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.206.
13. Заря (Омск). № 63. 1918. 28 августа.
14. Сушко А.В. Использование «женской темы» периодической печатью белой Сибири для мобилизации населения на борьбу с большевизмом // VII Емельяновские чтения: мат-лы Всерос. науч. конф., 28–29 апреля 2014 г. / КГУ. Курган, 2014. С. 41–43.
15. Новиков В.П. Омский ураган. Февраль 1919 года // Вечерний Омск (Омск). 2009. 21 января.
16. Заря (Омск). № 49. 1918. 10 августа.

А. А. ШТЫРБУЛ

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ И ЯВЛЕНИЯХ
В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация: Статья освещает некоторые вопросы, проблемы и тенденции постсоветской историографии Гражданской войны 1918–1920(22) гг. на территории Сибири, особенности взглядов современных сибирских историков на различные вопросы военно-революционного периода.

Ключевые слова: историческая наука, историография, Гражданская война, белое движение, анархисты, Сибирь, Омск, А.В. Колчак.

Постановка проблемы. В разное время, а значит, с разных временных и иных позиций прошлое представляется людям по-разному. Какие-то проблемы отступают на задний план, к другим интерес обостряется. Но есть проблемы, внимание к которым не ослабевает на протяжении весьма длительного времени, хотя подходы к их решению могут меняться и время от времени меняются. К таким, несомненно, относится история Гражданской войны 1918–1920(22) гг. в России

В постсоветский период российской и, в том числе, сибирской историографии, ведущей счет с начала 1990-х гг., сложилась новая научная парадигма, характеризующаяся, прежде всего, методологическим и идейно-политическим плюрализмом, значительным расширением поля исследования, поразительным разнообразием новых подходов, приемов и методов. Это относится и к проблеме истории Гражданской войны.

Основная часть. В постсоветский период исследования о Гражданской войне в Сибири вели историки Новосибирска (М.В. Шиловский, В.И. Шишкин, Д.Г. Симонов, В.М. Рынков, А.В. Добровольский, В.Г. Кокоулин, Г.Л. Олех, А.Г. Тепляков), Томска (Э.И. Черняк, А.А. Бондаренко, Н.С. Ларьков, В.Г. Хандорин, О.А. Помозов), Омска (В.Л. Кожевин, Д.И. Петин, А.В. Сушко, А.А. Штырбул, В.А. Шулдяков, М.М. Стельмак), Тюмени (А.А. Кононенко, В.В. Московкин), Ишима (И.В. Курьшев), Кемерово (В.А. Дробченко, С.П. Звягин), Абакана (А.П. Шекшеев), Екатеринбурга (И.Ф. Плотников) и другие. Некоторых из перечисленных историков уже нет в живых, и я, пользуясь случаем, хочу отдать ушедшим дань памяти.

Большую роль в разработке истории Гражданской войны в Сибири сыграли Томская научная школа профессора И.М. Разгона и лично ее основатель. Расцвет школы пришелся на 1970–1980-е гг. Характерными методологическими её чертами являлись: конкретность в определении объекта и предмета исследования; предельная четкость формулировки научных тем; социальный подход, но без его крайностей; отсутствие политической ангажированности; научная объективность; глубина анализа; индуктивный метод исследования с опорой на огромный фактический материал. Заметим, что тогда в советской историографии отдельные элементы данной научной позиции не приветствовались, хотя и не запрещались. В постсоветский период, характеризующийся плюрализмом методологических позиций и подходов, Томская школа в целом сохранила свои позиции, хотя количество исследований в её русле, в том числе и по тематике Гражданской войны, заметно уменьшилось.

В рассматриваемый историографический период практически во всех областных/краевых центрах Сибирского суперрегиона и некоторых других городах (например, в Ишиме) проходили тематические конференции и выходили соответствующие сборники по

Гражданской войне в Сибири, в т. ч. сериальные. Продуктивный пример сериального издания по материалам регулярных конференций («История белой Сибири») продемонстрирован в Кемерово (одноименный сериальный сборник). Вышел ряд фундаментальных сборников документов и материалов по событиям в Сибири 1918–1921 гг., в чем особая заслуга принадлежит, прежде всего, коллективу Института истории СО РАН в Новосибирске.

Важным этапом в сибирской историографии Гражданской войны стал значительный массив материалов по данной проблеме в трёхтомной «Исторической энциклопедии Сибири», вышедшей в Новосибирске в 2010 г. Но, отдавая должное составителям энциклопедии, нельзя не заметить, что в ней отсутствуют статьи по ряду важных исторических событий и деятелей Гражданской войны, а также биографические данные ряда авторитетных сибирских историков, занимавшихся этой научной проблемой (М.И. Стишова, Л.М. Спирина, В.Т. Шуклецова, А.Д. Колесникова, В.Т. Агалакова, С.Г. Лившица, А.П. Шурыгина).

Новой важной вехой в разработке тематики Гражданской войны в Сибири стало открытие в Омске в 2012 г. в рамках Исторического архива Омской области Центра изучения истории Гражданской войны, – фактически первого научного учреждения такого рода в России. За сравнительно короткий срок сотрудники Центра сумели объединить усилия историков Омска и, фрагментарно, ряда других мест Сибири, России и даже эмигрантской диаспоры в работе по восстановлению и сохранению исторической памяти о событиях и людях того непростого времени. При этом они, как представляется, сумели найти тот баланс в русле национального примирения, который позволяет подходить к проблеме максимально объективно.

Среди вопросов и тем, привлекающих и удерживающих пристальное внимание исследователей в обозначенный историографический период, выделяются следующие: политические партии, движения и процессы в период Великой российской революции и Гражданской войны (первенство здесь почти всё это время делили томичи и новосибирцы); боевые действия на территории Сибири в 1918–1922 гг.; биографии исторических деятелей. Появилось несколько новых исследований по истории Гражданской войны на территории национальных районов Сибири: Бурятия, Якутия, Хакассия, Горного Алтая, а также по истории национальных общин в Сибири. Заметным событием и определенным итогом в этом направлении стала обобщающая монография А.В. Сушко и его докторская диссертация «Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны».

Однако в общей картине тематики исследований бросается в глаза преобладание «белых тем»: белая армия, белая идея, белое дело, белая власть (государственность), деятели, лидеры, повседневность (культура «белой» Сибири, «белого» Омска и т. д.). В итоге образовался своеобразный историографический перекосяк в сторону «белогвардейщины». Особенно поражает обилие исследований (статей, монографий) о белогвардейских деятелях, лидерах, офицерах. При этом некоторые авторы избегают писать о зверствах, которыми отличались их кумиры (эта тенденция просматривается в отношении Г.М. Семенова, Б.В. Анненкова, Р.Ф. Унгерна). Заметим, что лакировка тех или иных событий и деятелей, не говоря уже об игнорировании неудобной для исследователя негативной информации, является элементом фальсификации истории.

В ряду сегодняшних исторических кумиров стоит, конечно, А. В. Колчак, попавший уже и в серию ЖЗЛ. О нём в течение последних 30 лет в Сибири, России и за границей написаны десятки книг и сотни, если уже не тысячи статей (в основном, это переписывание и «перепевы» уже известного), а главное: в большинстве из них присутствует почти безудержная апологетика Верховного правителя и его режима, вплоть до отрицания существования диктатуры. Так, исторический публицист из Омска А.А. Беляев заявил, что власть А.В. Колчака «ни в коей мере не являлась диктатурой, а должна была представлять и уже частично представляла систему государственных институтов и учреждений общедемократического характера, приводивших Россию к режиму правового государства» [1, с. 341].

Отдельные советские историки на фоне событий начала 1990-х гг. заметно, а то и диаметрально поменяли свои оценки, перейдя от критики и осуждения колчаковщины к её апологетике. На фоне различных подходов особо выделяется позиция исследователя И.Ф. Плотникова, который в советское время разоблачал и клеймил А.В. Колчака как монархиста, деспота, а его режим как антинародный и т. п., а в 1990-е гг. получил известность как один из ведущих апологетов личности и деятельности А.В. Колчака. Приведём лишь два фрагмента книг данного автора до и после 1991 г.: «Ярый монархист и деспот Колчак приступил к выполнению воли международного империализма и российских капиталистов и помещиков. Диктатура Колчака явилась продолжением и логическим завершением доколчаковской разновидности буржуазной диктатуры. При Колчаке буржуазия стала более открыто, с чудовищным цинизмом расправляться с народными массами, ускорила восстановление царских порядков и учреждений. Резко усилилось наступление реакции на трудящихся. <...> Чудовищными репрессиями колчаковское правительство стремилось запугать трудящихся, подавить их волю к революционной борьбе» [2, с. 12–13]. Сравните: «В своей политике как Верховный правитель, патриот России А.В. Колчак ориентировался на бескомпромиссную борьбу с властью большевиков, восстановление государственности, за независимость страны, законность. Он выступал за прогрессивные экономические преобразования: свободные рыночные отношения, конкурентоспособную промышленность частного и государственного секторов, поощрение кооперации, ликвидацию помещичьего землевладения... Адмирал делал ставку на старательного, культурного работающего крестьянина, на создание хозяйств фермерского типа, то есть использование опыта аграрных преобразований П.А. Столыпина. <...> Программа была близка к радикально-либеральной. <...> Внутренняя политика была жёсткой, применялись массовые репрессии в отношении антиправительственного, прокоммунистического движения» [3, с. 5–6].

Автор книги «Героическое подполье...» (издана в 1968 г.) и др., в которых прославлял деятельность подпольщиков-коммунистов в их борьбе с режимом «деспота Колчака», И.Ф. Плотников после 1991 г. взялся превозносить Верховного правителя и утверждать, что А.В. Колчак являлся «великим российским патриотом» и «преследовал благие цели спасения России от государственного развала и большевистской тирании» [4, с. 17].

Коррекция научно-методологической и идейно-политической позиции для учёного – дело вполне нормальное и допустимое, и практически все советские историки, в том числе сибирские, после 1991 г. в той или иной мере свою позицию скорректировали. Но смена научной позиции на 180 градусов, – это уже нечто иное. Поведение подобного рода стало в среде историков неофициально именоваться «синдромом Волконогова».

Историческую ревизию в отношении А.В. Колчака и его режима дополняет искусство. И вот Верховному правителю уже ставятся памятники, посвящаются стихи и песни, снимается дорогой и красочный фильм «Адмирал», в котором А.В. Колчак предстаёт в качестве настоящего спасителя России, непогрешимого рыцаря без страха и упрека. Дальше – больше. Под влиянием столь яркого и благородного образа стали уже появляться и «потомки» А.В. Колчака (главным образом, внуки и правнуки). Мне, например, после выхода моей монографии «Покушение на Колчака...» (изданной в Омске в 2012 г.) звонила женщина преклонных лет, которая представилась внучкой А.В. Колчака, и завела речь о его золоте (правда, не обо всём, а только о части), спрятанном её отцом (соответственно, сыном Колчака, но, разумеется, под другой фамилией) где-то в болотах в районе станции Любино. Без комментариев.

В то же время резко сократилось число исследований по революционной тематике, заметно уменьшилось количество объективных исследований о революции, советской власти, Красной армии, партизанском движении. Нет, их пока никто не запрещает. Но они, мягко говоря, просто не приветствуются, а то и прямо не одобряются. А рисковать сегодня решится далеко не каждый соискатель: возможный по причине «неправильно» выбранной темы про-

вал на защите диссертации, написание и выход на защиту которой вытянули столько жизненных сил (и не только соискателя, но и его семьи) в наше время – почти непоправимое с профессиональной и, особенно, материальной точки зрения событие, настоящая жизненная катастрофа. Про то, что на «революционную тему» сложно получить грант, я уж и не буду распространяться.

Да, имеются, конечно, объективные (с точки зрения логики истории и историографии) причины крена в белогвардейскую тематику в последние 25–30 лет: в советское время контрреволюция именно как самостоятельный объект исследования, почти не изучалась (как правило, исследовалась борьба с ней, её несостоятельность, авантюризм, банкротство, крах и т. п.), и теперь идёт определенное навёрстывание упущенного. Но чувство меры у историков тоже должно быть.

Парадоксально, но и советская тематика, как это не странно звучит, в советский период историографии оказалась, по ряду причин, недостаточно исследованной. Сошлюсь на пробелы в исследовании событий Гражданской войны в родных мне Омске и Среднем Прииртышье. До сих пор не установлено, сколько человек уничтожено колчаковцами в городе и его окрестностях при отступлении в ноябре 1919 г. (и сколько вообще сторонников советской власти погибло в Омске и регионе Среднего Прииртышья за годы Гражданской войны). До сих пор мы ничего или почти ничего не знаем о некоторых погибших руководителях «первой» советской власти и антиколчаковского подполья в Омске, не говоря уже о рядовых участниках революционных событий. Даже сегодня почти нет сколько-нибудь ёмкой информации о таких героических деятелях революционных лет в Омске и Прииртышье, трагически погибших за власть Советов, как С.Н. Черепанов, Вороновский, Фрей. До недавнего времени почти ничего не было известно о судьбе К. Тогусова, К.М. Молотова (Юговича), в свое время оболганных и оклеветанных. Неизвестна судьба одного из руководителей обороны «красной» Тюмени М.А. Запкуса, весной 1918 г. побывавшего со своим отрядом и в Омске.

В советский период историографии было немало написано о том, какими нехорошими во время Гражданской войны были эсеры, в том числе сибирские, как они проложили А.В. Колчаку дорогу к власти и т. п. Но вот о том, что значительная часть эсеров Сибири в 1919 г. так или иначе боролась против режима А.В. Колчака и помогла сибирским коммунистам и наступавшей РККА одолеть этот режим, почти ничего не исследовано до сих пор.

В парадоксальной историографической ситуации оказались левые эсеры, в том числе, сибирские (хотя последние, как убедительно доказано в замечательных исследованиях яркого представителя Томской школы А.А. Бондаренко, были за советскую власть от начала и до конца). Но, если в советский период левым эсерам всё же зачастую доставалось от «партийных историков», как псевдо-революционерам, а то и как скрытым врагам революции, то сегодня им попадает от историков либерального направления, – теперь уже как верным политическим союзникам большевиков. Примерно то же самое и с анархистами.

В советское время, когда имелись определенные возможности, некоторые революционные сюжеты и биографии были либо не исследованы, либо недоисследованы, а сегодня, получается, что уже и некому: теперь-то для многих историков есть темы «поважнее», которые поощряются, приветствуются, принимаются, наконец, финансово поддерживаются.

В рассматриваемый историографический период новой реальностью стал и прочно вошёл в обиход исследователей Интернет с его широчайшими и, как вначале казалось, безграничными возможностями. Но, наряду с несомненно положительными своими сторонами, он имеет одновременно и ряд отрицательных. То, что в Интернете при желании можно (можно - в английском значении “can”, но отнюдь не в значении “may”) подвергать нападкам, травить, или, как сегодня принято говорить, «троллить», да ещё фактически анонимно и, следовательно, в большинстве случаев безнаказанно, – это знают уже, наверное, все. Но есть и другие подводные камни, иногда совершенно неожиданные. Сошлюсь на собственный

пример. В 1995 г. вышла моя статья «Анархисты и партизанское движение в Сибири...». Вскоре она попала на глаза современных сибирских (иркутских) анархистов, озабоченных в это время изучением своих исторических корней. Далее, без моего ведома, не говоря уже о разрешении, анархисты разместили её на сайте своей газеты «КАС-Контакт», безусловно нарушив мое авторское право. При этом они самостоятельно изменили название (поставили: «Сибирская махновщина») и, что самое безобразное, внесли в текст (подобно некоторым средневековым переписчикам) три своих вставки, по характеру представлявших собой безответственную отсебятину и ахинею. Статья сразу же пошла гулять по Интернету, копировалась другими анархистскими и иными сайтами, и вот уже один барнаульский журналист, наткнувшись на нее в Сети, начинает с явным удовольствием критиковать меня за «допущенные ляпы», к которым я реально не имею ни малейшего отношения.

Вывод из этой и подобных историй должен быть однозначен: если вам встретится в Интернете какая-либо «научная ахинея», размещенная, а затем и многократно скопированная кем-то, воздержитесь от критики «позиции автора», – это может быть элементарный апокриф со вставками и искажениями, а то и просто «фэйк», приписанный конкретному человеку, который, как говорится, ни сном ни духом. Электронную версию научной работы можно воспринимать как достоверную и, затем, при наличии оснований, критиковать лишь в тех случаях, если она расположена на личном сайте автора, а также на официальном издательском сайте серьезного научного журнала, или же тогда, когда речь идет о книге, размещенной на профессиональном библиотечном сайте (в последнем случае, желательно, путем сканирования оригинала печатного издания). В иных же случаях совершенно нет уверенности, что перед вами подлинный текст.

Нельзя не сказать и о некоторых проблемах микроклимата, научного кодекса поведения и культуры полемики в среде историков. К сожалению, и здесь не всё гладко. Время от времени продолжает встречаться откровенный плагиат. Данная проблема – это особый разговор и, по большому счёту, тема отдельной статьи. Каждый из историков, наверное, хотя бы один раз встречал заимствование своего текста без ссылок. Мне, например, пришлось встретиться с «умыканием» моего текста, в том числе и моих авторских выводов трижды, точнее уличить в плагиате трёх историков, фамилии которых я здесь называть не буду.

Не изжита, и время от времени встречается недоброжелательность в отношении между коллегами. К глубокому сожалению, история ничему большинство людей не учит, – это уже, кажется, почти аксиома. Но, по крайней мере, уж историков-то она должна учить?! Ещё памятна сибирская «историографическая война» периода «застоя» по личности Г.Ф. Рогова и «роговщине», и безобразная «научная» травля с идеологическим уклоном «группой товарищей» известного исследователя, уважаемого человека В.Т. Шуклецова, научная позиция которого в отношении Рогова и «роговщины», хотя и была в чём-то уязвимой, но, в общем, не более уязвимой, чем у его оппонентов. Неумолимое время в этой «войне» уже в 1990-е гг. всех рассудило и всё расставило по своим местам, но гарантировано ли наше научное сообщество от повторения подобного в дальнейшем? По ряду некоторых признаков представляется, что, к сожалению, – нет.

Плюрализм подходов, научная критика – это для науки вполне нормально. Но дело в том, что на практике разделение (сознательное или подсознательное) исследователей на «белых» и «красных», прогрессивных и консерваторов и т.п., порой ведет к тенденциозности в оценках работ оппонента. Вспоминаю с улыбкой, как один известный и глубоко (не смотря ни на что) уважаемый мною сибирский историк в своей историографической работе по Ишимско-Петропавловскому (Западно-Сибирскому) восстанию включил меня в группу исследователей данного восстания, исповедующих старый подход, причём сделал это на основании «моей» статьи, которой у меня попросту нет. Уточняя: нет и никогда не было у меня статьи под названием «Событие, которого не могло не быть». Позднее выяснилось, что это название он мог позаимствовать только из работы своего аспиранта, который

элементарно допустил халатность, и в своей работе исказил подлинное название моей реальной статьи «Мятеж, которого могло не быть» (написанной, кстати, отнюдь не с консервативных позиций). Вот так иногда создаются обобщающие историографические работы и научные классификации в них.

Чаще стали наблюдаться факты «агрессивной критики» с нападкамии, инсинуациями и проявлениями неуважения к оппоненту. Остановлюсь на одном из подобных случаев, поскольку он касается меня лично. То, что сравнительно молодой историк В.В. Журавлев в полемике позволил себе нетактичный тон, да ещё и в отношении лично незнакомого ему человека, – это, как говорится, полбеда. Но всё гораздо серьёзнее. Тенденциозно (по одному ему известным причинам) задавшись целью «разгромить» мою книгу, он сознательно проигнорировал научную цель монографии, хотя формально и привёл её в своей статье (кстати говоря, не полностью и не вполне точно) [5, с. 27]. Между тем и из всего содержания монографии, её Введения и даже из названия следует, что она посвящена не политической культуре Сибири вообще, а именно опыту сибирской многопартийности как части политической культуры Сибири [6].

Одно из двух: либо В.В. Журавлёв так и не понял, о чём, собственно книга, либо (что, судя по всему, более вероятно) сознательно извратил научную позицию оппонента, – и то, и другое для серьёзного исследователя в первом случае непростительно, а во втором ещё и совершенно недопустимо. Не случайно даже название моей монографии он приводит в своём тексте неверно, превращая в удобное для своей «критики»: «Политическая культура Сибири» [5, с. 26]. Сокращение? Но тогда должно быть: «Политическая культура Сибири...». В ход идут откровенно недостоверные заявления, например, о том, что «...в источниковом отношении [монография] в значительной степени опирается на работы предшественников» [5, с. 27]. Но если бы В.В. Журавлев внимательно прочитал или хотя бы пролистал критикуемую им книгу, то обнаружил, что в ней – огромный массив документального материала из нескольких десятков фондов 15-ти архивов (в том числе 12-ти архивов Сибирского региона, двух ведущих центральных архивов Москвы и одного в Санкт-Петербурге); кроме того, в монографии использован значительный массив периодической печати исследуемого периода (материалы более 40 наименований газет и журналов) [6]. В общем, налицо давно известный приём недобросовестных критиков: извратить научную позицию оппонента и потом её «успешно» разгромить.

«Критические» выпады В.В. Журавлёва представляются несостоятельными и даже забавными ещё и потому, что атакованная им книга – самая востребованная из более чем сорока моих работ, размещённых в РИНЦ: о ней, с учётом первого издания, более семидесяти упоминаний на сегодня (август 2019 г.), – ссылок, отзывов, цитирований, и это число неуклонно продолжает расти, причём все они (кроме, понятно, одного) носят положительный характер. То же самое в ссылках и отзывах вне Сети. Среди не просто положительных, но и довольно высоких отзывов о монографии – оценки таких известных и признанных учёных всероссийского уровня, как М.В. Шиловский (Новосибирск), С.Н. Полторак (Санкт-Петербург), В.Б. Шепелева (Омск), В.В. Кривенький (Москва), причём последний, являясь авторитетным специалистом в области российской многопартийности первой четверти XX в., назвал данную книгу «настоящей энциклопедией первой сибирской многопартийности».

Результаты исследования. К счастью, подавляющее большинство историков, в том числе и историков Гражданской войны в Сибири, люди интеллигентные, тактичные и воспитанные, несмотря на частые и даже глубокие расхождения в позициях, подходах, оценках, выводах. Культура и такт у них – прежде всего. И, конечно, плюрализм подходов и позиций. Как предупреждал М. Задорнов несведущих, плюрализм – это совсем не то, когда все плюют на всех. Понимаемый правильно, он очень полезен во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и в науке, помогая продвигаться к истине. Но борьба идей не должна превращаться в войну людей, и уж кто-кто, а исследователи Гражданской войны должны это лучше других понимать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг.: Монография. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 427 с.
2. Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг.: Монография. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 336 с.
3. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак // История «белой» Сибири: Материалы второй научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 4–7.
4. Плотников И.Ф. Великий российский патриот Александр Васильевич Колчак // А.В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный правитель России. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 11–17.
5. Журавлёв В.В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 17–31.
6. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.): Монография. Омск: Изд-во ОмГУ; ИД «Наука», 2008. 612 с.

В. А. ШУЛДЯКОВ

Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

**ВЫДАЮЩИЙСЯ РАЗВЕДЧИК СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
ПЁТР ЯКОВЛЕВИЧ БУРКОВ**

Аннотация: В исследовании на основе неопубликованных источников реконструирована биография сибирского казака, который благодаря подвигам на фронте смог выслужиться из рядовых в офицеры. Жизненный путь П.Я. Буркова освещается впервые. Автор приходит к выводу об его удачном вхождении в офицерскую корпорацию СКВ и о попытке встроиться после поражения Белого движения в советский социум.

Ключевые слова: казачество, Сибирское казачье войско, разведка, Георгиевские кавалеры, Первая мировая война, Гражданская война, социальная адаптация, офицерство, белое движение, советское общество.

Постановка проблемы. В Гражданскую войну люди, активно участвующие в вооруженной борьбе, проявляют максимальную инициативу и самостоятельность, часто не останавливаясь перед крайними средствами достижения целей. В Сибири далее всех по этому пути пошли «атаманы» белых партизанских отрядов, создавшие свои, альтернативные омской власти, разведки и контрразведки. В ряде случаев они демонстрировали кругозор и видение перспективы. Двое из них: полковники И.Н. Красильников (Омск) и Б.В. Анненков (Семипалатинск) – обратили внимание на Туркестан и направили туда своих разведчиков.

Путешествие пяти красильниковцев в Туркестан в первой половине 1919 г. является не только ярким эпизодом Гражданской войны, но и последней конной военно-разведывательной экспедицией из России в Среднюю Азию. Краткое описание разведки приведено в докладной записке хорунжего Буркова, составленной до 20 июля 1919 г. (Даты до февраля 1918 г. даны по старому стилю, после – по новому. Если стиль даты неизвестен, это оговаривается в тексте – В.Ш.) на имя начальника Войскового штаба СКВ полковника В.С. Михайлова, заверенная копия которой сохранилась в фонде Главного управления по делам казачьих войск в РГВА [1, л. 18–19об.]. На основании данного документа почти полтора десятилетия назад была написана статья, главным недостатком которой является отсутствие биографических сведений об участниках путешествия [2]. Если о капитане Мачканине тогда удалось найти обрывочную информацию [2, с. 61], то о хорунжем Буркове абсолютно ничего не было известно.

К настоящему времени благодаря Тамаре Юрьевне Беспаловой в фонде Челябинского губернского военкомата в ОГАЧО удалось обнаружить Послужной список бывшего подьесаула СКВ Буркова Петра Яковлевича [3, л. 30–30об., 35–37об.] и его же анкету для бывших офицеров белых армий (в 2 экз.) [3, л. 31–34об.]. Оба документа не датированы, однако время их составления определяется по содержанию (возраст и даты рождения родственников): это май 1924 г. Послужной список составлен со слов, и его послереволюционная часть доверия не внушает. Офицер явно скрыл свою подлинную службу у белых, в том числе и поступление добровольцем в партизанский отряд есаула И.Н. Красильникова. Дореволюционная часть списка не только кажется правдоподобной, но и подтверждается некоторыми другими источниками, относящимися к службе П.Я. Буркова нижним чином в Русской императорской армии. Бурков – достаточно распространенная фамилия. Но многолетняя работа по составлению картотеки персоналий офицеров СКВ привела автора к убеждению, что

в период Первой мировой и Гражданской войн Пётр Яковлевич был единственным в СКВ офицером с такой фамилией. Теперь с уверенностью можно сказать, что хорунжий Бурков, участвовавший в 1919 г. в разведке красильниковцев в Туркестан, и П.Я. Бурков, состоявший в 1924 г. на учете в Челябинском губернском военкомате, – это одно лицо. Выявленные документы позволяют реконструировать служебный путь казачьего офицера, выслужившегося из рядовых, и охарактеризовать один из типов белых добровольцев 1918 г., что и является задачей настоящего исследования.

Основная часть. Модернизационные процессы, шедшие в России во второй половине XIX – начале XX вв., приводили к размыванию сословных рамок, в том числе внутри казачества. Шло пополнение войсковой элиты лучшими представителями рядовой казачьей массы. Подняться по социальной лестнице удалось и отцу нашего героя. Казак Акмолинской станицы Яков Фёдорович Бурков, родившийся 2 октября 1865 г., окончил полный курс Акмолинского трехклассного городского училища. Начав службу в войске нижним чином (с 23 июня 1884 г.) и поучаствовав в Китайском походе (1900 г.), дослужился до первого гражданского чина коллежского регистратора (1902 г.). Началась его чиновничья карьера делопроизводителя (сначала в Управлении 1-го отдела в Кокчетаве, затем – в Войсковом хозяйственном правлении в Омске): губернский секретарь (1905 г.), коллежский секретарь (1908 г.), титулярный советник (1911 г.), коллежский асессор (1914). В последнем чине, VII класса, Я.Ф. Бурков встретил Первую мировую войну. С 18 апреля 1911 г. Яков Фёдорович занимал должность бухгалтера Войскового хозяйственного правления. А 16 вгуста 1914 г. приказом СКВ № 165 был назначен временно исполняющим должность советника Войскового хозяйственного правления. Последней наградой мирного времени у Якова Фёдоровича был орден Св. Анны 3-й ст. (6 мая 1913 г.), а в войну он получил орден Св. Станислава 2-й ст. (31 мая 1915 г.). У Я.Ф. Буркова и его супруги, уроженки Тульской губернии, было шестеро детей: 3 сына (на 1 января 1916 г. – 23, 10 и 7 лет) и 3 дочери (25, 14, 12 лет) [4, л. 4об.–5; 5, л. 4об.–5; 6, л. 3об.–4].

В апреле 1917 г. на 1-м съезде депутатов Сибирского войска Я.Ф. Бурков был избран членом Войсковой управы [7, л. 90]. Когда 26 января (8 февраля) 1918 г. Совет казачьих депутатов сверг Войсковое правительство, Яков Фёдорович был арестован, но после допроса освобожден [8, 28 янв.; 9, с. 18]. При «первой Советской власти» в апреле 1918 г. 3-й круг избрал его главой Войскового контроля, но он от должности отказался и подписал коллективное «Заявление» с протестом против свержения Войскового правительства [10, пр. № 128, 10 мая; 11, л. 88–89]. После оставления красными Омска Я.Ф. Бурков снова член Войсковой управы [10, пр. № 288, 20 июля]. При распределении функций внутри управы он получил в заведывание 4-й земско-административный отдел (21 июля 1918 г.), то есть стал отвечать за общественное управление станиц, земские повинности, законодательство, судебное дело, технически-строительное дело и войсковые здания [10, пр. № 290, 23 июля]. После поражения А.В. Колчака он был на Дальнем Востоке заведующим хозяйством Войсковой управы СКВ, а при уходе Земской рати за границу остался в Приморье. В анкете 1924 г. П.Я. Бурков утверждал, что его отец находится и служит канцеляристом во Владивостоке, что с ним там проживают мать (Елена) и трое детей (дочь Софья и сыновья Георгий 17 лет и Павел 16 лет) [3, л. 31, 32]. В действительности, Яков Фёдорович в период с декабря 1922 г. по февраль 1923 г. был выслан с Дальнего Востока [12, с. 677].

Следует добавить, что казачий чиновник Я.Ф. Бурков был страстно увлеченным музыкой человеком. Будучи членом Омского отделения Императорского русского музыкального общества, он с 1908 г. являлся организатором и хормейстером любительского хора отделения [13, с. 86]. Яков Фёдорович стал одним из трех составителей сборника «Песни сибирских казаков», 1-й выпуск которого вышел из печати в Петрограде в 1916 г. В качестве фольклориста и аранжировщика он расшифровал для этого сборника и положил на ноты напевы це-

лого ряда казачьих песен, представив их «в том виде, как эти песни поются в полках и на льготе в войске». Гармонизация всех песен выпуска была «произведена исключительно Я.Ф. Бурковым» [14, с. 4]. Таким образом, интересующий нас подьесаул П.Я. Бурков был сыном талантливого, опытного и авторитетного в войске администратора и к тому же высококультурного человека. Тем не менее, службу в войске он начинал по-отцовски: рядовым казаком в первоочередном полку.

Пётр Яковлевич Бурков родился в Акмолинске 21 февраля 1891 г. [3, л. 30, 31, 32] (скорее всего, старого стиля). В своей анкете 1924 г. он писал, что в 1905 г. «учился и жил у отца в Кокчетаве» [3, л. 33, 34], но нигде не упоминал об окончании им курса в каком-либо из учебных заведений. Уже во время войны, будучи по ранению в отпуске в Омске, П.Я. Бурков экстерном сдал экзамен за 4 класса гимназии (3 октября 1915 г.) [3, л. 35, 30, 31, 32]. Собственноручно заполненные им документы 1924 г. и особенно докладная записка 1919 г. о разведке в Туркестан характеризуют Петра Яковлевича как человека грамотного, с твердо поставленным почерком, с логическим складом ума и опытом работы с текстами.

На вопрос о роде деятельности до поступления на военную службу П.Я. Бурков отвечал: «Никаких должностей не занимал, учился и занимался сельским хозяйством» [3, л. 32]. И свою довоенную профессию он обозначал так: «сельское хозяйство» [3, л. 30]. Возможно, Бурковы пытались улучшить свое материальное положение за счет земледелия и скотоводства. Каким бы хорошим ни было жалование отца, для растущих потребностей семьи из 8 человек его все равно не хватало. Вероятно, Пётр как старший сын отвечал за это перспективное направление деятельности семьи. А возможно, все объяснялось проще: трудовое воспитание сына, заодно самостоятельным зарабатыванием денег для самоснаряжения на военную службу.

Как казак станицы Акмолинской [15, л. 13] Пётр Бурков должен был отбывать воинскую повинность в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку – первоочередном полку 1-го отдела СКВ. Он вступил на действительную военную службу 1 мая 1913 г. в Кокчетавском лагерном сборе и ровно через месяц, 1 июня, «с первым эшелоном молодых казаков» отправился из лагеря в Джаркент – в 1-й полк. Конный поход эшелона через киргизские степи в Семиреченскую область Туркестана занял три с половиной месяца. Только 14 сентября он прибыл к месту назначения. А уже 8 октября П. Бурков был командирован в полковую учебную команду (из Джаркента в Верный [3, л. 31об., 32об.]). Почти семь месяцев учился молодой казак и, успешно окончив команду, был выпущен из неё в 1-ю сотню (1 мая 1914 г.). Через четыре дня полк отправился в летние лагеря на урочище Тышкан. Сразу же по прибытии в Тышканский лагерь Буркова назначили сотенным наездником (6 мая 1914 г.). И он оправдал надежды: 15 мая на полковых соревнованиях получил первый приз (часы и серебряный жетон) «за отличную езду и джигитовку», 2 июня – первый приз (серебряные часы) и знак «за отличную стрельбу» [3, л. 30об.].

15/28 июля 1914 г. в день нападения Австро-Венгрии на Сербию 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк, а в его рядах и наш герой, выступил на запад. Начиналась Первая мировая война. В середине ноября полк прибыл на Кавказ, а через месяц был двинут из резерва Кавказской армии в бой против наступающих турок. 24 декабря Пётр Яковлевич «прибыл на фронт под Ардаган» [3, л. 37об.]. Включение в боевые действия у него получилось не очень удачное: он угодил в лазарет. Но взял свое в следующем 1915 г. В сведениях о «выдающихся подвигах казаков» [16, л. 29об.] (нижних чинов) 1-го полка описание подвигов Буркова стоит на первом месте. Вот это описание: «Прибыв из лазарета 27-го января [1915 г.] в сотню, [П.Я. Бурков] изъявил желание 30 января идти в одиночную разведку, посмотреть, что за турки, что они делают, познакомиться с местностью и при удаче достать себе кое-что. 30-го января, получив разрешение и указание от командира полка полковника Раддац[а], отправился в разведку, взяв с собой винтовку, компас и русско-турецкий словарь.

На 3-й день вечером Бурков вернулся из разведки и доложил точно, где и как расположены турецкие войска, в каком количестве, притом начертил подробные кроки; при этом рассказал следующее: пробираясь в тыл к туркам, в горах около Ида встретил также пробиравшегося турка с оружием. Бурков залег около тропы за камень и стал ждать турка, с которым быстро и управился. Трофеем того было: ружьё с патронами, турецко-русский словарь, бумаги и несколько серебряных монет. По выяснении бумаг оказалось, что турецкий солдат в форме турецкого жителя был послан для разведки к русским. В разведке 4 мая казак Бурков был тяжело ранен, около суток полз обратно, волоча пробитую ногу. При опросе командиром сотни казака Буркова, где он был ранен, Бурков, не отвечая на вопрос, подал не оконченные кроки со словами: «Простите, Ваше Высокоблагородие, не успел точно обозначить и высмотреть, где стоят пулеметы». Точно также высказал Бурков и командиру 3-й сотни 3-го Екатеринбургского полка Кубанского казачьего войска, шедшему на смену 1-й сотни» [16, л. 31].

В анкете Пётр Яковлевич писал: «Имею Георгиевский крест 4-й степени, полученный 5 мая 1915 г. за одиночную пешую разведку на Турецком фронте» [3, л. 33, 34]. Из составленного по памяти послужного списка вообще выходит, что в один и тот же день – 5 мая 1915 г. – Бурков и ранен был в «одиночной пешей разведке, и крест за эту разведку получил, и был произведен в звание приказного [3, л. 35, 37об.]. Здесь явно допущено смещение событий, память подвела бывшего подьесаула. К 5 мая Бурков уже имел звание приказного [15, л. 12об.]. Быть может, он и был награжден 5 мая, но за две другие свои разведки. Согласно наградным документам, казак 1-й сотни 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка Пётр Бурков получил Георгиевский крест 4-й ст. «за то, что 30 января 1915 г., вызвался охотником один идти в тыл турок в своей казачьей форме к с. Иду. 4 дня он производил свои наблюдения днем, передвигаясь ночью, убил турецкого разведчика и на 5-й день возвратился, добыв ценные сведения о расположении противника. 15 февраля 1915 г. он опять вызвался охотником и отлично выполнил свою работу, добыв точные сведения о противнике» [17]. Таким образом, можно говорить, как минимум, о трех результативных одиночных разведках Буркова в 1915 г., произведенных 30 января – в первых числах февраля, 15 февраля и 4–5 мая.

4 мая 1915 г. в разведке приказного П.Я. Буркова ранили. Произошло это у с. Атха. У него была, согласно «Именным спискам потерь», «пулевая рана нижней трети правого бедра в мягкую часть на вылет». Отправили его в госпиталь Приамурского отряда [15, л. 13]. В послужном списке Бурков уточнял, что был ранен разрывной пулей и отправлен из полка в тыл, в Баку, 5 мая [3, л. 37об., 35]. Видимо, рана была тяжелая, так как Петра Яковлевича продержали в госпитале 3 месяца, а после выписки 8 августа 1915 г. отправили в войско на долечивание. В Омске ему дали 2-хмесячное увольнение «на излечение» (20 августа 1915 г.). Это время Бурков провел с пользой: подготовился и сдал экстерном экзамен за 4 класса гимназии. По выздоровлению 21 октября он был командирован в дислоцированную в Омске 2-ю Сибирскую казачью запасную сотню, а уже 12 ноября отправлен из неё с эшелоном пополнения в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк. Но на фронте ему опять не повезло. 1 декабря 1915 г. он прибыл в полк, а 4 декабря был «контужен разрывом снаряда» [3, л. 35, 37об.]. И снова эвакуация в Омск, производство в той же 2-й запасной сотне в младшие урядники (15 декабря 1915 г.). На этот раз Пётр Яковлевич задержался в Омске почти на 8 месяцев. Только 6 августа 1916 г. его с эшелоном пополнения отправили во второочередной 4-й Сибирский казачий полк на Западный фронт [3, л. 35].

В послужном списке и анкете период 1916–1917 гг. практически не освещен. Кроме отправки из Омска в 4-й полк упоминается, что П.Я. Бурков к Февральской революции был «младшим урядником на правах по образованию 2-го разряда» [3, л. 31об., 32об.], а также приведен случай в Сызрани, возможно, выдуманный. Отвечая на вопрос о своем отношении

к Февральской революции, Пётр Яковлевич написал в анкете: «Был под арестом в Сызрани за самовольную отлучку из эшелона и был освобожден революционерами» [3, л. 33, 34].

Нет в документах никаких данных о демобилизации из старой армии и роде деятельности при «первой Советской власти». На военную службу П.Я. Бурков, с его слов, вновь попал лишь 18 ноября 1918 г., когда был «призван по мобилизации правительством Колчака» [3, л. 35об., 33, 34], а до этого «служил делопроизводителем во врачебной части Войсковой управы Сибирского казачьего войска» [3, л. 31об., 32об.]. В послужном списке Пётр Яковлевич утверждал, что стал прапорщиком лишь в ноябре 1918 г., когда был мобилизован А.В. Колчаком и произведен «в числе прочих вольноопределяющихся казачьих частей в поощрение и ознаменование возникновения правительства Колчака». А следующий чин хорунжего он получил якобы только в ноябре 1919 г. [3, л. 35об.]. Между тем, мы точно знаем, что на момент отправки в разведку в Туркестан, на начало 1919 г., Бурков уже был хорунжим. Вопрос о времени производства П.Я. Буркова в прапорщики, в первый обер-офицерский чин военного времени: произошло это во время Первой мировой войны или уже в Гражданскую, – остается открытым. Через неделю после сдачи экстерном экзамена за четыре класса гимназии, то есть уже 10 октября 1915 г., Пётр Бурков был утвержден в правах по образованию 2-го разряда [3, л. 35], вследствие чего получил право на статус вольноопределяющегося и поступление в школу прапорщиков. Странно, почему он не реализовал это право в 1916–1917 гг. Возможно, если сызранский инцидент имел место, у него были проблемы с дисциплиной. Но в революционном 1917 г. такого рода препоны к поступлению в школу прапорщиков легче было обойти. Скорее всего, Пётр Яковлевич скрыл своё производство в прапорщики в 1916–1917 гг., так как это избавляло его от неудобного вопроса, что он делал летом – осенью 1918 г., и уводило от отряда И.Н. Красильникова. В местных органах ВЧК–ОГПУ, конечно, знали, что все офицеры СКВ (до 43-х лет) в конце мая – июне 1918 г. добровольно или по мобилизации оказались в рядах Сибирской армии, в то время, как казаков нижних чинов года призыва Буркова мобилизовали в армию адмирала А.В. Колчака только в июле-августе 1919 г. Впрочем, версия, избранная Бурковым, тоже ставила его в уязвимое положение. Выходило, что за службу в белой армии он получил целых четыре обер-офицерских чина.

П.Я. Бурков утверждал, что с поступлением в белую армию, с ноября 1918 г., был «назначен на должность начальника обоза 1-го Сибирского казачьего полка» [3, л. 35об.] и что в Гражданскую войну «в боях участия не принимал, будучи нестроевым» [3, л. 33, 34]. Между тем, указанная им дата призыва в колчаковскую армию, совпадающая, по его словам, с установленным ему старшинством в чине прапорщика (с 18 ноября 1918 г.) [3, л. 35об.], наводит на размышления. В белых армиях практиковалось установление старшинства в офицерском чине с даты того или иного боевого отличия офицера. А 18 ноября 1918 г. – это особенная дата: день колчаковского переворота в Омске, в котором отряд войскового старшины И.Н. Красильникова сыграл исключительную роль. За эту операцию многих красильниковцев должны были поощрить, в том числе следующими воинскими чинами и званиями. Если допустить, что Бурков действительно стал прапорщиком только после свержения Советской власти, то тогда выходит, что за совсем короткий срок (к началу 1919 г.) он заслужил два офицерских чина. Кроме того, назначать в разведку в Туркестан малоизвестного и не проверенного в деле офицера вряд ли стали бы. Все это свидетельствует в пользу того, что П.Я. Бурков был активным и заслуженным красильниковцем, вероятно, вступившим в партизанский отряд еще в подпольный период борьбы.

Разведывательная партия, командированная атаманом И.Н. Красильниковым в Фергану, состояла из 5 человек. Начальником как старший в чине, очевидно, был капитан Михаил Павлович Мачканин, служивший в старой армии в 1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде. Вторым по чину был хорунжий П.Я. Бурков, являвшийся наиболее подготов-

ленным к данной экспедиции человеком. У него за плечами были конный поход из Кокчетова в Джаркент, служба в Туркестане и одиночные разведки на Кавказском фронте. К тому же он знал «киргизский» (казахский) язык [3, л. 31об., 32об.].

Красильниковским разведчикам были поставлены следующие задачи: определить наиболее удобные маршруты переброски войск из Сибири, выяснить общую военно-политическую обстановку в Туркестане, изучить настроения жителей и красноармейцев, установить контакты с антисоветскими организациями и группами населения, собрать сведения об источниках комплектования, численности и дислокации частей противника.

Группа М.П. Мачканина выехала из Омска 5 января 1919 г. Миновав Акмолинск и озеро Кургальджин, киргизскими зимовьями она за полтора месяца добралась до урочища Сарт Уткуль, возле которого находился брод через реку Чу. Здесь произошло первое боестолкновение с противником. После перестрелки 6 красноармейцев бежали, седьмого, взятого в плен и «оказавшегося комиссаром», белые расстреляли. На реке Чу красильниковцы встретились с прапорщиком Дмитрием Федяем, командированным из Партизанской дивизии атамана Б.В. Анненкова также в разведку по Туркестану. Вместе, преодолев за 5 дней пески, достигли Александровского хребта. Там разведчики скорректировали свои планы и разделились: Федяй направился в г. Аулие-Ата на реке Талас, а группа Мачканина и Буркова спустилась в «житницу Туркестана» Таласскую долину (современная Киргизия). Оттуда разведчики «перевалили» в Наманганский уезд Ферганской области, где П.Я. Буркову наиболее запомнилось русское село Алексеевское. Там их как представителей Российского правительства адмирала А.В. Колчака встретили хлебом-солью. Общий сход граждан, заслушав офицеров-красильниковцев, постановил: «Присоединиться к партии монархистов целиком и войти в организацию с оружием в руках для защиты Всероссийского Правительства». Из Алексеевского разведчики направилась в глубь Ферганы, где установили связи с восставшими против большевиков узбеками и провели переговоры с образованным повстанцами Временным Ферганским правительством Мадам-бека. Последний заявил красильниковцам о своей готовности признать А.В. Колчака.

Обратный путь из Ферганы в Сибирь стал для экспедиции роковым. Недалеко от Алексеевского Наманганского уезда разведчики, сопровождаемые «почетным конвоем» из 50 узбеков, были перехвачены отрядом противника. Красные в этой стычке были разбиты, но Мачканин потерял трех своих бойцов: был убит, получив четыре раны (в лоб, живот и две в грудь), прапорщик Потаков, ранены урядник Фаддеев и партизан Охман, которых пришлось оставить для выздоровления у владельца рисовых плантаций П.М. Мичкаских. Где-то между Алексеевским и Аулие-Ата Мачканин и Бурков наткнулись на конный разъезд красных. М.П. Мачканин был ранен в грудь на вылет. Буркову удалось скрыться с ним в песках. Но перевязочные средства отсутствовали, и капитан умер от гангрены. Похоронив командира, П.Я. Бурков через Аулие-Ата, Чу и Голодную степь добрался до Семипалатинска, а в середине июля 1919 г. вернулся в Омск. Завершить предприятие посчастливилось ему одному. Выводы, сделанные им из разведывательной операции, были изложены в докладной записке начальнику Войскового штаба полковнику В.С. Михайлову [1, л. 18–19об.; 2, с. 61–63]. Неизвестно, как отреагировали на результаты экспедиции высшие инстанции. Пославленному разведчиков полковнику И.Н. Красильникову уже было не до туркестанских дел, со своей бригадой он воевал с партизанами в Восточной Сибири.

После возвращения в Омск П.Я. Буркова, вероятно, назначили в один из Сибирских казачьих полков, и он явно еще повоевал, так как успел получить в 1919 г. два офицерских чина: сотника и подьесаула. Даже если в конечном итоге ему удалось попасть на менее опасную должность начальника обоза 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, находиться с этим обозом в Омске при Войсковом штабе, как он утверждал, с ноября 1918 г. до 8 ноября 1919 г. [3, л. 35об.] наш герой никак не мог. 1-й полк с конца мая 1919 г.

и до оставления Омска непрерывно находился на фронте, в боях, и обоз должен был быть при нем. Пётр Яковлевич утверждал, что чины хорунжего и сотника получил в ноябре 1919 г.: первый – «за вывод обоза из Омска в полном порядке», второй – «за вывод обоза из Новониколаевска под обстрелом»; а чин подьесаула – в декабре 1919 г. – «за вывод обоза из Ачинска под обстрелом». Затем он заболел тифом и был «уволен в запас в первых числах января 1920 г.» [3, л. 35об.]. Конечно, в начале 1920 г. никто не занимался увольнением военнослужащих в запас, это были трагические дни гибели Сибирской белой армии и прорыва её остатков мимо Красноярска. И если Бурков действительно лежал, как и многие, «в тифу», то Великий Сибирский Ледяной поход должен был проделать в санях с какой-то из белых – «каппелевских» – частей.

О службе П.Я. Буркова в Дальневосточной белой армии в 1920–1922 гг. данных нет. На вопрос о пленении Пётр Яковлевич отвечал: «В плен не попал, так как при занятии Владивостока на службе не состоял. Занимался сельским хозяйством». После вступления во Владивосток в октябре 1922 г. Народно-революционной армии ДВР он прошел через местный особый отдел ГПУ, а затем в начале 1923 г. – через органы ГПУ Сибири и Урала, аресту тогда не подвергался [3, л. 31об., 32об.]. На военную службу его также не взяли. В условиях затухания Гражданской войны и перехода к НЭПу шло масштабное сокращение РККА, потребность в военспецах из бывших белых офицеров отпала. П.Я. Бурков считался уволенным в бессрочный отпуск на основании приказа РВСР 1921 г. № 1128/2021 [3, л. 36]. Очевидно, в конце 1922 – начале 1923 г. он выехал с Дальнего Востока.

Ехать в родные места: Акмолинск, Кокчетав, Омск, – бывшему подьесаулу было опасно. Там могло вскрыться, что он вводит органы ГПУ в заблуждение относительно своей службы у белых. В мае 1924 г. мы находим его с семейством на железнодорожном разъезде Козырево, что в «21 версте от Челябинска в сторону Омска» [3, л. 31, 32, 33об., 34об.]. В брак с Еленой Николаевной Трошковой Пётр Яковлевич вступил в ноябре 1919 г. (надо полагать, в Омске). В июле 1920 г. у них родилась дочь Нина, в январе 1924 г. – сын Юрий [3, л. 35об.]. На момент составления послужного списка и анкеты, на май 1924 г., Елене Николаевне было 26 лет, дочери 3 года, сыну 4 месяца. С Бурковыми проживал родной брат Елены Николаевны 16-летний Борис Трошков, ученик. Е.Н. Буркова заведовала школой [3, л. 30, 31, 32] (видимо, в Козырево). А у самого Петра Яковлевича никакой службы не было [3, л. 33об., 34об.]. Он в Козырево, вероятно, занимался сельским хозяйством, о склонности к которому писал в анкете [3, л. 33об., 34об.]. Хорошее здоровье [3, л. 31об., 32об.] позволяло заниматься нелегким крестьянским трудом.

Естественно, П.Я. Бурков пытался рассеять сомнения советской власти в своей политической благонадежности, уверяя в мае 1924 г., что даже сочувствовал в свое время Октябрьской революции. Он писал в анкете: «В партии не состоял и не состою, сочувствую Компартии за её особенную энергию и исключительную дисциплину» [3, л. 33, 34]; «сочувствую Компартии, но в погоне за куском хлеба не имею возможности следить за политикой и вникать в неё» [3, л. 33об., 34об.].

После мая 1924 г. следы семейства Бурковых теряются. Так, попытка найти сведения о Елене Николаевне в документах органов народного образования 1920-х гг. в ОГАЧО успехом не увенчалась. Скорее всего, они уехали из-под Челябинска куда-то ещё.

Результаты исследования. Реконструкция биографии подьесаула П.Я. Буркова дает нам интереснейший тип казачьего офицера военного времени. Выходец из чиновничьей, достаточно интеллигентной семьи по какой-то причине не получает систематического образования в соответствующих учебных заведениях и начинает военную службу рядовым казаком по призыву. Война раскрывает его таланты. Он оказывается любителем одиночных пеших разведок, способным не только быстро передвигаться и искусно маскироваться в горах, не только ловко убивать и высматривать, но и, произведя глазомерную съёмку, наскоро набро-

сать карандашом кроки – чертёж участка местности с позициями противника. Вершина разведывательной деятельности П.Я. Буркова – конное путешествие 1919 г. в Туркестан. Но Пётр Яковлевич деловит и скромен. Он не отвечает на вопрос о ранении, а протягивает сотенному командиру кроки и извиняется, что не успел их доделать. В его весьма толковой докладной записке в Войсковой штаб нет ни слова о собственных заслугах, только о деле да об убитых и раненных товарищах по экспедиции. Государство Российское за подвиги удостоило Буркова Георгием 4-й ст., а враги турки «наградили» тяжелой раной и контузией. Прирожденный воин за две выпавшие на его долю войны: Первую мировую и Гражданскую, – получает несколько нижних чинов и четыре обер-офицерских. Такие молодые фронтовики, офицеры и казаки, много раз смотревшие смерти в глаза и сами научившиеся убивать, почти все пролившие собственную кровь за Отечество, отмеченные боевыми наградами, глубоко оскорбленные в своих патриотических чувствах большевистским переворотом и Брестским миром, и составили ядро тайной офицерской организации, а затем партизанского отряда есаула И.Н. Красильникова.

После поражения Белого движения перед П.Я. Бурковым стояла задача выжить. Ведь за добровольческую службу в подразделениях под началом И.Н. Красильникова могли расстрелять, даже в «спокойные» 1920-е гг. Как и большинство «бывших», он избирает путь умалчивания, мимикрии, растворения в массе. Он скрывает подлинные факты службы у белых. Подчеркивает свой сельскохозяйственный опыт (до призыва на срочную службу, в Приморье), свою склонность к крестьянскому труду и сочувствие политике Компартии. Он не возвращается в родные места, а поселяется в соседней Челябинской губернии. Видимо, это сводило к минимуму нежелательные встречи с теми, кто мог выдать, и в то же время давало возможность в крайнем случае связаться с родней. Но П.Я. Бурков выбирает для жизни социально и духовно близкую среду. Рядом с разъездом Козырево находился посёлок Козыревский бывшей станицы Миасской 3-го, Троицкого, отдела Оренбургского казачьего войска. То есть рядом жили казаки, пусть не сибирские. Вряд ли это было правильное решение, так как казачество привлекало к себе более пристальное внимание советских властей, нежели рабочие или крестьяне. К тому же легенда Петра Яковлевича была очень уязвима. Только при очень формальном отношении к делу ему могли поверить, что целых 3 офицерских чина он получил в течение 2 месяцев всего лишь за последовательную эвакуацию полкового обоза.

По идее, бывшему белому офицеру, боявшемуся разоблачения, чтобы «замести следы» следовало каждые 2–3 года переезжать на новое место. Но здесь вставала проблема учета в органах ГПУ и военкоматах. Наличие семьи затрудняло переход на жизнь по подложным документам. Уехали ли Бурковы из Козырево и куда: в ближайшие Челябинск, Копейск, Коркино или дальше – на Урал, в Европейскую Россию, в Среднюю Азию и т.д., удалось ли бывшему подьесаулу интегрироваться в новое общество или он, в конце концов, разделил трагическую судьбу большинства сподвижников атамана И.Н. Красильникова, – всё это ещё предстоит выяснить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 10.
2. Шулдяков В.А. Разведка хорунжего Сибирского казачьего войска Буркова из Омска в Среднюю Азию в январе – июле 1919 года // Белая Армия. Белое Дело. Екатеринбург, 2006. № 15. С. 60–64.
3. ОГАЧО. Ф. Р–393. Оп. 5. Д. 53.
4. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3242.
5. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 3. Д. 3.

6. ГИАОО. Ф. Р–1706. Оп. 1. Д. 407.
7. ГИАОО. Ф. Р–1706. Оп. 1. Д. 16.
8. Вечерняя заря (Омск). 1918.
9. Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. 156 с.
10. Приказы Сибирскому казачьему войску [за 1918 год]. Омск, 1918.
11. ГИАОО. Ф. Р–683. Оп. 1. Д. 4.
12. Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» по состоянию на январь 2014 г. (База № 2). PDF-версия. Т. «Б». 743 с.
13. Белокрыс М.А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII – середина XX): биобиблиограф. словарь: в 4 т. Т. 1: А–Д. Омск: Наследие, 2001. 191 с.
14. Песни сибирских казаков. Вып. 1 [Бедрин В.Ф., Иванов Г.И., Бурков Я.Ф.]. Пг.: Изд-е Сиб. каз. войска, 1916. 112 с.
15. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. «Списки потерь солдат 1 Сибирского казачьего полка, 2, 4, 5, 6, 7, 8 Сибирских казачьих полков». Док. № 179075.
16. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63.
17. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. [Электронный ресурс], URL // <http://ka-z-ak.ru/index/242---/11230-georgievskie-kavalery#37303> (дата обращения: 01.09.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ануфриев Александр Валерьевич (Иркутск) – старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета; сотрудник Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова.

Артамонова Надежда Яковлевна (Абакан) – профессор кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, доктор исторических наук, профессор.

Белевщук Галина Павловна (Владивосток) – аспирант 2 курса Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

Белоногов Юрий Геннадьевич (Пермь) – доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, кандидат политических наук, доцент.

Блинова Ольга Валерьевна (Омск) – заведующая отделом музейных публикаций, рекламы и медиакоммуникаций Омского государственного историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук.

Бородина Галина Юрьевна (Омск) – руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Бринюк Надежда Юрьевна (Санкт-Петербург) – научный сотрудник 44-го научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук.

Валюнова Арина Васильевна (Зеленогорск, Красноярский край) – учитель истории и обществознания лицея № 174 города Зеленогорска.

Волошина Валентина Юрьевна – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор исторических наук.

Ганин Андрей Владиславович (Москва) – ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Гермизеева Виктория Викторовна (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Глазунова Татьяна Владимировна (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Гребенкин Алексей Николаевич (Орел) – доцент кафедры теории государства и права Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, доктор исторических наук, доцент.

Долгова Анжела Валерьевна (Москва) – доцент кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, кандидат исторических наук.

Елизарова Наталья Владимировна (Омск) – главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области, кандидат исторических наук.

Зайнутдинов Динар Рафаилович (Казань) – проректор по юридическому сопровождению, руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний; доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, кандидат юридических наук.

Калашников Андрей Алексеевич (Барнаул) – магистрант Алтайского государственного педагогического университета.

Капустин Леонид Геннадьевич (Муром) – независимый исследователь.

Князев Марк Андреевич (Нижний Новгород) – магистрант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Козлов Дмитрий Викторович (Иркутск) – доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета; научный директор МИОН Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук.

Кокоулин Владислав Геннадьевич (Новосибирск) – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, кандидат исторических наук, доцент.

Кожевин Владимир Леонидович (Омск) – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Кротова Мария Владимировна (Санкт-Петербург) – профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор исторических наук, доцент.

Лешукова Елена Владимировна (Сургут) – старший преподаватель Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

Мамонтова Марина Александровна (Омск) – заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Маленьких Максим Александрович (Иркутск) – преподаватель Иркутского технологического колледжа.

Махнанова Ирина Алексеевна (Омск) – архивист 1-й категории отдела научно-исследовательской и организационно-методической работы Исторического архива Омской области.

Мачульская Елена Валентиновна (Омск) – независимый исследователь, журналист.

Могоулчина Светлана Александровна (Шебалино, Республика Алтай) – начальник архивного отдела Администрации Шебалинского района Республики Алтай.

Мулина Светлана Анатольевна (Омск) – старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Павленко Алексей Павлович (Екатеринбург) – преподаватель Российского государственного профессионально-педагогического университета, кандидат исторических наук.

Петин Дмитрий Игоревич (Омск) – главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Помыткина Вера Леонидовна (Тара, Омская область) – архивист 1-й категории филиала Исторического архива Омской области в городе Таре.

Пученков Александр Сергеевич (Санкт-Петербург) – профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Рождественский Сергей Николаевич (Омск) – адвокат Омской областной коллегии адвокатов.

Рыбаков Роман Валерьевич (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Рычков Александр Васильевич (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Саблин Александр Юрьевич (Омск) – лаборант Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, магистр философии, магистр педагогического образования.

Севостьянова Елена Васильевна (Чита) – доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, кандидат исторических наук.

Серебряков Евгений Александрович (Иркутск) – начальник отдела информации, публикаций и научного использования документов Государственного архива новейшей истории Иркутской области.

Сильченко Иван Сергеевич (Верхняя Пышма, Свердловская область) – ведущий научный сотрудник Музейного комплекса УГМК.

Скажутин Дмитрий Вячеславович (Чита) – старший научный сотрудник сектора истории Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова.

Смирнов Сергей Викторович (Екатеринбург) – доцент кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, доктор исторических наук.

Ставропольский Юлий Владимирович (Саратов) – доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат социологических наук, доцент.

Стельмак Максим Максимович (Омск) – главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, кандидат исторических наук.

Суховецкий Вячеслав Анатольевич (Омск) – иерей, преподаватель кафедры церковно-исторических дисциплин Омской духовной семинарии Омской Епархии Русской Православной Церкви, настоятель храма Святого Илии Пророка села Красноярка, руководитель комиссии Омской епархии по канонизации святых.

Сушко Алексей Владимирович (Омск) – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института; профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, профессор Академии военных наук РФ, доктор исторических наук, профессор.

Тагильцева Анна Владимировна (Тюмень) – специалист по связям с общественностью военно-исторического клуба «43-й Сибирский стрелковый полк», журналист.

Тетерин Вадим Игоревич (Пермь) – доцент кафедры истории, социологии и права Пермской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук.

Тимофеев Александр Николаевич (Красноярск) – независимый исследователь.

Тишкина Ксения Алексеевна (Барнаул) – старший преподаватель кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета; научный сотрудник Сибирского федерального университета, кандидат исторических наук.

Трофимов Михаил Юрьевич (Омск) – доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент.

Тяпкин Михаил Олегович (Барнаул) – начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД РФ, доктор исторических наук, доцент, полковник полиции.

Федотова Ирина Владимировна (Омск) – исполняющая обязанности главного хранителя музейных предметов, заведующая отделом фондов Омского государственного историко-краеведческого музея.

Филинович Олеся Анатольевна (Омск) – главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Храпова Наталья Святославовна (Омск) – начальник отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Шахеров Вадим Петрович (Иркутск) – профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета, доктор исторических наук.

Шепелева Валентина Борисовна (Омск) – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор исторических наук, доцент.

Шмонденко Аксиния Александровна (Омск) – главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск) – профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии исторического факультета Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Шудяков Владимир Александрович (Омск) – доцент кафедры № 1 Технического обеспечения (и тактики) Омского автобронетанкового инженерного института, кандидат исторических наук, доцент.

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы

III Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию восстановления
советской власти в Сибири
(Омск, 13–14 ноября 2019 года)

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Мнения авторов материалов могут не совпадать
с мнениями членов редколлегии издания

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Е. В. Макаревиной*

Для дизайна обложки использованы фотографии
из фондов Исторического архива Омской области

Особняк Батюшкиных, вид с Иртышской набережной (январь 2012 г.)

Парад кавалерии РККА в Омске (ноябрь 1919 г.)

Подписано в печать 25.10.19. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 21,25.
Тираж 100 экз. Заказ 493.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12.
Типография ОмГТУ.

